

Андрей Васильев
Хранитель кладов
Сборник

Хранитель кладов

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

* * *

Глава первая

— Шмурдяк, — презрительно сообщил мне Сивый, повертев в пальцах темный кругляш. — Советы, причем поздние.

Я худо-бедно уже начал понимать язык, на котором периодически общались мои куда более продвинутые в кладоискательстве приятели. Термин «шмурдяк» означал, что мне попался совершенно бесполезный предмет, которым нельзя ни похвастаться, ни продать и ни подарить, а место ему исключительно там, откуда я его только что вытащил. Если конкретнее — в матушке сырой земле. Ну или в массивном чугушке, который был найден близ одного из домов. Именно в него мои спутники скидывали разнообразный хлам, недостойный их внимания, при этом ласково называя сию громоздкую посудину «отстойником». Что обидно, в основном там лежало то, что находил непосредственно я, то есть пробки от пивных бутылок, куски проржавевших насквозь железяк непонятного свойства и прочие бесполезные предметы. Ну вот не везло мне. Пока не везло.

— Тебе шмурдяк, а мне сойдет, — с чувством собственного достоинства сообщил я Сивому, забирая находку обратно. — Ну да, советская монета, да еще и послереформенная. И что теперь? Денежка есть денежка. Трофей! Положу в пакетик, буду на нее зимой смотреть, про лето вспоминать.

— Тьфу! — отмахнулся от меня Сивый, отпил воды из бутылки, стоящей рядом со мной, подхватил свой металлоискатель и пошел себе дальше по едва различимой дороге. — Романтик ты, Швец! Смотреть противно.

— Противно, — подтвердил Генка, находящийся неподалеку, и необидно засмеялся.

Романтик? Ну это вряд ли. Хотя, конечно, попискивание в наушниках металлоискателя, запах земли, переворачиваемой отточенной до бритвенного состояния лопаткой, и неуловимый аромат авантюризма, носящийся в воздухе, немного кружили мне голову.

Но не настолько же?

Хотя по сравнению с моими школьными друзьями, которые и взяли меня в эту поездку за приключениями, я, разумеется, выглядел именно

так. Эта парочка была деловита и спокойна, у меня же эмоции нет-нет, да и прорывались наружу.

Самое забавное, что все это неправильно, причем совершенно. В смысле, это я обязан выглядеть матерым зубром-поисковиком на их фоне, а не они на моем. В конце концов, у меня за плечами факультет архивного дела. Историко-архивного, если точнее. Однако жизнь — странная штука, и в результате мои давние приятели, получившие дипломы то ли финансистов, то ли экономистов, уже который год развлекаются поиском древностей, а я, профессиональный историк, впервые в своей жизни взял в руки металлоискатель. Чудны дела твои, Господи!

Но, с другой стороны, ничего странного в этом нет. На «раскопы» наш факультет сроду не ездил, это прерогатива краеведов и археологов. Не допускали архивистов до «поля», поскольку наше дело бумажное, пергаментное и берестяное, оно не предполагает лазания по древним городищам, проживания в дикой степи и прочих радостей экстремального пленэра. Делопроизводители мы, если быть совсем уж точным, правда, с историческим уклоном. Потому народ на факультете подобрался соответствующий, на девяносто процентов состоящий из довольно умных и неуловимо похожих друг на друга девушек, нацеленных на то, чтобы к тридцати, край — к тридцати трем годам занять должность заместителя. Заместителя кого? Да хоть кого. Главное — заместителя.

У меня иногда складывалось впечатление, что их где-то клонируют, а после запускают в те учебные заведения, где возможен недобор на те или иные факультеты. Ну чтобы вуз пустышкой никто не назвал и лицензию образовательную за ненадобностью не отобрал. Как я там не спился за время учебы — сам не понимаю. Такая иногда тоска нападала, хоть вешайся, особенно после невосполнимой потери двух единственных нормальных одноклассниц. Одна замуж вышла и следом за этим взяла «академку» по беременности, а вторую отчислили за неподобающее поведение. Представляете, что человек должен учудить, чтобы в наше безбашенное время его вот так отчислили?

Кстати, я так и не выяснил, что именно Арина сделала, хоть и пытался. Она не рассказывала, а больше узнать не у кого было.

Впрочем, и в этой профессии, поверьте, тоже есть своя прелесть, несмотря на все вышесказанное. Иные бумажки читаются похлеще детективов. Правда, попадаются они мне нечасто, поскольку ныне я тружусь не в большом музее или серьезном исследовательском центре, а в маленькой конторке, эдаком складе-отстойнике. Древностей, которые могут послужить первоосновой открытия мирового масштаба, у нас нет, зато хранятся груды бумаг, датированных восемнадцатым-девятнадцатым веками, каким-то чудом уцелевших в перипетиях беспокойного двадцатого столетия. До сих пор не понимаю, почему их тогда в распыл не пустили, как наследие царского режима.

Мало того, наш архив умудрился каким-то образом оставить за собой помещение, расположенное в одном из уютных арбатских переулков. Ну не целое здание, разумеется, а два этажа — первый и подвальный, по бумагам проходящий как «цокольный». Моя начальница, Розалия Наумовна, которой еще в начале века не меньше чем сто лет стукнуло, по крайней мере на вид, иронично называет его «встроенный флигель».

А мне нравится. Да, летом, особенно после дождя, там душновато, а зимой, когда снега навалит много, свет внутрь помещения вообще не попадает, но есть в этом подвальчике что-то такое неуловимое, атмосферное. Иногда я даже жду, что в крошечное окошко, которое кое-кто из коллег называет форточкой и около которого стоит мой рабочий стол, вдруг стукнет женская ножка в черной туфельке с бантом.

Это все-таки Арбат. Тут иногда сказки становятся реальностью.

Собственно, именно там я и встретил Сивого, которого, признаюсь, не с первого взгляда узнал. Вроде как одноклассники, одиннадцать лет бок о бок провели, да и связывало нас в прошлом многое, причем как хорошее, так и плохое, а все равно — еле узнал. Меняют годы и одежда человека, меняют. Вроде и времени с нашей последней встречи прошло не так много, а поди же ты...

Случилось это весной, в один из тех дивных дней, когда молодая листва радует взгляд зеленью, а нос — ароматом свежести. Я как раз вылез из своего подвала покурить после обеда. Да-да, знаю, что это плохая привычка, но избавиться от нее пока не могу. Вернее, не хочу. Возможно, из чувства протеста, уж очень активно стали курильщиков

уничтожать как класс. А мое сердце всегда на стороне угнетаемых, как у того капитана Немо.

— Валерон? — крепко сбитый мужик остановился рядом со скамейкой и уставился на меня, вольготно раскинувшегося на ней и пускавшего кольца дыма. — Да ладно! Швецов, вот так номер!

— Сивый? — взгляделся я в него повнимательней. — Фига себе ты закабанел! В тебе же было килограммов шестьдесят, не больше. Помнишь, мы, когда сильный ветер дул, хотели гантели к твоим ногам привязывать, чтобы ты не улетел в Волшебную Страну и не обесчестил как Элли, так и всех волшебниц, что там водятся, включая страхолюдную Бастинду?

— Ну да, маленько поправился, — признал мой неожиданный собеседник и похлопал себя ладонями по животу, распахнув дорогой пиджак. — Но не жир, не жир. Мышцы!

— Само собой. Мистер Вселенная, модель в масштабе три к одному, — ухмыльнулся я, сдвигаясь в сторону. — Присаживайся, если не спешишь, потрещим. Сто лет не пересекались, если не больше.

— Пять, — уточнил Сивый, который всегда во всем любил точность. — С моей первой свадьбы.

Нет, так-то я ни капли не удивился, увидев здесь собственного одноклассника. Москва хоть и большая, но деревня, потому никогда не знаешь, с кем где столкнешься. Запросто может случиться так, что, живя на соседних улицах, ты человека годами не встретишь, зато он попадетя тебе навстречу на другом конце города сразу же после того, как ты впервые там окажешься. Так что появление в нашем тихом и обычно безлюдном маленьком дворике Пашки Сивцова, более известного мне под кличкой Сивый, меня, повторюсь, ни капли не смутило. То, как он изменился, — да. А остальное — нет.

— Я твою маму недавно видел, — порадовал меня он сразу же, — тетю Марину. Она сказала, что ты из района давно уже свалил.

Ну да, годы могут идти, мы все станем сначала юношами, потом молодыми мужчинами, а после и мужиками за тридцать, но наши мамы для друзей так и останутся тетями Маринами, тетями Светами и тетями Тамарами. Оно и не странно, я сам Пашкину мать, кроме как тетей Леной, и не называл вроде никогда. Начиная с детского сада, из которого наша группа после перешла в один класс, практически не поредев при этом до самого окончания школы.

— Есть такое, — признал я. — Захотелось независимости и свободы.

Ну, все обстояло не совсем так, и кто-кто, а Пашка-то как раз, полагаю, прекрасно понимал, что к чему, но фокусировать внимание на этом не стал. И правильно, ни к чему тревожить прошлое.

— Это нормально, — одобрил он тем временем мои слова. — Я и сам того же мнения. Но, знаешь, я прямо у нас квартиру купил, в новостройках. Реновация и все такое. Несколько хрущевок из совсем старой застройки снесли, на их месте новые дома поставили, вот я и подсуетился. Хорошие дома, стилизованы под те, в которых мы росли, чтобы сохранить неповторимую атмосферу престижного района. Неохота никуда отсюда уезжать, если честно. Все-таки малая родина.

И потекла привычная для такой встречи беседа. Кто, что, где, когда — стандартный набор вопросов. В основном говорил Сивый, он наших общих знакомых видел куда чаще, чем я, живущий теперь на противоположном конце города. Повторюсь — исход из отчего дома был моим сознательным выбором. Проще говоря, после некоего неприятного события я пожелал убраться куда подальше от этой самой малой родины.

Как выяснилось, после первого брака, который закончился, толком даже не начавшись, Пашка еще один раз успел жениться, и с тем же результатом. Узнав же, что я до сих пор в загсе бывал только как соглядатай, он пожурил меня, заметив, что мужчина, ни разу не вступавший в брак, никогда не осознает до конца, насколько сладко слово «свобода». И вообще, у некоторых уже вон, две звезды на фюзеляже, а я все дурака валяю.

Собственно, именно после этой фразы он повертел головой и спросил:

— А ты вообще тут как? У адвокатов работаешь, что ли? Еще и юридическое получил, да? Правильно, я тебе еще тогда говорил, что ты не в тот вуз пошел.

Ну да, второй и последующие этажи дома, где находилась моя конторка, занимало адвокатское бюро, очень старое, чуть ли не советских времен, и очень дорогое. Оно не стремилось к широкой известности, но при этом нужды в клиентах не испытывало, причем те были все один к одному, как огурчики в бочке на рынке, — в дорогих костюмах, при дорогих часах и с парой-тройкой крепких ребят за

спиной. Есть у меня подозрение, что дружба этих адвокатов со своими клиентами уходит корнями в те времена, когда вместо костюмов последние носили кожанки, а вместо часов — толстые нашейные золотые цепи. Сам я «лихие» девяностые не помню, но «Бригаду» смотрел, что к чему знаю.

Соседи, кстати, как-то раз попытались нас выселить, причем используя как свои навыки, так и подключая административный ресурс. Вот только ничего у них не вышло. Розалия Наумовна просто кому-то позвонила, пожаловалась на то, что архивное дело России ждет невосполнимая утрата в виде отъема помещения, и через пару дней вопрос снялся сам собой. Мало того, следом за этим адвокаты приволокли моим старушкам торт размером с тележное колесо, добавив к нему в комплект пяток бутылок дорогого шампанского, и больше никаких имущественных претензий у них к нам не возникало.

До сих пор интересно, кому Розалия тогда позвонила? Я было подкатил к ней с этим вопросом, но ответа так и не получил.

— Не, — помотал головой я. — На кого учился, тем и стал. Вон, видишь кусочек стекла? Там мой кабинет, и я называю эту брешь окном.

— Н-да, — почесал затылок Сивый. — Сказал бы я, что не так у тебя все плохо, но врать старому другу не хочу. Это неправильно.

— На самом деле не так все мрачно, как ты думаешь, — я достал новую сигарету. — Хочешь верь, хочешь не верь, но мне моя жизнь нравится. Да, я бюджетник, да, сижу в подвале, зато никому ничего не должен. Ты же к адвокатам, да еще к вот этим, не просто так заглянул, верно? Значит, припекло?

— Не то чтобы, но... — Сивый поморщился. — Есть там один, в городской администрации, желает получать больше, чем стоит. Но может, гад такой, кровь мне попортить, чего не хотелось бы. Так что вот, заранее боюсь, на случай «если чо».

— О! — я поднял указательный палец вверх. — А нам, вольным историкам, все это по барабану. Зарплату, пусть и небольшую, не задерживают, работой излишне не трудят, а начальство у меня помнит городской транспорт тех времен, когда его еще не трамваем, а конкой называли. Оценил, какая бездна времени? То-то. Оно не в маразме, слава богу, но уже в том состоянии, когда дни слипаются в большой

ком, так что один от другого не сильно отличишь. Это дает возможность для маневра.

— Ты всегда был чудиком, — с легким превосходством отметил Пашка, а после задал совершенно неожиданный вопрос: — А на «копы» ездешь, историк? И куда, если не секрет? Нет, если нельзя, не говори, неприятности никому не нужны. Но, может, дашь наводку на какое «жирное» место?

— Мои «копы» тут, — я показал приятелю на окно. — Какое там... А тебе-то что за интерес?

А потом, по мере того как я слушал Сивого, меня начали одолевать сразу два чувства: зависть и, как это ни прискорбно, стыд. Ну сами посудите, я, работник исторического фронта, сроду с металлоискателем в руках не ходил, а Пашка, который занимается какими-то денежными делами, оказывается, что ни лето, на пару с другим нашим одноклассником выезжает в «поля». Не в Европы за приключениями, не на юга за сомнительными удовольствиями, а в «поля» за преданиями старины глубокой.

Срамота да и только...

Надо отдать Сивому должное, он проявил определенную тактичность. Поняв, что я далек от данных радостей жизни, мой приятель не стал унизительно хихикать, показывая на меня пальцем, или укоризненно цокать языком, давая понять, насколько низко пала наука. Напротив, он сказал:

— Давай-ка, Швец, телефонами махнемся. Мы с Гендосом в июле, как всегда, на «коп» поедem и тебя с собой прихватим. Третьим будешь.

— Не вопрос, — сразу же согласился я, доставая из кармана смартфон. — Диктуй свой номер, а я тебе перезвоню.

Дело было еще в мае месяце, а к лету я про эту встречу уже забыл совершенно. Ну, поговорили и поговорили, что теперь? Мы все, общаясь со старыми друзьями, которых давно не видели, непременно заканчиваем беседу фразой: «А вообще, надо бы встретиться, посидеть, поболтать». Но это желание почти никогда не становится реальностью, потому что у всех полно дел в дне сегодняшнем и нет времени на воспоминания о прошлом.

Потому, когда в начале июля раздался звонок и на экране высветилось «Паша Сивый», я удивился безмерно.

— Швец, здорово, — деловито проорал в трубку тот. — Через две недели едем, так что давай, бери отпуск. Надеюсь, проблем с ним не будет?

— Никаких, — подавленный таким напором, пробормотал я. — Слушай, только...

— «Заднего» включать некрасиво, — притворно-грозно гаркнул Пашка. — И Гендос не поймет, а ты его знаешь.

Гендоса я знал, да еще как. В годы детства и юности он был первым блюстителем неписаных пацанских законов, которые уходили корнями в легендарное прошлое нашего старого московского района, и требовал того же от остальных. Он никогда не трогал своих врагов, если встречал их с девушками, никогда не добивал тех, кто уже лежит на земле, и считал зазорным зажимать в кулаке «свинчатку» для усиления удара. Впрочем, ему и не надо было с такой накачанной бицухой.

Он не поймет, это верно. Детство наше давно прошло, но рука у Генки наверняка до сих пор тяжелая...

— Я не о том, — виновато просопел в трубку я. — У меня просто этого нет... Ну... Инвентаря. Металлоискателя то есть.

— Да не парься, — успокоил меня Сивый. — Я себе на Новый год подарок сделал — нового «гарика» купил. А тебе отдам свой старый «трактор». Вполне приличная машинка, три сезона с ней отходил.

— Переведи, — попросил я его.

Оказывается, под именем «гарик» скрывался металлоискатель фирмы «Гаррет», а «трактор» — это аналогичный прибор, но другого изготовителя.

Поняв, что теперь отказ точно невозможен, я подтвердил свое участие в походе, хоть глубоко в душе этого уже не очень и хотел. Приятно помечтать о подобном приключении, стоя вечером на балконе и куря сигаретку, а вот загрузиться в машину и помчаться невесть куда на самом деле — это, знаете ли, немного другой коленкор.

Но слово надо держать, раз уж оно дано, и потому через две недели я сидел на заднем сиденье черного «Хаммера» и смотрел в окно, за которым мелькали деревья.

— «Вкусное» место, — разорялся тем временем Сивый, сидя за рулем. — А, чтоб тебе, тут никакая подвеска не сдюжит, на таких колдобинах! Так вот, там раньше деревня стояла, старая, как дерьмо

мамонта, ее еще во времена царя Гороха отстроили. Она царизм пережила, две войны, коллективизацию и все остальное. Но перестройку не осилила, это да. Зато теперь есть где походить, добра поискать.

— На таких местах много чего лежит, — подтвердил Генка. — Да и направление мы взяли хорошее, «Минка» — это «Минка». Здесь и «францы» попадаются, и «тевтоны». Хотя нечасто, конечно. И то, и другое уже здорово подвыбрали.

Это он, должно быть, имеет в виду Отечественную войну 1812 года и все то, что осталось в русской земле от доблестной наполеоновской армии. Ну да, они же как раз по этим дорогам в Москву шли, по ним и обратно брели. Ну а «тевтоны», надо думать, — это останки других завоевателей, тоже изрядно удобривших своими телами наши поля и леса.

Против моих ожиданий, мы не так и далеко от столицы отъехали, верст сто пятьдесят, не более. Ну и еще по проселкам километров двадцать отмахали, прежде чем свернули на совсем уж раздолбанную лесную дорогу.

— Это у нас, — заметил Сивый, вцепившийся в руль обеими руками. — А вот если под Питером копать, то там немецкого добра еще лет на триста припасено. Только дело это опасное — и на мину можно нарваться, и на гранату. Невская земля этим добром нашпигована.

— Да и не любят аборигены конкурентов, — добавил Генка. — Особенно из числа тех, кто болеет не за «Зенит», а за «Спартак». Запросто можно на пулю нарваться, у питерских с этим просто, они ребята резкие.

А вот про это я слышал. Говорят, в начале этого века там на особо «хлебных» местах даже перестрелки случались, причем в ход шло то самое оружие, которое было поднято из земли.

— Так что на фиг надо, — подытожил Пашка. — Мы же не для денег копаем, а для души. Я вот в прошлом сезоне наперсный крест шестнадцатого века «поднял». Мог бы себе оставить, но отнес в музей в качестве безвозмездного дара. Пусть будет.

— И два раза туда ходил, проверял, чтобы не спер кто из персонала, — хохотнул Гендос.

— Имею право, — с достоинством произнес Сивый, — как даритель. Ох, мать твою так, откуда же тут такие рытвины? Как танки прошли!

Но мы все же добрались до нашей цели. Надо признать, крайне неприглядной.

Да, когда-то тут на самом деле стояла большая деревня, это было понятно с первого взгляда, но с тех пор много воды утекло. Большинство домов представляло собой жалкое зрелище, зияя провалами крыш и наводя тоску слепотой бесстекольных окон. Нет, имелись и те, которые еще сопротивлялись времени, но все равно становилось ясно — это место заброшено и необитаемо. Об этом говорили и молодые березки, тянущиеся к солнцу везде, где только можно. Лес забирал обратно то, что когда-то у него отвоевали люди.

Еще мне стало немного жутковато, даже снова в машину захотелось залезть. Все-таки есть в некогда обжитых местах, которые люди покинули навсегда, нечто неприятное. Дискомфортное, я бы сказал.

А вот моих приятелей печалили совершенно другие детали в местном пейзаже.

— Козырное место, козырное место, — разорвался Сивый, махая руками. — «Выбитое» оно, это место!

— «Ямщики» поорудовали, — подтвердил Гендос, сплюнув на землю. — Козлы! Паш, ну откуда я мог знать, что они сюда нагрянут, а? Я ж не Ванга, будущее не вижу. Мне дали наводку, а решение мы с тобой принимали вместе.

— Да ты тут при чем? — отмахнулся Сивый. — К тебе претензий нет. Но вот встретить бы этих паразитов — я бы об них свои берцы обновил!

Оказывается, «ямщиками» называют тех «поисковиков», которые после того, как пороятся в земле, так раскоп и оставляют. У кладоискателей, что профессиональных, что любителей, оказывается, тоже есть свои негласные правила и уложение, одно из них гласит: «Раскопал — закопай обратно». Но, разумеется, как и в любом обществе, находятся те, кто на подобные частности плюют, их и называют «ямщиками». Ну и бьют, если ловят, разумеется.

Сивый еще немного поорал, но после успокоился, поскольку выяснилось, что те, кто нас обогнал, копали только на окраине, а после

то ли уехали искать более прибыльное место, то ли решили вернуться сюда потом. Это кое-как примирило нашего приятеля с действительностью, поскольку очень ему не хотелось еще сто верст ехать. У них с Генкой, оказывается, на подобный случай еще одна резервная точка имелась, аж где-то за Вязьмой.

Я думал, что мы займем один из более-менее уцелевших домов, но мои друзья, когда я озвучил данное предположение, только обменялись добрыми улыбками, а после начали ставить палатку неподалеку от машины. Хорошую такую, не чета тем, с которыми мы детстве ходили в поход. Я бы сказал, комфортабельную.

А еще они налили в пластиковый стаканчик водки и поставили к стене крайнего дома.

— Это традиция? — поинтересовался я у Сивого. — Да?

— Ага, — почесал тот бок, а после отвесил поклон. — Давай, спина не переломится. Земляной дед невеж не жалуется.

Земляной дед. Это, наверное, фольклорный покровитель кладоискателей, который приносит удачу трудолюбивым и вежливым, одновременно с этим наказывая жадин и грубиянов. В принципе, все верно, сложившейся формации людей без своего покровителя никак не обойтись. У любителей пещер есть черный спелеолог, у рыбаков — святой Трифон, а тут, стало быть, земляной дед.

Шутки шутками, а этот несуществующий персонаж, похоже, и в самом деле неплохо относился к моим приятелям. Как только после обеда они металлоискатели свои расчехлили и наушники на головы напялили, так Сивый радостно гукнул:

— Опа, поклевочка!

Сигнал он поймал близ одной из почти развалившихся изб. Черные бревна, некогда являвшиеся ее стенами, сейчас торчали из провала во все стороны, и даже страшновато становилось — а не завалит ли тебя ими?

Лопатка вошла в землю, подрубая корни сорной травы, и минут через пять Пашка подбрасывал на ладони какой-то кругляш, в котором с трудом угадывалась монета.

— «Крокодильчика» поймал? — глянув через плечо приятеля, спросил у него Гендос. — Не самая плохая примета. Ходим вокруг, ищем, может быть россыпь.

— Почему «крокодильчика»? — заинтересовался я.

— Цвет монеты видишь? — пояснил Пашка. — Она почти зеленая от окиси, так что можно выбрасывать, поскольку проку никакого от нее нет. Медь же. Ген, по ходу, «двундель».

Наш друг взял монетку, подбросил ее на ладони и согласно кивнул.

— С учетом того, кем я по профессии являюсь, мне дико стыдно за невежество, но что такое «двундель»? — вздохнул я, осознавая собственное несовершенство. — Если не сложно.

— Двухкопеечная монета времен царствования Александра Первого, — охотно ответил Гендос. — Она из царских, чаще всего попадает именно в таких местах, потому практически ничего и не стоит. Конечно, все зависит от монетного двора, где ее чеканили, но раритет — он такой раритет, процентное соотношение успеха и неудачи всегда не в нашу пользу.

— «Николашки» не реже попадают, — возразил ему Пашка. — Но тоже, как правило, «убитые».

— А вот ты сказал «в таких местах», — уточнил я. — В смысле в деревнях?

— Ну да, — Генка зачем-то начал шарить ногой в крапиве у стены. — Каждой монете — свое место. Например, «аннинская» медь чаще всего в полях встречается. Не знаю, отчего так. То ли селяне считали хорошей традицией пару монет в пашню перед посевом бросить, то ли так любили Анну Иоанновну, что не жалели деньги, лишь бы ее хоть как-то похоронить. Не просто же так сию венценосную особу «Кровавой» окрестили.

— А монеты эти в народе прозвали «царица полей». Если интересно, когда вернемся, то ко мне заскочим, у меня их дома много скопилось, — добавил от себя Сивый. — Ген, ты чего там ищешь?

— Уже нашел, — наш друг нагнулся и вытянул на свет божий старый массивный котел, бока которого были рыжими от ржавчины. — Как знал, что эта рухлядь тут валяется. Интуицию не пропьешь. Кидай сюда своего «крокодильчика». Считай, счет открыт.

И верно — котел начал потихоньку заполняться, причем чаще всего моими находками. Вот не везло и все тут. Начал с того, что выкопал шесть «бескозырок», одну за другой. «Бескозырка» — это пробка из фольги, именно такими во времена позднего СССР запечатывали водочные бутылки. Ее, срывая ногти и матерясь, скovyривали с горлышка колхозные трактористы, после чего она летела на землю,

затаптывалась и долго ждала того момента, пока Валера Швецов не найдет ее с помощью металлоискателя.

Ребята знай надо мной посмеивались, приговаривая, что через это все проходили. Есть у меня подозрение, что как-то можно по сигналу отсортировать фольгу от всего остального, но как именно, я не знал, а они не рассказывали.

Так и прошло несколько дней, мы методично обшаривали деревню, на самом деле большую, причем в активе у ребят уже значились довольно приличные, на мой взгляд, находки, вроде старых нательных крестов, нашейных иконок и разнообразных монет, относящихся практически ко всем представителям династии Романовых, кроме, пожалуй, самых первых. А еще Сивый нашел чью-то давнюю захоронку, в которой обнаружили три десятка потемневших от времени серебряных полтинников 1925 года, проржавевший в хлам наган и дюжина патронов к нему. Как видно, какой-то крестьянин предвидел то, что по его душу вот-вот нагрянет ОГПУ, и доверил последние сбережения земле, но так за ними и не вернулся. По крайней мере, мне именно эта версия была наиболее близка.

И вот сегодня я наконец-то нашел свою первую монету, на которой можно было хоть что-то разглядеть. Жуткого вида денежки мне попадались частенько, но назвать их «добычей» у меня язык не поворачивался. Некоторые из них вообще прямо в руках крошились. Как верно было замечено, медь же, не золото. И почва тут не песчаная, в которой все лучше сохраняется.

— О, подберезовик, — сообщил нам вдруг Гендос. — Смотри-ка!

— Ты о чем сейчас? — снял наушники Сивый. — А?

— Ну а сам как думаешь? — наш друг поднял над головой крепкий гриб с коричневой шляпкой. — Вот, толстоножек, первый в этом году. Надо же, как рано пошли. Хотя... Дожди лили, теперь вот тепло пришло, чего им не лезть? Надо будет в лес наведаться, может, на похлебку наберем. Надоели консервы.

— Так давайте схожу, — охотно отозвался я. — Не вопрос.

Я очень люблю собирать грибы, еще с детства, даже больше, чем их есть. Наверное, где-то на генетическом уровне у меня в крови заблудилась пара хоббитских эритроцитов, потому как вся родня по отцовской линии, как, впрочем, и сам родитель, тоже является большими поклонниками «тихой охоты».

— Только навигатор включи и прямо сейчас отметку поставь, — посоветовал мне Сивый. — Ты человек не лесной, как и мы, заблудишься только так. А здесь не ближе Подмосковьё, где на три дерева одна ретрансляционная вышка приходится, бродить долго можно, пока к людям выйдешь. Да и живность в этих лесах присутствует, причем отчасти плотоядная.

Думаю, что если кто и виноват в том, что я в результате действительно заблудился, так это Пашка. Он, гад такой, накаркал!

Нет, сначала все шло нормально, ведерко потихоньку заполнялось славными подберезовичками, которые, похоже, в самом деле только-только начали лезть из-под земли небольшими семействами по три-четыре крепыша. Сердце радовалось, душа пела, фотки на телефоне получались отличные, и я как-то сам не заметил, как оказался на краю небольшого болотца.

Про него мне ребята ничего не рассказывали, и стало ясно, что от лагеря и деревни я удалился неслабо. Никакого испуга по этому поводу я не испытал, открыл навигатор, и в животе у меня немного похолодело.

Сигнала не наблюдалось. Никакого. «Связь со спутником потеряна, вернитесь в зону доступа».

Я бы и рад, да где она, эта зона? Куда идти-то? Может, вон туда?

В результате я мотался по лесу часа три, пока темнеть не начало. Перелески сменяли опушки, которые мне потихоньку начинали казаться теми самыми, которые неподалеку от нашей стоянки были, но, увы, увы, это была только видимость. Сигнал так и не появился, никаких звуков, кроме гула ветра в кронах деревьев, я не слышал, и о том, что где-то все же имеется цивилизация, мне напоминали самолеты, время от времени пролетавшие надо мной высоко в небесах. Я даже на дерево слазал, но результат не последовал. Когда вечер накрыл лес, я уселся под живописную березку на какой-то очередной опушке и еще раз глянул на экран смартфона, чтобы убедиться в том, что сигнал не появился. Лучше бы я этого не делал, поскольку оказалось, что до кучи еще и батарея у моего аппарата перешла в красное деление.

— Беда, — сказал вслух я, вздохнул и отключил смартфон окончательно.

Интересно, а Сивый с Генкой додумаются мне побибикать? Ночью звуки лучше слышны, может, я не так далеко от них и они до меня донесутся?

Бибиканья не услышал, но зато через часок, когда ночная прохлада потихоньку начала покрывать мурашками мои руки, я заметил неподалеку от меня яркую искорку костра. Ну как неподалеку? Где-то там, за небольшим перелеском, километрах в полутора.

Костер — это очень хорошо! Разбойники в этих краях уже лет сто как перевелись, охотники за рабами в наших широтах не водятся, так что это или местные жители, или туристы. В любом случае они хотя бы сориентируют меня по местности, а если повезет, еще и накормят. Опять же — у меня с собой деньги есть, пусть и немного. Если там на самом деле аборигены, то авось сговоримся, они меня до нашего лагеря доведут. Возможно, даже на тракторе. Приключение как есть!

Имеется, конечно, вариант, что мне могут морду набить как городскому, но он не настолько и вероятен. Да и выбор невелик — либо тут мерзнуть в компании с комарами, завывающими на все лады, либо идти навстречу возможной удаче.

Дальше я раздумывать не стал, подхватил ведро и спешно побежал в том направлении, где сияло пятнышко костра.

Глава вторая

Кстати, именно сегодня я осознал, что означает фраза «темно как в лесу», причем в полной мере. Как есть — сумерки богов. Пока мчался, два раза упал, зацепившись ногой о корни деревьев, со всего ходу влетел в какой-то невероятно колючий кустарник да еще и зайца спугнул, который неподалеку от него надумал ночь спокойно провести. Даже не знаю, кто из нас сильнее напугался — я или он.

Но плевать. Мне надо туда, где свет и люди. Ну как именно сейчас на моих глазах эти любители ночных посиделок загасят костер и уедут? А я так останусь тут, в этой темноте?

Не хочу! Не то чтобы я боялся, просто неудобно как-то. Да и ребята там наверняка меня уже изматерили по полной, сто раз при этом пожалев, что с собой прихватили.

Я бежал, спотыкаясь и падая, а костер отчего-то ближе не становился, знай себе светя яркой точкой где-то там, впереди. По всему судя, мне бы следовало уже туда добраться, но нет, все никак. Причем, что странно, лес-то вокруг довольно густой, непонятно, как вообще я этот огонек вижу. Но он есть. И я к нему стремлюсь.

И только минут через десять мне, окончательно запыхавшемуся и мокрому от вечерней росы, в которой при падениях я изрядно извалялся, удалось выскочить на опушку березовой рощи. За ней начиналась широкая лесная поляна, на противоположном конце которой у огромного дуба, подпиравшего звездное небо, полыхал жаркий костерок.

Вот только кучи местных парней, весело распивающих спиртное в компании с грудастыми подругами, я там не заметил. Нет, далеко, темно, это ясно. Но тени-то должны мелькать? Голоса слышаться, пение, музыка из машины?

А тут ничего такого. Хотя нет. Одна тень извивается на фоне, вроде как по очертаниям женская. И эта загадочная незнакомка, похоже, пляшет?

Вот ведь, чего только в ночном лесу не встретишь. Но, с другой стороны, сейчас никого подобным не удивишь. Может, она родновер, они и не такие штуки откальвают, наслышан я про их проказы и ритуалы. А может, в меру зажиточная офис-леди по совету личного

психолога вот так стресс снимает. Единение с природой по заветам предков, все такое, сейчас это в моде. Отъехала куда подальше, разделась догола и давай колени выдавать, наивно полагая, что древние славянки вот так же изгалялись.

Да плевать. Главное, чтобы она мне хотя бы телефон дала Сивому позвонить, изложить, что к чему. Или мой подзарядить разрешила. Наверняка ведь машина у нее где-то тут стоит, не на своих же двоих она в этот лес пожаловала?

Высокая трава шуршала под ногами, джинсы, и без того влажные, теперь промокли так, будто я в них речку переплывал, но это все меня не очень волновало. Не зима на дворе, и я не сахарный, не растаю.

Кстати, эта ночная танцовщица еще и пела, в какой-то момент я начал слышать ее голос, ради правды — очень и очень приятный. Со слухом у девушки все в порядке, небось, музыкалка за плечами. Правда, мотив странноватый, да и текст тоже, вроде как на русском, но ни одного слова я разобрать не смог, как ни пытался. Хотя в этом травяном море и себя-то не расслышишь, даже если в голос начнешь говорить. Все шуршит, потревоженные кузнечики, стрекоца, в разные стороны прыгают, мотыльки норовят в глаза крыльями ударить. А уж как комары за ушами завывают — это я вообще помолчу. Так что ничего удивительного.

Я почти добрался до дуба-исполина, когда пламя костра вдруг взвилось чуть ли не в небеса, как видно, певунья туда розжиг мангального плеснула для пущего веселья. Или бензинчику, такое тоже возможно. Ух, как высоко огонь взметнулся! Как бы ветки дерева не подпалил.

Девушка взвизгнула, громко и страстно, после же раздалось некое шипящее ворчание, да такое смачное, что даже сомнения появились: а она там точно одна? Может, я просто мужскую тень не заметил? Ну как они сейчас там друг дружке приятное делают, а тут я из травы вылезу, мокрый и грязный? «Здрасьте вам, позвонить не найдется?».

Неудобно может получиться. Да и по роже получить можно за несвоевременное появление. Я бы в такой ситуации нежеланному визитеру непременно в глаз засветил. Из принципа.

Но я уставший, мокрый и, если совсем уж честно, голодный. Не до женского тела, имеется в виду, а вообще. Любовные утехы — это прекрасно, но есть же и законы человеческого общежития, в конце

концов. Я ведь мог и не знать, чем эта парочка занимается, вот и вышел на огонек. Это всяко лучше, чем подглядывать. Честнее.

Убедив себя в собственной же правоте, я преодолел последние метры по лугу и оказался на небольшой утоптанной площадке, где жарко трещал огонь, но в помине не было никакой слившейся в любовном экстазе парочки.

Нет, девушка-то как раз имелась. Темноволосая, красивая и стройная, облаченная в странный балахон, похожий то ли на старинную рубаху в славянском стиле, то ли на обычную ночную сорочку с вышивкой по вороту. Странной такой вышивкой, в виде сплетенного в кольца змея. Причем в руке она держала нож с коротким лезвием черного цвета, которым, похоже, только что полоснула себе по руке. По крайней мере, с ладони ее капала кровь.

И змей тоже здесь имелся! Внушительный, огненный, высоченный, пламенный. Это его, похоже, я принял за недавнюю яркую вспышку. Признаться, даже загляделся на это диво, покачивающееся в языках пламени. Очень здорово сделано, на совесть!

— Во китайцы дают! — вместо приветствия сообщил я девушке, которая с удивлением уставилась на меня. — Могут, когда хотят! А вы где такой фейерверк покупали?

Ну да, наверное, не стоило с этого начинать, но правда же впечатляет. Я бы на такой разорился, чтобы на следующий Новый год запустить, порадовать своих коллег по архиву. Они славные старушки, почему бы и нет?

— Ты кто? — свистящим шепотом спросила девушка, глядя на меня с нескрываемой ненавистью.

Огненный змей колыхнулся и чуть наклонился в мою сторону, как видно, под дуновением ветра.

Ох, как здорово смотрится! И глаза у него как у настоящего, и жало вон между двух бело-огненных клыков шевелится. Это сколько же такой стоит? Нет, наверное, мне подобное не по карману, небось, на заказ делали.

— Валера, — добродушно ответил я, сделал несколько шагов вперед и протянул ей руку, делая вид, что не заметил недовольства. — Швецов. Из Москвы.

Откуда под ногами на этой ровной, как стол, поляне взялся корень, понятия не имею. Но он был, и я об него запнулся. Мало того —

усложнил знакомство тем, что не удержал равновесие и налетел на эту красавицу, сбив ее с ног. Да еще и на нож напоролся, спасибо хоть что ладонью, а не животом.

Молодец она, конечно, нашла с чем танцы танцевать! Нет чтобы бубен взять или, там, ленту какую.

Боль резанула руку, как видно, поранился неслабо.

— Блин! — поморщился я, обратив внимание на то, что нож из рук незнакомки я пусть и случайно, но выбил. — Да что за день сегодня такой?

— Пошел вон! — зло рявкнула девушка и пнула меня ногой, обутой в черную кроссовку. — Вон!

— Извините, конечно, — поднимаясь на ноги, произнес я. — Не нарочно же толкнул, случайно. И орать так не надо! Да и наказали вы меня, вон как рука кровит.

Я махнул ладонью, с которой в разные стороны, в том числе и в костер, полетели багровые капли, блестящие в отсветах пламени как рубины.

— Нет! — снова выпучила глаза незнакомка, а после припечатала ладонь ко лбу. — Нет-нет-нет!

Блин, да она, похоже, с приветом, причем изрядным. Прямо на всю голову. Ну что за непруха, а? Может, тут на весь лес один человек имеется, и тот не в своем уме?

Чую, позвонить она мне не даст.

А после мысли о суетном из моей головы вылетели, что канарейки из клетки. Потому что когда тебя приподнимают в воздух и подносят к огненной пасти не китайского фейерверкового, а, похоже, самого настоящего огненного змея, то ни о чем, кроме того, что происходит в данный момент, ты думать не можешь.

— Я получил кровь, ведьма, — прошипел змей, да так громко, что у меня чуть уши не заложило. — Вот только ты на этот раз перехитрила саму себя. Жертва принята!

Жертва? Это он обо мне?

— Великий Полоз, моя кровь — жертва! — заорала девушка. — Моя!

— И твоя тоже, — голова змея склонилась вниз к той, кого он назвал ведьмой. — Но ты порождение Ночи. Ты не имеешь права на владение знаком и знаниями.

— Но я могу просить о снисхождении, — девушка бестрепетно смотрела в глаза змея, — и о вашей милости. Мне нужна одна вещь, с ней я обрету то, что мне сейчас недоступно. На знак и знания я не претендую.

— Что мне до твоих нужд и желаний? — рокотнул змей, и его хвост, оплетший меня за пояс, дернулся, отчего мои зубы лязгнули. — Ты одна из тех, кто даже не оставит следа на лунной дороге. Я видел сотни твоих предшественниц, они тоже приходили ко мне со своими просьбами, им были нужны вещи, которые помнят тепло рук Великих, которые впитали их силу, их мысли, их власть. Все они говорили: «Дай, дай, дай». Но ни одна не сказала: «На». Ни одна. До тебя — ни одна.

— А? — девушка явно не понимала, куда гнет это чудище, я тоже. Но мне было и неинтересно. Мне хотелось понять, к чему ранее прозвучало слово «жертва». И еще — как бы так вывернуться и сбежать отсюда?

Ну, или хотя бы сознание потерять. Потому что чем дальше, тем страшнее мне становилось, а бояться я не люблю.

— Этот человек, — хвост поднял меня чуть повыше. — Да, я знаю, что не ты привела его сюда, но без тебя он бы не пришел. Судьба определяет будущее, таков закон бытия, пусть даже Гамаюн всегда твердила обратное. Доля и Недоля знают свое дело, и каждая нить их пряжи тянется так, как надо.

А может, я в болото попал? Нет, серьезно? Нанюхался там газов, сижу сейчас под березкой и созерцаю замысловатый трехмерный галлюциногенный сон с эффектом присутствия. Просто ничего более абсурдного, чем огненный змей, ведущий философский диспут с красавицей-ведьмой, я даже представить себе не могу. У меня фантазии на подобное не хватит!

— Великий Полоз, мне не дано в полной мере понять твои намеки и замыслы, — вкрадчиво произнесла девушка, поклонившись змею в пояс. — Я отдала тебе свою кровь, а с ней — часть своей жизни. Если желаешь, можешь забрать жизнь этого человека, я приму вину за его смерть на себя и отвечу за нее полной мерой. Но молю — подари мне венец Гориславы! Он у тебя, в подземных кладовых, я знаю!

Редкая тварь! Взяла и отдала меня этой чуде-юде, даже не поинтересовавшись, хочу я того, не хочу.

Все, капец тебе, девка! Если уцелею, разумеется. Пока, увы, даже пошевелиться не могу, плотно меня эта тварь держит. Даже голову повернуть и плюнуть в эту стерву возможности нет.

А жаль!

— У меня, у меня, — убаюкивающе прошелестел Полоз. — И он, и посох Венельды, и плат Ратимиры, тот, в который пять волосков из бород пяти великих хазарских заклинателей вплетены. И девичий поясok Вольги, что Игорь в их первую ночь развязал, тем самым навеки став ее супругом. Ох, много чего тот пояс может сделать, ни один муж перед его силой не устоит!

— К чему ты ведешь, Владыка? — напряженно спросила ведьма. — Я снова теряюсь в загадках.

— Хочешь даров? Послужи, — в раздававшемся свисте, который издал Полоз, я еле разобрал слова. — Есть те, кто желает то, что им не предназначено, и не только желает, но и берет. Украденное надо вернуть, а хитников тех по возможности наказать.

— Просто скажи, кого наказать и что вернуть, я все сделаю, — топнула ногой девушка.

— Дура девка, — тело Полоза дернулось, похоже, так он обозначил свой смех. — Те вещи тебе в руки сроду не дадутся. Ты ведьма, для них ты чужая. Но это не значит, что у тебя не будет службы. Будет. Пятью пять служб пройдешь, и, коли справишь их, поговорим. И ты, человек, это помни. Пятью пять служб — и тогда я заберу у тебя то, что сейчас от меня получишь, если сам того захочешь. Давно я этот дар никому не вручал, так что цени его. И помните: вы сами подрядились ко мне на службу, сами выбрали этот путь, не было в том моего умысла. А еще знайте: нерадивых слуг своих, если те ленятся, я всегда наказывал нещадно. Лень да праздность хуже воровства.

— Ничего подобного, — прохрипел я, остатками путающегося между реальностью и сумасшествием разума осознав, что дело стало совсем плохо. — Мне служба не нужна! Никакая!

— За тебя решила все она, — тело Полоза снова дернулось, а его морда застыла в сантиметре от бледного лица девушки. — Потому ей теперь тебя оберегать да учить придется, ровно дитя малое. А как иначе? Твоя жизнь теперь равно что ее, вам друг без друга не быть. Но и ты за ней глядеть станешь, потому как, если она сгинет, тебе тоже не

жить. Но последнее слово, человек, всегда будет за тобой. Твоя кровь напоила меня щедрее, чем ее, тебе и решать, куда какой дорогой идти.

— Так нельзя! — взвизгнула ведьма, цвет лица которой сменился с бледного на откровенно белый. — Нет!

— С Великим Полозом шутки плохи, — мои ребра затрещали — так эта змеюка сжала хвост. — Раз смелости набралась меня разбудить, то и получи за то награду, которую, по моему разумению, заслужила. Слово сказано, слово услышано! Примите же мои уроки и мои дары, выполните то, что от вас потребно, и, может, все еще переменится в ваших жизнях и судьбах. Жду вас на Змеиный день.

— Ох! — подавала голос ведьма, схватившись за грудь. — До него всего-ничего осталось! Пятью пять служб!

— Управитесь, — с несомненной усмешкой прошипел Великий Полоз. — А ежели нет, так на следующий год День Змеиных Свадеб наступит. Желаете на нем гостьей побывать, ведьма?

А меня не спросил. Хотя я ничего бы и не ответил. Что за дни такие, где они в календаре, поди знай...

— Да я досюда не дойду в урочный день, меня еще на входе в лес зажалют! — девушка повалилась на колени. — Слуги твои мое племя сильно не любят.

— И поделом, — заметил Полоз. — Но на этот раз не бойся, не зажалют, по крайней мере сразу. Дарую тебе на то право. И вот тебе еще один подарочек, пользуйся.

Не знаю, что он сделал с девушкой, только та покатила по траве, истощно завывая. А секунду спустя огромная огненная змеиная морда распахнула свою пасть перед моим лицом, после чего ее острые зубы вонзились в мою грудь.

В какой-то момент показалось, что меня засунули в костер, после я осознал, что не могу дышать и это, скорее всего, действие яда, который у такой-то зверюги наверняка особо ядреный, а после я умер. Не может человек после такого выжить.

И как же я удивился, когда осознал, что ошибался. Вернее, сначала пришел в себя, а уж после удивился.

— Очухался, Валера Швецов из Москвы? — хмуро спросила меня девушка, сидящая напротив и ворочающая палочкой угли в костре, который теперь пылал не так ярко и сильно. — Экая досада. Лучше бы сдох!

— Спасибо на добром слове, — я пошевелился и осознал, что сижу, привалившись спиной к дубу. — Ох, какой лютый бред мне привиделся.

— Да? — издевательски осведомилась у меня собеседница, которая, кстати, успела переодеться, балахона и след простыл. Теперь на ней были черные джинсы и короткая кожаная куртка. — И что же тебе примерещилось? Не поделишься?

— Змея, — не стал чиниться я. — Вот такой вышины, вот такой ширины. Говорящая!

— Ух ты! — восхитилась незнакомка. — А что еще? Она, поди, и колдовать умела!

— То есть это был не сон? — уточнил я обреченно. — Вот, блин! А так хотелось не поверить своим глазам. Только вот теперь я за свое психическое здоровье начинаю бояться. Слушайте, но такого же не бывает? Нет на свете заколдованных мест, говорящих змей, волшебных колец и ковров-самолетов.

— Ковров-самолетов и правда нет, можешь успокоиться, — усмехнулась девушка. — В наших широтах точно. А вот с остальным — не торопись с суждениями.

Вот все же что хорошо в человеческой психике, так это ее гибкость. В какой-то момент нереальность происходящего дошла до такого градуса, что я просто перестал нервничать от осознания творящегося вокруг меня бреда. Ну есть и есть. Наступит утро — и вся эта чертовщина растает вместе с туманом, который вон уже начинает ложиться на луг.

— Ох, Валера Швецов из Москвы, если бы не Великий Полоз со своими древнеславянскими замашками, я бы из тебя сейчас всю кровь по капле выпустила, — мечтательно произнесла вдруг девушка. — Ты бы так орал! О смерти меня молил!

Вот тут я поверил сразу. Тон был самый что ни на есть миролюбивый, она, наверное, таким же с официантами разговаривает в ресторанах, когда еду себе заказывает. То есть буднично-привычный был тон.

Но при этом мне было предельно ясно — убила бы она меня. Как пить дать. И отчего-то мне кажется, что фиг бы я ей в этом помешал.

— Слушайте, я просто заблудился, — мне стоило большого труда вложить в голос максимум доброжелательности. — Увидел огонь,

вышел на него. Откуда я мог знать, что тут происходит... Ну, то, что было.

— Это называется «обряд», — любезно сообщила мне девушка. — Очень старый, очень сложный, в котором надо учесть массу мелочей. Время, место, фазу луны, даже породы дерева, которые пойдут в костер. Количество крови, которую надо плеснуть в пламя. Вот только тебя, сокола ясного, я в расчет не взяла. А ты приперся и все испортил. У, скотина!

— Сами вы... — я окончательно осознал, что добра от этой красотки ждать не стоит, потому и миролюбие из голоса убрал. — Сказано же — случайно все получилось. Я, между прочим, из-за вашего обряда теперь, наверное, к психологу буду ходить, как американцы в фильмах. Душевную травму лечить. Я думал, тут среднестатистический лес, а оказалось, вон, заповедник сказок. Огненные змеи и ведьмы вроде вас.

— Ты бы лучше парня поблагодарила, — вмешался в наш разговор кто-то третий, кого лично я не видел. — Он тебя от смерти спас! Причем два раза!

— От какой смерти? — устало возразила девушка невидимому собеседнику. — С чего бы?

— Дура ты, девка, — из дупла, которое, оказывается, имело место быть в стволе дуба, показалась голова, на которой красовалась изрядно потертая кепка-восьмиклинка. — Если бы не этот человек, тебя сейчас уже мыши бы обнюхивать начали. Они к мертвым телам всегда первые поспевают. А там и муравейники бы открылись с восходом солнца.

Произносивший все это оказался сухеньким невысоким старичком, который неожиданно ловко для своего возраста выбрался из дупла, а после устроился у костра между нами.

Слова его девушка выслушала внимательно и, к моему великому удивлению, даже возражать не стала.

— Ты молода еще, ведьма, жизни не знаешь, — продолжал тем временем вещать старичок. — Потому и не поняла, что ты для Полоза служила забавой, которая на миг скрасила его существование. Забавляло его то, что какая-то смелая мошка что-то над ухом у него пищит, только потому он сразу тебя и не прихлопнул. Виданное ли дело — его, слугу Велеса, какая-то людская ведьма потревожить посмела? Ладно бы в тебе хоть капля старой крови текла, какое-

никакое оправдание, так и этого нет. Да ты даже не глава ковена! В «черном танце» не кружилась, «Голубиную книгу» в глаза не видела, к таинству вед не допущена. Ты о чем вообще думала? Вы там, в городе, совсем с ума посходили?

И снова девушка промолчала. Мало того — губу закусил, а значит, признала правоту этого странного существа.

— Если бы не этот человек, то убил бы он тебя, причем страшно, уж поверь. Смерть тела — ерунда, а вот душе твоей такое предстояло бы, что помыслить нельзя. Так что ты не ругать его должна, а благодарить, как то Покон велит.

— А второй раз я ее как спас? — мой вопрос удивил обоих, как видно, эта парочка не предполагала, что у меня есть право поучаствовать в беседе.

— Не «как», а «от кого», — благожелательно ответил странный старичок. — От меня. Если бы удалось упротить Полоза ее отпустить, то из леса все одно бы не вышла. Закрутил бы я эту шлендру по тропинкам, деньков пять по ним погонял, чтобы извелась вся, а после завел в овраг, где у меня волчья семья обитает. Им на прокорм, мне на радость. И в сороку или кошку, девонька, ты бы не перекинулась. Это мой лес, тут мои законы.

— Суров ты, дедушка, — глаза девушки нехорошо блеснули. — Мы вроде не ссорились. Я со всем уважением к тебе, дарами поклонилась, а ты меня волкам на съедение.

— А ты как думала? — в этот момент почти комедийный дедуська вдруг обрел некую монументальность, мягкие и расплывчатые в свете костра черты его лица приобрели довольно грозные очертания, в нем ощутимо почувствовалась древняя и не очень добрая сила. — Прийти в мой дом да сотворить в нем волшбу, за которую в былое время не всякий волхв брался, — немалый проступок. А наши порядки тебе, ведьма, известны, и не говори, что это не так. Сотворила что — будь готова за дела свои ответить полной мерой. Да я-то что? Ты теперь думай, как перед хозяйкой ковена своего отплясывать на угольях босыми пятками станешь. Или ты думаешь, что она не узнает о том, что здесь случилось? И мечтать о таком не моги!

— Откуда? — вкрадчиво поинтересовалась его собеседница. — Разве что вы весточку в столицу пошлете. Или нет? Может, не станете? Ну а больше тут никого нет. Я промолчу, этот, само собой, тоже...

— И не надейся, — старик захихикал, и вся его строгость улетучилась. — Мы-то с этим парнем, может, и промолчим, ладно, что уж теперь... А вот как ты наше солнышко ночное замолчать заставишь?

Я сначала не понял, о чем он, а после заметил, как палец на Луну показал.

— Когда такой владыка, как Великий Полоз, свой лик Ночи кажет, все силу имеющие про то мигом узнают, — назидательно произнес дед. — Так что не надейся, девка. Уже завтра тебя свои же терзать станут, визнавая, что ты от Велесова слуги ближнего получить хотела. Или, того хлеще, получила. И что бы ты им ни говорила, веры тебе все одно не будет. Вы же, ведьмы, что сорная трава — и полезной овощи расти не даете, и друг дружку давите почему зря. Так что готовься, красавица, к огню да стали. Без них тут не обойдется.

— Я очень извиняюсь, — мне отчего-то стало жалко совсем сникнувшую девушку, являвшую сейчас собой довольно жалкое зрелище. — А вы вообще кто? Лесник?

Нет, так-то у меня вопросов было куда больше, начиная от того, кто такой Великий Полоз, и заканчивая огнем и сталью, которые светили этой вредной милашке. В смысле стоит ли так жутковато шутить над молоденькой девушкой, пусть даже и не очень приятной в общении? Вон, у нее глаза уже на мокром месте.

— Можно и так сказать, парень, — дружелюбно отозвался дед. — Но лучше зови меня Лесным Хозяином, так вернее будет.

— Да он все равно не поймет, — бросила девушка, шмыгнув носом. — Правильно вы говорили: городские мы и есть, ему сначала все разжевать надо, а после в рот положить. Валер, это леший. И сразу предваряя твой смех — самый настоящий. Над тобой никто не издевается, это не шутка. Этот господин — единоличный владыка леса, в котором мы сейчас находимся, здесь ему подвластно все: от листа на дереве до медведя. Просто прими эту информацию как факт и не вздумай шутить по этому поводу. В наших кругах не принято обижать хозяина в его доме, за подобное спрос быстрый и строгий.

— Первые разумные слова за все время, — приосанился старичок, поглядывая на меня. — Все так.

Леший. Огненный змей. А девушка, стало быть, ведьма. Не в смысле «ах ты, ведьма», а настоящая.

И что мне делать со всей этой информацией? Как к ней относиться? Ну, положим, все правда, как бы глупо это ни звучало. И? Дальше что? Надо же как-то на происходящее реагировать?

Самое забавное, что больше всего мне хотелось не засыпать новых знакомцев нелепыми вопросами, а есть. И спать. Даже не знаю, какое из желаний было сильнее.

Ну леший. Ну ведьма. А почему бы им и не быть? Я года два назад читал с десятков этнографических исследований конца девятнадцатого века, когда одной приятельнице помогал диплом писать, и смело могу сказать — Шекспир был прав. «Есть много, друг Горацио, на свете». Правда, не думал, что сам с подобным столкнусь. Но, с другой стороны...

— Да мне, дедушка, теперь все едино, — девушка снова шмыгнула красивым точеным носиком. — Хоть головой в пень бейся. До Змеинового дня меньше трех месяцев осталось, вот ведь какая штука. Валер, пятью пять сколько будет?

— Двадцать пять, — на автомате ответил я.

— Именно, — красавица провела ладонью по лицу. — Двадцать пять служб мы Полозу задолжали. И пока даже непонятно каких.

— Чего ж тут непонятного? — изумился леший. — Эх, человеки! Слушать слушаете да ничегошеньки не слышите. Или соображать не желаете. Парень, давай-ка, грудь заголи.

Точно. Меня же змеюка в нее тюкнула, а я и забыл со всеми этими разговорами глянуть, что там. Боли нет, но мало ли?

Я задрал майку, которая, кстати, даже порвана не была, и с удивлением обнаружил, что стал обладателем некой фигни, немного похожей на татуировку. Теперь у меня на груди переплетались между собой две ярко-алые змейки, небольшие, но очень детально выписанные. Очень тонкая работа, уж я могу оценить. Просто одно время спал с тату-художницей (которая требовала ее называть боди-графисткой), у нее росписи на теле хватало, была возможность по верхам данных премудростей нахвататься.

Вот тоже странно: Полоз меня клыками хватил в разные места, так как эти пресмыкающиеся в одном оказались? Чудо, не иначе. Как, впрочем, и все происходящее. Ничего, вон, уже светает, днем, крайний срок вечером, я буду в Москве, и вся эта хиромантия через неделю мне

покажется дурным сном, который лучше всего забыть. И ерунда на груди, глядишь, сама рассосется.

— Давно я этого знака не видал, — буркнул Лесной Хозяин. — С того года, как француз к себе на родину утопал. Приходил тогда в мой лес один из Полозовых слуг, искал захоронку, что от супостатов осталась, да так и не нашел. Так-то добра у меня о то время много имелось, это да. Я в ту зиму волков на иноземном мяске хорошо подкормил, так что золотишко по оврагам встречалось, перстеньки там, оружия всякая, но того, что ему было потребно, у меня не имелось. Походил он да ушел.

— А можно яснее? — попросил я его, ощущая, как внутри рождается волна недовольства. Надоело мне загадки слушать, всему есть предел. — Кто — он? И кто теперь я?

— Ты — слуга Великого Полоза, — охотно отозвался дедушка. — Чего ж яснее быть может? Вон и знак его у тебя на груди. Смотри, там Стреча с Нестречей переплелись в один клубок.

— Батюшка, да с ним не так надо, — вздохнула ведьма. — Валера Швецов из Москвы, я тебя поздравляю. Ты теперь Хранитель кладов.

— Кто? — вытаращил глаза я. — Каких кладов?

— Разных, — передернула плечами девушка. — Тех, что в земле лежат, тех, что в домах спрятаны или на дне реки под песком зарыты. А самое главное, тех, что были забраны не теми людьми, которым предназначались. Клады — это ведь не просто золото-брильянты, которые копателю с металлоискателем сами в руки плывут. Нет, есть и такие, но их немного. А настоящие клады — они как мы, люди, у них есть душа, характер и предназначение. Пойдешь против их воли — много нехорошего произойти может. Не должны иные вещи находиться не в тех руках.

— Пятью пять, — пробормотал я, догадываясь, к чему она клонит.

— Двадцать пять, Валера, двадцать пять, — вздохнула ведьма. — И меньше трех месяцев в запасе. Змеиный день — двадцать седьмое сентября, в эту дату подданные Великого Полоза в сон до следующей весны погружаются. Наши предки в этот день в лес сами не ходили и детей не пускали, потому что вернуться из него обратно шансов почти не имелось. А нам придется прийти вот сюда и держать ответ за то, что мы успели сделать. Так что, господин Швецов, у нас впереди веселое лето.

— У меня отпуска на две недели, — мне все происходящее нравилось все меньше и меньше. — А потом снова трудовые будни начнутся. Мне не до кладов, которые невесть кто невесть когда вырыл.

— Пустые разговоры. Ты просто еще не понял, что все, что было твоим «вчера», уже никогда не превратится в «завтра». Но скоро все осознаешь, поверь, — ведьма встала и потянулась. — Ладно, слово за слово, а уже и рассвело. Поеду в Москву. Ты со мной?

— Нет, — буркнул я. — Мне к ребятам надо. Если туда подвезешь — скажу «спасибо». Правда, не знаю, куда «туда», заплутал я.

— Это мы уже слышали, — впервые за все время я услышал ее смех. — Ладно, что-нибудь придумается.

— Езжай, — вдруг велел Лесной Хозяин. — Знаю я, где его дружки, пешком мы быстрее доберемся.

— Кстати, — ведьма залезла в карман куртки и достала оттуда белый прямоугольничек, — я твое имя знаю, а ты мое нет. Непорядок. Да и телефон мой тебе очень скоро понадобится, так что держи. И звони, можно даже ночью. Нравится тебе это или нет, но мы теперь с тобой как ниточка с иголкой будем, минимум до двадцать седьмого сентября. Если раньше головы не сложим, разумеется. И не вздумай визитку потерять, ясно? Потом меня искать замучаешься.

Ну, выкидывать не стану, конечно, вот только, если верить лешему, тебя уже сегодня с пристрастием допрашивать станут, не до звонков тебе будет.

Ладно, кто ты у нас есть? Кто-кто? Директор салона красоты? Интересные нынче профессии у ведьм. Прогрессивные.

— Вот и познакомились, — я немного гротескно помахал девушке рукой. — Мое почтение, госпожа Воронежская Стелла Аркадьевна.

Глава третья

Как видно, дела в салоне у Стеллы шли неплохо, потому что села она в новенький, можно сказать, с иголки, внедорожник «Куллинан», на прощание нам бибикнула и вскоре скрылась из вида.

— Тьфу, — сплюнул Лесной Хозяин. — Отвести бы ей глаза, завернуть дорогу к заброшенным карьерам да и...

Что «да и», гадать не приходится. Не по нраву пришлась старичку эта красотка, ой как не по нраву. Да оно и неудивительно.

Просто, когда мы уже подходили к машине, Воронецкая вдруг завела разговор о том, с чего вдруг Полоз решил облагодетельствовать меня своим знаком. Чего такого он во мне увидел? Нет, тема-то была интересная, особенно с учетом того, что я и сам пытался разобраться в той невероятной каше из мыслей, которая варилась у меня в голове, но у лешего реакция на происходящее оказалась неожиданно резкой.

— Ты, девка, говори-говори да не заговаривайся! — гаркнул он так, что из листвы у него над головой вылетела всполошившаяся птица, до того беззаботно встречавшая утро незамысловатой трелью. — Если батюшка Полоз решил так поступить, значит, так нужно! И нечего воду мутить.

— Просто понять хочу, — медовым голосом промурлыкала ведьма. — Вы же много видели, много знаете, вдруг...

— Не вдруг, не вдруг! — остановившись, топнул ногой Лесной Хозяин. — Мое дело — лес, а любомудрие иной раз в одно место лучше засунуть. Сказать в какое? Вон твоя телега самобеглая, садись в нее и проваливай. И чтобы до Змеиного дня в моем лесу не появлялась. Сгублю, как есть на корню сгублю!

Уверен, неспроста Воронецкая этот разговор завела. Что-то этот потешный старичок знает, что-то очень важное, но идти по ведьминым следам и пытаться выудить из него информацию я не стану. Себе дорожке может выйти. Стелла сидит в машине с навигатором и скоро окажется в тех местах, где имеется цивилизация, а я остался тут, в лесу. Ну да, вот она, дорога, но, если я верно понял, этот дед может пальцами щелкнуть — и ее не станет. А ведь тут где-то еще и овраг с волками имеется.

— Ух, поганое семя, — проворчал Лесной Хозяин, подошел к широкому пню, которого мгновение назад в помине не было, уселся на него, сорвал мухомор, вылезший из-под земли прямо на моих глазах, и откусил от его шляпки изрядный кусок. — Родитель верно говорил: коли заявилась в лес ведьма, так жди неприятностей. Если не напакостит, так настроение точно испортит. Да ты присаживайся, парень, в ногах правды нет.

— Неприятная дама, — согласился с дедом я, плюхаясь на еще один пенек, появление которого меня уже даже и не удивило, — хотя симпатичная.

— Ты, главное, ей не верь, — леший отправил в рот остатки мухомора. — Ни в чем и никогда. Видел, она слезу пускала у костра? Врала, поганка такая. Сама вроде в грусти, а на деле уже думала, какую бы выгоду со случившегося поиметь.

— Так ясно какую, — я отмахнулся от мошки, вертевшейся над ухом. — Ей венец был нужен. Этой, как ее... Гориславы. Она Полозу про него говорила. Да, вы случайно не знаете, кто такая Горислава?

— Ведунья из старых, одна из тех, что книгу знаний писала, — леший сорвал еще один мухомор. — Слышал я про нее рассказы. Самые сильные из природных ведьм — ее потомки. Понятно, что они и каплей мощи своей прародительницы не обладают, но всяко больше других прочих могут натворить. Я так мыслю, что эта задрыга венец не для себя выпрашивала, а как раз для кого-то из наследниц. В нем же старой силы ого-го сколько, если знать, как ее зачерпнуть, много чего добиться можно. Ну а та, кто его новой владелице приволок, ясное дело, награду получит немалую. Может, власти побольше под себя подгребет, может, еще чего.

Книга знаний. Любопытно, каких знаний? И когда эта книга писалась?

— Так что, парень, не верь ей, — Лесной Хозяин выплюнул муху, попавшую ему в рот. — Ни слову, ни делу. Внешности тоже не верь. С виду молодая девка, а на деле поди знай, сколько ей лет. И, главное, пойми: вы теперь враги, держи это в уме все время. Забудешь — пропадешь.

— Почему? — искренне удивился я. — Ну помешал обряду, так что же, сразу враг?

— Вот дурень! — всплеснул руками леший. — Нет такой ведьмы, которая свободу выше всего на свете не ставит. Ну, может, только власть над остальными наравне со свободой почитает, но прочее разное — куда ниже. А по твоей милости Стелла эта теперь на привязь попала, не сказать хуже. Не она будет решать, куда идти, а ты, а ей, стало быть, подчиняться придется. Для нее это хуже смерти, соображаешь? Кабы не Великий Полоз со своим наказом, она бы тебя сразу под дерн отправила, как только он под землю ушел, ты бы даже в себя прийти не успел. Хотя нет, дождалась бы, пока очухаешься, чтобы помучить вволю за неудачу, так что твое счастье, что нельзя ей тебя убивать. Прямо скажем — свезло, что Великий Полоз за тебя заступился, свезло. Его запрет никто из детей Ночи нарушить не посмеет.

— Детей Ночи? — вырвалось у меня. — А это кто?

— Да все те, кто Луну за Солнце почитает, — широко улыбнулся собеседник, показав мне крепкие белые зубы. — Хозяева лесные, речные, полевые да болотные, ведьмы да ведьмаки, домовые да овинные, русалки, арыси, мавки... Много нас, не сочтешь. Да и ты теперь, выходит, кумпанию нам составишь. Белый день Великому Полозу не друг, его время — ночь. Он тебя отметил, в слуги определил, так что знай свое место. А оно тут, с нами.

Последние слова неприятно царапнули самолюбие. Что значит «в слуги»? И вот это — «знай свое место». Я не собачка, никому не служу, на коврике у двери не сплю. Ну, было раз по молодости, я дверь спяну открыть не смог, так около нее и уснул. Но это другое.

— Хранителем кладов служить, конечно, невелика радость, — продолжал разглагольствовать леший. — Власти да силы с ноготок, а хлопот не оберешься. Но, с другой стороны, вашего брата многие уважают. Те же ведьмаки с ними в дружбе со старых времен пребывают. Им иногда надо что-то припрятать или, наоборот, древнюю захоронку какую найти да взять в обход затворных заклятий. Так к кому они на поклон идут? К вам, Хранителям. Вурдалаки из старых семей тоже вас очень чтут, у них свои интересы на данный счет имеются. Но с этой братией поосторожней надо, очень уж они мнительные и заносчивые. Чуть что не так — сразу в драку лезут.

А полезный старичок-то, знает много, сведениями делится. Правда, не все услышанное понятно, но это не страшно. Лучше что-то, чем

ничего.

— Но ведьмы опасайся, — внезапно вернулся к изначальной теме леший. — Нет, убить собственноручно она тебя не посмеет, это уж наверняка. Сотвори она такое — уже на следующую ночь за ней самой придут и сторицей за нарушение Полозова повеления спросят. Но Смерть — она в разном обличье ходит. Может случиться так, что Стелла эта вроде и ни при чем, а ты все одно ногами вперед отправился странствовать. Ей хорошо: нет тебя — нет задания Владыки, она свободна. А ты помер, в земле лежишь, тебе холодно и грустно.

— Ничего не понял, — наморщил я лоб. — Это как же так может случиться?

— А я знаю? — пожал плечами лесовик. — Например, затащить тебя в такое место, откуда сроду не выберешься, но при этом так все устроить, что вроде как она и ни при чем. Мол, ты сам туда поперся, доброй волей. А она тебе не сторож и не мамка, с нее спроса за то нет. Уяснил, детинушка?

— Вроде как, — кивнул я.

— Но особенно ее опасайся не до того, как вы Полозов урок сполните, — очень тихо и очень серьезно сказал Лесной Хозяин, — после того ее бойся. Ведьмы никогда обид своих не прощают. Если надо, сто лет прождут, но счета сведут, не с обидчиком, так с детьми его, не с детьми, так с внуками. И эта тебе ничего не забудет. Сейчас за твоей спиной Великий Полоз стоит, но как выполните наказ да волю получите, так и все, защиты как не бывало. И вот тогда...

— Ясно, — не знаю отчего, но спина моя вспотела и по ней поползли мурашки. Наверное, от того, что дедка таким тоном все это изрекал, что его словам сразу хотелось верить. Это реально впечатляло.

Впрочем, страх этот был сиюминутный и ситуационный, потому что никакими поисками кладов для огненного червяка из сказок я заниматься, разумеется, не собирался. У меня на свою жизнь другие планы имеются.

— Хотя тебе и без нее есть кого опасаться, — совсем уж невесело вздохнул дедок. — А ты как думал? Хранителей кладов не так много, потому весточка о том, что Подземный Владыка нового сотворил, скоро всех, кому сие любопытно, облетит. А кое-кто, поди, уже это

знает и думает, как тебя к своему интересу приневолить. Так что ты, паря, новых знакомых стерегись, посулам не доверяй да подарки особо не принимай. Дадут рупь, а спросят после сто. И вот чего... Люди сильно любят разное обещать, а после про слова свои забывать. Особенно если зелена вина нахлещутся.

— Есть такое, — признал я, — случается.

— У нас за каждое слово, что прозвучало, особый спрос идет, — сурово встопорщил бороду леший. — Таков Покон. Не можешь — не обещай, а если уж сказал, то делай. Иначе плохо будет. Сильно плохо. Ты лучше побольше молчи и слушай, хотя бы на первых порах. А самое главное — ведьмы стерегись, она всегда будет ждать того, как ты оплошаешь. Каждый день. Каждую минуточку.

— Понял, — я вытер выступивший на лбу пот и подавил в себе желание спросить, что такое Покон. Второй раз за ночь это слово слышу. Или даже третий. — Спасибо за советы! Если не секрет, почему вы мне помогаете?

— Сделал ведьме гадость — на сердце пришла благодать, — охотно ответил старичок. — А еще... Нас, Лесных Хозяев, когда-то Велес сотворил из вот таких пней. Чтобы за вотчиной его смотрели, заботились о ней как о дитятке родном. А присоветовал это ему Великий Полоз. Вот и выходит, что он нам вроде как батюшка родной. Ты ему глянулся, а, стало быть, я тебе помочь должен. И другие мои братцы тоже, я им весточку отправлю. Ежели беда какая приспее, так ты в лес иди, всегда в нем найдешь защиту и кров, не сомневайся. Только вот что: в городе нас, лесовиков, не сыскать. Деревья у вас там есть, а нас, хозяев, нет, не можем мы там существовать. Слишком мало жизни вокруг и слишком много камня. И злобы через край. Нам там не можно быть.

— Это да, — признал я. — Злобы в городе хоть отбавляй. На том и стоим.

— Эхма. Ничего ты, гляжу, не понял, — с жалостью глянул на меня дедок. — Ладно, пошли, Валера, отведу тебя к приятелям. А там, глядишь, жизнь тебя сама всему научит, если смерть раньше не приберет.

Шли мы недолго, минут двадцать, и я даже не заметил, как оказался на той самой опушке, с которой вчера днем началось мое жутковатое путешествие в лесную сказку.

— Дрыхнут твои дружки, — хихикнул лесовик. — Не-не, ты не думай плохо, они полночи бегали, орали, тебя кликали. Гудели как заполошные железкой этой на колесах, всех птиц перепугали. Недавно угомонились, часа полтора как.

— Чую, мало мне не покажется, — вздохнул я. — Добро, если только обматерят, могут и морду набить.

— Зато от чистой души, — обнадежил меня старичок. — От друга и синяк в радость — так у нас говорят. Дай-ка сюда.

Он цапнул ведерко, которое я так и таскал с собой. Правда, оно снова было пустое, растерял я за ночь все найденные накануне грибы. Впрочем, и не жалко. Подберезовик червивеет быстро, пара-тройка часов — и все.

Старичок вроде только шагнул за куст бузины, скрывшись за ним целиком, и на тебе — уже идет обратно, держа в руках мое ведро, доверху набитое белыми грибами.

— Вот, покажешь, может, и не сильно поколотят, — протянул он мне ношу. — Похлебку сварите, посидите у костерка, бутылочку откупорите, глядишь, и помиритесь.

— Спасибо вам... — и тут мне стало неловко, потому что и у него, как ранее у Стеллы, имени тоже не спросил. — А как вас величать? Знаю, с этого начинать надо, да больно ночь выдалась хлопотная.

— Зови меня дядей Фомой, — разрешил лесовик. — И вот что еще, паря. Братцы мои, если что, тебя примут, защитят, спрячут, все как я обещал. Но ты про вежество все одно не забывай. Пришел в лес — поклонись тамошнему хозяину, спина, чай, не переломится, да слово приветное скажи. А еще ржаного хлебца с собой прихвати да на первый попавшийся пенек, как за деревья ступишь, и положи. Мы хлеб-от сильно уважаем, вот только часто есть его нам не приходится. Забыли люди обычаи старые, забыли. Тогда все будет не только по добру, но и по чести. И не только в лесу таким будь, но и в поле, и на реке. Трясиннику, правда, можешь почтение не оказывать, неумытику эдакому. Перебьется. Да и одно у него всегда на уме — как бы кого в чарусью затащить, потому в болото лучше без нужды не соваться. Нечего там человеку делать, мертвое это место. Смекнул, о чем я речь веду?

— А то, — я приложил руку к сердцу и поклонился. — Спасибо тебе, дядя Фома. И за помощь, и за советы.

— Может, и не сгинешь, — потрепал меня по голове лесовик. — Вроде не такой остолоп, каким сначала мне показался. Да, и вот еще что. Дуре этой передай: Великий Полоз смилостивился над вами и урок поменьше сделал, до дюжины служб снизил ваше бремя. При ней нарочно говорить не хотел. Пусть помучается, стервь такая.

В верхушках деревьев шумнул ветер, зашуршали кусты, и когда я распрявился, то понял, что остался один. Рядом никого не было, только где-то далеко мне померещился хохоток. Хотя, может, это и птица какая стрекотала, поди знай?

Ребята спали в палатке, из приоткрытого полога слышалось мерное похрапывание Сивого, но, как только я брякнул дужкой ведра, он что-то сонно прохрипел, а после высунул наружу голову, хлопнул глазами, заметив меня, и злобно заорал:

— Гендос, подъем! Эта сволочь нарисовалась!

Ох, как они на меня орали, и вместе, и по очереди. В смысле один отдыхал, второй драл горло, а потом менялись. Я в какой-то момент пожалел о том, что диктофон на смартфоне не включил. Вот стану известным и знаменитым, надумаю написать автобиографию, дойду до главы «Мои недостатки» — и не вспомню даже сотой части услышанного сегодня. А она, эта глава, сейчас, считай, целиком надиктована была.

В какой-то момент они оба выдохлись и у меня наконец появилась возможность вставить слово:

— А я грибов принес. Вот, один к одному.

— Идиот, — хлопнул себя ладонями по ляжкам Сивый. — Грибов он принес! Да я за вчерашний вечер и половину ночи чуть аккумулятор машины не посадил, библика! Уже собирался знакомому из МЧС звонить, просить бойцов для прочесывания местности.

— Ты чего не позвонил, ущербный? — поддержал его Гендос. — Ладно-ладно, не дергайся, я понял, что сигнал ушел. Но ты бы на дерево вскарабкался, что ли?

А то я не сообразил это сделать! Но вслух озвучивать свои мысли не стал. Оно ведь как? Если оправдываешься, значит, виноват. А виноват — плати.

— Давай его побьем? — предложил вдруг Сивый приятелю. — И душу отведем, и Валерону вперед наука будет.

— А потом вещи в зубы — и пусть валит на станцию, — злобно рывкнул Генка. — Пешком!

— Не, пешком нельзя, — просопел Сивый. — Он ведь по дороге заблудиться может. Отойдет с нее в лес посикать да и сгинет в нем без следа. А нам потом следакам придется доказывать, что это не мы его прикончили. Лучше сам отвезу. Вот не поленюсь, снова все колдобины сосчитаю, но отвезу!

— Хорошо, — покладисто согласился я и зевнул, осознавая, что отключаюсь на ходу. — Но давай попозже, я жутко спать хочу. Днем поедем.

— Вот скотина наглая, а? — хмыкнул Гендос. — Каким был, таким и остался, ничего не изменилось.

— Хоть какая-то стабильность, — Сивый достал сигарету из пачки. — Ладно, иди дрыхни, а там поглядим. Раздолбай ты солнечный!

Усталость и сумбур прошедшей ночи сделали свое дело, и я уснул, по-моему, еще на ходу, до того как повалился на спальник. По крайней мере, я этого момента не помню.

А вот пробуждение было неприятным невероятно, из числа тех, когда сон покидать не хочется, но приходится. Увы, но желудок, который, как известно, частенько руководит людьми, опережая по степени влиятельности даже разум, дал о себе знать. Нет, кабы не запахи грибной похлебки, может, он и не заставил бы меня вынырнуть из забытья, но очень уж искушающим был аромат.

— Генк, как думаешь, если в котел лапшу китайскую бросить, она вкус не испортит? — услышал я голос Сивого. — Просто я читал, что раньше не с картошкой грибной суп варили, а с лапшой. Или в кино видел?

— Слышал звон, да не знаешь, где он, — хмыкнул Гендос. — Все подряд валить в котел — это варварство. И вообще, в вопросах еды лучшее всегда враг хорошего. Мне вот только жалко, что морковки нет, сейчас бы из нее пережарку сделать для душистости.

— Еда, — высунул я голову из палатки. — Хочу-хочу-хочу! А потом хоть на станцию везите, хоть куда... Хоть на дереве вешайте! Только пожрать дайте!

— О, проснулся пропаданец наш, — иронично заметил Гендос, помешивающий черпаком варево в котле, висящем над небольшим

костерком. Нет, у нас имелась специальная плитка, удобная и не громоздкая, но тут мои приятели, похоже, решили пойти традиционным путем приготовления пищи. Есть в еде, приготовленной на открытом огне, нечто сакральное, приближающее нас к истокам сути людской, к памяти предков. — Нам спать не дал, зато сам выдрыхся по полной.

— Неправ, виноват, скотина, — я вылез из палатки, подошел к костру и вдохнул ароматный пар, поднимающийся над котлом. — Уф-ф-ф, милота какая! Давай, разливай уже по тарелкам.

— Покомандуй еще, — легонько стукнул меня поварешкой в лоб Генка. — Когда готово будет, я скажу.

— Ты, Швец, только проблемы создавать да жрать мастак, — сообщил Сивый, впрочем, уже довольно миролюбиво. — А вот мы за вчера и сегодня два десятка монет подняли, причем неплохих, крестов нательных пяток да еще и знак старосты. И это с учетом того, что кучу времени на твои поиски потратили.

— Знак кого? — насторожился я, почесав грудь. После ночных походов это слово, произнесенное другом, почему-то поселило во мне тревогу, так, словно оно само было неким знаком, напоминавшим мне о произошедшем.

— Деревня тут стояла большая, сам видишь, — Сивый показал мне светлый кругляш, который он в данный момент старательно надраивал. — Не село, разумеется, церкви не имелось, но люди-то, люди здесь жили, и было их немало. Если есть население, то должна быть власть, таковы законы бытия. А она — не только приказы, но еще и атрибутика.

— Самое забавное, что века прошли, а бардак остался тот же. Что они тогда, что мы сейчас — одинаково все, — рассмеялся Гендос. — Понимаешь, по «Положению о крестьянах» деревням старосты не полагались, только селам. Да на самом знаке, вон, надпись: «Сельский староста». То есть кто-то просто плюнул на условности и посадил управителя в деревне против всех уложений. Если нельзя, но очень надо, то можно.

— Или сюда наведалься староста из соседнего села в связи с праздником урожая, нажрался местным самогоном, а после уснул рожей в пашне, — возразил ему Сивый, причем это прозвучало как-то очень привычно. Как видно, подобные дискуссии у них были

нормой. — Отвезти домой его отвезли, а знак затоптали, не заметив. Вон, ушко у него отломано. Вот он потом, небось, убивался!

— А чего еще нашли? — заинтересовался я, подходя к тряпице, на которой лежал улов последних двух дней, и подцепил темную от времени монету. — Вот это чего за денежка такая?

— Денга, — недовольно глянул на меня Сивый, отвлекаясь от спора. — Тридцать четвертый год, «четырёхперая».

Я сначала подумал, он так шутит, коверкая слово, а оказалось — нет. И правда, это оказалась не денга, а именно «денга». На ней для особо тупых, вроде меня, про это написано было. И насчет тридцать четвертого года тоже не соврал мой приятель, не уточнил только, что одна тысяча семьсот тридцать четвертого. Вот только с перьями я не сразу разобрался. Но после смекнул, что речь, вероятнее всего, идет о хвостовом оперении державного двуглавого орла. Там и на самом деле с одной и с другой стороны было по четыре пера. Как видно, в другие годы их там имелось больше.

Черт, ощущения, конечно, космические. Этой монете почти три века. Триста лет! Я держу на своей ладони добрую часть учебника истории для средней школы. Когда на монетном дворе ея императорского величества Анны Иоанновны отчеканили эту монету, мир вокруг был совсем другой. И речь не о социальном строе, это все чушь. Названия меняются, смысл происходящего нет. Я о другом. О том, что тогда, когда этот медяк перестал быть металлом и стал «денгой», Пушкин и Толстой, Наполеон и Чайковский еще даже не появились на свет. Ломоносов сравнительно недавно прибрел в Москву с рыбным обозом и теперь удивленно глазел на городские усадьбы вельмож, даже не предполагая, какие взлеты и падения его ждут. Фридрих Второй, которого еще не называют Великим, лаетя с отцом, женится на нелюбимой женщине и только-только начинает задумываться о том, что государственные границы Европы неплохо бы немного поменять. Да что границы Европы? Карта мира тогда имела кучу белых пятен, поскольку длинные руки человечества еще до них не дотянулись.

Это все — прошлое, ставшее хрониками, книгами, гравюрами, архивами. С ним можно ознакомиться, но никто и никогда не расскажет, как оно там все было на самом деле. И все же свидетели той поры есть, например, вот эта денежка. Она не умеет говорить, но, сжав

ее в руке, ты на секунду ощутишь, как пульсирует то, что никогда не вернется. Как пульсирует ушедшее, но не пропавшее навсегда Время.

— Валер, ты чего завис? — требовательно окликнул меня Генка. — Дай мне черный перец, он вон там лежит. Тот, что горошком, не молотый.

Выполнив его просьбу, я отправился в дальний конец деревни. Физиология есть физиология, а просьбу Сивого не гадить там, где будем копать, я запомнил хорошо.

Еле различимый шепот коснулся моих ушей не сразу. Я сначала подумал, что это шуршание джинсов, которые я натянул обратно, встав с корточек. Но нет, звук повторился, и теперь я даже различил несколько слов.

«Отпусти». «Отпусти». «Время».

Шепот становился все громче, все настойчивей, он звучал в моей голове так, будто я в уши вставил наушники-затычки, подключенные к смартфону.

«Сроки вышли, устала. Устала, Хранитель. Те, кто оставил меня, ушли, их дети ушли и внуки. Отпусти, отпусти, отпусти!»

Вот тут меня слегка тряхануло. Когда человек начинает слышать голоса, источник которых неясен, то ничего хорошего от этого ожидать не стоит, это уж наверняка. И позитив в этом искать не стоит.

«Я рядом, Хранитель. Рядом. Дай мне волю!»

Хранитель. Самое главное-то я и не услышал сразу. Значит, не бред? Не чушь? Само собой, случившееся ночью мне страшным сном после пробуждения не казалось, что бы я там раньше ни утверждал. Нет у меня склонности к самообману. Но было и было, мир многообразен, в нем чего только ни случается. К тому же во время учебы я с теми же археологами общался много, мы и выпивали вместе не раз, наслушался от них всякого. На раскопах такие истории случались, что волосы дыбом встанут. Прыгающие каменные бабы в степях, могилы и курганы скифских вождей, после вскрытия которых половину экспедиции гадюки перекусили, прочее разное...

Но вот насчет голосов в голове уговора не было. Мне подобное на фиг не нужно.

«Я тут, я рядом. Хранитель, это в твоей власти!»

Такое ощущение, что молоденькая девчонка говорит. Жалобно так, пронзительно. Интересно, «тут» — это где конкретно?

Ответ я получил почти сразу же. Совсем недалеко от меня, у остова одной из совсем развалившихся изб, обнаружилось нечто вроде легкого свечения. Ну, как будто под одеялом фонарик включили. В ночи, скорее всего, видно было бы куда лучше, но и днем этот свет я различил без труда.

А ведь это клад со мной говорит. С чего бы кому-то другому называть меня Хранителем? Правда, если кому подобное рассказать, психушка гарантирована. Я и сам, признаться, начинаю сомневаться в собственной вменяемости. Потому надо брать лопату и копать. Если там обнаружится захоронка — я не свихнулся. Если нет — плохо дело, надо искать психиатра. Не психолога, как я говорил шутейно Воронежкой, а именно психиатра.

Лучше бы там что-то оказалось. Не из корысти этого желаю, а исключительно из соображений любви к себе единственному. Дом скорби не то место, где мне хочется быть.

На то, как я взял лопату, никто из моих приятелей внимания даже не обратил. Они опять спорили на какую-то историческую тему, явно получая от процесса этой перебранки немалое удовольствие. Вот так они отдыхали, так сбрасывали те стрессы, что копились весь год. И это не самый плохой вариант, как по мне.

Свет, когда я к нему приблизился, стал куда ярче, чем раньше, а в ушах послышался веселый девичий смех. Она, несомненно, радовалась, поняв, что ее просьбы были услышаны.

А меня, кстати, этот смех насторожил. Вдруг я не должен этого делать? Ну да, убедиться в верности догадки следует, но все же? В том странном обществе, которое дядя Фома и Стелла называли «миром Ночи», действовали свои законы, и их было немало, это я усвоил. Может, один из них, например, запрещает Хранителям выкапывать клады собственноручно? Или надо слова какие произнести в этот момент?

А спросить не у кого. Даже интернет — и тот не помощник, как бы странно это ни звучало.

«Прошу тебя! Отпусти! Нет мочи!»

Как видно, клад уловил мои сомнения, голос теперь не смеялся, а только что не рыдал. Мало того, в свете, который стал совсем уж ярким, передо мной вдруг побежали картины далекого прошлого, чем-

то напомнив мне то ли рисунки из старых книг, то ли самые первые кинохроники.

Бородатый мужик завертывает в тряпицу монеты, убирает их в горшок, чем-то закрывает его горло и кладет в яму, выкопанную около избы.

Мрачные люди выносят из дома несколько гробов.

На то место, где когда-то зарыли клад, ставят огромную бочку, стянутую обручами.

Пожар. Причем горящий факел в окно кидает солдат в старинной французской форме.

Вот снова на этом месте дом стоит, но выглядит совсем не так, как прежний.

И так картинка за картинкой. Клад рассказывал мне о себе, о том, что видел, что запомнил. Это было необычно, но при этом чертовски интересно. Я смотрел на происходящее как замороженный, не желая, чтобы оно заканчивалось. Просто никогда ничего подобного даже представить не мог.

Но вот деревня опустела, а после и дом, уже четвертый по счету, разрушился. И последней картиной, которую мне показали, оказался непосредственно я, сидящий среди густых трав на корточках, кряхтящий и мечтательно смотрящий в небо.

То есть, у кладов еще и чувство юмора есть?

Не знаю, это ли послужило причиной, по которой я все же принял решение, или что-то другое, но лопата с хрустом вошла в землю. И я ни капли не удивился, когда услышал, как она обо что-то скрежетнула.

Отбросив инструмент в сторону, я встал на колени и руками начал выгребать землю, ища то, что попало под штык.

Это оказались осколки глиняного горшка. Пока только они.

— Слова, Хранитель, слова, — голос звучал уже не в голове, а совсем рядом со мной, прямо за плечом.

Я опасливо повернул голову, но там, само собой, никого не увидел.

— Слова! — моляще протянула девушка.

— Да что говорить-то? — не выдержав, зло спросил я.

— Отпусти меня! — немедленно отозвался голос. — Навсегда!

— Иди, — разрешил я. — Отпускаю. Иди туда, куда положено. Навсегда!

Ох, не напортачить бы. А если текст не тот?

— А-а-а-ах! — метнулся голос вверх-вниз, после что-то коснулось моей щеки. То ли это странное существо ее погладило, то ли вообще поцеловало — я так и не понял.

Но зато ощутил, как порвалась некая незримая струна, связывающая того, кто со мной говорил, и то, что лежало там, в яме. Навсегда порвалась.

А следом за этим среди земли тускло блеснул металл монет.

Глава четвертая

Браслет с замысловатой вязью узора, плетеный обруч с какими-то неясными знаками и золотое кольцо плясали перед взором, они словно говорили: «Вот, вот они мы». Но после чья-то короткопалая рука, унизанная перстнями, хватала их, и пронзительный жалобный крик ввинчивался в мой разум, разрывая его в клочья.

Этот сон повторялся каждую ночь, всякий раз становясь все отчетливее и отчетливее. А крик, который сначала был еле различим, на этот раз чуть не свел меня с ума, причинив вполне осязаемую физическую боль.

Вынырнув из забытья, я провел по лицу рукой, стирая с него пот, и понял, что он странно густой и теплый.

Кровь. Это была кровь, текущая из носа. Однако! Происходящее начинало нравиться мне все меньше и меньше. То, что началось там, в можайских лесах, как странная сказка из детства, все сильнее приобретало довольно-таки мрачный оттенок. Сначала эти странные сны, теперь вот кровь на лице. И что дальше?

— Пш-ш-ш-ш-ш, — раздался неприятный звук из центра комнаты. — Пш-ш-ш-ш-ш!

Я резко повернулся на кровати и оцепенел. Неподалеку от балконной двери на полу обнаружилась здоровенная гадюка, свернувшаяся в кольцо и смотрящая на меня.

— Мать твою так! — непроизвольно вырвалось у меня.

Клянусь, она улыбнулась, услышав эти слова. Улыбающаяся змея — это невозможный абсурд, но из песни слова не выкинешь.

— Пш-ш-ш-ш, — змея расплела свои кольца, поднявшись чуть выше, прямо как кобра какая-то, и я заметил, как в лучах лунного света, заливавшего комнату, блеснула маленькая золотая коронка на ее голове.

Сдается мне, что эта незваная визитерша является прямым дополнением ко снам, мучающим меня уже которую ночь. Мне четко дают понять, что взятые на себя обязательства, пусть даже и против воли, надо выполнять. Пока по-хорошему просят, но, если буду дальше отлынивать, начнут по-плохому.

— Кусать меня не будете, ваше величество? — ощущая, как уходит естественный для человека страх перед рептилией, осведомился я.

Змея качнула шеей, словно говоря: «Пока нет, а там посмотрим».

— И на том спасибо, — вздохнул я. — Ваша взяла. Позвоню я завтра Стелле, позвоню.

В этот момент змея насторожилась и перевела свой немигающий взгляд с меня на дверной проем, за которым начинался коридор, ведущий к входной двери. Мало того, она словно изготовилась к атаке, раздвоенный язычок ее замелькал между двух страхолюдного вида клыков. И шипение изменилось, оно стало агрессивным и очень недобрим.

Я глянул в ту сторону. Никого. Пустота, полумрак.

— Чего там? — спросил я у нее, теперь уже точно будучи уверенным в том, что она меня понимает. — Вы чего, ваше величество?

— Пш-ш-ш-ш, — ответила змея, переводя взгляд в мою сторону, качнула головой, как бы говоря: «Смотри у меня», — а после молнией скользнула к открытой по случаю большой жары, пришедшей в Москву, двери, ведущей на балкон.

На ее пороге она остановилась, погрозила хвостом, точно пальцем, для этого чуть приподняв его, и скрылась в темноте.

— Уф-ф-ф! — я снова провел рукой по лицу.

Мне показалось, или по коридору протопали чьи-то ноги? Вернее, ножки, словно кошка пробежала?

Елки-палки, вот теперь мне снова жутковато стало. Но лежать, подобно ребенку, накрывшись одеялом с головой, — это не лучшая идея. Тем более что я его кровью перепачкаю.

Ни в коридоре, ни на кухне предсказуемо никого не оказалось. Значит, показалось. Ну, оно и неудивительно.

Сна, естественно, ни одним глазу уже не было, потому мне осталось только умыть перепачканное кровью лицо, взять сигарету и отправиться на свежий воздух, чтобы окончательно привести нервы в порядок. Единственное, я сначала внимательно глянул, не расположилась ли моя ночная венценосная гостья там, на полу балкона. Не дай бог ей хвост ногой придавлю, тут-то мне со святыми упокой и настанет. Какой королевишне понравится, если ее высокопоставленное тело невесть кто топтать станет? Правильно,

никакой. А клыки у нее ого-го какие были, если куснет, то мне мало точно не покажется. И потом, личный эмиссар Великого Полоза наверняка не просто там какая-то лесная гадюка. Это нечто более весомое, фольклорное. Короны даже в сказках абы кому не раздают. Например, Иван-дурак, получив ее, сразу становился Иваном-царевичем, хотя вряд ли за столь краткий отрезок времени сильно умнел.

С другой стороны, я сам виноват в том, что довел дело вот до таких визитов и ночных кошмаров. Ведь мне еще там, в заброшенной деревне, стало ясно, что с возвращением в город все не закончится, что влип я по полной, только звонить Стелле все равно не стал. То ли из природного упрямства, то ли еще почему, но не стал и все. Вот результат, получите и распишитесь.

Я выдохнул дымок сигареты, а после крутанул в пальцах левой руки тускло блеснувшую монету. Появилась за последние дни такая привычка, причем воспринималась она мной так, будто всегда была. Да я с этой денежкой вообще теперь не расставался.

Рублевик Екатерины Второй времен конца ее царствования. Красивый, увесистый, старый, он приятно холодило руку и волея-неволей заставлял вспоминать изумленные лица моих приятелей, когда они увидели меня с пригоршней перепачканных земель монет.

— Во, — я вывалил найденное на столик, ощущая, как бурлит в венах кровь от переполняющих меня чувств. — Видали?! Серебро, не медь.

— Оба-на! — приятели мигом отвлеклись от перепалки и подскочили ко мне. — Неожиданно.

— «Катка», — уверенно заявил Сивый, цапнув одну из монет и осторожно обтерев ее рукавом тельняшки, которую не снимал с самого приезда. — Без вариантов.

— Поздняя, — поддержал его Гендос. — Согласен на все сто.

— Однозначно. Ставлю на девяносто третий, в заклад бутылка «Баллантайна», — Сивый лукаво глянул на приятеля. — Принимаешь?

— Девяносто первый, — Генка, прищурился, покачал головой. — Хотя могу и ошибаться.

— А результаты розыгрыша когда узнаем? — мне и правда было интересно. — И сразу: я в любом случае имею право на часть награды в размере трети.

— Сейчас и узнаем, — усмехнулся Сивый, переворачивая денежку. — Блин, опять продул. С меня пузырь.

Да, Генка выиграл. На оборотной стороне монеты сверху полукругом была вычеканена дата «1791», причем единички на такие даже и похоже не были. Скорее на галочки какие-то.

— Сохранность отличная, — заметил Генка, забирая монету у Сивого. — Нечасто такую встретишь.

— А как ты дату определил настолько точно? — с любопытством спросил я.

— Что рублевик времен поздней Екатерины, сразу было ясно — у изображения матушки-государыни шея короткая. Вот, смотри. На ранних монетах она куда длиннее. Как видно, в те времена лебединые шеи не в почете были.

И правда, голова шальной императрицы не то чтобы прямо из плеч росла, но шея была почти не заметна.

— А дальше — интуиция, — продолжил Гендос. — Ну и во-о-от эта точка у двойного «с». Видишь, насколько близко она к краю монеты расположена? Я и с этим, и другими годами сталкивался не раз, вот и запомнил. Так вот, на более поздних монетах она ниже проставлена. А на более ранних сама Катька немного по-другому выглядит.

— Точно, — хлопнул себя по ляжкам Сивый. — Подвела меня правительница всероссийская.

Ну да, то самое двойное «с» было частью слова «всеросс». Целиком титул на монету не вошел, потому на этом «с» титулование и кончалось.

— Монета, конечно, зачетная, но не «релик» ни разу, — Генка подкинул денежку на ладони, а после протянул мне. — Екатерининские «рублевики» часто встречаются. Но все равно нет повода не порадоваться за удачу друга.

— Еще один рублевик, — Сивый взял из кучки следующую монету. — Этот, правда, покоцанный.

Собственно, эти две денежки по номиналу оказались самыми крупными, остальное было помельче. Среди найденного обнаружилась пара серебряных полуполтинников, один двугривенный того же металла, а остальное и вовсе медь.

— Где, говоришь, откопал? — Сивый, что твоя гончая, аж трясся весь от азарта, у него даже волосы, здорово поредевшие со времен школы, дыбом встали. — Вон там? Странно, странно... Сумма тут по тем временам немалая. Ладно бы староста ее закопал или кто из зажиточных крестьян, так с чего бы им на окраине жить? У них дома в центре деревни, небось, стояли.

Да нет, не похож был тот бородач, что некогда припрятал деньги под стенами своего дома, на зажиточного крестьянина. Я его лицо в видении, которое мне показал клад, хорошо разглядел. Да и на сильно добродетельного человека, признаться, этот селянин тоже не тянул. Сдается мне, он под домом то припрятал, что в темном лесе да залесье с кистенем на дороге приобрел. Ну, или каким другим, не сильно праведным, путем добыл. Заработай он такие деньги честно — сразу бы в оборот пустил. Не следует забывать, что в те времена цены были не так и велики, особенно по сравнению с теперешними, это сейчас восемь с половиной рублей, которые после подсчета и составили весь клад, — смешная цифра. В свое время, курсе на третьем, на одном из семинаров мы как-то обсуждали вопросы цен того времени с преподавателем. За гривенник можно было купить целую телегу с сеном, за тридцать-сорок копеек — живую курицу, чуть подороже стоил живой гусь. За рубль, а то и подешевле, если сторгуешься, можно было прикупить пуд ржаной муки, за три рубля — телку. Нет, не красивую девушку, а крайне нужную в крестьянском хозяйстве корову. За пять — коня. А за десять — избу поставить. Причем это с материалом, работой и последующим «обмыванием» постройки.

Тут восемь с половиной рублей. Огромные деньги по крестьянским меркам. И их никак нельзя было светить перед соседями, которые немедленно задались бы вопросом: «А откуда они взялись?» Деревня же. Вот и закопал их добытчик под своим домом, здраво рассудив, что тут их шиш кто найдет. И оказался прав — не нашли. Даже когда новый дом ставили, не выкопали. Может, просто фундамент старого использовали? Ну или как там он раньше назывался?

Монеты я ребятам отдал. Ну, не то чтобы прямо совсем отдал, они сказали, что свою долю от реализации найденного я получу непременно, могу даже не переживать. Сивый навскидку оценил стоимость найденного, по его меркам, она оказалась совсем небольшой, но по моим, бюджетным, — крайне приятной.

— А как же «все передаю в музей»? — не удержался я от легкой иронии, припомнив наш с ним недавний разговор. — Мол, копаю не для денег, а исключительно для души.

— Если вещь историческая, из тех, что продавать грех, отдаю, — и не подумал обижаться мой приятель. — Какие-то ништяки дома держу, они у меня что-то вроде коллекции. Монеты там, «мощевики»... Но только то, что сам в поле взял. Ну а вот такую «копанину» мы всегда скидываем барыгам. Криминала никакого нет, это не раритеты, подобным добром не то что музейные запасники — любые «Нумизматы» забиты. Если выручка отбивает затраты на поездку, считай, отдых удался. А если превышает — это нам премия от земляного дедушки.

— Все так, — подтвердил Генка и взял из аккуратно разложенных на тряпице денег монетку. — Да и что тут нести в музей? Вот, например, «катин» пятак. На глазок — начало — середина семидесятых годов. Монета, конечно, «бодрая», не придерешься, но все равно ей цена — тысяча-полторы, не больше. Ну, если очень повезет, две за сохранность. И не евро, Валерон, а рублей. Вот и вся песня.

— За серебро, понятное дело, возьмем побольше, — заметив мою печальную гримасу, приободрил меня Сивый. — Вот этот полуполтинник, думаю, запросто на пятнашку потянет, а то и на двадцатку. Двугривенные неплохи, на них тоже погреться можно. Так что не грусти, Швец, со своего первого «копа» ты навар снимешь. Хороший знак, между прочим.

— А я вообще был уверен с самого начала, что Валерону матушка-земля подарок сделает, — заметил наш второй приятель. — Не просто же так ему после приезда всю дорогу одна «жбань» под лопату лезла? Ждала козырная находка нужного момента. Нет, что ни говори, а первый «выход» — это первый «выход». Не может новичку не свезти.

Будь это какие-то другие люди, я бы подумал, что меня сейчас пытаются развести, после чего при первой же возможности залез бы в сеть и попытался найти сайты по оценке монет, чтобы сравнить цены... Но не в этом случае. Этим парням я верю. Ну да, годы людей меняют, только, слава богу, не всегда и не всех.

Но одну монету из поднятого клада я все же оставил себе. Тот самый рубль 1791 года, на котором Гендос у Сивого пузырь вискаря

выиграл. То ли как талисман, то ли просто как память о поездке. Ну и потом, глянулась мне эта монета. Так бывает. Вот смотришь и сразу понимаешь: это твоя вещь, для тебя сделана.

К тому же она мне добрую службу сослужила, причем буквально через несколько дней.

Пробыть весь срок, что мы наметили, в этой деревне у нас не получилось. Сивого вызвонили деловые партнеры, после чего он долго с ними ругался, приводя в основном нецензурные аргументы, но под конец сдался. Больно важный контракт надо было то ли подписывать, то ли обговаривать, не знаю точно, не вслушивался. Да и потом, меньше знаешь — крепче спишь.

Тем же вечером мы собрали вещи, а на следующее утро с рассветом отправились в путь, оставив позади себя аккуратно закопанные ямки, в том числе и не наши, а также полное отсутствие какого-либо мусора. Мои приятели придерживались неписаного кодекса копателей-любителей, который гласил: «Убери за собой, не будь свиньей». Правильная позиция, уважаю и присоединяюсь.

Вот только, как выяснилось, путь не сразу в Москву лежал. Оказывается, у моих приятелей еще одно место имелось на примете, причем находилось оно не так далеко от столицы, и они с самого начала планировали туда на обратной дороге ненадолго заскочить, несколько часиков там походить. На него Гендосу один приятель наводку дал в обмен на какую-то услугу. У «честных» копателей, как выяснилось, продажа информации за деньги не особо практиковалась, в ходу были взаимные уступки и незамысловатые договоренности, которые, к слову, всегда выполнялись. Круг любителей побродить с металлоискателями был весьма широк, но большей частью все всех знали, если не лично, то понаслышке, в пределах Москвы и области — уж точно. И если кто-то позволял себе не очень честную игру, то очень скоро этот кто-то выпадал из движения как такового, оставаясь одиночкой, которому никто никогда ничем не поможет. Ни деньгами, ни связями, ни информацией. Копательство — тема сложная, многогранная, местами скользкая, на грани балансирования между законной и незаконной деятельностью, потому в ней «крысы» никому были не нужны.

Что до денег — они, разумеется, в этой сфере вращались, и немалые. Но вольные «поисковики» к ним отношения никакого не

имели, им важнее был сам процесс, где царили азарт, пицание в наушниках, хруст подрубаемой лопаткой травы и запах земли с раскопа. Ну а заработок... Будет — хорошо. Не будет — да и ладно, не за тем в «поле» ездим.

Хотя, случалось, переходили «копатели» в стан профессионалов, хоть туда попасть было очень и очень сложно. Вот там уже действовали совершенно другие законы и обычаи, одиночки были нормальным явлением, информация охранялась так, что иные спецслужбы позавидуют, и суммы озвучивались такие, что будь здоров. Но и риски увеличивались пропорционально. Если ты вышел на поле профессионального кладоискательства, будь готов к любым неожиданностям и неприятностям. Даже к тому, что в какой-то момент тебя самого вовсе изымут из обращения, как ту монету.

Потому выехали раненько, чтобы до вечера все же до города добраться.

— Поляна там, конечно, «выбитая», — толковал нам Гендос, подпрыгивая на переднем сидении, — но Вьюн сказал, что там «лежак» когда-то был, потому «потеряшек» море. Надолго хватит, причем всем.

Я потихоньку начал понимать язык, на котором общались мои друзья, перевод уже не требовался. Слово «лежак» означало, что на этой самой поляне некогда купцы, крестьяне и прочие мирные граждане устраивались на привалы или ночлеги и время от времени теряли разные вещи: монеты, ножи и прочую мелочь, которую теперь Сивый, Гендос и прочие искатели сокровищ называют «потеряшками». Покопались на этой поляне уже изрядно, потому она перешла в разряд «выбитых», но шансы что-то любопытное отыскать остались.

— До Москвы один перегон оставался, вот прашуры там на ночевку и вставали, — заметил Сивый. — Самое то. Небось, на тракте пошаливали, в ночи никто не хотел до городских застав переться. А тут тебе и костер, и брага, и компания подходящая. И даже, возможно, девы блудные из числа окрестных разбитных вдовушек. Так, Генк, ты сегодня за штурмана, не забудь мне хотя бы за пару километров маякнуть, что сворачивать с трассы нужно. Координаты уже забил в навигатор или нет?

Когда я увидел поляну, о которой шла речь, я сразу поверил как в то, что здесь некогда стояли лагерем странники и купцы, так и в то, что

она «выбитая».

Очень большое пространство среди леса, заросшее низенькой зеленой травкой, было изрядно перерыто. Так, будто тут целая колония кротов орудовала.

— Н-да, — Сивый почесал затылок, — Вьюн, конечно, скотина. Нет, наводка верная, но хоть бы сказал, что про это место половина Москвы в курсе.

— Рассупониваемся, — непреклонно заявил Гендос. — Раз пришли — будем «ходить». Земля богата, все из нее никто никогда не выгребет. Часа три хотя бы побродим. Это дело принципа.

Именно ему первому удача и улыбнулась. Минут через пятнадцать Генка резко остановился, потоптался на месте, прислушиваясь к пisku в наушниках, а после начал «зарываться».

— «Николашка», — сообщил он нам с гордостью через пару минут, отчистив монету от земли. — Три копейки. И не «убитая».

— Год какой? — любопытствовал Сивый.

— А, — отмахнулся Гендос, — четырнадцатый. Ни о чем.

— Почему? — заинтересовался я. — Чем он от других отличается?

— Война началась, — пояснил Сивый. — Деньги она тянула как пылесос, потому их шлепать начали с очень большой скоростью, что ассигнации, что монеты. А медь — самая распространенное средство расчета царя-амператора с братушками-солдатыками. Это енералы да оффицеры большую деньгу зарабатывали, нижним чинам было положено семьдесят пять копеек. Не, Валер, не в день — в месяц. И если жив останешься. Ну, унтерам или фельдфебелям, понятное дело, побольше, а солдатам — вот, медяки. Так что начеканили их за три последних года, что Романовы у власти стояли, море.

— А если до четырнадцатого года такую монету взять? — мне стало правда интересно. — В смысле найти. Она дороже будет?

— Отвлеченными категориями мыслишь, — усмехнулся Генка, снова беря в руки металлоискатель. — Год на год не приходится. Опять же сохранность важна.

— Наш с Гендосом общий знакомец Лука как-то «трюндель» пятого года поднял, — добавил Сивый. — Неплохой такой «трюндель», чистый. Так почти сразу за «косарь» зеленых «купцу» скинул. Можно было еще пару сотен выторговать, но он не стал. И правильно, жадность порождает бедность.

— А если самого начала царствования? — упорствовал я. — Николай Второй когда на престол сел? В 1894? Вот если того года?

— В девяносто четвертом, кроме «полушек» с николаевским вензелем, ничего не чеканили, — Сивый тоже надел наушники. — Но если такую найдешь, да еще в приличной сохранности, с меня «купец», с тебя «поляна», она очень хороших денег стоит.

«Полушка» — это одна четвертая копейки. По нашим меркам вовсе воздух, по старым... Если совсем — то что-то. Если говорить о начале двадцатого века, то тоже уже почти ничего. Может, разве пирожок какой?

Ну а «трюндель» — это три копейки, соответственно. Интересно, почему 1905 год дороже, например, 1913? Вряд ли из-за русско-японской войны или первой революции.

А вообще стыдно. Из нас троих историк я, а знают больше вот эти двое. Путь их знания специфичны, но все же...

Как и когда я, ожидая попискивания, говорящего о том, что под землей меня ждет находка, убрел за березки, растущие на краю поляны, не знаю. Но вот убрел. Кстати, не я один, Сивый то и дело поступал так же.

Наушники молчали, а под деревьями было хорошо, покойно и прохладно, потому в какой-то момент я стянул с мокрой от пота головы наушники, аккуратно прислонил металлоискатель «Е-Трас», любезно одолженный мне Сивым, к дереву и сам уселся рядом, достав из кармана сигареты.

И вот тут я снова услышал зов, очень похожий на тот, что был в заброшенной деревне. Правда, на этот раз голос... Как бы так сказать... Мало в нем человеческого имелось. Это сложно объяснить. Скажем так: в компьютерном озвучивателе книг и то людских интонаций больше. А тут что-то совсем уж непонятное.

Но игнорировать его я не стал. Во-первых, интересно. Скажу честно — предыдущий случай меня очень заинтриговал. Вся эта демонстрация картинок и прочее... Ну да, немного жутковато, но невероятно любопытно. Во-вторых, азарт. Не жадность, нет, именно азарт. Очень хотелось еще один клад найти.

— Я тут, — взывал ко мне голос. — Иди сюда. Иди скорей, человек.

Мне бы сообразить, что слово «человек» произнесено не случайно, но какой там! Я шустро зашагал в ту сторону, откуда неслись стоны, не забывая при этом поглядывать назад и следя за тем, чтобы поляна все же хоть как-то виднелась за не такими уж густорастущими деревьями. Снова заблудиться у меня желания не имелось. Ну да, дядя Фома обещал, что теперь все лешие станут моими друзьями, но все же...

Потому чуть и не свалился от неожиданности на землю, когда дошел до нужного места, находившегося, кстати, не так и далеко от поляны. Даже странно, что никто никогда досюда с металлоискателем не добрался.

С другой стороны, посмотрел бы я на вас, увидь вы то, что явилось мне.

Мне навстречу из земли выпрыгнул конский череп размером с обеденный стол. Зубастый, огненно-красный и призрачный. Привидься такое в ночи — точно бы оконфузился, а то и в обморок грянулся.

— Ох, ё! — я отшатнулся назад, вытаращив глаза. — Сгинь-пропади!

— Отпусти меня, — потребовал череп, лязгнув зубами. — Тебе власть на то дана! Сделай положенное и забирай все! А меня — отпусти!

— А что ты имеешь в виду? — уточнил я. — Слова сказать, как всегда?

— Я закладной! — в глазах черепа блеснули нехорошие багровые огоньки. — Или не видишь?

— Чего это? — мне показалось неправильным дать этому существу понять, что не только ничего не вижу, но и почти ничего не понимаю. — Закладной, ясное дело. Такое только слепой не заметит.

— Отдай мне одного из тех двух, что ходят рядом, — потребовал конь. — Одна жизнь за мою свободу — и забирай злато, Хранитель. Я уйду и не стану преследовать тех, кому ты его передашь, они смогут спать спокойно и умрут лишь тогда, когда придет их срок.

Скажу честно, его слова меня порадовали. Нет, не в свете того, что у него золото есть, за которое надо платить жизнью одного из моих приятелей, речь о другом. Похоже, что мне в любом случае ничего не грозит, даже если я заберу клад против воли этой призрачной твари. Под раздачу попадут те, кому я его отдам, просто так или за деньги.

А вообще, надо срочно повышать уровень знаний. Я сейчас как папуас с автоматом Калашникова. Он тоже понимает, что штука это красивая и умеет убивать, но не знает, как именно.

— Злата много, — соблазнял меня череп, пуча глаза-огоньки. —
Смотри сам!

И я увидел! Правда увидел. Прямо как в кино или игре, передо мной открылось нечто вроде окна в земле, и я увидел приличных размеров котел, в котором обнаружилась изрядная груда золотых монет. Да и не только их. Тускло посверкивали камнями круглые броши и иные украшения, а несколько массивных перстней сиротливо жались к краям котла.

— Ух ты! — проникся я. — Здорово.

— Отдай мне одного из друзей, — промолвил конский череп, причем тон у него изменился. Он больше не просил — он требовал. Мало того, я все сильнее ощущал, что мне надо ему уступить и следует прямо сейчас сюда привести кого-то из ребят, чтобы отдать его душу этому существу. Причем данное желание с каждой секундой росло, как и огни в глазах мертвого коня. Они просто-таки поглощали меня без остатка, я не мог на них не смотреть. — Одна жизнь — вот плата, которую назначил тот, кто сделал меня стражем этих сокровищ!

Кладоносцем, лик которого мне наконец-то явил череп, оказался неприятного вида плечистый мужчина в потрепанном кафтане, явно снятом с чужого плеча, вооруженный до зубов и с кудлатой бородой. Сдается мне, именно он потряхивал на дорогах тех, кто не оставался ночевать на близлежащей поляне. И, судя по одежде, происходило это сильно не вчера.

А я ведь понял, что это за конь и к чему относится слово «закладной». Эту божью тварь при закапывании клада сначала убили, а после оставили в яме вроде сторожа, чтобы клад мог откопать либо тот, кто его положил, либо тот, кто знает, что делать. Подобные предрассудки в старые времена были не редкость.

Тут все лишние мысли вылетели у меня из головы, потому что череп рявкнул:

— Давай, веди жертву, Хранитель! Мое слово — твое дело.

Может, и подчинил бы этот адский скакун мою волю, кабы не рублевик, который я в кармане таскал. Не знаю отчего, но он изрядно

нагрелся и просто-таки ожег мне ногу, вернув сознание на место, а мысли — в голову.

— Чего? — возмутился я. — Ты мне приказывать станешь, тварь дикая? Мне, Хранителю кладов? Да я тебя сейчас прокляну!

Не уверен, что на подобное способен. Не в смысле по жизни, а чисто технически. Проклинать тоже надо знаючи, как мне думается. Опять же, как проклясть того, кто уже проклят?

Но сработало ведь!

— Прости, — страж клада сверкнул глазами, которые стали куда меньше, хотя злые огоньки так никуда и не делись. — Я устал тут ждать свободы, а ты первый, кто меня услышал. Сколько ни подманивал людей, которые рядом бродили, но не получалось. Не дано мне такое.

— А вот мне по штату положено, — заметил я. — Слушай, лошадка, а без жертвы никак?

— Никак, — оскалился череп. — Не опасайся, Хранитель, я сам ее заберу, на твои руки кровь и проклятие не падут. Ты, главное, мне ее отдай!

— Не заберешь, — вздохнул я. — Шиш тебе, а не моих друзей, так что лежи себе дальше, Буцефал, жди другого Хранителя. Ну или удачного стечения обстоятельств.

— Нет! — гаркнул бывший конь так, что у меня уши заложило. — Нет! Нет!

Но я его не слушал, я шел к поляне, где Сивый и Генка уже громко матерились, поминая мое имя. Они подумали, что я снова потерялся.

Конь орал еще долго, чем дальше, тем хуже его было слышно, а когда я вышел на поляну, так он и вовсе смолк. И скажу вам так: хорошо, что мы сюда завернули, это был полезный опыт. Выходит, не все спрятанные сокровища настолько милы и покладисты, как та девица из деревни, есть те, которым людскую жизнь подавай. Или душу? Впрочем, не суть, важен сам факт того, что встреча с кладом может оказаться занятием не очень безопасным для окружающих. Мало того, эти земельные сидельцы и меня прессануть могут, причем очень неслабо.

И многие сайты, которые я изучил после возвращения в Москву, это подтвердили. Нет, разумеется, что фантазий, а то и очевидного бреда, там было куда больше, чем полезной информации, но кое-что по

крупинкам я оттуда выуживал. Правда, про Великого Полоза я толком ничего не узнал. Сказы Бажова вылезали по ссылкам, еще какой-то фольклор, но по сравнению с тем, что я видел и слышал в памятную ночь на поляне у дуба, это все рядом не стояло. И про Хранителей кладов ни слова. Будто их и вовсе нет и не было никогда.

Как на работу выйду, надо в архивных базах покопаться, благо профессия позволяет мне это сделать. В большинство из них я имею доступ, а куда не имею — раздобуду. И знакомства кое-какие есть, и Розалия Наумовна, если что, пособит. Она мне симпатизирует, подобным грех не воспользоваться.

И все бы ничего, если бы не эти сны, которые начали посещать меня с завидной периодичностью. Они не давали мне покоя на пару со змейками на груди, которые становились все больше и больше и то и дело болезненно свербили.

Апофеозом же всего этого стало сегодняшнее явление гадюки с короной на голове. Сдается мне, последнее предупреждение получено, дальше лирики не будет. Дальше суровая проза жизни начнется.

— Позвоню, — заверил я ночную мглу, сам не знаю для чего. — С утра наберу эту стерву. Слово даю.

Докурил сигарету, закрыл балконную дверь крепко-накрепко да и отправился обратно в кровать. Может, хоть теперь по-людски поспать дадут? Победа за ними, я сдался...

Глава пятая

Гудок, щелчок, и мелодичный голос произносит:

— Вся во внимании.

— Стелла Аркадьевна, мое почтение, — решил я соответствовать приветственной фразе потенциальной собеседницы. — Это вас беспокоит...

— Скотина, — закончила за меня фразу Воронежская, голос которой моментально приобрел совершенно другие интонации. — Меня беспокоит сволочь, которую я уже три дня как разыскиваю с собаками, легавыми и гончими, но не могу найти. Белобрысого паскудника, нашкодившего...

И так минуты три. Причем дипломатические выражения закончились где-то на первой минуте, а дальше пошел такой отборный русский народный фольклор, что даже у моего соседа-грузчика, который по роду своей деятельности отменно умеет подобными выражениями оперировать, проснулось бы к этой даме уважение.

Я даже заслушался, честное слово. Ну да, это все произносилось применительно ко мне, но столько в брань души было вложено, столько искренности, что она не могла не вызвать у меня восхищение.

— Убью! — наконец выдохлась ведьма. — Ух, поваляюсь, покатаюсь, Валеркиного мяса поевши!

— Было здорово, но все испортил повтор на последней минуте, — вздохнул я. — Вернее, заимствование, да еще и безосновательное. Для употребления меня в пищу тебе сначала необходимо обзавестись костяной ногой, избушкой, вокруг которой черепа на кольях висят, и черным котом. И еще баней, в которой меня прежде попарить надо. Я Афанасьева в детстве читал, правила знаю. Меня не проведешь!

— Ты чего тянул со звоном, ущербный? — осведомилась у меня Стелла, не поддержав игривого тона. — У нас с тобой времени осталось всего-ничего, а ты его еще и в унитаз спускаешь!

— Не у «нас», а у тебя, — поправил ее я. — Основные претензии Полоза адресованы были в твой адрес, а я просто под раздачу попал. Не то время, не то место... Случается. Так что авось отбоярюсь, когда судный час грянет. А вот тебя змеи закусуют, это уж точно! Я нынче одну такую видел, впечатлился. С короной на голове, длинную,

красивую. Ух, какие у нее клыки! Вот она тебя за ногу ими цап — и все, пиши пропало. Была красивая девушка Стелла — стала гранитная мрачная стела. И на ней надпись: «Она вечно лезла не туда, куда надо».

— А тебе палец в рот не клади, — заметила собеседница. — По локоть руку откусишь.

— И все кольца с нее потом еще сниму, — согласился я. — Как компенсацию за то, что меня подвергли сомнительной с точки зрения здравоохранения процедуре. Ты запомни, партнерша: у нас права неравные и обязанности тоже. Ты хотела по легкой венец Гориславы срубить? Теперь заплатишь втридорога. И сразу — Полоз тебе его в награду не обещал, даже после выполнения его задания. Но я, Хранитель кладов, возможно, и замолвлю за тебя словечко, если мы все, что надо, сделаем. Вместе, а не по принципу: «Иди вперед, а если тебя убьют, я по тебе поплачу». Это так, к сведению.

Воронецкую надо сразу ставить на место. Я таких красивых и умных, как она, на жизненном пути встречал неоднократно, потому знаю, с какой стороны мох на дереве растет. Если дать им возможность хоть раз почувать слабину, то очень скоро они сядут тебе на шею, свесят ножки и станут указывать, куда их нести, да еще пятками в твои бока бить, подгоняя. Так что придется немного погрубить и даже похамить, без этого никак. Зато позицию обозначу. И потом, мне на ее мнение наплевать, пусть думает что хочет, у нас есть общее дело, но и только, а про личные отношения речь не шла. Да и невозможно в этой жизни со всеми хорошие отношения поддерживать, так или иначе всегда будут те, кто тебя недолюбливает. Одним недоброжелателем больше, одним меньше — велика разница?

— Так ты плохой мальчик? — злость из голоса Стеллы ушла, в нем появились вкрадчиво-кошачьи интонации. — Люблю таких. Ершистый, злой, колючий как кактус. Кстати, о кактусах, ты как к текиле относишься? А, компаньеро? Или ЗОЖ — наше все?

Спасибо тебе, дядя Фома. Нет, я бы и сам догадался, что эдакая смена направления настроения неспроста, но за совет все равно благодарен. Короче, к этой гражданке я не то что спиной — вполборота не встану.

— Почему нет? — согласился я. — Куда пойдём?

— А у тебя точно есть денежки на такую даму, как я? — уточнила Стелла. — Сам понимаешь, в какой-то занюханый бар на окраине я

даже не зайду. Мне хорошее и дорогое место подавай, чтобы авторская кухня и подобострастное обхождение.

— То есть лавочка на Чистых прудах не вариант? — расстроился я. — Вот ведь, я-то думал именно там расположиться... У меня и пакет бумажный для той бутылки, что ты с собой принесешь, припасен, и газетка, на которой мы бутерброды с ливерной колбасой разложим...

— Смешно, — хмыкнула ведьма. — Ладно, номер твой у меня определился, сейчас эсэмэску с адресом пришлю. Приезжай, жду. Сегодня приезжай, а не потом! Лучше всего прямо сейчас. Нам есть что обсудить.

Место для своего салона она выбрала что надо, врать не стану. Ленинградский проспект, конечно, не самый центр, не Тверская и не Воздвиженка, но при этом далеко не окраина. Мало того, она под него еще и целый первый этаж жилого дома ухватила. Причем не нынешней постройки, а старой, а в те времена дома возводили на славу, на пространствах не экономили. Зал мастеров на пятнадцать-двадцать, не меньше.

Это же сколько она кому-то заслала, чтобы так развернуться? Или тут деньги вообще ни при чем, учитывая узкую специализацию госпожи Воронецкой? Впрочем, плевать. Это те частности, которые мне безразличны.

А вообще я эти места давно объезжал седьмой дорогой, ибо отсюда рукой было подать до отчего дома, где я давно уже не бывал. И бывать не хотел.

У меня сложилось ощущение, что Стелла меня ждала, поскольку я толком войти внутрь не успел, как она величественным жестом положила мне руку на плечо и проворковала:

— Ну, наконец-то, милый. Я уж не чаяла тебя увидеть. Истосковалась вся.

А во рту у нее, оказывается, бриллиантовый зуб имеется. Тогда, ночью, я его не заметил, темно было, а теперь вон он, сверкает что твое солнце. Дорогая игрушка, у меня одна знакомая по прошлой жизни такой себе вставляла, так что порядок цен я представляю. С другой стороны, а как иначе? Имидж — наше все, особенно в ее бизнесе. И наряд вон под стать зубу. Не иначе как от «Altuzarra» брючный костюмчик-то. Хотя, возможно, и «Fendi», погончики и одна

пуговица на пиджаке — их фишка. Юлька бы точно сказала, а я в этих вопросах не эксперт. Так, знаю кое-что, но не более того.

— И не говори, роднуля, — в тон ей ответил я и приобнял ведьму. — Ну что, айда по рюмочке жажнем, а после пообщаемся? О том, о сем, вокруг да около?

— Руки, мальчик, руки, — потребовала Воронежская, но мою ладонь при этом сбрасывать с талии не спешила. — Не делай мне компрометацию при подчиненных.

Ну да, несколько любопытных взглядов я заметил, есть такое. А парочка из них так вообще сочувственными показалась. Впрочем, исходили они от добрых молодцев, выглядящих как красны девицы, так что точно угадать мотивы этой жалости возможным не представлялось. Может, они жалели, что я хозяйку приобнял, а не их?

— Пошли в кабинет, молодой да ранний, — наконец выскользнула из моих объятий Стелла. — Пообщаемся, чего нет?

Против ожиданий, личные покои ведьмы оказались в плане обстановки вполне себе спартанскими и совершенно не наводящими на мысли о мрачных промыслах их обитательницы. Ни тебе препарированных летучих мышей, ни хрустального шара, ни сатанинской книги, ни... Чего там еще ведьмам полагается по законам жанра? В общем, ничего такого тут не имелось. Обычный офисный кабинет. Пара шкафов, добротный стол, диван у стены, окно во двор. Из всех предметов роскоши разве что ростовой глобус-бар наличествовал.

— Знаешь, сколько в Москве Валериев Швецовых? — спросила у меня Стелла, присаживаясь на краешек стола и беря с него стопку листов, на которых ярко выделялись красные линии, которыми были зачеркнуты строчки. — Почти пять сотен. Это из тех, кто официально у сотовых операторов зарегистрирован, так-то, думаю, их больше. Из этого числа я сразу отбросила в сторону сотни полторы человек, они старше тридцати пяти лет, их можно в расчет не брать. А остальных пришлось обзванивать одного за другим. Лично! Не поручишь подобное никому, вдруг что-то не так сделают или неверно абонента поймут?

— Да ладно? — проникся я. — Прямо сама верхом на телефоне сидела?

— Представь себе, — бриллиантовый зуб снова ослепительно сверкнул. — Тебя, оленя в загоне, искала. И ведь, что особенно обидно, чуть-чуть не дошла по списку, самую малость.

— Закон всемирной подлости, — вздохнул я, устраиваясь на диване поудобнее. — Так всегда и случается.

— Но не со мной, — улыбка женщины перестала быть ласковой, теперь на меня смотрела злобная волчица, готовая разорвать горло кому угодно. — Я трачу свое время, я трачу силы и деньги на то, чтобы найти какого-то...

— Эй-эй-эй, — остановил я ее. — Давай не будем начинать нашу встречу с конфликта? Во-первых, в криках и угрозах конструктива ноль. Тебе меня не напугать, а мне тебя не удавить, так чего воздух зря сотрясать? Во-вторых, чем быстрее рассчитаемся с Полозом, тем быстрее друг от друга избавимся. Мне, поверь, с тобой лишний раз встречаться тоже радости мало.

То ли ей никто такого раньше не говорил, то ли еще чего, но в глазах ведьмы мелькнуло удивление. Это хорошо. Когда женщина удивляется, то она становится немного покладистой в беседе. В ней начинает говорить не упрямство, а любопытство, что дает дополнительные шансы на то, что ты добьешься от нее того, что нужно. Надеюсь, это правило работает не только с обычными женщинами, но и с ведьмами.

— А ты чего ждала? — я закинул ногу на ногу. — Если запомнила, так снова напомню одну простую вещь. Виновник наших общих неприятностей ты сама, нечего на меня их навешивать. Дала бы тогда телефон или дорогу указала — и все. Ничего бы не случилось от слова «совсем». Но нет, ты орать начала, буянить, руками размахивать, ресницами хлопать. Само собой, огненная змеюка из себя вышла и нам навешала по полной.

— Ну ты и хам! — как мне показалось, с долей уважения в голосе протянула Воронежская. — Видала я наглецов, но таких!..

— Это я еще не стараюсь! — мне показалось необходимым скромно потупить. — Стесняюсь. Вот познакомимся поближе — и мой богатый внутренний мир раскроется перед тобой в полной мере!

— Главное, меру знай, — невесть откуда в руках Стеллы оказался острый нож с черным коротким лезвием. — А то ведь я на все плюну и

вправду исследую твой внутренний мир, с огромным удовольствием раскрыв его прямо вот на этом столе.

— Перегнул палку? — вздохнул я. — Да?

— Есть немного, — сурово подтвердила ведьма. — Ну, поиграли словами — и будет. Давай думать, как выпутываться из ситуации станем. Ты говорил о снах, плясать следует от них.

— Так и ты на них жаловалась, — заметил я. — Может, с тебя начнем? Дамы вперед. Я все же джентльмен.

— Мои сны просты, — невесело усмехнулась Стелла. — Великий Полоз снится, тебя велит искать да за дело браться. И еще разные страсти-мордасти обещает, коли за ум не возьмусь. А когда уходит, то остаток ночи его служанки мерещатся. Шипят, паскуды такие, клыки скалят, ноги оплетают. Или ты думаешь, что я тебя искать стала только потому, что по голубым глазам соскучилась? Фиг тебе, миленький. Я спокойно выспаться хочу!

Выходит, я еще в неплохом положении нахожусь. Привилегированном.

— Ну? — Стелла сложила руки на своей высокой груди. — Чего сидим, кого ждем?

— Никого, — покладисто ответил я. — Мне снятся три украшения, похоже, что очень старые. Если детально — браслет, кольцо, обруч. Браслет с гравировкой... Ну, не совсем с гравировкой, конечно, а ее подобием. Это старославянская вязь или что-то еще более раннее, чуть ли не символы. И остальные предметы ему под стать.

— Три — это хорошо, — оживилась Воронежская. — Очень хорошо.

— Поясни, — попросил я, — если можно.

— Что пятью пять — двадцать пять, ты же помнишь?

— Помню, — подтвердил я. — И?

— Болван, — ласково прошебетала ведьма, подошла поближе и потрепала меня по голове. — Это количество вещей, что нам надо найти. Помнишь, он упоминал о том, что предметы не в тех руках и так далее? Ну вот.

— А, чуть не забыл! — я хлопнул себя ладонью по лбу. — Меньше надо, всего двенадцать. Мне лесовик про это рассказал, когда к лагерю вывел. При тебе не хотел говорить, очень ты ему не понравилась. Дескать, пусть помучается.

— Вот гад! — глаза Стеллы метнули молнии. — За такое терпеть их племя и не могу. То ли дело болотники да трясинники — серьезные и вдумчивые хозяева, с ними всегда договориться можно. Значит, дюжина? В разрезе текущего момента эта новость радостная до невозможности! Мы же тут сразу три предмета найти можем и тем самым кучу времени выиграем. Да и искать несколько вещей сразу куда проще, чем одну.

— Последнее сомнительно, — я прикинул, не охаметь ли вконец и не усадить ли ее к себе на колени, но решил, что это уже перебор. Нет-нет, никакого сексуального влечения, просто я уже выбрал ту линию поведения, которой стану придерживаться, и теперь добавлял к ней мелкие штрихи. — Да и вообще весь наш разговор сейчас напоминает все те же русские народные сказки. Узнал Иван-царевич про яблоки молодильные, сел на коня и поскакал. Куда, в какую сторону, откуда он дорогу знал — не суть, главное, что через пару строчек он уже через забор в сад лезет. Да, мне снилось три украшения, да, их цапнула чья-то волосатая лапа — и только. Ты меня, которого в лицо видела, найти не могла, даже подключив свои способности и, полагаю, кое-кого из госслужащих в погонах. А тут просто побрякушки, просто рука. Ерунда это все.

— Послушай меня, Валера, — Стелла вдруг сама взяла и села ко мне на колени, закинув руку на шею. От нее пахло терпкими духами и еще чем-то неуловимо знакомым, — давай сразу договоримся вот о чем. Первое — я не желаю слышать слово «не найдем». Найдем, у нас выбора нет. Второе — не следует выдавать мне информацию дозированно. И не надо думать, что есть детали, которые мне не следует знать. Мы в одной лодке, по крайней мере до двадцать седьмого сентября. Все, что знаю я, будешь знать ты, и наоборот.

— Все не расскажу, — заявил я. — На кой тебе информация о моих детских заболеваниях? Или о том, почему я в армию не пошел?

— Послушай меня внимательно, — ее губы оказались совсем рядом с моим ухом, — и уясни раз и навсегда. Если из-за твоего раздолбайства мне придет конец, то я тебя с собой утащу обязательно. Даже не сомневайся. Клянусь книгой Вед, клянусь Луной и той душой, которой у меня нет, так и случится. Я оттуда вернусь, если что, и все равно тебе горло перегрызу. Я ведьма, мне терять нечего. Вся моя

жизнь — тут, а там я буду платить за то, что здесь натворила, так что на прощение не рассчитывай.

Вернется. Перегрызет. Шутки и правда кончились, тут уже без дураков.

— Хорошо, — сменил я тон, спихнул ее с колен, встал и подошел к столу. — Будь по-твоему. Я карандашик с бумажкой возьму?

— Возьми, — разрешила Стелла, закинула руки на спинку дивана и потянулась так, что единственная пуговица на пиджаке чудом не оторвалась. — Порисовать решил, маленький?

— Что-то вроде того, — я уселся за стол. — Не знаю, как это нам поможет, но...

— Вот теперь мы начали деловой разговор, — Воронежская склонила голову к плечу. — Наконец-то. Да, ты не знаешь, что это за украшения. Я, скорее всего, тоже, антиквариат и магические предметы не мой профиль. Но мы в Москве, мальчик, а тут кого только нет. Если есть желание, то можно узнать все и обо всем, были бы знакомства, связи, деньги или то, что их заменит. Я знаю многих, многие знают меня. Поищем — найдем, главное — понять, что ищем. Так что там за рука была?

— Короткопалая, волосатая, с перстнями на пальцах, — ответил я, орудуя карандашом. — Хорошие такие перстни, дорогие. Один с алмазом, другой с рубином.

— Это рука того, кто сейчас владеет предметами, — уверенно заявила Стелла. — Лучше бы ты лицо увидел.

— А в идеале — адрес того дома, где сей таинственный незнакомец обитает, — огрызнулся я, подавив в себе желание назвать ее «мисс Очевидность». — Что показали, про то рассказал. И на том спасибо.

— Уж и помечтать нельзя, — возмутилась ведьма. — Я женщина, мне свойственен полет фантазии.

— Тоже верно, — согласился я. — Вот еще вопрос. Ну, найдем. А что после? Как мы их заберем? Сразу предупреждаю: с законом в конфронтацию вступать не буду, даже ради сохранения твоей жизни!

— А своей? — с ехидцей поинтересовалась Стелла.

— Если вопрос будет стоять так, что или я, или кто-то другой, то да. А если ситуация нейтральна, то нет.

— Не надувай так щеки, тебе это не идет, — попросила меня ведьма. — Хорошенький ведь мальчик, а как «фыр-фыр» начинаешь

делать, то сразу на жабу становишься похож. И раньше времени не думай о том, что будет после. Потом наступит потом, ясно? Давай смотреть на то, чем мы займемся, как на некий деловой процесс. Бизнес-план мы уже составили, сейчас определимся с направлением работ, а после перейдем к чему?

— К чему? — поднял я на нее глаза. — Стелла, я не коммерсант ни разу. Я госслужащий, а в дипломе о высшем образовании у меня запись «архивист». Я не знаю, что там идет дальше. Видимо, поиск чиновника, который обеспечит правовое прикрытие?

— К маркетингу мы перейдем, неуч, — ведьма встала с дивана. — Ну, нарисовал уже? Показывай мне свои шедевры, Ван Гог доморощенный.

— Сама ты... — беззлобно ругнулся я. — Сейчас. Пять сек — и готово.

— Он еще и язык высунул! — всплеснула руками Воронежская. — Великая Мать, с кем я связалась? Детский сад — штаны на лямках. Давай сюда!

Я протянул ей два листка, на которых как мог изобразил то, что видел во сне.

— А недурственно, — одобрительно произнесла ведьма. — Художественная школа?

— Два года, — признал я. — И мама учила, она художница. Ну, была когда-то.

— Вполне, вполне, — Стелла склонила голову к плечу, похоже, это у нее привычка такая. — Да, ты прав, это вещи очень старые.

— Ты с ними сталкивалась? — оживился я. — Скажи, что да!

— Мы договорились вроде друг другу не врать, потому — нет, не сталкивалась. Но ритуальное письмо я ни с чем не перепутаю. И еще, я про такие браслеты читала. В некоторых славянских племенах в совсем уж старые времена их вручали юношам после того, как они проходили испытания, эдакую инициацию, введение в основной состав, так сказать. Ну, до них ты мальчик, после — мужчина и воин. Если, разумеется, не оплошаешь. А поскольку тут золото, то, выходит, браслет этот не меньше, чем сыну главы рода принадлежал.

— Стелла, у них в те времена демократия была, — поправил я ведьму. — Пусть немного дикая, но все же. Глава рода да и князя из

ранних — первые из равных, но не более того. И к золоту отношение было не настолько трепетное, как сейчас.

— Золото всегда было золотом, а вождь всегда оставался вождем. В любое время, в любом обществе, даже первобытнообщинном, — скривила рот Стелла. — И устремления у вождя всегда одинаковы: власти побольше, конкурентов поменьше, и чтобы именно его потомки заняли то место, которое он освободил. Потому дети простых ратников получали медные браслеты, отпрыски ближников — серебряные, а сынуля — вот этот, благородного металла. Так сказать, кто на что учился.

Наговаривает, зараза, на наших пращуров. Но не стану возражать, пустое это. И к делу не относится.

— Венец и кольцо, — задумчиво бубнила в это время ведьма, — самые обычные на вид.

— Слушай, а может, ты права? — я почесал затылок. — Может, это и правда комплект? Браслет сына, кольцо дочери, венец...

— Жены, — подняла на меня глаза Воронежская. — Он очень похож на брачный, из тех, что жених невесте на свадьбе надевал. Такой обычай тоже был. Интересная идея, Валера, и даже очень. То есть кто-то, к примеру, некий князь, сложил все в ларец и закопал, предварительно наложив на это добро некий заговор от лихого человека. Ну, или что-то в этом роде. Клад нашли, но условие не выполнено, и вот результат — мы сидим и гадаем, что к чему.

— Вариант, — согласился с ней я. — Одно только неясно — с чего бы князю этим заниматься?

— Понятия не имею, — отмахнулась Стелла. — Может, у него вся семья от морового поветрия вымерла, может, ее враги уничтожили — вариантов масса. Ты кто по диплому? Архивист? Хреново, как видно, ты учился, архивист. Подобные вещи не я тебе, а ты мне объяснять должен.

— Учился хорошо, запомнил немного, — и не подумал смущаться я. — Итак, историю мы придумали красивую, только вот практического смысла в ней немного. Где мы все это старославянское имущество искать станем?

— Для начала я сделаю пару звонков, — бодро ответила Воронежская. — А после — по ситуации. Надеюсь, ты никуда не спешишь?

— У меня отпуск, если ты забыла. Так что нет, не спешу.

— Вот и славно, — хлопнула в ладоши Стелла. — Для начала иди-ка ты, милый друг, в парикмахерское кресло. Стасик вроде свободен был, он тебя в порядок приведет.

— Я недавно стригся!

— Недавно — это месяц назад? — уточнила Стелла, запустила пальцы мне в волосы, подергала и даже несколько вырвала, а после сдула их с ладони на стол. — Угадала? Нет уж, Валера Швецов из Москвы, так не пойдет. Если мы с тобой отныне становимся как попугаи-неразлучники, так будь любезен мне соответствовать. Тебе все равно, что кто подумает, а мне нет, я женщина тщеславная, это дело принципа. Если я иду с молоденьким мальчиком, то он должен быть идеален, хотя бы в вопросах прически и одежды. Пошли стричься, я сказала! И бриться тоже.

Вот это фигурки. Я к своему горлу никого из ее сотрудников не подпущу, тем более с бритвой в руках.

И я отстоял свои права. Нет, подстричься пришлось, но от бритья отбоярился. Но, ради правды, тот самый Стасик, несмотря на странноватый вид и перебор с тенями на веках, оказался отличным мастером, и мне то, что он сотворил, очень даже понравилось.

— На человека стал похож, — одобрила прическу и Стелла, когда я вернулся в ее кабинет. — А я как раз определилась, куда мы едем.

— И куда? — полюбопытствовал я.

— Кушать, как изначально и договаривались. Ты угощаешь!

Ого! Я-то надеялся, что мы шутки шутим, а оно вон как вышло. Нет, деньги у меня с собой были, но если она и правда попрется в особо пафосное место, вроде «Турандот» или «Сиксти», то их точно не хватит. Там здорово, спору нет, но мне подобные заведения теперь не по карману.

— А текила? — хмуро буркнул я. — Она с тебя.

— Верно! — хлопнула себя ладошкой по лбу ведьма. — Хорошо, что напомнил.

Глобус-бар прозвенел веселенькую мелодию, и красивая литровая бутылка с золотистой жидкостью переключившись из него в довольно объемистую сумку Воронежской. Странно, был уверен, что она с собой клатч возьмет, но ошибся. Хотя все равно вещь брендовая, сразу видно.

— Алена, ты за старшую, — проходя через зал, обратилась Стелла к высокой стройной девушке. — Если что, можешь всех сотрудников убить, я разрешаю. В случае если возникнет вопрос вне твоей компетенции и ты не сможешь принять решение, звони, я телефон отключать не стану. Валера, что остановился, на кого засмотрелся? Пошли, мой хороший, пошли, время летит быстро, а дел у нас еще очень много.

— Иду, моя радость, — отозвался я и томно вздохнул, вызвав улыбки у части персонала. — И зови меня теперь груздем, раз я все равно попал в кузов.

— Язык — что помело, — вздохнула женщина и подтолкнула меня в спину.

Помело. Это, милая, по твоей части. Кстати, интересно, а она на нем летает на самом деле? Ну, как всякая порядочная ведьма?

Как оказалось, летает. Правда, в соответствии с веяниями времени, помело приняло форму новенького серого «Бугатти». Черт, а ведьмой быть как минимум небезвыгодно. Даже если весь ее автопарк состоит всего из двух автомобилей, то это все равно впечатляет.

— Так в прошлый раз «Роллс» был, — заметил я, обходя машину по кругу. — Красиво живешь, Воронежская.

— В прошлый раз я в лес ездила, — резонно заметила она. — Там без внедорожника никак. А тут город. Сам-то что? Все больше пешком, пешком?

— Центр же, — я показал рукой на Ленинградский проспект, по обыкновению не радующий взор малочисленностью автомобилей. — На метро быстрее.

Вру. Скажу честно — вру. Нет у меня машины. Но это легко объяснимо: нет прав — нет транспортного средства. И в ближайшие года три-четыре не будет, можно даже не пытаться их по новой получить. Никто мне их не выдаст, спасибо родителю за труды. Впрочем, мне и в метро неплохо, тем более что на работу мне и в самом деле проще добираться общественным транспортом. Это экономит кучу времени, нервов и денег.

— Ну-ну, — Стелла укоризненно глянула на меня. — И даже дверь мне не откроете, мужчина?

Умна, ничего не скажешь. Тыкает пальчиком в разные точки, проверяет, где и на чем я проколюсь, прежде чем начать дрессуру.

Хорошо, пусть будет так. Она ведь тоже кое в чем права — нам друг без друга не обойтись. Да и потом, мне происходящее становится все более и более интересным, несмотря даже на то что в финале все может закончиться плачевно. Скажем так, возможно, именно этого мне и не хватало последние сонные годы. Я уж думал, что дурь из меня вся вышла, испарилась, ан нет, начинает в душе что-то старое, давно забыто просыпаться. Появился в воздухе некий давно забытый аромат, от которого в голове немного шуметь начало. Возможно, это и есть тот самый иллюзорный запах приключений. Ну и еще немного чебуреками откуда-то тянет. Видно, кафе рядом.

Я бы сейчас пару-тройку съел. Таких, прямо в масле, ушастых, сочных, только вот эта фифа вряд ли соблазнится на подобное. Ей, небось, какой-нибудь салат «Нисуаз» подавай, после телячью печень по-лионски и крокембуш на сладкое. Мне отчего-то кажется, что она поклонница именно французской кухни.

Но все эти мысли мигом у меня из головы выдуло, когда мы выскочили на Ленинградку. Хорошо хоть пристегнулся, а то бы и вовсе беда случилась. Просто не умела Стелла, похоже, ездить медленно, не научили ее этому, равно как и правилам дорожного движения.

Повторюсь: на дороге было не безлюдно, но, несмотря на это, я даже не заметил, как мы проскочили обе Тверские улицы и выехали на Бульварное кольцо.

— Что сжался? — не без издевки поинтересовалась у меня Стелла. — Ты в машине с ведьмой, мальчик, так что или привыкай, или выскакивай на ходу.

— Лучше привыкну. А мы вообще куда едем? Точка конечная какая?

— На «Парк культуры», — ответила женщина, послав воздушный поцелуй хозяину массивного внедорожника, пропустившего ее юркую машинку вперед. — Самое то место, чтобы перекусить и кое с кем пообщаться.

Не самый плохой вариант. Вот только не припоминаю я там особо пафосных заведений общественного питания. Что там есть? «Рояль», «Распутин»... Хотя нет, ей-то в «Распутине» чего делать? А так вроде больше ничего такого там и нет. Вот подальше, на «Смоленке» — это да! Та же «Серая утка» — место статусное и с авторской кухней. Правда, вряд ли бы эту кухню выдержал мой текущий бюджет.

Впрочем, это Москва, в ней все меняется сиюминутно, за то время, что я не был в тех краях, столько новых заведений открыться могло...

Не угадал я ни разу. Мы стремительно проскочили через набережную, чуть крутанулись у эстакады, после Стелла загнала машину в один из дворов на улице Фрунзе и скомандовала:

— Станция «вылезай». Дальше пешком.

Я окончательно перестал понимать, куда мы направляемся, но вопросов решил не задавать. А смысл? Скоро сам все узнаю.

Но я даже и предположить не мог, где именно мы окажемся через каких-то пять минут. Вот вообще ни разу.

Глава шестая

— И это то самое место, где мы отведаем изысков высокой кухни? — выпучив глаза от удивления, спросил я у нее минут через семь, когда мы подошли к небольшому ларьку, возле которого хаотично были расставлены несколько пластиковых столиков с такими же стульями. Ларек венчала надпись «Шаурма». — Слушай, тут неподалеку, у Счетной палаты, есть кондитерская, так она уровнем точно повыше этого гастрономического рая будет. Может, лучше туда пойдем? Помнится, там чудный торт «Гусиные лапки» продавали. Если ты вот такое ешь с удовольствием, так там тебе вовсе счастье будет.

— Ты обещал во всем слушаться меня, потому, будь любезен, делай то, что я скажу, — распорядилась ведьма и подошла к прилавку палатки, за которым стоял огромных размеров горбоносый и зверовидный шаурмячник, одетый в когда-то белый, а теперь пятнисто-серый халат, из-под которого виднелась мохнатая до невозможности грудь. Заметив мою спутницу, он что-то заворчал и сдвинул к переносице лохматые черные брови.

— Ничего такого не обещал, — сообщил я в спину своей спутнице. — Не передергивай, пожалуйста.

Забавно. Я думал, что подобные заведения вообще уже исчезли с карты Москвы. По крайней мере, из ее исторического центра. Спальные районы — другое дело, они существуют сами по себе и живут по своим законам, там подобное еще встречается.

— Доруд, Абрагим, — приложила руку к сердцу Стелла, обратившись к горбоносому. — Хале шома четоре?

Шаурмячник снова проворчал что-то непонятное, но, как видно, сменил гнев на милость и даже улыбнулся, заставив меня передернуться от вида его зубов. Черт, да он, похоже, из той же компании, что и моя нежданная напарница. В смысле не совсем человек. Не бывает у людей таких зубов — треугольных, синеватых, острых как иголки.

Вот так и ешь в уличных забегаловках. Накормит тебя невесть кто невесть чем — и превратишься ты в результате в козленочка.

— Нам две шаурмы. — Стелла, не поворачиваясь, поманила меня пальцем. — Одну — мне, другую — моему новому другу. Валера, это Абрагим. Абрагим, это Валера.

Прямо Льюис Кэрролл какой-то. «Алиса, это пудинг».

Но руку шаурмячнику я все же протянул, неспроста Воронежская с ним так вежлива. Да и вообще, правила хорошего тона пока никто не отменял.

Аджин пробурчал нечто неразборчивое, но цапнул мою ладонь своей огромной волосатой лапищей, причем горячей до невозможности. Такое ощущение, что он прямо в ней курятину и жарит. Это какая же у товарища температура тела?

— У нас с Валерой сегодня небольшой праздник, мы встретились после долгой разлуки, — продолжала ворковать Стелла. — Ты не против, если мы у тебя его отметим? Чисто символически?

И она показала Абрагиму бутылку текилы, что до того лежала в сумке.

Тот снова выдал какую-то бессвязицу, которую моя спутница, похоже, опять смогла понять.

— А если еще и сам к нам присоединишься, то мы будем очень рады, — белоснежно-бриллиантовая улыбка озарила лицо ведьмы. — Да, мой славный?

Это она у меня спросила, я, разумеется, сразу кивнул и был удостоен ласкового поглаживания по плечу.

Горбоносый кивнул, мотнул головой в сторону столиков, давая нам понять, чтобы мы шли к ним, и взялся за нож, наточенный до бритвенной остроты.

— Он кто? — первым делом спросил у Воронежской я, устроившись на стуле, ножки которого тут же попытались разъехаться в стороны. — А?

— Абрагим-то? — Стелла достала из сумки пачку сигарет. — Аджин — порождение песков Востока. Осел в наших многонациональных краях несколько лет назад, открыл эту точку и знай себе кормит народ.

— Аджин, — я покатал это слово во рту. — Типа старика Хоттабыча?

— Вроде того, — ведьма щелкнула зажигалкой. — Да не бери в голову, на кой тебе ненужные знания? Главное не кто он такой, главное

другое. Абрагим, сидя в своей палатке, очень много видит и очень много знает. Не смотри, что внешне он дикарь дикарем, с головой и внимательностью у него все в порядке.

— На что тут смотреть? — я показал рукой на тихую улочку и высокие липы. — Обычный московский закуток. Старый жилой фонд и пара офисов на первых этажах.

— Именно поэтому заведение Абрагима находится тут. — Стелла затянулась сигаретой. — Он не любит шума, и те, кто у него обычно гостит, тоже. Скажем так, это место — что-то вроде клуба для таких, как мы. Ну или нейтральной территории. Эдакая Швейцария с запахом шаурмы. Тут могут встретиться враги и спокойно за едой обсудить то, как они дальше жить станут — с войной или без нее. Сделку можно провести, не опасаясь того, что кто-то кого-то кинет. Наконец, просто прийти и обменяться информацией, хоть бы даже с тем же Абрагимом. Ты ему что-то расскажешь, он тебе. И, повторюсь, здесь все почестному. Аджины — существа могучие, но при этом крайне мирные, лишний раз не желающие лезть в драку. Опять же — ФМС не дремлет, закон есть закон, да и гончие из Отдела вечно настороже... А еще аджины крайне щепетильно относятся к своей репутации, пунктик у них такой, так что никому не рекомендуется их компрометировать. Пара попыток была, добром это не кончилось. Собственно, вообще никто не в курсе, чем там все кончилось, поскольку даже останки тех дураков так и не нашли. Порождения песка и огня, знаешь ли, и камни переварить в своих желудках могут, что уж говорить о костях?

Я дослушал ее и тоже полез за сигаретами. Не то чтобы это все меня сильно напугало или смутило, просто Великий Полоз в ночном лесу или ведьма — владелица модного салона — пусть с натяжкой, но в стереотипы укладывались, а вот джинн-шаурмячник в них уже никак не пролазил. Было в этом что-то неправильное. Как если бы в детстве сказка закончилась не свадьбой Ивана-дурака с Василисой Прекрасной, а бракосочетанием последней с Кашеем Бессмертным. Нет, по логике событий все правильно. На кой черт красивой и неглупой женщине деревенский увалень с крайне низким уровнем IQ, который даже с примитивным заданием «не трожь лягушачью шкурку» и то не справился? Про жилищные условия можно не упоминать, там вообще беда — три семьи в одной избе, и удобства во дворе. А тут состоятельный жених с личным замком, подвалом золота

и прислугой. Да, немолод, и характер не сахар, зато жизненные удобства запросто может создать на крайне продолжительный срок. Выбор ясен.

Но это для взрослых все понятно, а детям в сказки все же верить хочется. Вот и тут аналогичная ситуация. Хотя я уже и вышел из нежного возраста, но... Джинны — они могучие, живут в лампах и помогают молодым восточным лузерам получить руку царевны Будур, такая у них кармическая задача. А тут на тебе — шаурма!

Кстати, очень и очень неплохо как пахнувшая, так и выглядящая, это можно сказать с полной уверенностью, поскольку картонные тарелочки с данным продуктом подошедший к столу Абрагим как раз поставил перед нами. Вообще я подобное употреблять в пищу избегаю — и шаурму вообще, и уличную еду в целом. Нет, шашлычок там, чебурек — это можно, но в соответствующих заведениях, а не в палатках. И не потому, что я чистоплюй или эстет, просто как-то раз скушал беляш, купленный в мини-магазинчике у дружелюбных азиатов, а после чуть наизнанку не вывернулся ночью, думал, что вообще сдохну прямо в туалете. Либо желчью захлебнусь, либо от обезвоживания. Сил доползти до смартфона и скорую вызвать не было, вот как меня цапанул стрит-фуд. Два дня потом еще в себя приходил, а беляши до сих пор не то что есть — видеть не могу.

Абрагим плюхнулся на стул, который под ним жалобно заскрипел, что пластику вообще не свойственно, и уставился на бутылку текилы, которую Стелла водрузила на стол. Мало того, он поставил перед собой приличных размеров медную пиалу с помятыми боками. Про нас, впрочем, он тоже не забыл, притащив два прозрачных одноразовых стаканчика.

Ведьма глянула на меня, я все понял без слов, взял бутылку, скрежетнул сворачиваемой крышкой, но вот после замешкался.

— Чего ждем? — поинтересовалась Воронцовская. — Тебя что-то смущает?

— Так ты же за рулем, — пояснил я. — Или машину тут бросишь и обратно на такси?

— Не твоя печаль, — отмахнулась Стелла. — Разливай. Мне треть стакана, сколько тебе — сам решай.

— А Абрагиму?

— С верхом, — хмыкнула ведьма. — Меньше не получится.

И верно — аджин внимательно смотрел на то, как алкоголь льется в пиалу, и облизывал губы широким, как лопата, языком. Сдается мне, рискни я заполнить данную тару не до краев, он сразу начал бы ворчать и нехорошо сопеть.

Он чего, еще и пьющий? Однако!

— За встречу! — прозвенела колокольчиком Стелла и лихо выплеснула текилу в рот. Я последовал ее примеру.

Абрагим нас не поддержал. В том смысле, что он употребил веселящий напиток, как это делают истомившиеся по воде люди где-то там, на его далекой родине. Он не торопясь выцедил пиалу до дна, полуприкрыв глаза и время от времени раздувая ноздри.

— Фр-р-р-р! — сообщил он нам, хлопнув емкостью по столу, и я заметил маленький язычок пламени, мелькнувший между остроконечных зубов. А еще два огонька весело и задорно заплясали в его глазах.

— Повторюсь: Абрагим — аджин, — чуть насмешливо произнесла Стелла. — Он в определенном смысле порождение пламени. У него не кровь в венах, а жидкий огонь, потому и отношения со спиртным не такие, как у нас. Оно его не веселит, а бодрит. Для него водка или текила — как для человека энергетик. По степени воздействия, разумеется, а не по степени вреда для организма.

— Хр-р-р, — подтвердил ее слова шаурмячник и потыкал толстым пальцем в направлении бутылки.

Я все понял, по новой наполнил его пиалу, и аджин повторил процедуру, после чего дружелюбно буркнул что-то Стелле.

— Ты кушай, кушай, — велела та мне. — Не обижай хозяина, он этого не любит. Поверь, ты не пожалеешь. Знаешь, сколько народу сюда приходит именно поесть? И из наших, и не из наших. Правда, не все это место найти во второй раз могут, вокруг ходят, а сюда добраться не в состоянии. Абрагим не каждого посетителя привечает, это его право.

Аджин ослабилась и подтолкнул тарелку с шаурмой поближе ко мне.

Законы гостеприимства для жителей Востока священны, это я наверняка знал, равно как аспекты поведения гостей в их доме. Еще в юности я как-то с отцом ездил в Ташкент к его старому приятелю и там отлично усвоил данные прописные истины.

Я улыбнулся, пробормотал «рахмат» и впился зубами в шаурму.

Это было вкусно. На самом деле вкусно. Ничего подобного до того я не пробовал, еда просто таяла во рту. Воистину, никогда не знаешь, что и где найдешь. Вроде бы совсем незамысловатая пища, но даст фору любому ресторанному выкрутасу.

— Абрагим, мне бы с Карлом Августовичем повидаться, — тем временем вкрадчиво произнесла Стелла, уже собственноручно подливая спиртное каждому из нас. — Я знаю, ты с ним общаешься, замолви за меня словечко. И, прости уж за нахальство, как можно быстрее. Времени у нас маловато.

Аджин почесал волосатую грудь под халатом и насмешливо прищурил левый глаз.

— Ну, хорошо, — Стелла снова достала из сумочки пачку сигарет. — В Москву скоро собирается наведаться Исфарган. Тебе же знакомо это имя? Он в кои-то веки покинул Чакша-Аюб и присоединился к делегации, которая направляется на какой-то симпозиум. Информация достоверная, из первых рук.

Аджин провел пальцами по подбородку и мечтательно взглянул на голубое летнее небо.

— Но вряд ли тебе стоит что-то серьезное задумывать, — продолжила Воронцовская. — На весь срок пребывания он под защитой Отдела, а с ними ссориться не стоит, ты же в курсе. Или их надо убивать всех до единого. Если хоть один в живых останется, то пиши пропало.

— Иэх-х-х-х! — согласился с ней аджин, и я наконец-то понял хоть что-то из произнесенного им.

— Впрочем, если у тебя нет в планах убийства, почему нет? — продолжила ведьма, щелкая зажигалкой. — Попробуй поговорить с Михеевым, он из них самый внятный. Остальные или идеалисты, или истерики, особенно эта их рыжая. Ни ума, ни инстинкта самосохранения, ничего нет. Недавно она с нашей Верховной сцепилась, представляешь? Не понравилось ей, что мы кошку черную на костре во время ритуала сожгли. Не человека, Абрагим, а всего лишь кошку! Говорит, за это в уголовном кодексе статья есть, и мы ее нарушили. И ведь всем все понятно — плевать ей на эту кошку, просто она ведьм не любит, вот и все. Насолили мы ей чем-то, и эта мелкая пакость теперь с нами счеты сводит.

Второй раз слышу сегодня про этот самый Отдел. Надо будет уточнить, о чем или о ком идет речь. Интересно же.

Абрагим снова что-то проурчал, и Стелла понимающе кивнула.

— Я знаю, что Карл Августович общается только с теми, кто нужен непосредственно ему. Поверь, мне есть что предложить.

По гримасе аджина становилось ясно, что имеются у него на этот счет определенные сомнения.

— Есть-есть, — Стелла выпустила колечко дыма, ровное и сизое. — Знаешь, я тебе больше скажу. Неделя — другая — и он сам бы начал меня искать, мне бы тебя не пришлось тревожить. Просто столько времени ждать мне сейчас не с руки. То есть нам.

Я доел шаурму, вытер рот салфеткой и насторожился. Мне очень не понравился взгляд ведьмы, который та на меня бросила. В нем не было угрозы. В нем имелось тщательно скрываемое, но все же различимое злорадство.

— Мне и свеженародившемуся на свет Хранителю кладов, — подытожила ведьма.

Аджин глянул на меня, а после перевел взгляд на Стеллу.

— Да-да, именно он, — подтвердила та. — Давненько их в наших краях не встречалось, правда? У Карла Августовича, поди, много разных дел накопилось по этой части, так что мы найдем, чем с ним рассчитаться.

— Эй, — я бросил салфетку на тарелку, — а ты перед этим...

— Валера, не беси меня, — попросила Стелла. — Вот сейчас все эти твои закидоны совершенно не к месту. И не ко времени. Потом повозмущаешься, меня покритикуешь, выскажешь все, что на душе накопилось. А сейчас не мешай.

Абрагим что-то буркнул, показав на меня пальцем, и весело засмеялся.

— Ну а ты как хотел? — ответила ему Воронежская. — Говорю же — молодой совсем. И по возрасту, и вообще... Потому и опекаю его, чтобы не сгинул сдуру.

Аджин ухмыльнулся, недвусмысленно давая понять, что в бескорыстие ведьмы он не верит совершенно, а после встал, потрепал меня по плечу и отправился в свою палатку.

— Не спорь со мной, — пыхнув сигаретой, быстро и тихо сказала мне Стелла. — Я лучше знаю, как правильной поступить. И вот еще

что забыла сказать: ничего Абрагиму не обещаю. Вообще. Аджины всегда требуют буквального исполнения данного слова в установленные сроки. У нас вообще с этим строго, но тут прямо беда. И никакие уговоры после не помогут. Так что лучше помолчи — целее будешь.

А самое обидное, что я не знаю, врет она или нет. Мне не у кого узнать, насколько ее слова являются правдой. Мир, к которому относятся и она, и Абрагим, похоже, очень велик и многообразен, вот только проводник мне достался так себе — лживый, хитрый и желающий меня погубить. И как ей верить?

С другой стороны, с чего мне подвергать ее слова сомнению? Что бы там дядя Фома ни говорил, пока я ей все же нужен. Ровно до той поры, пока моей напарнице не подвернется случай, в результате которого я стопроцентно сгину, на меньшее она не согласится. А аджин на подобный поворот событий, похоже, не тянет.

Вот я все хорохорился, мол, мы в неравных условиях и все такое. По сути, это правда, условия и в самом деле разные, только обстоит все не совсем так, как было сказано. Она мою голову под топор подsunуть может, и ей от этого будет только хорошо. А я ее — нет, мне без нее кранты настанут, потому что я чужак в чужом мире. Да и убивать я не умею. Как-то не сподобился научиться за прошедшие годы. Морду набить запросто могу, но чтобы жизнь забрать... Это нет.

Но это не значит, что стоит под Стеллу подстраиваться, она должна помнить о том, что ситуация трефова для нас обоих. Орать или вести себя как подросток, с претензиями и обидами, разумеется, не стоит, но и решать за нас двоих она не должна. А то раз подобное проскочит, два — и все, я стану при ней то ли декорацией, то ли посыльным. В смысле куда пошлют, туда пойду. Это не из моей сказки, мне такого не надо.

— Согласен, я в ваших делах почти ничего не смыслю. Но некоторые решения давай все-таки принимать вместе.

— Хорошо, — согласилась ведьма, причем было видно, что плевать ей на мою просьбу. — Как скажешь.

— Луной поклянись, — потребовал я, припомнив кое-что из ее слов, произнесенных ранее. — И этой... Книгой Вед. Душой можешь не клясться, ее у тебя все равно нет.

— А ты умеешь слушать, — Стелла потушила сигарету в пепельнице, прибитой к столику гвоздем. — И слышать. Ты опасный человек, Валера Швецов из Москвы.

— Я мирный человек, которому хочется как можно быстрее вернуться в свой бронепоезд, стоящий на запасных путях. Давай, не тяни. У меня еще несколько вопросов есть, а Абрагим скоро вернется. Он товарищ неразговорчивый, вряд ли по телефону долгую беседу будет вести.

Что аджин кому-то звонит, я заметил почти сразу. Да он и не скрывал этого, маяча в окошке раздачи с трубкой смартфона в руках.

— И наблюдательный! — растянула губы в улыбке ведьма. — Как же мне повезло с напарником!

— Не хочешь клясться? — уточнил я.

— Не хочу, — улыбка покинула лицо Стеллы. — И не стану. Очень с нас большой спрос за подобное, так что перебежься.

— Хорошо, — я закинул ногу на ногу. — Тогда и с себя я всякие ограничения на данный счет снимаю. Мы вместе, но каждый сам по себе, и, если что, претензии не принимаются.

— Дрянь у тебя характер-то, — отметила Воронежская. — Тяжело, небось, на свете живется?

— С чего бы? — удивился я. — Нормально мне живется. Если бы не эти ваши потусторонние тайны, в которые довелось вляпаться, так и вовсе... А теперь все, пропало лето. Ладно, это лирика, я сказал, ты услышала, работаем дальше. Вот скажи лучше, кто такой Карл Августович? Я так понимаю, он человек не сильно простой, иначе бы мы к нему на прием куда легче попали.

— Начнем с того, что у меня нет уверенности в том факте, что он вообще человек, — Стелла наконец принялась за шаурму. Правда, в руки ее брать не стала, орудовала пластмассовыми ножом и вилкой, что было крайне неудобно, на мой взгляд. — Хотя и обратное утверждать не стану.

— Слушай, мне реально надоели хождения вокруг и около, — устало произнес я. — Ты можешь выражаться понятнее, а? Был задан простой вопрос, зачем этот туман в ответе?

— Я правда не знаю, — приборы стукнули о стол, ведьма цапнула шаурму руками. — Он птица не моего полета, ясно? Если бы не нужда, я бы к нему сроду не обратилась. У нас выбора нет, Валера, потому

приходится писать на гербовой бумаге, а не на простой. И чтобы личность такого уровня до нас снизошла, нужен отменный козырь, тот, который он сочтет достойным внимания.

— Например?

— Например, ты. Хранитель кладов для коллекционера редкостей такого уровня — предмет первой необходимости.

— Ну вот, уже какая-то ясность появляется. Он коллекционер редкостей. Проще говоря, антиквар.

— Антиквар! — Стелла фыркнула, на меня полетели капельки соуса. — Ой, извини, я не нарочно. Валера, это очень и очень упрощенные понятия. Знаешь, я года два назад принимала участие в одном мероприятии, так там довелось мне полистать один фотоальбом. Очень старый. И на одном снимке я этого антиквара заметила. Знаешь, что интересно? Он там был точно такой же, как сейчас, разве только одежда отличалась от нынешней. А какая трогательная там была дарственная надпись!

— Дай угадаю, — предложил я. — Снимку тому лет сто, если не больше.

— Больше, — кивнула Стелла. — Это, по факту, была даже не фотография, а дагерротип. Соображаешь, что к чему?

— О как, — проникся я. — Может, это не он был, а какой-то его предок? Семейное сходство, то, се...

— Он, — уверенно заявила ведьма. — Точно он. Мало того, наша Верховная как-то обмолвилась, что имела с ним интрижку в Париже накануне Всемирной выставки, той, что к столетию падения Бастилии приурочили.

Каждое новое ее высказывание порождает новые вопросы. Кто такая Верховная? Нет, гипотетически я догадываюсь, но хотелось бы знать точно, потому что не исключен такой вариант, что мне и с ней придется знакомиться.

— Столетие падения Бастилии, — почесал я подбородок. — Это, выходит, они еще в 19 веке амуры крутили? Блин, так вы все, получается, долгожители?

— Вовсе нет, — помотала головой ведьма, темные пряди волос хлестнули ее по щекам. — Правильнее сказать — кое-кто из нас, из смертных. Но это не такое уж большое количество народа, поверь. Некоторые колдуны, в основном из тех, что душу продали Тьме,

стражи Ночи, черные ворожеи, природные ведьмы из потомков Первых Матерей — вот и все. Еще ведьмаки могут протянуть сотню-две лет, особенно из тех, кто с природой дружит, но это скорее исключение из правил. Да и не тот они народ, поскольку принципы обычно выше жизни ценят. По этой причине и мрут куда быстрее, чем ведьмы.

— А ты?

— Я? Мне тоже не так много отведено. Я хоть и природная, да только безродная. Моя прапра... Сколько-то раз прабабка с одним молодым спуталась лет четыреста назад, а тот, как после выяснилось, с проклятием жил. Может, он колдуну какому навредил, может, еще что, теперь не узнаешь. Да это и не столь важно. Главное другое — то семя, что он в бабку мою уронил, черным оказалось. Проклятым. Бабка родами умерла, а дочь ее дала начало новому роду ведьм. Только силы у нас куда меньше, чем у исконных, веды знающих, на многое рассчитывать не приходится. Потому и беру от жизни все, до чего могу дотянуться. Все сейчас желаю получить, потому что «после» у меня не будет.

У меня голова кругом шла. Стражи Ночи, черные ворожеи, ведьмаки, проклятые какие-то... Слишком много информации. Чересчур.

— И сразу: Хранители кладов в число долгожителей не входят, — с ехидцей добавила она. — Вы обычные люди, и не более. Прокашлял положенное — пожалуйста на кладбище. Что до вашего посмертия, ничего по этому поводу рассказать не могу, потому что не знаю. Думаю, по делам судят, как принято.

— Обидно, — вздохнул я. — Никакой мне прибыли от подарка Полоза, одни убытки.

— И это сказал тот, кто теперь может видеть сокровища, скрытые от чужих взоров веками, — повертела пальцем у виска Стелла. — Ты дурак?

— Нет, — спокойно ответил ей я. — Потому и понимаю, что хорошего от этого добра ждать не приходится. Скрыто-то оно скрыто, но это не значит, что у этого добра хозяев нет. И когда я клад возьму, они придут и потребуют его себе. Или, того хуже, за ним притащатся те, кто на него прав не имеет, но получить хочет.

— Может, ты и прав, — Воронежская засунула в рот остатки шаурмы. — Вкусно, блин!

— Вкусно, — подтвердил я, дождался, пока Стелла прожует еду, и спросил: — Слушай, а вот ты Отдел какой-то поминала. Это кто такие?

На самом деле меня больше занимала личность Карла Августовича, но я решил не спешить. Не стоит подобные личности обсуждать между прочим, тут важен систематизированный подход. И вообще, надо будет дома завести нечто вроде каталога на внешнем жестком диске и заносить туда всю добытую информацию. Никогда не знаешь, что может оказаться полезным в будущем. Память — вещь ненадежная, лучше все записывать, это мне по работе хорошо известно. Только запаролить созданный каталог надо будет как следует, от греха.

— Отдел? — Стелла нехорошо оскалилась. — Это наши лучшие друзья... Но о них потом.

Абрагим подошел к столику, поставил передо мной еще одну тарелку с шаурмой и снова уселся на стул.

— Лен, вот тут это место вроде, — донесся до нас мужской голос. — Не поверишь, обычная забегаловка, но еда — пальчики оближешь.

— Вот напасть, — нахмурилась Стелла, глядя на парочку, которая явно нацелилась тут перекусить. — Как не вовремя!

Аджин лениво щелкнул пальцами, и молодые люди остановились.

— Ну вот, — обиженно надула губы девушка, — закрыто. Только зря сюда тащились. Я же тебе говорила — пошли в торговый центр, на фуд-корт.

Ощущения фантастические. Стоят люди, смотрят прямо на нас и ничего не видят. Прямо как в сериале каком-то.

— Может, откроют скоро? — неуверенно предположил юноша.

— Саш, сам посмотри — стулья на столах стоят, палатка закрыта. Они даже не открывались сегодня! Может, их вообще прикрыли за антисанитарию.

Абрагим насупился и ткнул пальцем в сторону девушки, после чего та пискнула и схватилась за живот.

— Лен, ты чего? — перепугался ее ухажер. — А?

— Мне надо! — выпучила глаза девушка. — Ой! Очень надо! Только... Ой-ой-ой!

И она умчалась вверх по улице, юноша поспешил за ней.

Интересно, как она выпутается из этой ситуации? А мне урок — с этим Абрагимом шутки плохи. Он и в самом деле невероятно самолюбив.

— Ну ты шутник, — расхохоталась ведьма, стукнув аджина кулачком в плечо. — А вот не болтай лишнего, курица!

— Магия, — решил вставить свое слово и я. — Вот она какая!

— Магия? — Стелла презрительно сморщила носик. — Валера, запомни — нет никакой магии. И волшебства тоже нет. Они существуют в книгах, в фильмах, но не в жизни, никто не может из тыквы сделать карету или заставить неживое стать живым. Да, те, кто живет в Ночи, способны на то, что людям может показаться невозможным, но это всего лишь их врожденные таланты. И среди людей подобное встречается, редко, но тем не менее. Есть, например, великие музыканты или художники, им умения при рождении были даны свыше. Вот и мы такие же. Абрагим, например, мастер иллюзий. Все аджины таковы, это их племенная черта. Нет, он и многое другое умеет, все же в его венах полыхает отзвук первородного огня, но его главное умение — суметь показать то, чего нет на самом деле, и скрыть то, что никому видеть не нужно.

Абрагим щелкнул пальцами, и я онемел. Напротив меня сидела невероятной красоты восточная красавица, волоокая, с губами цвета спелой вишни, с нежным румянцем на смуглых щечках, с ямочкой на подбородке. Она белозубо улыбнулась, подперла точеный подбородок кулачком и взглянула на меня настолько бесстыдно, что внутри все аж закипело. Чудно — я отлично осознавал, что нет никакой красавицы, что под ее личиной скрывается волосатый здоровенный мужик, но мозг откровенно пасовал перед внезапно заявившими о себе рефлексам.

Красавица распрямилась, под полупрозрачным платьем качнулись груди идеальной формы, и...

— Абрагим, хватит, — хриплым карканьем показался мне голос Стеллы. — Он же сейчас на тебя набросится.

Хохот аджина — и словно пелена с глаз упала.

— Вот так это и выглядит, Валера, — ведьма тоже смеялась, смотря на меня. — Если бы он захотел завести тебя в пропасть, то ты не думая пошел бы за ним. Ты был полностью в его власти, причем по доброй воле. И, заметь, никакой магии. Исключительно иллюзия.

— А ты что умеешь? — я с уважением посмотрел на волосатого здоровяка, который разливал остатки текилы по емкостям.

— Много чего, — уклонилась от ответа ведьма и взяла пластиковый стаканчик. — Ну, за сбычу мечт!

— За нее, — присоединился я к этому тосту. — И за хозяина этого места. Здесь здорово и вкусно!

Абрагим что-то проворчал, а после припал губами к своей пиале.

— Уф-ф-ф, — Стелла выплеснула текилу себе в рот. — Все, Валера, можно выдыхать. Карла Августовича заинтересовало наше предложение. Абрагим сказал, что он сам нас найдет, когда у него появится время.

— Вопрос, когда оно у него появится, — заметил я и опустошил стаканчик.

— Не бойся, это сказка долго сказывается, — успокоила меня Воронежская, — а у нас все быстро делается. Москва — мегаполис, она, как и положено большому городу, живет на пределе скоростей, тот, кто стоит на месте, обречен. Он оказывается сначала в Лобне или в Шатуре, а после теряется на бескрайних просторах Среднерусской равнины. Это не значит, что в остальных местах жить хуже, чем здесь, просто город диктует свои законы. Ты либо существуешь по ним, либо выбываешь из игры.

Собственно, на этом наше пребывание в кафе Абрагима закончилось. Текила была выпита, шаурма съедена, цели достигнуты.

Когда мы уже выходили на улицу, аджин хлопнул меня по плечу и пророкотал несколько неразборчивых фраз.

— Он говорит, что ты ему понравился. Теперь можешь заходить сюда покушать, как рядом окажешься, он будет рад такому гостю, — перевела мне речи Абрагима Стелла, доставая из сумки телефон, заливающийся трелями. — Поздравляю, ты молодец, это дорогого стоит. Алло, слушаю вас!

— Рахмат, — я протянул аджину руку, которую тот пожал. — Обязательно загляну еще, и не раз.

Тот довольно оскалился.

— Да, — вещала тем временем Воронежская в трубку. — Да. Не сегодня. Не сегодня, у меня дела. Да? Да! Хорошо!

Она убрала телефон в сумку, на прощание махнула шаурмячнику рукой и стремительно двинулась вниз по улице, туда, где была

оставлена машина.

— Мы куда-то едем? — догнал я ее.

— Мы — нет, я — да, — ответила Стелла на ходу. — Станция «Парк культуры» вон там, вечером созвонимся. Или завтра. Все, Валера Швецов, пока-пока.

Баба с возу — кобыле легче. Пока так пока. Где там метро? Вон туда вроде она показала?

И ведь не так и далеко от меня эта самая станция находилась. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает. Или кто-то другой, тот, кто меня окликнул, когда я уже видел большую и красную букву «М» над арочным входом одной из старейших остановок московского метрополитена.

Глава седьмая

— Господин Швецов? — повторил немолодой и седовласый мужчина в летнем светлом костюме и приподнял старомодную серую шляпу с огромным количеством мелких дырочек. — Я ведь не ошибся?

— Нет, — прищурился я, разглядывая его. — И?

Не любил я подобные уличные вопросы с самого детства. Меня отец с пеленок приучал к тому, что никогда нельзя заговаривать с незнакомцами, особенно если те знают, как тебя зовут. Это почти всегда ведет к неприятностям, которые возникнут либо у меня самого, либо у него, что более вероятно. Так что если кто-то к тебе вот таким образом обратился, то надо не отвечать, а сразу бежать туда, где людей много. Ну, или бить не думая, если попробуют схватить и в машину затолкать. Он мне для этих целей даже заточенную отвертку в специальный карман рюкзака определил, в такой, откуда ее легко достать можно, а после еще и несколько «перехватов» показал. Она вроде как не оружие, предъявить потом мне никто ничего не сможет. Защищался ребенок от негодяя, что под руку подвернулось, то в ход и пустил. Ну а если что, если кому-то серьезно кровь пуцу, так он пообещал меня потом отмазать. Какой же был скандал, когда про эти разговоры мама пронюхала! Ох, как она на отца орала! Какие слова говорила, как его только ни называла, как возмущалась тем, что он такой ересью занимается, вместо того чтобы плюнуть на свои принципы и обеспечить мне нормальные меры безопасности.

Кстати, не соврал папаша. Отмазал. Правда, позже и по другому поводу, вот только цена этого благодеяния больно высока оказалась.

А отвертка, небось, до сих пор в кладовке лежит в родительской квартире. Я ее ни разу в ход не пустил, слава богу. Жаль, сейчас, возможно, и пригодилась бы, очень уж у этого пожилого джентльмена вид благообразный. Настолько, что сразу ему не веришь.

— Ну-ну, — выставил перед собой ладони мой неожиданный собеседник. — Не надо подозревать меня во всех грехах, мне всего лишь хочется с вами познакомиться лично. Я тут гостил у одного приятеля, так вот, до него донеслась с болот информация о том, что Великий Полоз наконец-то расщедрился и наградил человека своим

личным знаком и прилагающимся к нему даром. Само собой, что я невероятно обрадовался и сразу поспешил вернуться в город, что, впрочем, не так уж и странно, поскольку не каждый день в первопрестольной объявляется новый Хранитель кладов. Не соврать, лет тридцать как никого подобного в наших краях замечено не было. Кладов меньше не стало, а вот с Хранителями туго. Последнего некто Саша Маленький замучил до смерти, безуспешно пытаюсь у него узнать, где именно находится либерея Ивана Грозного. После этот господин в полной мере ответил за свой поступок, причем не только на этом свете, но и на том, вот только милейшего Анатолия Дмитриевича, вашего предшественника, было уже не вернуть. Поверьте, для ряда лиц это была и есть невосполнимая потеря.

— А почему «безуспешно»? — заинтересовался я, не спеша при этом приближаться к странному старику. — Анатолий Дмитриевич оказался изрядным упрямым? Или ему принципы мешали развязать язык под пытками?

— Либерея не есть клад в чистом понимании, вот в чем все дело, — охотно отозвался незванный собеседник. — Она неподвластна Хранителям. Это, если можно так выразиться, вещь в себе, существующая вне системы координат. К тому же на нее навверняка столько запретных заклятий навешали, что ни один Хранитель, если он не совсем сошел с ума, даже стоять рядом с ней не станет. Иван Четвертый был личностью парадоксальной, потому при невероятной набожности держал при себе пару тайных помощников далеко не христианского толка. Хотя... Я не исключаю того варианта, что Толя мог и на принцип пойти. Характер у него имелся, и серьезный. Как, впрочем, и у вас, молодой человек, я подобные вещи сразу примечаю.

Примитивный заходец-то. Крючок с наживкой под названием «любопытство», легкая лесть. Что дальше? Предложение побеседовать в более комфортной обстановке?

А я не против. Сдается мне, что поторопилась Стелла уехать, тот, кого она хотела видеть, уже нас нашел.

Или она и должна была отбыть?

— Самое страшное в мире — это когда невежды получают возможность решать чьи-то судьбы, — сообщил мне старик, обмахиваясь шляпой, — или, того хуже, право на это. Девяностые в этом плане крайне показательны. Саша Маленький увидел по

телевизору программу про библиотеку Ивана Грозного, а один негодяй шепнул ему, что есть человек, который любой клад найти может. Время было такое, что обалдуй с пистолетом и компанией приятелей, к которым даже словосочетание «редкостные идиоты» не очень хорошо подходит, могли творить что угодно, и вот результат — тридцать лет в Москве нет Хранителя кладов. Разумеется, нет и Саши Маленького, который надеялся продать либеререю на Западе, получить за нее грузовик денег, а после купить себе остров в Карибском море, это само собой. Только уход из жизни вышеуказанного существа не заметил никто, а вот некоторым обитателям Ночи без Хранителя приходится очень тяжело.

— Сейчас девяностые называют «святыми», — заметил я.

— Не от большого ума, — усмехнулся старик. — Валерий, признаюсь честно, мне не очень нравится стоять на солнцепеке. Годы, знаете ли. Да и вообще я не очень хорошо переношу жару, потому предлагаю продолжить нашу беседу в более прохладном и комфортном месте. Разумеется, в том случае, если у вас нет более важных дел и вы вообще желаете общаться со мной.

— Ну-у-у-у... — протянул я задумчиво, хотя решение уже было принято. — Время есть, но...

— Понимаю ваши сомнения, — заверил меня старик. — Вон там, за станцией, находится прекрасное заведение общественного питания под названием «Гамбринус». Хорошая кухня, вежливое обслуживание, летняя терраса, и, что важно, там достаточнолюдно. Место популярное, да и народ на «Парк культуры» идет постоянно. Валерий, согласитесь, уютное кресло, тенек и кружка ледяного пива в жаркий день — это то, что не может не радовать любого мужчину. А? Разве я не прав?

— Убедили, — согласился я, выдав широкую улыбку из разряда «я у мамы дурачок». — Пойдемте!

— Но прежде сделаю то, с чего следовало начать, — назидательно поднял вверх указательный палец левой руки мой новый знакомец, приподнял шляпу. — Позвольте представиться. Карл Августович Шлюндт, антиквар.

Антиквар. Если не ошибаюсь, Стелла довольно иронично отреагировала, когда я произнес это слово, одно пятнышко от соуса так на футболке и осталось. Но пусть будет так.

— Валерий Швецов, — протянул я ему руку. — Э-э-э-э...
Архивариус.

— Наши профессии чем-то схожи, — заметил старик. — Антиквар и архивариус ходят одними тропками, которые ведут в прошлое. Итак, нам вон туда. Утолим жажду, мой друг. Надеюсь, вы не против, что я вас так называл? «Друг» — слово сакральное, древнее, просто так не произносимое. Но я отчего-то чувствую родство наших душ.

— Не против, — отозвался я. — Насчет родства душ не скажу, но мне с вами интересно. Столько вопросов в голове вертится, не знаю, с какого начать.

— А вот мы сядем за столик и разберемся, — потер ладоши Карл Августович. — «Каждому вопросу свое время», — так говаривал мой отец.

Хорошее выражение. А мой все время повторял: «Самая искренняя улыбка всегда у того, кто через минуту выстрелит тебе в спину». И я хорошо эти слова запомнил.

Антиквар не соврал: летняя веранда и вправду была уютной, девушка-официантка — расторопной, а кружка с пивом — запотевшей. Практически гармония.

— Итак, — Карл Августович отпил пенного напитка, как-то так очень по-свойски крикнул, а после извлек из кармана толстую сигару. — Надеюсь, вы не против?

— А тут можно курить? — засомневался я.

— Думаю, никто даже внимания не обратит, — заверил меня он, обрезая ее кончик хитроумной блестящей фигуркой, которую извлек из другого кармана. — Кстати, не желаете? Настоящий «Боливар». У меня приятель обитает на Кубе, вот, время от времени присылает мне коробочку — другую в качестве подарка.

— Сигарный аромат не понимаю, — признался я. — Как и вкус оливок. Это дело такое, не каждому дано.

— Согласен, — согласился антиквар и щелкнул «ронсоновской» зажигалкой. — Ну, слушаю ваши вопросы. Первый, конечно же, касается нашей неслучайной встречи?

— Нет, — покачал головой я. — Мне про либеререю интересно. Выходит, она все же есть?

— Несомненно, — заявил старик. — Но пока она сама не захочет, никто ее не отыщет. Подозреваю, что ближе всех к ней в свое время

подобрался Стеллецкий в середине тридцатых годов прошлого века. Слишком уж неожиданно тогда его раскопки свернули. Я бы сказал — вдруг. С чего бы? Вроде дело шло на лад, был найден ранее неизвестный ход, ведущий к Арсеналу, да еще с разветвлениями, и вдруг работы прекращаются, причем спешно, а Стеллецкого к Кремлю больше не подпускают на пушечный выстрел. Согласитесь, это странно выглядит даже для тех людей, кто не знает истинной подоплеку вопроса.

— Странно, — согласился я. — Более чем.

— А для понимающих все предельно ясно — библиотека царя Ивана решила себя защитить от чужих рук, вот и все. Не стоит забывать, что, помимо безобидных рукописей, фолиантов и пергаментных свитков, там хранились книги, пришедшие из глубины веков, те, в которых содержались тайны, которые случайному человеку знать не стоит. И эти книги могут за себя постоять. Насколько мне известно, одним из тех, кто настаивал на свертывании работ, был Глеб Бокий, человек умнейший и образованнейший, отлично разбирающийся в оккультных хитросплетениях. Кто знает, что он видел и слышал, прежде чем занял именно такую позицию? Кто ему это посоветовал, с кем он вел беседы накануне? Записей практически не осталось, вся документация 9-го отдела ГУГБ НКВД сразу после арестов его сотрудников отправилась в спецхран, где в самом скором времени была утеряна и нигде никогда более не всплывала. А рассказать Глеб Иванович, как вы понимаете, уже никому ничего никогда не сможет.

Врать не стану — по спине пробежали мурашки. Не от страха, разумеется, — от азарта. Просто этот человек рассказывал о тайнах прошлого так, что сразу становилось ясно: это не пустой треп, он знает, что говорит. Он, похоже, сам все это видел и с участниками повествования лично знался.

— Да и Стеллецкий... — Карл Августович окутался ароматным сигарным дымком. — Почему он просил похоронить себя на Лысой горе, месте, печально известном и не лучшим для последнего приюта? Отчего его последнюю волю не выполнили? И, собственно, куда делась его могила? Когда пропадает захоронение вековой и более давности — это понятно. Время, социальные катаклизмы, дороговизна участков на старых кладбищенских территориях. Но тут-то и полувека

не прошло, а могилы след простыл. Чудно? На первый взгляд да. Но если чуть призадуматься, а после кое-кого порасспросить...

— Вот, пока не забыл! — встрепенулся я. — Вы сказали, что тот бандюган, который предыдущего Хранителя убил, не только на этом свете получил свое, но и там... Ну, там. Вы поняли. Это как возможно вообще? Или вы имели в виду, что принцип «воздастся каждому по делам его» работает как часы?

— Возможно, я вас удивлю, Валерий, но и в нашем обществе, немного отличающемся от того, в котором до последнего времени жили вы, все тоже во многом зависит от связей. У меня и моих коллег они довольно обширны. Выяснить, где именно похоронят этого разбойника, труда не составило никакого, в том же, что его душа в посмертии обязательно поступит не так, как следует, сомнений не имелось ни у кого. Разумеется, он оправдал наши ожидания, в том смысле что не отправился за грань реальности, а остался тут, на нашем пласте бытия. Как видно, решил, что реальному пацану не проблема договориться о том, чтобы, значит, обратно все крутануть. Само собой, подобное невозможно, но это понимаем мы с вами, поскольку умеем думать, там же с мыслительной деятельностью все обстояло совсем скверно. Далее была заключена сделка с Хозяином кладбища, на которую тот пошел без особой охоты и только после очень щедрого предложения. Умруны вообще очень и очень непростые существа, с ними иметь дело крайне сложно, но если они говорят «да», то за результат можно не переживать. Так что поверьте, мой юный друг, участи души этого негодяя не позавидует никто. Но поделом вору и мука.

История повторялась — каждая новая фраза этого человека рождала все новые и новые вопросы. И еще мне понравилось то, как он во время рассказа иронично стилизовал свою речь, изображая бандита, и даже зачем-то растопырил пальцы.

— Все же я вернусь к началу беседы, — антиквар стряхнул сигару над белой пепельницей, стоящей на столе. Я даже не заметил, как она тут появилась. — Нам надо прояснить ряд вопросов... Ряд крайне важных вопросов. И сделать это следует до того, как сюда примчится ваша приятельница. Госпожа Воронецкая — совершенно очаровательное существо, но у нее есть пара недостатков. Она слишком амбициозна, и она ведьма.

— Как в прямом, так и в переносном смысле, — согласился я.

— Именно, — подтвердил антиквар. — А самое скверное, что ее амбиции значительно возросли в последнее время. С месяц назад имела место быть какая-то темная история со стрельбой, пожарами и прочей экзотикой, я слышал кое-какие подробности о произошедшем. Просто детектив, да и только. Хотя немного нелепый, если верить тому, что мне рассказывали. Чтобы по-настоящему сильного колдуна уничтожили какие-то ведьмаки, да еще и на пару с людьми? Право, развесистая клюква и только. Ладно, не суть. Так вот, наша славная Стелла сумела выжать кое-какую пользу из произошедшего и стала младшей подручной главы ковена. Само собой, теперь ей хочется подняться еще выше, и в этом ее беда. Она умна, но жажда власти, увы, побеждает ее разум, а я не люблю иметь дело с теми, кто сначала делает, а после думает.

— Ковен — это сообщество, в котором состоят ведьмы? — уточнил я.

— Именно. Их много, а тот, к которому принадлежит госпожа Воронежская, — один из крупнейших в столице и области. Да, и вот еще что... Я, если совсем уж начистоту, вообще не очень хорошо лажу с ведьмами. Кое с кем из них у меня имеется общее прошлое, и в нем наличествуют некие темные пятна. Потому, Валерий, давайте проговорим определенные аспекты нашего небезвыгодного для нас обоих потенциального сотрудничества прямо сейчас? Вы простите, но я уж напрямую все выкладываю, по-простому. Или по-старчески? Сам не знаю. Возраст, возраст.

Ну да, возраст. А хватка как у бульдога, раз вцепился, теперь не отпустишь.

— Давайте, — согласился я. — И правда, чего тянуть?

— Вы, как человек, имеющий отношение к исторической науке, прекрасно понимаете, что прошлое на самом деле никуда не ушло. Оно вполне реально, надо просто остановить свой стремительный бег, на секунду застыть на месте и прислушаться. Но, увы, речи ряда предметов, в том числе и скрытых от людских глаз, даже выполнив вышеизложенное условие, никто расслышать не может. Никто, кроме Хранителя кладов.

— Приятно ощущать себя особенным, — признался я, отхлебнув пива. — Тешит самолюбие.

— И по праву, — поддержал меня Карл Августович. — Именно поэтому я не стал откладывать нашу встречу. Причем не только для того, чтобы предложить вам свою дружбу как родственной душе, но и затем, чтобы предостеречь. Поверьте, Валерий, очень скоро вокруг вас начнут крутиться самые разные люди... Да и не только люди. Им будет нужен ваш талант, но не вы сами. Вам будут много чего обещать, но по факту эти посулы не будут стоить ни копейки. И раньше или позже все может кончиться весьма и весьма трагично.

Грубая работа-то. Я думал, этот старикан станет плести более тонкую паутину, а тут... Прямолинейно, без особой фантазии. Непонятно, правда, в чем причина. То ли он меня за совершенное полено держит, то ли сам не настолько умен, как показалось сначала. Первое предположение куда вероятней.

— Знаю, о чем вы думаете, — улыбнулся антиквар. — Распушил хвост старый дурак, все у него негодяи, кроме него самого. А в это время только и думает, как бы меня обдурить. Так ведь?

— Не совсем, — ответил улыбкой на улыбку я, оценив довольно недурственный поворот разговора. — Плохие слова мне на ум не приходили. Но отчасти — да.

— Просто все обстоит именно так, как я говорю. Правда всегда выглядит или нелепо, или неприглядно, так уж повелось, — Карл Августович ткнул сигару в пепельницу. — Ваша приятельница, если вы не в курсе, уже доложила одной весьма влиятельной особе по имени Марфа о том, что у нее на привязи имеется тот, кто поможет ковену значительно увеличить благосостояние. Как там бишь было? С ладони ест... С руки ест... Забыл.

Старик достал из кармана маленький диктофон из числа тех, которые только в антикварных лавках найдешь, и нажал кнопку «play».

— Он мне в рот смотреть станет, — услышал я голос Стеллы. — Скажу мне ноги мыть, а после эту воду пить — выполнит. Ты же знаешь, на что я способна ради нас всех, Марфа. Этот дурачок сейчас как котенок слепой, ничего не знает, ничего не понимает, потому поверит всему, что я ему скажу. А если надо будет, то и покажу.

— Делай, — ответил ей низкий голос, от которого у меня по спине снова дрожь прошла. — Привяжи его к ковену, нам такой слуга нужен. Но если не справишься, пеняй на себя.

Щелчок — и голоса смолкли. А жаль, я бы и дальше эту беседу послушал, да и то, что раньше говорилось, тоже. И желательно в первоизданном виде. Грамотный монтаж записи иногда дает отменные результаты, это я точно знаю. Хотя и вырванные из основного контекста фразы тоже иногда работают неплохо, как, например, сейчас. Не скажу, что услышанное меня убедило, но неприятно стало. Нет, я Стелле изначально не доверял, а все равно немного расстроился.

— Ноги мыть и воду пить, — рассмеялся антиквар. — Перепутал, бывает. Но у вас, Валерий, как мне кажется, подобных планов в любом случае не имелось?

— Не припоминаю, — хмуро сказал я. — Вот ведь стерва!

— Ведьма, — поправил меня Карл Августович. — И не стоит строго судить эту девицу, такова их природа. Люди, согласитесь, тоже частенько неразборчивы в средствах, когда идут к своей цели, что уж говорить о тех, кто живет в тених? Кстати, эти дамы еще вполне гуманны. Поверьте, те, кто придет следом за ними, станут действовать куда прямолинейней. А некоторым даже согласие будет не принципиально, они просто поставят вас перед выбором да и все.

— Замучаются ставить, — достаточно резко ответил я. — Но в целом невеселую вы картину нарисовали.

— Какая есть, — развел руки в стороны антиквар. — Вы теперь один из нас, так что правила существования на этом свете для вас изменились. Днем все будет как раньше, а ночью, уж не обессудьте, нет.

— И каков выход? — напрямую спросил я. — Вы же к этому все вели? Я должен заручиться вашей поддержкой?

— Дружбой, — мягко поправил меня Карл Августович. — Поддержка подразумевает неравенство сторон, про которое в нашем случае даже и речи нет. Круги, к которым я близок и которые, собственно, представляю, не желают еще тридцать лет ждать явления нового Хранителя кладов. Мы можем заключить с вами некое устное соглашение, после которого ваш покой станет нашей заботой. Вы же время от времени станете оказывать нам определенные услуги, которые, к слову, будут неплохо оплачиваться. Думаю, лишние деньги даже тому, кто слышит клады, не помешают, верно? Отдельно отмечу, что ни о каких нарушениях действующего законодательства речь также не идет. Все в правовых рамках, даже выплаты гонорара. Оформим его

как оказание консультационных услуг, переведем на карту, даже налоги удержим. Ну, если пожелаете. А нет — наличные к вашим услугам.

— Заманчиво, — потер я подбородок. — Да, относительно консультационных услуг. А если мне таковые понадобятся? Воронежская ведь права, я в этих ваших хитросплетениях на самом деле ничего не понимаю пока. Я смогу обратиться к вам за справкой или помощью в случае чего? И дорого ли мне это обойдется?

— Все, чем я смогу помочь, сделаю, — деловито сообщил мне антиквар. — И совершенно безвозмездно. Ну, Валерий Анатольевич, принимаете мою дружбу?

И антиквар протянул мне руку.

То «мы можем», то «мою дружбу». Не «нашу», а «мою». Ему бы определиться уже, он с коллективом или сам по себе? Да и мне пора тем же заняться. Ну да, так-то все выглядит ох как заманчиво, вот только народную мудрость про сыр и мышеловку пока никто не отменял. Опять же, кто знает, что меня ждет дальше? Может, у дома на лавочке сидит кто-то третий, который откроет мне глаза на первых двух. А почему нет? Запросто.

Хотя этот старикан, скорее всего, не врет. Точнее, он умело подает ту правду, которая ему выгодна. Не думаю, что за моей головой прямо охота начнется, это все искусственное нагнетание атмосферы для пущей сговорчивости. Но что кто-то особо жадный отыщется и, что хуже, меня отыщет — это наверняка. Тот же дядя Фома про это предупреждал. Вот только данный нюанс не такой уж глобальный повод для того, чтобы кинуться за защитой к незнакомому человеку, который слишком быстро решил назваться моим другом.

Но рука — вот она, висит в воздухе, и мне надо решить, что делать. Пожать ее или нет?

И вот тут мне на помощь пришла коварная напарница. Если точнее, взвыл смартфон, сообщая о том, что мне звонит госпожа Воронежская. Я еще вчера на ее номер мелодию «Мельницы» поставил, разумеется, трек под названием «Ведьма». А какие тут еще варианты могут быть?

— Секунду, — приложив руку к груди, сказал я антиквару, отметив при этом недовольство, тенью скользнувшее по его лицу. — Сейчас отвечу — и продолжим нашу беседу.

— Разумеется, — кивнул тот и подцепил со стола кружку с пивом.

— Валера, скажи мне, что ты не наделал глупостей! — потребовала Воронежская, чуть не оглушив меня. — Скажи, что ты не заключил сделку с этим старым хрычом! Сволочь такая, как он меня ловко обыграл!

— Однако, — хмыкнул Карл Августович, прекрасно разобравший ее слова. Еще бы, Стелла так орала, что ее, скорее всего, даже в здании МИД РФ слышно было. — Экая мерзавка!

— Во-первых, говори потише, — попросил я ее. — Во-вторых, это мое дело, с кем и о чем я договариваюсь. Ты забыла, о чем мы вели речь час назад? Мы вместе, но... Вспоминай, вспоминай!

— Швецов, поверь, ты совершаешь ошибку! — горячо произнесла Стелла. — Ну, блин, козел!

— Пошла ты знаешь куда! — уже непритворно разозлился я. — Тоже мне, королева ведьм! Видел я тебя знаешь где? В кинофильме «Вий»! В смысле в гробу в белых тряпках!

— Да я не тебе, меня один идиот подрезал, — пояснила девушка, понизив голос. — Валер, хорошо, пусть будет так, но ничего не обещаю ему до моего приезда. Не пали наш шанс, может быть единственный. Просто ничего не делай. Пожалуйста! И еще, вы где находитесь? Что на «Парке» — не сомневаюсь, но где точно?

— Кафе «Гамбринус», — помолчав, все же ответил я.

— Отлично, — взвизгнула ведьма. — Уже на подъезде!

— Поспешу, — посоветовал я ей и отключил телефон.

— Не самая плохая шутка, — одобрил Карл Августович. — Та, что про Вия. Иронично и с подтекстом. Хотя я бы сказал: «Ты там в гробу лежала». Кстати, Валерий, если она вам на самом деле мешает...

— Она хитрюшка, но с ней интересно, — понял, что если я скажу «да», то он на самом деле может навредить Стелле, и очень сильно. Потом, возможно, я о данном решении пожалею, но пока она мне нужна. — И еще я не хочу начинать наши дружеские отношения с подобных акций. Я, знаете ли, очень и очень мирный человек.

— Да-да, наслышан, — покивал старик. — В юности, правда, пошаливали, но кто из нас в нежном возрасте не проказничает?

— На то она и юность, — в тон ему произнес я, давая понять, что оценил его осведомленность. Вот теперь мне очень захотелось узнать, кто именно скрывается за словами «круги, к которым я близок», и не носят ли люди из данного круга на плечах погоню с большими

звездами. Просто следы моей юношеской ошибки, по заверениям отца, были безвозвратно уничтожены. Ошибся он, не до конца процесс утилизации довели. — Как там у Теннесси Уильямса? «Сладкоголосая птица юности».

— Удивлен, — изобразил подобие аплодисментов антиквар. — Нынешняя молодежь, как мне казалось, не слишком интересуется наследием прошлого, предпочитая жить в дне сегодняшнем. Рад, рад.

— Маме спасибо, — признался я. — Она у меня личность творческая, потому провела меня по всем кругам театрально-выставочного ада еще тогда, когда я пребывал в упомянутом вами нежном возрасте.

— Я так понимаю, мы ждем госпожу Воронежскую? — уточнил антиквар. — Таково ваше решение? Печально, похоже, что сегодня мы не договоримся. Но я на это не слишком и рассчитывал. А может, по мороженому? После пива выбор странный, разумеется, но что-то так захотелось... С детства люблю это лакомство.

Стелла влетела на веранду минут через семь подобно урагану. Она придвинула еще один стул к нашему столику, выхлебала остатки моего пива, отобрала вазочку с недоеденным мороженым, поправила волосы и только после этого сообщила:

— Карл Августович, это было красиво. Я всегда вас уважала, а теперь еще и преклоняюсь.

— Да-да, милочка, даже такие старые хрычи, как я, еще могут потягаться с амбициозной молодежью вроде вас, — с невыразимым сарказмом отозвался антиквар.

— Мне мужчины всегда говорят: «Стелла, ты слишком громко кричишь», — посетовала ведьма. — До сегодняшнего дня я считала это своим достоинством, а теперь поняла, насколько ошибалась. Примите мои извинения за эти слова, мэтр, если сочтете это возможным. И примите во внимание тот факт, что я женщина, а значит, эмоции иногда властвуют над разумом. Я волновалась за этого мальчика, который за последние дни стал мне невероятно близок. И которому надо бы поменять телефон на более пристойную модель!

Она взяла меня за руку и глубоко вздохнула, давая понять всем-всем-всем, как сильна ее привязанность.

— Надо зайти тазик купить, — я ласково положил свою ладонь поверх ее руки. — Пластмассовый, не очень дорогой.

Антиквар прищурил левый глаз и устроился в кресле поудобнее.

— Какой тазик? — удивилась ведьма. — Зачем? Если ты про то, что я мороженое с пивом смешала, так не волнуйся, у меня желудок крепкий, подшиппник переварит.

— Да нет, моя ты красота. День был сложный, ты много бегала, так что придется мне тебе ноги вечером мыть. А воду, оставшуюся после данной процедуры, пить, поэтому тазик надо не сильно глубокий покупать. В меня много не влезет.

Стелла глубоко вздохнула и уставилась на Карла Августовича, который в данный момент более всего напоминал доброго дедушку, по-отечески смотрящего на забавы детишек.

— Да-да, моя милая, — антиквар первым нарушил установившуюся тишину. — Вы уже упоминали сегодня, что я сволочь. Повторять не надо. Хотя бы из соображений личной безопасности.

— Ненавижу ситуации, когда сказать что-то нужно, а не получается, — медленно, чуть ли не по слогам проговорила Воронецкая. — И оправдываться глупо, и противопоставить нечего.

— Мне тоже кажется, что мы зашли в некий тупик, — обрадовался такому повороту беседы я. — Потому предлагаю выдохнуть, взять небольшой тайм-аут и продолжить эту беседу завтра. Можно здесь, можно где-то еще.

— Например, у меня, — Карл Августович, не выказав никаких эмоций, протянул мне визитку. — Буду ждать вас с утра. Может, оно и верно, на все нужно время. Лучшие сделки — это те, что заключены на рассвете, когда день сменяет ночь. Правда, в такую рань вы вряд ли заявитесь ко мне в гости, но если вдруг вам в голову взбредет такая блажь, то не стоит соблюдать приличия. Старики спят мало, такова наша природа.

— Вы ждете нас обоих? — уточнила Стелла тревожно. — Или?..

— Данное решение оставлю на усмотрение Валерия, — холодно сообщил ей антиквар. — И надеюсь на то, что он сделает правильный выбор.

Сделаю, куда деваться. У меня все равно его просто нет. Ясно же, что впереди маячит веселая ночь с затяжными кошмарами, так что завтра мне все равно придется просить помощи у этого хитрого старичка. Но помариновать Воронецкую, которой, кстати, тоже

перепадет в ночной тиши за ее слова, — святое дело. Да и подумать еще разок время нужно, прогнать через мозги все то, что я сегодня увидел и услышал. И записать, как собирался.

Опять же, шутки шутками, а вдруг и правда кто-то еще припрется по мою душу?

И ведь угадал. Так оно и вышло.

Меня разбудил стук. Змеи и прочая неприятная живность в этот раз мне не снились, гарнитур из трех предметов тоже, зато Воронежская примерещилась, причем в довольно фривольном наряде, из числа тех, которые одеждой даже и не назовешь. Сон был приятный, и этот самый стук, который меня из него вырвал, само собой, вызвал мое раздражение. Я как-то даже сразу не задумался о том, что мне, живущему на третьем этаже, в стекло никто стучать не может.

Здесь ошибочка вышла. На балконе, эффектно смотрясь в лунном свете, стояла красивая светловолосая девчонка в светлом легком платьишке. Она таранилась на меня и методично постукивала в стекло. Заметив, что я оторвал голову от подушки, оживилась и громко сказала:

— Наконец-то! Дрыхнет, дрыхнет, не добудишься его! Давай, открывай балкон!

— А? — я потряс головой, разгоняя дрему. — Ты кто вообще?

— Кто, кто, — девушка, слова которой глушило стекло, топнула ногой, не отрывая от меня пристального взгляда. — Конь в кожаном пальто! Открывай, времени в обрез! Еще чуть-чуть — и будет поздно! Вставай и открывай дверь, Валера!

И ведь что интересно: умом я понимал, что это как-то неправильно, что неоткуда этой красотке тут взяться и открывать ей дверь не стоит. Но отчего-то встал и пошел ко входу на балкон, собираясь сделать то, о чем она меня попросила.

Глава восьмая

— Стой! — кто-то или что-то повисло на моей ноге тогда, когда я протянул руку к дверной ручке, собираясь повернуть ее вниз. Раньше я балкон открытым держал, но после недавнего ночного дружеского визита змеи решил, что лучше пусть духота в комнате будет, чем такие гости. И даже на кухне форточку закрыл от греха. — Не вздумай! Это же вурдалачка! Ты чего! Не пускай ее сюда!

С меня словно какой-то покров сорвали, мысли снова обрели ясность, а мир — звуки. И первое, что я услышал, — визг девушки на балконе. Это порождение ночного кошмара врезало кулаками по стеклу, да так, что оно чуть не треснуло, а после оскалила рот, в котором были отчетливо видны два длинных клыка на верхней челюсти. Прямо картинка из фильма категории «В», по-другому и не скажешь!

— Ох, ё! — вытаращил глаза я и сделал два шага назад. — Вампирша!

— Вурдалачка, — донеслось пояснение снизу. — Из молодых да ранних! Наглая какая! А ну, кыш отсюда, нежить поганая!

— Открой, — юное и вместе с тем невероятно порочное лицо прильнуло к пластиковому окну, губы беззвучно шевелились, но я отчетливо разобрал каждое слово. — Все равно я раньше или позже войду в твой дом. Не усложняй себе остаток жизни, прими мой поцелуй сегодня — и, клянусь, ты умрешь легко и быстро. Словно уснешь!

— Да пошла ты! — немного неуверенно посоветовал гостье я. Неуверенно — потому что голос дрогнул. Да, мне стало страшно, и я этого не стесняюсь. Вампиры хороши, когда на них в кино смотришь, а вот так, вживую, в двух шагах от себя увидеть — это совсем другие ощущения. Да сам факт, что они на самом деле есть, здорово вымораживал сознание. — Куда подальше.

Мало мне этой красоты было, так на балкон еще и черный ворон прилетел, здоровенный и жуткий. Странно, они вроде по ночам спать должны? Или это тоже не совсем ворон?

Птица каркнула так, что даже я услышал, девица повернулась к нему, что-то прошипела, а после легким прыжком перемахнула через

балконную перегородку и канула в ночи.

Ворон каркнул еще раз и тоже улетел.

— Уф-ф-ф, — сообщил неизвестный спаситель и отпустил мою ногу. — Убралась наконец-то, пиявка кровососущая!

— Капец, — пробормотал я и плюхнулся на кровать. — Нет, это уже перебор.

— Есть такое, — согласился некто и уселся рядом со мной. — В нашем доме такого отродясь не случалось, с самой его постройки. И на тебе!

Стоп. А кто это? С кем я вообще разговариваю?

Я посмотрел на собеседника и понял, что сюрпризы еще не кончились. Рядом со мной примостилось совсем уж странное существо. Было оно явно в годах, бородато, невысокого роста, мне где-то по колено и одето в некое подобие комбинезона из числа тех, что сантехники из нашей управляющей компании носят.

— Вы кто? — жалобно спросил я и щелкнул выключателем настольной лампы. — А?

— Подъездный, — с готовностью ответило существо, прикрывая глаза от вспыхнувшего света. — Я тут за порядком смотрю.

— Тут? — мне показалось важным данное уточнение. — В моей квартире?

— И в ней, — подтвердил незнакомец. — Весь подъезд — моя вотчина, с первого этажа по девятый. Если где чего, так я разберусь, подсоблю, подправлю. Такая у меня служба.

— Стоп-стоп-стоп, — я вспомнил шаги, которые мне послышались накануне. — А змею, стало быть, вы пугнули? Ну, вчера ночью?

— Такую пуганешь, — поежился подъездный. — Она сама кого хочешь... Это же не просто гадюка была, из тех, что в лесных оврагах шебуршатся. Это из Велесова выводка змеюка, от ее яда не то что человек, но и кто посерьезней может в ящик сыграть. И я тоже. Наше счастье, что она не убивать приползала, а то бы не говорить нам сейчас.

— А чего вы вчера со мной не пообщались? — заинтересовался я, ощутив, как страх потихоньку отступает.

— Так я не знал, что ты теперь из тех, с кем разговоры разговаривать можно, — пояснил он. — Нам не положено людям на глаза показываться. С давних пор тот запрет действует, и никто его не

отменял. Разве что только с детьми малыми, из тех, что еще пузыри пускают да агукают, дозволено потетешкаться, да и то исключительно по надобности. Ну, если ребяенок чего не то в рот потянул или какую вещь схватит, которой пораниться может. Детки — они в малых летах шепутные, за ними глаз да глаз, а иным мамкам что в старые года не до них было, что теперь. Теперь даже сильнее, чем раньше. Все в телефонах сидят, в этих, как их... Планшетах. Вон, в шестнадцатой квартире одна такая живет. Дите обсерилось, орет, а она знай пальцем кругляши гоняет по стеклышку! Добро бы чего путное, а тут...

— А теперь чего показались? — уточнил я, не сильно вежливо перебив гостя.

— Теперь выходит, что ты не сильно обычный человек, — растянул рот в улыбке подъездный. — Вечор Велесова служанка в гости пожаловала, нынче — вурдалачка. Да и нутро твое изменилось. Не в смысле требухи, а душа. Мы такое мимо себя не пропустим, парень. Филат Евстигнеевич, наш старейшина, аккурат с утра мне сказал, что с тобой дело неладно, только что к чему, понять пока не может. А теперь я и сам это чую. Ну как чую... Не ушами, не глазами — по-другому. Трудно объяснить. Только понять не могу, кто ты такой есть. Что не подмениш — точно, но...

— Хранитель кладов я, — мне стало предельно ясно, что моя тайна теперь совсем не тайна, так что какой смысл наводить тень на плетень?

— От оно чё! — всплеснул короткопалыми руками подъездный. — Теперь ясно, чего разобраться не получалось. Я вашего брата и не видел никогда, даже в те времена, когда в деревне жил. Но наслышан! Мне папаня рассказывал, что у него один из бывших хозяев как-то деньгу закопал, а место запомятовал. Вот он и...

— С ума сойти, что ли? — задумчиво спросил у него я. — А что? Полежу немного в доме скорби, среди добрых и безобидных психов. К буйным наверняка не попаду, их отдельно содержат. Поживу на казенных харчах, отосплюсь, обследование комплексное пройду. И бриться там не надо. Раньше не хотел туда отправляться, а теперь вроде как вариант.

— Батюшки, да на что оно тебе? — всплеснул руками подъездный. — Доброй волей — и к юридивым? Так там, чай, погано!

— Там, уважаемый, обстановка будет соответствовать тому, что у меня в голове творится, — заявил я, вставая на ноги. — Ладно, я кое-

как переварил всю ту ерунду, что в лесу была. Ведьму эту принял как должное, лесовика, антиквара-долгожителя. Но вампирша...

— Вурдалачка, — подсказало странное существо, внимательно смотревшее на меня.

— Пусть вурдалачка, — согласился я. — Так вот, она, ворон-каркун и вы, милейший... Как ваше имя-отчество?

— Анисий Фомич я, — представился подъездный. — Очень приятно!

— И мне, — я сунул подъездному руку, тот осторожно ее пожал. — Короче, это слишком много для одного человека. Не в состоянии я все это переварить одним махом. И если еще кто-то до утра сюда нагрнет, так меня и в самом деле хватит мозговой паралич!

— Не хватит, — заявил Анисий Фомич. — Ты крепкий. Ежели до сих пор не рехнулся, так и теперь сдюжишь. Вон, вурдалачка тебя до конца не схомутала, значит, душа у тебя к телу крепко пришита.

— Если бы не ты — схомутала бы, — я решил поддержать заданный стиль общения и тоже не «выкать» этому странному существу.

— Не знаешь ты это племя, — огладил бороду подъездный. — Они что пиявки, если впилась — не отдерешь. Другого бы что за ногу хватай, что не хватай — не заметил бы, а ты сразу в себя пришел. И потом на ее посулы не поддался. Одно плохо: если вурдалак чего решил, то своего до конца станет добиваться. Вернется эта мертвячка, как есть вернется.

— Надо будет кол осиновый добыть, — задумчиво пробормотал я.

— И что тебе с него? — удивился подъездный. — Если только под дверь забить, чтобы точно не открылась.

— Против вампира... Вурдалака то есть, надо серебро, чеснок, крест православный и кол осиновый, это все знают.

— Балаболы твои «все», — поморщился Анисий Фомич. — Вурдалаки да их меньшие братья упыри задолго до распятого бога в мир пришли, что им крест? Про чеснок я даже и говорить не стану, дурь несусветная. Они не Лихоманки, чего им его бояться? Что до кола, им и в самом деле эту нежить убить можно, только для этого надо найти ту могилу, куда его опосля первой смерти положили, загнать эту тварь в нее и там уже сердце пробить. После положить лицом вниз, да

пятью гвоздями железными приколотить к земле могильной — по одному в руки-ноги, а пятый в затылок. Так-то.

— Жесть какая, — проникся я. — В сказках такого не встретишь. Нет, наш отечественный вурдалак куда крепче ихних худосочных вампиров. Радость в этом сомнительная, но в разрезе патриотизма — приятно. А по-другому их никак не убить? Только этим трудоемким путем?

— Можно словить и рассвета дожждаться, им солнышко — враг первейший, — загнул палец подъездный. — Опять же зелья есть, которые их как огонь спалят. Серебро, что ты упомянул, тоже, конечно, в ход пустить можно, но на него прежде надо чары навести специальные, да еще и в непростом месте. Каком — не знаю, просто слышал про это как-то раз. Опять же колдуны, из тех, что посильнее, знают заклятия, которые не-смерть в смерть обратят, вурдалак тогда сразу прахом станет. Хозяева кладбищ да Ходящие близ Смерти могут на них мертвяков спустить. Мертвый мертвого завсегда порвать способен так же, как живой живого убить. В общем, Валерий, много способов имеется, как эту погань извести.

— И все они мне мало подходят, — подытожил я. — Нет, все же надо в больницу имени доктора Кащенко отправляться. Там все двери закрыты так, что сам их фиг откроешь, и решетки на окнах имеются. Туда ни одна нежить не пролезет.

— А может, оно и правильно, — подъездный задумчиво глянул на балкон. — И тебе там спокойней будет, и нам тут тоже. Кто ее знает, проклятую? У тебя крови не добудет — в другие квартиры ползет, чтобы пожрать. Добро, если Степку-алкаша выпьет, он всем давно надоел, как воскресный день, так он стакан примет и ну дрелью жужжать. Или, там, Мамаладзе с третьего этажа, что четвертый месяц плату за коммуналку не вносит. А если нет? У нас ведь где дети малые живут, где бабы на сносях квартируют. И правда, езжай. Да обратно не спеши, лечись на совесть!

Шутки шутками, а я на самом деле начал подходить к тому, что вот-вот сорвусь на крик. Меня с детства приучали к тому, что ситуацию надо принимать такой, какая она есть, что гнев или нервозность отдаляют меня от решения проблемы, что всегда надо спокойно искать наиболее действенные и рациональные способы выхода из неприятностей, которые всегда валятся на человека, но всему есть

предел. И странный человечек в нелепом наряде, одобряющий мое стремление лечь в сумасшедший дом, похоже, меня сейчас добьет.

Я не успел ему ничего ответить, потому что смартфон, лежащий на столе, голосом Хелависы сообщил, что со мной желает пообщаться одна знакомая ведьма.

— Да! — рявкнул я, уже совершенно не думая о том, что так с девушками, пусть и странной социальной ориентации, не говорят. — Добей меня, роднуля, разрешаю!

— Не вздумай открывать этой твари окно или дверь! — не тише чем я заорала Воронецкая. — А лучше запишись в ванной или туалете, там она тебя не достанет.

— Редкая осведомленность, — на иронию у меня еще хватало душевных сил. — Откуда знаешь?

— Доложили, — по звукам на заднем фоне я догадался, что она сейчас за рулем, и, похоже, педаль газа вот-вот продавит пол машины. — Делай, как я говорю, ясно? Я уже почти приехала. И в глазок сначала посмотри, прежде чем дверь открывать.

Не припоминаю, чтобы я называл ей свой адрес. Хотя, с другой стороны, сейчас любой более-менее башковитый семиклассник с планшетом за небольшую плату добудет и твой адрес, и характеристику с последнего места работы, и полное описание пристрастий, включая самые грязненькие, и даже анализ мочи, если таковой сдавался. Интернет давно перестал был анонимной территорией, тут можно узнать все и обо всех. Впрочем, вероятнее всего, он таковой никогда и не являлся.

— А еще переехать можно, — задумчиво сообщил мне подъездный. — Хочешь, поспрошаю, может, где в окрестных домах жильё есть на обмен?

Сдается мне, Анисий Фомич не сильно хочет видеть меня на подотчетной территории. Его можно понять, но все равно немного неприятно.

— И не подумаю, — буркнул я, беря сигарету из пачки, лежащей на столе. — Мне квартира от деда досталась в наследство. Я его почти не помню, но сути это не меняет.

— Так о тебе же пекусь, — смутился подъездный, отводя круглые глаза в сторону. — Чтобы, значит, легче там... И вообще...

А врать Анисий Фомич толком не умеет. По нынешним временам диво дивное, даже, может, большее, чем сам факт существования подобных существ. Вон он как носом-картошкой шмыгает, ногами в забавных сапожках сучит, дискомфортно ему.

Не знаю отчего, но эти мысли немного притушили гнев, который пару минут назад меня захлестывал. И слава богу, потому что ничего путного в таком состоянии я сотворить не могу, это проверено, и не раз. Вот глупостей способен наговорить и наделать кучу.

— А кто звонил-то тебе? — вдруг спросил подъездный. — Уж не хозяйка ли ворона, что на вурдалачку наскочил?

— В смысле хозяйка? — насторожился я. — Я думал, этот чернокрылый с ней на пару меня ухайдокать собирался.

— Да что ты, что ты! — замахал короткопалыми ладонями коротышка. — Ворон — и с неживой? Не бывает такого. Птицы да животные от них бегут как от огня. Они мертвятину за версту чувят, не то что люди. Не, это ведьмин помощник был, или я ничего в этом не понимаю. У них всегда или кошак черный в них бегают, или ворон летает. Что тот, что другой — существа непростые, со старых времен к колдовству да волшебю причастные.

О как. Век живи — век учись. Причем сейчас мне эту учебу надо экстерном пройти, если хочу дальше жить. Забавные игры в ожившие сказки кончились, та стерва, что в окно стучалась, вряд ли хотела просто со мной поболтать, у нее другие планы на этот счет имелись.

Интересно, мой старый приятель Гаврош оружием еще торгует? И, если что, серебряные пули добыть сможет? Ну да, подъездный сказал, что их надо специальным образом зачаровать, помню, но пока и такие сойдут. Все лучше, чем с голыми руками от эдакой напасти отбиваться. Пуля в лоб — это всегда аргумент в мою пользу. Даже если это будет мой лоб. Кто его знает, как дело повернется, верно?

Впрочем, может, я и не прав. Может, она приходила не убивать, а попугать. И вот тогда надо начинать искать того, кто...

Мысль прервал звонок в дверь.

— Может, не станешь открывать? — предложил подъездный. — Чую, не с добром гость пришел.

— Ясное дело, что не с ним, — усмехнулся я. — Добрые люди по ночам спят, только нечисть по гостям мотается.

— А подруга твоя? — хитро сверкнули глазки подъездного. — Она частенько в это же время приезжает, да еще и не всегда тверезая. И всегда такие жалостливые истории рассказывает!

И не возразишь ему ничего. Моя приятельница Юлия, отношения с которой у меня давным-давно перешли в стадию «так давно вместе, что уже непонятно, кто мы друг другу», любит иногда наведаться в гости часика в три ночи, порядком набравшись в ночном клубе, дабы поведать про очередную личную драму. Драмы эти чаще всего являются ее фантазиями, но я слушаю, поддакиваю и стараюсь не заснуть. Оказывается, она эти представления не для меня одного устраивает, у нее и другие зрители есть.

Когда-то мы являлись тем, что в народе называется «пара», безмерно радуя данным фактом как ее, так и моих родителей, ибо те давно и прочно дружили, а потому были не прочь через нас породниться. Дело уже почти дошло до колец, лимузина и тщательно отрепетированного танца невесты, но внезапно все пошло прахом. Я влип в неприятную историю, приведшую к разрыву с отцом, Юлька под давлением своей мамы расторгла помолвку, чем, признаться, меня очень порадовала. Я и сам начал уже разрабатывать Очень Хитрый (как мне казалось) План по устранению угрозы, нависшей над моей независимостью, но все закончилось без многоходовых комбинаций, само по себе.

С год мы не виделись, потом случайно столкнулись в одном из клубов, куда я по старой памяти завернул с девицей из нашего института. Юлька, склонная к перформансам, как по нотам разыграла сцену из серии «И быстро же ты меня забыл, любимый, так что будь проклят», после чего спутница мигом испарилась, а мы отправились сюда, в эту квартиру, вспоминать былое.

Вот так оно и длится до сих пор. Я затрудняюсь подобрать верное название нашим отношениям. Это не дружба, не любовь, не привязанность, скорее нечто гибридное. Но меня такой подход к вопросу устраивает. Никто никому ничего не должен, но при этом каждый из нас всегда может получить то, что ему нужно. Секс, эскорт для похода на вечеринку или просто беседу по душам за чашкой крепкого кофе. Последнее, кстати, возможно, самое важное. В большом городе всегда можно найти себе партнера на одну ночь, это

проще простого. А вот собеседника, который не уснет под твои рассказы, — нет.

Помимо этого, мы еще дали друг другу слово, что если до тридцати пяти лет так и не найдем себе вторых законных половин, то все-таки поженимся. Порадуем мою маму, которая в Юльке с детского сада души не чает, и опечалим ее. Лично я видел в этом только шутку, но вот только очень уж серьезные глаза у Юльки были в тот вечер, когда мы про это беседовали. Не билась в них привычная смешинка. А вот слезинка, напротив, стояла.

Но за дверью точно находилась не она. Неоткуда ей здесь взяться, Юлька еще на той неделе умотала с матерью и младшей сестрой на Бали, где планировала трескать экзотические фрукты, посещать буддийские храмы и обретать золотистый загар.

Подъездный расценил мое молчание как-то по-своему и неслышной тенью скользнул в коридор. Звонок раздался снова, после в дверь стукнули ногой.

— Надо открыть, — вздохнув, сказал я сам себе. — А то соседей переполошит, те еще полицию вызовут, объясняйся с ней потом.

Не знаю отчего, но Стеллу я видеть не хотел. По сути, в этой ситуации она на сто процентов выступает на моей стороне, но... Повторюсь — перебор. Слишком много информации, слишком много новых впечатлений и эмоций.

— Ведьма, — уверенно заявил мне Анисий Фомич, он, похоже, успел смотаться на лестничную клетку и обратно. — Я их, паскуд, всегда отличу от обычных баб. Причем ведьма природная, у ней хвостик имеется.

— Даже знать не желаю, как ты это выяснил, — поморщился я, окончательно в этот момент осознав, что с Воронежской у меня никогда ничего не будет. Я не сторонник экзотики, хвостатые женщины мне совсем не интересны. — Фу!

— Так привычное дело, — отмахнулся подъездный. — Мы много чего видим такого, что обычный человек не может. Ты, кстати, даже если она к тебе задом голым повернется, тот хвост не узришь. Нет у тебя такой силы. У нас — есть. Мы защитники дома, нам положено видеть все, что надо.

— Швецов, открывай, — к двери с той стороны несколько раз припечатался кулак. — С кем ты там говоришь? Открывай, или я дверь

с петель сниму. Я хоть и слабая женщина, но если чего захочу, то это сделаю!

— Снимет, дрянь такая, — вздохнул подъездный. — Ведьмы много чего могут, уж поверь, чар защитных у тебя на ней нет. Так что лучше открыть, Валерий. А я пойду куда.

И он скрылся в санузле, причем открывать дверь ему для этого даже не понадобилось, а я, вздохнув, повернул ключ в замке.

— С кем говорил? — Стелла ворвалась в квартиру и первым делом довольно бесцеремонно схватила меня за подбородок и задрала его вверх, чтобы осмотреть шею. — Отвечай, Валера, и живее!

— Сам с собой, — хмуро сообщил ей я, вырываясь. — Не волнуйся, не куснули. Повезло мне.

— Везение — понятие абстрактное, — Воронежская, не снимая туфель, прошла в комнату и приблизилась к закрытой балконной двери. — Про него чаще всего говорят те, кто ничего делать не хочет, рассчитывая получить все и сразу, лежа на диване. Не бывает такого, как потопаешь, так и полопаешь. Дьявол, как же тут смердит мертвечиной! Аж скулы сводит!

— Видела бы ты ее, — я расправил одеяло на кровати и подхватил покрывало со стула. — Причем эта девка была одновременно и страшная, и красивая, не знаю даже, чего в ней больше.

— Смерть всегда такая, можешь мне поверить. И чем опасней существо, тем оно притягательней выглядит. Но это только фасад, внешняя сторона, а если заглянуть за него, то там все не так прекрасно. Если повезет, то ты увидишь то, что от таких красоток остается после того, как их прикончат. Гнилая трубуха, верхняя челюсть и кучка смрадной пыли.

— Сомнительное везение, — заметил я, расправляя покрывало по углам кровати. — Мне было бы предпочтительней вовсе ее больше не встречать. Если честно, испугался.

— Всего-то! — фыркнула ведьма, открывая балконную дверь. — Да не дергайся, не вернется она больше. Сегодня не вернется, за завтра не поручусь. А проветрить надо, атмосферка тут у тебя больно душливая. Пыль, перегар сигаретный, да и носки ты, похоже, стираешь не каждый день.

— Ты ей командовать не давай, Валерий, — раздался голос из коридора. — Ведьмы — они знаешь какие? Чуть дал слабинку, они тебе

на шею прыг — и поехали!

— Это кто там выступает? — немедленно вызверилась Стелла. — Покажись-появись, дай на тебя глянуть, хозяин местный.

— Перебьешься, — невежливо отозвался подъездный. — Я в своем дому, тут у тебя надо мной власти нету!

— Так и занимайся домом! — рявкнула ведьма. — А в мои дела не лезь, ясно? Мы с Валерой сами решим, как нам дальше жить, не твоего это ума дело!

— Тональность пониже делаем, — влез в их перебранку я. — Это не его дом и не твой. Это мой дом. Я здесь хозяин, мне решать, как и что. Так что оба умолкли. Все услышали? Вот и славно. Стелла, чаю хочешь?

— Хочу, — буркнула ведьма. — Знаешь, Швецов, с тобой диеты никакие не нужны. Я за вчерашний день только позавтракать успела, а потом — все. Скандалы, интриги, расследования — вот моя пища.

— Врешь, — сообщил ей я, отправляясь на кухню. — Еще шаурму съела у Абрагима и в ресторане еду с моей тарелки добила.

— Это разве поела? — отмахнулась Воронежская. — Так, червячка заморила.

Она уже почти вышла из комнаты, но после вернулась и захлопнула балконную дверь.

— Береженого Ночь бережет, — ответила она, поймав мой насмешливый взгляд. — Кто его знает, какой приказ эта тварь получила? И, самое главное, от кого? А вдруг все же сунется, вдруг воля посланного окажется сильнее, чем природная осторожность?

— Вот тут ты права, — я поставил чайник на конфорку, включил плиту, а после подошел к холодильнику. — Главный вопрос, как мне кажется, именно в этом. Кто ее за мной послал? Не просто же так она нарисовалась. Четверть века я жил — не тужил, интереса для кровососов не представлял никакого, а тут раз — и им понадобился в качестве пищи. С каких щей?

— А если не в качестве пищи? — склонила голову к плечу ведьма. — Об этом не думал? Что если ее задача была тебя не выпить, а напугать?

— Думал, — я окинул взглядом почти пустые полки холодильника. — Блин, забыл в магазин зайти со всей этой суетой.

Извини, подруга, деликатесни нет. Если желаешь, могупельменей сварить, их у меня много.

— На фиг, — отмахнулась Стелла. — Я магазинныепельмени не употребляю никогда, они без души слеплены.

— Кто бы о душе говорил, — раздался голос подъездного из-под раковины. — Хе!

— Какой он у тебя разговорчивый-то, а, — нахмурилась ведьма. — И бесстрашный!

— Анисий Фомич, иди с нами чай пить, — предложил я, открыв дверцу, ведущую в закуток с трубами.

— Не та компания, — отказался тот, сверкнув глазами из темноты. — И тебе не след бы с этой бесовкой хлеб за одним столом есть!

Стелла вскочила с табуретки, та, громыхнув, опрокинулась на пол.

— Да что ж вы за нелюди такие? — устало поинтересовался я. — И как же вы мне надоели! Если бы не эти змеи на груди и сны, ей-богу, уже сегодня катил бы я в поезде куда-нибудь в Кинешму. Побродил бы по лесам, нашел клад, продал его мелкоуголовному элементу, который там обязательно имеется, купил себе дом на берегу реки и жил припеваючи, про вас всех не думал. Жалко, нельзя так!

— Нельзя, — не без злорадства отметила Стелла, поднимая табурет. — А ты, мохнорылый, запомни: еще одна дерзость из угла — и я к тебе в дом королеву крыс подселю, а после старшему вашему расскажу, почему так поступила. Замучаешься синяки на боках сводить да эту серую погань по чердакам с подвалами ловить. Ясно?

— Ясно, — пробасил кто-то из-за плиты, и этот голос Анисию Фомичу не принадлежал. — Прощения просить не стану, но мешать он более вам не будет. Беседуйте. А ты, ведьма, с визитами сюда все же не части. Не рады тебе тут.

— Пфе! — Воронцовская оттопырила верхнюю губу, давая понять, что плевать она хотела на пожелания незнакомого оратора.

Сдается мне, это и есть Филат Евстигнеевич, старший над местными подъездами. Ну и голосина у него! Прямо как пароходный гудок.

— Мы будем пить чай или нет? — капризно осведомилась Стелла. — Нет еды — так хоть кипятку плесни и сахару дай. Я вымоталась, я не спала, мне нужна глюкоза!

— Да хоть весь съешь, — разрешил я, ставя перед девушкой требуемое. — И вот еще сушки. Они, правда, как каменные, но лучше что-то, чем ничего.

Похоже, ведьма не врала. Она выхлебала три чашки чаю, ополовинила сахарницу и умяла десятка два твердейших сушек.

— Значит, Валерка, ты думаешь, что вурдалачку к тебе Карл Августович направил, — нарушила наконец молчание она. — Верно я поняла?

— Не знаю, — признался я. — Выглядит все именно так. Он же на прощание сказал что-то вроде «ждите неприятностей»? Вот и они. Но, с другой стороны, это слишком примитивно, слишком напоказ. «А напугаю-ка я этого мальчонку, чтобы он ко мне прибежал». Согласись, этот старикан не настолько прост.

— Или наоборот, — возразила мне девушка, хрустнув еще одной сушкой. — Сделать все максимально напоказ, чтобы мы именно так и подумали. Так сказать, от противного. Можно такое предположить? Да запросто. Как еще один аргумент — да, по Москве новости разносятся так же шустро, как сероводород по салону автомобиля, но не настолько же?

— Знаешь, мы с тобой версии можем строить до скончания времен, — подумав, сообщил ей я. — В результате накрутим такого, чего в помине нет. Надо ехать к этому старому хрычу и там все на месте проговаривать.

— Он соврет — недорого возьмет, — сморщила носик ведьма.

— И ты тоже. Да и я, пожалуй. Мы все хороши. Но даже если он великолепный актер, что-то мы да узнаем. Например, новости о том древнерусском гарнитуре, из-за которого вторую ночь не спим. В общем, по любому в выигрыше будем.

— Не уверена, — Стелла потянулась, демонстрируя свои безукоризненные формы. — Но соглашусь — это в данный момент лучший из вариантов. Остальные куда бесперспективней. Он там что-то про рассвет говорил, дескать, встаю с первыми лучами солнца? Так это скоро, вон небо начало светлеть.

— Ну и хорошо. — Я поставил чашку в раковину. — Нет хуже, чем ждать да догонять.

— Может, пока пойдем, поласкаемся? — с легкой ехидцей предложила Стелла. — Время скоротаем?

— Не вздумай, — очень тихо, шепотом гукнул мне Анисий Фомич в ухо из посудного шкафа. — К себе привяжет, причарует!

Мог бы и не предупреждать. Оно мне самому надо? Ясно, что у нее между ног ни капкана, ни акульих зубов нет, но при этом вся моя чуйка кричала о том, что делать этого нельзя. А ей я привык доверять.

— Расслабься, — рассмеялась Воронежская. — Не нужен ты мне, супермачо с «Пролетарки». И ты, рожа бородатая, не переживай за своего жильца, не трону я его. Мы с ним теперь как ниточка с иголочкой неразлучны. Аж до самой осени.

— Эх-эх, — вздохнул где-то за тарелками Анисий Фомич. — До осени? Долго. Валерий, может, все же поменяешься с кем квартирой, а?

Глава девятая

Утренняя дорога была если не пустынна, то уж точно не загружена автомобилями, и мотор «Бугатти» мерно урчал, убаюкивая меня.

— Не спать, Швецов, — крепкий кулачок ведьмы ударил меня в плечо. — Разрешаю, можешь отвлечь водителя от дороги разговорами. А то я сама того и гляди усну, и вознесемся мы с тобой на огненной колеснице напрямиком в небеса, рука об руку, подобно двум белоснежным облачкам. Красиво сказала?

— Не-а, — я подавил зевок. — Во мне, Стелла Аркадьевна, романтичности ноль, меня подобными вещами не прошибешь.

— Печально. Мальчик ты красивый, тебе романтичность пойдет куда больше, чем цинизм. — Ведьма прибавила газу. — Давай, анекдот какой-нибудь расскажи, что ли.

— Ох, челюсть бы не свернуть, — снова зевнул я. — Стелла, а вот ты королеву крыс упоминала. Она кто?

— Она королева крыс, — улыбнулась Воронежская. — Самая хитрая, самая ловкая, самая голодная. И размножается крайне активно. Если такая в доме поселится, то беда, поголовье серых бестий за полгода возрастет неимоверно. Причем ее отпрыски от мамыши не сильно отличаются, потому жрут все, до чего доберутся, и за жизнь свою бьются до конца. Что любопытно — первым делом изводят всех кошек в доме. Прямо охоту на них устраивают, самую настоящую. Само собой, домовым подобная напасть не с руки, вот их старший и заткнул твоего приятеля.

— Так это ведь если такую в дом запустить, то и люди пострадают, — резонно заметил я.

— И что теперь? — без малейшего наигрыша, совершенно искренне удивилась Стелла. — Мне какая печаль? Люди, люди... Фрукты на блюде.

Ну да, глупость сказал, признаю. Нашел в ком совесть будить...

— А ворон? — решил я задать сразу все накопившиеся вопросы. — Он на самом деле твой помощник?

— Про него не спрашивай, не отвечу, — посерьезнела Воронежская. — Это личная территория, туда тебе хода нет.

Между делом предложить переспать — не личная территория, а ворон — личная. Странные критерии в этом мире. Непривычные. Но, с другой стороны, в чужой монастырь со своим укладом не ходят, обижаться не на что, просто в какой-то момент я ей тоже что-нибудь да не скажу.

— Не хочешь — не говори, — покладисто согласился я. — Тогда другой вопрос. Слушай, так кто все-таки этот Карл Августович? Нет, ты мне о нем рассказывала, он тоже немного о себе поведал, но ясности ни то ни другое не добавило.

— Валера, а кто наш президент? — вдруг поинтересовалась у меня Стелла. — В смысле он вообще кто?

— Он президент, — немного обалдел от вопроса я. — Первое лицо государства.

— Ну это понятно. — Стелла крутанула руль, поворачивая в переулок. — А если поподробней?

— Человек, — я сообразил, куда она гнет. — Собак любит, самолет водит, журавлям как-то раз дорогу на юг показал. А в целом я не в курсе. Официальным источникам веры нет, а к неофициальным меня никто не допустит. Рылом не вышел-с.

— Вот и герру Шлюндту такую же характеристику можно дать, — предсказуемо подытожила ведьма. — Все знают, что он отлично разбирается в старине, причем в любых ее проявлениях. В первую очередь, разумеется, это касается материальной стороны вопроса: вещи, украшения, книги и так далее. Все знают, что он очень стар. Все в курсе, что связываться с ним, а тем более враждовать — верх глупости, подобные отчаюги долго не живут. И это при том, что сам Карл Августович мухи не обидит, по крайней мере никто не видел, чтобы он их газетой прихлопывал. Но и только. Вроде бы много информации, а на деле она ни о чем.

— Согласен, — призадумался я.

— Именно поэтому надо взвешивать каждое слово, ему сказанное, про обещания я уж и не говорю. Когда не знаешь точно, кто твой собеседник, не следует говорить то, о чем после пожалеть сможешь, — очень серьезно проговорила ведьма. — Я ведь видела, как он тебя обхаживал. Опять же, мы к нему в гости едем. Домой! И это при том, что мало кто знает, где его вообще найти можно. Я же не просто так к Абрагиму нас потащила, верно? Догадывалась, что он с ним имеет

прямой канал связи, поскольку является его официальным поставщиком.

— Поставщиком чего? — уточнил я. — Только не говори, что шаурмы.

— Не валяй дурака, Валера, — попросила ведьма. — Все ты понял. Через палатку аджина много разных вещичек проходит, потому что те, кому надо, знают, куда можно принести то, что ни в одной скупке сроду не примут. Принести и продать за вполне приемлемую цену. Причем без каких-либо вопросов.

— Теневой рынок, — криво улыбнулся я. — Прямо тайны мадридского двора, часть вторая, том первый.

— Ой, да ладно, — в тон мне ответила ведьма. — Будто в других местах как-то иначе дело обстоит. Есть скупщики, есть тот, к кому стекаются самые интересные приобретения. А теперь этот «тот» взял и личный адрес тебе продиктовал. Ты, Валера, ему нужен, это понятно, но вот только в качестве кого? Явно ведь не равноправного партнера, очень у вас весовые категории разные. А теперь призадумайся, сколько у него таких, как ты, в подручных перебивало? И почему он до сих пор жив, а они все нет? Потому прошу тебя, даже на вопрос «Может, чашечку кофе?» отвечай «Мне надо подумать».

— Эдак он меня за идиота примет.

— Не вижу противоречий, — ведьма снова лихо крутанула руль. — Если бы не твои не сильно выдающиеся умственные способности, помноженные на неумение ориентироваться в лесу, то мы бы сейчас оба спали, причем каждый в своей кровати, а не ехали бы к тому, кого надо седьмой дорогой обходить.

Машина резко остановилась, навигатор довольно пикнул и сообщил:

— Вы прибыли по указанному адресу.

Надо заметить, что Карл Августович довольно неплохо устроился в плане проживания. Остоженка, старый жилой фонд, высокие потолки, подъезды, в которых гуляет эхо и ощущается ушедшее Время.

Кстати, до моей работы отсюда рукой подать. Разве зайти потом, занести торт к утреннему чаю моих кумушек, выпросить все же еще недельку отпуска? Вдруг Розалия сегодня в благодушном настроении?

— Даже если я тебя задолбала, повторяю: меньше говори, больше слушай, — Стелла пискнула брелком. — Лучше всего ешь. Когда ты

жуешь, тогда вероятность очередного глупого поступка снижается.

Мне кажется, или она нервничает? А может, и вовсе боится?

Да нет, вряд ли. Воронежская, конечно, штука та еще, но трусость — это не про нее.

— Думаю, для начала следует выпить кофе, — именно этой фразой встретил нас Карл Августович, затягивая пояс красного длинного домашнего халата из числа тех, которые можно увидеть в старых советских фильмах. — Крепкого черного кофе. Валерий, Стелла, вы как насчет моего предложения?

— Мне надо подумать, — пробормотал я, снимая кроссовки.

— Мы за, — на щеках ведьмы вдруг появился румянец. — Особенно если к этому напитку у вас найдется бутерброд с сыром.

— Что-нибудь отыщу, — пообещал ей антиквар. — Проходите на кухню. В комнаты не зову. Я, знаете ли, холостяк, потому привык, что у каждой вещи есть свое место. Мне это кажется гармонией, всем же остальным — редкостным кавардаком.

— Всем остальным — это женщинам? — уточнила Стелла лукаво, после чего антиквар несколько раз хлопнул в ладоши, признавая ее превосходство.

Кофе, крепкий, ароматный и сладкий, разогнал сонную хмарь, оккупировавшую было мою голову, я ощутил, что сердце начало биться чуть сильнее, и вернулась ясность мысли.

— Насколько я понимаю, ваш визит, как и столь ранний звонок, еще вчера в планы не входил? — уточнил антиквар, как только Стелла дожевала второй бутерброд. — Что же изменилось?

— Ситуация, — ответила девушка и взяла эклер из вращающейся пирожницы. — Ночь для нас — время принятия решений, вам ли не знать.

— Хотелось бы деталей, — закинул ногу на ногу старик и качнул домашней туфлей.

— Нет проблем, — покладисто согласился я. — Меня нынче чуть не сделали продуктом питания.

— Это как? — сдвинул седые брови Карл Августович.

— В прямом смысле. Приперлась клыкастая девица, идентифицированная как «вурдалачка», просила пустить ее внутрь. Обещала, что мучаться не буду, вроде как просто усну и все. Усну и буду видеть сны.

— Как любопытно, — на лице антиквара обозначились скулы, как мне кажется, он был если не в бешенстве, то в гневе точно. — Невероятно любопытно.

— Не совсем согласен. — Я глянул на гущу, оставшуюся на дне чашки. — Любопытного мало. Скорее жутковато. И, самое скверное, я к подобному был не готов. Человеку, если надо, я челюсть на сторону быстро сверну, но с нежитью такой фокус не пройдет. И кол осиновый, оказывается, ей не сильно страшен. Хотя у меня и кола не имелось...

— Эту пакость, если знаючи, уничтожить не так и сложно, — о чем-то думая, возразил мне антиквар. — Особенно простых служителей, вроде той девицы, что к тебе заявила. Главы семей — те да, они куда живучей, они столько чужих судеб в себя впитали, что их не-жизнь поди из оболочки вытряхни. Хотя и это вполне возможно, имелось бы желание. А что вы, госпожа Воронежская, так на меня смотрите? Дайте угадаю. Вы полагаете, что это я напустил кровопийцу на нашего общего друга? Верно?

— Я молчала, — осторожно произнесла Стелла.

— Но думали. — Карл Августович привычно воздел указательный палец правой руки вверх. — Не беспокойтесь, я не воспринял это как личное оскорбление. Вполне разумная версия, особенно если вспомнить слова, произнесенные при расставании. Я бы, знаете ли, тоже засомневался. Но сразу могу заверить вас обоих — это не моих рук дело. Если бы я хотел как следует перепугать Валерия, то придумал бы что-то более оригинальное и действенное. Нет, это кто-то из немертвых сработал, кто-то, кто уже пронюхал о том, что в столице появился Хозяин кладов. И данный факт меня лично совершенно не радует. Вурдалаки не слишком умны, но зато отменно усердны, они как гончие, которые не сойдут со следа, пока не настигнут свою добычу или не умрут от разрыва сердца.

И Анисий Фомич мне то же самое говорил. Нет, надо Гаврошу звонить, и это я уже не шучу. Незарегистрированный «ствол», конечно, штука стремная, но лучше с ним, чем без него. Заклинаний я не знаю, колдовать не умею, солнышко в руках зажечь тоже не смогу, зато стреляю очень даже неплохо. Было время и повод потренироваться.

Главное — заявление о находке оружия надо не забыть написать и с собой постоянно таскать. Если что, если «заметут», то без него труба настанет. А с ним — возьми меня за рупь, за двадцать. Шел, нашел вот

эту бяку, проникся гражданским долгом, понес в полицию сдавать, но не дошел, потому что вы меня остановили, господа блюстители порядка. И очень важно не забывать каждый день новое писать, чтобы не спалиться.

— У вурдалаков нет сердца, — сообщила нам Стелла и цапнула еще одно пирожное. — Это все знают. То есть оно имеется, но гнилое и не функционирующее.

— Потому они никогда и не сходят со следа, если его взяли, — задумчиво произнес антиквар. — Если только их как следует не приструнить.

— А вы сможете это сделать? — сразу же уточнил я.

— Это очень сложный вопрос, — Карл Августович несомненно начал юлить. — Скажем так, я знаком кое с кем из высшей знати блютзаугеров.

«Блютзаугеры». Вон он их как назвал, на немецкий перешел.

— Если вы не сможете обеспечить защиту Валере, то так и скажите, — предложила Стелла, вытирая пальцы платочком, который достала из кармана. — Значит, я за сегодняшний день найду для него надежное убежище, куда ни вурдалак, ни тем более упырь не проникнут. Хотелось бы все решить проще и быстрее, но что есть, то и примем за данность. Главное, что вы тут ни при чем.

Ох, как красиво она выделила голосом последние слова, вложив в них кучу смыслов. Дескать, понимай как знаешь, немец.

— А в чем отличие вурдалака от упыря? — поинтересовался я, воспользовавшись возникшей паузой. — Был уверен, что это одно и то же.

— Это то главное, что вас сейчас интересует? — удивленно поднял одну бровь вверх антиквар.

— Вот такой он, — весело, не сказать задорно, сообщила ему Стелла. — И мне с ним как-то надо жить. Ужас-ужас!

— Как бы вам объяснить? — пропустил ее слова так, будто они и не были произнесены, Карл Августович. — Вы представляете себе разницу между простейшими организмами и человеком? Ну вот, тут приблизительно то же самое. Вурдалак — высшая ступень, он умен, хитер, пять раз подумает, прежде чем воткнуть клыки в чье-то горло или запястье. А упыря волнует только собственный голод. Там нет разума, там действуют исключительно инстинкты, потому и век их

короток. Несколько убийств, после которых их даже искать особо не надо, потому что следов полным-полно, — и все, голова с плеч. Ну, или огонь, он против них отлично срабатывает. Они ведь еще и живучестью вурдалачьей не обладают, при известном умении, самообладании и удаче от них самый обычный человек отбиться может. Так сказать, неподготовленный.

— Биомасса, — подтвердила ведьма, оценивающим взглядом смотрящая на пирожницу. — Клыкастая, вечно голодная биомасса. Побочный продукт. Знаешь, Валерка, как упыри появляются? Вурдалак человека по недогляду или забавы ради выпивает так, что жизнь из него уже ушла, а кровь в венах еще осталась. Души нет, а тело не умерло. Вот тут и появляется упырь, чистое воплощение хаоса и нежизни. Злой, голодный и безмозглый, практически идеальная машина для убийства.

— Сейчас они куда реже встречаются, особенно в столице, — добавил антиквар, передвигая пирожницу подальше от загребущих рук Стеллы. — Проблемы никому не нужны, времена не те. Лет двадцать пять — тридцать назад можно было творить что угодно, в стране царил хаос, кровь лилась рекой и без всяких кровососов, а закона практически не существовало. Сейчас вернулись респектабельность и стабильность, потому конфликтовать с тем же Отделом никто не захочет, это выйдет себе дороже. И вурдалаки не исключение. Потому я и удивлен, что они решились на подобную акцию. Странно. Очень странно. Ну, или им позарез нужны ваши услуги.

— Вот теперь настало время для главного вопроса, — я чуть наклонился в сторону Карла Августовича. — Понять не могу, где у меня с ними могут возникнуть точки пересечения. Ну кроме гастрономических, если в данной ситуации можно использовать данное понятие.

— Деньги, — откинулся на спинку стула антиквар. — Вурдалакам постоянно нужны деньги. Парадокс, но это так. Их образ жизни предполагает довольно большие траты, бизнес требует определенных усилий, а лезть в криминал им не с руки. Как, впрочем, и любому из нас. Потому Хранитель кладов для любого из семейств — это бесконечный источник дохода.

— Образ жизни? — Я глянул на Стеллу. — В смысле дорогие машины, костюмы от кутюр и все такое прочее? То есть кино не врет?

— Да какие костюмы? — девушка поджала губы. — Тебе говорят — времена изменились. Раньше любой из них мог выпить человека чуть ли не в центре города и не ждать никаких последствий. А теперь все, теперь если наследил, то тебя обязательно найдут, за ушко и на солнышко. Причем в самом прямом смысле. Потому им и приходится крепко вкладываться деньгами, чтобы не передохнуть. Некоторые из семей открывают гематологические центры, некоторые просто скупают людей через третьи руки, чтобы на них не вышли. Кровь, Валера, им нужна теплая, из которой жизнь не ушла, так что доноры не вариант. А это все вложения. Люди работают, им платить надо, а деньги где взять? Вот и приходится шустрить.

— А тут вы появились, — поддержал ее антиквар. — Хотя все равно очень нагло сработано. Крайне. Если они проведали о вас, Валерий, значит, и о моем интересе к вашей персоне знали. Знали и все равно полезли. Это дерзость. За подобное наказывают.

А ведь не врет. Вон, на коже даже старческая пигментация стала заметна, так он побледнел от злобы.

— Я сейчас вернусь, — сказал он нам и вышел из кухни.

— Кому-то сегодня будет бо-бо, — прощebetала Воронецкая, перегнувшись через стол и ухватила корзиночку с кремом. — И поделом! Но что совсем замечательно — Шлюндт, похоже, на самом деле ни при чем, а значит, мы можем наконец перейти к нашему делу. Только я снова тебя прошу — не соглашайся сразу на ту цену, что Карлуша назовет. Она наверняка будет чрезмерно завышена.

— Не учи ученого, — попросил ее я. — И вытри губы, ты их все кремом перемазала.

— Я есть хочу, — с набитым ртом пробубнила ведьма. — Давай после в какой-нибудь ресторан заедем? Хотя в такую рань они все закрыты наверняка... Ну, или в фаст-фудную. На Арбате «МакДак» есть, в него можно.

— Еще раз услышу столь бесцеремонное отношение к моему имени — и вам не избежать проблем, фройляйн, — сообщил антиквар, снова входя в кухню. — Меня так моя мама называла, но то она, а то — вы.

— Виновата, — захлопала глазами ведьма, принимая покаянный вид. — Все недосып и нервы. Я так переживаю за своего Валерика, вы даже не представляете.

— Вы ей верите, молодой человек? — с усмешкой поинтересовался у меня Карл Августович. — Вижу, что нет. И очень правильно делаете. А еще я бы вам посоветовал прикончить эту красавицу сразу же после того, как ваши совместные дела подойдут к концу, поскольку если этого не сделаете, то получите массу проблем на свою голову.

— Карл Августович, забыли о Поконе? — голос Стеллы преобразился, а ее лицо стало больше напоминать маску, из него, если можно так выразиться, ушла жизнь. — Наши дела — это наши дела, вам в них лезть не с руки. За подобные речи даже такую персону, как вы, могут к ответу призвать.

— Покон, — вздохнул антиквар. — Пережиток прошлого, за который все по привычке цепляются, что за твой спасательный круг. Ладно-ладно, не надо так сверкать глазами, Стелла Аркадьевна. Это была шутка. Шутка, я вам говорю. И про Покон тоже, я его чту свято, как полагается. Или вы мне не верите?

— Я никому не верю, — ведьма снова стала милой и непосредственной. — Нет у меня такой привычки.

И я тоже. Все мы тут хороши, погляжу. Вот ведь компания какая собралась!

— Держите, Валерий. — Карл Августович протянул мне какой-то черный небольшой кругляш на кожаном ремешке. — Наденьте на шею и не снимайте до той поры, пока ситуация не разрешится. После отдадите его мне обратно. Это не подарок, даю вам этот талисман на время.

— Ого, — Стелла привстала со стула и подошла поближе. — Мне рассказывали о таких штуках, но сама я их не видела ни разу. Это же амулет работы самого Филиппа Черена, да?

— Верно, — антиквар благосклонно глянул на ведьму. — Великий был человек, хоть и ренегат. А амулеты, что он делал, являются шедевральными сплавами ритуальной и практической магии. Сейчас подобное никто не повторит, поскольку и люди измельчали, и магии не осталось. Валерий, я долго буду держать этот предмет в руке? Не бойтесь, я не собираюсь причинять вам вред.

— Бери, — разрешила Стелла, облизывая острым язычком губы. — Вещь!

— И сохрани тебя Луна попробовать его присвоить, — тихо сказал антиквар моей напарнице прямо в розовое ушко. — Меня ни один

Покон не остановит.

— В мыслях не имела, — прошелестели слова ведьмы. — Клянусь... Клянусь!

Я взял амулет, отметив, что он, оказывается, не металлический, а кожаный, глянул на странное изображение, в котором переплелись то ли руны, то ли змеи, то ли вообще не пойми что, и надел его на шею.

— С этим разобрались, — Карл Августович уселся обратно на стул. — А теперь, друзья, наконец-то поведайте мне о том, что нас свело вместе. Для чего вы меня искали вчера?

— Есть три предмета, которые, возможно, вы сумеете... э-э-э-э... идентифицировать, — произнес я, надеюсь, верно истолковав взгляд ведьмы. — Мне они во сне явились.

— Сны — отражение реальности, — благосклонно кивнул антиквар. — Опишите мне их.

— Он уже нарисовал, — Стелла достала из своей сумки сложенные вдвое вчерашние наброски. — Вот. Мне кажется, что вещи эти старой работы. Возможно, еще дохристианские.

— Правильно кажется, — проговорил Карл Августович, внимательно изучая рисунки. — Это шестой век от рождества Христова, молодые люди. Некогда это кольцо, а также наручье и венец принадлежали одной прекрасной полянке, родственнице самого князя Кия. Если точнее, дочери. Собственно, именно он их ей и подарил.

— Поляне — это которые Игоря деревьями разорвали? — уточнил я и поймал укоризненный взгляд Стеллы. — Что? Я в школе хорошо учился!

— Не хочу вас расстраивать, но не очень, — уголками губ улыбнулся антиквар. — Игоря убили древляне, а мы говорим о полянах. И еще, я, если помните, знаю, кем вы работаете, так что не пытайтесь выглядеть глупо, вам это не идет. Выпускник историко-архивного вуза не может не знать, чем поляне от древлян отличались.

Мне стало стыдно. Не потому что не знал, в чем отличие одних от других, а оттого, что дураком себя выставил.

— Так вот, — продолжил антиквар, несомненно, заметивший мое смущение, — этими предметами дочь князя владела долго, а незадолго до смерти она их, а также кое-какое другое добро, включавшее некую книгу, содержащую тайные и заветные знания, очень и очень хорошо спрятала. Если верить рассказам, на той самой горе, где в уединенной

избушке и прожила большую часть своей жизни. Отдельно замечу: по слухам Лыбедь была сильной ведуньей, настолько, что все остальные, веды знающие, приходили к ней на поклон, даже те, кто был старше и могущественнее. Может, потому она замуж не вышла и детей не нарожала. Не пожелала с силой своей расставаться, предпочла ее простому женскому счастью. Это у вас сейчас выбора нет, а у тех, старых, он всегда имелся.

— Лыбедь, — глаза Стеллы расширились. — Мамочка моя! А гора, на которой она жила, стало быть...

— Лысая, — с милой улыбкой произнес антиквар. — Ты верно все поняла, ведьма. И кто-то, судя по этим рисункам, все же поднял из земли ее клад. Не думаю, что этот человек ограничился данным гарнитуром, он забрал все, что там было. Не подвергаю сомнению и тот факт, что он уже давно мертв, подобные сокровища убивают вернее пули, пущенной в упор. Но передать обретенное он все же кому-то успел, если исходить из ваших слов.

— Книга Лыбеди! — бормотала Воронежская. — Ох!

— Насчет книги не уверен, — заметил Карл Августович. — Не факт, что она вообще существовала. Знаешь, я столько рассказов на данную тематику за свою жизнь слышал, что особо им теперь не доверяю. Из них следует, что только ленивый не оставил после себя записи, каждый знаменитый ворожей, волхв, кузельник и даже шептун что-то да накропал. А начнешь копать глубже — и сразу выясняется, что они вообще никакой грамоты не ведали. Да и откуда бы? Времена были другие, не до слов и букв было. Да и букв-то как таковых не существовало, даже бабки-дедки Кирилла и Мефодия еще не родились. Но даже если и была книга, то все равно вряд ли что уцелело. Не забывай о том, сколько веков назад этот тайник был создан. Сгнила она там. Пергамент ли, береста — им такие бездны времени не преодолеть, даже если на них заклятие целости наложили. Я знаю, я такие клады вскрывал. Труха — вот все, что от книг оставалось. Иногда, впрочем, обнаруживалась оклады, если те были сделаны из золота или серебра, после десятого века подобное стало делом обычным. Но внутри них ничего не было, даже пыли от истлевших страниц.

Как мне показалось, Стелла не очень поверила антиквару, но вслух ничего не произнесла.

— Вопрос в другом. — Карл Августович положил рисунки на стол. — Где теперь эти предметы? В каком городе?

— В Москве, — уверенно заявил я. — Находишь они во Владивостоке или Киеве — с чего бы им мне сниться? Здесь они.

— И владеет ими некто с волосатыми пальцами, на которых перстней много, — добавила Стелла. — Валерка мне про это говорил.

— В этой связи сразу появляется убедительная просьба, — старик посуровел. — Мои юные друзья, не надо выдавать мне информацию порционно, хорошо? Перстни — отличная зацепка. Если человек собирает такие вещи, как украшения Лыбеди, то на пальцах у него явно не «новоделы». Это почти наверняка вещи с историей, уж поверьте опытному коммерсанту от антиквариата. Валерий, ты сможешь и их нарисовать?

— Не знаю, — я взял ручку, которая очень кстати оказалась на столе, и пододвинул к себе один из листков бумаги. — Попробую.

Увы и ах, но воспроизвести мне удалось изображения всего лишь двух перстней, да и то довольно контурно. Вытеснили эти воспоминания новые впечатления. Впрочем, и этого хватило.

— Этот я либо не узнаю, либо вижу впервые, — антиквар стукнул ногтем по рисунку. — Но зато вот этот мне отлично знаком. Я лично его привез из Италии в... Проще говоря, давно. Вас еще на свете не было. Дорогая вещица, дорогая. И, что самое главное, капризная, такую абы кому не продашь, не всякого она признает. Только дураки думают: украшение — это просто драгоценный металл и самоцвет, что его может надеть любой, кто захочет и у кого на такую покупку есть деньги. Вовсе нет. По-настоящему исключительные вещи, а особенно работы старых мастеров из числа тех, кто, если верить слухам, знался с теми силами, которые к ночи не принято поминать, сами выбирают себе хозяев. Этот перстень из подобных.

— А его кто делал? — заинтересовался я. — Один из тех самых старых мастеров?

— В этом случае не столько важно кто, сколь — для кого, — опять поднял вверх указательный палец Карл Августович.

— И для кого? — поторопила его Стелла, которой, похоже, тоже был любопытен ответ.

— Эту вещицу сработали в славном городе Неаполе в самом конце пятнадцатого века, — антиквар добавил в рисунок несколько штрихов,

и я вспомнил, что там действительно камни образовывали букву. — Знатнейший вельможа по имени Джофредо заказал ее для своего старшего брата в знак невероятной приязни и дабы доказать, что он не верит слухам о том, что родич совратил его жену Санчию. Кстати, последняя была королевских кровей, что как раз подтверждает бродившие по Неаполю слухи. Цезаре Борджиа с кем попало в кровать не ложился, но столь знатных дам мимо себя никогда не пропускал.

Ох ты ж мать! Вот как тут не удивляться? Даже мне, архивисту, знающему, что прошлое всегда рядом, за поворотом. И если сидеть тихо-тихо, то даже можно услышать, как переговариваются между собой те, кто жил здесь задолго до нас.

Но Борджиа? Это же титаны прошлого, а не просто какие-то безликие тени людей, страсти и история которых стали пылью почти сразу после того, как они покинули мир.

Перстень Борджиа. Подержать бы его в руках. Это даже круче, чем гарнитур Лыбеди. Нет, она тоже персона непростая. Дочь Кия, племянка Щека и Хорива. Кстати. А нам говорили, что она вроде не дочь, а сестра Кия была. И вот кому мне теперь верить? Преподавателям из института или этому странному старику?

Почему-то мне кажется, что старику. Он, похоже, куда больше моих преподавателей знает.

— Это сколько же такая цаца стоит? — сглотнула слюну ведьма. — Там, наверное, в нолях запутаться можно.

— Я взял за него не деньги, — ответил ей антиквар. — Это был обмен. Но не надо спрашивать, что именно мне досталось, все равно не скажу. Да это не столь важно, верно? Главное, мы знаем, где находятся нужные вам предметы. Ну, или сможем выяснить их судьбу, что тоже немало. Но...

И он замолчал, глядя на меня.

— Но прежде нам надо прояснить кое-какой вопрос? — спросил я. — Угадал?

— Именно, — лучезарно улыбнулся Карл Августович. — Ну, будем договариваться?

Глава десятая

— Старая сволочь! — Стелла со всего маха ударила кулачками по коже руля. — Ненавижу таких!

Бесится. Не понравилось ей, как переговоры кончились, не любит, когда не она кого-то нагнула, а это проделали с ней. В определенном смысле, разумеется.

— А ты чего молчишь? — нехорошо глянула ведьма на меня. — Или всем доволен?

— Не всем, — признал я. — Но и слюной брызгать не собираюсь, смысла особого в этом не вижу. Шлюндт имел возможность банковать, он это сделал. Причем, заметь, обошелся с нами вполне щадяще, без урона для кое-чьею самолюбия, с улыбками и добрыми словами. Умный человек, понимает, что ситуация со временем может измениться, а нехорошие воспоминания останутся и будут вредить возможным деловым отношениям.

— У тебя внутри кровь или водица? — уточнила Стелла, свирепо сопя. — Мое самолюбие все же при мне, но где спряталось твое?

— Тоже здесь, не переживай. Просто меня с детства учили правильно расставлять приоритеты. Сейчас он нам нужнее, чем мы ему, а ущерба достоинству и чести, повторюсь, никакого нанесено не было. Он же не сказал: «Вы теперь мои слуги, я стану вас угнетать всяко»? Нет, ничего подобного. Человек объявил цену за свою помощь. Да, неслабую, спорить не стану. Но опять-таки нам же для этого не придется продавать свои дома, левые почки, а кое-кому — и красивое тело на панели? Нет. Стелла, нам, по сути, вообще ничего делать не придется. Мы расплатимся с ним чужим добром, а оно что есть, что нет — без разницы. Да мы бы про него и не знали, кабы не Карл Августович. Так что причина твоего негодования мне абсолютно непонятна. Но если уж так тебя все выбешивает, то можешь остаться в Москве, вместо того чтобы ехать с нами.

— Да фиг тебе, обязательно поеду! — пропыхтела злобно Стелла. — И свою долю требую! Копеечную долю, мизерную, крохотулечную. Вот такусенькую! И все из-за тебя!

И она показала мне ноготок мизинчика. Дескать, сколько ты нам оставил, все заберу.

Ну, это Воронежская, конечно, приуменьшает... Или преувеличивает? Не знаю даже, какое понятие тут является наиболее верным. И то, и другое, по сути, правильно. А самое главное, мне не кажется, что антиквар слишком уж сильно нас... Употребил, назовем это так.

Цену за свою помощь в решении нашей проблемы он назвал вполне предсказуемую. Я должен был найти для него клад. Ну как найти? Приблизительное место, где его в довольно старые времена припрятали, Карлу Августовичу было известно, но только розыски сего сокровища растянулись на годы. И с металлоискателями ходили, и прочие технические методы применяли — все впустую. Клад точно есть, но вот ухватить его за хвостик пока не удалось. Он уж хотел на него рукой махнуть, да тут я как раз появился.

Само собой, я старику не поверил. Нет-нет, что клад есть — это наверняка, но он точно что-то да умолчал. Может, про какое проклятие, вроде того конского черепа, может, еще про какие детали, но в том, что там не все ладно, я не сомневаюсь. Но, с другой стороны, это снимает с меня какую-либо ответственность. Успел я почитать байки в интернете про старые и проклятые клады и выяснил, что иные из них такую власть имеют, что человека в состоянии погубить. Я этим земным сидельцам вроде как хозяин теперь, но уверенности в том, что они меня слушать станут, все же нет. Так что, если вопрос встанет ребром, если клад снова заявит, что ему чья-то жизнь нужна, и не оставит мне выбора, я антиквара ему и скормлю. И вины за собой, замечу отдельно, чувствовать не буду вовсе никакой. Надо было честно дела вести, особенно если они связаны с такой скользкой материей, как старое золото, обо всем на дальних подступах предупредить. Хотя, конечно, не хотелось бы до подобного доводить. Не из этических соображений, я по отношению к тем, кто сам не отягощен добродетелями, особой жалости не испытываю. Просто он нам, сдается мне, еще не раз может пригодиться. Да, взаимобразно, но это нормальный порядок вещей. Ты мне, я тебе — это правило не нами придумано. И не вчера.

Вот ведь. Со всеми этими делами скоро собственного папашу начну напоминать, чего не хотелось бы. Долбаная генетика...

Но самое главное не это. Самое главное, что я выторговал, — сначала мы решаем все наши вопросы и только после этого

отправляемся по золотоискательским маршрутам. Ну и еще нам перепадет четверть от найденных сокровищ. Причем ее состав будет определять Карл Августович, из чего сразу ясно — ничего особо ценного мы не получим. Хотя по моим бюджетным меркам это наверняка будут огромные деньжищи. По ним, собственно, любые деньжищи огромные.

Для начала он, разумеется, попробовал убедить меня в том, что одно другому не помеха, дескать, неважно, что будет добыто раньше, — ценности или клад, но делал это скорее так, для проформы. Понял, что со своей позиции я не сойду, и правильно сделал. Я с детства знаю одно: услуга, которая уже оказана, ничего не стоит, мне вдалбливали это в голову с той поры, как я начал ее держать. В данной ситуации это правило не слишком верно звучит, ибо количество услуг обеих сторон вряд ли ограничится одним разом, но тем не менее. Его клад никуда не убежит, а вот время скользит стремительно. Сейчас листва зеленая, но скоро желтеть начнет, а там и дожди зарядят. И все, пришла осень, пожалуйста в лес. Я, конечно, бодрюсь, Воронежскую с удовольствием стращаю, а на деле кто его, этого Полоза, знает?

Но Стелла бесилась как я не знаю кто. То ли она патологически была неспособна с кем-то чем-то делиться, то ли ей антиквар что на ушко нашептал, пока я в туалет ходил, потребовав к золоту и бриллиантам, спрятанным в незапамятные времена, еще и ночь любви, — уж не знаю. Но ладошками хлопала и ножками топала она невероятно лихо и злобно.

— Угомонись уже, — попросил я ее, выслушав очередной блок ругани и угроз. — Слушай, ну, хочешь, я тебе свою долю отдам?

— Хочу, — мигом откликнулась ведьма. — Уговор?

— Да шиш тебе, — хмыкнул я. — Просто хотелось хоть что-то другое от тебя услышать. Ты радуйся, что вообще хоть что-то получишь, потому что, по сути, ты тут не при делах совершенно. Августыч на схрон наводку дает, я его беру, а ты чего? Какой твой взнос в общее дело?

— Реализация, — заявила девушка. — Ты же старое золото в скупку не понесешь? Они мигом тебя сдадут кому следует. И добро, если просто полиционерам. А если «отдельским»? Этим сволочам до всего дело есть, они к любой мелочи придерутся, чтобы кого-то из нас за глотку взять.

Даже не знаю, смеяться или плакать. Доверить ей продажу хоть чего-то — это все равно что на самом деле сделать предложенное изначально. Надует непременно, я ей еще и должен останусь. Тем более что есть мне к кому толкнуться с таким добром. Хоть бы даже к дяде Олегу, моему крестному, он в этом городе все входы-выходы знает, включая самые высокопоставленные. Правда, он, как и дядя Сережа, почти наверняка меня сдаст родителю, но это... Ладно, забыли.

Кстати, антиквар еще раз доказал, что он изрядный хитрец. Имя владельца древнерусского гарнитура он так и не назвал, выдав вместо этого заверения в том, что он сам все узнает и по достижении каких-либо договоренностей с ним поставит нас в известность. А жаль. Зная имя обладателя волосатых пальцев и эксклюзивного перстня Борджиа — я бы дядю Олега уже набирал.

Ладно, мысли про то, что я Стелле не верю, как в финансовых вопросах, так и во всех остальных, вслух сейчас озвучивать точно не стоит, иначе она еще и на этот счет распинаться начнет. А вот про «отдельских» я давно хотел подробности узнать, да все никак случай не подворачивался. Теперь же самое то время. И приятельницу свою хитроумную отвлеку от ругани, и новой информации в копилку положу немного.

— Кстати, о птичках, — я хлопнул в ладоши, привлекая внимание ведьмы. — Вот вы все говорите: «Отдел», «отдельские». А это кто? Нет, я догадываюсь, что некая силовая структура, которая надзирает за такими, как ты, но хотелось бы подробностей. Чем они так вам всем насолили? Они мзду не берут или входят в помещения с воплем «Всем стоять, свет не включать»?

— Насчет мзды не знаю, не давала, — Стелла хмыкнула. — Блин, двусмысленно получилось. Да и ладно.

Она нажала кнопку, мотор машины заурчал.

— Отдел, — «Бугатти» скользила мимо машин, владельцы которых в лучшем случае только-только пили первую чашку кофе. У всех нормальных людей утро только началось, у меня же было ощущение, что я полный день уже отработал. — Ну, в чем-то ты прав. Это на самом деле силовая структура, вполне себе легальная, значащаяся в реестре государственных служб и так далее. Сотрудники ее — обычные люди, носящие погоны и получающие зарплату на карточки

«Сбербанка». Но это с одной стороны. А с другой — да, делами они занимаются не вполне обычными. Только не надо думать, что они пограничники, стоящие между миром обычного и необычного, справедливые и бесстрашные. Поверь, эти господа иногда такие подянки кидают таким, как мы, что волосы дыбом встают, причем по всему телу, даже в эпилированных местах. Для них главное — добиться своей цели, которая, между прочим, не всегда совпадает с буквой закона.

— Не в их защиту, а просто справедливости ради — иные преступления в законах и не прописаны, — заметил я. — Если бы та клыкастая девица из меня ночью кровь выпила и не дай бог упырем сделала, по какой статье ее судить? Убийство с кровососанием? Умышленное причинение вреда здоровью путем обращения человека в упыря? Преступления нестандартные, вот и методы нестандартные.

— Да если бы только на этом все заканчивалось, — вздохнула ведьма. — Впрочем, надо признать, что Покон они чтут, несмотря даже на то что он их напрямую не касается. Пожалуй, даже поболее, чем обычные кодексы и законы. И если обещают, то всегда делают, что для людей вообще не свойственно. Хотя сволочами быть при этом не перестают. Потому запомни, Валера: если с ними столкнешься, то поменьше говори и побольше слушай. А услышанное на три дели. Или, еще лучше, на пять. Куда ты прешь, козел?!

И Стелла со всего маха ударила по кругляшу в центре руля, противный гудок взревел как медведь, выходящий из спячки.

А вскоре мы с ней вообще расстались. Она высадила меня около закрытого на ремонт кинотеатра «Художественный», напрочь забыв про свои планы, касающиеся плотного завтрака, и умчалась куда-то в сторону Нового Арбата, даже не попрощавшись.

Но и это к лучшему. Если честно, ведьма за последние сутки мне изрядно поднадоела, не знаю даже, как я с ней еще два с половиной месяца валандаться стану. Да и есть я люблю в одиночестве.

Что интересно — даже в этом она мне умудрилась насолить. Две симпатичные девушки, стоявшие рядом со станцией метро «Арбатская», с интересом окинули взглядом сначала мою помятую после ночных походов фигуру, после «Бугатти», исчезающий в утреннем и пока не слишком густом потоке машин, а потом одна

сказала другой вроде бы не громко, но так, чтобы до меня непременно эта реплика донеслась:

— Сильный пол, сильный пол... И кто теперь кого трахает? Они нас или мы их?

Всякое было в моей жизни, всякое я и видел, и слышал, и про меня что только ни говорили, но вот за альфонса еще не принимали. А самое обидное — и не возразишь ничего. Не потому что сказанное — правда, а потому что мои объяснения никому не нужны и неинтересны. И только сильнее убедят эту милашку в том, что она права.

Куда катится этот мир? Или уже прикатился?

Ответа на данный вопрос мне никто дать не мог, потому я не стал забивать себе голову всякой ерундой и не торопясь отправился к «Сабвею», который работал с семи утра. До того момента, когда в архив придет Розалия Наумовна, с которой я все же решил поговорить насчет дополнительной недельки отпуска, оставался еще час, и надо провести его с пользой и по возможности приятно.

Надо заметить: все мои надежды оправдались, одно плохо — не совсем так, как я задумывал. Нет, я хорошо позавтракал, и моя дражайшая шефиня даже пошла мне навстречу, но вот только следующие два дня мне пришлось провести на работе, причем в неустанных трудах и заботах. Просто так мне свободу никто давать не собирался, потому Розалия Наумовна с привычной ей железной хваткой и прагматизмом немедленно запрягла меня в пахоту до самого конца рабочей недели, веско произнеся:

— Хочешь взять — сначала заслужи.

И я не разгибаясь таскал толстые, тяжелые и пыльные папки, которые, как оказалось, привезли нам из какого-то другого архива. У них то ли здание отобрали, то ли ремонт в нем затеяли — не знаю. Их доставили в наш особняк неделю назад, но заниматься ими до моего возвращения никто не собирался. В смысле «хватай больше, тащи дальше». Нет, я все понимаю, мои коллеги в большинстве своем дамы немолодые, но можно было хоть помещение для последующего складирования этих бумаг подготовить? А то сначала в хранилище № 4 все расчисти, потом проверь пожарную сигнализацию, потом... Ужас, короче. И пыль. Облаками! Сдается мне, привезенные бумаги лет пятьдесят-семьдесят копили. Ну оно и понятно, кому нужны довоенные докладные разнообразных наркоматов о производимых

работах и тому подобные изыски? Разве что какой прохода-практикант в них полазил на предмет поисков автографов более-менее известных исторических личностей, их худо-бедно можно толкнуть собирателям подобных древностей. Подпись директора Кузькина или экспедитора Федькина не стоит ничего, но вот оригинал распоряжения, на котором красуется собственноручный росчерк Микояна или Молотова, — уже антиквариат, у него есть цена. Может, небольшая, но есть. Про подпись Сталина я и не говорю, это отдельная история. Документов, которые он подписал, было, разумеется, немало, но многие ли из них дошли до наших дней? Что сожгли после знаменитого Съезда, что по сроку хранения в распыл пустили, что по музеям разошлось. Так что росчерк Великого Вождя — очень неплохой товар. Такой и я бы мимо себя не пропустил, благо знаком с парой человек, которые готовы за него заплатить.

Кстати, о товарах. Сивый закинул мне денежку на карту, чем немало и очень приятно удивил. И быстротой расчета, и непосредственно суммой. После того как я посмаковал циферку, которая красовалась на экране смартфона, сел на лавочку возле архива, закурил и задумался на тему кладоискательства. Шутки шутками, но овчинка стоит выделки. Это ведь мы грошовый кладик-то подняли, а тут вон как четыре моих зарплаты сходу упало. А если серьезный выкопать? Да по уму толкнуть?

И вот тут мне сильно заглохло. Настолько, что сигарета выпала у меня изо рта и пришлось схватиться за спинку скамейки. Сердце впервые в жизни дало о себе знать, в него словно острые зубы вцепились.

А так оно и было. Я через секунду сообразил, что к чему, задрал майку и четко увидел, как правая змейка дернулась, всаживая крохотные клычки в мое тело чуть пониже прилипшего к потной коже кожаного амулета.

— Не буду, — промычал я, глядя на нее. — Не буду я в корыстных целях выданный дар использовать! Только если что само к рукам прилипнет — в свою пользу обращать стану!

Змейка дернулась еще раз и застыла, из сердца ушла боль.

Хороший я подарочек получил. Проблем выше крыши, прибыли никакой. Интересно, где я так нагрешил, что мне вот эдакое счастье привалило?

— Совсем тебя доконали, да? — поинтересовалась Елена Петровна, одна из моих коллег, незаметно подошедшая сзади и держащая в руках незажженную сигарету. — Ты уже с собственным пупком разговариваешь, прямо как йог какой-то.

— Да нет, — я опустил майку и огладил ее ладонями. — Пылюшкой просто пропитался весь, вот, отряхиваюсь.

— Ну да, ну да, — щелкнула зажигалкой та. — Конечно.

По-моему, она не очень-то мне поверила, поскольку в ее взгляде читалась жалость. Сотрудницы архива, женщины все как одна не очень молодые, не сказать — преклонных лет, относились ко мне хорошо. Да чего скрывать, просто по-матерински. Они то и дело норовили меня чем-то угостить, время от времени осведомлялись, не нужна ли какая помощь по дому, и с завидной периодичностью водили в архив своих племянниц, соседок и дочерей, а то и внучек подруг, прозрачно намекая мне на то, что те красавицы, умницы, а уж какие хозяйюшки! Когда же я увиливал от очередного принудительного знакомства, в ход всегда шел самый главный убойный аргумент, звучащий как: «Годы идут, скоро ни одна на тебя не взглянет». Упоминалось и то, что я, между прочим, не Рокфеллер, и за госслужащего еще не всякая пойдет. А вот эта девочка — хоть сейчас.

Ради правды, среди них и в самом деле попадались ничего так себе экземпляры, но всяческие мысли на их счет я сразу давил на корню. Не дай бог что, и мне потом только увольняться останется, потому что после первой же ошибки речь сразу о кольцах пойдет. Я наших кумушек хорошо изучил, им нужна игра страстей, не своих, так чужих, например, моих.

Единственной, кто в данном паноптикуме не участвовал, была Розалия Наумовна, да и то, скорее всего, исключительно по причине отсутствия каких-либо знакомых женского пола, находящихся в репродуктивном возрасте. Да и не имелось у нее в родне, если не ошибаюсь, никого, кроме двоюродной сестры, которая вроде бы еще старше, чем она сама. Хотя, казалось бы, куда уж старше?

Тем временем Елена Петровна докурила сигарету и ушла в здание, я же не спешил. Мысли от дел служебных сползли в другую, более мистическую, область. Хотя, признаться, думать там было особо и не о чем. После лютого цейтнота установилось временное затишье. Вурдалаки меня по ночам не беспокоили, новые знакомые не звонили,

и, что самое приятное, навязчивые сны оставили в покое. Анисий Фомич — и тот общаться не хотел. Я тут вчера его кликал, даже специально под раковину голову засунул, предлагал чайку попить, но не отозвался подъездный, не пожелал со мной за стол сесть. Я, если честно, расстроился немного. Опять же, очень силен был соблазн набрать номер того же Карла Августовича. Понятное дело, что нельзя показывать свою заинтересованность в процессе, поскольку это сразу же изменит расстановку сил, но, врать не стану, хотелось.

А самое забавное, что никакой радости возвращение к прежней обычной и рутинной жизни мне не доставило. Не хватало мне этих странных и временами даже неприятных ощущений, от которых я всего два дня назад чуть ли не на стенку лез. Тогда казалось: забери у меня кто этот дар — расцелую этого благодетеля. А теперь вот какая-то пустота образовалась внутри, и даже то, что случилось только что, ничего не изменило. Тем более что жадность — и в самом деле грех.

И, кстати, хорошо еще, что мне ничего до сих пор найти не удалось. Я ведь, если честно, вчера прогуливался по окрестностям рядом с домом, внимательно слушая, не появится ли внутри головы какой посторонний голос. Ну да, звучит подобное признание странновато, но уж что есть, то есть. А если бы нашел?

Нет, ничего такого. Хотя, ради правды, ничего странного в этом нет. «Пролетарская», где я проживаю, — район старый и рабочий, в нем все, что можно было найти, отыскиали еще при царе-батюшке, когда тут подневольный люд обитал, гнувший спину на фабриках и заводах. Ну а непосредственно им, кроме собственных цепей, прятать было нечего. У них просто ничего не было.

Остатки ненайденного дореволюционным пролетариатом достались строителям, которые сносили сначала хибары, оставшиеся от старого режима, а после и здания, построенные уже при коммунизме. Уж не знаю, сдавали они находки в музей, не сдавали... Не мое это дело.

Главное, что тут кладов не имелось. Ну, или я их не слышал. Монет, скорее всего, под ногами разбросано было немало, но они не клад, со мной общаться не станут.

Нынче же я подумывал наведаться в небольшой и уютный Таганский парк, который от меня не так далеко находится. Там и публика в старые времена почище обитала, а до того и вовсе застава

стояла. Ну как там чего вынюхаю? Но выкапывать не стану и реализовывать не буду. Просто обнаружу и все. Ну, может, пометочку в запароленный файл занесу с координатами. Я, как и планировал, начал систематизировать полученные сведения.

Сказано — сделано. Добравшись до дома, я быстренько поужинал, после выставил на центр кухонного стола конфетницу, доверху наполненную батончиками и «Белочками», сообщил в пространство, что эти конфеты можно и нужно есть, привычно сунул в задний карман джинсов номерной «хугевский» широколезвийный «спринг-наиф», который мне в свое время батя из Штатов привез, накинул на плечи лямки рюкзака да и отправился навстречу приключениям.

Солнце уже почти скрылось, на город падали синие тени, асфальт отдавал набранное за день тепло. Короче, хорошо было на улице. Душевно. Московские летние вечера, когда с неба не льет вода, на самом деле прекрасны. Да, томной прохладой этот воздух, в котором смешалась сложная гамма ароматов, вместившая в себя все что можно, от пыли и выхлопных газов до дорогих духов и фаст-фуда, назвать трудно, но для потомственного горожанина именно он естественен и приятен. Более того, как же у меня трещала голова в первый вечер, когда мы приехали с Сивым и Гендосом на «коп»! Не привык я к такому количеству кислорода, не принимает его организм в больших дозах. Наверное, это не очень правильно, но уж как есть.

А еще я как-то совершенно не задумывался о том, что подобная прогулка может быть небезопасна. Не знаю отчего, но я верил в то, что амулет, который мне одолжил Карл Августович, на самом деле защитит от вурдалаков, время бодрствования которых как раз наступало. Возможно, подобная позиция выглядела не слишком разумной или как минимум не очень рациональной, но уж что есть. Я доверяю своим рефлексам, а они безмятежно дремлют в данной связи.

Еще же мне казалось, что там имел место некий разговор, о котором я, скорее всего, вообще никогда не узнаю. Но, полагаю, он был. Ясно же, что этот антиквар не совсем тот, кем хочет выглядеть. Не знаю, кто он такой на самом деле — чародей на пенсии, натурализовавшийся лепреккон, падкий до золота дракон в людском обличье... Не знаю. Но одно предельно ясно — власть у него есть, и немалая. И пока он на моей стороне, опасаться нечего. Вернее, пока я ему полезен.

Кроссовки бодро топали по асфальту, перекресток сменял перекресток, магазины расцветили ночь своими рекламами, в открытых летних кафе шумело людское многоголосье, дети привычно тянули свое: «Ну-у-у, рано еще! Давай погуляем, ма-а-а-а-а-ам! Завтра же не в школу!» Всюду была жизнь, и она мне определенно нравилась.

Совсем же стало хорошо, когда я прикупил бутылочку ледяной «Фанты» и шипучий напиток перехватил горло холодом, а газ приятно защищал нос.

Короче, дорогу я особо и не заметил. Хотя что там идти-то было...

Парк, как и положено природной зоне, находящейся в самом центре города, был хорошо освещен, снабжен урнами, скамейками и время от времени прохаживающимися по широким дорожкам полицейскими патрулями. Крепкие парни в темно-синей форме жевали пахучую шавуху и ласкали взорами проходящих мимо них девчонок, которые по случаю тепла не стесняли себя излишней одеждой.

Мне центральная аллея была неинтересна, равно как и стадион со сценой. Единственным местом, которое меня хоть как-то заинтересовало, была «Эклерная», к сладкому я был всегда равнодушен. Они как раз собирались закрываться, но я успел прикупить пару пирожных, а после двинулся туда, где шумел фонтан и где был представлен главный экспонат исторического значения — стена, оставшаяся от некогда известного в старой Москве Покровского монастыря. Кстати, в свое время я даже про него курсовую писал, и это лишний раз доказывает тот факт, что мир цикличен. Все всегда возвращается на круги своя, хочешь ты того или нет.

Разумеется, я отлично понимал, что вероятность найти тут что-либо, кроме пустой бутылки или какого иного бытового мусора, ничтожна, но так хотелось снова услышать призрачный голос прошлого!

Увы, увы, ничего подобного ожидаемо не случилось. Я побродил среди немногочисленных деревьев, потоптался около еле различимой в темноте стены, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Ни-чего. Если и были голоса, то только праздно шатающейся публики. Да еще какую-то парочку спугнул, которая, как им казалось, очень надежно спряталась в кустах с весьма конкретно поставленными целями. Прямо даже неловко стало.

Но вечер все же приготовил мне сюрприз, и он выразился в вопросе, который мне задал ничем не примечательный мужичок, развалившийся на скамейке, мимо которой я проходил.

— Что, Валерий Анатольевич, ничего не нашли? Не хотят клады идти в руки?

То, что он знал, кто я, сомнений не вызвало. Причем не только то, кто я по паспорту, но и все остальное.

— Да вот, как-то не сложилось, — мне показалось не очень правильным включать дурака и делать вид, что я чего-то не понял. Все было четко сформулировано в вопросе, юлить и уворачиваться означало бы потерю лица. Если уж тебя взяли за горло, то думай, как в ответ прихватить за «яблочко» того, кто стоит напротив. Это лучше, чем сипеть, выпрашивая пощаду. — Не вышел каменный цветок.

— Так место для этого выбрано неудачное, — мужчина закинул ногу на ногу и устроился на лавочке поудобнее. — Тут все перерыто-перекопано. В тридцатые строили на совесть, не то что нынче. Причем практически без техники, все руками, руками...

Было ему на глазок лет тридцать-сорок, точнее не скажу. Есть такие люди, которые застывают в одном возрасте и могут одинаково выглядеть и в двадцать пять, и в сорок пять. Он был из таких. И лицо у этого незнакомца было из тех, что глянул — и тут же забыл.

Странный господин. Не сказать хуже.

— Не ломайте голову... Может, на «ты»? Не люблю «выкать», — предложил мне он. — Знаю, что невежливо, но ничего поделать с собой не могу.

— Давай, — легко согласился я и присел рядом с ним на скамейку.

— Так вот, не ломай голову, Валера, — весело сообщил мне мужичок. — Ты меня не знаешь. Да и откуда бы? Наши дорожки раньше пересечься не могли. Нет, вероятность такая имеется у любого жителя Москвы, но она совсем ничтожна.

— Вы из Отдела. Ну того, что миром Ночи занимается, — уверенно заявил я. — Угадал?

— Молодец, — с уважением глянул на меня собеседник. — Как сообразил?

— Сложил два и два, — я достал из кармана сигареты. — Чем могу служить? Вроде бы я ничего не нарушил, у вас ко мне претензий быть не может. По крайней мере пока.

— Как что — так сразу речь о претензиях, — притворно обиделся мужичок. — А может, я просто мимо шел, смотрю — новый Хранитель кладов среди елок бродит, сокровища ищет. Вот, решил подождать, поглядеть, чем дело кончится, а после и познакомиться.

— Валера, — протянул я ему руку немедленно. — Швецов.

Мой новый знакомец чему-то усмехнулся, а после крепко ее пожал.

— А я Павел. Михеев Павел.

Я слышал эту фамилию. Ее Стелла называла аджину в беседе и упомянула, что именно этот сотрудник Отдела — более-менее приличный человек.

— Вот и славно, — я выпустил сигаретный дымок. — А теперь, Павел, говори напрямую, что тебе от меня нужно.

Глава одиннадцатая

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но ничего не нужно, — Павел устроился на скамейке поудобнее. — Да, бывает и такое.

— Но очень, очень редко, — чуть саркастично отозвался я. — Настолько, что в природе почти не встречается.

— Если ты не в курсе, то основная функция органов правопорядка не пресечение правонарушений, а их профилактика, — назидательно произнес мой новый знакомый. — Нет-нет, это не применительно к тебе... Хотя каждому не грех помнить о том, что соблюдение законов — это норма поведения в обществе. И неважно, под каким именно светилом проходит его основная жизнь — под Солнцем или под Луной.

Вроде бы шутит, а глаза-то серьезные.

— У меня нет ни малейшего желания вступать в конфронтацию с законом, — вот тут я был более чем искренен, даже врать не пришлось. — Не вижу в этом смысла, как и в совершении каких-либо противоправных деяний.

— Сразу верю, — Павел похлопал меня по плечу. — Я всегда вижу, когда люди врут. Отпечаток профессии, понимаешь ли, со временем приходит некий опыт. Но на свете живешь не ты один, верно? И если твои старые знакомые, скорее всего, люди такие же законопослушные и добропорядочные, то кто сможет поручиться за новых? А они скоро появятся, уж не сомневайся. Вернее, уже появились. Мне птичка на хвостике весточку принесла, что ты с одной очень шустрой ведьмочкой накоротке сошелся. Ведь это так?

— Возможно, — растянул губы в улыбке я. — И?

— Ведьмы — публика особенная, чтобы с ними наравне общаться, надо особую хватку иметь, — полицейский говорил негромко и очень убедительно. — И вдобавок более-менее разбираться в том, кто есть кто в том мире, к которому ты теперь принадлежишь.

— Дай угадаю, — я выкинул окурочек в урну, стоящую рядом со скамейкой. — Непосредственно вы, сотрудники Отдела, — те самые хорошие парни, которые помогут мне понять, кто свои, кто чужие.

— Ирония — это прекрасно, но сейчас она не к месту, — в голосе Михеева появились новые оттенки. — Мы, Валера, те парни, которые

не станут доводить дело до суда, если по твоей вине начнут гибнуть люди. Это не угроза, не предупреждение, а исключительно сухая констатация фактов. Просто прими это как данность, усвой как «Отче наш», для того чтобы в нужный момент принять верное решение.

— Не понимаю, о чем идет речь, — мне совсем перестали нравиться и этот человек, и разговор, который свернул совсем уж не туда. — Я так похож на потенциального преступника?

Если этот товарищ, по словам Стеллы, из всей отдельской компании лучший, то что же из себя остальные представляют? Как говорит Юлька: «Вот просто фу».

— Не лезь в бутылку, Валера, — посоветовал мне Михеев. — Не надо. Я же говорю — недопонимаешь ты пока многое. Не по глупости, нет, просто по незнанию. Ты теперь Хранитель кладов, а золото, особенно старое, всегда круто замешано на крови. И той, что в прошлом пролилась из-за него, и той, которая еще по чьим-то венам течет. Иные клады вообще из-под земли доставать нельзя, там такие вещички могут оказаться, из-за которых большая резня начнется.

— Ты о Кольце Всевластия? — не удержался я от колкости. — Так я не претендую. Да и пешком за тридевять земель мне топать неохота.

— Лет десять назад в Замоскворечье клад всплыл, — неторопливо проговорил Павел. — Старый, еще семнадцатого века. Кошель золотых монет, пара перстней да заколка с рубином. Дурачок, что его нашел, монеты да перстни за бесценок скупщику отдал, а заколку подруге подарил. Та его через три дня ею и порешила. Горло во сне проколола. А когда ее допрашивали, то бормотала какую-то бессвязицу о женщине в черном, на лице которой имелась блестящая маска. Дескать, это не я, это она, у меня и в мыслях ничего такого не имелось.

А ведь он не обычную городскую страшилку рассказывает, больно уж сухо излагает. И интересно.

— Заколка уже на следующий день исчезла и всплыла только через неделю в квартире, где обитал гсушный следак, что этим делом занимался. Мать его пришла в гости и обнаружила все семейство сына давно остывшим. Двое детей, теща, он сам — все мертвы. Единственным живым обитателем оказалась жена, которая сидела на кухне и о чем-то беседовала...

— С заколкой, — перебил его я. — И что же это за украшение такое?

— Мы поздно спохватились тогда, — вздохнул Михеев. — Ведь уже после первой смерти было ясно, что дело темное. Но проморгали, потому Донна еще человек десять на тот свет спровадила.

— Донна?

— Донна Луна, — Павел уставился на меня. — Никогда о такой не слышал, верно? А между тем обитала в наших краях некогда такая особа. Давно, в самом конце семнадцатого века. Была она чародейкой, входила в свиту царевны Софьи. Откуда взялась на Руси — неизвестно, к какому роду-племени принадлежала — неясно. И лица ее тоже никто никогда не видел, поскольку оно всегда оставалось скрытым либо непроницаемой вуалью, либо маской, на которую были наклеены сотни осколков венецианских зеркал. Для понимания — венецианские зеркальчики всегда отличались своей приверженностью к тайным знаниям, так что ничего удивительного в этом нет. Донна очень быстро стала наперсницей царевны, после чего в той вдруг проснулась редкостная властность и очень сильное стремление занять престол. А после неожиданно и перспектива такая нарисовалась, так как внезапно и вдруг скончался Федор Алексеевич, законный государь. Ну, формально «внезапно и вдруг», а на деле все совсем не так обстояло. Просто в феврале 1682 года, аккурат после второй свадьбы государя, в Преображенском устроили «тияттер», и пьесу выбрали для постановки самую что ни на есть подходящую.

— «Макбетов», что ли? — озадачился я.

— Ну, до Вильяма нашего Шекспира тогда двор еще не дорос, потому все было проще. Давали «Бабу-ягу, костяную ногу». И Донна в этой постановке участвовала. Не в главной роли, естественно, сие перебор. Она выходила на сцену всего лишь раз и фразу произносила тоже только одну: «Смотри на меня неотрывно, и делай, что я мыслью тебе повелю». Думаю, бедолага Федор Алексеевич и посмотрел, и сделал, потому что через два месяца благополучно скончался. Официально — от цинги. Вот только откуда столь необычная болезнь могла взяться у двадцатилетнего мужчины? И, самое главное, как вовремя. Новая жена могла подарить престолу новых наследников, а род Апраксиных, к которому та принадлежала по рождению, был довольно многочислен и хваток.

— Проще говоря, Софье и так особо ничего не светило, а тут и вовсе швах наступил бы, — пробормотал я.

— Хуже того — монастырь, — хмыкнул Михеев. — Куда ее еще, такую красивую? А так все получилось лучше некуда. Софья — управительница государством, власть в ее руках, стрельцы ей в рот смотрят. Правда, мальчишки-наследники подрастают, причем один из них тот еще волчонок, но это все разрешимо, на то существуют несчастные случаи, что в свое время печально подтвердила судьба малолетнего царевича Дмитрия. И, думаю, дала бы история государства Российского некую петлю, кабы не навестили как-то ночью царские палаты несколько знающих людей. Не совсем моих предшественников, но тех же кровей. Они взялись за эту работу не из служебного долга, а скорее по семейному подряду. Но это и не столь важно, главное, дело свое знали.

— И Донна Луна исчезла при невыясненных обстоятельствах, — продолжил я за него.

— Как-то так, — подтвердил Павел. — А дальше все было просто. Без Донны под Софьей закачался престол, потом подросший Петр отправился в Троицкую лавру, а следом за тем невезучая царевна переселилась в монастырь. От судьбы не убежишь. Вот только нюанс — Донну, конечно, убили, это понятно, но семена зла остались. Как видно, кто-то из дворцовых слуг прихватил кое-какое ее добро да и схоронил его в Замоскворечье, только после то ли не успел им воспользоваться, поскольку многих ближников Софьи после ее падения втихаря удавили, то ли еще что... А оно триста лет пролежало в земле, но силу свою при этом не утратило. В этом предмете, Валера, осталась часть души Донны Луны. Она у нее и без того черной была, а уж учитывая смерть лютую, что ей выпала... Короче, почти два десятка жизней эта стерва с того света умудрилась прибрать, пока мы заколку с нужными словами не расплавили ко всем чертям. Два десятка живых и ни в чем не повинных людей умерло, причем среди них и дети имелись. Ты понял, Валера, к чему я это все тебе рассказал?

— Не дурак, сообразил, — хмуро ответил я.

— И все-таки еще раз: старое золото, особенно то, что в скверных руках побывало, обязательно притягивает к себе зло и кровь, оно самое хреновое в людских душах выискивает и на свет вытаскивает. И еще оно очень ждет, чтобы его нашли, из земного плена освободили. Обычные люди этот зов не слышат, но ты — другое дело. Клады — теперь твоя судьба, потому очень советую: десять раз подумай, прежде

чем дать свободу тому, что было скрыто от людских глаз, и, возможно, неслучайно. Ты получил не только дар, но и ответственность за то, что с его помощью делать станешь. Я знаю, что про нас говорят: «цепные псы», «гончие» и так далее. Но мы никогда не тронем того, за кем нет вины, имей в виду. И наоборот — не станем жалеть того, кто своими поступками людям принес вред или чего похуже. Это наша работа, мы ее выполняем на совесть. Именно по этой причине мне совершенно не хочется в один не самый лучший для тебя день... Ну, ты же понял, чем данная фраза закончится?

— Предельно, — не стал увиливать от ответа я. — И благодарен за откровенность.

— Потому думай, что делать и с кем водить дружбу, — Павел достал из небольшой сумочки, что лежала рядом с ним, конфету. — Хочешь? Вкусная. «Озеро Рица» называется.

— Нет, — покачал головой я.

— Как знаешь, — полицейский развернул фантик и отправил шоколадную конфету в рот. — Мне все та же птичка-невеличка напела, что ты умудрился в столь краткие сроки свести знакомство с Карлом Шлюндтом. Вернее, это он успел тебя заарканить. Поверь, Валера, Шлюндт не та личность, с которой стоит иметь что-то общее. Он давно находится в поле зрения Отдела, еще с тех пор, когда наша организация еще и Отделом-то не называлась. И ему ни разу никто ничего не смог предъявить, несмотря на то что люди вокруг него мерли как мухи. Но он, что примечательно, всегда был как бы ни при чем. Теперь рядом с ним оказался ты, и смею заверить — к добру подобное приятельство тебя не приведет. Я тебе не мама и не папа, чтобы указывать, с кем общаться, а с кем нет, но все же советую прислушаться к моим словам. Это в твоих интересах в первую очередь.

Я никак не прокомментировал данную реплику, просто в силу того, что сказать было нечего. Он же прав, и я это прекрасно осознаю, мне Карл Августович с самого начала не сильно понравился. Но при этом он меня на пару со Стеллой в самом деле заарканил, что есть, то есть. Нам без него не добыть то, что нужно, и, значит, придется какое-то время играть по чужим правилам. Бесит меня это невероятно, но возможности для маневра, увы, пока нет.

— Ладно, я сказал — ты услышал, — Михеев встал с лавочки и набросил ремень сумки на плечо. — Держи мою визитку, Хранитель

кладов. Если прижмет злодейка-судьба — звони. Не люблю пустых слов, потому не стану обещать, что непременно помогу. Случаи разные бывают, так что решение всегда надо принимать по ситуации. Но выслушаю непременно.

— В иных ситуациях и это немало, — я взял бумажный прямоугольник, убрал его в карман, тоже поднялся на ноги и протянул полицейскому руку. — Рад знакомству. И я вас услышал, поверьте.

— Это хорошо, — Павел пожал мою ладонь, а после похлопал меня по плечу. — Считаю, первый шаг сделан. Теперь не промахнись со вторым, приятель.

— А можно спросить? — заметив, что полицейский собрался уже уходить, остановил я его вопросом, который не давал мне покоя. — Шлюндт — он вообще кто? Я вашу табель о рангах пока не знаю, но что он старикан непростой, сразу понял, хотя бы потому что нормальные люди столько не живут. Но все остальное — прямо тайна какая-то.

— Не знаю, — помолчав, ответил Михеев. — Нет, правда не знаю. Он на особом контроле у нашего шефа, только он работает с его делом, нам в эту тему соваться не велено. А в нашей конторе если сказали «нет», то, значит, нет. Но вот что могу сказать точно: он не колдун и не ведьмак, эта публика мне слишком хорошо знакома, чтобы ошибиться. Ну а про то, как заканчивали свои дни те, кто с ним имел глупость сотрудничать, ты уже слышал. Учись на чужом опыте, не повторяй те ошибки, которые кто-то уже сделал. Все, привет!

Я проводил его взглядом, развернулся и пошел к другому, противоположному, выходу из парка. Символично, между прочим. Несмотря на все вышесказанное, сдается мне, что у нас с Отделом в этой жизни разные дороги, и тут двух мнений быть не может. Ничего против правоохранительных органов не имею, но и дел с ними общих иметь не желаю. К тому же явно этот Михеев мне соврал. Знает он про Карла Августовича много и разного, просто делиться со мной информацией не пожелал. Само собой, претензий никаких к нему у меня нет, поскольку в этой жизни никто из нас никому ничего не обязан, но хоть намеки-то какие на истинное положение вещей он же мог сделать? Почему нет?

Не скажу, что без правды о Шлюндте я есть и спать не смогу, но для более-менее верного анализа сложившейся ситуации информации

у меня однозначно маловато. Этот хитроумный старичок знает обо мне почти все, а я о нем — практически ничего, и это немного раздражает.

Кстати, легок на помине, его имя на экране задержавшегося от виброзвонка смартфона высветилось. Судя по всему, господин антиквар не только рано встает, но и поздно ложится.

— Добрый вечер, Валерий, — традиционно вежливо поприветствовал меня Карл Августович. — Надеюсь, для дружеского звонка время не слишком позднее?

— Дружба — понятие круглосуточное, — бодро сообщил ему я. — Рад вас слышать.

— Завтра утром нам надо встретиться, — деловито продолжил антиквар. — Те предметы, о которых мы вели речь, уже у меня. Скажем так, это теперь моя собственность, и я готов вам ее передать.

— Вот так просто? — засомневался я. — Не хотелось бы вас обидеть недоверием, но...

— Никаких обид, — заверил меня собеседник. — К тому же ваши сомнения не так уж и ошибочны. Нет-нет, повторю свои слова: я готов их вам передать, но только после того, как вы выполните свою часть нашей сделки. Так сказать, пусть будет ни два, ни полтора, ни вам, ни мне. Предметы лежат в депозитарном сейфе, они практически уже ваша собственность, и встреча, собственно, нужна для того, чтобы вы в этом убедились. Но забрать вы их сможете лишь тогда, когда выполните оговоренное нами условие. Вы понимаете, о чем я?

— А как же. Во сколько, где?

— Я пришлю адрес эсэмэской, — антиквар хмыкнул. — Техника, бесспорно, зло, она убила простые вещи и профессии, до того существовавшие веками, но следует признать, что некоторые ее аспекты все же удобны. Да, вот еще что... Может, не станем беспокоить вашу приятельницу? Право, зачем она нам там, в банке? Мы и без нее прекрасно могли бы обойтись. Она, бесспорно, красивая и умная женщина, как, собственно, и положено ведьме, но временами ее экзальтация меня раздражает.

— Подумаю, но обещать ничего не стану, — помолчав, ответил я. — Стелла Аркадьевна невероятно непредсказуема, она может узнать о встрече и без нашей помощи. К тому же она крайне обидчива, не хотелось бы обострять с ней отношения, нас очень многое связывает.

— Тогда оставляю данный момент на ваше усмотрение, — покладисто одобрил мои слова антиквар. — До завтра. И ждите сообщения!

Встречу он назначил на довольно-таки ранний час. В смысле для выходного. Десять утра в Москве по будням — разгар рабочего дня, все куда-то бегут, прижав к уху смартфоны, короче, ад на земле. Но будни — это будни, а летние выходные в столице наполнены ленивой негой. Подавляющая часть горожан еще в пятницу отбывает на дачи, плюнув на то, что их ждет многочасовое стояние в пробках, и потому на бульварах, проспектах и улицах нет привычной толчеи и суматохи. Ну а не имеющие загородной недвижимости москвичи проводят день дома, в компании с монотонно жужжащим кондиционером, холодильником, в прохладном нутре которого стоят заветные запотевшие бутылочки пива и лежат брикеты мороженого в пестрых упаковках, а также мерно бубнящим телевизором. Центр города в эти дни практически пуст. Никто не хочет мотаться по изматывающей жаре, никому неохота гулять по раскаленным булыжным и брусчатым мостовым, над которыми отчетливо дрожит раскаленный воздух. Впрочем, не факт, что именно это слово подходит к практически лишенной кислорода столице, возможно, для атмосферы этих дней следует ввести какой-то новый термин.

И только мы со Стеллой добросовестно катили на Сивцев Вражек, где и была назначена встреча с Карлом Августовичем.

Да-да, я все же решил взять ведьму с собой. Впрочем, слово «решил» тут не слишком верно звучит. У меня и сомнений никаких на этот счет не возникало, и на то было как минимум три причины.

Первое — как после завершения этого дела сложатся отношения с антикваром, еще непонятно. Может, он нам еще поможет в будущем, может, нет, поди знай. А с Воронежской я повязан одной веревочкой еще надолго, как минимум до конца сентября.

Второе — эти двое недолюбливают друг друга, и мне подобное крайне на руку. Пусть себе грызут друг друга на здоровье. Да, пока исподволь и на уровне полунамеков, но меня и это устраивает. Ни о какой дружбе с этими людьми речь идти не может, мы трое до поры до времени просто полезны друг другу, и когда-нибудь этот период ложного благодушия непременно кончится. Не исключено, что укоренившаяся к тому времени вражда между Стеллой и Шлюндтом

мне как-то да пригодится. Жизнь, знаете ли, исключительно разнообразна.

Ну и третье — ведьме я пока нужен живым и здоровым, а значит, спину мою Воронежская будет прикрывать со всем усердием и прилежанием, что далеко не последнее дело. Не сегодня, не в банке, там ничего особенного случиться не может, это пригодится мне чуть позже, там, где лежит клад, о котором давно грезит Карл Августович. Один литературный персонаж из книги, которую я в детстве знал наизусть, говаривал: «Поиски сокровищ — дело щекотливое», — и был абсолютно прав. Одно дело — общаться до того, как увидишь ценности, и совсем другое — после. У меня в той разрушенной деревне от горстки не самых дорогих монет в глазах поначалу чертики заплясали, а тут дело, похоже, пахнет куда более серьезными вещичками. Да и вообще Шлюндт слишком уж дружелюбен и доброжелателен, это сразу вызывает определенные подозрения. «Мягко стелют — жестко спят», — так всегда говорит Розалия Наумовна о вышестоящих чиновниках, коим имя легион, как правило, вернувшись с очередного совещания. Эти безлико-типичные господа всегда легко и охотно многое обещают, особенно перед выборами, причем неважно какими, а после так же незамысловато забывают обо всем том, что сулили ранее. Такова уж их суть, ничего не поделаешь...

Антиквар мне чем-то их напомнил, если честно. Ей-богу, та же Стелла вызывала у меня куда большую симпатию, несмотря на то, что она пару раз обещала меня убить и постоянно пыталась уколоть словами. Ну и еще сквернословила периодически так, что иной грузчик у нее мог бы подучиться как следует пользоваться великим и могучим русским языком.

На этот раз она изливала горячую благодарность в адрес Карла Августовича, причем цензурными в ее речи оставались только союзы и междометия.

— Да за что ты его так? — уловив паузу, вставил наконец-то свою реплику я. — В конце концов, нам самим это выгодно. Чем быстрее вопрос разрешится, тем лучше.

— Суббота, жара, Москва, — Стелла шмыгнула точеным носиком. — Пыль, чад, смрад. Я сижу в машине и еду на встречу со старым хрычом, которому с удовольствием бы глотку перерезала. А ведь должна была сейчас плескаться в большом и прохладном

бассейне, а после лежать голенькой на удобнейшей «оттоманке», как роковая красавица времен декаданса, и пить ледяную «Жемчужину Айяла»! Хотя кому я это говорю... Ты даже понятия не имеешь, о чем я речь веду.

— Да где уж нам уж, — вытер я нос рукавом, а после рыгнул. — Мы все больше по портвяшку или «бормотухе» прохаживаемся, дорогая шипучка нам не по карману.

Забавно, но как раз с шампанским «Cuvée Perle d'Ayala» я был, если можно так сказать, на дружеской ноге. На мамино сорокалетие, которое, вопреки просьбам изменницы, праздновалось настолько широко и многолюдно, что его даже пришлось перенести в загородный дом, отец заказал сразу изрядное количество данного напитка, причем урожая какого-то хорошего года, то ли 2000, то ли 2002. Под шумок мы с Юлькой тогда утащили пару бутылок, распили их в одной из комнат, после чего, порядком захмелев, предались сомнительным утехам, за которыми нас и застали наши мамы, по нелепой случайности заглянувшие именно в это помещение. Все было почти как у Гоголя, в смысле немая сцена. «Почти» — это потому что Юлька следом за этим заорала:

— Зачем в меня?

Зачем, зачем... Так получилось. Нечего кое-кому врывать в комнату в настолько ответственный момент. Впрочем, ее мать, женщина с очень недурственным чувством юмора, тут же сообщила моей родительнице:

— Знаешь, Марина, это хорошо, что ты родилась в мае. Если все будет удачно, летом сыграем их свадьбу. К августу живота еще видно не будет, и в медовый месяц на таком сроке они слетают без особых проблем.

— Ну да, ну да, — задумчиво согласилась с ней мама, как-то по-новому, оценивающе глянув на испуганно захлопавшую глазами Юльку.

Обошлось. И живота не было, и медового месяца, и всего остального. А после моя особа в ее семье перешла в персоны «нон грата». И слава богу.

Зато вкус и внешний вид бутылок с шампанским «Cuvée Perle d'Ayala» я запомнил навсегда.

— Опять удивил ты меня, мальчик. — Стелла лихо вписалась в поворот, свернув на улицу Сивцев Вражек. — Хотя да, ты же из хорошей семьи, я и забыла.

— Ты и не знала, — хмыкнул я. — Мы с тобой на эту тему не говорили ни разу.

Ой, вот как они все любят рыться в моем прошлом. И ведь до чего-то докапываются!

— Не дуй губы, мой хороший, — попросила ведьма, заруливая на стоянку, расположенную около банка, указанного в эсэмэске. — Я же должна знать, с кем провожу время, верно?

Антиквар ждал нас внутри здания, он с комфортом расположился в прохладной переговорке, с видимым удовольствием пил воду из запотевшего стакана и о чем-то беседовал с мужчиной, внешний вид которого наводил на мысли о том, что не всех представителей аристократии во время революции народные массы к стенке прислонили.

— Вода холодная? — вместо приветствия жалобно протянула Стелла и трогательно захлопала ресницами. — Да?

— Приятная, — задушевно сообщил ей Шлюндт и сделал хороший глоток. — И весьма!

— Волконский, Дмитрий Борисович, — представился нам его собеседник, встав с кресла. — Председатель правления данного банка. Подождите минутку, я и вам принесу минералки. У секретариата выходной, так что все самому приходится делать.

— И побольше! — оживилась ведьма. — В горле жутко пересохло! Мужчина вышел, а Стелла немедленно взялась за антиквара.

— Карл Августович, ну вот зачем устраивать встречу именно сегодня? Есть же будние дни! Понедельник, например!

— На понедельник у меня другие планы, — кротко сообщил ей старичок. — Большие. Я бы даже не побоялся слов «далеко идущие». Еще вернее — далеко едущие. Что же до вас, очаровательная Стелла Аркадьевна, так я сразу предложил Валерию вас сюда не приглашать. Очень жаль, что он меня не послушал.

— Потому что Валера знает, с какой стороны на бутерброде масло, — топнула ножкой, обутой в туфельку на низком каблуке, Воронецкая. — Он у меня молодец!

— Не льсти себе, — посоветовал я ведьме, плюхаясь в одно из кресел. — Я у себя молодец, ты тут не при делах.

— Мужчина, — Стелла пристроилась рядом со мной и закинула руку мне на шею. — Своя точка зрения есть, упорства не занимать, в сортах шампанского разбирается и скоро разбогатеет. Женить тебя на себе, что ли?

— Не советую, Валерий, — снова отхлебнул воды антиквар. — Она вас раньше или позже непременно прикончит. Может, отравит, может, с ума сведет. Вариантов масса, финал один. Ведьмы неисправимы, причем даже тогда, когда на самом деле влюбляются. Эгоцентризм, круто замешанный на невероятной властности и приправленный тайными знаниями, — страшное сочетание.

— Сказала бы, что врите, но это чистая правда, — Стелла чмокнула меня в щеку. — Но если страсть вспыхнет, то слова ей не помеха.

— Вот. — Волконский вошел в переговорку, держа в руках несколько бутылок «Нарзана», следом за ним появилась девушка-операционистка, в руках у которой имелся поднос, на котором стояли пустые стаканы и вазочка с конфетами. — На здоровье. Карл Августович, в депозитарий пойдём сейчас или вы ещё немного пообщаетесь с вашими партнерами?

— Дайте нам десять минут, Дмитрий Борисович, — попросил антиквар.

— Разумеется, — кивнув, председатель правления одарил нас улыбкой и покинул помещение, за ним ушла и девушка.

Стелла стаканом пользоваться не подумала, она свернула пробку у бутылки и припала губами к ее горлышку.

Есть в этой непосредственности и простоте что-то завораживающее. Не знаю, что именно, но цепляет.

— А теперь к делу, — Воронежская вытерла моментально выступившие капельки пота со лба и уставилась на антиквара. — Мы здесь зачем?

— Вы — не знаю, — поставил стакан на стол Карл Августович. — А мы с Валерием сейчас пойдём и прогуляемся в депозитарий, посмотрим там на то, что выступит его призом за оказанную мне услугу.

— Нет-нет, милейший Карл Августович, — лицо ведьмы стало просто-таки кукольным, а голосок зазвенел как колокольчик. — Мы с

Валерием — и вы. Втроем. И спорить не стоит, решение уже принято.

— Кем? — поинтересовался у нее я.

— Что «кем»? — озадачилась Стелла.

— Решение принято кем? Лично я ничего такого не озвучивал.

Антиквар одобрительно улыбнулся, Стелла глубоко вздохнула.

— Только не начинай сейчас говорить банальности, — попросила она меня. — Ну, все эти «здесь я буду решать», «последнее слово мое, потому что я мужчина». Я все это знаю, все слышала.

— И не собирался, — заверил ее я. — Лучше один раз сделать, чем сто сказать, именно поэтому ты останешься здесь. Посиди, водички попей, на меня позлись, а я пойду и погляжу, что это там такое в депозитарии спрятано. И не волнуйся, дорогая, я все тебе расскажу. В деталях! Даже сфоткаю, если господин Шлюндт разрешит мне это сделать.

— Для милого дружка — хоть сережку из ушка, — отозвался антиквар. — Мне для Стеллы Аркадьевны ничего не жалко.

— Валера-Валера, — вздохнула ведьма. — Играет у тебя детство в одном месте до сих пор, и выйдет это тебе боком. Ладно, будь по-твоему. Я неправа. Извини, переборщила. Ты вожак стаи, ты сокрушитель и повелитель, а я глупая баба. Теперь доволен?

— Стелла, ты не поняла, — я погладил ее по голове. — Дело не в обидах, мести или желании поставить тебя на место. Тут совсем... Хотя вру. Дело как раз в последнем пункте. В данный момент твое место здесь, прими это как данность. Пойдемте, Карл Августович. Чего зря время терять?

— А пойдем, — легко встал из кресла старик. — Предметы ждут тебя, Хранитель кладов.

Глава двенадцатая

Не соврал антиквар, меня ждали. Я понял это еще до того, как Карл Августович открыл большой железный ящик, извлеченный им из безликой стены с массой разнокалиберных дверец с прорезями для ключей.

— Хранитель, — прошелестел в ушах бесплотный голос, к которому практически сразу же присоединились два других. — Хранитель, мы здесь. Отпусти нас! Нам здесь не место! Нам рано видеть солнечный свет! Время еще не пришло.

Не знаю, где эти бедолаги здесь свет узрели, но мне стало их жалко, больно уж они печально тянули свои песни на три голоса. Хотя ради правды следует признать, что все сокровища, которые я до сегодняшнего дня встретил, достаточно однообразны в своих высказываниях. Ну кроме лошадиного черепа. Правда, и он в итоге свел свою просьбу к тому же самому.

Крышка ящика лязгнула, и я увидел те три предмета, которые мне сначала снились, а теперь и вовсе обратились ко мне напрямую.

Наяву кольцо, браслет и обруч оказались не такими красивыми, как во сне. Металл был тускловат и больше напоминал начищенную медь, чем золото, бока кольца были изрыты вмятинами и украшены царапинами, обруч и вовсе более всего напоминал перекрученную толстую проволоку. Если бы я их не слышал, то подумал бы, что Карл Августович впаривает мне подделки.

Но ошибки быть не могло — это именно то, что я искал, поскольку три голоса теперь звучали в моей голове так громко, что это становилось откровенно дискомфортным. Причем теперь они еще и гендерность обрели. Два из них были женскими, а один — мужской. Интересно, он принадлежал браслету или обручу?

— Хранитель! — зывали ко мне они. — Вот же мы, вот! Возьми нас в руки, сделай то, что должно!

И да, я сам более всего хотел прикоснуться к каждому из них, это желание было сильнее меня, оно стало всеобъемлющим. Для меня в мире сейчас существовали только я сам и три этих реликвии, которые протянули ко мне незримые руки сквозь века. Усталые, изможденные мраком, в котором они провели тысячи лет, и против своей воли

возвращенные в этот суетный мир. Причем очень напуганные тем, что их сила может быть обращена во зло. А сила в этих предметах имелась, и немалая, ее я тоже ощущал почти физически. Я не знаю, что она собой представляет и как ей можно пользоваться, но она есть — не злая, не добрая, скорее нейтральная. И от сути того, кто ее зачерпнет, зависит, к чему ее применят.

Теперь я понял, что имел в виду Полоз, отчего он был недоволен тем, что некоторые предметы вернулись в большой мир. Не место им тут, среди людей. И вчерашние слова сотрудника полиции тоже припомнил. А он был прав. Ох как прав!

Кольцо. Именно с него следует начать, оно главное в этой троице!

Я протянул руку к невзрачному украшению, но дотронуться до него не успел, поскольку ее неожиданно крепко перехватил Карл Августович.

— Нет-нет-нет, Валерий, — еле расслышал я его слова, пробившиеся к моему сознанию сквозь неумолчный вой клада. — Сначала выполните свою часть договора! И вообще, пойдём-ка мы отсюда!

Крышка ящика захлопнулась, он отправился обратно в ячейку. Просьбы и мольбы сразу стали куда тише, а после и вовсе смолкли.

— Уф-ф-ф, — вытер я выступивший на лбу пот, когда мы поднимались вверх по лестнице, следуя обратно в переговорку. — Как они орали!

— Потому я и не дал вам к ним прикоснуться, — очень серьезно пояснил мне антиквар. — Подобные вещи обладают собственной силой, кто знает, чем бы это могло закончиться?

Он почти слово в слово повторил то, что мне вчера Михеев говорил, еще раз доказав его правоту. Да я и сам данную истину уже осознал. Хотя, как мне думается, не только в этом дело, юлит антиквар, есть тут что-то еще. Что именно — понятия не имею, но спинным мозгом данный факт чую.

— Валерий, вам надо многому научиться, — остановился Карл Августович и повернулся ко мне. — Иначе происходящее может обернуться для вас не лучшим образом. Это вы должны повелевать вещами, а не вещи вами. Да, вы их Хранитель, но это не значит, что они ваши хозяева.

— Пока я до них не дотронусь, все равно ничего понятно не будет, — возразил я ему. — Трудно побороть себя и заглянуть в глаза чудовищ, когда смотришь на них по телевизору.

— Может, вы и правы, — скривил губы антиквар, обозначив улыбку. — Но, уж простите, пока это невозможно. Кто знает, что случится с предметами после вашего прикосновения? Вдруг они исчезнут? Не в том смысле, что вы их украдете, нет-нет. Просто иногда старые вещи выкидывают такие фортеля, что только диву даваться можно.

— Все равно обидно, — демонстративно поджал губы я. — То есть вы полагали, что после данных событий я не сдержу свое слово?

— Слово, мой друг, всегда останется только словом. Даже тысяча их не сможет служить эквивалентом не то что тысячи рублей, но и всего одного серьезного поступка. Я вам верю, но... У меня есть правила, которым я всегда следую. Одно из них — никогда не платить вперед.

— Потому что уже оказанная услуга ничего не стоит, — на автомате пробормотал я.

— Именно, — подтвердил антиквар. — Нет, положительно у нас с вами очень много общего, данный факт не вызывает никакого сомнения. Я сразу это понял, как только вас увидел.

Нет, славный старикан, у тебя не со мной много общего, а с родителем моим. Я же всегда стараюсь держать свое слово, даже в тех случаях, когда смысла в этом уже немного. Впрочем...

— Полностью с вами согласен, — максимально дружелюбно произнес я. — Есть что-то такое, на ментальном уровне. Да и в остальном ваша правда, надо учиться как-то со всем этим жить. Если всякий раз у меня каждая монета вот эдак станет в голове орать, то я очень скоро с ума сойду.

— Монета не станет, — мягко произнес Карл Августович и потрепал меня по плечу. — И даже слиток золота не будет. Но сущности, подобные этим, — они могут сильно испортить вам жизнь, мой юный друг. Насколько я понял, эти три вещички — только начало большого пути, не так ли? И кто знает, что поджидает вас после? Перстень Святополка Окаянного, тот, что ему подарил волхв Вязимир, сознательно обрекая своего князя на смерть? Табакерка Павла Первого, которой в одну лихую ночь его приласкали в висок? Или же,

не дай боги, серьги бедняжки Рогнеды, те самые, что бросил ей в качестве отдарка Владимир, сразу после того как познал впервые? Ох, до чего это страшная вещь, я с ней как-то сталкивался, она напоена злом и гневом до предела. Ну, оно и не странно, если вспомнить судьбу Рогнеды. Вы, как выпускник...

— Разумеется, помню, — кивнул я. — Владимир ее изнасиловал, причем делалось это чуть ли не на телах ее мертвых отца и братьев.

— Боль, гнев, страх, — Карл Августович отгибал пальцы, подсчитывая эмоции, которые испытала давно умершая девушка. — И кровь девства! Против воли пущенная кровь! Это сейчас ей придают малое значение, как, собственно, и наличию гимена в целом, но тогда... Девство жертвовалось богам и почиталось последними как один из величайших даров, на который была способна дщерица человеческая. И вознаграждалось сторицей, если его забирал именно Перун, а не мужнин уд. А какие заклятия вокруг этой крови плелись и на ней основывались! А тут — силком, да еще среди смерти и боли. И в довершение — серьги, брошенные в лицо, точно какой-то византийской шлюхе в расплату за мимолетное развлечение. Представь себе, сколько всего они в себя впитали! И, самое главное, на что способны, особенно протомившись много лет в земных глубинах, вдали от крови и ярости людской!

А картину-то он нарисовал куда как невеселую. И, что самое главное, вполне себе объективную. Не верить антиквару смысла не было, я уже сообразил, что все совсем непросто. И вот такие серьги на самом деле могут создать мне неприятности. Кстати...

— Карл Августович, — я глянул на антиквара, — а что может случиться? Ну вот если вещь окажется сильнее меня?

— Что угодно, — передернул плечами тот. — Но самое скверное — если она станет тобой. Не навсегда, разумеется, душа вещи никогда не сможет выселить из тела людскую душу, но на какой-то срок поработить сознание и волю способна. И на этот срок сущность, до того заключенная в предмете, станет над телом хозяйкой. Полной хозяйкой. Потому возможен вариант, что в себя ты уже и не придешь.

— Стоп, — я потер рукой лоб. — Вы же сказали, что она не может... А-а-а-а!

— Да-да, — Карл Августович добродушно улыбнулся. — Именно. Время у нее ограничено, но завести тебя на крышу, а после сигануть с

нее вниз запросто можно успеть. Или лечь на рельсы. Или пойти и убить кучу народа.

— Твою-то мать! — выдохнул я.

Все, мой мир никогда больше не станет прежним.

— Не люблю это выражение, — поморщился антиквар. — Мама — она одна, о ней так нельзя говорить. Валерий, попрошу вас...

— Больше не буду, — пообещал я. — Просто на эмоциях.

— Но сильно переживать не следует, — Шлюндт выглядел очень довольным. — Подобных предметов всегда было немного, а сейчас стало куда меньше, чем раньше. Время безжалостно, и люди не сильно добрее его. Что-то расплавлено, что-то скрыто под речным песком и запечатано текучей водой, что-то лежит под семью замками в таких местах, куда даже муха не залетит. Да и ты не похож на того, кто сдастся без боя кому бы то ни было. У тебя есть характер, Валерий. И воля к жизни имеется, подобная той, которой обладали люди прошлого, те, что шли к горизонту для того, чтобы посмотреть, где заканчивается Земля. С такой волей ни один предмет тебе не страшен, у него не будет шанса поработить твой разум.

Напугать, успокоить, подольстить. Не скажу, что сильно оригинальная и новая схема, но работает же! Я ведь в какой-то момент задумался о том, что сейчас лучше было бы держаться поближе именно к этому старичку, чем к кому-либо другому. Он много видел, много знает и, случись чего, сможет помочь. Не безвозмездно, разумеется, но тем не менее.

Самое паршивое, что не все тут выдуманно. Антиквар сгустил туман, это так, но над правдой, а не над придумками.

Но вообще вот так, потихоньку, помаленьку, и приручают людей. До такой степени приручают, что они после с ладони у благодетеля едят, даже не осознавая до конца, кем стали. Они видят мир глазами своего нового хозяина и не верят окружающим, когда те пытаются прийти на помощь. За врагов их могут счесть. Не силой берут их души в плен, не страхом, не деньгами даже. Добром и сочувствием хомутают, представляя не хозяином, а лучшим другом, пусть даже и стоящим на ступеньку — другую выше.

Я такое несколько раз видел, страшное дело. Кто за благодетеля в тюрьму сел, кто здоровье потерял, а один так и вовсе на смерть пошел.

Идиоты. Я одному пробовал помочь, в результате был назван «завистником» и благословлен ударом в челюсть слева. С тех пор у меня и появилось правило не лезть в чужие дела и чужие души.

И не верить тем, кто с готовностью приходит на помощь к малознакомым, а то и вовсе незнакомым людям. Я не о бабушках, которых переводят через дорогу, или чем-то таком. Я о тех людях, которые демонстрируют слишком редкие в наше время сострадание и добросердечие. Нет, встречаются те, кто на самом деле таковы, но это скорее исключения из правил.

— Но, если что, вы же мне поможете? — как можно озадаченной пробормотал я и исподлобья глянул на антиквара. — Или нет?

— Если ты помнишь нашу первую беседу, то я сразу сообщил, что буду рад удружить новому Хранителю кладов во всем, — немного чопорно заявил Карл Августович. — И да, ты можешь располагать мной. В разумных пределах, разумеется.

Прямо отец родной. И даже про взаимообразность не упомянул, хотя в данном случае это было бы не лишним.

— Спасибо. — Я протянул ему руку. — И пойдете уже, а то там Стелла, скорее всего, извелась уже от любопытства.

— Скорее от злобы, — заметил антиквар, пожимая мою конечность. — Не сочти меня злословом или интриганом, но дружба с ведьмой никогда никого до добра не доводила. Знаю, что звучит подобное банально, но это есть факт.

Прямо по-немецки так получилось. «Это есть факт». Произносится с чеканно-стальным акцентом, холодным взором голубых арийских глаз и поправлением козырька фуражки цвета фельдграу. «Дольчен зольдатен, ундер официрен»... Кхм... Занесло меня.

— У нас связь, — потупился я. — Ну вы понимаете... Она просто настолько не похожа на всех тех женщин, которых я до последнего времени... Стелла как фейерверк!

— Скорее как пламя, в котором ты, мой бедный друг, в итоге сгоришь, — невесело проговорил антиквар. — Ладно, время покажет, что тут к чему.

Воронецкая и в самом деле была взбудоражена.

— Видел? — сразу вцепилась она в меня.

— И даже слышал, — погладил я ее по щеке, а после заправил за ушко идеальной формы прядку волос. — Ох, они и орут!

Ведьма, как мне показалось, на секунду опешила, явно не ожидая от меня чего-то эдакого, но почти сразу же приняла условия игры и накрыла мою ладонь своей.

— Значит, это то, что нужно? — проворковала она, прижимаясь ко мне всем своим горячим телом, да так, что я каждый его рельефный изгиб ощутил. — Значит, не врет нам господин Шлюндт?

— Ни капельки, — глубоко вздохнул я, зарываясь носом в ее волосы. — И теперь осталось только узнать, что именно он хочет получить за закрытые в депозитарии предметы.

— Очень трогательная сцена, — несколько раз хлопнул в ладоши антиквар. — Я растроган. А самое главное — невероятно верная последняя фраза. Товар лицом показан, переходим к деловым переговорам.

— Насколько я помню, мне надо отыскать для вас некое сокровище, — я плюхнулся в кресло, прихватив со стола открытую бутылку минералки. — Если ничего не изменилось, то я готов.

— Подожди, — довольно сильно стегнула меня ладонью по плечу Стелла. — Есть более актуальный вопрос. Карл Августович, я ни в коем разе не хочу подвергать сомнению вашу репутацию, но хотелось бы понять, где будет храниться ключ от ячейки, в которой заперта уже потенциально наша добыча. Вернее, у кого.

— Вполне резонный вопрос, — одобрительно глянул на нее антиквар. — А у вас, Стелла Аркадьевна. Ловите.

И он перебросил маленький ключик с прикрепленной к нему овальной биркой ведьме.

— Неожиданно, — опешила та, вертя в руках предмет. — И в чем фокус?

— В дополнительном соглашении, — ответил ей Карл Августович. — По нему с настоящего момента никто из нас поодиночке доступа к ячейке не имеет. И открыта она будет только тогда, когда мы оба, то есть я и Валерий, изъявим на то свое желание, причем очное. Как по мне, вполне надежная гарантия, которую сейчас сотрудники банка и оформят. Валерий, ты же захватил паспорт? Вот и славно. Так что все, дражайшая Стелла, складывается наилучшим образом, не допускающим никаких фокусов. Ключ у вас, доступ к ячейке ограничен, все довольны.

Стелла по своему обыкновению наморщила было высокий лобик, но тем не менее признала, что такой вариант ее, пожалуй, устраивает. Но она все равно хотела бы прочитать документ до того, как я его подпишу.

Ее пожелание было выполнено, придаться оказалось не к чему, и вскоре и у меня, и у антиквара оказалось в руках по собственному экземпляру данного соглашения.

— А теперь о моем деле, — Карл Августович глянул на ведьму. — Прекраснейшая и очаровательнейшая mademoiselle Стелла, в этой связи вас я более не задерживаю.

— Я никуда не тороплюсь, — девушка закинула ногу на ногу. — Потому с удовольствием посижу еще с вами. Тут прохладно, есть холодненькая минералка, и вообще, очень и очень приятный банк. И руководство тут такое обходительное. Не знаете, у них есть отделения на севере Москвы?

— Нет, не знаю. Уточните у Дмитрия Борисовича, полагаю, он будет рад видеть вас в качестве клиента, — в голосе антиквара появился некий неприятный холодок. — Что же до остального — дальнейшая беседа будет происходить уже без вашего участия. Вам... Вернее, Валерию, была обещана доля в данном предприятии — он ее получит, после чего разделит ее с вами, если сам того пожелает. Признаться, я не знаю, какое право вы вообще можете предъявить на то, к чему вовсе никакого отношения не имеете, но в ваши внутренние дела я лезть не собираюсь. Но лично мне ваше присутствие и здесь, сейчас, и после, когда мы отправимся туда, куда следует, совершенно ни к чему. И еще — это не уговоры. Это констатация факта.

Стелла молча уставилась на меня, как видно, ожидая, что я вмешаюсь в беседу и поставлю Карла Августовича на место, но нет, не дождалась. Да, еще вчера у меня на этот счет имелись другие соображения, но, когда появляются новые вводные, надо принимать их во внимание. Если этого не делать, то ты неминуемо проиграешь. И сейчас было разумнее всего вывести ведьму на время из игры. Для ее же, кстати, блага. Конфронтация между этими двумя нарастает, и там, на природе, количество может перейти в качество, что ничем хорошим для Воронежской не закончится. Сдается мне, слабовата она в коленках против этого старичка. Да и вряд ли он один туда отправится. Наверняка с собой пару-тройку крепких ребят прихватит, которые и

стену разломают, и полы вскроют, и особо говорливую ведьму под травяное одеяльце определят.

При этом мне как раз бояться совершенно нечего. И так ясно, что Шлюндт до поры до времени волоску с моей головы упасть не даст, и это отлично подтверждают как разговор на лестнице, так и его последняя фраза. Он снова пошел простым, но при этом самым верным путем, надавив на самое паскудное из человеческих чувств. Он решил подключить к делу живущую в каждом человеке жадность. Ведь по здравому размышлению антиквар прав — какие претензии Стелла может заявить на мою долю предполагаемого барыша? Да никаких. Наводку на клад дает Шлюндт, нахожу его я, а она, получается, просто свои лапки погреет, ничего для этого не сделав. Причем это предельно ясно уже здесь и сейчас, а что проснется в душе тогда, когда руки ощутят тяжесть золота, когда адреналин вместо крови по венам потечет? Вот оно, сокровище, ты его добыл, а теперь его часть надо кому-то отдать исключительно за красивые глаза.

И вот тогда антиквар снова начнет исподволь говорить другие умные и верные слова, так сказать, удобрять сегодняшний посев, и они продолжат потихоньку отравлять мою душу, увеличивая брешь между мной и Стеллой, что и является его конечной целью. Все просто, а потому действительно.

А почему? Да потому что я для него ресурс, который надо разрабатывать. Ну и зачем же меня в землю закапывать после первого совместного дела? Это нерационально.

И пусть его. Поглядим, что из этого в результате получится.

Ну и потом — Стелла все равно узнает, что там случится, в деталях и подробностях. Не от меня, разумеется, а от своего ворона. Наверняка ведь его по нашему следу пустит, можно даже не сомневаться.

Кстати, как бы он ее вовсе не прибил, с него станется, знаю я таких тщедушных старикашек, они на все способны. Чужими руками, разумеется. Не могу сказать, что ведьма мне прямо вот сильно дорога, но мне без нее с задачкой, подоброщенной Великим Полозом, не справиться. Слишком уж много в новом мире белых пятен. Потому надо поразмыслить, как и волка накормить, и овечку сберечь. Так себе аналогия, потому как оба они зубасты до крайности, но другой подходящей поговорки я не знаю.

— Карл Августович прав, — положил я свою ладонь ведьме на колено, отчего та непроизвольно дернулась. — Это не мой секрет, а его, потому только ему решать, кто в деле, а кто нет. Мне без тебя будет плохо и грустно, но, полагаю, мы ведь за добром не в Китай поедем?

— Конечно же, нет, — подтвердил антиквар. — Быстро управимся, смею вас заверить. И, разумеется, без всякого риска, так что переживать за своего сердечного друга, милейшая Стелла Аркадьевна, вам совершенно никакого резона нет. Правовые вопросы, связанные с нашим предприятием, я тоже беру на себя, по этому поводу можете даже не беспокоиться.

— Тогда всего доброго, — ведьма резко поднялась на ноги, поправила волосы и вышла из переговоров.

— Крайне импульсивная особа, — заметил антиквар, глядя на захлопнувшуюся дверь. — Хотя все ведьмы таковы. Чуть что не по их нраву — сразу война, грохот, шум, нож в спину, слепоту в глаза, седину в волосы... Иногда мне кажется, что вздорность характера является частью оплаты за ту силу, что они получают.

— Зато не скучно, — возразил ему я. — В этом есть своя прелесть, никогда не знаешь, что от нее ожидать.

— Ладно, к делу, — потер сухонькие ладошки Карл Августович. — Итак, мой друг, намеченное дельце мы провернем уже завтра. Что ты так удивился? Да-да, прямо завтра. Нет у меня привычки откладывать намеченное в долгий ящик. Годы, знаешь ли, уже не те, каждый день может оказаться последним, а потому я хочу успеть сделать как можно больше.

Похоже, он окончательно перешел со мной на «ты». То ли это свидетельствует о возросшем доверии, то ли так у него и было запланировано с самого начала. В любом случае это хороший знак.

— Я бы и сегодня съездил, но воскресенье для этого не лучший день, — продолжал вещать антиквар. — Видишь ли, искомое спрятано в одном загородном доме, если точнее, в старой усадьбе представителей старинного дворянского рода, ныне пустующей и заброшенной. Она умудрилась как-то пережить треволнения двадцатого века, хотя, разумеется, порядком обветшала и была частично перестроена. До девяностых годов ее использовали как летнюю дачу для одного ведомственного детского сада, потому худо-

бедно поддерживали в порядке. Но ни при ремонтах, ни при остальных работах спрятанное добро найдено не было, иначе бы я про это знал. Значит, оно все еще там.

— Не вижу связи между воскресным днем и старостью усадьбы, — уточнил я.

— А она есть, и самая прямая, — рассмеялся Карл Августович. — Рядом с ней находится несколько дачных поселков, и отдыхающие любят туда наведываться с прогулочными целями. Побродить по красивому, пусть и заросшему, саду, полакомиться малиной и вишней, там же великолепный сад произрастает. Фотоснимок на фоне бывшего дворянского гнезда сделать для этого, как его...

— «Инстаграма», — подсказал я.

— Вот-вот, — покивал старик. — Ну а ближе к ночи и еще кое за чем, благо укромных уголков в саду хватает. Тоже ведь какая-никакая, а романтика.

— А на чьем балансе дом сейчас стоит? — уточнил я. — Может, придется стены долбить или полы вскрывать. Не хотелось бы неприятностей, все же незаконное проникновение получается. Одно дело в саду покувыркаться, другое дело — вред имуществу нанести. Мне проблемы с полицией не нужны.

— Насколько мне известно, они у тебя уже были, и пресерьезные, — тонко улыбнулся антиквар. — И ты все же смог выйти сухим из воды. А здесь и вовсе бояться нечего, владелец усадьбы точно не будет иметь к тебе претензий.

— Потому что владелец — это вы, — хлопнул в ладоши я, сделав вид, что пропустил его реплику насчет моего прошлого мимо ушей.

— Именно, — с довольным видом хихикнул Шлюндт. — Прикупил в середине девяностых, тогда это было просто. И очень дешево. Сумма взятки за оформление отчуждения имущества оказалась больше, чем его стоимость. Кстати, хочешь — в случае удачного завершения дела я потом тебе эту усадьбу подарю, она мне все равно не нужна. Ну, или отдам в счет твоей доли. Поселишься там вместе со Стеллой Аркадьевной, детишек нарожаете, я к тебе в гости буду приезжать, с ними тетешкаться. Детишки, когда они маленькие, очень забавные, стану для них дядюшкой Карлом. И леса там вокруг хорошие, для Хранителя кладов очень подходящие. В них много добра спрятано, уж поверь мне. Тебе найдется чем заняться.

— Подумаю, — улыбнулся я. — Усадьба — дело хорошее, особенно если с вишневым садом. И отчество у моей Стеллы к ней отлично подходит. Во сколько и где встречаемся?

— Я заеду за тобой, — уже без тени шуточки деловито заявил антиквар. — В семь утра жди у своего подъезда. С собой особо ничего не бери, инвентарь и провизия — с меня.

На том мы и раскланялись. Он решил задержаться в банке, обсудить с господином Волконским какие-то свои дела, я же вышел на улицу в жаркое городское марево.

Нет-нет, никаких сомнений вроде «а вот он как сейчас с банковским начальником сговорится, как предметы из ячейки вынет» у меня даже не возникло. Оно ему зачем? Ну да, продаст он их выгодно, но только один раз, а я после этого с ним точно работать не стану. Так что можно не переживать. Вот когда я свой ресурс выработаю, тогда он обязательно меня попробует кинуть. Если получится, разумеется.

Машины Стеллы, естественно, уже и в помине не было. Обиделась ведьма, умчалась на своей метле марки «Бугатти» в загородный рай пить дорогое шампанское и проказничать с мускулистыми красавцами-эскортниками. Ну и леший с ней, невелика потеря, пусть развлекается, а я поеду домой, предварительно закупившись квасом, и буду смотреть телевизор. Что еще в такую жару делать?

Разбудил меня дверной звонок. Кто-то зажал его кнопку пальцем и не собирался ее отпускать. Я зевнул и глянул в окно, где багровым пламенем полыхал закат. Надо же, сколько продрых. И, главное, сам не помню, как заснул. Вроде лежал, смотрел программу про рыбалку на Камчатке, легонько завидовал этим мужичкам в натянутых до чресел сапогах, которые то и дело вытаскивали из меленькой речушки здоровенных кижучей, — и на тебе, уже смеркается.

Да еще и гости какие-то пожаловали, причем невероятно настырные. В другой раз я бы предположил, что это моя старая приятельница Юлька, но ей взяться неоткуда.

— Дверь-то собираешься открывать? — заставив меня подпрыгнуть на диване, в комнату заглянул Анисий Фомич. — Не пугайся, свои там. И, это... За конфеты спасибо. Я их уважаю, а без разрешения хозяина нам брать ничего нельзя. Вернее, можно, но не у каждого жильца. У тебя, например, нельзя.

— Это почему же? — заинтересовался я, рассудив, что звонящий в дверь может и подождать еще пару секунд.

— Ты из наших, — пояснил подъездный. — Теперь из наших. Стало быть, без твоего ведома я и крошку хлеба у тебя взять не могу, не по Покону это. И у Галинки из сороковой квартиры, например, тоже. Ведьма она, потомственная, старого рода, только сама о том не знает... И не узнает, скорее всего. Может, мать ее не захотела дочери такой судьбы, как у себя, может, просто не успела ей о том сказать. Она же детдомовская, поди знай, как оно там у них случилось.

Знаю я Галину из сороковой квартиры, красивая женщина средних лет, всегда спокойная, всегда доброжелательная. Никогда бы не подумал, что она ведьма. И мужа ее, Аркашу, знаю тоже. Дочка их, Олеся, в этом году в пятый класс перешла. Славная девчушка, воспитанная такая, всегда здороваётся, что в наше время большая редкость.

И на тебе — ведьмовская кровь.

— А вот... — обратился я к Анисию Фомичу, но тот потыкал пальцем в сторону двери и скрылся за шкафом, без труда ввинтившись в узкую, еле различимую щель между ним и стеной.

— Впечатляет, — в очередной раз признал я и направился в прихожую, зевая на ходу.

Глава тринадцатая

Поразительно, но, глянув в дверной «глазок», я увидел именно Юлию, которой, повторюсь, взяться здесь было неоткуда совершенно. И тем не менее это была она, привычно веселая, стройная, голубоглазая и с прической класса «дорогостоящий высокохудожественный беспорядок».

— Вот сейчас не понял, — вместо приветствия сообщил я ей, как только распахнул дверь. — Ты же сейчас должна на Бали манго есть и маракуйей его закусывать. Ну и литрами лакать свою любимую «Текилу санрайз».

— Текилой и в Москве можно залиться до самых бровей, — сообщила мне приятельница, вваливаясь в квартиру. — А на твой вопрос «почему», пусть даже заданный в такой странной форме, у меня только один ответ — достало все капец как. Маман опять задалась целью выдать меня замуж. Валерка, это больно! Это, блин, ад на земле! Знаешь, она там почти реалити-шоу устроила со смотром женихов и всем таким прочим. Причем я часть этих рож у отца на корпоративах раньше видела, они проходили под грифом «потенциально перспективные партнеры по бизнесу».

Это да. Если тетя Жанна чего решила — то умри все живое, включая родную дочь. И мне очень повезло, что я по ряду причин выпал из поля ее зрения.

— А ты чего так долго не открывал? — с подозрением спросила у меня Юлька, сдвинула свои брови-ниточки и уперла руки в бока. — Никак, не один? Может, я помешала? Может, мне уйти?

Ясно, уже накидалась. Неприятно признавать, но в последнее время это случается все чаще и чаще. И добром, подозреваю, не кончится, так что как бы не пришлось ее отцу оплачивать счета в одной из швейцарских клиник. Наши тут не подойдут, больно близко они к ее любимым барам расположены.

— Не пори чушь, — попросил я ее и подтолкнул в сторону кухни. — Иди, поставь чайник, пока я умываюсь.

— Чай? — фыркнула Юлька и качнула пакетом, который держала в руках. — Здесь лежит кое-что получше, чем жареная водичка. Как насчет «Макаллана»?

— Пас, — я пригладил растрепанные после сна волосы. — У меня завтра дел полно, сушняк и головная боль мне на фиг не нужны.

— Хорошо, — девушка лукаво прищурилась. — Не хочешь вискарика — не надо. В нашем магазине найдутся товары на любой вкус. Как насчет вот этого?

Она щелкнула замочком клатча и показала мне серебристый продолговатый футлярчик с винтовой крышечкой. Очень хорошо знакомый мне футлярчик, я такие видел в своей прошлой жизни, потому прекрасно знал, что в нем находится, и радости мне эти воспоминания не добавили.

— Ты охренела? — не особо сдерживаясь, рявкнул я, попытался выхватить блестящий предмет из рук Юльки, но не преуспел, поскольку та, хихикнув, увернулась. — Ладно бухло, хотя и оно тебе ни к чему. Но это? Ты не в курсе, чем все кончается? Рыжего забыла?

— Рыжий был дурак, — огрызнулась Юлька. — И потом, он «хмурым» заправлялся как машина — бензином, меры под конец вообще не знал, оттого и помер. А это так, под настроение, для пущего драйва.

Наш с ней одноклассник Сашка Рыженко от этой дряни сгорел как свеча, причем за какой-то год, совсем немного не дотянув до выпускного. И ведь хороший был парень, вот только связался не с теми людьми, с которыми следовало, и тормознуть его никто не успел. Отец вечно за границей находился по своим трубопрокатным делам, а тетя Таня, его мать, давно умерла. Что до мачехи, так пасынок ей вообще на фиг не сдался. Я думаю, что та только порадовалась произошедшему.

Юлька тем временем злобно на меня таращилась, от ее бывшего благодущия и следа не осталось. Не любила она вспоминать эту историю, которая в свое время крепко ударила по нам всем. И эмоционально, поскольку в юные головы до того мысли о смерти даже не забредали, да и в плане отношений с родителями. На следующий день после Сашкиных похорон весь наш немногочисленный класс загрузили в автобус и отвезли в «вагнеровскую» клинику, где мы полдня в баночки писали и литра по полтора крови оставили. Нас только что на атомы там не разобрали, пока не убедились в том, что мы все «чистые». А по-другому и быть не могло, нас подобные радости бытия никогда не привлекали, хотя Рыжий и пытался кое-кого подначить на эту тему.

А уж сколько потом психологи с нами работали — это вообще кошмар. Возникло ощущение, что каждая из мам своего личного душеведа к нам отправила. Одна радость — школы на тот момент оставалось всего-ничего, и через несколько месяцев мы все разбежались по разным институтам, академиям и университетам, после чего и Сашкина глупая смерть, да и школьные дни чудесные в целом перешли в разряд воспоминаний.

— Рыжий, чтобы ты знала, на «хмурого» не сразу подсел, — я довольно грубо прижал девушку к стене, а после схватил ее пальцами за подбородок и вздернул лицо вверх, так, чтобы глаза видеть. — Он тоже начинал с «кикера», который таскал вот в такой же кубышке. Только скоро эйфории ему стало мало, захотелось новых ощущений, которые он и получил в полной мере. Правда, ненадолго. Ты чего, овца, захотела рядом с ним полежать? Надоело по земле бегать?

— Да ты тоже из себя монашку не строй! — неприятно и каким-то очень незнакомым голосом взвизгнула Юлька, дернувшись. — У самого рыльце в пушку! Все знают, что вы с Сивым и Фомой в своем ВШЭ не только по вискарю прохаживались. Или вы тогда только бухие были? Ну, когда... Ты понял!

— Не знаю, как тебе, но лично мне все понятно еще на Останкинском кладбище стало, когда Рыженко-старший весь черный стоял и чуть в могилу за гробом не сиганул, — я тряхнул Юльку, крепко приложив ее спиной о стенку. — Что до остального — мы с Сивым за то, что сделали, ответили по полной, и я с себя не снимаю. Но вот о наркоте даже не заикайся, потому что сама знаешь, что это не из нашей сказки.

А вообще странно. Тот клуб, где Сашка закупался наркотиками, закрыли на третий день после его смерти, а на девятый он сгорел дотла, причем в золе и пепле были обнаружены три тела, в которых следователи опознали известных в нашем районе «пушеров», один из которых нашего одноклассника и снабжал вот такими футлярчиками. Так откуда этот взялся? Хотя... Не такой уж это и эксклюзив, скорее всего. «Пушеры» ведь товар брали у кого-то рангом повыше, а до него руки дяди Игоря, похоже, просто не дотянулись. Тем более что сам после произошедшего развелся с женой и отбыл на ПМЖ в Дюссельдорф.

— Пусть так, — сопела Юлька, пытаясь вырваться из моих рук. — Пусть! А ты свою жизнь вообще просрал, идеалист хренов! Живешь теперь в этой дыре, работаешь в какой-то заднице мира, тебе теперь половина наших руки не подаст, побоятся от тебя «синдромом лузера» заразиться. Одна я, дура, с тобой вожусь зачем-то.

— Не припоминаю, чтобы о чем-то подобном тебя просил, — я отпустил девушку, после вырвал клатч из ее руки, достал оттуда футлярчик и пошел на кухню, на ходу откручивая колпачок. — Тем более что кое-кто, пусть и неофициально, не раз тебе советовал обходить меня стороной.

Ну да, есть такое. Формально отношение ко мне со стороны тети Жанны не изменилось, но не просто же так моя мама вдруг перестала с ней общаться? У нее, как у человека творческого, чувства всегда обострены, она любую фальшь за километр чувствует.

— А я бунтарка, — сбавив тон до состояния «приемлемо», сообщила мне в спину Юля. — Всегда все ей наперекор делаю. У тебя, дурака, научилась.

— Я не бунтарь, — вода из крана смывала со дна раковины бело-голубоватый порошок, превращая его в мутную жижу. — Не путай упрямство и самолюбие с идеологией протеста, это разные вещи. А ко мне ты время от времени таскаешься, потому что больше поговорить не с кем. Подруги твои все либо замужем, либо за границей, причем иногда это одно и то же, про любовников я вообще промолчу, вряд ли ты даже их имена запоминаешь. Вот и выходит, что больше тебе пойти не к кому.

— А психолог? — возмутилась Юлька, опускаясь на табуретку и печально вздыхая. — Он всегда выслушает, совет даст.

— Сильно они тебе помогают, эти советы? — я ополоснул дно футлярчика и показал его ей. — То-то погляжу!

— Да от скуки это все, — нервозный запал у девушки прошел, передо мной снова была моя старая приятельница. — На самом деле живу — как не живу, впору хоть по новой в институт поступать, второе высшее получать.

— Поработать пойти не пробовала? — осведомился я у нее, отправляя тару из-под кокаина в мусорное ведро. — Причем не к дяде Сереже, где тебе сразу кресло креативного директора предоставят, а в какую-нибудь затрапезную компанию, где никто понятия иметь не

будет, кто ты такая есть? Поверь, вся скука мигом из головы вылетит. А если еще поставишь себе задачей жить только на то, что зарабатываешь, так и вовсе.

— Я не настолько скучаю, — опасливо глянула на меня Юлька. — Это уже перебор.

— Тогда и не люби мне мозги, — попросил ее я. — Без желания что-то изменить всем этим твоим откровениям, прости, грош цена. Будь на моем месте кто-то, тебя не знающий, вовсе бы сказал: «Зажралась, зараза». И был бы прав, это именно так и выглядит. Но и «снег» — это не вариант, уж поверь. Да, сразу предупрежу: что я мог сделать, то уже сделал, но бороться за тебя не стану. У тебя своя башка на плечах есть, ты девочка совершеннолетняя и половозрелая. И еще, если от наркоты сгоришь, жалеть тебя не буду и на похороны из принципа не приду. А еще всем нашим расскажу, по какой причине ты отправилась в страну Вечной Охоты, чтобы и они данное мероприятие проигнорировали.

— Сволочь ты, Валерка, — печально подытожила моя давняя приятельница. — И всегда таким был, даже в детском саду. Пипиську во время тихого часа всем ты тогда показывал, а попало почему-то мне. В школе ты у меня списывал, а не я у тебя, но учителя были уверены в обратном. И вот сейчас, казалось бы, с чего мне тебе завидовать? Квартирка маленькая, зарплата курам на смех, питаешься невесть как, вместо ВШЭ закончил какой-то заборостроительный институт, а я завидую. Вот как так?

— Историко-архивный, — поправил ее я. — Не обижай мою альма-матер. Это, между прочим, очень достойное учебное заведение с богатым прошлым.

— Это единственное заведение, в которое тебя согласились перевести без потери года, — уточнила Юлька. — Причем благодаря моей тете, которая там ректор. Плюс оно было единственным, в котором тебя не стал бы щемить дядя Толя, и то только потому, что счел забавной запись, которая в итоге украсит диплом, мне про это мама рассказала. Так и сказал: «Там этому дураку и место. Так от него человечеству меньше вреда будет».

— Не «дураку» батя тогда сказал, — снова поправил ее я, нахмурившись. — Там другое слово фигурировало. И вообще, закрыли тему.

— Как меня обсуждать, так ты первый, — справедливо заметила Юлька. — А как тебя, так сразу «закрыли тему». Где справедливость, Швецов?

— В Гааге, — я поставил чайник на плиту. — И то весьма условная.

— Хороший город, между прочим. — Юлька зажмурилась и стала похожа на котенка. — Помнишь, как мы после десятого класса туда летали с твоей мамой? Она нас постоянно по музеям водила. Все этим восхищалась... Как его... С забавной фамилией...

— Мондриан, — подсказал я, понял, о ком она ведет речь. — Питер Мондриан.

— Точно, — наставила на меня указательный палец Юлька. — А еще мы там с тобой в первый раз...

— Вечер воспоминаний закрыт, — открыв дверь холодильника, приказал я. — Есть будешь?

Да все я помню. И то, как мы смылись из «Панорамы Месдаха», оставив там мою маму, которая не могла оторвать взор от высоченной картины, и пустой номер в «Дез Индез» с закрытыми шторами, и мое удивление, когда я понял, что Юлька, оказывается... Ладно, не суть. Было и было, чего вспоминать? Все изменилось, мы выросли, где теперь та раннелетняя Гаага с ее бесчисленными цветниками, фонтанами и каналами, где то ощущение безмятежного счастья? Все это ушло, растворилось, скрылось за поворотом и никогда не вернется, потому что подобное не повторяется дважды.

Впрочем, плотские радости бытия — не духовные, они-то как раз никуда не деваются. Правда, в этот раз и тут все вышло не так безоблачно, как обычно, потому что в какой-то момент Юлька, сидящая на мне и ритмичнодвигающаяся, заорала так, что аж уши заложило. Нет, это дело, конечно, житейское, и крики женщины во время занятий любовью для мужика что медаль на грудь, только вот крик крику рознь. Мало того, она еще и глаза ладонью закрыла, что свидетельствовало о немалой степени испуга. Я свою подругу знаю с детства, она всегда так реагирует на что-то страшное, такой у нее способ психологической защиты, так сказать, а-ля страус. «Я этого не вижу, значит, этого на самом деле нет». Глупость несусветная, но уж что выросло, то выросло.

Я, приподнявшись на локтях, повернул голову к окну и моментально понял, что так испугало мою подругу. Мне и самому стало сильно не по себе.

На балконе стоял высокий мужчина и смотрел на нас. Лицо его было в тени, но глаза... Они светились как два рубина, и этого для впечатлительной Юльки вполне хватило. Да и вообще от этой фигуры просто-таки веяло жутью.

Опять ко мне в гости вурдалак пожаловал, двух мнений быть не может.

Незванный гость заметил то, что я на него смотрю, и незамедлительно приблизил лицо к окну. Бледное, молодое, с модной щетинкой и вполне себе привлекательное. Мало того, он мне еще и улыбнулся, продемонстрировав два длинных клыка на верхней челюсти, а после подмигнул, как бы говоря: «Что, мужик, отдыхаешь?»

На этом наши переглядки закончились, поскольку после эта нежить по уже сложившейся традиции перемахнула через оградку балкона и канула в ночи.

Нет, с этим надо что-то делать. Один раз притащилась в мой дом такая погань — еще ладно, но если подобное будет происходить постоянно, то это никаких нервов не хватит.

А с другой стороны, что я могу с ними сделать, по крайней мере официально? Написать заявление в полицию? Дескать, одолевают кровососы, нарушают мое право на неприкосновенность жилища, спать не дают, любовницу пугают? С подобными заявлениями меня только в «желтый дом» отправят.

Может, Михееву позвонить? Он к подобному сообщению отнесется с пониманием и даже, возможно, поможет, вот только есть у меня ощущение, что после за свою помощь он с меня массу мелких услуг потребует, и не последней из них будет требование вовремя «барабанить» на ближних своих. На ту же Стеллу, например. Не скажу, что мне сильно жалко эту ведьму, тем более что она далеко не эталон праведности, но «стучать» я не приучен с детства. Так что не вариант ни разу. Да и вообще мне не очень хочется вот так сразу, после первой же неприятности, бежать и просить защиты у этого человека. Вурдалаки вурдалаками, а самолюбие самолюбием.

Но и терпеть подобное я не собираюсь, не хватало только. Просто надо немного подумать, и тогда хоть какие-то варианты решения данной проблемы отыщутся.

В конце-то концов, можно вообще с другого конца попробовать зайти. С противоположного. Но это потом, а сейчас надо вон Юльку успокаивать.

Она уже успела покинуть... Скажем так, то место, где находилась перед панической вспышкой, и теперь лежала на спине, все так же закрыв глаза ладонями.

— Вот, Певцова, к чему ведет употребление наркотических средств, — назидательно прошептал ей на ушко я. — Особенно если их мешать со спиртным. Кого увидела-то? Бармалея или же Бармаглота?

— У Кэрролла в каноническом тексте и черновиках не существовало детального описания Бармаглота, — пробормотала Юлька. — Валер, там был черный человек!

Ну насчет Кэрролла ей можно верить сразу, она, как-никак, филфак МГУ закончила. Оттуда же идет и этот «черный человек», похоже. Кто другой попроще бы выразился — «мужик какой-то» или что-то в этом роде. А тут вон, с отсылкой к Есенину реплика.

— Там был твой глюк, — я вздохнул и начал отдирать ладони от ее лица. — И дальше будет хуже, если не тормознешь. К тебе придут Элвис Пресли, Афанасий Никитин и Эдгар По!

— Лучше тогда уж Уайльд, — глаза девушки были полны слез. Он меня точно не изнасилует, его слабый пол не интересовал.

Шутит — уже неплохо. Значит, отпустило.

— Смех смехом, а это звоночек, — уже совершенно серьезно сказал я ей. — Когда такое мерещится, то это значит одно — беда уже на пороге. Хочешь в комнату с белыми и мягкими стенами? Не вопрос. Продолжай развлекать себя запретными удовольствиями, и ты там окажешься.

— Да пошел ты, — неожиданно зло глянула на меня Юлька. — Праведник хренов. Дурак!

Она залезла под одеяло, повернулась к стене лицом, а ко мне задом, и демонстративно засопела так, что любому бы стало ясно — устал человек. Спит он.

Ну и ладно. Я что мог, то сделал, а дальше пусть тетя Жанна разбирается, она мать, это ее священный долг. Мне и так есть чем заняться. Хотя, конечно, кое-кому про случившееся поведать надо непременно, пользы дела ради.

Именно поэтому, когда я забрался в не очень дорогой, но надежный внедорожник Карла Августовича, который ровно в указанное время подъехал к моему подъезду, то сразу же сообщил ему:

— А меня сегодня опять в ночи навестили гости. С этим надо что-то делать.

— Доброе утро, Валерий, — как всегда благожелательно произнес антиквар. — Для начала все же позволь тебе представить моих... э-э-э-э... помощников. За рулем Антон, рядом с ним — Виталий.

Надо же, я, уж не знаю почему, думал, что его телохранители окажутся плечистыми молодыми ребятами, в костюмах и в противосолнечных очках. С очками угадал, с остальным — нет. Антон и Виталий оказались мужичками средних лет, обычными и, я бы сказал, невзрачными, в пестрых гавайских рубашках и легких льняных штанах. У Виталия, который вольготно развалился на переднем сидении, еще и сланцы на ногах имелись. Как есть курортник.

— Очень приятно, — произнес я, после чего эта парочка синхронно повернулась ко мне и одарила кивками. — И да, доброе утро. Так меня эти ночные визиты замотали, что даже о правилах приличия забыл.

— Так кто тебя навестил? — уточнил Шлюндт. — Судя по взбудораженности, это были представители условно живого племени. Да, вот что еще — при Антоне и Виталии можно вести подобные разговоры, они в курсе наших дел. Не всех, разумеется, но многих.

— Да упырь опять появился, — я злобно засопел, изображая жуткое недовольство. — Стоял за окном, пялился на то, как я с одной знакомой... Ну это самое... Вуайерист хренов! Перепугал ее до судорог. Согласитесь, что в столь ответственный увидеть такую чувырлу за окном крайне неприятно. А он, гад такой, еще и скалился! Весело ему было. Подмигивал мне, сволочь, давай, мол, приятель, наяривай!

— Валерий, тебе шутовство не идет, — более всего Карл Августович сейчас напоминал доброго дедушку, отчитывающего за неподобающее поведение великовозрастного внука, причем

дополнительное сходство с данным персонажем ему добавляли старомодный светлый брючный костюм и соломенная шляпа-канотье, которую он положил на сидение рядом с собой. — К чему этот театр, к тому же посредственный?

— Ну не такой уж и посредственный, — немного обиделся я. — Между прочим, в институте мы «Гамлета» как-то ставили от нечего делать. Я непосредственно принца датского играл, овацию сорвал на показе.

— По всем законам жанра я сейчас должен был бы процитировать знаменитый монолог, но не стану, — антиквар чуть наклонился ко мне. — Хотя применительно к твоему ночному приключению он будет очень кстати. Я так думаю, что нынче тебя посетил или глава вурдалачьей семьи, или его советник.

— Советник? — заинтересовался я. — Это как у мафии? Ну, «консильери»?

— Что-то вроде того, — подтвердил старик. — Второе лицо в семье. Забавно, никогда не задумывался над схожестью этих двух социальных структур, а ведь она очевидна. Впрочем, ничего странного в этом нет, в Италии этой публики всегда хватало, особенно в центральных районах. На островах или в горных районах нет, там были сильны родственные кровные связи, что вело к большому риску при охоте на людей, но в Риме, особенно в Средневековье...

— А как же Валахия и Карпаты? — озадачился я. — Ну, Дракула и так далее?

— Досужие выдумки, — рассмеялся антиквар. — И не более. И потом, крайне удобно писать о стране, которую почти никто из потенциальной аудитории не видел. Много ли читателей вампирских романов девятнадцатого века бывало в Трансильвании? Думаю, единицы. Она вроде как Европа, но какая-то очень захолустная, потому интересная только совсем уж прожженному путешественнику. А значит, что? Значит, можно рассказывать о ней любые небылицы. Вот так и возникла традиция — все самые злобные вампиры родом из Трансильвании или прилегающих к ней территорий. А на самом деле это не так. Места там в старые времена были малолюдные, не сказать заповедные. Крохотные селения, разбросанные по непролазным лесам, да пара городков, которые по европейским меркам тянули максимум на деревушки. Вот и чем там питаться большой вурдалачьей семье? Ну за

пять-семь лет уморят они все окрестное население, а потом что? Начинать охоту за зверьем? Так они не люди, оленя или лося в транс не погрузишь, на животных чары не действуют, они не обладают разумом, живут инстинктами. Так что не так их там и много было, не сказать мало. То ли дело Париж, Берлин и, конечно, Рим. Большие города, в которых людская жизнь стоила не дороже медной монеты и каждому было наплевать на каждого. Ешь — не хочу. Так что, возможно, сходство не случайно. Но, разумеется, не вурдалаки его позаимствовали у итальянских разбойников, а наоборот.

— Это все здорово, но мне-то что делать? — вздохнул я. — И, если совсем честно, мне общаться с этой публикой совершенно не хочется.

— Не думаю, что данное обстоятельство их сильно беспокоит, — прищурился Шлюндт. — Я уже говорил: вурдалаки крайне настойчивы в вопросах достижения поставленной перед собой цели и невероятно беспринципны в выборе средств. Но сам факт того, что они хотят говорить, достаточно оптимистичен, где диалог, там компромисс. Да-да, это так. Сам же сказал — улыбка, подмигивание. Это верные признаки того, что они отказались от идеи тебя обратить, что невероятно разумно, и теперь желают переговоров. Более того, заметив, что ты не один, визитер просто удалился.

— Хорош переговорщик, — я потер виски. — Стоит, смотрит, глаза красные...

— Ну тут уж ничего не поделаешь, таков их внешний вид, — немного укоризненно заметил антиквар. — Поверь, в любом случае это лучше, чем разорванное клыками горло. Не твое, ты под защитой амулета, я про барышню, с которой ты проводил эту ночь. Что главы семей, что их советники куда могущественней, чем простые кровопийцы, они отлично умеют убеждать смертных в том, что им нужно. Он мог дождаться, пока твоя пассия окажется одна, сумеет заставить ее открыть ему дверь и разрешить войти. Да, она не хозяйка в твоём доме, но она хозяйка самой себе, потому вурдалак придет не к тебе, а к ней, но туда, где она в данный момент находится. Звучит мудро, но таковы реалии.

— Даже не стану спорить. — Я погладил кругляш под майкой. — И еще раз спасибо за подарок.

— Не подарок, — покачал головой Карл Августович. — Я дал его тебе на время. Ладно, подытожим. Они желают с тобой говорить?

Пусть будет так, но сразу предупреди их, что в твоей судьбе заинтересован и я. Эти удальцы, повторюсь, беспринципны, но силу и они уважают. А у меня есть определенный вес в разных кругах нашего мира. Не самый большой, но все же.

Антон и Виталий при этих словах синхронно ухмыльнулись. Как видно, они много чего о своем патроне знали. Интересно было бы послушать их рассказы.

— Если с этим все, то перейдем к делам текущим, — Карл Августович потер свои сухенькие ладошки. — Итак, мой юный друг, мы едем в фамильную усадьбу князей Белоруцких-Белосельских. Слышал о таких?

— Возможно, — подумав, ответил я. — Старые русские фамилии мы на многих предметах разбирали, но всю «Бархатную книгу» наизусть не выучишь. Нет, первые два десятка родов все помнили, особенно из тех, что постоянно при государях русских обитали, но вот дальше...

— А между тем род старый и славный, — аппетитно причмокнул антиквар. — В их венах текла кровь Гедиминовичей, так-то. Было время, когда Белоруцкие-Белосельские близко к престолу стояли, гордо глядели, спину ни перед кем ни гнули. Но потом в Смутное время поставили не на тех, на кого следовало, да и прогадали, а еще через сто с копейками лет из-за своей близости к Долгоруковым попали в опалу к Анне Иоанновне. Тогдашний глава семейства частенько наезжал в подмосковные Горенки покалякать о том и о сем с Алексеем Григорьевичем Долгоруковым, за что и поплатился. Нет, обошлись с ним помягче, чем с его собеседником, но с тех пор Белоруцкие-Белосельские окончательно переселились на задворки русской истории и более их фамилия в хрониках дел славных и громких не фигурировала.

— Так они, небось, еще и обнищали, — предположил я. — Насколько я помню, Анна Иоанновна вечно нуждалась в деньгах и трясла подданных как грушу. Что уж говорить о тех, кто в ее немилость попал?

— Вот! — Карл Августович погладил меня по голове, что мне очень не понравилось. — Молодец. По преданию тогдашний патриарх рода узнал, что вот-вот к нему нагрянут представители Тайной Канцелярии, чтобы увезти все мужское колено Белоруцких на

выяснение их причастности к написанию так называемых «кондиций», и спрятал фамильные сокровища на территории своей усадьбы. В парке ли, в доме ли — неизвестно, эту тайну он доверил только жене, женщине суровой и неразговорчивой. Обрато старейшина не вернулся — не перенес дыбы. Да и остальным мужчинам этого рода не повезло — кого отправили в солдаты, кого монастыри на Соловках пересчитывать. Но, повторюсь, Долгоруковым повезло куда меньше.

— А после что было? — поторопил его я.

— После? — антиквар достал из внутреннего кармана светлого пиджака фляжку, открутил крышечку, сделал глоток, а после убрал ее обратно. — После смерти Анны Кровавой уцелевшие мужчины рода вернулись домой, и старший из них узнал от своей матери, где спрятаны сокровища. Так с тех пор эта тайна и переходила от отца к старшему сыну. Надо заметить, что Белоруцкие-Белосельские оказались удачливы в коммерции, хоть это для старых дворянских фамилий и не слишком типично, потому изрядно увеличили свое состояние во времена царствования Екатерины Алексеевны. Да и после не терялись, особенно когда речь шла о выгодных государственных поставках. Одну только они допустили оплошность — не смогли распознать, что революционные волнения представляли собой не обычные беспорядки, а тотальное наступление диктатуры пролетариата.

— Не вывезли, стало быть, свое добро за рубеж, — подытожил я.

— То, что спрятано в усадьбе, — нет, — покачал головой Карл Августович. — Белоруцкие жили к тому времени в Москве. Лето кончилось, пришла осень, что тут делать? В усадьбе оставались только слуги, смотритель да пара дальних родственниц-приживалок. Нет, князь Андрей до начала огульного революционного террора успел отправить семейство в Германию и даже переправить с ним туда же немало добра, благо старой пограничной стражи уже не было, а новой еще не создали. Но вот старый усадебный клад помахал ему ручкой. К тому времени, когда он заявился в родовое гнездо, его уже заняли местные крестьяне, желающие жить мировой коммуной и под шумок злоупотребляющие свальным грехом. Смотрителя забили насмерть, приживалок повесили, а слуги разбежались. Да и самого князя чуть не пришибли, когда его опознал один из селян, он еле-еле ноги унес,

после чего решил, что вернется за семейным добром тогда, когда хаму укажут на его место.

— То есть не вернулся?

— Нет, — покачал головой антиквар. — Его старший сын почти добрался до отчего добра через два с небольшим десятка лет. Он к тому времени носил мундир мышинового цвета и погоны обер-лейтенанта СС. Но тоже не дошел, причем всего ничего. Зато навсегда упокоился в родной земле, поскольку на Ильинском рубеже получил пулю в лоб.

— Туда ему и дорога, — злорадно заметил я.

— Согласен, — кивнул антиквар. — Но вместе с ним навсегда ушел секрет Белоруцких-Белосельских. Он не оставил наследника, а двоюродному брату на этот счет ничего не сообщил. И записей никаких не осталось.

— Что очень хорошо, — хмыкнул я. — А то выпотрошили бы эту захоронку в девяностых, да и все. Тогда наши границы, если верить рассказам, от революционных не сильно отличались. Входи кто хочет, бери что хочет. И эти бы приперлись.

— Так приезжали, копали, — мелко захихикал старичок. — Только не нашли ничего. А вот мы с тобой сегодня найдем, я это точно знаю. Кстати, вот мы и приехали. Смотри, какая красота вокруг!

И я глянул в окно.

Глава четырнадцатая

И правда, красиво. Прошумевший над миром развеселый двадцатый век, разумеется, оставил свой след на этой когда-то ухоженной территории, но и сейчас было заметно, где и что тут некогда находилось. Да, какие-то аллеи поросли кустарником, раскидистые яблони и груши имели диковатый вид, как и любые плодовые деревья, за которыми нет человеческого ухода, а там, где некогда, скорее всего, находилась оранжерея, являвшаяся неперенным атрибутом подмосковных дворянских гнезд, стояла полуразрушенная беседка. Но все равно витали в воздухе некие чеховские флюиды, навевавшие мысли о топоре, вырубавшем вишневый сад, и всем таком прочем. Того и гляди где-то вон за той сиренью затренькают гитарные струны и послышится голос Епиходова.

Причем сад этот смыкался с лесом, стерлась некогда существовавшая между ними грань.

Что до здания, оно тоже являло собой не самое веселое зрелище. Нет-нет, никакой провалившейся внутрь крыши, никаких выбитых стекол, но запустение и ветхость все равно чувствовались. Не зря же наши предки забивали окна крест-накрест, когда покидали дом, как бы консервировали его для тех, кто придет после них. И стояли эти избы иногда десятилетиями, но не было в них безнадежности. А тут... Грустно глядеть, скажу честно.

А еще наш преподаватель в институте говорил: если окна эдаким манером не заколотить, то и незваные жильцы могут появиться из числа тех, кого к ночи не поминают. Тогда, на лекции, мы над этим только похихикали, но это тогда. Сейчас мне такое и в голову не придет, потому что сказки, как выяснилось, не совсем таковыми являются.

— Ну, — Карл Августович впервые на моей памяти проявил некое подобие волнения и нетерпения, до того его поведение так и подмывало назвать «нордическим», как и положено для человека с немецкими корнями. — Что, Валерий? Ты слышишь его?

— Нет, — поводит я головой влево-вправо. — Только птицы поют, а больше ничего.

— Птицы, — внезапно насторожился антиквар. — Ну да, ну да. Твари небесные. И самая главная из них та, что на вязе сидит.

Вот ведь. А я как-то сразу и не заметил иссиня-чернокрылого знакомца, расположившегося на толстой ветке и, как мне показалось, насмешливо наблюдавшего за нами.

Стелла. Ну, вот не может она смириться с тем, чтобы хоть что-то да прошло без ее внимания.

— У тебя очень назойливая приятельница, Валерий, — недовольно бросил Карл Августович. — Чрезмерно. И, признаться, меня подобная бесцеремонность начинает раздражать. Передай ей при случае эти слова и добавь, что мое недовольство может стать причиной ее головной боли.

— Смахивает на угрозу, — заметил я.

— Пока только на предупреждение, — пояснил старик. — Умному этого будет достаточно, а дураки никогда ничему не учатся, потому их никому и не жалко. А в качестве наглядной иллюстрации... Антон.

А мужичок-то, тот, что за рулем сидел, куда как непросто оказался. Нет, у меня данный факт сомнений с самого начала не вызывал, но та скорость, с которой он вытащил пистолет и, не целясь, выстрелил в птицу, впечатляла. Я много чего видел, потому могу оценить уровень подготовки.

Еле успел толкнуть его под локоть, только потому он и промахнулся. А если бы не это, то от ворона сейчас только перья остались. «Глок» все же, не «Макаров».

— Не надо, — попросил антиквара я. — Пусть летит. Кыш, пернатый. Брысь отсюда, если жить хочешь!

Птица вспорхнула с сука, заложила петлю над нашими головами и вскоре стала черным пятнышком в безоблачной летней синеве неба.

Антон явно был недоволен моим поступком, хоть и слова не сказал. Но пистолет, кстати, убирать не спешил, ждал приказа хозяина.

— Стоит ли заботиться о той, кто просто тебя использует? — по-отечески поинтересовался Карл Августович. — Право слово, не понимаю!

— Так и вы меня используете, — возразил ему я. — Точно так же, как она. Если бы я не имел те возможности, что мне перепали, то вы бы мне помогать и не подумали. И упыри эти, что по ночам ко мне на балкон лазают, не лучше. А если совсем уж начистоту, так и я вас

использую. Мир так устроен, что все всех используют. Как научиться ребяенок головку держать, так и понеслась телега по ухабам, конечная остановка на смертном одре с последним стаканом воды в руках. Ну если, разумеется, его будет кому подать. А птичку все же жалко, не виновата она в том, что ей чрезмерно любознательная хозяйка досталась. Стоит ли за это божью тварь жизни лишать?

— Бедный наивный мальчик, — вздохнул антиквар. — Ты всерьез думаешь, что это обычная птица? Ну-ну. Ладно, пошли в дом, походим по остаткам былой роскоши, авось все разрешится довольно быстро.

— Под ноги смотрите лучше, — внезапно подал голос Виталий. — Там срут все, кому не лень, говна как грязи. Говорил ведь, что надо территорию огородить как следует. Не такие большие и деньги, а дерьма и вони в доме куда меньше было бы.

— Он время от времени наведывается сюда, — пояснил мне Карл Августович. — Имущество все же, хоть в определенном смысле и бесполезное. Но в заборе резона не видел ранее, не вижу и сейчас. Абсолютно бессмысленные расходы. Лазать меньше не станут, наоборот, сюда станут заглядывать даже те, кому это раньше и в голову не приходило. Если есть забор, значит, за ним что-то прячут. Что-то нужное и в отсутствие хозяев, выходит, ничейное.

— Это по-нашему, — согласился я, поднимаясь по широким каменным ступенькам крыльца. — Да я сам бы в юные годы непременно через этот забор перемахнул при таком раскладе. Просто из любопытства.

Запахи в доме, прямо скажем, были сильно неприятные. Прав оказался Виталий, нужду тут справляли частенько, причем, судя по следам в одном из углов просторной залы, начинавшейся прямо от дверей, в последний раз кто-то это сделал совсем недавно. Чуть ли не накануне ночью.

— Негодяи, — равнодушно бросил антиквар, глянув в ту сторону. — Ничего их не меняет — ни времена, ни власти, ни технический прогресс. Как гадили везде, где только можно, так и гадят.

«Их» — это кого? Селян? Или людей вообще?

Но уточнять не стал. Не уверен, что хочу услышать ответ на этот вопрос. Вдруг и я принадлежу к тем, кто является негодяем?

Я побродил по комнатам, в которых царило запустение и если не разруха, то что-то близкое к ней. Чувствовалось, что когда-то тут на

самом деле была детсадовская дача. В одной комнате осталось несколько разломанных игрушек, в другой кучей были свалены разломанные кровати, в просторной зале на втором этаже, которая, скорее всего, раньше являлась столовой, на стене висел плакат «Хлеба к обеду в меру ложи. Хлеб — это ценность, им дорожи!», ну и так далее.

И — тишина. Никто меня не звал, никто не просил выдать вольную. Наверное, матерый Хозяин кладов вроде того, которого бандюки в девяностых до смерти запытали, знал бы, как выйти с сокровищем на прямую связь, но мне лично подобные секреты профессии были неизвестны. По крайней мере пока.

Я наматывал круги по зданию, подбрасывая на руке небольшой синий мячик с зеленой полосой, который подобрал под лестницей, но все впустую. Не хотела родовая захоронка Белоруцких-Белосельских себя обнаруживать.

— А точно тайник раньше никто не вскрыл? — осведомился я у антиквара, который следовал за мной тенью все это время. — Просто никаких позывных не слышу.

— Я бы знал, — уверенно ответил тот. — Клад здесь.

— Здесь — где? — Я подошел к раздолбанному пианино, стоящему у стены, и нажал на одну из уцелевших клавиш. Их тут осталась половина, из-за чего клавиатура напоминала рот давно спившегося человека, который за собой совершенно не следит. Что удивительно — инструмент издал резкий, почти клекочущий звук. Надо же, был уверен, что под крышкой струн вообще не осталось. — Может, не в доме? Может, по саду походим?

— Разумеется, — кивнул антиктвар. — Мы приехали за сокровищем и без него в Москву не вернемся.

— Возможно, мои слова прозвучат резко, но в данном случае вы ведь говорите только за себя? — осведомился я. — Ночевка в этом славном домике не входит в мои планы, уж не обессудьте. И место не то, и запах, знаете ли... Да и дела у меня на завтра кое-какие намечены. Разумеется, я сделаю все от меня зависящее, но жить здесь до той поры, пока рак на горе не свистнет...

— Валерий, в свою очередь хотел бы напомнить тебе о том, что в депозитарий мы можем зайти только вдвоем, — довольно холодно

заметил Карл Августович. — Так что мои интересы — это твои интересы.

— Ваши интересы — это ваши интересы, — покачал головой я. — Просто в какой-то момент они пересеклись с моими, но не более того. Пойдемте уже в сад, а то меня мутить начинает от этой вони.

А сад-то, оказывается, был куда как немал. То, что я изначально принял за недалний лесок, оказалось его частью, это я понял, подойдя поближе. Смешно сказать, но там на самом деле большей частью росли вишневые деревья, пусть немного одичавшие, но зато осыпанные спелыми ягодами. Видно было, что и местные жители их рвали, и скворцы клевали, но все равно количество рубиновых точек среди листвы поражало. Может, просто нынешний год вишневый?

Я докурил сигарету, затоптал окурок и направился к машине, в багажнике которой лежал металлоискатель, подаренный мне Сивым. После нашей тогдашней поездки Пашка отдал мне его насовсем, так сказать, пожаловал с барского плеча, а я сегодня решил этот агрегат с собой прихватить. Господин Шлюндт, когда увидел, как я его загружаю в багажник, только иронично улыбнулся, но ничего на это не сказал. Как видно, принял за мою причуду.

— Карл Августович, вы же не станете претендовать на монеты или другие какие предметы, которые я тут найду? — на всякий случай уточнил я у антиквара. — Не входящие в оговоренный договором клад?

— Вообще-то мы сюда не для того прибыли, чтобы пару пятак из земли выкопать, — попенял мне он. — Но да, не стану.

— В прошлый раз я набрел на захоронку вот таким же образом, — без тени шутки сообщил я ему. — Не уверен, что между этими событиями есть какая-то связь, но... А что если деньги к деньгам? Найдя малое, мы дернем за ниточку, которая приведет нас к большому? В любом случае этот вариант надо отработать.

— Изволь, — антиквар сделал гостеприимный жест ручкой, хоть было и заметно, что он здорово недоволен. — К тому же в этом есть нечто пикантное. Виталий, лопатку возьми из багажника, я видел, что наш друг ее тоже прихватил. Поможешь ему, если он что-то найдет.

Если честно, сейчас я брал некий тайм-аут. Собственно, для того и металлоискатель прихватил, поскольку предполагал, что может возникнуть подобный затык. Да что там? Я даже не сомневался, что на

этот раз влет ничего не найду. Два прошлых случая, те, когда меня клады манили, — это везение, не более того. Гарнитур Лыбеди тоже не в счет, там совсем другая история, ее надо держать отдельно, как мух от котлет.

Черт, знать бы наверняка, что клад здесь, — стало бы проще, имелось бы понимание того, что обшаривание каждого сантиметра имеет смысл. А так тыканье пальцем в небо получается.

Ладно, сейчас поброжу, поскребу по местным сусекам, авось чего и придет в голову. Тем более что я Шлюндту не соврал, один из двух кладов я так и нашел. Второй, правда, при более пикантных обстоятельствах дал мне о себе знать, но это уже интимные детали, разглашению не подлежащие.

Да и понравилось мне с этой штукой ходить, ожидая попискивания в ушах. Seriously. Есть в данном процессе нечто притягательное, уводящее в детство, когда мы клады искали ради приключения, а не для того, чтобы обогатиться или сохранить свою жизнь и рассудок.

Первая «поклевка» не заставила себя долго ждать, и это была монета, причем из числа тех, которую Сивый с Гендосом почти сразу бы отправили в котелок. Послереформенный советский «двухгривенный», не редкость ни разу. А «почти» — потому что они всегда внимательно смотрели на год чеканки. Оказывается, и среди подобных монет попадаются уникамы, пусть нечасто, но все же. Сивый как-то вечером мне целую лекцию прочел, в которой осветил этот вопрос, в ней фигурировали московский и ленинградский монетные дворы, года выпуска, завитушки на аверсах, смотрящие не туда, куда надо, количество колосьев в снопах и много чего другого. Я, признаться, практически ничего из этого не запомнил, потому попросту сунул монетку в руки Виталия, который ее и выкопал, со словами:

— Сувенир. На память о сегодняшней вылазке за город.

Минут через сорок таких «сувениров» набралось полтора десятка, причем среди них попадались и раннесоветские монеты, одна даже тридцатых годов.

Мало того, я еще и медаль нашел. Правда, не военную, а, если можно так сказать, гражданскую, с Лениным. Сначала было обрадовался, подумал, что редкая, но после Карл Августович мне объяснил, что ей в свое время только что домашнюю живность не

награждали. Их к столетию Ильича наштамповали не меньше, чем в свое время юбилейных же медалей к трехсотлетию дома Романовых.

А потом я нашел клад.

Нет-нет, не тот, что планировалось, но все равно самый настоящий. Я вынул его из-под кустов разросшейся до неприличия смородины, причем пришлось даже немного повредить ее корень, оплетший изрядно проржавевшую плоскую небольшую банку, в которой что-то погромыхивало.

Самое интересное, что я его услышал. Он вещал нечто неразборчивое тихо-тихо, на грани слуха, донеслось до меня это бормотание только тогда, когда я с крышки землю начал стирать. Металлоискатель — и тот отыскал его раньше.

И все же это был клад. Как видно, те дети, которые когда-то зарыли его тут в процессе игры, сказали некие слова, подарившие ему жизнь, если это можно так назвать. Формально-то условия были соблюдены, это было пусть совсем незамысловатое, но сокровище, схороненное от чужих глаз и предназначенное тому, кто его найдет. Они его закопали и, разумеется, про него забыли. Много ли мы помним из того, что делали в шесть-семь лет? Разумеется, нет. Пошли бывшие детсадовцы в школу, а там другая жизнь, другие заботы, что вспоминать о старой банке с еле различимой и непонятной надписью «Мо...а...ье», зарытой как-то летом? Да и о самом детском саде в целом? Там было детство, а тут — жизнь.

А он так и лежал здесь, под смородиной, всеми забытый, пока я его не отыскал. Кстати, когда я с трудом отковырнул крышку, то на секунду перед моими глазами промелькнула картинка из прошлого, как видно, то единственное, что запомнило это сокровище. Я увидел солнечный день, синее небо и двух дошколят, мальчика и девочку, загорелых, с шелушащимися носами и очень серьезными лицами. Вот ведь. Им сейчас, небось, лет за сорок перевалило. А может, и больше.

Само собой, ничего серьезного в банке не оказалось. Темная от времени горстка мелочи советского периода, большей частью копейки. Маленькие такие, которые и за деньги-то не примешь. Пятак еще туда-сюда, есть ощущение, что это хоть какая, но денежка, а вот копейки...

Ну и ладно. Зато эмоций сколько испытал! И тара под улов появилась.

— Это немного не то, за чем мы приехали, — заметил антиквар, сидящий рядом с машиной на раскладном стульчике, который, как выяснилось, специально для него возили в багажнике, и попивающий кофе из термоса. — Валерий, время идет, а мы стоим.

— Неправда, — весело ответил ему я. — Вы сидите, а я хожу.

— Может, еще раз в дом прогуляемся? — предложил он. — Я склонен предполагать, что наша цель спрятана именно там. Не верится мне в то, что глава столь почтенного рода закопал свое добро где-то под яблоней. Нет, случись это позже, во времена революции, — да, подобное предположение имело бы смысл, но здесь-то речь идет о куда более ранних временах. Нет, Валерий, это именно тайник. Продуманный и оборудованный, такой, который всегда будет под рукой, в который легко что-то добавить. Или, наоборот, оттуда что-то забрать.

— Вот только вы все стены задолго до меня «прозвонили» и простучали, а толку ноль, — я тряхнул коробкой над ухом — медь зазвенела. — Хотя ваши доводы абсолютно логичны.

— Если бы я не боялся повредить то, что спрятано в доме, то давно бы его разобрал по кирпичику, — печально сообщил мне Карл Августович. — Но подобные постройки имеют одну слабость — стоит только что-то тронуть — и — бах — нет дома, один битый кирпич да обломки старых бревен. Вон, на том же Сивцевом Вражке или Пятницкой вроде бы с фасада все дома старые, городские усадьбы через одну стоят. Тут тебе на памятных досках и Голицыны, и Мещерские, и Долгоруковы. Годы постройки, «охраняется государством». А на деле — муляж. В лучшем случае внешние стены уцелели, а внутри от тех усадеб давно ничего не осталось.

Что-то он темнит. Уверен, при необходимости нагнал бы сюда техники и людей, поставил крепежи, леса и так далее. В наше время при наличии денег можно решить любую инженерную и строительную проблему, было бы желание.

Нет, не только в этом дело. Но что тут к чему — меня не касается. Не люблю, когда кто-то лезет без спросу в мои дела, но и сам в чужие нос не сую, не имею такой привычки. За излишнюю любознательность нос могут отрезать, причем вместе с головой. Истина избитая, но неизменно актуальная.

При этом, повторяюсь, антиквар все же прав. Тайник в доме.

Только где?

Я выключил металлоискатель, прислонил его к стволу яблони, закурил, подошел к крыльцу, задрал голову вверх и понял, что мы не сделали, обходя дом.

— А чердак? — глянул я на Шлюндта, который закручивал крышку термоса. — Чердак тут ведь есть?

— И да, и нет, — отозвался антиквар. — Чердаки в нашем теперешнем понимании этого слова в подобных домах отсутствовали. Они для чего нужны? Для складирования всякого хлама, который неизбежно скапливается в месте проживания людей. А у этих господ для подобного специальные строения имелись, что-то в каретном сарае хранилось, что-то во флигеле для прислуги. Собственно, все ненужное этой самой прислуге и дарилось. Только и сарай, и флигель до наших дней не дожили за ненадобностью. Сарай еще в двадцатых годах сгорел, флигель чуть позже снесли. Так что чердак есть, но это просто пустое пространство с перекрытиями, и все.

— Но вы там тоже искали? — уточнил я.

— Разумеется, — кивнул Карл Августович. — А как же. Пыль — и только. Правда, пыль столетий.

Я подбросил на ладони медальку с Ильичом, затушил сигарету и предложил:

— Пойдем все же поглядим. Ну и еще раз по дому пройдемся.

Кстати, еще в институте нам рассказывали, что на иных московских чердаках относительно недавно такие редкости находили, что только ахнуть можно. В старом жилом фонде, имеется в виду в дореволюционном. Даже отдельная разновидность изыскателей старины имелась, их «чердачниками» называли. В основном их улов, конечно, заключался в старых книгах, предметах быта и прочей мелочевке, но иным везунчикам перепали иногда и счастливые билеты, вроде картин старых мастеров, спрятанного от новой власти оружия или даже кое-какого золотишка в виде украшений. Правда, долго это счастье не длилось, какие-то дома пошли на снос, какие-то прикупили новые хозяева, которым незваные гости были не нужны.

А в Питере до сих пор, по слухам, таких чердаков еще полно, есть где любителям старины полазать.

Не соврал мой компаньон — пылищи оказалось немерено. По углам она вообще как сугробы лежала, что совершенно не странно, все

десятилетиями же копилась. Это раньше здесь, скорее всего, горничная время от времени прибиралась, а как революция женщину освободила, так сюда никто больше с водой и тряпкой не хаживал. Детсадовским же нянечкам подобное даже в голову не приходило, у них и без того хлопот хватало.

А еще было видно, где в прошлый раз антиквар с подручными ходил, их следы были хорошо различимы.

— Все простучали, — подал голос Антон. — И потолки, и перекрытия, и пол. Пусто.

— Не совсем. Ты про несколько подшивок журнала «Мурзилка» забыл, — хмыкнул Виталий. — Старых, за семидесятые годы. Я их соседскому пацану отволок, думал, ему интересно будет про Ябеду-Корябеду почитать, так он их даже не открыл. А мне в детстве нравилось.

Оттаяли бойцы, в разговоры начали вступать.

Я прошелся по чердаку, почесывая нос, который моментально забился пылью. И правда, пусто.

«Тихо, — прошелестел в голове бесплотный голос. — Тихо-тихо-тихо. Он рядом, он тут».

«Он» — это что, обо мне? То есть клад меня боится? Это что-то новое!

— Ты что это насторожился, друг сердешный? — встрепенулся антиквар, внимательно следивший за мной. — Вижу, услышал ты его! Где он?

— Пока не знаю, — пробормотал я, крутясь на месте. — Где-то рядом.

— Пол будем вскрывать? — деловито уточнил у хозяина Антон. — За инструментом идти?

— Да погоди ты, — отмахнулся от него Шлюндт. — Валерий, ну же!

Ну же, ну же. Ничего не понимаю. Снова тишина. Где же ты есть-то?

Я покрутился по чердаку, поковырял носком кроссовка пол, провел ладонью по потолку, отчего та стала серой.

— Валерий, — прошелестел за правым плечом голос Карла Августовича, — прикажи ему. Прикажи. Ты Хозяин, клад обязан тебя слушаться. Воля кладов сильна, особенно у тех, кто спрятан не вдруг,

не случайно, но ты должен научиться быть сильнее. Прикажи ему открыться перед собой, он не сможет не выполнить твое повеление.

— Как? — бросил я чуть раздраженно. — Сказать: «А ну-ка, покажись»?

— Может, и так, — шепнул старик мне в ухо. — Может, как-то по-другому. Я всего лишь собиратель древностей, и не более. Но я знаю одно: если ты не научишься подчинять себе старое золото, то в какой-то момент сам станешь его слугой. Не ты будешь властвовать над ним, а оно над тобой. И это станет первым твоим шагом к собственной смерти и не-смерти.

— Последние слова не понял, — повернулся я к нему. — Вы о чем?

— Если ты будешь слаб, то раньше или позже твоя душа станет чьей-то добычей, — свет солнца, проникавший на чердак через небольшое круглое оконце, разделил лицо антиквара на две части, превратив его в жутковато выглядящую маску, в которой причудливо смешались свет и тьма. — Хозяин кладов, проигравший битву, становится слугой того, над кем ранее имел власть. Все честно, все по Покону.

— Жесть какая, — произнес я. — Вы серьезно?

— Мир, частью которого ты стал, живет по другим законам, нежели тот, к которому ты принадлежал раньше, — губы антиквара растянулись в улыбке. — У нас ничего не решают слова, все определяют дело и поступки. Так что решай, что тебе милее — стать настоящим Хозяином или ждать того момента, когда тебя повергнут в прах.

Провоцирует меня этот старый чёрт, это предельно ясно. И дело тут не только в сокровище, которое спрятано в этом доме, у него есть какая-то другая цель, более масштабная. Но при этом он не врет, похоже, все обстоит именно так, как он сказал, да и Михеев о чем-то подобном упоминал. Вот только непонятно, отчего до меня Стелла такие полезные сведения не донесла? Потому что не знала о таких тонкостях? Или просто не захотела информировать на этот счет? В последнее верится больше, особенно если вспомнить слова дяди Фомы.

Ладно, это все частности. Сейчас мне нужно понять, как именно подчинить клад своей воле.

Господи, ну вот почему Полоз мне вместе со змейками на груди какой-нибудь мануал не предоставил, а?

Я глубоко вдохнул и произнес про себя:

— Знаю, ты слышишь меня. Я пришел за тобой и заберу тебя отсюда. Где ты? Отзовись.

Тишина, только сопение подручных Шлюндта слышно из углов. Сам антиквар отошел к дальней стене, практически слился с ней, и теперь лицо его было совершенно неразлично, только глаза поблескивали из мрака.

— Велю тебе — отзовись. Твое время пребывания в этом доме вышло, тебя ждет большой мир. Я, Хранитель кладов, приказываю — откройся мне.

— Мы ждем своих владельцев, — тонко и как-то очень жалобно проскулили сразу несколько голосов. — Мы принадлежим им. Ты не вправе нас забрать.

— Вправе, — сообщил им я, вложив в слова, пусть и не произнесенные вслух, всю отведенную мне Господом силу убеждения. — У вас нет владельцев, они все давно мертвы. Последний из них покинул этот мир много лет назад. Вы теперь ничьи, а значит, мои. Все покинутые, забытые, брошенные и бесхозные клады в моей власти. И вы — тоже. Приказываю — покажись мне!

— Ты хочешь отдать нас тому, кто привел тебя сюда, — этот девичий голос отличался от остальных, он был силен и звонок. Он чем-то был похож на голос моей одноклассницы Светки Моргуновой, особы решительной и принципиальной, которую я всегда уважал. Правда, я так и не понял, на кой она сразу после школы вышла замуж, но это дело не мое. Да и не Моргунова она теперь, а Шелестова, мне про это Сивый рассказал. А еще дочка у нее вроде как имеется, и даже всю уже в школу ходит. Ладно, это меня не в ту степь повело. — Его руки в крови, Хранитель. В его душе мрак. Не делай этого.

— Не думаю, что вы задержитесь в этих руках надолго. Его работа — продавать и покупать. Вы скоро обретете новых хозяев, они будут заботиться о вас. Вы снова станете сиять, вы станете делать то, для чего появились на свет.

— Оставь нас здесь, — попросила меня девушка. — Прошу тебя!

— Не могу, — с печалью ответил ей я. — Рад бы, но не могу. Но тебя, если хочешь, могу избавить от моего спутника. По крайней мере,

попробую это сделать. Кто ты?

— Ты не захотел услышать тех, кого призван защищать, — печально промолвила девушка. — Ты предал нас. Но мы подчиняемся твоей воле. И — прощай.

Под потолком, прямо надо мной, на секунду вспыхнул яркий свет, и в нем я увидел изрядных размеров ларец, стоящий на круглом помосте. Мало того, помост этот вдруг подпрыгнул вверх-вниз, а после чуть повернулся, словно желая мне что-то дать понять.

Стоп-стоп-стоп. Я, кажется, сообразил.

— Значит, говорите, все простукивали? — уточнил я у спутников Карла Августовича. — Прямо все-все?

— Все-все, — обиженно засопел Антон, а Виталий кивнул.

— Ну-ну, — я достал из кармана нож, нажал кнопку, и широкое лезвие беззвучно открылось. — Мало было стучать, парни. Надо было еще кое-что сделать.

Легкий, совсем незаметный зазор между досками на потолке я нашел не сразу. Здорово скрыли тайник, очень здорово, если не знать, чего искать, то точно ничего не заметишь. Доски и доски, темные, добротнo отполированные.

Танцуя от нащупанной тоненькой ниточки, я определил диаметр круга, а после скомандовал Антону, который был выше всех присутствующих:

— Давай-ка, надави вот сюда. И не просто надави, а попробуй крутануть эту часть потолка. Влево, вправо.

Хлопок. Это Шлюндт припечатал себе ладонь ко лбу.

И получилось. В какой-то момент раздался щелчок, на нас посыпалась пыль, и часть потолка, совершив пару оборотов вокруг собственной оси, опустилась вниз. Она представляла собой небольшой постамент, венчал который затянутый паутиной сундучок, тот, что привиделся мне мгновение назад.

— Вот почему простукивание ничего не дало, — сообщил нам Виталий. — Полости внутри не было. Отлично придумано!

— Среди простого люда всегда хватало мастеров на все руки, — заметил Карл Августович, подходя к сундучку и поглаживая его бока. — Вопрос только в том, что старый князь сделал с тем, кто сотворил эдакий механизм. Сдается мне, ничего хорошего. Свидетели

в материальных вопросах никому не нужны. И сразу — Антон, Виталий, ступайте к машине. Не надо вам сейчас здесь быть.

Мужички переглянулись, но спорить не стали и покинули чердак.

— Ну-с, — я заметил, что пальцы антиквара подрагивают, — поглядим, за чем я столько лет охотился.

Он брякнул двумя боковыми штырьками, фиксирующими крышку ларца, а после откинул ее.

Глава пятнадцатая

В этом всем, признаться, присутствовала некая кинематографичность, из-за которой я никак не мог воспринять происходящее всерьез. И затянутый паутиной ларец, и куча блестящих предметов, открывшихся нашим взорам после того, как была откинута крышка, и алчное оханье антиквара, погрузившего ладони в эту самую кучу, — все словно сошло с экрана телевизора, из очередной серии очередного сериала.

Ко всему прочему антиквар выглядел крайне забавно, его выражение лица было таково, что я еле улыбку сдерживал. В данный момент он более всего был похож на подростка, который впервые в жизни женскую грудь потрогал, в его глазах сиял ровно тот же безудержный восторг и гордость за себя любимого. Дескать, «да, я этого добился!» Нет, все же то, чем он занимается, изрядно деформирует психику. Не хотелось бы докатиться до подобного.

«Нет!» — Это снова тот же девичий голос, с которым я вел беседу перед тем, как клад подчинился моему приказу. Вот, стало быть, ты кто. Ты — браслет. Золотой, изукрашенный мелкими блескучими камушками, браслет. И тебе очень не нравится то, что Карл Августович держит тебя в руках, не просто же так в голосе слышится смешанная в равных дозах брезгливость и грусть.

— Отлично, отлично, — проворковал антиквар, отложив браслет и следом цапнув крупный перстень с аметистом. — Ого, а это, похоже, работа Позье. Ну да, вот его клеймо. Великолепно!

Эта фамилия была мне знакома, упоминали ее несколько раз на лекциях в институте. Позье был известным придворным ювелиром, причем занимал этот пост он очень долго. Шутка ли — и Анну Иоанновну пережил, и Елизавету, дочь Петрову, и Петра Третьего, а для матушки Екатерины вовсе большую императорскую корону смастерил. То есть ремеслом своим владел отменно, поскольку в те времена людей ценили больше за дело, чем за слова. Значит, очень сильно недешевый этот перстенок. Имя ювелира, да историческая подоплека, да все остальное...

Короче, неплохой улов достался нынче господину Шлюндту.

— Ах, как интересно! — антиквар выудил из ларца какую-то странную штуку, представляющую собой три небольшие золотые плашки, украшенные драгоценными камнями, соединенные между собой короткими цепочками и вдобавок снабженную двумя крючочками. — Ну-ка, ну-ка... Андреас Ремплер, как я сразу и подумал. Право, сегодня исключительно удачный день!

А вот эта фамилия была мне незнакома. Да и предназначение предмета тоже оставалось тайной, о чем я немедленно и сообщил Карлу Августовичу.

— Это аграф, — антиквар положил предмет на ладонь и подставил его под луч солнца, падающий из оконца. Камни немедленно пустили десятки «зайчиков» по стенам. — Сиречь застежка. Хочешь — плащ скреплай у горла, хочешь — волосы на голове. Что же до мессира Ремплера — о, это был один из лучших ювелиров своего времени. И очень, очень странной личностью. Он был близок к «молодому двору» и выполнял личные заказы Павла Петровича как в то время, когда тот еще являлся наследником, так и позже, когда он стал императором. При этом в списочных листах придворных ювелиров никогда не значился, хотя был вхож в личные покои его величества.

— Ну и что? — удивился я. — Или это был принципиальный момент?

— В разрезе масонства — да, — хитро глянул на меня антиквар. — Это значит, что мастер Ремплер имел куда более высокий градус посвящения, чем Павел Первый, и последний не мог повелевать его судьбой даже в светской жизни. В то время «вольные каменщики» определяли судьбы Европы и их законы стояли выше законов государственных. Это сейчас кажется, что ваши предки жили просто и незамысловато, а на деле у них все было куда сложнее, чем можно себе представить. В те времена условности и мелочи значили куда больше, чем нынче. Ах, какая замечательная вещица. И я даже знаю, кому ее следует показать!

— А мне вот этот браслет понравился, — я цапнул украшение, недовольное тем, в чьи руки оно попало. — Я его в счет своей доли возьму?

— Валерий, твою долю определяю я, таков был договор, — водянисто-голубые глаза Шлюндта не моргая уставились на меня. — Равно как и способ ее выплаты. Поверь, расчет будет предельно

честен, я никогда не обманываю тех, с кем работаю. Меня не раз пытались провести, это да, но я никогда подобным не занимался, таковы мои принципы.

— Вот и замечательно, — я подбросил браслет на ладони. — Кстати, мне и в голову не приходило то, что вы попытаетесь меня надуть. Да и в целом я спокойно отношусь к деньгам, это Стелла на них повернута. С большими деньгами приходят большие проблемы, которые мне в данный момент на фиг не нужны. Но этот браслет я все же заберу. Карл Августович, это часть первого клада, который я нашел. Настоящего клада, а не какой-то детской захоронки. Проще говоря, сувенир на память.

— Сувенир, — Шлюндт подцепил пальцем браслет, сдернул его с моей ладони и усмехнулся. — Украшение работы Самсона Ларионова — сувенир? Валерий, ты в своем уме? Нет, я не против, если ты возьмешь... Ну, вот, скажем, пару екатерининских импералов. Смотри, они в идеальном состоянии, да еще и 1755 года, то есть из самой первой отчеканенной партии. Но это-то предмет искусства. Культурное достояние, в конце концов! Этот браслет должен храниться в должном месте, там, где он получит надлежащий уход. В частной коллекции, например.

По сути, он все правильно говорил, да и не нужен был мне сам браслет как предмет, чего уж там. Просто на душе до сих пор мерзотно было, словно я хорошего, пусть и незнакомого человека под удар подставил. Я к кладам Хранителем вроде как приставлен, а на деле их использую как разменную монету, пусть даже и по необходимости. «Ты предал нас» — эти слова все еще звучали в моих ушах.

И было безумно стыдно перед той девчонкой, что в этом браслете живет. Понятно, что никакая это не девчонка, а некая бестелесная сущность, но это не столь и важно. Я не ангел, всякого на душе хватает, но есть некие грани, которые мне не хочется переступить. Это одна из них.

— Мне ни к чему монеты, мне нужен вот этот браслет, — спокойно ответил я, забирая у антиквара украшение обратно. — Считайте это моей легкой чудинкой, по моему мнению, каждый человек имеет право на таковую. И, разумеется, высчитайте его стоимость из причитающейся мне доли, это не обсуждается.

Взгляд Карла Августовича потяжелел, он молчал и смотрел на меня. Я беззаботно улыбнулся, но взгляд в сторону не отвел. Сейчас тот момент, когда я пойду до конца и со своих позиций не отступлю.

— Пусть будет так, — наконец промолвил он, захлопнул крышку ларца, со скрежетом задвинул боковые крепежи и неожиданно легко поднял его. Тяжелая штука-то, а он, вон, как перышко ее тащит. — Не вижу смысла ссориться с тобой из-за какой-то безделицы, пусть даже и вышедшей из ларионовской мастерской. Тем более что и клеймо на ней не очень отчетливое, на одной экспертизе разоришься.

— Спасибо, Карл Августович, — от души поблагодарил я антиквара, немного радуясь тому, что дело до ругани не дошло, а то и до чего похуже. — За то, что верно все поняли.

— Да-да, — покивал Шлюндт, спускаясь с чердака. — Да и я не очень-то прав. Что монета? Просто золото, сколько его еще у нас будет? А это все же вещь. Память.

Мне кажется, или екатерининский рубль, что я так и таскаю с собой, немного потеплел в кармане? Наверное, кажется. Но вот это «у нас» мне не очень понравилось, хотя в глубине души я понимал, что отчасти он прав. Отчасти, потому что золота именно у него прибавится, а не у нас. В том, что при расчете он нас со Стеллой наверняка надует, я не сомневался ни на секунду, особенно после его слов о беспримерной честности, когда так говорят, значит, точно собираются тебя «кинуть». И ведь ничего не сделаешь. Как проверить, что сколько стоит? А никак. По закону этот ларец ведь куда должен отправиться? В соответствующие органы, для инвентаризации и оценки, а потом нам, наверное, какой-то положенный процент выплатят. Сильно потом. Может быть.

Мы этого не сделали и не сделаем, и, следовательно, не в моих интересах вообще кому-то рассказывать о произошедшем, потому что я теперь, по сути, соучастник преступления. Не сильно страшного, но прописанного в уголовном кодексе. Или административном, я точно не знаю. Так и так плохо.

И, получается, слово Карла Августовича становится единственно верным, сколько скажет, столько и будет. Но устраивать дразги пока не в моих интересах, поскольку, похоже, без его услуг в ближайшее время не обойтись. Вот и выходит, что эта кабала была первая, но не последняя.

В багажнике у антиквара, как оказалось, даже сейф имелся, небольшой, но очень надежный. Причем он был в автомобиль вмонтирован! Никогда такого не видел, хотя полагал, что в этой связи меня уже ничем не удивишь.

— Надо будет дом с садом кому-нибудь продать, — сообщил мне Шлюндт, перед тем как сесть в машину, и мотнул подбородком в сторону дома. — Теперь и то, и другое мне ни к чему, при этом налоги на недвижимость ниже не становятся, только растут. Завтра же займусь. К слову, Валерий, а ты не желаешь на самом деле стать владельцем этого здания, а? Тогда-то я шутил, а теперь делаю тебе вполне серьезное предложение. Если купишь у меня его, получишь замечательную скидку, обещаю. Сделаешь тут ремонт, облагородишь сад, вволю с этой бесполезной палкой походишь, еще монеты поищешь.

— Предложение интересное, но нет, — отказался я. — Для проживания за городом нужен особый склад характера, у меня его нет. И потом, я же госслужащий. Как я отсюда буду до работы добираться? Вставать ни свет ни заря? Нет уж, мне и дома хорошо.

— Долго ли ты еще на своей службе просидишь? — усмехнулся антиквар, погладив бок сейфа. — Не думаю. У тебя теперь другая жизнь, мой мальчик, и особый путь, которым ты по ней пойдешь. Пятидневная рабочая неделя в твой новый образ существования не впишется, уж поверь.

— Поживем — увидим, — буркнул я. — Вы лучше скажите, Карл Августович, когда мы отправимся в закрома? Мне хотелось бы получить то, что теперь по праву мое.

— Завтра же, — заверил меня он. — В десять утра буду тебя ждать у банка. Я всегда держу свое слово, даже если оно мне и не очень выгодно. Что до твоей доли, которую ты честно заработал, то с ней я тоже попробую определиться до завтра. Думаю, успею.

— Нашей со Стеллой, — поправил его я. — Вроде как она тоже в теме.

— Повторюсь — тут решай сам, — поморщился старик. — Я отдам тебе твою часть, а как ты ей распорядишься — не мое дело. Хотя я по-прежнему не понимаю — при чем здесь ведьма? Единственное, что госпожа Воронецкая сделала, — послала за нами шпиона. И данный поступок, кстати, характеризует ее не лучшим образом.

Шлюндт, как всегда, прав. Он купил дом и дал наводку на клад, я его нашел, а что делала Стелла? Хлестала где-то шампанское, грелась на солнышке и постоянно указывала мне, как надо жить. Вопрос — и в чем тут изюм?

Но это по сути. А по факту пока и с ней отношения обострять не резон, у нас впереди долгая счастливая жизнь вдвоем. Не стоит ее разбавлять скандалами до поры до времени.

До моего дома мы не доехали. Нет, антиквар предложил свой автомобиль в качестве транспортного средства, которое домчит мою особу прямо до подъезда, но я вышел раньше, у давно знакомого мне кафе, поскольку есть хотелось до невозможности. На прощание я попросил Карла Августовича подержать мой металлоискатель у себя в машине до завтра. Ну, не таскаться же мне с ним?

Когда я вышел из кафе, сытый и довольный, солнце уже почти скрылось за домами. Надо же, как быстро день прошел, вроде только-только было утро, а уже, вот, темнеет. Воистину долог день до вечера, если делать нечего, но когда количество событий в твоей жизни превышает все нормы, время мчится со скоростью поезда «Сапсан».

Жирная и сытная еда, а также двести граммов коньяку настроили меня на мажорный лад и более-менее развеяли хмарь, которая имелась в душе после того, что случилось на чердаке. Правда, браслет, спасенный мной из цепких лап антиквара, упорно молчал, не желая общаться, но это тоже ничего. Хотя, может, так и должно быть. Не исключено, что по отдельности подобные предметы не обладают способностью выходить со мной на связь. Может, они разговорчивы только тогда, когда собираются все вместе, а поодиночке остаются просто дорогими и красивыми вещами со скрытым от чужих глаз прошлым.

Город гулял, летом этот процесс особенно хорошо заметен. Зимой другое дело, зимой все сидят по домам, и даже воскресным вечером на улице никого не встретишь, кроме случайного прохожего, но летом все не так. Дороги запружены машинами — это служилый люд возвращается с работы, да и дачники катят из загорода, везя с собой корзинки с клубникой и пакеты с огурцами, выращенными в теплицах. Это предметы их особой гордости, завтра в офисах они будут с достоинством говорить коллегам: «Нам турецкого не надо, мы свои витамины целый год едим».

Там и сям слышен смех и гвалт, летние веранды многочисленных кафе забиты до отказа, никто не хочет сидеть внутри здания. Да, там тоже прохладно и приятно, но лето ведь. На улице лучше. И покурить можно, если осторожно.

Ну и девушки. Длинноногие, одетые так, что вроде все скрыто, но вроде и все видно (как им подобное удастся?), легкие, почти невесомые, они заставляют сильнее биться мужские сердца.

Воистину бойся женщину летом, ибо в это время года она непобедима.

Все происходящее вокруг ввергло меня в такую пучину благодущия, что даже темная фигура у подъезда, вставшая с лавочки тогда, когда я приблизился к нему, не стала поводом для расстройства. Ну, мало ли, может человек не меня ждет, может, просто совпало так? Впрочем, эта версия недолго просуществовала. Незнакомец сделал шаг вперед, при этом подъездный фонарь осветил его лицо и оно оказалось мне знакомо. Присутствия духа я при этом не потерял, хотя, конечно, немного опечалился. Больно вечер был хорош, не хочется смазывать его окончание собственной безвременной смертью. Ну или если очень повезет, то убийством.

— Только не говорите какую-нибудь банальность, вроде «ну вот мы и познакомились, Хранитель кладов» или «смертный, моли о пощаде», — попросил я вурдалака, того самого, что накануне Юльку испугал до судорог. — Меня в этом случае может на «хи-хи» пробить, драматизм сцены будет испорчен.

— Хорошо, — покладисто согласился нежданный визитер. — Как скажешь. Может, сразу на «ты» перейдем?

— Не вопрос, — икнул я и прикрыл рот ладонью. — Прошу прощения. Но в гости не просись, не приглашу.

— И это обидно. Почему-то все думают, что мы, получив разрешение войти в дом, сразу же осушаем его хозяев.

— А это не так? — Я присел на скамейку и вытянул ноги. — Неужто вы иногда приходите к ним просто так? Ну пропылесосьте ковер или телевизор посмотреть?

— Нет, — вурдалак устроился рядом со мной. — Мы ведь тоже люди. Да, не совсем такие, как раньше, но тем не менее. Для нас тоже существуют понятия «дружба», «верность», «любовь». Представь себе, Хранитель, мы тоже умеем любить.

— Сейчас расплачусь от умиления, — фыркнул я и достал сигареты. — Слушай, у меня сегодня был не самый простой день, потому сразу переходи к делу, а все вот эти заходы оставь для впечатлительных девочек. Внешность у тебя самое то, щетина модная, голос проникновенный, текст отменный, любая из них тебе свое горло подставит. Тем более что вампиры сейчас в тренде.

— Спасибо западным коллегам, — оскалился вурдалак и пригладил волосы ладонью. — Кто-то там хорошо вложился в рекламную кампанию нашего племени, подари Ночь ему гарем, состоящий из девственниц. Наши тоже пытались что-то подобное сотворить, но получилось так себе, все скатилось в незамысловатую притчу о добре и зле, а вот там все по уму забабахали, чем и обеспечили нам достаточно сносные условия существования довольно надолго. Даже вечно голодным и невозможно тупым упырям иногда удается свой кусок урвать.

— И что, даже Отдел на хвосте не висит? — выпустил дымок я. — Не поверю.

— Если девка сама говорит мне «выпей меня», то у Отдела не может быть никаких претензий. — Вурдалак снова показал мне свои клыки. — Ее никто не неволит, она сама сделала свой выбор. Свобода воли — вот высшее достижение современного мира. Нет ориентиров, нет устоявшейся морали, сегодня личное пространство победило общественные ценности. Я же говорю — не самое плохое время настало. Мы больше не ночные убийцы или нежить, мы — субкультура.

Ну в чем-то он, возможно, и не врет, но в целом, похоже, в мире Ночи никто никогда всей правды никому не скажет. Неправильное они себе название выбрали. Надо не миром Ночи называться, а миром Полутонов. Или миром Полуправды.

Если у вас все так красиво, на кой вам я сдался? Кстати, а почему бы в лоб этот вопрос вурдалаку и не задать?

— Но денег все равно не хватает, — печально вздохнул я, уже не особо скрывая сарказм. — Верно?

— Верно, — согласился мой собеседник. — Такая уж у нашего народа судьба с начала времен, нам вечно нужно золото. И ты станешь его нам поставлять.

— Слушай, а вот эти твои клыки, они как — трансформировались из тех зубов, что при жизни были, или у тебя новые выросли? — спросил я у него. — В смысле после того, как ты вурдалаком стал?

— Чего? — удивленно хлопнул густыми темными ресницами собеседник. — Ты издеваешься?

— Не-а, — я отправил окурок в урну, стоящую рядом. — Мне просто интересно. Все-таки не каждый день с тебе подобными общаешься, вот и возникают кое-какие вопросы практического характера. Опять же хочется понять, не помешают ли они тебе губы закатывать. А то, гляжу, ты их больно сильно раскатал.

Его рука цапнула меня за горло, сильно его сжала, так, что приток воздуха в грудь почти прекратился, после мои ноги оторвались от земли, а в спину врезались доски скамейки. Эта сволочь, похоже, распластала меня на ней и вот-вот начнет лакать мою кровь. Не работает ни фига тот амулет, что мне антиквар дал.

Вот тоже, где справедливость? Как не надо, на этой лавке то бабки сидят, то молодежь, то ханыги. Галдят, пьют, бывает, и песни орут. Вот всегда так, а сегодня — никого. Тьфу!

В этот момент хватка ослабла, а вурдалак зашипел, причем в этом противном звуке я расслышал что-то вроде: «Проклятый ритуалист».

Нет, работает амулет. Надо будет попробовать его у Карла Августовича выкупить, пусть даже на это уйдет вся наша со Стеллой доля клада. Деньги — мусор, а подобные штуки, как только что показала практика, полезны невероятно. Может, начать оккультную коллекцию собирать?

Надо же, какая ерунда в голову лезет в столь неподходящий для нее момент.

Воздух придал мне сил, а рожа, по-прежнему нависающая надо мной, вызывала все большее раздражение, потому нож, извлеченный из кармана, я пустил в ход, не особо задумываясь над разными моральными аспектами. Одно плохо — он вурдалаку, как и предполагалось, не особо повредил, хоть я его и вогнал ему в бок до самого упора.

— Эй, внизу! Вы чего там творите? — раздался голос откуда-то сверху. — А? Сейчас полицию вызову!

— Верно, — поддержал его другой голос, женский. — Я за ними уже минут пять наблюдаю! У, гомосеки проклятые! Из-за них род

людской и вымрет!

— Какая вы несовременная, мадам, — жеманно сообщил предыдущему оратору кто-то третий. — Два человечка нашли друг друга в этом сумасшедшем мире. И какая разница, какого они пола? Между ними любовь!

— Дал бог соседей! — рявкнул бас откуда-то слева.

— Валим, — просипел я, на автомате еще раз воткнув лезвие в бок своего противника. — Тебе пофиг, в кусты ушуршишь — и нет тебя, а мне тут жить. Если за мной закрепится слава заднеприводного, придется квартиру менять.

— Ты мне куртку за полторы штуки баксов порезал, — прошипел вурдалак, но горло мое окончательно отпустил. — Ладно, уходим.

Мы сползли с лавочки и быстро зашагали в сторону детской площадки, надежно скрытой в вечернем мраке, причем вурдалак оставлял за собой дорожку кровавых следов, правда, редкую на глазах. Похоже, с регенерацией у кровопийцы все обстояло замечательно.

— Чтобы тебе пусто было! — мой недавний противник, прислонившись к опоре качелей, засунул палец в дырку на боку куртки. — Дорогая вещь!

— Это не моя печаль, — парировал я. — Кстати, легко отделался. Я не экзальтированная дурочка, разрешений тебе никаких не давал, так что выпей ты меня — уже завтра на твой след встало бы немало народу. Знаешь, сколько в Москве на сегодняшний день Хранителей кладов имеется? Один. И нужен он многим.

— Мои проблемы — это мои проблемы, — буркнул вурдалак. — Сам виноват. Наглый ты очень, не люблю таких.

— Ты не лучше, — возразил я. — Даже хуже. Ты не только наглый, но еще и с психическими отклонениями. Кто вчера ночью подглядывал за тем, как я подругу совокупаю?

— Ой, да ладно, — вурдалак сплюнул. — Было бы на что смотреть. Ладно, вернемся к тому, на чем остановились.

— «Ты все равно будешь на нас работать», — утробным голосом произнес я. — Речь об этом? Ответ — нет. Теперь уже из принципа.

Самое забавное — страх перед существом, стоящим рядом, ушел совершенно. Его особо и не было, ради правды, но все же что-то на периферии сознания сигнализировало о том, что беседы с живым мертвецом

не самое правильное времяпровождение для нормального человека. Теперь же и это пропало. Ну, вурдалак. И что с того?

— Характер у тебя — дрянь, — заметил мой собеседник. — Жить будешь трудно и недолго.

— Это мне и раньше говорили. Однако вот, сижу, с тобой общаюсь, хоть и без особой охоты. Еще доводы какие-то в свою пользу есть? Если нет, то я спать пошел, у меня дел завтра много.

— Есть, — внезапно заявил вурдалак. — Причем даже с демонстрационными материалами. Секунду погоди.

Он достал из кармана куртки дорогой смартфон, нашел чей-то номер, вызвал абонента и перевел звонок на громкую связь.

— Нашел? — осведомился он, после того как абонент на том конце ответил. Площадку, кстати, тут же наполнил грохот музыки, похоже, что собеседник вурдалака находился в ночном клубе. — Включай. А ты — смотри.

Да, это был ночной клуб, причем не из дешевых. Какой именно, не скажу, давно в них не бывал, но кое-какие приметы в защиту своей версии заметил. Но это было не столь важно, не ради этого мне показывали «реалити».

Юлька. Именно она извивалась в танце в паре шагов от того, кто сейчас держал телефон в руках. Причем этот гад потихоньку-помаленьку обходил ее кругом, все более смещаясь за спину. Зачем? Затем, чтобы завершить трансляцию чудным кадром, в который попала ее шея, белая и беззащитная. Это был даже не намек, это на самом деле была открытая демонстрация намерений.

— Ну? — осведомился у меня вурдалак, убирая телефон в карман.

— Что? — хлопнул глазами я. — Да, это моя приятельница. Она тусует в клубе, как обычно упоротая в хлам. Ничего принципиально нового в этом нет.

— Если ты не станешь чуть сговорчивей, то уже сегодня вечером мой собрат попробует ее на вкус.

— Ее за последние лет десять на вкус попробовала такая куча народа, что подумать страшно, — фыркнул я. — И для меня самого загадка, на кой я вообще до сих пор пускаю ее на свой порог. А еще... Может, это и не самый плохой вариант. Ну, тот, что с твоим собратом. Может, оно и к лучшему.

Вурдалак ощупывал мое лицо взглядом, он искал подтверждение тому, что я блефую. Искал — и не находил.

— Что уставился? — я снова достал сигареты. — Да, вот как-то так. Юлька всегда была шептунья, а в последние годы как с цепи сорвалась. Ладно бы просто бухала, это еще ничего, но вчера она под «коксом» пришла, а после и мне предлагала им заброситься. Ты же давно живешь, знаешь, что это такое, верно? Так что извини, ни разу не аргумент. Желаете ее убить? Флаг вам в руки.

Вурдалак молчал, крутил в руках смартфон, смотрел на меня, о чем-то думал.

— И сразу — не надо считать меня высокоморальным человеком, я не такой. То есть если ты следом начнешь гнать другие голливудские штампы, вроде «если ты не согласишься, то каждый день в городе будет умирать десять человек», то получишь ответ «да и хрен с ними», — я криво улыбнулся. — В этом городе каждый день умирают тысячи человек, и половина из них — исключительно по собственной глупости. Та же самая наркота, вождение в пьяном виде и так далее. Всех жалеть — жалелка отвалится. У тебя все? Или еще какие-то соображения есть?

— А если мы тебе дадим наводку на хороший старый клад? Очень хороший и очень старый, — помолчав, произнес вурдалак. — Доля в тридцать процентов тебя устроит?

— Так и тянет процитировать классиков, — поделился с ним я. — Использовать фразу, в которой фигурируют ключ и квартира. Сразу скажу: если я и соглашусь, то не меньше, чем за половину барыша. И еще лично ты будешь должен мне три услуги.

Отчего в голове появилась эта идея про услуги, понятия не имею. Появилась и все. Но мысль неплохая, почему бы ее не реализовать?

— Может, просто тебя убить? — задумчиво произнес вурдалак. — Это-то мне амулет сделать не помешает. Шею свернуть или сердце из груди вырвать. Мне так, как ты, уже лет сто никто не хамил.

— Поверь, это я еще не стараюсь. Короче, условия озвучены, иди думай. И еще вот что. Если вы все же мою приятельницу в пищу употребите и она потом ко мне в ночи таскаться начнет, то я вас непременно Михееву сдам со всеми потрохами. Ты же знаешь, кто это такой? Вижу, знаешь. Из принципа сдам. Если ты не заметил, я вообще крайне принципиальный господин.

— Убей — не пойму, как магистр тебя смог заарканить, — покачал головой вурдалак. — Он подобное на нюх не переносит, и по идее тебя сейчас должны были черви в яме доедать.

— Магистр? — заинтересовался я. — Это ты о ком?

— О том, кто тебе вот этот амулет дал, — показал вурдалак пальцем на мою грудь. — Только ты мне вопросы о нем не задавай — ответов не будет. У меня тоже есть принципы.

Магистр. Что-то новенькое. Ну а ответы... Ты не торопись, мой кровососущий друг, с выводами, поживем — увидим. Хотя, конечно, по отношению к тебе слово «поживем» звучит как издевка.

— Не хочешь — не надо, — я выкинул окурок. — Ладно, спать пойду, а ты погуляй, поразмысли насчет того, что пятьдесят процентов — это не так и много. И еще... Дай мне свой телефон. Жизнь исключительно разнообразна, кто его знает, как дело повернется? Да! Тебя как зовут-то? Небось, как-нибудь по-особому?

— Данилой меня зовут, — рассмеялся вурдалак. — У нас сейчас тоже патриотизм в моде. Возвращаемся к истокам. Времена Даниэлей и Жан-Пьеров прошли вместе с модой на для пущей бледности напудренные щеки и пиджаки сюртучного типа.

— Да, чуть не забыл, — я ткнул ему пальцем в грудь, — хорош таскаться на мой балкон. Это и меня раздражает, и подъездных нервирует. Мы договорились?

— Когда-нибудь я тебя обязательно выпью, — с доброй улыбкой сообщил мне Данила. — Обещаю. Увы, сейчас ты нужен моей семье и моему господину, но в одну прекрасную ночь ты станешь бесполезен, и тогда я открою на тебя охоту. Но пока — живи.

— Значит, придется убить тебя до того, как ты доберешься до моей шеи, — в тон ему ответил я. — Даю слово, что так и будет. Ну, все, пока.

Последние фразы хоть и прозвучали немного иронично, но по факту были чистой правдой, и мы оба это поняли. Что это значит? Да только одно — сегодня я приобрел нового врага. Очень опасного врага.

И еще, выходит, он не глава семьи, а всего лишь советник, и он приходил, чтобы, скажем так, «прощупать» меня. Значит, как минимум еще одна встреча с этими господами у меня впереди. Но должен заметить, что не такие уж они и оголтелые убийцы, как про них рассказывал Карл Августович, в разумности им не откажешь. И на

лавочке Данила меня убивать не собирался, это точно. Попугать хотел для пущей сговорчивости, но не более. Поглядеть на реакцию, сделать какие-то выводы.

Да и идея прихватить меня на Юльке не так плоха. Ну да, банальна, очевидна, но действенна же. Еле удержался от того, чтобы не сфальшивить.

Юлька, Юлька. Если она не тормознет, то и без помощи потусторонних сил раньше или позже в кювет жизни улетит. Вот даже сейчас — надо бы ей позвонить, сказать, чтобы из клуба валила домой, но... Она меня не слушает. Да что там, просто не поймет, что я ей хочу сказать. А тот, кто рядом, наоборот, все поймет, и кому надо, и некто третий сделает нужные выводы. Данила этот кто угодно, только не дурак.

Так что пойду-ка я лучше спать. Завтра у меня и правда ожидается денек непростой и богатый на события. Не каждый день становишься владельцем трех предметов, изготовленных в те времена, когда еще летописец Нестор не родился.

Глава шестнадцатая

Разбудил меня звонок в дверь, непрекращающийся и протяжный. Отключить его, что ли? Это проще, чем Юльке объяснить, что не стоит всякий раз зажимать кнопку пальцем и держать ее до тех пор, пока дверь не откроется.

— Иду, — проворчал я, вставая с кровати. — Иду, чтобы тебе пусто было!

Полвосьмого утра! Елки-палки, лучше бы ее вчера вурдалак покусал и тем самым упростил мою жизнь. Лежала бы Юля сейчас холодненькая где-нибудь в укромном уголке, ждала, пока ее обнаружат, а я бы тем временем выспался. Ну да, так себе мыслишки, но я вчера реально вымотался, настолько, что сейчас за лишний час сна сам готов кого-нибудь убить.

Например, Стеллу. Зря грешил на подружку детства, это не она меня разбудила.

— А ведь ты хорош, — окинув меня взглядом, сообщила мне ведьма. — Заметно, что когда-то занимался собой. Но пресс надо подкачать, мой сладкий, еще немного — и пузико ползет. Оно тебе надо?

— Труссы спустить? — поинтересовался у нее я. — То, что под ними, оценивать станешь? Мне, в принципе, несложно, лишней стыдливостью не страдаю.

— Мальчик, я плясала в черных церемониях, — Воронежская прошла в квартиру, захлопнув за собой дверь. — Если бы ты знал, какие существа принимают в них участие и чем мне с ними приходилось заниматься, то понял бы, что мужскими причиндалами меня удивить проблематично.

— Все, все, — отмахнулся от нее я и зевнул. — Не надо меня грузить интимными подробностями о сложной и противоречивой судьбе ведьмы в этом безумном мире. Сразу верю в то, что ты в этой жизни видела все.

— Ничего такого я не утверждала, — бодро возразила мне Стелла. — Мир загадочен и удивителен, в этом его прелесть. Как только ты начнешь думать, что все о нем знаешь, он тут же подбросит тебе нечто новенькое. Вот, мы же стали с тобой одним целым? Что ты

скалишься? Я не в интимном смысле. И вообще, у тебя сегодня на редкость игривое настроение, мой славный Валера. Иди прими душ, лучше всего контрастный, а я пока сварю нам кофе.

— У меня его нет, — снова зевнул я. — Забыл в магазин сходить.

— Тетушка Стелла обо всем позаботилась, — ведьма тряхнула бумажным пакетом, который держала в руках. — Знала, что на тебя надежды нет. Иди в душ, я говорю, не трать время.

Кофе она прикупила отменный, его аромат я еще в ванной комнате ощутил. Мало того, на столе я увидел тарелку с круассанами и несколько порционных стеклянных баночек с джемами.

— Балуеть ты меня, Воронежская, — сказал я, усаживаясь на табуретку. — Смотри, привыкну, начну тебе по утрам названивать, требовать повторения банкета.

— И очень хорошо, — рассмеялась ведьма, наливая мне кофе из турки. — Ты расслабишься, потеряешь бдительность, и в один прекрасный день я тебя отравлю.

— Оптимистичное заявление, — открывая сахарницу, сообщил ей я. — Правда, есть один нюанс — я могу прикончить тебя раньше.

— Это вряд ли, — Стелла наполнила вторую чашечку и тоже устроилась на табуретке. — Я всегда буду на шаг впереди, просто прими это как данность.

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Будешь — и ладно. Слушай, а это что за джем такой? По наклейке и не поймешь.

— Это, — ведьма взяла баночку в руки, — э-э-э-э... Облепиха, лепестки роз, папайя. Н-да, когда я просила дать вкусы пооригинальней, на подобное не рассчитывала. Как эти компоненты вообще смешивать возможно? Это не джем — это готовая рецептура для забористого зелья, направленного на слабость желудка.

— Согласен, — я цапнул круассан, оказавшийся еще теплым, как видно, недавно выпеченным. — Иные авторские рецепты кулинарных изысков вызывают не столько восхищение поваром, сколько опасения за его душевное здоровье. Года три назад зашел я в...

И снова звонок в дверь. Причем опять по тому же принципу.

— Ты кого-то ждешь? — вздернулись вверх брови-ниточки ведьмы.

— И тебя-то не рассчитывал увидеть, — честно ответил ей я. — Но догадываюсь, кто это приперся.

Да, это была Юлька, невероятно растрепанная и толком не протрезвевшая после ночного загула.

— Лихо, — вздохнул я. — Кой черт тебя ко мне занес, Певцова? Ехала бы домой.

— Мама вернулась, — пропыхтела моя приятельница, опершись о стенку и скovyривая с ног туфли. — Опять бухтеть начнет. Не нравится ей мой образ жизни. Она его считает аморальным и недостойным для представительницы нашей фамилии.

— В чем-то ее можно понять, — признал я.

— Ты становишься ужасно душным, — заявила Юлька, а после икнула.

— Дорогой, а это кто? — мою шею обвили мягкие руки, а на плечо опустился подбородок. — Может, объяснишь? Столь ранний час не слишком подходящее время для визитов. И потом, если ты не забыл, у нас сегодня очень много дел. Надо побывать в нескольких ресторанах, заглянуть в ювелирный салон, решить вопрос с приглашениями.

— Валер, это кто? — до того сонные глаза Юльки широко распахнулись. — А?

— Это Стелла, — ответил я. — Моя...

— Невеста, — закончила фразу ведьма. — И на этом основании мне хотелось бы понять, что тут происходит.

— Невеста? — немного обиженно пробормотала Юлька. — Как невеста?

— Так случается, милая девушка, — ведьма провела ладонью по моим волосам. — На всякую дичь находится свой охотник. Или охотница. Вот этого дикого жеребца заарканила я. Ладно, что мы стоим в прихожей как непонятно кто? Если уж пожаловали, то проходите-ка в кухню, я вам сейчас кофе сварю. И еще, как вас зовут? Насколько я понимаю, вы с моим Валериком приятельствуете, раз в таком виде в такую рань в наш дом заявились. Надо хоть познакомиться. Да не краснейте, я все понимаю, мы взрослые люди, у каждого из нас была какая-то личная жизнь. Но она стала прошлым в тот момент, когда я ответила «да» на один очень важный для любой женщины вопрос.

— Валериком? — Юлька это слово просто-таки просипела. — Твоим Валериком?! Ну... Ну!

Она подхватила туфли и выскочила за дверь, после чего Стелла расхохоталась так громко, что у меня чуть уши не заложило.

— Ну и зачем ты этот перформанс устроила? — спросил я у нее. — Чего ради?

— Милый, я ведьма, — вытирая слезинки, выступившие из глаз, ответила мне она. — Мне не нужна причина, чтобы что-то подобное сотворить, особенно если это «что-то» меня повеселит. К тому же я создала пусть небольшую, но проблемку той, кто пробует заявить на тебя хоть какие-то права, а это приятно. Мне не нужны соперницы и противницы, я сама тебя съесть хочу. В одно горло.

Вот и гадай, в каком смысле она это делать собирается — в переносном или буквальном?

И еще — интересно, а если схлестнутся вурдалак и ведьма, то за кем останется победа?

— Пойдем завтракать, — мягкие губы Стеллы коснулись моей щеки. — Все остывает. А после ты мне расскажешь, чем там у вас вчера дело кончилось. Да, чуть не забыла, спасибо тебе за то, что не дал моего Петрушу пристрелить. Считаю, что у меня перед тобой небольшой должок образовался.

Само собой, все я ей рассказывать не стал, перебьется. Но в общих чертах события изложил. Нет смысла особо секретничать, не та это тема.

— Ничего мы из этой шкатулочки не получим, — Стелла пододвинула ко мне тарелку с последним круассаном. — Ешь, ешь, не стесняйся. Так вот, он все себе оставит, а нам просто денег зашлет, причем в рублях, попомни мое слово. Мало того, стоимость найденного он занизит в разы, так что не четверть нам светит, а крохи от нее. А все ты!

— Да хорош уже на эту тему меня пилить, — попросил я ведьму. — Деньги — это хорошо, но нам сейчас другое нужно, а именно его лояльность. Сделаем то, что положено, — расклад сразу поменяется.

— Какой расклад? — прищурила левый глаз Воронежская. — Если мы в срок уложимся и Великого Полоза ублажим, разве тот дар, что он тебе дал, ты при себе оставишь? Ты же не хотел этого делать? Как же «хочу жить как раньше» и все такое прочее? Ай, Валера Швецов, поблазнило тебя золотишко-то, поблазнило, душу твою перекраивать начало. Еще чуть-чуть — и совсем нашим станешь.

— Вашим я никогда не буду, — невозмутимо ответил ей я. — Меня в ведьмы не возьмут — пол не тот.

— Нашим не значит ведьмой или ведьмаком, — Стелла хихикнула. — Это кое-что другое. Мир под Луной — как одностороннее шоссе, туда путь есть, обратно — нет. И ты это уже начал понимать, как я погляжу. Ладно, давай я посуду помою, а ты иди собирайся. День будний, пока до Сивцева Вражка доедем, в пробках настоимся. А еще готовься к тому, что я тебе всю дорогу буду мозги проедать насчет того, что ты продешевил в торге со старым хрычом Шлюндтом. Я, Валера, очень меркантильная и мелочная. Впрочем, думаю, ты и сам это уже заметил.

Слово свое она сдержала, нудила все полтора часа пути практически без остановки, прерываясь только на то, чтобы отmaterить или даже проклясть водителей, не желающих уступить ей дорогу. Причем одному из них, владельцу серебристого «Ровера», не повезло прямо на моих глазах, он ни с того ни с сего заглох на повороте и чуть не получил удар от следующего за ним автомобиля. Мало того, следом за этим из-под капота внедорожника повалил сероватый дым, а Стелла, глянув на происходящее, хищно улыбнулась.

— Не слишком жестишь? — поинтересовался я у нее, глядя на водителя, который с огнетушителем в руках полез под капот. — Не перебор?

— Нормально, — Стелла бросила в рот мятную конфетку. — Вперед ему наука будет. Пусть уважает автоледи! О, опять тебе твоя алкашка написала. Чего теперь?

Ну да, очередная эсэмэска от Юльки. Она, пусть и неосознанно, вошла в союз со Стеллой, и теперь одна меня донимала вербально, а вторая — эпистолярно. Причем практически каждое ее послание если не противоречило предыдущему, то как минимум создавало некий диссонанс с ранее написанным.

«Швецов, я тебя ненавижу!»

«Швецов, тебя больше нет в моей жизни!»

«Швецов, нам надо встретиться и поговорить!»

«Швецов, я не желаю тебя видеть НИКОГДА!!!!!»

«Швецов, больше мне не пиши и не звони!»

«Швецов, я хочу получить ответ на свой вопрос!»

«Швецов, ты для меня никто!»

Ну и так далее. Что интересно, ни разу не повторилась. Может, есть некое специальное пособие для расставания, в котором приведен список пятидесяти или даже ста типовых фраз для прощальных СМС?

И ведь, что самое забавное, говорить-то нам особо не о чем. Нет-нет, я не мальчик в коротеньких штанишках, который не понимает очевидных вещей, но... Раз пять уже поднималась тема о том, что нет ничего между нами. Имеется в виду такого, что для женщин проходит под грифом «самое главное», а мужчинам кажется лютым бредом. В первый раз в Гааге, потом на выпускном и потом еще... Ну а после я придумал тот самый «тридцатилетний» договор, заранее зная, что тетя Жанна все равно выпихнет ее замуж до наступления этого срока. И точно не за меня.

Ну а постель — она не в счет. Сейчас не пуританские времена, секс, как известно, не повод даже для знакомства. Да и нужен он больше ей, чем мне. У меня и так все хорошо в этой связи.

Карл Августович снова нас опередил, хоть мы и прибыли минут на десять раньше назначенного времени. Кстати, вот еще вопрос — откуда Стелла узнала, во сколько мы с ним встречаемся? Я ей не звонил, ничего не говорил, а она, как всегда, в курсе происходящего. Нет, можно предположить, что в квартире стоит «жучок», но вот только и там на данную тему разговоры не велись.

— Что-то ты не очень хорошо выглядишь, — антиквар первым подал мне руку. — Никак бурная ночь выдалась?

— Скорее вечер, — отозвался я. — Карл Августович, можно попросить вас о небольшом одолжении?

— Слушаю тебя, — оперся спиной на машину тот. — Чем могу быть полезен?

— А продайте мне тот амулет, который вурдалаков отпугивает. Вас они, полагаю, и без него седьмой дорогой огибают, а мне с ним куда спокойнее будет.

— Никак опять кто-то из этого племени визит тебе нанес? — рассмеялся Шлюндт. — Ох, их бы упорство да на благие цели направить.

— Мне почему не сказал? — нахмурилась Стелла. — Это вопрос серьезный, тут для смеха поводов не так много. Навалятся вдвоем-втроем — и никакой амулет им не помешает.

— Вы недооцениваете силу старых вещей, госпожа Воронежская, — возразил ей антиквар. — Поверьте, пока этот артефакт на шее нашего с вами друга, он в безопасности.

— А если за него возьмется один из патриархов? — негромко осведомилась ведьма. — Что тогда?

— Тогда ему конец, — несколько равнодушно произнес Карл Августович. — Как и вам, кстати. Как и многим другим из наших с вами общих знакомых.

— Но вы-то уцелеете даже в этом случае, — язвительно бросила ведьма. — Не так ли?

— Не знаю, — антиквар поправил шляпу. — Не было случая проверить, кто из нас сильнее. Вы же знаете, я очень мирный человек. Моя профессия не предполагает шума, гама, драк, крови, превозможания и всего такого прочего. Старые вещи, артефакты, предметы искусства, летописи и рукописи — вот моя стихия.

— И большие деньги, — со значением продолжила его фразу Стелла.

— Само собой, — антиквар щелкнул пальцами, и Антон подал ему небольшой кейс, который достал из салона автомобиля. — Валерий, вот твоя доля. Я помню нашу беседу в кафе, но мне подумалось, что в данный момент ты и сам предпочтешь наличные. Сверху ты найдешь список предметов, из которых состоял клад, а также их рыночную стоимость. Если цифры вызовут сомнение, то за тобой остается право обратиться к другому эксперту за независимой оценкой. Но очень тебя прошу прежде позвонить мне и сказать, кто именно будет выступать в качестве этого эксперта. Как ты понимаешь, мы некоторым образом нарушаем закон...

— Не вижу в этом смысла, — перебил я его. — Не думаю, что в столице есть специалисты лучше вас. К тому же это, если можно так выразиться, семейное дело, зачем нам посторонние глаза и уши?

— Я рад, что не ошибся в тебе, — сказал старик, кладя мне руку на плечо. — И мне приятно сознавать, что у нас впереди долгое и взаимовыгодное партнерство.

Стелла тихонько фыркнула, но говорить при этом ничего не стала, промолчала. И правильно сделала.

— И все-таки, — я прислонил кейс к багажнику автомобиля и щелкнул замками, — Карл Августович, что насчет амулета? Я готов

рассчитаться с вами прямо сейчас, вы, главное, цену назовите.

Ого. Мое новое призвание заиграло новыми оттенками, и все они были не серого цвета, а оранжево-красного, с изображением Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Это только четверть? Впечатляет. Однако выгодно Карл Августович вложил перстень Борджиа, выгодно. Тут не тысячей процентов дохода пахнет, а куда более впечатляющей цифрой.

— Вот, мальчики, как надо дело делать, — заглянув мне через плечо, сообщила Антону и Виталию Воронцовская. — Учитесь!

Шлюндт захлопнул кейс, укоризненно глянул на меня, а после погрозил пальцем ведьме.

— Длинный язык хорош только для кошки, чтобы было удобнее себя вылизывать, — сообщил он ей. — А человеку следует помнить, что он может стать для него источником бед. Валерий, относительно амулета — он твой, я дарю его тебе. А теперь пройдем в банк, пора завершить наш расчет окончательно. Стелла Аркадьевна, будьте любезны, передайте ключик, что был вам доверен, нашему общему другу!

И снова я услышал голоса предметов еще до того, как массивный ящик был извлечен из ячейки.

— Он вернулся, — шелестели они, похоже, общаясь друг с другом. — Вернулся! Хранитель, мы хотим уйти, помоги нам это сделать!

Лязгнула крышка, после чего Карл Августович отошел в сторону, жестом давая мне понять, что теперь эти вещи мои.

— Хранитель, — в унисон тянули они, — ну же! Мы здесь, и мы желаем свободы! Отпусти нас туда, где наш дом, где наше место!

Интересно, а где их дом? Он вообще существует? Люди живут на Земле, а после смерти попадают... Ну... Если честно, не знаю я, куда они попадают. Думаю, Библия права и каждому будет воздано по вере его. Ну а атеистам вообще ничего не достанется, поскольку они ни во что не верят.

Но это-то не люди. Это вещи. Потому совершенно непонятно, куда их влечет. По факту сам предмет и есть дом?

Ладно, не суть. Пусть идут туда, куда захотят, главное, что часть дела сделана.

На этот раз никто не перехватывал мою руку, она накрыла браслет, и я ощутил, как под моими пальцами шевельнулась вещь, помнящая те времена, когда мир был относительно юн. Шевельнулась, уколола руку так, будто еле-еле ударила меня электричеством, и затихла навсегда. Но в моих ушах еще долго звучал торжествующий вопль ушедшей в никуда души предмета.

Наголовный обруч оказался куда учтивей, он успел шепнуть мне «спасибо», а мою щеку словно погладила нежная девичья ладонь.

«Очень интересно!» — прошептал антиквар, не сводивший с меня глаз.

Я ничего ему не ответил, протянув руку к последнему предмету — к тускло поблескивающему золотыми боками кольцу.

И в тот миг, как я его коснулся, стол, находящийся в небольшой кабинке, которую мы со Шлюндтом заняли для решения наших вопросов, вдруг стремительно приблизился ко мне, после в глаза брызнула чернота, а все звуки вокруг исчезли так, будто их никогда и не было.

И меня не было. По крайней мере именно так мне показалось на мгновение, ровно до той поры, пока я не открыл глаза и не увидел отблески света на высоком каменном потолке. Причем это был не бетон, а природный камень.

— Вставай, Хранитель кладов, — голос, который показался мне смутно знакомым, раздался совсем рядом. — Я знаю, ты меня слышишь.

И лежу я тоже на камне, холодном и бугристом.

Ничего не понимаю!

Но спорить с тем, кто стоял рядом, не стал, поднялся на ноги и огляделся вокруг.

Это пещера какая-то, что ли? Похоже на то. И выглядит она очень антуражно.

В центре ее горел костер. Неяркий, не очень высокий и не дающий жара. Эдакий холодный огонь, если так можно выразиться. Но его света хватало на то, чтобы увидеть несколько изрядных груд золотых монет, какие-то массивные сундуки, расписанные узорами, украшения, кучками лежащие на каменном же столе, и оружие, прислоненное к стенам. Мечи, кривые сабли, копья с обоюдоострыми наконечниками,

какие-то доспехи, щиты, положенные друг на друга. Короче, арсенал да и только.

А еще тут имелся трон. Деревянный, с высокой спинкой, с широкими подлокотниками и очень искусно вырезанными на нем изображениями двух птиц с человеческими головами.

И это был именно трон, а не просто кресло, я это откуда-то наверняка знал.

— Ну что, Хранитель, огляделся? — весело спросил тот, кто стоял рядом со мной. — Нравится тебе здесь?

Был он невысок ростом, но крайне хорошо сложен, не стар, но и не молод, не слишком красив, но и уродом его называть было бы неверно. А еще он был чрезвычайно рыж. И одет очень странно — в какой-то черно-красный старинный кафтан, доходивший аж до колен.

— Так себе, — я потер ладонью лоб. — Мрачновато. А это «здесь» — где? Я не очень понимаю...

— Где? — рыжий обвел глазами помещение. — Это курган.

— Курган? — совсем уже опешил я. — Какой курган?

— Погребальный, — охотно ответил мне тот, кто стоял рядом. — Какой же еще?

Плохо дело. Как видно, события последних дней все же сказались на моей психике и теперь я существую в двух реальностях — той, которая настоящая, и в этой, созданной моим сознанием. Наложились рассказы Карла Августовича на эмоции, которые я усиленно загонял внутрь себя, и вот, получите погребальный курган с экскурсоводом, одетым по древнерусской моде. Впрочем, может, за пределами кургана меня встретит еще и серый волк с молодильным яблоком в пасти. Сяду я на него и поскачу за леса, за моря, к острову Буяну, где лежит бык печеный... Ну и так далее по тексту.

— Страшно стало за головушку буйную? — участливо спросил рыжий. — Да?

— Скорее грустно, — сообщил я очень реалистичной галлюцинации, которая, кстати, откуда-то знала, что я Хранитель кладов. Хотя она же порождение моего разума, так что все логично. — Хотя некий шарм в этом есть. Все-таки не как все. Велика ли радость стать очередным Наполеоном? А тут экзотика.

— В себе ты, Хранитель. В своем разуме, — уже без шутовских ноток сообщил мне собеседник. — И это на самом деле погребальный

курган, некогда в нем нашли упокоение князь Брячислав да десять его ближних воинов. Великое дело они сотворили, великого врага побороли, потому и честь особую заслужили. Не всякого в Нави упокоят, это место не для сна, а для искупления создано.

— В Нави? — потряс головой я. — Стоп. Навь — это тоже из фольклора. Как там... Явь, Правь, Навь... Что-то такое нам читали на втором курсе.

— Потому и вопрос твой был неверен, — словно не слыша меня, продолжил рыжий. — Надо было спрашивать не «где я», а «когда я».

— И когда я?

— А никогда, — он уселся на трон. — Здесь нет времени. Здесь нет «вчера» и «завтра». Навь уснула много сотен лет назад, серый туман забвения стал ее одеялом.

— Если нет времени, то нет ничего, — я помассировал виски. — Место без времени — это пустота, в ней нет входа и выхода.

— Отчего же? — незнакомец поерзал на троне. — Вон выход. Во-он там. Если хочешь, можешь отсюда уйти.

Я глянул в заданном направлении и в самом деле увидел черный проем. Мало того, разглядел ступеньки лестницы, ведущие вверх.

— Иди, — повторил рыжий. — Поднимись по ходу, толкни дверь — и ты выйдешь из кургана.

— Выйду куда?

Молчал этот странный человек, и только огоньки костра поблескивали в его глазах. Или это не огоньки?

Впрочем, на этот вопрос ответ я уже знал. Первое изумление прошло, а с ним вернулось умение складывать один и один.

— Лучше тут останусь, — поразмыслив, сообщил ему я. — Здесь уютно, тепло и компания хорошая. И потом, не всякий день выдается возможность пообщаться с тем, кто мою жизнь наизнанку вывернул.

— Я знал, что ты смышлен, — хмыкнул рыжий. — Выйди ты из кургана — и не было бы тебе пути обратно. Ни сюда, ни в твой мир. Ничто никогда никого обратно не выпустит. В нем нет дорог, а значит, невозможно никуда прийти. Даже Смерти — и той в нем нет. И бродить тебе в сером тумане ни живым, ни мертвым до скончания времени.

— А времени тут нет, потому это продлится вечность, — в тон ему закончил я фразу и отвесил поклон. — Исполать тебе, батюшка

Великий Полоз.

Яркая вспышка — и вот вместо рыжего мужичка трон обвивает клыкастый змей, чье тело переливается словно жидкий огонь. Или как расплавленное золото.

— И второй раз тебя похвалю, — теперь это был не человеческий голос, в нем отчетливо слышались шипящие нотки. — Не за то, что смекнул, кто я есть. Это было несложно, и не догадайся ты — я был бы расстроен. За то хвалю, что выполнил первый урок. Правды ради замечу — не только для меня ты старался, но и для себя, поскольку я еще на поляне срок на то отвел, и ты в самый его предел уложился. Вам про то было неизвестно, но это не столь важно. Не принеси ты мне сегодня дары Лыбеди — так нынче же ночью к тебе пожаловала бы незваная гостья, чтобы подарить свой поцелуй, первый и последний. А он таков, что доброго посмертия после него не жди, нет. И надоедливую муху, что я к тебе приставил, она бы тоже навестила. Ее, правда, больше для порядка. А вот тебя — за то, что ты меня опечалил. Не люблю огорчаться.

И ведь не пугает он меня, так и случилось бы. То-то в последние дни у меня знак на груди то и дело чесался, а после этого на душе как-то муторно становилось. Это мне две змейки скорую смерть пророчили. И встречу со своей старшей коронованной сестрой, которая и оказалась бы той самой ночной гостьей.

— А раз так, вот тебе моя награда, — продолжил Полоз. — До того времени, что я вам отмерил, бояться более нечего, не стану карать за промедление или нерадивость. Но в Змеиный день спрошу за все сразу, будь уверен. Выполните службу — получите награду. Нет... Ты смекалистый, поди, сам сообразишь, как оно тогда случится.

— В общем-то, детально не соображу, — признался я. — Но воображение у меня богатое, думаю, оно выдаст много вариантов развития событий.

Змей раззявил пасть, то ли посмеялся над моим ответом, то ли зевнул.

— А обратно мне как? — поинтересовался я. — Сюда меня, как я понял, кольцо забросило каким-то образом. Мне теперь снова его потрогать надо?

— Никто тебя сюда не забрасывал, — назидательно произнес Полоз. — Ты мой должник, Хранитель, я пожелал тебя видеть в своем

доме, и вот ты здесь. А кольцо... Оно просто выполнило мою волю в благодарность за то, что я отпустил ту часть Лыбеди, что в нем жила. Я же велел тебе его сыскать? Стало быть, мне и почести принимать.

Века идут — ничего не меняется. Делают исполнители, выгоду получают руководители. Не так уж наши предки от нас и отличались, похоже. Мне это, кстати, и до того в голову приходило, когда я «Повесть временных лет» штудировал на втором курсе. Если копнуть поглубже, то можно увидеть, что это не исторический документ, а детальное описание разноуровневых бандитских разборок.

— Честь вам и хвала, — все же не удержался от иронии я. — Но ответа я так и не получил. Просто очень мне не хочется застрять в месте, где нет времени и жизни, а все дороги ведут в серый туман, из которого нет выхода.

— Нет тут дорог вовсе, — Великий Полоз оплел трон в три кольца, а голову свесил со спинки. — Откуда им взяться? А что до жизни... И ее не было до последнего времени. И посейчас нет на этом берегу Смородины. Тут только марево, пустые поля, деревья, в которых нет соков, да герои, спящие в курганах. А вот на том берегу неладное стряслось недавно.

«Смородина». Тоже что-то знакомое, но не могу ухватить мысль за хвостик. А, точно. Берега! Это река. На мосту через нее то ли Добрыня Никитич Чуду-юду бил, то ли Алеша Попович еще кого-то...

— Чего за беда? — из приличия спросил я, хотя на самом деле мне это было не слишком интересно.

— Проснулся там кое-кто от вечного сна, — прошипел Полоз. — Не знаю даже, с чего такое случилось. Все спят, кто за Кромку не ушел, а она возьми и пробудись. Мало того, к ней сила начала возвращаться! Знать, нашла она какого-то дурака, который сам не ведает, что творит. Я несколько раз подползал к самому берегу, глядел на нее, но не смог увидеть того, кто ей служит. А он тут был, был, я чуял живую кровь!

Хм-м-м... Значит, я не первый, кто в этих краях побывал? Интересно было бы пообщаться с тем, кого мой работодатель унюхал. Обменяться опытом да и предостеречь его. Мы с ним не враги, а скорее товарищи по несчастью.

И еще — «она» — это кто?

— Но ничего, — пасть змея распахнулась, демонстрируя клыки. — Мост раньше или позже соединит берега, и тогда...

Челюсти лязгнули, от тела Великого Полоза так пыхнуло жаром, что я даже подпрыгнул. Не завидую я той даме, что где-то там проснулась. Ничего хорошего ее не ждет.

Хотя кто знает, что там за дама такая, может, не лучше этого пресмыкающегося и не повезет именно ему?

— Сыщешь мне того, кто к Моране ходит, — в накладе не останешься, — вдруг деловито предложил змей. — Приказать тебе того не могу, не в моей это власти. Но ты знай — награда будет такая, что за нее великие владыки людские что тогда, что сейчас все бы отдали.

— Если не секрет, о чем речь? — заинтересовался я, сделав в памяти заметку глянуть в сети, кто такая Морана.

— Вон, видишь у стены баклажка стоит? — мотнул башкой Полоз. — Вон там? Да, она, серебряная. В ней на три глотка питья осталось. А питье то — сок того дерева, на котором Род сидел, когда Явь творил. Каждый глоток одно желание людское исполнит. Хочешь — корону земную пожелай, хочешь — смерть врага, хочешь — вечную жизнь. Сам решай, чего тебе нужнее.

— А в чем подвох? — тут же спросил я. — Не бывает таких вещей без фиги в кармане.

— Нет подвоха, — Великий Полоз подполз ко мне, и его морда оказалась совсем недалеко моего лица, отчего появились опасения, что я в любой момент могу стать стейком со степенью прожарки «too well done». — Нет. Пей — и получишь то, что желаешь. Здесь загадаешь, а там все сбудется. Найди помощника той, кто всегда стоял у меня на пути, — и один глоток твой. Клянусь в том Землей и Водой, Небом и Ветром.

— Поищу, — задумчиво пообещал Великому Полозу я. — Результат не обещаю, но поищу.

— И помни — осень близко, — прошипел змей, а после его клыки впились в мое плечо, заставив заорать от боли.

Глава семнадцатая

— Ох, — это все, что я смог сказать, когда снова открыл глаза и увидел над собой не неровный каменный потолок, а серую сталь банковского хранилища, подсвеченную лампами дневного света.

— Однако, Валерий, ты меня слегка напугал, — сообщил антиквар, чье лицо вплыло в поле моего зрения. — И, правды ради, легко отделался, падал-то ты прямиком на край стола. Убиться не убился бы, но травму получить мог изрядную. Но я тебя поймать успел, а после на пол уложил.

— Спасибо, — пробормотал я, переходя из положения лежа в положение сидя. — Что это было?

— Не знаю, — развел руки в стороны Карл Августович. — По виду — классический обморок, вот только с чего бы тебе в него падать? Ты парень крепкий, нервы у тебя в порядке. Ты сам-то чего помнишь?

Да все я помню. И надвигающуюся гладь стола, и пещеру, и слова Великого Полоза, все до последнего. Вот только вам, Карл Августович, я про это рассказывать не стану, поскольку наше с ним общение — дело личное, не сказать интимное.

И про главный приз, что огненный змей назначил за неведомого мне служителя затрапезной богини, тоже помню. Хороший приз, достойный, спору нет, вот только не верю я в него. Не бывает таких штук на белом свете, причем не только на этом, но и на том. Да и как его найдешь, этого незнакомца?

Кстати, ведь Полоз меня опять укусил, на этот раз в плечо!

Я расстегнул пару пуговиц на своей пестрой гавайской рубашке, оголил плечо и глянул на то место, в которое пару минут назад впились острые, чуть загнутые клыки фольклорной рептилии. Ничего. Пустота. Что и следовало доказать — чуть загорелая кожа без малейших признаков повреждения. Нет, в определенной реальности беседы с моим неожиданным работодателем я не сомневаюсь, как и в том, что промедли я на день, то мне настал бы конец, но вот в существование «эликсира желаний» все равно не слишком верю, даже учитывая всю ту сверхъестественную суету, что царит вокруг моей особы.

— Подозреваю, что эти предметы теперь представляют собой просто старинные украшения, — Шлюндт провел рукой по

украшениям Лыбеди. — Верно?

— Они и до того таковыми являлись, — я, побряхтывая, встал с пола. — Спасибо вам, Карл Августович. Ходить по улицам с расквашенной физиономией и пугать ей мирное население — радость сомнительная.

— Ну, есть определенный тип женщин, которым как раз нравятся мужчины с подобными отметками на лице, так что даже из подобной ситуации можно было бы извлечь кое-какой гешефт, — хихикнул старичок. — Впрочем, ты и без того достаточно мужественен и молод, женщины не оставят тебя своим вниманием.

— Одна — так точно, — я показал пальцем на потолок. — Ни вниманием, ни заботой не обделит.

— Ты сам дал себя загнать в угол, — поправил шляпу антиквар. — Я изначально советовал укоротить ее устремления. Ведьмы всегда ведут агрессивную политику в общении, навязывая свои интересы всем, кто им нужен.

— Но если бы не она, то вряд ли бы наша встреча состоялась, — резонно заметил я, открывая кейс, который прихватил с собой в хранилище. — Вы бы не узнали обо мне, а я бы не имел чести познакомиться с вами.

— Ты так думаешь? — немного насмешливо осведомился Шлюндт. — Поверь, это не так. Хотя, разумеется, времени бы прошло гораздо больше. А ты что делаешь?

— Подвожу итоги, — сказал я, перекладывая пачки денег из кейса в ящик. — Вам же эта ячейка уже не нужна?

— Нет, — покачал головой старик.

— Ну и замечательно, — улыбнулся я. — Переоформлю ее на себя, а чемоданчик отдам Стелле. Да-да, я с вами согласен насчет коэффициента полезного действия, но договор есть договор. Да и потом, никогда богато не жил, не стоит и начинать.

— Ну, последнее спорно, — уклончиво заметил антиквар. — В твоём случае — в последние годы богато не жил. Но уважаю твою позицию, поскольку сам всегда стараюсь вести дела честно, даже с учетом моей профессии, которая предполагает определенную степень неискренности во всем. Торговля древностями — очень тонкая материя, в ней иногда невозможно провести грань, отделяющую правду от вымысла, поскольку тех, кто сотворил ту или иную вещь,

равно как и тех, кто ей владел, давно нет среди живых. А раз нет очевидцев, то нет и гарантированно честного рассказа о том, что вокруг предмета происходило, некому отделить истину от слуха. Как-нибудь напомни, я расскажу тебе историю о камнях Клеопатры и о моих попытках выяснить, правда ли они были подарены ей Антонием незадолго до смерти. Ох, сколько вокруг них всего было накручено! К слову, что теперь станешь делать с этими тремя вещичками? Они же тебе, если не ошибаюсь, больше не нужны?

Упорный какой.

— Что буду делать? — повторил я и провел рукой по каждой из вещей. Да, теперь это были просто старые украшения. Безмолвные и, если можно так высказаться, неживые. — Что буду делать?

— Если хочешь, я найду того, кто охотно их приобретет, — вкрадчиво произнес антиквар. — Мое слово заменяет любые экспертизы, ему верят. Этот гарнитур может принести тебе неплохие деньги, Валерий. Что до меня, я готов работать из... Ну, скажем, из двадцати процентов прибыли.

Кстати, божеский процент. Он находит покупателя плюс ручается за качество товара, так что это на самом деле не так и много.

— Нет, — покачал головой я. — Не стоит. Пусть останутся тут пока. Может, я тоже в коллекционеры подамся.

Продать я их всегда успею, никуда подобная сделка не убежит. А осенью, если я до нее, разумеется, доживу, лучше все вещички с собой в лес прихватить будет, как дополнительное доказательство проделанной работы. Естественно, Полоз обо всем происходящем в курсе, но все-таки... Меня Розалия Наумовна так приучила. Мало отправить файл в вышестоящую инстанцию по мейлу — надо еще и бумажную версию того же отчета на обычную почту отнести, чтобы квитанция с отметкой о приеме имелась, равно как и реестр вложенных в письмо бумаг. Потому что это документ, который не оспоришь. Я сначала посмеивался над этими ее старорежимными замашками, потому что смотрелось подобное, прямо скажем, забавно. Эдакая древность в царстве древностей. Но после первой же проверки понял, насколько она права, поскольку все эти квитанции, уведомления с отметками почты и все остальное реально избавили нас от массы проблем.

Так что пусть полежат вместе с деньгами тут, в ячейке. Целее будут.

— Из тебя, Валерий, коллекционера не получится, — рассмеялся Шлюндт. — Ты Хранитель, это другая ипостась, так что извини. Те вещи, что в земле еще не лежали, тебя боятся, потому что ты в любой момент можешь стать их владыкой. Те, что там побывали, тоже тебя опасаются, не хотят обратно. Ну а те, что сейчас в ней находятся, — они и так все твои.

— Ну, не все же вещи меня чувствуют? — возразил я. — И не все они имеют... Как бы так выразиться...

— Свое «я», — подсказал мне антиквар. — Разумеется, не все. Душа и воля у вещи появляется не вдруг. Тут важно все: талант ее создателя, история, благодаря которой она явилась на свет, руки первой хозяйки или хозяина да и все дальнейшее существование. Например, попало как-то раз ко мне кольцо Екатерины Долгоруковой. Ну, той, что могла стать царицей всея Руси, да так и не стала. Ты же помнишь эту историю?

— Это которая невестой Петра Второго была? — уточнил я. — Еще бы!

— Ну да, — кивнул старик. — Колечко это ей батюшка подарил вместе с серьгами и цепью нашейной, что была лалами да яхонтами изукрашена. Ну, так значилось в приходно-расходной книге ювелира, что Долгорукову-старшему их продал аккурат после того, как его дочь с государем возлегла. Надо думать, решил папа дитяtko порадовать подарком за успешно проделанную работу. Я долго эти предметы в комплект собирал, их по свету в разные стороны разбросало. Они и по отдельности, конечно, немало стоят, но вместе прибыли принесут после перепродажи куда больше. Последним как раз кольцо отыскал, причем за не очень большие деньги. На удивление небольшие. И, что примечательно, его владелец чуть ли не плясал, когда мне его продал.

— И? — заинтересовался я.

— Опуская разные детали, скажу только, что новая обладательница данных сокровищ, милейшая и добрейшая женщина, через месяц чуть не убила свою дочь, которую ранее обожала невероятно. И знаешь как?

— Как? — я присел на край стола.

— Она ее хотела задушить. Я, к своему стыду, не сразу понял, что к чему, когда про это услышал, но чуть позже догадался, в чем дело.

— И в чем же?

— Напомню тебе, мой юный друг, что Екатерина Алексеевна понесла от Петра Второго, — назидательно произнес антиквар. — А родила тогда, когда его уже не было на свете и над ее семейством сгустились черные тучи в виде Анны Иоанновны, прочно обосновавшейся на престоле. Не знаю, что именно двигало несостоявшейся императрицей, — жалость к ребенку, судьба которого могла бы оказаться крайне печальной, сострадание к себе, вынужденной заботиться о потомстве покойного государя, которого она никогда не любила и который, по сути, разрушил ее судьбу, или что-то еще. Не знаю. Но факт есть факт — она придушила дитяню подушкой почти сразу же после того, как его родила. Сейчас, в наши гуманные и просвещенные времена, это звучит диковато, но тогда подобное было если не нормой вещей, то уж точно не невидальщиной какой.

— Все равно изуверство, — вытер я со лба выступившие капельки пота.

— Не осуждай ее, — погрозил мне пальцем антиквар. — В другой ситуации та же Екатерина просто наняла бы кормилицу да нянюшку, дала бы им пару кошелеек с золотом и отправила в одну из деревень, принадлежащих ее папеньке, чтобы те пристроили чадо в семью поприличней. Собственно, так поступали с нежелательным приплодом все благородные дамы того времени, включая время от времени даже великих княгинь и императриц. Но тут другое дело. Тут правнук Петра Первого ручками-ножками сучит, между прочим. Ладно, не суть. Так вот, то кольцо было в момент удушения у нее на руке и запомнило все, что испытывала владелица. Страх, боль, отчаяние — все.

— Проклятая вещь, — медленно произнес я.

— Не совсем, — поморщился Шлюндт. — Это немного другое, некая метафизика. Воля кольца оказалась сильнее воли его новой владелицы, и оно навязало ей то единственное, что помнило. Так вот, к чему я это тебе рассказал — ты им всем хозяин, Валерий. Кольцам, перстням, аграфам, ожерельям, кинжалам — всем. Помни об этом. И о силе, что в иных вещах скрыта, не забывай ни на минуту. Глянешь так на предмет — браслет как браслет, а копнешь, что за ним стоит, — и волосы дыбом встанут. Ну, у кого они, разумеется, есть. И если ты хоть

на миг дашь им понять, что они сильнее, чем ты, то может случиться большая беда. Не с тобой, но с теми, кто будет рядом.

— То есть я теперь обречен на одиночество?

— Ты не понял, — опечалился антиквар. — Ну не беда. Пройдет время, и сам во всем разберешься. Совсем короткое время, не сомневайся. Твоя прежняя тихая жизнь кончилась, наступила пора больших перемен. Да, что касается твоих проблем с вурдалаками — я обещаю тебе помочь, а ты до поры до времени будь осторожен.

— Куда уж осторожнее, — проворчал я. — Но они же упорные как не знаю кто. Вот вчера...

И я поведал Карлу Августовичу о вчерашней беседе с ночным убийцей, причем во всех подробностях.

— Интересно, что за клад они имели в виду, — потер подбородок он, дослушав меня. — Старый, значит? Очень, очень любопытно!

— А мне, если честно, нет, — признался я. — Мне вообще с этой публикой никаких дел иметь не хочется. Не доверяю я им.

— И правильно, — одобрил мои слова Шлюндт. — Не скажу, что я и мои коллеги по цеху — образцы праведности, но вурдалаки любому из нас фору дадут. Нет, Покон и они чтут, потому, например, за своих родителей можешь не беспокоиться, их жизнью эти негодяи тебя шантажировать не посмеют. Но все, что лежит вне сложившегося уклада жизни, может быть использовано против тебя.

Все же я хреновый сын, поскольку про родителей даже и не подумал, хотя должен был сделать это в первую очередь. Неужели я настолько отдалился от своей семьи?

Выходит, что да.

— Повторю то, что сказал ранее, — попробую тебе помочь. — Антиквар одернул пиджак. — Тем более что информации стало больше. Не так и много Данил и Даниилов среди этой публики, так что круг поисков сузился. А теперь пошли наверх. День будний, а этот банк не жалуется на недостаток клиентов, потому там уже могла образоваться очередь. Не стоит забывать про интересы других людей, пусть даже мы их и не знаем.

Он уехал из банка раньше меня, сразу же после того как аннулировал договор аренды ячейки. А вот я задержался, поскольку пришлось ждать, пока эту самую ячейку переоформируют на меня. Ну и со Стеллой следовало пообщаться.

— Держи, — протянул я ей кейс сразу же после того, как сотрудник банка вышел из переговоров, заверив нас, что через десять минут договор будет готов. — Твоя доля.

— Даже так? — как мне показалось, абсолютно искренне изумилась ведьма. — Я думала, что это все шутки. Ты правда отдаешь мне половину?

— Какие шутки? — удивился и я. — Был договор, я выполняю его условия. Да, в чем-то я солидарен с Карлом Августовичем по поводу твоего участия в этом мероприятии, но все равно мы партнеры, пусть даже и поневоле.

— Ишь ты. — Воронежская щелкнула застежками, заглянула внутрь и покачала головой. — Ты очень странный парень, Валера Швецов из Москвы. Очень странный. Настолько, что тебя надо в зоопарк поместить, в клетку, под табличку «Чудо чудное». Даже как-то неудобно теперь будет размышлять о том, как именно я тебя умерщвлю. Я хоть и ведьма, но не совсем же стерва?

— Да ладно? — фыркнул я.

— Совсем, — моментально поправилась Стелла. — Но не настолько. Нет, я, само собой, тебя убью, но ты можешь быть уверен в том, что меня потом обязательно пару раз совесть в темечко клюнет.

— Еще поглядим, кто кого первым в Навь спровадит, — усмехнулся я. — Как ты заметила, слово свое я держу, так что, когда все кончится, все время оглядывайся, подруга. Чтобы удар не пропустить.

— У нас с тобой хорошие дети могут получиться, — рука ведьмы нырнула под рубашку, которую я, как водится, в такую жару носил навывпуск. — Может, перед тем как забрать твою жизнь, я сначала тебя в баньку свожу и спать уложу? Вместе с собой.

Воистину чертовка. Хотя у меня к этой женщине никаких чувств, по крайней мере добрых, и не было, но ее голос в этот момент звучал настолько чарующе и притягательно, что по телу прошли мурашки, а в голове шевельнулась мыслишка на тот счет, что ведьмы в постели, должно быть, будут покруче остальных представительниц слабого пола. Не то чтобы у них все там по-другому устроено, нет. Просто... Не знаю, чем именно, но они чем-то от прочих отличаются.

— Или не уложу, — рука Стеллы вынырнула из-под рубашки, ее указательный пальчик щелкнул меня по носу, а секундой позже она

уже выходила из переговорки с кейсом в руках. На пороге она обернулась и мило прощбетала: — Как чего приснится — звони. Будем думать, что дальше делать.

Подмигнула и вышла прочь, зараза такая.

Ну да, скоро, наверное, увижу следующую цель, которую надо отыскать. Только если каждый предмет вот эдак будет даваться в руки, то мне никаких нервов не хватит. И, опять же, отпуск у меня не резиновый. Эта неделя — и все, пора на службу.

Хотя... Деньги у меня теперь есть, можно на нее и забить по идее. Мне многого в жизни не надо, с моими запросами на ту сумму, что лежит в ячейке, долго можно существовать.

Только вот архив, помимо всего прочего, — это еще и доступ к очень многим документам, которые в статусе обычного обывателя я сроду прочесть не смогу. Ну да, в нашем «домике-прянике» хранится большей частью то, что особой ценности ни для истории, ни для меня лично не представляет, но к общей базе-то мы подключены. А вдруг именно это мне и понадобится если не для поисков следующей вещи, то для той, что последует за ней?

Тут в кармане легких льняных штанов, которые я сегодня натянул в честь пришедшей в город жары, завибрировал смартфон, и после взгляда на его экран мне не удалось удержаться от улыбки. Выходит, правду говорят, что тигрица всегда чувствует, когда ее детенышу грозит опасность. Розалия Наумовна звонит, дражайшая начальница. Такое ощущение, что она уловила те крамольные мысли, что бродили минутой раньше в моей голове, и решила строго погрозить мне пальцем.

— Добрый день, Валера, — ее голос звучал привычно строго. Она вообще мне всегда напоминала строгую классную даму из далекого прошлого. Ну и еще одного литературного персонажа из нашего времени. Я, было дело, даже пару раз назвал ее Минервой, но мои коллеги, большинство из которых застали еще те времена, когда наша страна догоняла и перегоняла Америку, моей изысканной реминисценции не поняли, после чего я благополучно махнул на эту идею рукой. — Ты мне нужен на работе.

— Так вы мне вроде как вольную дали на неделю? — добавил немного растерянности в голос я, отлично осознавая, что идти в архив придется. Директриса всегда добивается той цели, которую перед

собой поставила, даже в том случае, если речь идет о куске торта, который, казалось бы, можно и не доедать. Хорошо хоть, что рядом с работой сейчас нахожусь, а не дома. Не надо через весь город ехать.

— Есть такое слово «надо», — холодно отозвалась Розалия Наумовна. — Нам привезли новые компьютеры, надо их подключить и проверить на предмет исправности, чтобы в случае несоответствия я могла отправить претензию в отдел снабжения. Как ты понимаешь, твои коллеги, почтенные дамы, не станут лазать под столами со шнурами в руках. К тому же шнуров этих много, и они не совсем разбираются в том, какой из них для чего предназначен.

— Вернее, совсем не разбираются, — подытожил я. — Ладно, еду.

— Спасибо за одолжение, — экран смартфона, казалось, покрылся инеем. — Ты очень любезен, Валерий. Чрезвычайно.

Раньше я бы расстроился, услышав такой тон и подобные речи, но то раньше. Сейчас меня таким не смутишь, я давно уже понял, что наша Розалия куда добрее, чем хочет казаться, потому и позволяю себе определенные вольности. Не переходя, разумеется, границ разумного. И еще — она может сколько угодно изливать холод на своих подчиненных, но зато в хреновый момент никогда и никому не даст их в обиду.

Впрочем, я бы и из дома все равно поехал, конечно. Новые компьютеры — это круто, Розалия Наумовна их года полтора выбивала, а я их ждал, так что мне теперь кровь из носу нужно один за собой застолбить. Потому личное присутствие в данном случае совершенно необходимо.

Договор, который мне принесли минут через пять, полетел в рюкзак, ключ от депозитной ячейки, который сегодня то и дело переходил из рук в руки, был прикреплен к свободному крепежу ключницы, а сам я отправился в одну из арбатских кафешек, рассудив, что работа не волк, никуда не убежит. Да и потом, наши кумушки точно не проморгают тот факт, что я подозрительно быстро добрался до архива, после чего начнут строить теории о том, как мне это удалось, и такого напридумывают, что у нормального человека волосы дыбом встанут. Хотя в итоге все равно победит версия о том, что я спутался с какой-то местной шаболдой и теперь под ее тлетворным влиянием непременно сопыюсь. Или еще чего хуже!

Привезенную технику по хорошей народной традиции сгрузили прямо в коридор, не особо задумываясь о том, что ее непременно будут пинать все проходящие мимо сотрудницы. Как результат, на одной коробке, в которой находился монитор, я обнаружил пару вмятин явно каблучного происхождения. Стало быть, кто-то об нее споткнулся, а после зло выместил.

— Приехал, — услышал я за спиной голос Розалии Наумовны. — Хорошо. Вот список тех, кому надо поставить новую оргтехнику. Чтобы не тратить время, сразу ее на рабочие места и определяй. Старые компьютеры относи в девятый кабинет, их послезавтра вывезут.

— Розалия Наумовна, мое почтение, — я повернулся к своей руководительнице и забрал бумажку из ее рук. — Вы, как всегда, прекрасно выглядите.

Директриса была не одна, рядом с ней стояла седенькая старушка с невероятно живым взглядом. Я бы даже сказал оценивающим, поскольку она как-то очень внимательно меня им ощупала.

— Это Павла Никитична, — сообщила мне Розалия, — моя двоюродная сестра. Павла, позволь представить тебе Валерия Швецова. Не скажу, что он демонстрирует редкостное рвение в работе или невероятную любовь к науке, но при этом неглуп и покладист.

— В наше время это уже немало, — заметила старушка. — А так ничего. Лет семьдесят назад я бы такого не пропустила.

— Лет семьдесят назад ты бы его расстреляла, — возразила ей моя начальница. — Язык у него длинный, а мысли он пока при себе оставлять не научился.

Шутят старушки. Лет семьдесят назад они обе, небось, еще и в школу не ходили, потому молодые люди вряд ли их интересовали.

— Павла, — почесал я затылок. — Необычное имя.

— Скорее забытое, — поправила меня родственница директрисы. — Как и производная от него Павлина. Впрочем, это одно и то же имя. Просто я родилась в семье простой, хотя и зажиточной, вот и стала Павлой. Появись же я на свет в дворянском или хотя бы купеческом семействе — стала бы Павлиной. Это сейчас и царь Иван, и псарь Иван, а в старые времена имени придавалось куда большее значение.

— Вы о святцах? — уточнил я.

— О них, — тонко улыбнулась старушка, показав крепкие и белые зубы. — О чем же еще?

Сдается мне, я сейчас какую-то глупость сказал, вот только не понял, какую именно.

— Сделаешь — доложишь, — велела Розалия Наумовна. — Паша, пойдем ко мне, кофе выпьем. Мне тут из Бразилии Фернандо посылку прислал. Ты помнишь Фернандо?

Павла Никитична после этого так на нее глянула и даже хихикнула, что стало ясно — она Фернандо помнит, и очень хорошо.

Забавная какая старушка, уважаю таких. Они прожили интересную жизнь, с достоинством вошли в старость и, когда придет их час, смело глянут в лицо костлявой.

Любимое руководство обо мне не забыло, я значился в списке, пусть даже и на последней строчке. Ради этого стоило попотеть, причем в самом прямом смысле. Мы не банк, кондиционеров в достаточном количестве нам не полагалось, потому, когда я часа через три наконец закончил свои труды, то со стороны, наверное, казалось, что я в одежде искупался. Сейчас бы душ принять, да где его тут возьмешь? Все, что есть, — раковина в туалете и кран, из которого течет не слишком холодная вода, пахнувшая железом. Центр, здесь трубы местами со времен царя-батюшки не меняли. Не потому, что нет денег и надо как-то без них держаться, а потому, что трубы эти сих пор не требуют замены.

Я запаролит тот компьютер, который предназначил для себя (если этого не сделать, то в следующий понедельник, когда выйду на работу, выяснится, что он больше не мой), с удовольствием умылся и направился к начальству с докладом.

— Розалия Наумовна, — я заглянул в кабинет, — дело сделано, все установлено, все работает. Ну а подключение к общей базе — это уже не ко мне, это надо спецов из «управы» вызывать.

— Как все это хлопотно, — поморщилась руководительница и глянула на родственницу. — Раньше было жить проще и зависимости от сторонних факторов было меньше. Бумага — она и есть бумага, она только огня боялась, а эти компьютеры то и дело перегорают. И забраться в них проще.

— Что написано пером, не вырубишь топором, — поддержала ее подруга, а после спросила у меня: — Ты чего такой расхристанный?

Все-таки к начальству... Пстой-ка, парень! Это у тебя что такое?

Взгляд старушки, до того добродушный и веселый, вдруг стал другим. Даже не знаю, как верно его описать. Профессионально-цепким, что ли? И направлен он был на мою грудь, туда, где на кожаном шнурке болтался амулет.

— Ты где эту пакость взял, милоч? — Павла Никитична невероятно легко для своих лет снялась со стула и подошла ко мне. — А?

— На Арбате купил, — махнул я рукой в ту сторону, где за переулками и домами гудела голосами, звенела струнами музыкантов и шаркала сотнями подметок никогда не знающая сна главная пешеходная улица столицы. — Там чего только не продают. А чего, забавный кругляш, теперь такое в моде. Ретро.

— Ретро, говоришь? — старушка щелкнула ноготком по черной коже, и мне на секунду показалось, что та недовольно загудела, как лопнувшая струна или согнанный с цветка шмель. — Ну да, ну да... Роза, душа моя, пойдика проверь, как этот модник компьютеры на столах расставил. Чую, все там криво-косо расположено.

Моя начальница отчего-то встревожилась, я это сразу понял. Все-таки не первый день вместе работаем, научился разбираться в ее настроении.

— Да не переживай, — Павла Никитична, похоже, тоже сообразила, что к чему, по этой причине в голос ее вплелись успокаивающие нотки. — Ничего с ним не случится. На что он мне, такой красивый? Годы мои не те. Пошепчемся немного — и только.

Это кто же сейчас стоит рядом со мной, а? В первый раз вижу, чтобы наша железная леди, для которой нет закрытых дверей и неразрешимых вопросов, вот так безропотно выполнила то, о чем ее просят.

— Еще раз спрашиваю — ты где взял амулет? — спокойно и уверенно произнесла Павла Никитична, как только за Розалией закрылась дверь. — Отвечаем быстро, кратко, честно. И еще — я очень не люблю, когда меня заставляют ждать и когда мне врут. Я тогда становлюсь очень неприятна в общении.

Не знаю отчего, но мне стало немного не по себе. Сухенькая и веселая старушка? Да как бы не так! Кто угодно, только не она. На меня смотрели не два поблекших от времени глаза, а дула пистолетов,

в голос же ее вплелось лязганье тюремных засовов и еще какие-то звуки, нагонявшие смертную тоску.

Черт, да кто она такая, на самом-то деле?

— Подарок, — хрипло ответил я. — Правда подарок.

— Это кому же ты такому дорогу перешел, милоч, что он тебя работой Филиппа Черена облагодетельствовал? — с легкой ехидцей осведомилась собеседница. — Да еще и времен его расцвета? Знаю я этот амулет, как же. Видела в коллекции Гурджиева, он его в специальной шкатулке с защитными ведическими рунами держал вместе с серьгами Екатерины Медичи, заколкой Марины Мнишек и другими не менее прелестными экспонатами.

— Гурджиева? — изумился я. — Это того, который экстрасенс был?

А следом за этим в ушах прозвучал голос одного из наших институтских преподавателей, который мерно бубнил на лекции: «Последний российский император, равно как и его жена, увлекались эзотерикой, приближая к себе таких сомнительных особ, как Распутин и Гурджиев».

Начало двадцатого века. Бабушка, а тебе сколько лет? Хотя, возможно, этот Гурджиев прожил долгую жизнь и она видела его коллекцию в пятидесятых годах, когда сама была молоденькой студенткой?

Вот только отчего-то мне кажется, что я сейчас сам себя пробую обмануть, что есть величайшая глупость. Врать можно кому угодно, только не себе, потому что этим самым только можешь навредить исключительно одному-единственному человеку. Ну да, правильно. Себе же самому.

— Сам ты экстрасенс, — палец старушки тюкнул меня в лоб. — Не суди о том, чего не знаешь. Георгий Иванович был одним из последних настоящих «знающих», равных ему после практически и не было. Другое интересно — как эта вещичка из его рук уплыла? Ладно, это не самое главное. Вот что, начнем с самого начала, внучок. Так кто тебе его кто дал?

И что мне теперь делать? Отвечать или нет?

Глава восемнадцатая

— Хороший человек, — помолчав, сказал я. — Вошел в мое положение, решил помочь.

— Знать не знаю, что там у тебя за положение такое, но все остальное чушь, от первого до последнего слова, — деловито заявила Павла Никитична. — Хороший человек подобные вещи держать у себя не будет и уж точно не станет кому-то помогать таким образом.

— Да что с ним не так? — я потрогал амулет, а после уставился на нее. — Действует эта штука так, как мне и было обещано, кое-кого отлично отпугивает. А большего мне от нее не надо.

— И кого именно? — ехидно осведомилась старушка. — Вурдалаков? Или оборотней? Да не дергайся ты так, парень. Это для тебя все в новинку, а для меня — дела давно прошедших дней. Я в «поле» давно не хожу, перевели меня на другой фронт работ, но это не значит, что я из ума выжила или склерозом начала страдать. Так кого боишься, Валерий?

— Вурдалаков, — пробубнил я, опустив глаза. — Повадились ко мне таскаться каждую ночь. То в окно стучатся, то у подъезда поджидают. А оборотни, стало быть, все-таки тоже есть? И что, они на самом деле враждуют с кровососами? Ну, там, девок делят и все такое?

— Что за чушь? — сдвинула брови старушка. — Жрут они девок, как те, так и другие. А делить им нечего, у них разные зоны обитания, причем совершенно. Те же оборотни город совершенно не переносят, поскольку у них обоняние очень тонкое, им выхлопные газы и прочая вонь — что тебе гвоздь в пятку. И нравы городские им не по душе, они испокон веку за устои цепляются. Потому в лесах да степях их встретить еще можно, а в городе — нет. Прежнего раздолья, понятное дело, и там теперь не сыщешь, так ведь и стай куда меньше стало. Естественная убыль популяции, круто замешанная на глобализации, ничего не попишешь. Людей все больше, живут они теперь куда кучнее, чем раньше, и если кто сгинет, его непременно ищут. Раньше как? Пошел мужик в ближнюю рощицу за дровами да и сгинул. Родичи, конечно, по первости побегают по лесу, покликают его, а после рукой махнут, дескать, помер Максим, да и пес с ним. У всех хозяйство, у всех хлопоты. А что пропал человек — так что же теперь?

Лес, братцы, лес. В нем чего хошь случается, стало быть, не уберется пропавший. А теперь все не так, теперь сразу МЧС подключается, волонтеры, другие разные службы. Вот и выходит, что жрать кого попало стало делом неблагодарным, после покою не дадут. Потому вырождаются потихоньку мохнолапые, человечье в них все больше верх забирает. Мне рассказывали, что парни да девки, которые ни разу в лесу через нож не прыгали, теперь даже в старых родах не редкость.

— А зачем через нож прыгать? — заинтересовался я.

— Чтобы обрести второе «я», — охотно пояснила старушка. — Обратными не рождаются — ими становятся. Звериное начало — оно же в душе до поры до времени дремлет, ждет пятнадцатой весны. А вот как она наступит и майская полная луна на небо выйдет, тут и надо делать выбор: либо ты человеком свой век живешь и не слышишь более зов предков, либо в заповедной роще через родовой нож, в пень заветный вогнанный, перекувыркнешься, и Велесово благо в себяпустишь, и вторую суть обретешь. То есть от радостей цивилизации откажешься, станешь жить по древнему укладу, жрать живую плоть в зверином облике, днем ждать ночи, а после в ней со стаей по лесам бегать. Так вот, теперь каждый второй предпочитает четырем лапам четыре колеса, а темному лесу — спутниковое телевидение и теплый туалет. Оно куда удобнее, безопаснее и проще. Что там! Нифонтов мне недавно рассказывал, что общался с обратным-вегетарианцем. Ты комизма ситуации не осознаешь в полной мере, но поверь, это очень смешно.

— Ну почему? — тактично заметил я. — Обратень-веган — это в самом деле забавно.

— Вурдалаки — другое дело. Они с начала времен в городах обитают, среди людей, леса да поля им даром не нужны. Им комфорт подавай, и чтобы за пищей не бегать, а в крайнем случае недалеко ходить. Обратни — охотники, для них сам процесс добывания еды важен. Ни один мохнолапый сроду просто так жертву не загрызет, он ее сначала погоняет, а после еще и шанс отстоять свою жизнь в последней схватке предоставит. А вурдалак просто сзади подойдет, придушит человечка слегка, прокусит ему яремную вену, да и все. Нет, в старые времена всякое случалось, особенно когда за них инквизиция взялась всерьез. Они тогда и по старым развалинам прятались, и в лесах, и даже в Новый Свет уплывали, хоть и не могут терпеть воду.

Но это скорее исключение из правил. Так как имя того, кто тебе дал этот амулет?

— Карл... — вырвалось у меня имя антиквара. Вот ведь ловкая какая старушка, а? Убаюкала меня своим рассказом, я и поплыл. И главное, трюк старый, как не знаю что, но ведь сработал!

— Карл, — нехорошо прищурилась Павла Никитична. — Августович, поди? Ладно, не отвечай, сама знаю, что он. Нейдется ему, чёрту старому. Ну, на этот раз я ему веселую жизнь устрою, уж будь спокоен!

— Теперь точно не буду, — расстроено сообщил ей я. — С чего бы? Получается так, что человек мне помог, а я ему свинью подложил. Нет, я слышал все ваши реплики насчет того, что этот амулет — воплощенное зло, но пока он мне только пользу приносит. Не будь его на мне вчера — не общаться бы нам сегодня.

— Я не говорила, что этот предмет — зло в чистом виде, — погрозила мне пальцем старушка. — Ты мои слова не перевирай. Я сказала, что это очень непростая вещь, с которой обычным людям, таким как ты, дело лучше не иметь, потому что за небольшую помощь, которую он предоставит, заплатить после придется впятеро, а то и вдесятеро больше. И не амулету, а тому, кто его тебе подарил. Он же тебе его подарил, верно? Вернее, сначала наш общий друг, конечно же, говорил, что даст его на время, поскольку это часть его коллекции, а после, воспылав к тебе дружескими чувствами, все же махнул рукой и сказал «забирай». Так все было?

Терпеть не могу ощущение осознания собственной глупости. И самое противное, что я пока не понимаю до конца, в чем именно заключается моя ошибка. Она сделана, это не вызывает никаких сомнений, но суть ее пока остается от меня скрытой.

— Было предложил ему денег за эту вещицу, но он только засмеялся и сказал, что дарит мне ее, — рассудив, что терять уже нечего, признался я. — А что не так-то?

— Да все не так, — Павла Никитична поджала губы. — Амулеты, сотворенные в Средние века, которые, между прочим, еще частенько называют Темными, сами по себе вещи очень непростые. Времена, знаешь ли, накладывают на предметы свой отпечаток, а если еще к ним мастер вроде Черена руку приложил, так и вовсе... Такой артефакт запросто не дарится, Валера, его можно обрести только через

определенный ритуал. Если говорить проще: хочешь стать хозяином — подчини его себе, а это дело ох какое непростое. Я вот сейчас за подобное даже не возьмусь, точно сил не хватит. Раньше и не такие задачки решала, но то раньше. А сейчас все, отрухлявела Павла Веретенникова, вышла в тираж. И не надо мне ничего говорить, я про себя все знаю. Вот и выходит, что как эта вещичка Иннерхайбу служила, так и сейчас служит, а ты, внучок, ее просто носишь. И амулет этот с готовностью выполнит любое повеление своего хозяина. Его, а не твое.

— Иннерхайб? — удивился я. — А это кто? Мы точно об одном и том же человеке говорим?

— Твой невысокий такой, сухенький, вечно ходит в шляпе и выглядит как добрый дедушка с новогодней открытки? — тут же уточнила Павла Никитична. — А еще вот тут, на лбу, бородавка? Вот, значит, об одном. А он тебе как представился?

— Карл Августович Шлюндт, — ответил я. — Именно так.

— Значит, фамилию сменил опять, — с каким-то даже удовлетворением заметила старушка. — Он на подобные трюки мастер. Вообще-то его лет двадцать в столице видно не было, с самой середины девяностых. Францев тогда ему хорошо хвост прищемил после истории с... Неважно. Собственно, мы подобрались к самому интересному моменту — ты-то ему зачем? Чего ради он вокруг тебя такие хороводы водит? Ты не из детей Ночи, это точно. Да и не стал бы он с кем-то из них подобным образом церемониться, просто примучил бы и все. А с тобой он дипломатию разводит, и какую! Кто ты, парень?

И снова та же дилемма. То ли отвечать, то ли нет...

Наверное, надо. Сдается мне, понял я, где эта бабушка служит. Нет-нет, сюда она точно не по мою душу пришла, это факт. Хотя, с другой стороны, до чего странное совпадение.

— Но вещица, конечно, замечательная, — ожидая моего ответа, проворковала старушка и без особых стеснений двумя пальцами подцепила амулет прямо на моей груди, причем мне показалось, что тот дернулся, как бы пытаюсь вырваться на волю. — Все же старые мастера знали толк в ремесле, не то что нынешнее поколение. Какая точность линий, какая вязь заклятий, какая... Стоп. А это у тебя что такое?

Она распахнула рубашку посильнее и уставилась на двух змеек, которые знай сплетали свои кольца рядом с моим сердцем.

— Ну вот, еще одно подтверждение того, что я только для мытья полов и стирания пыли теперь гожусь, — Павла Никитична поджала губы. — Два и два сложить не в состоянии, и память никакая стала. Все, Валера, можешь ничего не отвечать, я и так все знаю. Ты новый Хранитель кладов, про тебя Паша рассказывал. Не мне, но я все слышала. И о Карле он тоже упоминал, верно!

Ну вот, я оказался прав. Старушка — сотрудница того самого Отдела, который является притчей во языцех. Ну, не совсем сотрудница, насколько я понял, она там что-то вроде почетного ветерана, но это, думаю, особо ничего не меняет. Отец не раз мне говорил, что бывших чекистов не бывает, думаю, и на Павлу Никитичну это правило распространяется. И вообще, необычная старушка. Она, похоже, очень много разного знает о том, чего на белом свете вроде бы не бывает, и могла бы мне столько всего рассказать...

Но не расскажет. Вернее, расскажет только то, что сама сочтет нужным. Она не человек — она камень, я подобных ей встречал раньше. Те тоже всегда прибеднялись, мол, ничего не знаем, ни на что не способны, но, когда доходило до дела, они любому могли фору дать.

— Все встало на свои места, — Павла Никитична провела пальцем по знаку Полоза. — Теперь понятно, почему Карл вокруг тебя такие турысы на колесах развел, да и насчет вурдалаков ясность появилась. Но одного я в толк взять не могу — ты почему Паше насчет кровопийц ничего не сказал?

— Ну, тогда они еще не настолько сильно меня донимали, — произнес я. — Один раз девка нагрянула и все. А теперь куда серьезней личности стали таскаться. Скажем так, высший командный состав.

— Павел тебе визитку дал, — сдвинула седые брови женщина. — На ней телефон прописан. Взял, набрал, поделился грустными новостями, что тут сложного?

— Ничего, — улыбнулся я. — Кроме одного — с чего бы? Мы с ним вроде как не друзья, даже не знакомые, раз пообщались — и только. Это как минимум не очень удобно.

— Неудобно на потолке детей делать, то и дело за люстру приходится хвататься, — немного сварливо заметила старушка. — А

тут дело серьезное, Валера, вопрос жизни и смерти. Правоохранительные органы, если ты не в курсе, для того и существуют, чтобы защищать жизнь граждан. Ты гражданин?

— Гражданин, — согласился я.

— Ну вот, — Павла Никитична скрестила руки на груди. — И потом, Хранители кладов в наших краях появляются не так часто, не след ими разбрасываться. Понятно, что вурдалаки пить тебя не станут, ты им живым и здоровым нужен. Им даже обращать тебя в себе подобного смысла нет, с людской сутью из тебя дар уйдет. Но сделать так, что ты им покорно служить станешь, — возможно. Ты человек, а значит, тебя можно принудить к сотрудничеству. Страх, страсть, алчность — мало ли хороших инструментов существует? Сам не заметишь, как не к тому берегу прибьешься.

— Ни к какому прибываться не собираюсь, — сообщил ей я. — У меня уже есть работа, ее мне предоставило государство. А все эти заколдованные места и прочая экзотика — без меня.

— Одно радует — по глазам видно, что сам понимаешь, какую глупость сказал, — фыркнула старушка, от которой, похоже, ничего нельзя было утаить. — Упрямишься? Твое право. И решать, как дальше жить, тоже тебе, никто подобное оспаривать не станет, твоя судьба — она только твоя. Но ты уже стал частью мира, который живет по правилам, отличающимся от тех, что ты знал раньше, и чем быстрее ты осознаешь и примешь этот факт, тем больше у тебя шансов выйти сухим из воды. Подумай о моих словах, а я пока кое-кому позвоню.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Я никогда не любил интриги и хитроумные планы, они вызывали у меня здоровое раздражение. Насмотрелся я на папашины многоходовки за времена детства и юности, и на те последствия, которые они иногда вызывали. Нас с мамой как-то раз вообще чуть в машине не взорвали. Я сам этого не помню почти, маленький был, и дома эта тема не поднималась, но шила в мешке не утаишь, мне про это Сивый рассказал, который, в свою очередь, случайно узнал про данный факт от своего отца, который с моим батей не раз совместные сделки проводил.

Еще меньше мне нравилось место пешки в чьей-то игре, а именно его, похоже, мне сейчас и пытались отвести, причем сразу несколько разных людей. Ну, если безвестного лидера вурдалаков и Стеллу можно отнести к людям, разумеется. Впрочем, и личность Карла

Августовича начинала у меня вызывать все большие и большие сомнения.

— Какая вурдалачья семья пытается тебя охомутать? — деловито осведомилась у меня Павла Никитична. — Кто ее глава?

Кстати, по внешнему виду этого божьего одуванчика можно было подумать, что она в лучшем случае древний «Сименс» вытащит из сумочки или там еще какой антиквариат, вплоть до аппарата, в который надо кричать «барышня, барышня». Ан нет, в ее руке находился вполне себе современный Xiaomi чуть ли ни этого года выпуска.

— Понятия не имею, — отозвался я. — Он до меня не снисходил, а я его имя не спрашивал. Общался с неким Данилой, на вид ему лет тридцать. Резкий и дерзкий. Если бы осиноый кол или серебро на эту публику действовали, я бы с радостью его прибил.

— Спорный вопрос, — усмехнулась старушка. — Убить матерого вурдалака не так просто, как в кино или книгах, уж можешь мне поверить, даже при условии того, что ты знаешь, как это надо делать. Эта публика за свое прогнившее существование цепляется до последнего. Ладно, я тебя поняла. Олег, он не знает, кто его пытается за горло взять. Но, полагаю, кто-то из серьезных тузов, не шушера. И покоя они ему не дадут, пока своего не добьются. Ты понял меня?

Не знаю, что ей ответил неизвестный Олег, но радости мне услышанное не добавило. Повторюсь: тот факт, что эта дама разбиралась в сути происходящего вокруг меня, сомнений не вызывал, а значит, перспективы вырисовывались так себе.

Может, из столицы на недельку свалить, а? Куда-нибудь в Турцию или Черногорию, где виза не нужна? «Загранник» у меня есть, правда, Шенген год как кончился и я его не продлевал. А смысл? Денег на хорошую и большую поездку давно не водилось, а Мармарис и Анталия меня особо не прельщали, несмотря на огромное количество имеющихся там развлечений, гастрономических изысков и доступных девичьих тел. Во-первых, я там уже бывал, во-вторых, я с некоторого времени не сильно большой поклонник круглосуточного шумно-алкогольного отдыха. Просто этот этап был давно пройден и возвращаться к нему мне не хотелось. Опять же жарко там сейчас безмерно.

Только вот что решит эта неделя? Да и вообще это вариант «а-ля Юлька» получается. Закрывать глаза ладошкой и убеждать себя в том,

что вокруг ничего страшного нет. Это я еще молчу о снах, которые неминуемо придут ко мне если не сегодня, то завтра, становясь с каждой ночью все нестерпимее реалистичными. И двух змейках на груди, которых зовут Стреча и Нестреча. Эта парочка мне мигом покажет небо в алмазах, задумай я не делать то, что от меня Великий Полоз ждет.

Так что нечего строить бессмысленные планы, нет в этом никакого конструктива. Они хотят меня играть по-своему? Хорошо. А я попробую сделать так, как хочется мне, вот и поглядим, кто останется стоять на ногах последним. Как там у Джека Лондона? «Человек не побежден, пока его не победили».

— Выдохни, — посоветовала мне Павла Никитична, убирая телефон во вполне себе брендовую сумку. Она вообще, похоже, весьма и весьма продвинутая бабуля, а в молодости, сдается мне, вообще «зажигалкой» той еще была. — Ты, как дождевая лягушка, надулся от собственной значимости. Есть такие в Африке, очень забавно выглядят. Сами маленькие, а раздуваются ого-го как! Ну да, Хранитель кладов — по сути своей персона, идущая вне категорий, они всегда стоят ровно посерединке между Ночью и Днем, потому что людьми после обретения дара быть не перестают. Только это не повод думать, что мир теперь вокруг одного тебя крутится, Валера, это не так. Да и жизнь твоя неприкосновенной не является, ты отныне уязвим даже больше, чем раньше. Твой талант нужен многим, но не все станут договариваться, будут и такие, которые не умеют или не хотят слышать слово «нет». Знаешь, как предыдущий Хранитель кладов голову сложил?

— Знаю, — вздохнул я. — Замучили его братки до смерти.

— Вот именно, — назидательно произнесла старушка. — Кстати, Францев, тогдашний начальник Отдела, пытался докопаться до того, кто этих полудурков на него навел, но так и не смог этого сделать. Предшественника твоего, Толю, я знала лично, он был очень осторожен, а с наступлением смутных времен и вовсе на дно лег, но эти ухаи его нашли. Они словно знали, где искать. И, самое главное, непонятно, кто их потом убил. Официально вроде как теневые держатели рынка антиквариата проплатили месть, для них Толя всегда был палочкой-выручалочкой. Вот только ни один из них так и не подтвердил своего участия в финансировании данной забавы, хотя

беседы с этими господами проводили люди, умеющие узнавать истину в ее последней инстанции. Проще говоря, не ввали эти «бобры». А под конец следствия мелькнула информация о том, что незадолго до смерти Толя отказал кому-то из крупных антикваров в помощи, не захотел некий клад ему отдать из каких-то своих соображений, и именно он, этот самый авторитетный господин, ему так и отомстил. Но кто, что — неизвестно. Не докрутили мы эту тему, потому что сначала Францев погиб, а следом за ним Свешников и Шпеер головы сложили. В Отделе осталось всего два сотрудника, из которых один только-только из Академии выпустился, да при них я, старая. Времена же настали совсем лихие, непонятно было, за что хвататься. А когда все утряслось, следы было искать бессмысленно, момент ушел. Да и смысла в этом особого не было.

— А Карл Августович, значит, аккурат в те годы свалил за рубеж, — задумчиво промурлыкал я.

— Не скажу, что это очень сложная логическая цепочка, но я рада, что ты умеешь не только слушать, но и слышать, — довольно улыбнулась Павла Никитична. — Авось еще и прислушиваться начнешь, тогда и вовсе хорошо все закончится. На этот раз, понятное дело. А как оно у тебя дальше сложится, это время покажет.

— Вы закончили? — в кабинет вошла привычно недовольная всем Розалия Наумовна. — Паша, годы мои не те, чтобы под дверями собственного кабинета отираться и ждать, пока ты моего мальчика препарировать закончишь.

— Все ты никак не перебесишься, — фыркнула Павла Никитична. — Что тогда, что сейчас только об одном и думаешь. «Моего мальчика»! Стара ты для него, сестрица. Ему кого помоложе надо.

— Как стервой была, так ей и осталась, — с меньшей любезностью ответила ей моя начальница, а после эти две дружно рассмеялись.

Я тоже выдавил из себя нечто вроде смешка, а после потихоньку-помаленьку вышел из кабинета. По-английски, не прощаясь.

И только дома сообразил, что выпустил из поля зрения одну очень важную вещь. На самом деле важную. Я не узнал, чем же так опасен для меня амулет. Про пользу все ясно она объяснила, а вот про вред и

слова не сказала. А он есть, в этом я даже не сомневаюсь. Нет, снимать с шеи я него не стал, но мысли-то никуда из головы не выкинешь.

За окнами потихоньку стемнело, а я, пребывая в определенном душевном раздразе, методично опустошал только сегодня заполненный было холодильник. Есть у меня такая особенность — когда меня тяготят невеселые мысли, я много ем. То ли так организм компенсирует сгорающие нервные клетки, то ли такая форма сублимации — фиг знает. Хорошего в этом мало, но что выросло, то выросло.

В данный момент я наворачивал ложкой тирольский пирог с ежевикой, причем прямо из круглой пластиковой тары. Ну а чего? Я не Белоруцкий-Белосельский, мне можно. Мы не из князев чай.

— Кхм, — кашлянул у меня кто-то за спиной, заставив подпрыгнуть на табуретке. Не от страха — от неожиданности, разумеется. — Валерий, не помешал?

— Тьфу ты, — я вытер со лба выступивший на нем пот. — Анисий Фомич, так же нельзя! Я чуть ежа против шерсти не родил!

— Не нарочно, — смутился подъездный. — Поговорить бы.

— Не вопрос, — обрадовался я его словам. Ей-богу, лучше с ним беседу вести, чем по сотому разу прогонять в голове полученную сегодня информацию. Бесплезное это занятие, все равно план действий выработать в данной ситуации невозможно. Слишком много сторон в ней завязло, и непонятно, кто из них что дальше учудит. — Так, может, чайку? С тирольским пирожком?

— Фруктовый, — подъездный незаметным, каким-то текучим движением переместился со столешницы, на которой сидел за секунду до этого, на табурет. — Пахнет неплохо. Не лесной ягодой, вестимо, но неплохо.

— Понял, — я достал из шкафа тарелку и плюхнул на нее изрядный кусок кондитерского изделия, а после налил гостю чая. — На здоровье.

— Благодарствую, — Анисий Фомич не стал чиниться и кинул в кружку пять кусков сахара. — А я к тебе по делу.

— Слушаю, — с готовностью отозвался я.

— Кхм, — повторил подъездный, глянул на пирог, на чай и отчего-то снова смутился.

— Говорите как есть, — попросил я его. — Не надо расшаркиваний.

— В девятом доме, том, что напротив «Дикси» стоит, квартира хорошая на обмен есть, — наконец выдал из себя он. — Хозяин там со всем подъездом разругался, характер у него дрянной, теперь ему только съезжать и остается. А район ему наш нравится, вот он в окрестных домах жилье искать начал. Третий этаж, планировка такая же, как у тебя. И подъездный там правильный, я его знаю. Веней зовут. Вениамином Олеговичем, значит.

— Все вы о своем, — немного расстроился я. — Нет у меня желаний переезжать, привык я к своему дому. И к вам, как это ни странно звучит, тоже привык.

— Так и я не против, чтобы ты остался, — взъерошил бороду подъездный. — Обчество недовольно. То ведьма к тебе заглянет, то вурдалак припрется, то Велесова служанка приползет. Кому такое в радость? Нам мир да покой нужен, на том мы стоим, на том дом держим. Они меня отрядили, поскольку ты в моем подъезде живешь, я пришел и сказал. А там, как ты сам решишь, будет.

За кухонным шкафом что-то зашуршало, словно мыши заскреблись. Как видно, то самое «обчество», что помянул Анисий Фомич, внимательно слушало нашу беседу.

— Недовольство ваше понимаю, — с достоинством произнес я. — Но, думаю, днями все закончится, тема для беспокойства исчезнет сама собой.

— Ты это к чему гнешь? — обеспокоился подъездный. — Ты такие намеки не строй. Или совсем уж твои дела плохи?

— Скорее непонятны, — рассмеялся я. — Но речь не о том, что мне какая-то опасность грозит. Просто не может веревка до бесконечности запутываться, раньше или позже она затянется в узел, который потом перережут.

— Ничего не понял, — признался мне Анисий Фомич и отправил в рот порцию пирога. — Вкусный, кисленький.

— Может, остальных позовем на чай? — предложил я, показав на шкаф. — Чего они там прячутся?

— Пушай сидят, — беспощадно заявил подъездный. — Нечего их баловать. Да и не хватит тут пирога на всех, вон, на доньшке осталось.

— У меня зефир еще есть, — сообщил я ему. — И пастила. Конфеты в вазочке.

— Сам съешь, — осек меня подъездный. — Нечего, говорю.

Строго у них как все. Или это он просто на свое общество из-за меня зол? Если да, то это так мило!

— Фомич, ты про кольцо спроси, — тихонько прошелестел голос из-под плиты.

— Точно, — Анисий Фомич хлюпнул чаем, а после уставился на меня. — У нас тут кольцо в подвале потерялось. Хорошее кольцо, старое, позатого века. Как, чего — даже не спрашивай, стыдно рассказывать. Наше дело хозяйское — добро стеречь, а иные прочие, у которых сопли ишшо из носу текут... Извини, Валерий, что я о таком — да за столом. Так вот, в подвале оно где-то. Но где — в толк не возьмем. Все перерыли — нету. Стало быть, непростая вещьца, не хочет она в наши лапы даваться. Так Филат Евстигнеевич сказал, а он в этом толк знает, потому что давно на свете живет. Вот общество и просит — не пособишь? Ты Хранитель кладов, тебя эта штука послушает.

Он замолчал, снова отпил чаю, а после вдруг заорал, обращаясь к плите:

— Вот как мне ему в глаза смотреть? Сначала, значит, «съезжай», а теперь еще и «помоги»! Ты, Михейка, кольцо-то профукал, сам бы и просил, а я бы на то поглядел!

— Это все кот виноват, — буркнул кто-то из-под плиты. — Гад рыжий!

Чертовски интересно, что у них там за история вышла. Кот, кольцо, подвал... Прямо Дюма-отец!

— Конечно, помогу, — заверил я злобно сопящего Анисия Фомича. — Ну, если получится. Кольцо не клад, может не откликнуться, его же не прятали специально, оно потерялось. Но почему нет, завтра сходим, попробуем найти.

— Спасибо тебе, Валерий, — подъездный вроде успокоился. — И вот что, не надо никуда уезжать! Считай, что разговора не было.

— А если?.. — я мотнул головой в сторону стены.

— У! — свирепо выставил челюсть вперед Анисий Фомич. — Я им дам!

В этот момент у меня заголосил смартфон, номер на нем не определился.

— Слушаю, — ответил я на звонок, признаться, без особой охоты.

— Нет желания совершить небольшую загородную прогулку? — осведомился у меня знакомый по вчерашней ночи голос. — Выпить вина, поесть жареного мяса, пообщаться на разные темы?

— Ни малейшего, — хмыкнул я. — У меня дома и еда есть, и компания хорошая.

Я врал. На самом деле желание такое вдруг возникло. Вот он, шанс хоть как-то, но разрезать тот узел, о котором чуть ранее я говорил подъездному.

— А если я начну настаивать? — уточнил Данила, причем в его голосе слышалась явная насмешка.

— То могу... — смартфон завибрировал, сообщая мне, что на второй линии кто-то тоже желает со мной пообщаться. — Секунду погоди.

И здесь номер не определился, притом что и этот абонент, как оказалось, тоже входил в число моих новых знакомых.

Глава девятнадцатая

— Соглашайся, — без всяких приветствий сообщил мне Михеев. — Хотят повстречаться? Давай, почему бы и нет? За свою жизнь не опасайся, все пройдет ровно, твоя безопасность — моя забота.

— Потрясающая информированность, — не без иронии ответил ему я. — Ты за мной следить начал?

— Приглядывать, — никак не отреагировал на мою колкость оперативник. — Мне, между прочим, за тебя сегодня крепко хвоста накрутили. Дескать, неверно оценил ситуацию, пустил ее на самотек и так далее.

— Ничего такого никому не говорил, — чуть виновато буркнул я. — Но все равно мне жаль.

— Не люблю дежурные фразы, — сообщил мне Павел. — «Мне жаль», «спасибо за звонок», «мы работаем над этим» и все такое прочее. Ладно, закончили лирическое отступление, сообщи этому красавцу, что принимаешь его предложение, и выходи из дома. Да, вот что еще! Когда я к вам присоединюсь, скажи, что мое участие является непременным условием переговоров, и если они откажутся, то никакой встречи не будет. Плюс сразу поставь условие, что ты поедешь на моей машине.

— Хорошо, — наконец-то принял решение я. — Договорились.

Не люблю, когда мне указывают, что и как делать. С детства это не приемлю, за что, кстати, в те безоблачные годы неоднократно был наказан родителем. Он данную позицию воспринимал как дурацкое упрямство и личное к нему неуважение, за что и драл меня как сидорову козу, несмотря на протесты мамы. Ну, ладно, не так уж и сильно, да и не так часто, но все же случалось. С годами моя точка зрения на подобные вещи не изменилась, но при этом стала гибче, я научился оценивать ситуацию с ракурса «рационально — нерационально». Сейчас выходит рационально, поскольку что я хотел, то и получил. Ну, может, и не совсем то, но хоть что-то. Всяко лучше куда-то ехать, чем просто сидеть и, скрипя мозгами, прикидывать, что будет дальше. К слову, от бесплодных планов до состояния, в котором человек начинает себя жалеть, — один шаг, а это уже фактически

равносильно тому, что ты выбросил белый флаг, признав свое поражение. Перед судьбой, перед обстоятельствами, перед другим человеком — неважно. Ты сдался, и дальше ничего хорошего тебя не ждет. А тут какое-никакое, но движение вперед. Да, все проблемы вряд ли получится решить, но лучше сделать шаг, осознавая, что теперь тебе не в чем себя упрекнуть, чем стоять на месте и гадать, как бы оно там могло получиться.

— Жди, Данила. Сейчас оденусь и выйду, — сообщил я вурдалаку и нажал красный значок на экране смартфона.

— Может, не надо? — огладил бороду подъездный. — Поганое это племя, Валерий. У них с жизнью душа из тела уходит, потому ни страх, ни совесть, ни сожаление им неведомы.

— Знаю, Анисий Фомич, знаю, — ответил я, направляясь в комнату. — Но мне жутко надоело то, что эта сволота что ни ночь, так у моего подъезда ошивается. А ну как им кто на зубок попадет? Потом до старости угрызения совести мне испытывать не улыбается.

— Тоже верно, — признал мой собеседник. — Но ты все одно поосторожней. И, самое главное, ни словечку не верь! Что бы ни обещали, точно соврут.

— У меня вообще складывается впечатление, что в этом вашем мире Ночи все всем врут, — я вернулся на кухню, натягивая по дороге черное худи. — Никто правду никому не говорит. Ну кроме разве тебя.

— Да я тоже вот... — опять пригорюнился Анисий Фомич. — Не сильно на руку чист.

— Конфеты тут, — показал я пальцем на вазочку. — Чайник на плите. И общество свое зови, я разрешаю. Мне будет приятно знать, что меня хоть кто-то да поминает добрым словом.

— Страшно? — понимающе спросил подъездный.

— Есть немного, — признался я, набрасывая лямки рюкзака на плечи. Не знаю, зачем я его с собой беру, если честно. Как видно, рефлекторно. — Но с этим чувством надо бороться, иначе не ты им будешь повелевать, а оно тобой.

— Мудрено, — протянул Анисий Фомич. — В добрый путь!

Данила привольно развалился на той же самой скамейке, где мы с ним вчера чуть не поубивали друг друга.

— Хорошо, что долго не артачился, — сообщил он мне сразу же после того, как увидел. — Думал, придется тебя дольше уговаривать,

какие-то аргументы в ход пускать. А ты, оказывается, покладистый. Ну, пошли к машине, она там, у первого подъезда ждет, тут приткнуться негде. Слушай, ленивое у вас ТСЖ, нет чтобы место под парковку у управы выбить. Вон, хоть бы часть детской площадки убрать!

— Зачем ему на твоей машине ехать? — откуда вывернул сотрудник Отдела 15-К, я так и не понял. Как по мне, так из кустов сирени, что росли близ подъезда. — Я ваше племя знаю, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты же его назад посадишь, между двух своих подручных, которые всю дорогу станут Валере клыки демонстрировать да красными буркалами сверкать. Вроде бы пустяк, а на деле — психологическое воздействие. Так что я сам его куда следует отвезу.

— А тебя никто с нами не звал! — прошипел Данила, моментально преобразившись из доброго и веселого парня в потенциального убийцу. — В наш дом попадают только те, кому даровано такое право. Твоего имени в списке нет.

— Да плевать, — и Павел демонстративно харкнул под ноги. — Есть, нет — велика разница? Вы позвали к себе в гости моего друга. Я знаю, что вы за публика, волнуюсь за него, потому нынче ночью поработаю его сопровождающим. Тем более что это его просьба, а не мое желание.

Данила молча уставился на меня.

— Он на самом деле отправляется с нами, — подтвердил я. — И мы едем на его машине. Ну а если тебя это не устраивает, то я домой пойду, забудусь сном, и не дай вам бог меня опять побеспокоить! Реально заморочусь, найду несколько кладов, после на эти деньги найму охотников за нечистью и закажу им все ваше семейство. Паш, в вашем мире есть наемники?

— Нечасто, но встречаются, в основном как раз ликвидаторы очень высокого класса, — заверил меня оперативник. — Берут дорого, но работу всегда доводят до конца.

— Если раньше не подымают, — добавил Данила.

— Ты же в курсе, у них имеется профсоюз, — насмешливо поправил его Павел. — Если охотник погиб при исполнении задания, то обязательство по его выполнению возлагается именно на данную организацию.

— Хорошо, пусть будет так, — Данила нехорошо оскалился. — Но после этого ты, Хранитель, отправишься вслед за нами. Мы нелюди, верно, но, начав убивать нас, ты лишишься защиты вот этих доблестных стражей закона. Верно я говорю, мент?

— Полицейский, — поправил его Михеев. — Что до защиты и всего такого прочего — мы смотрим по ситуации. Потому, пока мы все еще не перегрызлись, предлагаю отправиться в путь — вы впереди, мы за вами. Не сомневайся, мы по дороге не смоемся. Пора пообщаться, вурдалак, пора пообщаться.

Катался оперативник, как выяснилось, на стареньком, но надежном внедорожнике, который очевидно проигрывал блестящему под светом фонарей ХС90 Данилы. Впрочем, никаких выводов из этого я делать не стал, просто потому, что это мне было безразлично. Да и интересовало меня сейчас кое-что другое.

— Тебе это все зачем? — сразу же после того, как мы пристроились за автомобилем вурдалаков, осведомился я у Михеева. — Только не рассказывай мне о том, что я гражданин и имею право на защиту. Это все я сегодня уже слышал. Мне бы правду.

— Во-первых, так оно и есть, — степенно ответил Павел. — Во-вторых... Валера, прозвучит цинично, но тот дар, который тебе перепал, на самом деле встречается не так часто, и нам совершенно не хочется потерять его носителя.

— Тоже желаете, чтобы я вам клады искал?

— Не исключено, — подтвердил Павел. — Ситуации случаются всякие, может выйти так, что надо будет в матушке-земле кое-что найти. Для дела, а не для обогащения, мы государственные служащие, нам не положено побочные заработки иметь. Но, повторюсь, жизнь на сюрпризы богата, никогда не знаешь, что она тебе приготовила.

— Вот тут даже спорить не стану, — согласился с ним я. — Но, знаешь, мне одинаково не хочется работать что на этих клыкастых, что на вас, что еще на кого бы то ни было. Просто в любом из этих случаев я все равно кем-то вроде инструмента оказываюсь, эдакий живой металлоискатель. И всем одинаково наплевать на то, что я еще и человек.

— Сгущаешь краски, Валера, — без малейшей обиды в голосе сказал Павел. — Укатали Сивку крутые горки, да? Все вокруг враги, все тебя предали, всем только одного надо... Понимаю и разделяю. Но

на самом деле картина вокруг не только в черные тона раскрашена, другое дело, что ты ее целиком пока и не видишь. Некогда тебе головой вертеть, потому что приходится все время бежать — то куда-то, то от кого-то. Это нелегко, я знаю. Вот именно поэтому мы с тобой сейчас сидим в машине и едем черт знает куда. Надо дать тебе передышку для того, надо чтобы ты наконец смог остановиться и оглядеться по сторонам.

Хотел я ввернуть остроту про доброту и отзывчивость органов исполнительной власти, но не стал. Понял, что во всем мера нужна. Ну и потом — мы с Михеевым в ближайшие два-три часа так и будем плыть в одной лодке, так зачем же ее начинать сразу топить?

Да и не самый это плохой выбор в системе взаиморасчетов. Лучше для них клад найти, чем для кровососов.

Хотя самым лучшим вариантом мне представляется тот, в котором мы все вообще никогда бы не встретились. Оптимальный вариант.

Но пока переведу-ка я разговор в другую плоскость, хотя бы на время.

— Слушай, Павел, — я достал амулет из-под свитшота и показал его оперативнику, — мне твоя коллега, та, что немолода, но несомненно прекрасна так же, как и в молодости, сказала, что этот предмет как помочь может, так и навредить. Про полезные свойства мне все известно, а вот про отрицательные ничего. Ты, часом, не в курсе, что тут к чему?

— Зря насчет тети Паши иронизируешь, — заметил Михеев. — Я видел ее фотку тридцатых годов, исключительной красоты женщина была, и даже форма ее не портила. Даже, пожалуй, немного добавляла шарма. Короче, сейчас таких, как она, уже не делают.

— Никакой иронии, — немного оскорбился я. — От чистого сердца сказано. Слушай, так это сколько же ей лет, если она в тридцатых где-то служила?

— Где-то, — хмыкнул Павел. — Знал бы ты, где и с кем она служила, очень бы удивился. А лет ей... Да я не знаю, если честно. У самой спрашивать неудобно, а к ее личному делу даже наш шеф доступа не имеет, оно в закрытых архивах хранится, за семью замками. Тетя Паша в своей жизни немало покуролесила, особенно в молодые годы.

— Надо же, — проникся я. — А так и не скажешь.

Сдается мне, что ее двоюродная сестра тоже от этих забав недалеко стояла. Я всегда подозревал, что у Розалии Наумовны в прошлом много интересного имеется. Возраст возрастом, но в глазах у нее иногда такие чертики пляшут! Характер — вещь такая, особая, он или есть, или его нет. И годы бессильны над такими личностями.

— Ну а если говорить про амулет — тетя Паша права, это штука непростая, — Михеев крутанул руль, сворачивая за мигнувшей красными огоньками машиной вурдалаков, которая, судя по всему, двигалась куда-то в сторону Останкина. — Вижу я его впервые, но читал кое-что. Он завязан на своего хозяина, того, кто получил его по праву, а после подчинил своей воле при помощи заклятия или ритуала.

— По праву? — уточнил я.

— Ну честно купил, сменял, выиграл. Как вариант — снял с трупа поверженного в бою или на поединке противника. Не украл, короче.

— Ясно, — кивнул я. — А дальше что?

— Дальше все просто. Владелец может передать или продать его кому угодно, но до проведения нового ритуала слушать амулет по-прежнему будет только старого хозяина. То есть сейчас он честно тебя защищает от тех же вурдалаков, но если тот, кто его тебе дал, скажет ему этого не делать, то Данила вспорет тебе шею клыками как консервную банку, и ничто ему не помешает. А еще этот артефакт может, например, наслать на тебя кошмары или заставить увидеть то, чего на самом деле нет. Впрочем, тут все зависит от воли носителя. Если она у тебя достаточно сильна, то ничего он с тобой на ментальном уровне сделать не сможет, главное — не пропустить тот момент, когда он примется за дело.

— Тонко, — я потрогал кругляш. — Легко сказать — не пропустить момент.

— Жизнь — вообще штука непростая, — философски заметил Михеев. — Чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь. И заканчивая эту тему — если есть возможность эту штуку не носить, то сними ее и убери в шкаф. Когда у амулета нет прямого контакта с носителем, то он просто кожаный кругляш и не более. Нет вещи — нет проблемы.

Если сегодня с кровососами до чего-нибудь договоримся, так и поступлю. Ай да Карл Августович! Странно, что он с меня еще денег за него не взял, прямо удивительно даже. Как видно, пожалел меня.

Просто если бы я этот амулет еще и купил, то мне осталось бы только получить орден «Круглого дурака» первой степени, тот, что на розовой ленте и с завязками на спине.

— Валер, ты парень резкий, потому скажу сразу — особо на конфликт не лезь, — помолчав, произнес Павел. — Вурдалаки не самые терпимые и корректные обитатели Ночи, помни это. Они крайне мнительны, вспыльчивы и мстительны, такова их природа. То есть если дело пойдет далеко, почти каждый из них может плюнуть на возможную выгоду и попробовать тебя выпить. Само собой, я буду рядом, но лучше до подобного дело не доводить. Потому еще раз призываю тебя если не к сдержанности, то хотя бы к спокойствию. Нет, прессинговать себя давать нельзя, ставить на место этих паскудников можно и нужно, но все же не переходи к прямым оскорблениям или угрозам. И вообще, запомни: в этом мире за каждое слово потом может быть спрос. Тут не в чести невыполненные обещания или, того хуже, неисполненные клятвы. Сказал — делай. А если нет, отвечай за то, что было произнесено. А судов тут нет и адвокатов тоже, и исполнительное производство отсутствует как таковое. Ответ надо держать перед тем, кого обманул, напрямую. И всем, что у тебя есть, включая жизнь.

— Меня на этот счет уже предупреждали, и не раз, — сказал я. — Знаешь, в чем-то обитателям Ночи даже можно позавидовать.

— Согласен, — кивнул Михеев. — Иногда мне кажется, что это не они нечисть, а мы. У них все честнее как-то... Более справедливо. Мы, люди, эту прямоту утратили за ненадобностью. Она мешает удобно жить, нам соврать проще, чем сказать правду. Как с детства начинаем душой кривить, так до последних дней и продолжаем, причем в какой-то момент сами уже не понимаем, где правда, где нет. А тут такое не пройдет. Нет, они, разумеется, тоже отменные мастера мозги запорошить, не без этого. Те же ведьмы, например, так умеют все запутать, что ввек не распутаешь, но серьезную клятву и они не нарушат. Хотя, конечно, с ними всегда лучше подстраховываться и требовать, чтобы они в поручители Луну брали. Сказанное несказанным они сделать не смогут, но они мастерицы выискивать в обязательствах второе дно, которое смысл может вверх ногами перевернуть. Ты, кстати, мои слова мотай на ус, Валера, раз с одной из них связался. Так, кажется, почти приехали.

Однако неплохо эти ребята устроились, весьма неплохо. Отжать под свои нужды особнячок в Останкино, из числа тех, которые за музейными фондами числятся, дорогого стоит. Неудивительно, что им вечно денег не хватает, с таким-то размахом.

— Красиво жить не запретишь, — сообщил мне Павел, который, похоже, размышлял на ту же самую тему. — Надо будет узнать, кто им разрешение на использование данного строения выдавал. Так, из любопытства.

— Меньше знаешь — дольше живешь, — бросил Данила, расслышавший последние слова оперативника. — Народная мудрость.

— Вот не люблю я банальные фразы, а то спросил бы сейчас: «Это что, угроза?» — немедленно отреагировал Михеев. — И очень надеялся на то, что ты ответишь положительно, потому что в этом случае я мог бы сразу отрезать тебе голову.

Вурдалак расхохотался, правда, как мне показалось, немного наигранно, а я тихонько шепнул оперативнику:

— Что ты там про оскорбления и угрозы в адрес этих господ говорил? Вроде как не стоит ими увлекаться?

— Одно дело я, другое — ты, — так же тихо ответил мне Павел. — Не путай. И потом, пусть лучше агрессия будет направлена на меня, чем на тебя. Моя жизнь под охраной закона, с которым даже последний упырь со сгнившими напрочь мозгами связываться не станет. А ты, Валера, все же в зоне риска.

Что забавно, среди небольшой горстки кровососов, которые отирались у входа то ли потому, что их попросту выгнали из здания, то ли изображая из себя почетный караул, я заметил знакомое лицо. Это была та самая ночная гостья, что не так давно ломилась в мой дом.

— Зря ты меня не пустил, — поймав мой взгляд, нежно прощебетала она. — Я бы не стала тебя убивать, а просто поцеловала. А может, мы с тобой и дальше зашли бы. Ты ведь никогда не проводил ночь с мертвой женщиной? Поверь, это ни с чем несравнимое удовольствие. Ты даже не представляешь, какие оттенки страсти тебе может показать та, кто познал и жизнь, и не-жизнь.

— Интересно рассказываешь, — улыбнулся я. — Вроде бы об извращениях, но есть в подобном что-то притягательное.

— Пригласи меня в свой дом, открой дверь, и после этого твой мир никогда уже не станет прежним, — глаза вурдалачки полыхнули

багровыми отсветами. — Я подарю тебе неземные ласки и... Ай!

Это Данила с размаху ударил ее по лицу, отчего голова девушки мотнулась из стороны в сторону.

— Не испытывай судьбу, Рузанна, — посоветовал он ей. — За тобой есть два промаха, третий тебе никто не простит. Выражаясь твоим языком, после него тебя будет ждать долгий и страстный поцелуй Солнца, и ты сгоришь в пламени его страсти.

Девушка что-то пискнула и спряталась за спинами крепких молодых парней, слегка оттопыренные верхние губы которых говорили о том, что они тоже давно не люди. Под ними скрывались клыки.

— Сдается мне, они все тут поклонники дамских романов, — сообщил я Павлу. — По крайней мере, диалоги прямо как оттуда.

— Тренд, — пожал плечами оперативник. — Что ты хотел? Массовая культура диктует свои законы. Им удобно быть такими, какими их желают видеть, это упрощает путь к достижению цели и обеспечивает относительную безбедность существования. Молоденькие дурочки видят в них тех, о ком читали, и сами подставляют им шеи под укус. Добровольно. Ну а мы, соответственно, ничего им предъявить в этой связи не можем. Оснований нет.

— Да-да, — с неприятной улыбкой подтвердил Данила. — Хвала сетевой литературе, она открыла нам новые горизонты. Изысканные и вечно живущие вампиры, знатоки хороших манер и утонченных наслаждений — вот наше новое лицо. В нас верят, нас любят, с нами ищут встречи.

Сдается мне, что если они не сами пишут эти романы, то как минимум финансируют их написание. А то и порталы, где подобная литература культивируется.

— А находят смерть, — в тон ему продолжил Михеев. — Ладно, хорош выпендриваться, пошли уже. Я весь день на ногах, устал как собака.

Глава семьи подждал нас в просторной зале, освещенной только десятком свечей, расставленных по углам, да неярким пламенем, полыхавшим в камине. Он сидел за узким и длинным столом и неторопливо цедил вино из металлического бокала, как мне показалось, очень старой работы. Еще на столе стояло большое блюдо

с кусками жареного мяса и пара медных чеканных кувшинов, уж не знаю с чем.

Был тот, к кому мы пожаловали в гости, невысок и лысоват, то есть совершенно не соответствовал хрестоматийному облику верховного вампира, который десятилетиями создавался в кино и литературе. Ни тебе благородных черт лица, ни величественности, ни импозантности, ни рубахи с отложным воротником. Как есть среднестатистический российский мужичок. Ему бы вместо бокала кружку пива в руку да воблу на газетке — и не отличишь от остальных.

— Не впечатлил? — осведомился у меня глава семьи, обаятельно улыбнувшись. — Верно? Не таким меня себе представляли?

— Я с вашим племенем до последнего времени вообще не общался, потому не успел себе нарисовать образ того, кто его возглавляет, — для чего была эта ложь, понятия не имею. Возможно, меня немного расстроил тот факт, что я крайне предсказуем.

В этот момент двери за нашей спиной с грохотом закрылись, заставив меня обернуться.

— Не хочу, чтобы нам мешали, — пояснил вурдалак, а после радушно махнул рукой. — Вот мясо, вот вино, угощайтесь. Перед серьезным разговором нелишним будет закусить и выпить, так еще мой отец говаривал.

Насколько я понял из того, что мне по дороге про данного типа успел рассказать Павел, папаша хозяина дома отбыл в лучший из миров почти триста лет назад. То есть господин, сидящий за столом, еще царя Петра застал, он является одним из старейших вурдалаков, известных Отделу. И не только старейших, но и умнейших, поскольку за это время ни разу не дал его сотрудникам повода для своего уничтожения. Ни одного. Его семья временами лила людскую кровь как водицу, но крайним всегда оказывался кто-то другой. Пару раз даже случалось такое, что он лично доставлял виновных к сотрудникам Отдела, как бы говоря: «Закон есть закон, и мы его чтим. Вот преступник, убейте его».

— После восьми вечера не ем, — сообщил ему я. — Это вредно для пищеварения. Потому предлагаю опустить банкетную часть и перейти к обсуждению вопроса, который меня невероятно интересует, а именно: вам от меня чего вообще надо?

— Золота, — охотно ответил вурдалак, — камней самоцветных. Можно и серебра, но мой народ не слишком его жалуует. Хотя если попадется оно, то тоже заберем, почему бы и нет? Нам нужно все, до чего смогут дотянуться наши руки и ваш дар. Точнее, наоборот.

— Прямота, достойная уважения, — признал я. — Хотя по-прежнему не понимаю, с чего бы мне вам помогать? В чем мой интерес?

— Резонный вопрос, — вурдалак прильнул к бокалу, пара рубиновых капель стекла по его подбородку. — В чем? Например, клады. Мне известно, где лежит дюжина старых больших захоронок и с полсотни мелких. Я не могу до них добраться, они не дадутся ни в мои руки, ни в руки тех, кто мне служит, но вы... Вы возьмете их, и каждый из нас останется в хорошем плюсе. Опять же безопасность. Друг мой, если мы поладим, то все ваши проблемы станут моими. Разве покой и благосостояние не стоят того короткого времени, что вы уделите моей семье?

— Ну пока все текущие проблемы мне создают исключительно ваши слуги, — заметил я. — То одна припрется на балкон, то другой. Вон вчера вообще обещали одну мою приятельницу осушить, если я сговорчивей не стану, что, на мой взгляд, совсем все границы переходит. А больше мне никто не докучает.

— Это пока, — парировал вурдалак. — Скоро многие узнают, что в город вернулся Хранитель кладов, и тогда жизнь ваша станет куда хлопотней. Но если эти многие услышат и то, что за вами стоит семья князя Ростогцева, то поверьте, они призадумаются, стоит ли овчинка выделки.

Не врет, он на самом деле князь, и про это Павел упоминал. Кстати, интересно, а почему он мне в самом начале беседы не представился?

— Что до других охотников на старые сокровища, вот тот, кто позаботится о моей безопасности, — я показал на Павла. — Он есть Закон. Мы же не на фронтире живем, не в бандитской среде, а в государстве, которое гарантирует своим гражданам защиту.

— Днем — да, — без тени улыбки заявил вурдалак. — А ночью? Ночь — наше время, в ней закон — мы.

— В самом деле? — деланно изумился Михеев. — Вот не знал.

— Дьяк, я не раз сталкивался с тебе подобными, — вурдалак оперся ладонями о стол и привстал. — Все они давно сгнили в земле, а

я, Михаил Ростогцев, стою перед тобой. Подумай, стоит ли становиться помехой моим планам?

— Ты напугать меня решил, что ли? — усмехнулся оперативник. — Ну-ну! И хотелось бы подробностей о тех, кто сгнил в земле. Я читал архивные записи, лет эдак сто пятьдесят назад тебя подозревали в убийстве одного из моих коллег, причем тогда ты как-то умудрился выскользнуть из рук правосудия, а дело закрыли за недоказанностью. Может, покаешься, расскажешь о том, как оно тогда все вышло?

— Поражаюсь я людской глупости, — раздвинул губы в улыбке мертвый, показав свои клыки, куда большие, чем у его слуг. — Ведь все можно миром решить, полюбовно, без никому не нужного драматизма. Но нет, вам такой вариант не подходит, вы...

Грохнула дверь, в залу влетел Данила, который, похоже, стоял около нее с той стороны. То ли охранял наш покой, то ли подслушивал — уж не знаю, что вернее. Он распластался на полу, и тот, кто вошел в зал через распахнутые двери, попросту перешагнул через него.

— Михаил, я, мягко говоря, удивлен, — немного укоризненно сообщил вурдалаку Карл Августович, как только приблизился к столу. — По какому праву ты похитил этого молодого человека? Кто тебе позволил это сделать? Да, добрый вечер, господа, прощу прощения, что сразу вас не поприветствовал. Просто мое возмущение не знает границ!

— Хотел бы я знать, кто мне запретит делать то, что хочется? — оскалил клыки князь. — И еще, Хранителя кладов никто не похищал. Он прибыл сюда доброй волей.

— Это так? — глянул на меня Шлюндт. — Он говорит правду?

— Когда возникает вопрос, его надо решать, — отозвался я. — Мне представилась такая возможность, я ее использовал.

— По-моему, я сказал тебе, что сам займусь данной проблемой, — укоризненно произнес антиквар. — Или ты счел мои слова пустой болтовней? Так знай, что я никогда не даю ложных обещаний.

Вурдалак расхохотался, его поддержал Михеев, и даже Данила у дверей тихонько подхрюкивал.

— Вам весело? — черты лица Шлюндта, до того старчески-мягкие, вдруг изменились, теперь перед нами стоял не чудаковатый дедушка в чуть мятом костюме и забавной шляпе, а боец, пусть и немолодой, но все еще смертельно опасный для своих противников. — Хорошо,

смейтесь. Главное, помните, что за смехом всегда следуют слезы, таков закон бытия.

— Мы не над вами, — вурдалак мигом перестал хохотать, а его подручный покинул залу, снова притворив за собой двери. — Просто ситуация вышла потешная, вот и...

— Что ты ему пообещал? — не обращая внимания на слова хозяина дома, поинтересовался у меня антиквар.

— Ничего, — отозвался я. — Говорю ведь — просто хотел объяснить этому господину, что не надо меня донимать своими предложениями. А господин Михеев любезно согласился выступить гарантом того, что никто никому тут не навредит.

— Господин Михеев — большой мастер в подобных вопросах, — нехорошо глянул на оперативника Шлюндт. — Как и его коллеги, как ныне живущие, так и давно покинувшие земную юдоль. Они всегда рады всем помочь, причем совершенно безвозмездно, а после снять пенки со всех горшков. Не так ли, Павел Павлович?

— Не так, — равнодушно ответил ему оперативник. — К тому же всем в Ночи давно известно, что самый большой мастер по этой части именно вы, Карл Августович. Куда нам до вас? Валерий прав — я тут только для того, чтобы он мог без опасений объясниться с тем, кто мешает ему жить. Теперь, выходит, даже не с тем, а с теми. Впрочем, может, оно и к лучшему.

— И еще спорный вопрос, что лучше — наша прямота или ваши византийские методы, — добавил вурдалак. — Мы хотя бы...

Бум-м-м-м! Снова грохнули двери, в залу опять влетел Данила, правда, на этот раз куртка на нем была изрядно разодрана.

— Что еще? — рявкнул князь Ростогцев, опять вскакивая на ноги, а после просто-таки по-змеиному прошипел: — Ты?

И правда, на огонек пожаловал еще один гость, как видно, совсем уж незванный.

Глава двадцатая

— А это кто? — спросил я у Павла, с любопытством рассматривая того, кто вызвал у хозяина дома такую реакцию. — Ты не в курсе?

Был неожиданный визитер высок, строен, хорошо сложен, а пущей импозантности ему добавляли седые волосы, собранные сзади в конский хвост. Короче, мечта румяной домохозяйки, отправившейся в одиночку на не самый дорогой курорт.

— Это Арвид, — вместо оперативника ответ дал антиквар, причем говорил он на грани слышимости. — Глава семьи Ленц, одной из самых влиятельных в Москве. Он всегда и везде любит быть первым, есть у него такой пунктик. А тут, экая досада, опоздал. Должно быть, сильно расстроился из-за этого.

— И почему мне кажется, что его появление тут неслучайно? — задумчиво глянул на Шлюндта Михеев.

— Понятия не имею, — равнодушно отозвался тот. — Я сторонник формул, фактов и цифр, предсказания не по моей части. Сходи к цыганам, это их промысел.

Впрочем, я их особо не слушал, поскольку куда интереснее было наблюдать за главами вурдалачьих семейств.

— Я не звал тебя в мой дом, — рыкнул Михаил, подходя к улыбающемуся собрату. — По какому праву ты сюда заявился?

— Дом твой, но тот, кто в нем сейчас находится, тебе не принадлежит, — ответил ему Арвид. — Он нужен всем нам, и ты не вправе присваивать его.

— В Поконе ничего такого нет, а значит, закон не нарушен. — Михаил наклонил голову так, будто собирался боднуть противника. — Все, что не запрещено, разрешено. И уж точно меня не волнует то, что ты подумаешь на этот счет. Ты никто. Почему меня должны волновать соображения пустого места?

— Помнится, лет двадцать тому назад на последней большой встрече глав семей ты пел другие песни, — презрительно сморщил аристократический нос с горбинкой Арвид. — А теперь, гляжу, осмелел!

Кстати, он больше был похож на предводителя вампиров. В хрестоматийном смысле, имеется в виду. Но он мне не нравился точно

так же, как и его собрат.

— Убирайся, — очень тихо посоветовал собеседнику Михаил. — Разговор не закончен, но сейчас для него не время и не место.

— Отчего же не уйти? — покладисто согласился с ним Арвид. — Как только мы урегулируем вопрос с тем, кто и как будет пользоваться услугами Хранителя кладов, я немедленно удалюсь. А если я сделаю это вместе с означенным господином, то выиграют все.

И вот тут я расхохотался. Нет, мне правда стало смешно, потому никакого наигрыша, никакой истерики в помине не имелось.

— Ох! — отсмеявшись, я вытер слезинку, выступившую в уголке глаза. — А вы график составьте, ребята. Понедельник, вторник, исходящие линии получения доходности, нисходящие. Еще можно нормативы выкапывания кладов установить. Этот, как его... Ну, нам еще в школе рассказывали... А, вот! Вы переходящий вымпел «Лучший вурдалак-кладоискатель» учредите. И под Новый год на корпоративе его самой успешной семье вручайте.

— Дерзко, — заметил Арвид. — Михаил, ты не объяснил ему правила игры? И то, что не ко времени сказанная резкость чаще всего ведет к потере языка?

— Он умнее, чем ты, — вступил в беседу Карл Августович. — И понимает, что в данном случае угрозы и демонстрация силы не помощь, а помеха. Ты застрял в прошлом, Арвид, и если в самом скором времени это не осознаешь, то лишишься будущего.

— Услышано, вурдалак, — подал голос и Павел. — И зафиксировано. Случись что с Хранителем кладов — ты будешь первым, кого мы вытащим за ушко на солнышко. В буквальном смысле.

— Если ты думаешь, Хранитель, что они заботятся о тебе, то ты ошибаешься, — сообщил мне Арвид. — Они защищают свои инвестиции.

— Нас посетил Капитан Очевидность собственной персоной! — фыркнул я. — А то мне непонятно, что здесь происходит большая собачья свадьба. И поверь, мне это не очень-то нравится, просто случая вставить слово в беседу и объяснить, что я ничего делать для них и не собираюсь, все никак представится. Причем даже не из принципа, а исключительно из личной вредности. Шиш вам, а не

клады, дорогие друзья! А тебе, братишка, шиш в квадрате за редкостную наглость.

— Хорошо подумал? — уточнил Арвид, выслушав меня.

— Павел, а прямо сейчас этого супермачо убить нельзя? — поинтересовался я у оперативника. — Спишем все на то, что он представлял опасность для моей жизни и ты был вынужден действовать по обстоятельствам. Остальные, полагаю, с радостью это подтвердят.

— Я даже придержать его могу, — с готовностью предложил Михаил. — Нет проблем. Убить — нет, главы семей выясняют отношения только на заранее оговоренных поединках, а вот придержать — запросто. Поконом такое разрешено. Вернее, не предусмотрено.

Да этот Покон, похоже, предусматривает правила поведения для всех, кого только можно. Добыть бы его где-то, почитать. Полезная книга, на многое мне может глаза открыть.

— Ты только что обрел врага, Хранитель кладов, — торжественно заявил мне Арвид. — Ты совершил ошибку, которая будет стоить тебе жизни.

— Думаю, мои слова были тобой услышаны, — деловито заявил Михеев. — И ответишь в этом случае не только ты, а вся семья. И, пожалуй, не только твоя. Всех вас вырежем, под «ноль».

— Силы свои не переоценил? — оскалился вурдалак, моментально потеряв благообразность и став похожим на хищника, загнанного в угол. — Или ты думаешь, ваша кровь чем-то от другой людской отличается? Или вам по пять жизней каждому отведено?

— Вы живете в нашей тени, — и не подумал пугаться оперативник. — И только до той поры, пока не переходите границы дозволенного. Рискни громко заявить о себе — и начнется большая охота, которую ни моя смерть, ни смерть моих коллег не остановит. Ты забыл, почему ваше племя добрых два десятка лет нашу страну стороной огибало? Забыл, как вас травили, словно паразитов, после ленинградской резни?

— Если он забыл, то я точно помню, — поежился Михаил. — Мои дети к ней были непричастны, но и нам тогда перепало будь здоров. Сам еле успел ноги через румынскую границу унести.

— От себя добавлю: случись непоправимое — тоже не останусь в стороне. И даже если кое-кто успеет улизнуть из страны, то это ничего не изменит, — добавил антиквар, не сводя глаз с Арвида. — Я скупаю, это известно всем, но здесь можно и мощной тряхнуть. Дело-то благое.

Прямо как отпевают меня. Заживо. Похоже, перегнул я палку, надо ситуацию выправлять, причем так, чтобы это не выглядело прогибом, и желательно с определенной выгодой для себя.

Тем временем седой вурдалак молча развернулся и направился к дверям.

— Арвид, стой, — окликнул я его. — Мы еще не договорили.

— В самом деле? — изумился Карл Августович. — Неожиданно!

Улыбка на губах главы семьи Линц мне очень не понравилась, видимо, он решил, что я все же струхнул.

— Значит, так, господа, — я поднялся из-за стола и вышел на центр залы. — Сразу скажу — не собираюсь становиться персональной собственностью кого-то из вас. Не в курсе, как обстояло с этим дело у моих предшественников, какие есть на данный счет традиции, уложения и порядки и даже как это все увязывается с Поконом. Не знаю да и знать не желаю. Зато точно знаю, что делать хочу, а чего нет. Становиться бобиком, который будет таскать своему хозяину или хозяевам в зубах золотые косточки, не буду, и это мое последнее слово. Усвойте это как «отче наш».

— Неудачное пожелание, — хохотнул Павел. — Я о твоих последних словах. Нашел кому такое советовать!

— Ну да, — согласился с ним я. — Впрочем, неважно. Смысл от этого не меняется. И не только сами это усвойте, но и собратьям объясните, особенно вы двое. Есть у меня подозрение, что вы первые, но не последние, кто желает меня попользовать в своих целях. Слово даю: если хоть один кровосос еще ко мне на балкон или к подъезду заявится, я на самом деле начну изыскивать средства защиты от назойливых гостей. Здесь Москва, господа вурдалаки, за деньги можно купить что угодно. А деньги я найду, это теперь моя профессия. Не исключено, что я в этой драке сдохну, но тогда и вам точно ничего не обломится.

— Мы снова слышим угрозы, — молвил Арвид. — Ты за этим меня остановил? Если да, ты глупее, чем мне сначала показалось.

— Не только, — покачал головой я. — Штука в том, что у меня есть свои маленькие увлечения, и они связаны с поиском кое-каких редкостей из прошлого, дошедших до наших дней. Время от времени мне может пригодиться помощь кого-то из вас, и вот за нее я готов платить. Честно платить, сполна. Угрозы никогда ни к чему, кроме междоусобицы, не ведут, зато взаимовыгодные уступки есть начало сотрудничества. Если вас устроит такой расклад, то мы договорились. И сразу: все операции будут происходить без какой-либо уголовщины, поскольку интересы господина Михеева я также собираюсь учитывать. Я чту законы — и ваши, и не ваши.

— Я за, — сразу же заявил антиквар. — Собственно, мы уже партнеры. Не так ли, друг мой?

— Абсолютно, — подтвердил я.

— Одно условие, — Арвид переглянулся с Михаилом так, что мне подумалось о некой ментальной связи между ними. — Этот договор заключается только с теми, кто присутствует в данном помещении в данный момент. Ни к чему увеличивать количество тех, кто в нем участвует. Если так, то я в деле.

— С остальными семьями разбирайтесь сами, — тут же отозвался я. — Но, повторюсь, никакого прессинга в мой адрес с их стороны последовать не должно. Если меня или моих близких начнут донимать, то все договоренности будут разорваны. С вами двумя разорваны, интересы господина Шлюндта в этом случае не пострадают, про Отдел я и не говорю.

— Услышано, — промолвил Михаил. — Это наши проблемы, мы их решим. Но хотелось чуть больше подробностей.

— Дайте мне ваши визитки, — попросил я. — И когда появится предмет, который меня интересует, каждому из вас будет отправлен рисунок с его изображением. На электронную почту отправлен, причем одновременно. Тот, кто первым сможет меня на него вывести, — победитель тендера. Награда — помощь в поисках одного клада, либо по координатам, которые у победителя есть, либо вовсе неизвестного, но тут уже гарантий на большой куш я не дам. Что-то да найдем, конечно, но время поисков, объем сокровища и его состав заранее я предсказать не смогу. Да, и, разумеется, с каждого клада я буду иметь свой процент. Услуга услугой, гонорар гонораром.

— Алчен ты, человек, — усмехнулся Арвид. — Не то что твои предшественники.

— Времена волчьи, и нравы не лучше, — парировал я. — Других предложений не последует, либо соглашайся, либо уходи.

— Повторюсь: меня все устраивает, — безоблачно улыбнулся Карл Августович. — Разумные условия. Правда, с электронной почтой я не очень дружу, но у меня есть секретарь, он поможет.

— Подтверждаю свое согласие, — заявил Михаил. — Что до наших собратьев, повторюсь — этот вопрос я решу.

— Мы решим, — поморщился Арвид. — Я тоже в игре. Но помни, Хранитель: условия прозвучали, теперь мы все связаны одной цепью. Нам не нужны бумаги и подписи, нам достаточно слова.

— У меня в этом всем свой интерес, так что юлить смысла нет. Более того, прошу господина Михеева стать гарантом нашей сделки. Кто лучше законника проследит за исполнением условий? Ну а я в качестве благодарности и при очень большой необходимости всегда помогу его организации. На добровольных основаниях.

— Но за процент? — хмыкнув, уточнил Павел.

— Само собой, — рассмеялся я. — Даром и прыщ на попе не вскочит. Да, вот еще что. Я сплю с одной ведьмой, зовут ее Стелла Воронежская. Она, конечно, изрядная заноза и вечно лезет туда, куда не следует, но я к ней привык. Не исключено, что она будет ошиваться где-то рядом во время поисков кладов. Примите это как данность.

— Ведьма, — поморщился Арвид, причем Михаил одновременно с ним поступил так же. — Терпеть не могу их племя.

— Ну, ничего не поделаешь, — развел я руки в стороны. — Вот такие у меня вкусы. Очень уж эти бесовки в постели хороши, простым женщинам сто очков вперед могут дать!

— Да ты сегодня жжешь, Хранитель, — на лице Михеева появилась ехидная улыбка. — Что не фраза, то двусмысленность.

Собственно, на этой развеселой ноте мы и договорились. Никто не умер, никто ни на кого в открытую не затаил зуб — считай, обошлось.

За разговорами, обсуждением ряда деталей сделки и последующей трапезой время пролетело незаметно, потому когда мы вышли из дома, то увидели, что небо начало светлеть. Приближалось утро.

— Прыгай в машину, — подавив зевок, велел мне Михеев. — Отвезу тебя и на работу поеду. Домой возвращаться смысла нет.

— Езжайте сразу, — посоветовал ему антиквар. — Валерия отвезут мои помощники, благо нам по дороге.

— Да? — Павел глянул на меня. — Ты не против?

— С чего бы? — пожал плечами я. — Спасибо за помощь. И вообще, рад нашему знакомству. Еще вот что — Павле Никитичне поклон передай, если не в труд.

— И от меня тоже, — глаза Шлюндта странно сверкнули. — Не уверен, что она этому привету обрадуется, зато вы узнаете несколько новых ругательств.

— Забавно будет послушать, — фыркнул Павел и открыл дверь своей машины.

Против моих ожиданий антиквар не стал пускаться в пространные беседы или анализировать события минувшей ночи. Он молчал всю дорогу и, только выходя у своего дома, произнес:

— Хорошее решение, Валерий. Разумное. Но только на текущий момент.

И все. Больше ничего не сказал. Даже за Стеллу, которую терпеть не мог, меня не стал критиковать.

Стелла. Она в самом деле несносна в части поведения, на редкость меркантильна, резка в суждениях и выводах, но на фоне моих нынешних собеседников выглядит если не ангелом, то уж точно не бесом. По крайней мере, до осени она не планирует вцепиться мне в глотку.

Машина, за рулем которой традиционно находился Антон, тем временем двигалась по довольно странному маршруту, по всему выходило, что мы направляемся в сторону МКАДа. Утро, Москва пустая, зачем нам это нужно? По городу быстрее выйдет меня доставить.

— Ребята, а мы куда едем? — задал я резонный вопрос. — Мой дом в другой стороне.

— Мы-то? — повернулся ко мне Виталий. — Мы едем куда надо.

После он мне подмигнул, а следом за этим вдруг выключили весь белый свет.

— Виталя, вот зачем наглухо его вырубать? Как-то полегче надо было!

Согласен с Антоном. Перегнул палку твой приятель, ой перегнул. В башке боль, в ушах шум, тело как ватное. Это чем же он так меня?

Точно не кулаком. Ох, как хреново-то!

— Все, очухался, — вступил в разговор Виталий. — Вон, ресницы дрожат. Открывай глаза, спящая царевна, общаться станем.

— Пять сек, — попросил я его, привставая, ощущая, что язык во рту ворочается с трудом. — Поблую — и пообщаемся.

Вхолостую мясо в гостях ел и вино пил. Все на траве оказалось.

Кстати, мы находились в лесу. Не в глухом, рядом с шоссе, поскольку было слышно, как где-то совсем рядом шумели машины, но тем не менее.

— Ну и? — вытерев губы, спросил я у парочки, стоящей рядом. — Вам это все зачем? В смысле статья за похищение человека, опала у работодателя... Беды теперь не оберетесь.

— Надоел нам работодатель, — не стал чиниться Антон. — Он бабки гребет лопатой, а мы... Ну, не бедствуем, понятно, но все равно надоело. К тому же теперь события совсем веселые пошли, того и гляди либо глотку разорвут, либо какая другая дрянь случится. И все за те же деньги. Оно нам надо? Так что правильно тогда твоя подружка нам сказала: надо дело делать, раз масть пошла. Ты вон тогда пару часов походил по дому — и чемодан денег получил, а хозяин наш наверняка раз в десять больше. Этот змей если кого не надует, так потом уснуть не сможет. А еще...

— Короче, давай сделай и нас чутка побогаче, тогда с тобой ничего не произойдет, — перебил напарника Виталий. — Ты нам золотишко, а мы тебя живым и здоровым отпустим. В город не поедем, врать не стану, нам надо куда подальше отсюда смыться, пока хозяин не понял, что к чему, но в лесу или там еще где не бросим, до шоссейки довезем. Ну а в полицию ты и сам не пойдешь, оно тебе ни к чему.

Во-первых, врут. Не отпустят. Я таких, как они, знаю, прикопают меня там же, где получают желаемое. Возможно, пожалеют меня перед тем, как прикончить, и даже извинятся, но это слабое утешение.

Во-вторых, Стелла — стерва, а я дурак. Даже дважды дурак. Успокоился и поверил, что она до осени угомонилась, — это раз. Деньгами тогда у банка светанул — это два. Так что в своих текущих бедах я сам виноват.

Но как она меня сделала, а? Красиво, приходится это признать. И к ней теперь никаких претензий быть не может. Она просто сказала нужные слова в нужное время, вот и все. Предупреждал же меня

лесной дедушка, предупреждал! Мол, смотри в оба, она может так ситуацию смоделировать, что ты умрешь не из-за нее, а она из-под Полозова проклятия благодаря этому выскочит.

Если выберусь из этой передраги живым, разорюсь и куплю ей бутылку «Cuvée Perle d'Ayala» за науку. А потом удавлю!

Но это все потом. Сейчас надо как-то выпутываться.

— Знаю, что прозвучит банально, но все равно скажу, — я прислонился спиной к машине, ощущая, что из ног уходят противная слабость и дрожь. — Ребята, ну ведь плохая идея. Все равно вас будут искать. Опять же, о семьях подумайте. Карл Августович, несмотря на свои манеры, как мне думается, далек от идей христианского всепрощения.

— Нет у нас семей, — безразлично ответил мне Антон. — Мы детдомовские. У нас вообще ничего нет, даже квартира — и та съемная. Ну да, какие-то вещички там остались, да и черт с ними, новые купим. Полиция нам тоже не страшна, надо еще доказать, что ты в нашей машине ехал. Или не вышел сразу после хозяина.

— Для начала нас надо найти, — поправил его приятель. — А прятаться мы умеем. Верст через триста эту «лайбу» сбросим, чтобы по «маячку» не засекли, возьмем новую — и ищи нас на просторах страны. Отсидимся годик за Уральским хребтом, а после свалим в края потеплее с новыми именами и фамилиями. А тебя тем временем в пропавшие без вести переведут, если не сделаешь то, о чем мы тебя просим. Что до хозяина... Он про тебя, Валера, еще быстрее забудет. Для него люди — разменная монета, уж поверь. Нет, он-то как раз нас будет искать по полной, чтобы наказать, но не за тебя, а за то, что не по его воле поступили. Но он не господь бог, так что и тут мы выскользнем. Так что не дури, найди нам захоронку побогаче и живи себе дальше, а мы своим путем пойдем.

— Все так и есть. Ты же это можешь, — поддержал напарника Антон. — Сам же тогда в усадьбе говорил, что два клада нашел. Где два, там и третий.

Язык мой — враг мой. Права народная мудрость.

— Ребята, нет в старом золоте ничего хорошего, — еще раз попытался отговорить эту парочку я. — Поверьте, добром для вас это не кончится.

— Возможно, — согласился со мной Виталий и достал из кармана спортивной куртки витой шнурок. — Но если не выполнишь то, что мы велим, то у тебя неприятности начнутся куда раньше, чем у нас.

Ловок оказался, стервец, я даже не уловил то движение, которым он пробил мне в солнечное сплетение. От удара я согнулся, а разогнулся уже по его воле и со шнуром, затянутым на шее.

Впрочем, рефлексy, отключившиеся было после удара по голове, более-менее вернулись, тело сработало на автомате, выполняя то, что когда-то в него вколачивали на тех тренировках, на которые меня поначалу чуть ли не силком таскал отец. Я со всего маха наступил на ногу Виталия, тот дернулся и следом получил моим затылком по носу, а локтем в живот. Все, как учили, сделал, тренер, наверное, мог бы мной гордиться.

Шнур соскользнул с шеи, мне оставалось только вырубить Антона и...

И все. Антон не стал ждать, пока я его вырублю, он достал пистолет и направил его на меня.

— Просто защищался, — выставил я ладони перед собой, понимая, что теперь, увы, у меня остался только один путь. Не самый приятный, но выбора нет. — Натуру не изменишь!

— Скотина! — шмыгнув носом, Виталий со всего маха врезал мне по почкам, а после того, как я бахнулся от боли на колени, еще и ногой добавил. — Б...ь, весь кровью из-за тебя перемазался!

— Короче, — холодно произнес Антон, — Валер, решай уже. Если нет, так мы тебя здесь кончим, а после утопим. Вон там, за деревьями, имеется то ли маленький пруд, то ли большая лужа, ты в ней отлично поместишься. Думаю, ты недели две-три пролежишь, пока тебя найдут, а то и дольше. Если да, то говори, куда мы едем. Но сразу предупреждаю: если часов до четырех дня мы не станем счастливыми обладателями кучи золота, то для тебя все закончится очень плохо. Мы не звери, нам убивать не в радость, но по-другому никак.

— И если какой фокус задумал, то имей в виду — я лично тебя грохну, — вытирая лицо клетчатym платком, проворчал Виталий. — Нам терять нечего.

— Хрен с вами, — я поднялся на ноги. — Мы сейчас вообще где?

— «Минка», тридцать шестой километр, — отозвался Антон.

Вот и не верь в судьбу. Все против вас, ребята, только вы еще об этом не догадываетесь. И не догадаетесь — не успеете.

— Есть тут у меня одно местечко... — с неохотой проговорил я. — Закурить дайте.

— На, — Антон протянул мне пачку «Винстона», а после щелкнул зажигалкой. — Травись. Что за местечко?

— Там часто «копщики» бывают, роют поляну, монеты ищут, — я затаился сигаретой. — Ну и меня туда с приятелями занесло. Ох, я и ржал тогда! Куча народу какие-то медяки на поляне поднимает, а недалеко в лесу котел с золотыми империялами и украшениями зарыт. Просто туда никто не доходит, понимаете? Я его тогда выкапывать не стал, потому что не один был. И делиться пришлось бы, да и зачем лишние свидетели в таком деле?

— А теперь тебе этот клад жизнь спас, — бодро заявил Антон. — Если не врешь, конечно.

— Смысл? — выпустил я дымок. — Неохота мне в луже плавать, ребята. Не та это смерть, о которой мечтается.

Что пакостно — после того как я на карте показал им, куда нам ехать, они запихали меня в багажник, предварительно связав руки тем же самым шнуром. Причем крепко, я даже стал опасаться, что кровоток нарушится, про что-то такое я в детстве читал.

Но их можно понять, камеры-то везде понатыканы сейчас, а тонировки на окнах нет. Зачем им палиться? Мало того, они и ехали неторопливо, чтобы, не дай бог, их гайцы не остановили. Все-таки страшновато этой парочке, выходит, не такие уж у них и крепкие нервы.

Поляна была пуста. Даже не знаю, хорошо это или нет? С одной стороны, хорошо, все, что должно случиться, случится. С другой... Хотя ничего бы не изменилось. Или, того хуже, жертв стало бы больше и они легли бы на мою совесть. Этих двоих мне не жаль, они сами выбрали свою судьбу, а простые ребята-поисковики тут точно ни при чем.

— Ну, — Антона ощутимо потряхивало, как видно, проснулся в нем азарт, помноженный на жадность, — мы верно приехали? Куда идти?

— Верно, верно, — я огляделся. — О, «ямщики» недавно тут побывали. Вот ведь свиньи какие!

На поляне, которая в прошлый раз была ровная, как стол, красовалось два десятка свежих раскопов.

— Не беси меня, — попросил Виталий. — А то опять получишь по рогам!

— Да не нервничайте вы, — я помассировал запястья. — Лопата-то у вас есть, господа кладоискатели?

Инструмент нашелся, и я, поманив их за собой, направился к деревьям.

— Не вздумай бежать, — за спиной щелкнул затвор пистолета. — Я КМС по стрельбе, Валера, потому точно успею попасть в тебя до того, как ты в лес смоешься.

— Да не побегу, не психуй, — вздохнул я. — Ребята, может, все же заднего дадим? В последний раз советую.

— Ты меня достал! — Виталий крепко саданул мне кулаком в спину так, что я чуть в березу не врезался. — Где копать?

— Почти пришли, — пробормотал я, вертя головой. — Вон там.

— Хранитель! — чуть не оглушил меня знакомый до боли рев, а чуть позже из-под земли взметнулась вверх огромная лошадиная голова. — Вернулся!

— Вернулся, — беззвучно ответил я ей. — Что, все сидишь тут, скучаешь?

Голова раззявила рот, показав мне огромные зубы, а после лязгнула ими, таким образом подтвердив мои слова.

— Чего застыл? — начал выходить из себя и Антон. — Слушай, мое терпение кончается.

— Все еще хочешь на волю? — спросил я у призрачной твари, не обращая внимания на охранника антиквара. — Если да, отдаю тебе этих людей. Забирай, они твои. Ну а клад мой, как договаривались.

Звук, который издала душа клада, описать невозможно. Тут смешались и ржание, и нечеловеческий хохот, и еще что-то, совсем уж непонятное. А следом за этим конская голова, разросшаяся до огромных размеров, нависла над Антоном, раззявила рот и заглотила его целиком.

Зрелище, признаться, было жутковатое. Охранника антиквара словно гвоздем с головы до пят пробило, он вытянулся как струна, застыл, подобно статуе, а после его глаза вдруг заполнились краснотой.

Ну а затем он закричал, тоненько, как ребенок. И такая боль была в этом вопле, такое страдание, что мне его даже жалко стало на мгновение. Что уж говорить про Виталия, который бросился к другу, вопя что-то на ходу.

В этот момент я и шагнул в сторонку, туда, где росла высокая сдвоенная береза. Потом еще дальше, еще, и когда Виталий, поняв, что с Антоном происходит что-то совсем неладное, обернулся с криком:

— Что ты творишь, мразь?! — то меня он уже не увидел.

Собственно, пока он орал, его друг благополучно покинул этот мир, мешком осев на землю.

— Антоха! — снова бросился к нему Виталий. — Брат, ты чего?

Дурак, право слово. Столько времени провести близ Шлюндта, наверняка много разного всякого увидеть и в данный момент не понять, что теперь надо не покойника теребить, а ноги делать, — это, знаете ли...

Кстати, Виталий оказался покрепче приятеля. Он не видел, кто его убивает, но добросовестно разрядил половину обоймы в белый свет, как в копеечку, причем одна пуля вжикнула где-то совсем рядом со мной. Он даже успел проорать матерную тираду, но после все равно захрипел от боли, несколько раз выгнулся, упав на землю, и на том завершил свой земной путь.

— Клад твой, Хранитель! — проорала лошадь, которую я, как ни вглядывался, увидеть уже не смог. — Свобода!

Что-то слегка грохнуло, с деревьев слетел десяток листков, ветерок донес до меня запах озона, а после я ощутил, что, кроме меня и двух трупов, здесь никого больше нет.

Вот, кстати, еще одна проблема. С телами мне что делать? Эти двое не боялись полиции, а мне разбирательства с ней совершенно не нужны. А они будут, причем непременно. И добро, если только с обычной, это полбеды, тут можно пойти по схеме покойничков — мол, я выскочил у Новодевичьего, а куда они дальше поехали, понятия не имею. Но Павел-то видел, с кем я уезжал, он до правды докопается. Ну да, самооборона, но у этих ребят из Отдела, насколько я понял, закон что дышло, как повернул, так и вышло.

— Отпустил, стало быть, кобылу клятую? — прошелестел сзади негромкий голос. — Вот спасибо тебе! Так она мне надоела!

Лесовик. Точно, лесовик. Чем-то неуловимо похожий на дядю Фому, только на этом красуется зеленая куртка с нашивками и надписью «Стройотряд 344-Ж», и вместо кепки на голове замызганная бейсболка с эмблемой «Калгари Флэймс».

— Ну да, отпустил, — я в пояс поклонился старичку. — Здравствуй, Лесной Хозяин. Прости, что пришел в твой дом без спросу и без подарков. Некогда купить было, эти двое меня против воли с собой потащили.

— Так ты и есть, стало быть, Хранитель кладов? Тебя Великий Полоз своей меткой одарил? — было заметно, что старичку моя вежливость понравилась. — От Фомы малиновка прилетала, весточку о тебе в клюве приносила.

— Так и есть, — я оттянул воротник худи, показав лесовику двух змеек на груди. — Если будете дяде Фоме ответ пересылать, от меня привет передавайте. Его советы мне сильно помогли.

— Тот, кто служит Великому Полозу, в моем лесу всегда найдет и защиту, и пристанище, — с достоинством произнес лесовик.

— Перво-наперво мне бы знать, как к вам обращаться, — сказал я. — Не дело что-то просить, не узнав имени.

— Зови дядей Егором, — поправил бейсболку лесовик, а после протопал к телам. — Худые люди были?

Хотел было сказать «не толстые», но после понял, что он имеет в виду.

— Не то слово. Хотели золото забрать, а меня убить.

— Так на то ты и Хранитель кладов, — бодро заявил дядя Егор. — Тех, кто тебя убить захочет, завсегда будет больше, чем тех, кто руку протянет. Особенно среди людей.

— Есть такое, — вздохнул я. — Но это ладно. Что мне теперь с этими двумя делать, в ум не возьму. Закопать, что ли?

— Тела прибрать? Велика важность, — отмахнулся от меня дядя Егор. — Сейчас мурашей да иную живность призову, они от них к полудню одни костяки оставят. А те кроты по норам растащат, так что и следа не останется. Но вот железки разные да повозка, что на поляне стоит, — с ними никак не пособлю. Это ты сам как-то решай.

— Ого! — обрадовался я. — Главное — тела, с остальным проще.

Собственно, вопрос-то решился. Затереть в машине свои отпечатки да снять видеореги́стратор от греха — и все. Эти идиоты сами меня в

багажник запихали, так что ни одна камера ничего не покажет. А чего их сюда потянуло, с какого перепуга — пойдя разберись.

Вот тоже интересно, а куда мой металлоискатель делся? Я же его так и не забрал, не успел. Ладно, это потом можно выяснить, сейчас других дел хватает.

Например, тела обобрать. Стволы, ремни, ключи, смартфоны...

Когда я вернулся с поляны к дяде Егору, то застал интереснейшую картину: он, сидя на пеньке, с деловитым видом раздавал указания муравьям, каким-то мелким грызунам и трем кротам, которые высунули свои слепые морды из свежих раскопов, причем вся эта фауна его внимательнейшим образом слушала. Зрелище, конечно, из тех, после которых в психушку отправляют. Я много чего повидал за последнее время, но все равно впечатляет.

Мешать я им не стал, извлек из рюкзака пакет, который всегда у меня лежит в одном из отделений, и, морщась от брезгливости, начал обирать тела.

Жалко ли мне было эту парочку? Нет. Я давал им возможность все вернуть в первоначальное состояние, отговаривал как мог, но они упорно шли к своей смерти. Что я еще мог сделать? Умереть ради того, чтобы они жили дальше? Вот уж нет. К тому же, если бы я не сделал то, что сделал, сейчас под этим деревом лежало бы мое тело, надежно заброшенное землей.

И это не оправдание себя в своих же глазах. Это правда. Неприглядная, но правда. И хороший урок на будущее.

Ну а счет к Стелле теперь изрядно увеличился. На мою душу лег ее грех.

— Все, — я подошел к дяде Егору, убирая пакет в рюкзак. — Можно начинать.

Тот шевельнул пальцем, и тут же из леса потянулись колонны муравьев, а следом за ними поскакали мелкие зверюшки. Те, которые слушали инструктаж, похоже, были кем-то вроде бригадиров.

— Злато брать не станешь? — дядя Егор прыгнул с пня и подошел к дереву, под которым был зарыт клад.

— Пусть лежит, — отмахнулся я. — Мне он пока без надобности. Ну а коли кто его найдет — так и ладно, не обеднею. Хотя, конечно, лучше бы он меня дождался.

На самом деле я бы взял, но здесь есть два серьезных «но». Первое — свежий раскоп, который вызовет массу вопросов у тех, кто довольно скоро приедет выяснять, куда делись владельцы брошенной машины. И тот факт, что по соседству находится изрядно перерытая поляна, может не сработать. Второе — таскаться в моей ситуации с драгоценностями за спиной — это уже где-то за гранью добра и зла.

Было видно, что лесовику ответ понравился, он, сопя, потоптался еще немного, а после спросил:

— Может, тебя куда вывести? На станцию, там, или к поселку какому?

— Станцию? — заинтересовался я. — Железнодорожную?

— Ну да, — кивнул дядя Егор. — Одна подальше, до нее с полчаса топать, другая поближе, минутах в десяти ходу. По моим тропам, понятное дело.

После недолгих расспросов я выяснил их названия, после через смартфон посмотрел расписание электричек и совсем уж приободрился. Дальняя станция находилась километрах в двадцати отсюда, и это давало мне в руки дополнительные аргументы, случись с кем объясняться. Надо только будет придумать, зачем я вообще на эту станцию поперся.

— А никакого пруда по дороге нет? Или озерца лесного? — уточнил я у лесовика. — Мне бы в него добро покойничков от греха отправить. Не с собой же его таскать?

— Есть такое, — сообщил мне лесовик. — В нем одна тина да гниль, лягушки — и те не водятся, я его в зернь у водяника лет двести назад выиграл. Что туда попадет, ввек не всплывет. Завернем к нему, коли надо.

Вот так и получилось, что не меня эти орлы в луже притопили, а я отправил в воду то последнее, что от них осталось, — пистолеты, кобуры, ключи, телефоны, ремни, документы и пустые бумажники. Деньги я оставил себе, руководствуясь принципом «что с бою взято, то свято». Так что были люди — и нет их. Я, кстати, глянул на то, как управлялась с телами лесная живность, так меня чуть снова не вырвало. Жуткое зрелище, не дай бог такое еще раз узреть.

Ряска затянула воду, словно я в пруд ничего и не бросал, люто взвыло комарье, которое, к моему удивлению, огибало меня стороной. Как видно, Лесной Хозяин и об этом позаботился.

— Пошли уже, — поторопил он меня. — Чего стоять?

Надеюсь, на станции, к которой мы идем, есть какой-то магазин. Судя по расписанию, полчаса до электрички у меня останется, надо их с умом использовать. Пойду, куплю этому старичку хлеба и конфет, после вручу и объясню, что это не отдарок за помощь, а знак глубокого уважения. Так будет правильно. Так будет по Покону. И по уму. Мне с ними всеми жить, а значит, надо начинать работать на перспективу. Надо создавать себе репутацию.

Я поправил лямки рюкзака, накинул капюшон на голову и поспешил за Лесным Хозяином, чья спина мелькала далеко впереди.

Конец первой книги

Золото мертвых

Глава 1

Перстень. Красивый, массивный, по — моему, все — таки золотой, а не серебряный, он потихоньку представал передо мной во всей своей красе, я уже почти разглядел искусную вязь, выгравированную на нем, я вот — вот должен был различить, какого цвета камень, что поблескивает в его наверхии, но мои надежды пошли прахом. Взревевший смартфон разорвал сон в клочья, выкинув меня из небытия в реальность, и я снова остался ни с чем.

— Да чтобы вам! — не выдержав, рывкнул я. — Вот кому неймется?

Третью ночь подряд я пытался хоть что — то разобрать в той мешанине, которая мне снилась. Если с гарнитуром Лыбеди все прошло гладко и спокойно, я увидел сразу все три предмета, плюс бонусом мне дали подсказку на то, кто теперь его хозяин, то здесь сон больше напоминал то ли алкогольную, то ли даже наркотическую фантазию, в которой очень трудно вообще что — то осознать или просто разглядеть. Какие — то горящие дома, какие — то темные фигуры, какие — то дороги, непонятно куда ведущие... Бред, да и только. И — перстень, который всегда в этом бреде участвует, но как — то исподволь, на заднем плане, так, что я даже разглядеть его в деталях не могу. Сегодня вот почти удалось — и на тебе, кому — то понадобилось позвонить мне в... Ну да, уже восемь утра. И что? Я — то в отпуске!

«Номер не определен». Конечно, чего же еще ожидать? Нет, когда у меня имелись время и желание, я всегда охотно беседовал с представителями медицинских центров, которым просто не терпелось провести почти бесплатное полное обследование, или с сотрудниками компаний, объединивших под своей эгидой всех — всех — всех лучших московских юристов, неустанно пекущихся о том, чтобы каждый гражданин получил причитающуюся ему правовую поддержку. Разумеется, тоже бесплатную. Я внимательно их слушал, по ходу беседы задавал какие — то вопросы и даже соглашался немедленно приехать по названному адресу. Правда, напоследок всегда спрашивал:

— А не подскажете, где у нас в Йошкар — Оле эта улица находится? Просто я что — то такой не помню.

Половина звонивших после того, как я произносил название города, сразу вешали трубку. Вторые молчали, а секунд через пять уточняли:

— Йошкар — Оле?

— Ну да, — весело подтверждал я. — В ней.

Тут, как правило, сдавалась и вторая половина. Ну а самым упорным я предлагал оплатить мне билет на самолет до столицы, чтобы я полностью мог реализовать свои гражданские права, в разрезе медицинского обслуживания и юридической поддержки. Пока никто не согласился, но я не теряю надежду, что раньше или позже найдется щедрая душа. Остались же они где — то? Не хочется верить в то, что наш мир безнадежен.

Но сегодня не до этих тихих радостей. Я устал от трех ночей, заполненных до отказа отменным бредом, который ни на шаг меня не приблизил к очередной цели. Потому — не повезло вам, славные продавцы услуг. Не до вас мне.

Я сбросил звонок, потер ладонью глаза, которые зудели так, будто под веки насыпали песку, и опустил ноги на пол.

Снова взвыл смартфон, на экране высветился все тот же номер. Это уже странно и непонятно, рекламщики, как правило, не перезванивают сразу, система «холодных» звонков работает по — другому.

Но номер — то почему не определился? Случайные люди мне не звонят, неоткуда им взяться, а все остальные забиты в контакты. Впрочем, так было раньше, а теперь все изменилось, не стоит себе врать. Нынче мой круг общения изрядно увеличился, причем ряд абонентов даже и не подумают себе забивать голову всякими мелочами, связанными с элементарными правилами приличия. Проще говоря — плевать им с колокольни Ивана Великого, хочу я с ними общаться или нет. И даже несмотря на то, что мы, может, и вовсе не знакомы. Был уже позавчера прецедент, звонил мне какой — то неприятный хрипчатый господин, осведомлялся насчет того, как скоро я могу отправиться с ним на поиски клада восемнадцатого века, зарытого где — то под Калугой. Отдельно стоит заметить, что это был не вопрос, а, скорее, приказ, причем у звонящего не возникало и тени сомнения в том, что я ему подчинюсь. Когда же я из интереса

полюбопытствовал, какова будет моя доля, собеседник сначала долго сопел в трубку, а после посулил пять процентов, причем с великой неохотой. Как видно, считал, что его компания и созерцание клада древнего и славного рода Нарышкиных для меня уже немалая награда. И здорово обиделся, когда я посоветовал ему купить себе билет на поезд и отправиться на поиски того места, где живут добрые и милые люди, готовые работать бесплатно.

Смешно? Вроде бы как да, но если вдуматься, то на самом деле становится грустно. Если подобные маргиналы уже мой номер где — то добывают, то впору начинать плакать.

К тому же не исключен и совсем уж неприятный вариант, связанный с представителями власти. Машину тех двух идиотов уже нашли, это мне отлично известно. Кто знает, вдруг я не все предусмотрел? Вдруг их пропажу какой — то особо смекалистый следователь смог связать с моей особой? И именно он сейчас хочет услышать от меня подробный и честный рассказ, который облегчит мне душу, одновременно с тем обеспечив срок. Ну или сумму, которую я выложу за то, чтобы этого срока не было. Тут как повезет с персоналией.

Нет, Шлюндт ударил в набат по поводу пропажи подручных еще вечером того же дня, когда они отправились в неведомые дали загробной жизни. Он позвонил часиков в восемь вечера и осведомился, не известно ли мне, где его телохранители.

Само собой, правду я рассказывать не собирался, потому немедленно сообщил, что они неожиданно высадили меня недалеко от метро «Фрунзенская», хотя вроде собирались отвезти домой, а после умчались в неведомом направлении. Я, понятное дело, удивился, но спорить не стал. Они не мои подручные, приказывать я им не вправе, а просить кого — то о чем — то не очень люблю. Короче — я не гордый, могу и метрополитеном доехать до дома.

Карл Августович похмыкал в трубку, побряхтел, как видно, все же испытывая некие сомнения, но упорствовать не стал. Я тому порадовался и отправился дальше малину есть, мне дядя Егор на прощание целую корзину ее подарил. Вроде бы лесная, а крупная какая, некоторые ягоды с клубничины размером. Ну не самые большие клубничины, но все — таки! А уж какая сладкая и ароматная! Как там у Грина было? «Улей и сад»? Вот что — то вроде того.

Он вообще мне понравился, этот лесовик с Минки. Деловитый, спокойный, основательный. Надо будет его еще раз навестить как —нибудь, просто так, без дела. Гостинцев отвезти, воздухом подышать, да и по лесу походить с металлоискателем. Душой отдохнуть, проще говоря. Та прогулка к железнодорожной станции по заповедным тропам все же здорово мне помогла. Как — никак я двух человек угробил, на секундочку! Да, не своими руками, да, не самых лучших представителей нашего вида, но факт есть факт. А лес как — то оттянул все эти мысли, загнал их вглубь сознания, забрал себе все возможные нравственные муки, которые должны были, по идее, сверлить мой мозг.

Возможно, мне это только кажется, но... Есть что — то в этом ветре, гуляющем в кронах деревьев, в этой вечной тайне перепутанных и еле заметных троп.

А как дядя Егор удивился, когда я вернулся обратно, нагруженный гостинцами! Причем он даже не скрывал, что ему приятно мое внимание. В городе простота и прямота чувств не принята, мы всегда прячем свои эмоции не то что от других, но и даже от самих себя. Они могут показать наши слабости, и враги непременно ими воспользуются, чтобы усилить свои позиции. Какие враги? Любые. У нас их куда больше, чем друзей, просто в силу того, что дружба все больше и больше становится архаичным понятием. А вражда никуда не девается, становясь буднями. Мы боремся за новые должности, открывающие новые возможности, за просторные кабинеты, за зоны влияния, за квадратные метры... За все, что только можно. А в борьбе нет друзей. Там есть те, кто идет рядом с тобой, и те, кто идет против тебя. Причем время от времени первые становятся вторыми, но вторые, как правило, никогда не переходят в разряд первых.

Я на этот процесс еще в детстве насмотрелся, потому и предпочел работать за копейки в маленьком и никому не нужном архиве, где куча дам, давным — давно переваливших за бальзаковский возраст, просто досиживает до пенсии, плюнув на карьерный рост. Хотя, конечно, и у них всякое случается. Женщины же, им без теории заговоров и выдуманных на ходу коварных планов жить неинтересно. Но это все же другое, это для души, для сердца делается, а не карьерного каннибализма ради.

В общем — обрадовался лесовик, в гости звал, а под конец вот малиной угостил. Вытащил корзину прямо из — за пня, на котором сидел. Вот как у них так получается? Не было ее там еще минуту назад.

Что до Шлюндта — он мне еще раз позвонил на следующий день, сообщил, что машину нашли, но его помощников в ней не было. Молчал, как видно, ждал каких — то комментариев, но, понятное дело, ничего не услышал, кроме сочувственных и изрядно бредовых заверений на тему: «Может, в лес пошли и заблудились? Хотя — что им там делать?».

Одно плохо — эту беседу услышала Стелла, которая в тот момент как раз находилась у меня в гостях. Ну как в гостях? Она приперлась без приглашения и звонка, видимо, решив для себя, что теперь для нее это норма, поразила меня смелостью очередного летнего наряда, который не только не скрывал ее идеальные формы, а, напротив, их усиленно подчеркивал, и с порога начала обвинять меня в том, что я нарушаю все договоренности, какие только есть. Причем в чем именно я их нарушил, не объясняла, зато хитро поблескивала своими голубыми глазками, из чего я сделал вывод о том, что ничего о договорах, заключенных в Останкино, она не знает, но при этом какие — то смутные отголоски той встречи до нее донеслись. Мир Ночи, похоже, вообще довольно тесен, новости в нем разносятся быстро. Особенно если ты знаешь, к кому обратиться за ними. Стелла знала, в этом можно не сомневаться.

Во время разговора ведьма размахивала руками так активно, что в какой — то момент левая грудь все же вывалилась из платья, и я решил аккуратненько засунуть ее обратно. Во — первых, я все — таки не декоративный, у меня наличествуют инстинкты и желания, во — вторых, это смотрелось довольно — таки забавно.

Стелла замолчала на полуслове, отчего — то испуганно на меня глянула и пробормотала:

— Ты чего?

— Восстановил порядок. Чего замолчала? Ори дальше, я слушаю.

Ведьма подтянула платье повыше, приложила к моему лбу свою ладонь, глубоко вздохнула и сказала:

— Все — таки ты офигеть какой странный, Валера Швецов из Москвы.

И уехала в неизвестном направлении, велев звонить, если появится новая цель. Ну и по остальным поводам тоже. И даже не подозревала, что в какой — то момент она была в шаге от смерти, поскольку очень мне хотелось не за грудь ее подержаться, а за шею. Вот так прямо сдавить и не отпускать.

Но — удержался. Пока нельзя.

Вот только «пока» — это не «всегда». Будем считать, что до поры до времени за мной должок будет числиться, а как придет час, я ей всё с процентами верну.

К моей великой радости, другие новые знакомые меня оставили в покое, ни Михеев, ни вурдалаки о себе не напоминали. Зато вот звонки с неизвестных номеров начались. Нет, надо позавтракать и идти в ближайший салон связи, новую симку покупать.

Если, конечно, будет такая возможность. Шутки шутками, а если и вправду меня в полицию сейчас выдернут? Я, разумеется, не мальчик — колокольчик, меня таким не испугаешь, но все равно хорошего мало. Плюс довольно быстро про это узнает мой отец, в чем в чем, а в этом я не сомневаюсь. Ему подобная новость будет лучшим подарком из всех возможных, я разом компенсирую все его пропущенные дни рождения. И вот тогда — то понесется душа в рай, к гадалке не ходи. Он сначала отправит мне на выручку одного из своих адвокатов, а потом будет долго доказывать маме, что даже не сомневался в моем окончательном нравственном падении и изначально считал данный момент лишь вопросом времени. Но это полбеда, после он начнет утверждать, что именно она в этом виновата. Ведь именно она тогда, после аварии, не дала ему воплотить задуманное, это благодаря ей я остался здесь, а не отправился в Англию. Кто тогда заявил, что я вправе выбирать свою дорогу, а не следовать по тому пути, который, между прочим, был им, отцом, прекрасно распланирован? Она. И вот результат, вот куда этот путь привел. Сначала институт, в котором я получил абсолютно бесполезную профессию, потом работа в не менее странном месте, и теперь полиция, как логичный апофеоз бесполезной и бестолковой жизни единственного продолжателя династии Швецовых.

Мне — то на его речи плевать, но маму жалко, ей ведь все это выслушивать. Она натура хрупкая, творческая, все через сердце пропускает, через душу. У таких, как она, вообще в голове все по —

другому устроено, не так, как у остальных. Вроде сидит, слушает, улыбается, а внутри небось ад бушует.

Так что — не хотелось бы.

Нет, ну какой же упорный этот человек, а? Первый звонок я сбросил, второй не стал, он сам затих, потому что пока я обо всем этом думал, время ожидания ответа истекло. Казалось бы — если не отвечают, значит, не хотят. А он вот в третий раз набрал.

Ладно, надо ответить. Вдруг что — то на самом деле важное?

— Валерий, добрый день, — чинно сообщил мне смутно знакомый женский голос. — Думала, что ты так и не возьмешь трубку. А это, между прочим, не слишком вежливо.

— Добрый день, — ответил я, пытаюсь понять, с кем говорю. Нет, я точно знаю эту даму, вертится что — то такое в голове, но что... — Просто утро еще довольно раннее, я спал.

— Раннее, но буднее, — верно подметила собеседница. — Ты же, как мне говорили, устроился куда — то на работу. Если не ошибаюсь, даже на государственную службу. Политически шаг верный, где, если не там, завязывать нужные знакомства. Я всегда знала, что ты мальчик разумный, работаешь на перспективу...

ТЬфу ты! Ну конечно! Просто телефон немного меняет голос, вот я ее и не узнал! Но когда в ход пошли все эти «перспективы» и «нужные знакомства», то все сразу встало на свои места.

— Так и есть, тетя Жанна, — бодро отозвался я. — Правда, не до конца понимаю, как ваше сегодняшнее «разумный мальчик» согласуется с когда — то произнесенными в мой адрес определениями «отрезанный ломоть», «лишний человек» и даже, если не ошибаюсь, «паршивая овца». Я ничего не забыл? Ничего не перепутал?

— Ты вырос, — бархатисто засмеялась мама Юльки. — Зубастый стал. А был такой славный мальчуган! Валерик, ну к чему ворошить прошлое? Да, я, возможно, что — то такое брякнула в запале. Бывает. Я за тебя переживала, ты же вырос на моих глазах!

Что меня всегда восхищало в этой женщине, так это ее способность никогда не смущаться, даже в тех случаях, когда это практически невозможно. Ну и умение врать в глаза кому угодно даже не краснея. Это талант. Это от бога.

— Тетя Жанна, мне про себя все давно известно, — решил особо не церемониться с ней я. Да, у меня с отцом разные взгляды на жизнь, но

в одном мы с ним точно солидарны — в отношении к этой женщине. Мы оба ее терпеть не можем. — Переходите к делу, раз уж разбудили.

Новое дело — еще и в дверь кто — то принялся названивать. Далеки — палки, что за утро сегодня такое? Это — то кто?

— Валерочка... — Голос юлькиной мамы приобрел две новые нотки — встревоженность и легкое недовольство. — Я пытаюсь понять, что случилось с моей дочерью.

— Она входит в нашу секту, — подходя к двери, хмыкнул я. — Думаю, дело в этом.

— Какую секту? — уже непритворно всполошилась тетя Жанна. — Куда ты ее затащил, негодный мальчишка?

Я глянул в глазок и только головой покачал. Воронежская. Вспомни черта — и он появится. Причем она заметила, что я на нее плююсь, и продемонстрировала мне бумажный пакет, точно такой же, с каким приходила несколько дней назад. Дескать — завтрак принесла, милый, буду тебя сейчас кормить.

— В секту под названием «потерянное поколение», — бодро сообщил я тете Жанне. — Или вы теперь не смотрите дневные ток-шоу? Там через день вещают о том, что мы, дети рубежа веков, совсем ни на что не годны в этой жизни. Так что одна у нас с вашей дочерью секта, пропащие мы с ней. Ну и с остальными «миллениалами» тоже. За компанию.

— Ты все такой же шутник. — Неподдельное волнение из голоса пропало, сменившись притворной естественностью. — Отвыкла, отвыкла! Поймал ты меня!

— Есть такое. — Ключ провернулся в замке. — И все — таки — чем могу служить?

Воронежская влетела в прихожую, чмокнула меня в щеку и снова помахала пакетом.

— Привет, пупсик, — невероятно весело прощепетала она, а после похлопала меня по животу. — Ты опять голенький? Ох, Валера, не кончится это добром, быть кому — то оседланным! И — и — ихххха — а — а — а! Ладно, умывайся и дуй на кухню!

— Это у тебя там кто? — заинтересовалась собеседница. — Женщина?

— Именно, — подтвердил я. — И, как мне кажется, вас этот факт должен радовать.

— Почему? — озадачилась тетя Жанна.

— Потому что вам, насколько я понял из ваших слов, небезразлична моя судьба. Согласитесь, было бы куда хуже услышать, что меня хочет завтраком накормить мужчина. В наше политкорректное и толерантное время подобные экзерсисы не редкость. Мало того — они уже становятся нормой. А так ваша душенька спокойна, сын старых друзей сбился только с карьерной дороги, но гетеросексуальную не покинул. Это ли не повод для радости?

— Повод, повод. — Надоело юлькиной маме играть в добрую тетю, теперь я это отчетливо слышу. И слава богу. — Вот что, Валерий. Скажи — ка мне, что у тебя с моей дочерью произошло?

— Соитие, — честно ответил я. — По взаимному согласию и неоднократно, уж простите за подробности. Но было это так давно, что мне самому сказанное кажется неправдой.

Наверное, все это звучит довольно грубо и цинично. Да просто наверняка так оно и есть, но... Не буду я бисер перед ней метать, поскольку являюсь личностью далекой от политики всепрощения. Я не забыл всего того, что она говорила за моей спиной, точно зная, что мне все передадут, и испытывала от этого немалое удовольствие.

Юльку, правда, палить не стал, ни к чему ей знать, что наш последний «романтик» имел место быть совсем недавно. Просто она ведь потом дочери все жилы вытянет, я ее знаю. Нет, если верить самой последней смске Юльки, мы теперь стали друг другу чужими, но это не отменяет предшествующие годы.

— За дуру меня не держи, — потребовала тетя Жанна. — Давно, неправда... Если бы так! Она же к тебе с Бали сорвалась. Думаешь, не знаю?

— Думаю, не знаете. Признаться, я и сам не в курсе.

— Валера, не надо со мной так разговаривать. Не надо. Да, я против вашего общения. Да, я не раз требовала от Юли, чтобы она тебя выбросила из головы. Правда, все мои просьбы были что о стену горох... Но это ладно. Я думала, что она со временем перебесится, потом подберу ей хорошую партию, и все встанет на свои места. А пока пусть к тебе иногда бегают, физиология есть физиология. Но я даже предвидеть не могла того, что случится!

— А что случилось? — чуть напрягся я.

— Знаю, что прозвучит странно... — чуть ли не впервые в жизни я услышал неуверенность в голосе этой женщины. Это было на нее настолько непохоже, что мне стало немного не по себе. Уж не добрались ли до моей подруги нехорошие кровососы, плюнув на договоренности? — Валера, мне не нравится, как она пытается тебя забыть!

— Чего? — я прислонился спиной к стене, чтобы не упасть. — Теть Жанна, вы только что взяли главный приз в категории «Вот это да!». В моем личном рейтинге, имеется в виду. Много чего в жизни слышал, но такого...

— Сама в шоке, — подтвердила женщина. — Но, Валера, ты и меня пойми, я же мать! Да, мне пришлось смириться с тем, что она выросла, что она невесть где и невесть с кем таскается по ночам, что иногда по утрам от нее пахнет спиртным, что она с тобой спит, в конце концов. Мне все это очень не нравится, но она стала взрослой и неплохо знает свои права. Я пыталась на нее воздействовать финансово, но тут в дело вступил отец, и все пошло прахом. Но это все было хотя бы понятно! А то, что происходит сейчас, меня откровенно пугает.

— Да не томите вы! — Я состроил страшную рожу Стелле, которой надоело ждать меня на кухне. Она приперлась в коридор, провела ноготком указательного пальца правой руки по моей груди, а после прильнула ко мне всем телом. — Поподробней можно?

— Поподробней? — в голосе женщины появился трагизм. — Конечно, можно! Как тебе, например, тот факт, что она позавчера изрезала на кусочки все фотографии, где вы вместе?

— Ну — у — у... — протянул я задумчиво. — Случается такое.

— Мальчик мой, ей давно не пятнадцать лет! В нежном возрасте это норма, но сейчас?

— Она в свое время увлекалась символистами, — осторожно произнес я. — Может, дело в этом? Есть в данном поступке некая символичность.

— Символисты — это другое, — осекла меня тетя Жанна. — Ладно, бог с ними, с фотографиями. Но Юля уже который день вообще из дома не выходит. Хотя нет, вру, вчера она на два часа уезжала. И знаешь куда?

— Куда?

— В церковь! — трубно возвестила собеседница. — В церковь, Валера! Каково?

Каково? Хорошо! Значит, мои новые друзья тут точно ни при чем. Подозреваю, что их жертвы от церкви шарахаются как черт от ладана. Кстати — хороший каламбур.

— Мало ли чего ее туда понесло, — предположил я, оттолкнув от себя вконец разошедшуюся Воронцекую, вошел в комнату, взял из пачки сигарету и отправился на балкон. — Все когда — нибудь приходят к богу. Может, и для нее настал такой момент.

— Валера, у меня очень, очень плохие предчувствия, — со слезой в голосе заявила тетя Жанна. — Мне кажется, она решила покончить жизнь самоубийством.

— Чего? — у меня чуть сигарета из рта не выпала. — Кто? Юлька? Да она скорее всех нас закопает! С ее — то жизнелюбием!

— Нет никакого жизнелюбия! — гаркнула женщина. — В помине! Говорю же — дома сидит! Ноутбук не открывает! Ни одного поста в инстаграме не было уже пять дней! Ни од — но — го! Да она даже когда попала в реанимацию в Инсбруке, и то селфи постила, а тут — тишина в эфире. Валера, надо что — то делать!

— Делайте, — поддержал ее я. — Сами сказали — вы мать. Поговорите, найдите нужные слова. Сами не отыщете — есть психологи, на худой конец, психиатры.

— Пыталась, — вздохнула тетя Жанна. — Не хочет говорить. Что до психологов... Они хороши только для того, чтобы выговориться, а в остальном толку — то от них... А еще не хочется публичности. Эти господа все на жаловании у интернет — порталов, нашей семье горячие новости под заголовками «Дочь бизнесмена Певцова сошла с ума» не нужны совершенно. Сергей заключает крупную сделку с канадцами, скандалы не ко времени. Кстати, твой папа тоже в ней...

— Последнее неинтересно, — оборвал ее я. — Повторю вопрос — от меня что требуется?

— Поговори с ней, — как — то необычно искренне попросила меня Юлькина мама. — Просто поговори. Только не по телефону. Давай как тогда, когда вы еще... Думаю, ты понял, о чем я. Мы сейчас за городом, в Петрово, так вот и приезжай к нам. Посидите в беседке, посмотрите на закат, на речку сходите.

— Умеете удивить, — хмыкнул я. — Чего — чего, а этого не ожидал.

— Валера, есть случаи, когда самолюбие можно и нужно в одно место заткнуть, — неожиданно резко произнесла тетя Жанна. — Я же заткнула? Вот нашла твой телефон, позвонила, хоть и очень не хотелось. Юля душой крепкая, в отца пошла, но она все — таки девочка, то есть имеет право на ошибку. Первая — это ты, но ее я пережила. А вот какой будет вторая, я даже думать не хочу. И чтобы она случилась — тоже не хочу. Скорее всего, я дую на воду, и тем не менее. Короче — бери ноги в руки и приезжай, на ужин у нас сегодня жареный гусь. Помнится, ты его всегда любил.

— Это да, — признал я. — Но все же...

— Я тебя никогда ни о чем не просила! Это первый раз!

— Второй, — поправил ее я. — Первый был на последнем звонке. Вы заставили меня в капустнике физрука сыграть, хоть мне и не хотелось этого делать.

— Ты по фактуре подходил, — сказала как отрезала тетя Жанна. — За тобой машину прислать?

— Сам доберусь, — проворчал я. — Но, может, не сегодня? Может, завтра?

Хрен ее, Юльку, знает. А ну как и вправду чего такое задумала? Особенно если учитывать, как она квасила в последнее время. И, возможно, не только квасила.

Да и права тетя Жанна. Мы на самом деле друг другу не чужие люди.

— Вот и славно. — Голос снова стал привычно — медовым. — Я знала, что ты хороший мальчик. А что натворил дел в прошлом — так с кем не бывает?

И повесила трубку. Ну а как же, последнее слово всегда должно быть за ней. И дочь в данном случае вся в мать!

— Кофе стынет, — скрипнув балконной дверью, сообщила мне Стелла. — И еще — Валер, ты уже фильтр куришь.

То — то во рту такой привкус пакостный! Тьфу!

Круассаны были хороши, джемы на этот раз не поражали странностью ароматов, что же до кофе, то тут вовсе слов не имелось. При всей своей вредности и стервозности варить его Воронежская умела.

— Вкусненько? — прощепетала Стелла, пододвигая мне очередной круассан. — Нравится?

— Не то слово, — пробубнил я с набитым ртом. — Хоть что — то хорошее в это утро случилось.

— Какие — то проблемы? — показала ведьма глазами на лежащий рядом со мной смартфон. — Да?

— Твоими заботами, — прожевав кусок, произнес я. — Кто тебя тогда за язык тянул? Ну когда моя приятельница заявила? Ты пошутила, она поверила, собирается руки на себя наложить теперь.

— И пусть ее. — Стелла подлила мне кофе. — Прости, но я дураков да дур никогда не жалею. Если она глупа настолько, что не может взять и просто поговорить с мужчиной, которого любит, а вместо этого таблетки жрет или в петлю лезет, то, возможно, это не самый плохой вариант. Значит, она не готова к тому, что жизнь это не только праздник, что в ней иногда надо самой идти вперед, а не на месте топтаться и ждать, пока тебя кто — то подвезет. Вот этот джем попробуй, абрикосовый. Очень вкусный! С кислинкой.

И ведь даже не поспоришь, сказано все верно. Только от правоты этой не духами французскими пахнет, а серой тянет за километр.

— Вале — е — е — ер! — Стелла лукаво прищурила левый глаз. — А ты чего сегодня вечером делаешь?

— По делам уезжаю. — Я намазал круассан рекомендованным ей джемом. — По важным и неотложным.

— Ответ неверный! — Воронежская погрозила мне пальчиком. — Сегодня вечером мы приглашены на ужин. Ну, вернее, приглашена я, а ты идешь со мной. Идешь, и это не обсуждается. Это важно для нас обоих.

— Не — а. — Я покачал головой. — Без меня. Я подобные мероприятия не люблю.

— Да что ты? — У ведьмы как — то вдруг исчезла игривость из голоса и озорство из глаз. — Ой ли? А если подумать?

— Ты о чем? — с набитым ртом поинтересовался у нее я.

— О том, что три дня назад ты охотно посетил поздний ужин в одном милом доме. — Воронежская приблизила свое лицо к моему. — В Останкино!

Глава 2

— Поверь, измены не было, — отхлебнув кофе, укоризненно посмотрел на ведьму я. — В моей жизни теперь есть только ты, так что успокойся. Да и не такой там уж милый дом. Так... Здание, строение...

Все же пронюхала. Хотя нет в этом ничего странного. Народу, если можно так сказать, там было немало, кто — то где — то что — то сболтнул, и понеслось дерьмо по трубам. А если учесть, что все слухи раньше или позже достигают ушей Абрагима, с которым Стелла в дружбе, то удивляться нечему.

— Будь любезен, дурака не включай. — Выражение лица Стеллы добрым было назвать сложно. Причем из — за этого она как — то сразу лет на двадцать постарела, кабы не больше. Может, гнев выдает истинный возраст ведьмы? — Такие штуки хороши с твоей клушей — подружкой, но не со мной.

— Ой, боюсь, боюсь, — фыркнул я и протянул ей опустевшую чашку. — В раковину поставь, будь добра.

Бздынь! Белые осколки емкости, со всего маха брошенной об пол, разлетелись в стороны. Ух ты, в таком гневе Воронежскую я еще не видел, даже тогда, на лесной поляне, она держалась куда корректней. Ну насколько это слово вообще к моей новой подруге применимо.

— Чего творишь, малахольная? — раздался возмущенный голос Анисия Фомича, а после и он сам присоединился к нам, выбравшись из — за холодильника. — А? В чужом доме посуду бить? Совсем страх потеряла, ведьма?

— Ты меня еще поучи! — мигом вызверилась на него Стелла, ее ноздри раздувались, глаза сузились, и вообще она сейчас больше напоминала хищное животное, чем человека. — Тебе слова не давали!

— Я тут хозяин! — и не подумал тушеваться подъездный. — Дом этот под моей защитой, так что пужать меня не следует! Сейчас общество кликну, от тебя одна шерсть останется!

— Шерсть? — заинтересовался я, вставая с табурета. — Это вряд ли, Анисий Фомич. Стелла Аркадьевна дама прогрессивная, за собой следящая, так что эпилируется, полагаю, с завидным постоянством. Разве что на совсем уж интимных местах какую особо изощренную стрижку имеет, да и то не факт. Нынче в тренде...

— Заткнись! — взвизгнула ведьма.

— Как скажешь, — покладисто согласился я, после сходил в кладовку, принес веник и совок, стоящие там со времен царя Гороха, и протянул ей. — Держи.

— Это что? — моя компаньонка, похоже, удивилась. — Это зачем?

— А ты угадай! — под злорадное хихиканье подъездного предложил я ей. — Стелла, ну, наверное, не для того чтобы ты на него села и улетела отсюда нахрен. Для этой цели я бы тебе метелку принес. Это для уборки. Намусорила — будь любезна навести чистоту. Стоимость разбитого, так и быть, возмещать не надо. Я добрый.

— Ты серьезно? — Воронежская отчего — то ощутимо напряглась. — Ты хочешь, чтобы я подмела пол в твоём доме?

— Хочу? — я улыбнулся. — Нет, милая, просто — таки настаиваю на этом. И еще — позволишь еще раз себе что — то подобное, больше никогда порог моей квартиры не переступишь. Мы с тобой не муж с женой, не брат с сестрой, ты мне даже не любовница. Мы просто скованы одной цепью до поры до времени, но и только. Потому запомни — знай свое место, ведьма. Как следует мои слова усвой, хорошо?

— Вот это правильно! — одобрительно крякнул Анисий Фомич. — И это... Если в наш дом крысиную королеву запустишь, то я исхитрюсь, но тоже тебе какую гадость сделаю! Сама, поди, знаешь, что наше племя хоть и живет наособицу друг от друга, но, если что, всегда заодно действует!

Ну да, пугала она его чем — то таким, было.

— Мети, что смотришь? — Я снова уселся на табуретку и взял круассан. — А потом налей мне еще кофе и иди за стол. Так и быть, кое — что тебе расскажу. Но не столько, сколько собирался, и в этом ты сама виновата. Разозлила ты меня, душа — девица. Сильно разозлила.

А с веником — то владелица салона красоты управляться особо не умеет. Ну правильно, у нее там менеджеры по клинингу есть, самой ничего делать не приходится. Да и детство, видать, у нее безоблачное было, не трудили ее родители чрезмерно.

— Анисий Фомич, ты прости меня. — Я указал подъездному на свободное место за столом. — Со всей этой суетой я о твоей просьбе совершенно забыл. Ну той, что связана с Михейкой и рыжим котом.

— Ох, — покачал головой подъездный, карабкаясь на табурет. — Такой скандал вчера был, такой скандал! Хозяйка наконец заметила, что нету кольца, начала на мужа своего орать, что тот его стащил или девке блудной подарил, или, того хуже, пропил! А он — то и ни при чем! Нет, девка есть, это правда, когда хозяйка по работе в другой город уезжает, то она с мужиком тем так блудодействует, что стены трясутся! Но жена про нее на деле — то и знать не знает. Хотя, как мне думается, догадывается.

— Все вы козлы, — мрачно буркнула Стелла, сгребая осколки в совок. — Борода, потом скажешь мне, в какой квартире этот паскудник живет, я ему яйца отсушу нахрен!

— Не без того, — согласился с ней я. — Хотя кто бы говорил? Небось сама семей забавы ради разбила не меньше, чем чашек. И, кстати, вон еще два осколка лежат у стены. Не халтурь, Воронежская, не халтурь!

— Я ведьма, мне можно, — зыркнула на меня исподлобья Стелла, но, высыпав уже собранные осколки в ведро, направилась туда, куда я ей показал. — Во мне инстинкт разрушения института семьи заложен изначально, мне чужое счастье видеть, как гвозди есть.

— Все равно нехорошо получилось. — Анисий Фомич глянул на круассан, потом на ведьму, и не стал его брать. — Неправильно. Кто у них там с кем шашни водит — дело не наше. Тем более что хозяйка тоже не без греха. Недавно днем заявила, а с ней мальчонка лет на двадцать ее младше. Ох, что творили, что творили! Такая срамота! Но с колечком Михейкина вина, тут ничего не попишешь. Надо бы найти.

— Молодец баба, — одобрила слова подъездного ведьма. — Если уж грешить, так с молодым и горячим, а не с каким — то пеньком замшелым!

— Сейчас моя гостья приберется, после мы с ней попрощаемся и пойдем искать потерянную цацку, — сообщил я Анисию Фомичу. — Время у меня сегодня есть.

— Но его не слишком много, имей это в виду. — Стелла стряхнула последние осколки в ведро, поставила инвентарь к стене и тоже уселась за стол. — Сначала мы все же поговорим, хочешь ты того или нет, а после тебя ждет дорога дальняя, причем на метрополитене имени В. И. Ленина. Я тебя из вредности не повезу, а на такси ты в центр долго будешь из своей глухомани добираться.

— Поясни? — попросил я ведьму.

— Тебя Абрагим в гости приглашает, к двум часам дня, — с невыразимой сладостью прошептала ведьма. — Перекусить и пообщаться. И сразу предупрежу — отказываться не рекомендую, аджины очень обидчивы. Один раз его приглашение не примешь — и кто знает, может ты его заведение вообще больше никогда на улице Фрунзе найти не сможешь. Так что — одевайся, Валера, обувайся, Валера, и марш — марш вперед! Но не раньше, чем мы с тобой закончим беседу, разумеется.

— Аджин? — заинтересовался Анисий Фомич. — Это кто же такой? Никогда о таких не слыхал! Иноземец, поди?

— Руки вперед вытяни, — попросила его ведьма. — Не лупай глазами, вытягивай давай!

Подъездный с сомнением посмотрел на меня, огладил бороду, а после неуверенно сделал то, о чем его попросила Стелла.

— Вот. — Ведьма взяла с тарелки два последних круассана, и положила их в ладони Анисия Фомича. — Держи и иди к себе, позавтракай. Кофе не предлагаю, знаю, что твое племя его не пьет. Дай мне с Валерой спокойно пообщаться

— Ага, спокойно, — возразил ей подъездный. — Ну как ты опять начнешь посуду бить?

— Не начну, — кратко пообещала Стелла. — Проваливай!

— Смотри у меня, — спрыгнув с табурета, велел ведьме Анисий Фомич. — Если чего, то — у!

Он засунул хрустнувшие круассаны за отворот комбинезона, отправил в рот крошки, аккуратно пойманные ладонью, и скрылся под раковиной, аккуратно притворив за собой дверку шкафа.

— Проклятая глобализация, — пожаловалась мне Стелла. — Еще сто лет назад эта мелочь пузатая не смела носу со двора высунуть и шарахалась от любого, кто не относится к их роду. А тут — погляди, чего творится! Как тебе это его «у»?

— Хорошее «у», — не согласился с ней я. — Твердое и уверенное. Стелла, так ты долгожитель, выходит? Ты помнишь, что было сто лет назад? Нет, положительно, у нас нет будущего как у пары. Геронтофилия — не мой профиль.

— Скотина ты эдакая, — надула губы женщина. — С дамой — и о возрасте? Фу! И сразу — я про прошлое знаю из рассказов коллег, а

среди них попадаются те, кто не то что начало двадцатого века помнит, но и куда более давние времена. Довелось мне как — то общаться с одной старушкой, так она на полном серьезе рассказывала мне о том, как уносила ноги от опричников Ивана Грозного. Те ведь не только измену среди государевых людей выискивали, но и противные богу промыслы изничтожали. То есть таких, как мы с тобой.

— Круто, — без тени иронии отозвался я. — Внушает. Интересно было бы с ней о том и о сем поболтать.

— Сплюнь три раза, — посоветовала мне ведьма. — Она таких, как ты, на завтрак ест, причем в буквальном смысле. И вообще — ты даже не представляешь, как тебе повезло со мной. Правда — правда. Я с тобой, оленем в загоне, цацкаюсь чего — то, а любая другая уже сыпанула бы в кофе порошок специального, волю подавляющего, да и все. Служил бы ты ей, как пес верный, и радовался, когда за ушком чешут.

— Стелл, вот не надо, — попросил я ее. — Seriously. Если бы ты имела возможность мне что — то такое подсыпать, то давно это сделала бы, и мы оба это знаем. Лучше скажи, чего от меня Абрагиму нужно?

— Понятия не имею. — Ее голубые глаза смотрели на меня настолько честно и искренне, что сразу становилось понятно — она врет. — Он мне не говорил, а я не спрашивала.

— Ну да, ну да, — улыбнулся я. — Лады, съезжу. И даже, если хочешь, потом тебе позвоню и обо всем доложу.

— В самом деле? Всё — всё? — приложила руки к щекам ведьма и сложила губы в букву «о», став похожей на героиню рисунков в стиле «пин — ап», только сползшего чулочка не хватало для полноты картины. — Ну надо же! Я уже и не надеюсь на такое!

Я встал из — за стола и отправился в комнату, туда, где лежали сигареты, поскольку надоело мне это шоу. Нет, я ей, конечно же, ничего рассказывать не планировал, но что с того? Могла бы и подыграть.

Стелла заявила на балкон следом за мной и устроилась рядом, положив локти на металл ограждения.

— Валер, пойми меня правильно, — тихо произнесла она. — Если я не буду знать, что происходит, я не смогу координировать наши

планы. А если этого не делать, то не управимся мы до осени. Никак не управимся.

— Стелла, повторю уже сказанное ранее — «мы» это очень громкое слово, — выпустив дымок, произнес я. — «Мы» — это когда вместе, а ты всегда предпочитаешь играть в одну сторону. В свою. Нет, я все понимаю, это жизнь, своя рубашка ближе к телу, но тогда и обижаться не на что. И потом — ты уверена, что выбралась бы из того дома в Останкино живой? Меня бы не тронули, можешь не сомневаться, а вот твой обескровленный труп нашли бы потом в соседних прудах, да и все. Какая польза тем, кто там был, от настырной ведьмы, сующей свой нос во все щели? Это добрый и интеллигентный Карл Августович более — менее тебя терпит, а вурдалаки ребята простые и незамысловатые. Осушили бы — и все. Кому бы я потом ноги мыл?

— Вот ты злопамятный, а? — вздохнула она. — Брякнула один раз глупость не подумав, ты теперь мне ее до конца времен припоминать станешь.

— Смотря каких времен, — уклончиво ответил я. — Подытоживая — не лезь туда, куда не надо, и, может быть, все закончится хорошо. Для тебя и меня, имеется в виду.

— Нас, — она взяла меня под руку и положила мне голову на плечо. — Все — таки — нас. Молчи, ничего не говори, не порти момент.

И вот здесь я с ней спорить не стал, потому что люблю курить в тишине.

— Леший с ним, с подробным рассказом, после все выложишь, — сообщила мне Стелла, когда мы вернулись в помещение. — Клады и сокровища — это прекрасно, но у меня еще и бизнес есть, ему требуется внимание, потому я поехала. Ты встреться с Абрагимом, а после набери меня, мы согласуем с тобой время и место нашей встречи.

— Какой встречи? — уточнил я.

— Швецов, ты вообще меня слушаешь? — опять начала заводиться Стелла. — Я тебе двадцать минут назад сказала, что вечером мы едем в гости! Нас пригласили! Если точнее — тебя. Но со мной!

— Точно, было, — признал я, решив не уточнять, что изначально вроде говорилось о том, что это ее пригласили, а я так, прицепчик. —

Стелла, не могу, извини. Мне надо бы за город выбраться, провести приятельницу, которая благодаря тебе...

— Не начинай снова, умоляю тебя! — простонала ведьма. — Не могу больше все это слышать! Съездишь завтра, в конце концов. И, если захочешь, я дам тебе зелье, от которого твоя подруга станет веселой, словно котенок, играющий с клубком ниток. Нет — нет, это не наркотики, не переживай. Просто у нее на некоторое время обострится желание простых плотских радостей, вроде поесть, выпить и с кем —нибудь переспать, а нравственный уровень и инстинкт самосохранения одновременно с этим, наоборот, немного понизятся. Ну а когда все закончится, глядишь, она или венерическую болезнь подхватит, или забеременеет от кого —нибудь. В любом случае ей точно станет не до тебя.

— Сомнительная штука. Хотя — не лишено смысла. Я подумаю.

— Вот по дороге и подумаешь, — заявила Стелла. — Жду звонка. И напомним — разговор насчет Останкина не закончен. Он еще даже не начинался, так что нам будет чем заняться по дороге.

Что за человек, а? Точнее — что за ведьма. Ведь сама нарывается.

— Стой, — остановил я ее тогда, когда она уже отрыла дверь. — У меня тоже есть вопросик. Ну, точнее, нюансик, который очень хотелось бы прояснить.

— И? — насторожилась Воронежская, которая, похоже, уже изучила мои интонации.

— А правду говорят, что у ведьм на заднице есть хвостик, вроде поросычьего? Давно хотел спросить, да все как — то неловко было, вопрос — то интимный. Но раз нет тебя и меня, а есть «мы», то почему бы и нет?

— Что? — впервые за все время вижу Стеллу настолько ошарашенной. Врасплох я ее застал. Ничего, пусть привыкает. От меня можно ожидать чего угодно, и это ей стоит усвоить накрепко.

— Просто если «да», то ты, пожалуй, на какие — то более тесные отношения не рассчитывай, — продолжил я, с удовольствием глядя в ее расширяющиеся сверх пределов, установленных природой, глаза. — Я в этих вопросах экзотику не сильно люблю, поскольку традиционен в своих предпочтениях. Баба с хвостом, пусть даже и ведьма, — это чересчур.

— Идиот! — прошипела Стелла, щелкнула замком клатча, достала оттуда пятитысячную купюру, плюнула на нее и припечатала к стене. — Это тебе за бой посуды!

Ух как она дверью грохнула! Чуть вешалка на меня не упала!

И чего такого я спросил? После сериала «Гоголь» все знают, что у ведьм сзади хвост есть, даже те, кто самого Николая Васильевича не читал.

Ладно, шутки шутками, а ехать с ней придется. К кому — понятно, тут особо гадать не приходится. Госпожа Марфа меня увидев пожелала, руководительница ее ковена. Не иначе как испытывает желание поиметь свой кусочек пирога, стоящего на общем столе и носящего название «Хранитель кладов». А то вон старый хрыч Шлюндт его кушает, вурдалаки тоже, и только бедненькие, несчастненькие ведьмы в пиршестве не участвуют, хотя вроде бы первыми к столу стул придвинули.

Вот только шиш ей. Я всегда блюду условия сделки, а новые участники соглашения в ней не предусмотрены. Но подать данную новость ей следует относительно тактично, это в моих интересах. Я слышал голос предводительницы ковена, и даже не будучи психологом могу сказать, что это дама суровая, властная и с очень непростым характером. Проще говоря, если сильно такую разозлить, ничего хорошего из этого не выйдет. Для меня лично, имеется в виду. Она запросто может сказать что — то вроде «так не доставайся же ты никому», и мне попросту глотку перережут при первом же удобном случае. Или отравят. Воронежской подобное сотворить нельзя, но на остальных ведьм запрет Полоза не распространяется.

Кстати, Стелла это тоже наверняка понимает, потому за ней в гостях у Марфы надо наблюдать максимально внимательно. Уверен, что свои попытки угробить меня чужими руками она не оставит, в чем в чем, а в этом у меня сомнений никаких нет, и данный факт меня очень беспокоит. Когда женщина просто стерва, это тяжело, но терпимо. А вот когда она к тому же еще и умна — это беда для любого, кто встанет на ее пути. У меня как раз такая ситуация, и это не есть хорошо.

Впрочем, имеется у меня одна идея, которая ситуацию может немного выправить. В мою сторону, разумеется.

А вот вам, тетя Жанна, придется подождать до завтра. Сразу в два места я, увы, не успею попасть. Не знаю, куда именно мы поедем вечером, но сомневаюсь, что в Петрово — Среднее. Жалко, конечно, что жареный гусь пролетает мимо меня, как фанера над Парижем, но ничего не поделаешь. Авось они его всего не съедят, что — то мне на завтра останется, он и разогретый будет дивно вкусен. Чем — чем, а своей кухней дом Певцовых славился всегда, это даже мама Сивого признавала, а уж она — то в готовке толк знает.

— Ты бы денежку сжег, Валера, — предложил мне Анисий Фомич, который, как оказалось, уже стоял за моей спиной. — Ведьмины подарки добра сроду никому не несли.

— Ну если бы она ее мне просто так дала, то можно было бы о плохом подумать, — повертел я в руках купюру. — Но здесь ситуация другая.

— Тебе решать, ясное дело, но только послушай ты моего совета, — настойчиво пробубнил подъездный. — Ну да, ты ее не с земли поднял, но ведь и так может быть, что она на нее давно какой поганый заговор накинута да с собой и таскала, чтобы всегда под рукой иметь. Случаи, Валера, они разные бывают.

— Это да. — Я зачем — то понюхал банкноту, она пахла дорогими духами. — А что значит — с земли поднял? Ведьмины деньги, если они не из рук в руки переходят, а на земле лежат, наверняка прокляты?

— Любые деньги поднимать нельзя, — назидательно произнес Анисий Фомич. — А уж лежащие на самом виду — тем более. Кто его знает, откуда они там взялись? Из кармана чьего выпали ненароком, или кто их там нарочно положил?

— А если поподробнее? — попросил я подъездного.

— Так всё не перечислишь, — степенно ответил тот. — Но чаще всего ведьмы да колдуны, из тех, что целительство знают, когда порчу с человека снимают, то ее на денежку покрупнее переводят, а после на дорогу ту и бросают. Человек идет, видит — деньги валяются, сразу их хап — и в карман. А с ними болезнь прихватывает, или, того хуже, проклятие. И потом гадают — отчего у него волос выпадает, глаза не видят, мужская сила пропадает или ребеночек не получается. Так чего ж такому не быть? Ты чужую беду себе забрал, причем доброй волей, теперь она твоей стала.

— Однако, — только и сказал на это я.

— Бывает еще, что молодые да ранние силу свою пытаются, нарочно деньги зачаровывают, а после глядят — получилось задуманное или нет. Опыта так набираются. Потому сожги денежку, пока в карман не убрал, послушай моего совета. До того она вреда не принесет, ты ее своей не признал, а после — все, после только знающий человек поможет.

— Понял, не дурак, — ответил я подъездному, пошел в комнату, скомкал купюру, положил ее в пепельницу и чиркнул зажигалкой. — Был бы дурак — не понял.

Не знаю, прав оказался Анисий Фомич или нет, но вонь от сжигаемых денег пошла редкостная. Впрочем, не исключено, что это как раз нормальное явление. Кто его знает, из чего их делают?

— Ладно, это все лирика, — сообщил я подъездному. — Пошли ваше кольцо искать, что ли? А то мне еще в центр ехать, как выяснилось. Неохота жутко, да еще по такой жаре, только деваться некуда, от подобных приглашений не отказываются.

— Пошли, — с готовностью отозвался тот. — Михейку кликну — и пошли.

— Только вот что. — Я почесал затылок. — Подвал же небось закрыт? Причем наверняка на большой висячий замок. Вскрывать их я не обучен, да и с законом мне связываться неохота.

— Это все ерунда, — замахал руками и даже бородой Анисий Фомич. — Ты к тому входу, что с правого торца дома, подходи минут через пять, двери открыты будут.

А они ребята не промах. Видел я председательницу нашего ТСЖ пару раз, это такая лютая тетка, что даже мне не по себе рядом с ней становилось, хоть вроде я ни в чем и не виноват. Предположить, что кто — то из техников или слесарей вот так запросто расстанется с ключами, в данном случае невозможно, но факт есть факт — дверь в подвал и вправду была открыта.

Анисий Фомич обнаружился внутри, рядом с ним стоял, надо полагать, тот самый Михейка. Кстати, стало понятно, почему его именно так мой приятель называет. Дело оказалось в возрасте. Молод был по меркам Анисия Фомича его коллега, не имелось в нем еще достойной основательности, да и борода подкачала. Это даже не борода была, а так, легкая растительность.

Впрочем, представился мне этот товарищ все равно как Михей Петрович, и я решил, что так его и стану называть. Ни к чему бить подростку по самолюбию. Тем более что данная молодость, подозреваю, мне лично покажется глубокой старостью. Ему же лет сто — сто пятьдесят, не меньше.

— Еще раз предупреждаю — гарантий не даю, — сообщил я подъездным. — Кабы это кольцо кто зарыл или в стену законопатил — тогда да. А «потеряшку» искать куда сложнее.

— Мне без него хоть к себе не возвращайся, — печально вздохнул Михей Петрович. — Совесть заест.

— Врет, — заявил Анисий Фомич. — Дед Филат его затюкает, вот что. Он про эту историю в курсе, если не поможешь, то Михейке придется с кем — то из наших меняться домами. У нас парню жизни не будет, это уж точно!

— Поговори мне еще, — закричал кто — то сверху, на меня посыпалась то ли известка, то ли слежавшаяся пыль, а через секунду я увидел еще одного подъездного, на этот раз, правда, старого, как не знаю кто. Был он сед и внешне благообразен, несмотря на подозрительно красный нос, формой напоминающий грушу.

— Филат Евстигнеевич я, — сообщил пришелец мне. — Не начинали ишшо?

— Пока нет. — Я развязал горловину чехла, в котором находился металлоискатель. Мне его завез Антон еще на той неделе, поскольку я сам данный прибор все никак из машины Шлюндта забрать не мог, так он и катался в багажнике. Удачно получилось, кстати. Если бы бывший охранник Карла Августовича не был настолько любезен, пришлось бы мне подарок Сивого потом из полиции вызволять. — Как можно? Так, уважаемые, пока я собираю инструмент, проясните мне один момент.

— Какой такой инструмент? — удивился старейшина. — Ты же Хранитель кладов, тебе золото — серебро нутром чують положено.

— Положено, — не стал с ним спорить я. — Но сначала все же пустим в ход технику, дабы не нарушать энтропию Вселенной.

— Чего не нарушать? — глянул суровый предводитель подъездных на Анисия Фомича.

— Зазря магию свою в ход пускать не хочет, — нашелся мой подъездный. — Чтобы, значит, кто чего не учуял. Сами знаете, какие у него гости бывают, вот он и не желает пущую беду на дом накликасть.

— Вежественно да разумно, — одобрил Филат Евстигнеевич. — Достойно похвалы!

— Так что с котом? — еле удержался от улыбки я, доставая среднюю катушку и закрепляя ее на металлоискателе. — Как перстень из квартиры в подвал — то попал?

— Вражду ю я с этой тварью, — печально сообщил мне Михейка. — Он умный, паскуда, оказался, недаром из чужих земель родом. Слово даю — что — то с ним не так, он смотрит ровно человек, и поступает так же!

— Кой раз говорю тебе, полено ты сучковатое, — ни кошки, ни собаки разума не имеют, — отвесил рассказчику подзатыльник старейшина. — Они запомнить чего — то могут, но думать им не дано.

— А этот — думает, гад такой, — потер ударенное место подъездный. — Иначе чего бы тогда такой номер выкинул? Он же нужного момента дождался, перстень показал и начал меня по квартире гонять, потому как знал, что при эдакой оказии за ним наверняка бегать стану. После, как я его почти поймал, он шасть в окно, прямо на ветку, и к подвалу побежал. Я за ним, но через дом, мне по дереву никак. Пока добежал — эта тварюга уже обратно идет. И улыбается, сволочь! Ехидно так!

— Коты не улыбаются! — возмутился Филат Евстигнеевич. — Не бывает такого!

— Улыбаются, — возразил я ему, включая прибор. — В Англии, например. Я про это в книжке читал.

— То в Англии, — отмахнулся старейшина. — Они там все малахольные, с них станется. Насмотрелся я на их нравы, когда в Архангельске жил, они к нам постоянно плыли за товаром. Все рыжие, с самого утра пьяные, вечно орут, и жадные до невозможности. У таких не то что коты — комары улыбаться начнут.

— Еще вопрос. А какое дело Михею Петровичу до того, что там с кольцом случилось? — решил окончательно расставить все точки над «і» я. — Ну пропало и пропало. Бывает.

— Не можно так, — в один голос произнесла троица. — Не можно!

— Нам хозяйский скарб доверен, мы следить за ним должны, — добавил Анисий Фомич. — Сами они хоть чего с ним делать могут, но ежели кто чужой влезет, то мешать обязаны как можем. Шум поднять, напугать, еще чего сотворить, но не дать им добро вынести. Правда,

лиходеи народ особый, их ничем не напугаешь, но иногда получается укорот дать.

— А тут — кошка! — шмыгнул носом Михейка. — Гад мохнатый! Он меня с того момента невзлюбил, как в первый раз увидел!

— Нишкни, — велел ему Филат Евстигнеевич. — Дурь твою слушать мочи больше нет!

Зря он так. Я вот тоже много во что не верил, а оно оказалось правдой. Может, прав Михейка, не все с этим котом ладно и чисто.

Я выставил на металлоискателе поиск золота и неторопливо зашагал по подвалу, водя им влево — вправо и внимательно следя, чтобы не врезаться головой в трубу. Кстати, больше всего опасался, что оглохну от фона металла, который тут везде. Но нет, машинка хоть и не новая, но работает на славу, трубный чугуний не распознает. Ну или из чего их делают?

Первый сигнал я услышал через пару минут, причем очень отчетливый, он шел из угла, в который катушка прошла, а вот мне было не пролезть. Впрочем, не странно, что сигнал именно такой — тут земли нет, копать не надо.

Михейка ужом ввернулся под трубы, чем — то там прошуршал, громыхнул и вернулся обратно, держа в лапке золотую цепочку с какой — то висюлькой.

— В старой крысиной норе лежала, — пояснил он нам. — Видать, давно, вон грязная какая!

— Давай сюда, — велел старейшина. — Потом решим, что с ней делать.

За последующие пятнадцать минут я отыскал обручальное кольцо, лежащее у одной из стен, крестик на серебряной цепочке, одну совсем уж дешевенькую сережку и половинку браслета от дамских часов. Интересно, тут вообще хоть кто — то когда — то убирался? Те же останки часов вообще чуть ли не на виду лежали.

А нужного нам предмета не было.

— Может, он его на дереве припрятал? — осторожно полюбопытствовал я у окончательно поникшего Михейки. — Так сказать — выдал желаемое за действительное?

— Не, — помотал головой тот. — Точно здесь.

Ну тогда я не знаю. Я честно попробовал помочь, но увы, увы... Не слышу я его. Ни так, ни эдак. Разве что...

Я приподнял металлоискатель вверх, на уровень труб, тянувшихся практически у самого приземистого потолка.

— Вариант, — одобрил Анисий Фомич. — И то — чего ему по углам шастать? А трубы — самое то.

И мы оба оказались правы! Нашлась пропажа, кстати, довольно — таки неприглядно выглядящая и не сильно похожая на ценность «еще позатого века», как это было озвучено изначально. Я на настоящие старые работы за последнее время насмотрелся, уже могу одно от другого отличить. Это, скорее, неплохая имитация, но не более того. Впрочем, может, я и ошибаюсь, переоценивая себя как эксперта.

— Живи, — разрешил Михейке Филат Евстигнеевич. — Да помни мою доброту и помощь Валерия. Должон ты теперь нам обоим.

Счастливым подъездный в пояс поклонился сначала ему, а потом мне.

— Держи, — протянул мне руку, в которой лежало найденное золото, старейшина. — Ты нашел, тебе владеть.

— Да ну, — отмахнулся я. — Вот еще... Вы лучше его положите в общую казну вашего общества.

— Нет у нас такой, — озадачился Филат Евстигнеевич.

— А вы ее учредите, — посоветовал я ему. — Пусть будет. Если есть желание, можете назвать ее «Фонд Швецова». Ладно, мне пора, надо душ принять после этой пылюки, да потихоньку собираться. Пока доеду, пока дойду... Общий привет!

Глава 3

Все — таки летняя Москва — это что — то особенное. Лично я по дороге раз пять пожалел, что согласился на эту поездку и покинул относительно прохладную квартиру. Подземный ад метро, схожий с тем, который описывал Данте, и последующая прогулка по улице выжали из меня все соки, потому в шаурмячную я пожаловал не в самом лучшем настроении.

Что любопытно — она была не пуста. За одним из столиков сидел огромный чернобородый дядька, жадно пожиравший не очень хорошо прожаренное мясо. Меня чуть не замутило от вида того, как с гигантского куска, который он держал в руках, каплет багрового цвета сок. Бородач отрывал от него огромные куски и глотал их практически не жуя.

Неподалеку от обжоры расположились две молоденькие девчонки, блондинка и брюнетка, одетые по сезону и возрасту, то есть более чем легкомысленно. Ну а что? Молоденькие, веселые, симпатичные, хихикают не переставая, как им и положено. Глаз радуется, на них глядячи.

Ну и в самом дальнем углу шаурмячной обосновался какой — то мужчина, но его я толком и не рассматривал. Человек как человек, сидит, в планшете что — то смотрит, кофе пьет, обычное дело. А я вот сейчас кружечку холодненького светлого пивка хлопну, а то и две. Ароматного, с горчинкой, и обязательно в запотевшей стеклянной кружке, такой, чтобы по ней капельки сползали. Тут тенек, идти никуда не надо, так что эффекта парной можно не бояться.

Аджин заметил меня, развел руки в стороны, как бы собираясь заключить в объятия, и что — то бессвязно загуркотал.

— Тоже рад тебя видеть, Абрагим, — отозвался я, сцепил руки в «замок», и помахал ими над головой. — Ты звал — я пришел.

Обниматься мне с ним точно не хотелось, и так жара невозможная. И потом я не забыл, как он в прошлый раз меня разыграл, притворившись красоткой — пэри из восточных сказок.

То ли аджин умел читать мысли, то ли настолько наострился в своей профессии, что даже говорить ему ничего не пришлось, но он вышел из своей будки с двумя кружками пива, в аккурат такими,

какими я их себе представлял, и бодрым шагом потопал как раз к тому столику, где сидел господин с планшетом. Я последовал за ним, прекрасно понимая, что в этом заведении владелец решает, кому и с кем сидеть.

Абрагим поставил кружки и указал мне на стул, что — то при этом проворчав. Я поблагодарил его, уселся за стол, вцепился в один из бокалов и припал к нему ртом, еле удерживаясь от того, чтобы не замычать от удовольствия.

— Добрый день, — мягко произнес мужчина, откладывая в сторону планшет.

Был он черноволос, черноглаз, высок, плечист и все такое прочее. Короче, нравятся такие, как он, женщинам, причем практически любым, независимо от возраста и семейного положения. Вообще, возникало ощущение, что этот товарищ только что сошел то ли со страниц модного журнала, то ли прямиком из дамского романа, коим нет числа.

— Уфффф, — оторвался я от кружки и вытер мигом выступивший на лбу пот. — Добрый. Хорошо — то как!

— Позвольте представиться, — мужчина протянул мне руку. — Меня зовут Ласло.

Ласло. Побуду немного Капитаном Очевидность — имя однозначно не русское. Да и в речи этого господина ощущается небольшой акцент. Даже не так — он смягчает окончания слов, отчего становится ясно, что наш язык для него все же неродной.

Это откуда же ты такой красивый приехал? И чего тебе от меня надо? Хотя последнее как раз не вызывает никаких сомнений, им всем от меня одного надо. Теперь — то я понимаю вечную озлобленность одной моей приятельницы, которой Господь при рождении отвалил сразу все — и отменную фигуру, и невероятно привлекательную внешность, тем самым исковеркав ей судьбу. Никого не интересовало, что у нее на душе, поскольку практически все знакомые мужского пола желали только одного — затащить ее в постель, дабы доказать всем, что им такое по плечу. Ну а почти все знакомые дамы мечтали, чтобы ей пусто стало, ибо терпеть такую конкуренцию было выше их сил.

Я не являлся исключением, и теперь мне за это стыдно. Крайне неприятно ощущать, что ты как личность стал лишь дополнением к своему таланту. Причем не самым важным дополнением.

Абрагим что — то пробубнил на своем непонятном языке, показывая на Ласло, а после уставился на меня.

— Очень приятно. — Я пожал протянутую руку. — Валера.

— Наш общий друг спрашивает — вы кушать будете? — улыбнувшись, произнес мужчина.

— Даже не знаю, — признался я и сделал еще один богатырский глоток из кружки, практически осушив ее. — В такую жару пить хочется очень, а вот есть как — то не тянет. Разве что орешков соленых можно. Они с пивком хорошо идут.

Ласло, не переставая улыбаться, что — то сказал аджину, тот понятливо кивнул и устремился к своей будке.

Все интереснее и интереснее. С чего бы это Абрагиму, который является существом на редкость самолюбивым и независимым, подобное радушие оказывать этому господину? На какой крючок тот подцепил порождение песков далекого и таинственного Востока?

— Я мадьяр, — внезапно произнес Ласло. — Вы все равно зададите мне этот вопрос, Валерий, потому тянуть с ответом не считаю нужным. Что же до Абрагима — мы давно дружны, я помню его с детства. Он хорошо знал моего отца и даже был кое — чем ему обязан, потому с радостью помогает мне. Аджины постоянны в своих убеждениях, в отличие от людей. Для нас смерть того, кому мы должны, чаще всего является поводом для списания этого самого долга. Нет человека — нет обязательств. Для его племени смерть является только началом пути, потому уход моего отца для Абрагима ничего не изменил, и он, к моей великой радости, согласился мне помочь.

Мадьяр — это, вроде, венгр. Но они сами себя венграми никогда не называют, мне про это что — то мама в детстве рассказывала, у нее подруга юности из тех краев была.

— Помочь — это познакомить со мной? — уточнил я. — Верно?

— Абсолютно, — подтвердил мадьяр. — Хотя это, если можно так сказать, верхушка айсберга. Началось все с того, что он сообщил мне о вашем существовании, чем невероятно порадовал. Хранители Кладов, как правило, люди довольно замкнутые, не стремящиеся к публичности и предпочитающие уединенный образ жизни, потому их очень трудно отыскать и еще сложнее склонить к беседе. Мне довелось пообщаться с тремя вашими коллегами, причем с двумя

исключительно по телефону. Скажу честно, на их фоне вы весельчак и гуляка.

А вот это уже интересно. Я бы, кстати, тоже не отказался с этой троицей поболтать, причем количество тем для разговоров было бы огромным. Может, попросить у него телефоны собратьев по цеху? Созвонюсь с ними, предложу устроить небольшой корпоративчик. Почему бы и нет?

— Все три разговора закончились ничем, — продолжал тем временем вещать Ласло. — Один Хранитель бросил трубку почти сразу, второй сначала выслушал меня, и только потом сделал то же, что и его коллега.

— А третий? — с интересом поторопил его я. — Тот, с которым вы общались очно?

— Он оказался мошенником, — усмехнулся мадьяр. — Представьте себе. Этот тип просто хотел меня надуть.

— И что дальше?

— Что хотел — то получил, — рассмеялся Ласло. — Ну, может, не совсем, разумеется, но близкое к тому.

— Вы не похожи на человека, которого можно вот так запросто надуть, — заметил я.

— Верно, — кивнул мой собеседник. — Я человек, который сам может надуть кого угодно. Например, наглого проходимца, причем в буквальном смысле. Непонятно? Он надулся, как воздушный шар, а после лопнул.

Нет, понять его слова я понял. Просто не очень хорошо представляю, как это возможно, скажем так, практически. Одно дело, когда такое происходит в фильме про Гарри Поттера, но когда в жизни...

Ласло с очаровательной улыбкой показал мне ладонь правой руки, после провел над ней левой, и на той появился маленький человечек с седой бородой и в пестром канареечном пиджаке, сидящий на стуле. Секундой позже он начал раздуваться как лягушка, которую надувают через соломинку, вставленную в задницу, а после с еле слышным хлопком лопнул, превратившись в облачко ярких искорок.

— Вот как — то так, — пояснил мадьяр. — Поверьте, Валерий, я очень миролюбивый человек. Это на самом деле так, меня не прельщают власть и то могущество, что она предоставляет, мне ближе

тихие радости бытия вроде книг, цветущего сада и общества любимой женщины. Но я не терплю тех, кто пытается меня обмануть или убить. К таким людям я безжалостен.

— У меня ничего такого в мыслях нет, — сразу сообщил ему я. — Слушайте, это было здорово, никогда подобного не видел. Так вы, выходит, маг?

— Магов не существует, — мягко заметил Ласло. — Они довольно давно перестали быть. Или как это правильно? Ну вы меня поняли. Последние из истинных, природных магов дотянули до конца восемнадцатого века, насколько я знаю, но и только. Бальзамо, Сен — Жермен, ну, может, еще Фламель, которого по рассказам вроде как видели в Париже в самый разгар революции. Он то ли там тихонько жил все это время, то ли прибыл для спасения кого — то из своих друзей — аристократов, уж не знаю, что тут верно. Впрочем, как непонятно и то, насколько это правда. Но после их ухода об истинных магах более никто не слышал, и это неудивительно.

— Почему? — Мне было неподдельно интересно общаться с этим человеком. Он много знал и не скупясь отсыпал мне знания в обе руки, причем без насмешливого покровительства, которое периодически мелькало у того же Шлюндта. Он разговаривал со мной на равных, и это подкупало.

— Времена изменились, — отозвался Ласло. — Подлинная магия хороша тогда, когда в нее верят и когда она является последним аргументом в споре. Последним и самым главным. Это не мои слова, это изречение Мерлина, а он был величайшим из великих. А в девятнадцатом веке все стал решать прогресс, пришло время пара, электричества и огнестрельного оружия. Именно прогресс стал тем последним гвоздем, который вбили в гроб истинной магии, и с тех пор мы, дети Ночи, больше никогда не являлись первыми скрипками в оркестре жизни. Мы ушли в тень и живем в ней, обходясь иллюзиями и кое — какими остатками древних знаний.

— Красиво сказано, — произнес я, причем иронии в моем голосе не имелось ни капли.

— Скорее — печально. — Ласло побарабанил пальцами по столу. — Когда уходят знания — это всегда плохо. Мне подвластно многое, это так, но по сравнению с моим же собственным отцом я все

тот же мальчишка — дилетант. Ну а если сравнивать с прапрадедом, так и вовсе лилипут. Как у Свифта, помните?

Тем временем к нам снова присоединился Абрагим, который поставил передо мной бумажную тарелочку с арахисом, на котором поблескивали крупинки соли, после достал из одного кармана бело — грязного передника бутылку водки, а из другого уже знакомую мне медную чашку.

— Я не буду, — сообщил ему Ласло. — Не люблю спиртное.

Аджин весело хохотнул, плюхнулся на стул, пророкотал очередную неразборчивую фразу и свернул крышку бутылки.

— Абрагим, мне кажется, или эти две юные красавицы проявляют к нашей компании чрезмерный интерес? — вдруг тихонько спросил мадьяр у хозяина шаурмячной. — Разумеется, я могу ошибаться, но у меня складывается впечатление, что они сродни нашим бабакам. Вернее, они в самом начале этого пути, тьма внутри них пока слаба, но, полагаю, свой выбор они уже сделали.

— Сродни кому? — не удержался я от улыбки. Просто слово больно забавное. Бабаки. Почти бабайки — коренные обитатели платяных шкафов, стоящих в детских спальнях.

— По — вашему это... — Мадьяр пощелкал пальцами. — Ведьмы. Вот, все никак слово вспомнить не мог.

— А? — рыкнул аджин, с лица которого мигом пропало благостное выражение, и резко развернулся.

Надо же, а я даже внимания никакого не уделил тому, что две юные красотки, сидящие за нами, затеяли фоткать друг друга на телефон. Да, собственно, чего в этом удивительного, сейчас все этим занимаются, причем независимо от возраста. А этим двум милашкам вообще сам бог велел, для них инстаграм — дом родной. Вот только в фокус, похоже, попадают не они сами, а наша маленькая компания.

— Ы! — ых! — недовольно рыкнул аджин, и девушки дружно взвизгнули, причем каждая по своей причине. Одна от того, что глянула в лицо шаурмячника, вторая от боли. Когда телефон в твоей руке начинает плавиться от жара — это всегда приносит дискомфорт.

Ножки пластикового кресла скрежетнули по плитке пола, аджин поднялся на ноги, девчонки затихли и испуганно глазели на него.

— Так их! — подал голос бородач, наконец доевший свой шмат мяса и теперь облизывающий пальцы. — Терпеть ведьмячье племя не

могу!

— Вы чего, дяденька? — захлопала глазами одна из ведьм. — Мы просто для ленты... Для поста! У вас тут все так вкусненько, необычненько! Мы же ничего такого!

Аджин сделал пару шагов вперед, приблизившись к побледневшим девчонкам, а после провел рукой по их лицам.

— А — ха — а — а! — мигом среагировал бородач. — Во, правильно! Ай, молодца!

Что он имел в виду, я понял после того, как массивная фигура аджина перестала загораживать мне обзор. И это впечатляло.

Куда девались миленькие юные и свежие мордашки, не отягощенные косметикой? Передо мной стояли на редкость жуткие морщинистые образины, с кривыми носами, безгубыми ртами и с глазами, лишенными век.

— Фу, — поморщился Ласло. — На мой взгляд, это перебор. Есть же более гуманные способы!

А после грянул двухголосый девичий визг, такой, что у меня уши заложило. Ведьмочки, взглянув друг на друга, мигом осознали, что произошло, и тут же начали ощупывать свои лица, в надежде на то, что беда коснулась только подруги, следом убеждались, что это не так, и повышали тональность воя.

— Любо, — снова подал голос бородач. — Ох, любо! Они только паскудничать сильны. Поделом им!

Абрагим опять что — то пророкотал, нависнув как скала над заходящимися в вое девчонками.

— Не понимаю я вас! — провыла одна из них, глянула в зеркальце, извлеченное из сумки, а после бухнулась на колени перед шаурмячником. — А — а — а — а — а! Не надо! Не надо — о — о — о! Мне же теперь только в петлю, с такой — то рожей! Верните все обратно, верните! Я отслужу, я всё... Я всегда... Хоть когда...

Абрагим повернулся, и меня тоже ощутимо передернуло. Глаза аджина полыхали багровым огнем, лицо его стало чем — то похоже на древнюю маску демона, которую я как — то видел в одном из музеев. Мама меня всегда по ним таскала, когда мы с ней в детстве летом колесили по Европам.

Он коротко что — то мне бросил, а после показал на ведьму.

— Тоже не понимаю, — вздохнул я и посмотрел на Ласло.

Абрагим нахмурился, отчего стал совсем уж жутко выглядеть, подошел к столу, плеснул в медную чашу водки, провел над ней ладонью, отчего жидкость на секунду закипела, чудом не воспламенившись, а после сунул ее мне.

Вот ведь. И не знаешь, то ли пить, то ли нет. Я в последнее время к подобным вещам стал относиться очень осторожно, никогда не знаешь, чем подобное может кончиться.

— Пей, — посоветовал мне мадьяр, верно истолковавший заминку. — Абрагим не желает тебе вреда, поверь. Если бы он хотел тебя убить, то сделал бы это куда проще, кому — кому, а мне это отлично известно.

Я задержал дыхание и выплеснул водку в рот. В виски мягко стукнуло, в голове зашумело, и даже неумолчный вой молоденьких ведьмочек на секунду стих.

— Спроси, кто их старшая, — прорычал Абрагим, и на этот раз его слова были мне понятны.

— Ух ты, — произнес я, уставившись на него. — Это что, любой язык так изучить можно?

— Нет, — буркнул аджин. — Только мою речь понимать сможешь. Делай что я сказал, человек.

Не знаю отчего, но спорить с ним мне не хотелось, потому я поднялся на ноги и подошел к всхлипывающим девчонкам.

— Влипли вы, подруги, — сообщил я им. — Капитально. Этого дядьку злить не стоило. Ладно, первый вопрос — вы чьих будете? Какого ковена?

— Перовского, — быстро ответила та, что фотографировала. — Лизавета у нас верховная. Лизавета!

— Врет, — подал голос Ласло. — Слишком быстро ответила. Но понять ее могу, верность семье — это святое.

— Они ведьмы, — фыркнул я. — О чем ты говоришь? У них верность только самой себе в чести. Думаю, она верховную свою просто боится, причем настолько, что легче уродиной остаться, чем ее слить.

Аджин, похоже, уловил смысл нашего разговора, нехорошо оскалился, махнул своей лапицей, и девицы заорали куда громче, чем раньше. Оно и понятно — когда волосы прядями начинают опадать на пол, это очень страшно.

— Ух! — бородач даже вперед подался. — Это я удачно зашел! И мясо отличное, и зрелище сердце радует! А давайте им еще сиськи до колен оттянем!

Абрагим снова гукнул, и я сразу же перевел то, что он спросил:

— Кто?

— Ма — а — арфа — а — а — а — а! — на одной ноте провыла ведьма, собирая с пола свои волосы, ранее черные, а теперь седые. — Ма — а — а — арфа — а — а! А — а — а — а — а!

— Марфа, — злобно засопел аджин. — Я знаю это имя. Я знаю эту женщину. И не забуду того, что она посмела нарушить правила. Мои правила!

— Выяснил — и ладно. — Ласло подошел к нам. — Главное — истина, остальное лишь нюансы. Предлагаю вернуться к нашей беседе и не тратить время на подобные мелочи.

— А с ними чего? — уточнил я, глядя на двух девушек, которые какие — то десять минут назад были прекрасны, как майский день, а теперь являли собой жалкое, не сказать, страшное, зрелище. — В этом мире с такими лицами жить нельзя. Либо на опыты сдадут, либо в кунсткамеру определят, в колбу со спиртом.

— Клянусь пнем с ножом — не самая плохая смерть, — хохотнул бородач.

— Служить тебе будем, — вздернулась вверх одна из ведьм, обняв колени аджина, и задрал к нему свое гротескно — уродливое лицо. — Убивать для тебя станем! Луной клянусь! Только верни все, что забрал!

Ласло поморщился и щелкнул пальцами, девушек на секунду окутала туманная дымка.

— Иэ — э — э — эх! — расстроено ухнул бородач. — Добрый ты, мужик. Зачем удовольствие нарушил?

Ну да, радоваться ему было больше нечему, поскольку ведьмы обрели свой прежний облик, и теперь по новой ощупывали лица и гладили волосы, не веря в то, что все закончилось.

Аджин, надо заметить, тоже было нахмурился, но после махнул рукой и направился к столу, алчно поглядывая на бутылку с водкой. Жар песков в его глазах потух, они снова стали прежними.

— Эй, подруги, — обратился я к парочке, которая сменила плач на смех, тоже, правда, с истеричным подвизгиванием. — Вы поклялись

Луной, я слышал. И не думайте, что эта клятва будет забыта.

— Она поклялась, — немедленно заявила та ведьма, что делала фотографии, показав пальцем на свою подругу. — Я вообще молчала. Ее долг, не мой!

— Вот ты сучка! — возмутилась ее подруга. — На меня одну хочешь все повесить?

— Тебя никто за язык не тянул, — зло сверкнула глазами девушка. — Дала клятву — держи. А я...

— Ух! — аджин выплеснул водку в рот. — Хранитель, пусть они уйдут, это в их интересах. И скажи им, что я никогда ничего не забываю.

Он нехорошо зыкнул на ведьм и отправился в свое логово, благоухающее жареным луком и мясом.

— Валите отсюда по — хорошему, — посоветовал я девушкам. — Если не желаете второй серии фильма ужасов.

— Нас уже нет, — с готовностью отозвалась одна из них. — Подруга, уходим.

— Расплатиться не забудьте, — велел им Ласло, с улыбкой глядя на эту парочку. — Вы же ели, пили, верно?

— Ага, — ведьма извлекла из сумочки тысячную купюру, положила на стол, а после, подумав секунду, даже подсунула ее под прибитую к столу пепельницу, чтобы ветер не унес. — Сдачи не надо! И — спасибо непосредственно тебе, красавчик. Слово даю — не забуду этого добра.

Речь шла не обо мне. О Ласло.

— Стоять, — негромко велел я, когда ведьмы почти вышли из заведения, и они послушно выполнили мой приказ. — Последний вопрос. Вас же не Марфа послала, верно? Это была просьба Воронежской?

Я был уверен, что да. Как только мне стало ясно, чем именно эти двое занимаются, то у меня и тени сомнений не возникло по этому поводу. Ну в самом деле — на кой Марфе заниматься такой мелочовкой? А вот Стелле как всегда надо знать все.

— Впервые слышу эту фамилию, — прощebetала одна из них.

Вторая, та, что теперь ходила в должниках у аджина, промолчала, но я успел уловить совсем короткий подтверждающий кивок.

— Ну нет и нет, — развел руки в стороны я. — Тогда — пока. Брысь отсюда!

И, поддерживая меня, взревел мужик за столом, причем настолько громко и страшно, что я даже подскочил на месте от неожиданности. А Ласло, надо заметить, только расхохотался.

Девушки пискнули, глянули на нас и припустили вниз по улице, сверкая круглыми коленками и размахивая сумочками.

— Потеха! — пробасил бородач, почесав себя под мышкой крепкими ногтями. — Спасибо, мужики, славно посидел!

Он припечатал к столу пятитысячную купюру и тоже направился к выходу, попутно потрепав меня по плечу.

— Оборотень, — сообщил мне мадьяр, когда я присоединился к нему. — Medve. Это по — вашему...

— Медведь, — хмыкнул я и отпил пива. — Что? Трудно не догадаться.

— Мне по душе их племя. — Ласло достал из кармана легких брюк портсигар, в котором обнаружились тонкие сигареты. — Оборотни грубы и прямы, это так, но зато всегда держат свое слово, причем независимо от того, кому оно было дано — другу или врагу. И всегда платят по счетам, что в наше время не меньшая редкость.

— В отличии от бабаек, — поддержал его я.

— Бабак, — поправил меня мадьяр. — Эти девушки станут именно ими, их души уже отданы Ночи, сего не изменишь. У них был выбор, кем стать — тюндерекой или бабакой, они его сделали.

— Много незнакомых слов — пожаловался я.

— В каждой женщине обитает непознанное. — Ласло щелкнул зажигалкой, затянулся сигаретой и выпустил ароматный дымок. — Но не каждая из них готова жить под Луной. Те, что решаются на это, имеют право выбрать, кем стать — тюндерекой, доброй знахаркой, помогающей людям, или бабакой, той, что несет в мир зло. По сути, это стороны одной монеты, но различие, согласись, есть.

— И еще какое.

— Но они все равно остаются людьми, — продолжил мадьяр. — Хорошими, плохими — но людьми. Потому я и проявил снисходительность, глядя на их мучения. А вот будь они босорками, то еще бы и от себя что — нибудь к чарам Абрагима добавил.

— А это кто такие? — жадно спросил я.

— Босорки очень плохие, — покачал головой Ласло. — Очень. В них людского не осталось, выжгли они его из себя. Для них чужие страдания как пища, они боль и страх пьют как вино. Да и кровью не брезгают, если выдается возможность ее хлебнуть. Босорки — они... Как это... Живые мертвецы. Тело живое, а душа мертвая.

Однако, весело у них там, в Магьярии. Нет, наши ведьмы все же получше будут. Стервы — это да. Но чтобы кровь пить? Хотя... Кто ее, Воронежскую, знает?

Но вообще — интересно получается. В каждой избушке свои погремушки, в каждой стране свои национальные особенности. Мир Ночи, похоже, далек от космополитизма, и это хорошо.

Тем временем к нам снова присоединился Абрагим, принесший несколько кружек пива и собравший по дороге деньги со столиков.

— Марфа, — проворчал он, плеснув себе водки. — У, я ей!

— Денек не подождешь? — попросил я его. — Давай ты завтра ей, а не сегодня?

— Зачем? — уставился на меня аджин. — Почему не сегодня?

— Хочу немного поразвлечься, — растянул губы в улыбке я. — У меня как раз с ней сегодня встреча, и эти двое — хороший аргумент для того, чтобы верховная ведьма стала чуть сговорчивей. Ты свое все равно не упустишь, а мне польза может быть.

Ну я немного приврал, разумеется, но ведь для пользы дела. Пора кое — кому дать хорошего пинка под зад, ибо надоело.

— Хорошо, — буркнул Абрагим. — Но тогда ты поможешь сыну моего друга.

— Не надо, — попросил его Ласло. — Так не надо. Я все расскажу, а Хранитель примет решение. Сам примет. Для меня это важно.

— Хорошо. — Аджин хлебнул водки, и довольно оторыгнул небольшой язык пламени. — Тебе жить.

— Миную кучу подробностей, мы сразу можем перейти к главному, — предложил я. — Надо отыскать клад.

— Надо, — кивнул Ласло. — Очень надо.

— Магьярия далеко, — заметил я. — Да и потом...

— Не надо ехать в Магьярию, — перебил меня Ласло. — Клад здесь, в России. И в этом я вижу руку судьбы, она наконец — то повернулась к нашей семье лицом. Когда Абрагим позвонил мне и сказал, что здесь, в Москве, объявился Хранитель кладов, то я сначала

ему даже не поверил. Не может быть таких совпадений. Потом обрадовался, но сначала не поверил.

— В этом мире все случается, — проурчал Абрагим. — Даже то, что кажется невозможным.

— Тогда все становится проще. — Я тоже достал сигареты. — Продолжай.

— Это богатый клад, — помолчав, произнес мадьяр. — Очень богатый. Тот, кто спрятал его, знал толк в золоте и камнях, он собрал много дорогих и редких вещей, причем некоторые из них очень, очень стары. Они все будут твои, такова плата за услугу, которую ты мне окажешь. Все, кроме двух — амулета в виде солнца и кольца с рубином. Они мои по праву. Эти предметы были украдены у моей семьи, и пока они в нее не вернутся, беды будут ходить за нами следом.

— Он не врет, — заметил аджин. — Ручаюсь за это. Ты получишь то, что он обещает, если поможешь ему. А мое слово нерушимо.

— Куш хороший, — признал я. — Но явно есть подвох, и, прежде чем я соглашусь, мне хотелось бы знать, в чем он.

— Тот, кто спрятал этот клад, был моим дядей, — помрачнел Ласло. — Наша семья насчитывает много поколений, и почти все в ней всегда служили Иштену, подателю света и тепла. Почему «почти»? Потому что иногда в ней находились те, кто отдавал свое предпочтение Эрдёгу, который противостоит Иштену. У вас это называется «бог» и «дьявол». Мой отец, как и его отец, выбрал свет, а вот дядя предпочел другой путь. Золото и власть для него значили больше, чем все остальное. Кончилось это скверно, настолько, что ему пришлось бежать из страны, и, убегая, он прихватил ценности, переходящие в нашей семье от отца к сыну с начала времен.

— Прямо вот так? — удивился я. — С начала времен?

— Именно, — очень серьезно подтвердил мадьяр. — Я не скажу, сколько именно веков этим предметам, но что они старше Рима — поручусь.

— Лихо, — признал я. — Продолжай. Что было дальше?

— Его искал мой брат, Лукан, — выполнил мою просьбу Ласло. — Он умеет это делать. В нашем роду у главы всегда рождается два сына и одна дочь, ни больше ни меньше. Старший всегда имеет в покровителях добрую и светлую Иштенанью, младший же получает в

заступники Хадура, любящего тех, кто носит на боку меч. Ну или пистолет, если говорить о дне сегодняшнем. Для понимания — я старший сын.

— Понятно, — кивнул я. — А дочь? Она кому достается?

— Шелло, владычице вод, — охотно ответил Ласло. — Маргит научилась плавать раньше, чем говорить.

— Надо же. Выходит, у вас там до сих пор язычество в ходу?

— Не совсем так. — Мадьяр затушил сигарету. — Христианство — наша вера. Но мы не забываем и о тех, кто правил Землей до прихода Белого Бога. Вера хороша тогда, когда веруешь, иначе какой в ней смысл? Ну и потом, наша семья стоит между Днем и Ночью, как, кстати, и ты, потому одно другому не противоречит.

— Ясно. — Я решил не лезть в теософские дебри. — Так что дядюшка?

— Лукан нашел его, — ответил мадьяр. — Не сразу, но нашел. Это случилось тут, в России, недалеко от Москвы. Предатель рода получил по заслугам, но реликвий при нем не оказалось, он их спрятал. Увы, мой брат перестарался, когда признавал подробности, и в результате теперь я знаю довольно точное местонахождение клада, но добраться до него не могу.

— Почему? — удивился я. — Ну да, если площадь большая, времени может уйти немало, но и только. Металлоискатель в зубы — и вперед.

— Напомню, что он был моим дядей, — тонко улыбнулся мадьяр. — И знал все то же, что и остальные в нашей семье, а кое в каких материях разбирался даже лучше.

— Колдун его дядя был, — пояснил Абрагим, верно истолковав мое молчание. — Черный. Не иначе как навел на клад чары, которые глаза отводят. Да и другие разные наверняка.

— Верно, — подтвердил Ласло. — Я не могу его найти, и никто из моей семьи — тоже. Это под силу только тому, кого спрятанные сокровища почитают за властелина, то есть — тебе. Теперь ты знаешь все, Валерий, и я жду твоего ответа.

Глава 4

Легко сказать — жду твоего ответа. Для Ласло все просто и понятно — есть место, где лежит добро семьи, надо пойти и взять его. А вот мне куда сложнее, очень уж много «за» и «против».

— Надо помочь, — пробурчал аджин. Слышишь, Хранитель?

— Не торопи его, Абрагим, — попросил мадьяр. — Пусть подумает. Это серьезное решение, потому что дело непростое.

— Именно, — вздохнул я. — Дядюшка твой, поди, ведь не только спрятал добро в землю, он ведь еще наверняка и ловушек там понаставил.

— Наверняка, — подтвердил Ласло. — Ни на секунду в этом не сомневаюсь. Но они — моя забота. Главное, чтобы ты не молчал, говорил, что видишь и чувствуешь, а там, глядишь, вместе разберемся что к чему. Нас с ним учили одни и те же люди.

— Не одни, — поправил его аджин, наливая себе водки.

— Ну почти одни и те же, — поправился мадьяр. — Верно, черные знания ему дал отшельник Грегеш, с ними я не знаком. Но, думаю, я справлюсь с этой задачей.

— Звучит оптимистично, — не удержался от колкости я.

Непростой выбор, скажу честно. Непростой. Чаши условных весов застыли друг напротив друга, поскольку выгода и опасность распределились практически в равных долях. С одной стороны — немалый риск, поскольку покойный родственник Ласло явно был непростым господином. Подозреваю, что приснопамятная лошадка с Минского шоссе на фоне того, что он оставил рядом с сокровищами, покажется мне милой безделицей. Да и потом — сейчас этот мадьяр сама доброта и вежливость, но кто знает, в кого он превратится тогда, когда мы доберемся до золотишка? Если вообще доберемся. Опять же — это он сейчас помощь сулит, а там может сказать, чтобы я сам разбирался с ловушками. Дескать — ты подрядился добыть мне семейное добро, так и давай, работай.

С другой — заманчиво. Очень заманчиво. Речь не о куче денег, которую я могу заработать, нет. Не скажу, что они мне не нужны, это будет ложью. Деньги — не бумага, как о них говорят, деньги наиболее короткий путь к независимости и стабильности, но сейчас это, на

самом деле, вторично. Ласло упомянул, что в тайнике хранятся старые и редкие вещишки, а они мне ох как пригодиться могут. Среди найденного не может оказаться того, что потребно Полозу, это мне отлично понятно, но речь сейчас идет о другом.

Если мадьяр прав, то я получу на руки несколько серьезных козырей. Эти артефакты можно использовать, например, при торге с нынешним владельцем того перстня, который я никак не могу рассмотреть во сне. Кто знает, вдруг до подобного дело дойдет? Наверняка и перстнем, и остальными предметами, которые я еще не видел, но которые, несомненно, существуют, владеют люди непростые. Вряд ли антикварные вещи пылятся в комодке какой — нибудь бабули — божьего одуванчика. Нет, в нашей жизни всякое возможно, но вероятность того, что их обладатели коллекционеры или просто зажиточные люди, куда выше.

Да и алчность Карла Августовича мне может сыграть на руку. Уж лучше расстаться с парой украшений, чем снова шастать с ним по старым домам или непролазным лесам. К тому же еще неизвестно, будет ли следующий клад настолько же покладистым, как предыдущий.

Это очень серьезный аргумент в пользу положительного решения. Очень.

А еще... Приключение. Это настоящее приключение, от которого по спине мурашки бегают. Клад черного колдуна — ведь звучит же? Врать не стану — романтичным подростком я сроду не был, как — то с этим не сложилось, как видно, теперь, повзрослев, добираю те эмоции, которых тогда не хватило.

Да и должники мне не помешают. Аджин фигура в Москве весомая, его благодарность дорогого стоит. Да и связи личного характера в Мадьярии лишними тоже не будут. Кто его знает, как оно там дальше сложится? Место под Луной мне досталось, прямо скажем, неприглядное, то, на котором ты должен всем, а тебе никто, так что есть вероятность того, что в одну лихую ночь я осознаю, что надо быстренько из России сматываться. Причем так, чтобы для начала где — то отсидеться. Верных друзей у меня нет, надежного тыла в виде любимой и любящей женщины тоже, так что надо заводить взаимовыгодные и взаимообязывающие деловые связи. Такие, как, например, вот этот товарищ. Мадьярия страна хорошая, лесистая,

укромных уголков там много, есть где спрятаться. Опять же — кухня там вкусная, вина неплохие, озеро Балатон имеется. И еще у Ласло есть младшая сестричка... Как там ее? Маргит. Мадыарки красивые девчонки, между прочим. Я по «Нешнл Географик» видел передачу, там данный факт особо освещался.

Нет, можно, конечно, в случае чего попросить защиту и покровительство у отца, но тут уж лучше я сразу голову в петлю суну. Дешевле выйдет.

По всему выходит, что надо соглашаться, овчинка стоит выделки. Хотя, разумеется, кое — какие шаги, обеспечивающие мою безопасность, предпринять надо будет обязательно.

— Ласло, есть вопрос. — Я отхлебнул пива. — И если ты сочтешь, что я хочу знать слишком много, еще не дав согласия на сделку, просто скажи мне об этом.

— Слушаю, — ответил мадыар.

— Россия большая, потому формулировка «недалеко от Москвы» достаточно размыта. Я в данный момент не могу надолго отлучаться из столицы, потому хотелось бы знать — куда именно мы отправимся, если ударим по рукам?

— На самом деле не слишком далеко, — улыбнулся мадыар. — Не беспокойся. Знаешь, где находится озеро Сенеж?

— Сенеж? — уточнил я. — Слышал про такое. Это, вроде, по Ленинградке ехать надо? В смысле, по Ленинградскому шоссе.

— Именно, — кивнул Ласло. — Вот в его окрестностях нам и предстоит отыскать то, что спрятал мой дядя. Если, конечно, ты согласишься это сделать.

Недалеко. Ну относительно, разумеется, особенно если учесть, что ехать придется по вечно стоящей в «пробках» Ленинградке. Но могло быть и хуже. Тверь, Бологое, далее везде. Прекрасные города, дивные места, но под категорию «туда — обратно» они подходят куда более условно.

И только одно мне не давало прямо сейчас ударить по рукам с мадыаром. Нет — нет, не то, что я его толком не знал, поручительство Абрагима дорогого стоит. Я хоть и вижу аджина второй раз в жизни, уже отлично понял, что свою репутацию он бережет, как восточная девушка невинность. Случись что со мной, его доброму имени будет нанесен большой урон, так как шила в мешке не утаишь. Все

заинтересованные лица очень быстро узнают, кто приложил к этому волосатую лапищу.

Речь о другом. Почему два моих коллеги отказались от этого дела? Потому что не захотели ехать в Россию? По причине мизантропии и человеконенавистничества? Или на то были другие, более веские поводы, о которых я не догадываюсь, по причине собственной необразованности в делах мистических и тайных?

И самое обидное, что и посоветоваться — то не с кем. Все, кто что — то могут знать, играют в свои игры и мигом сделают меня разменной монетой в торге с тем же Ласло. И снова я стану таскать каштаны из огня для кого — то другого. Кого угодно, только не для себя.

А мадьяр молчит и улыбается. Прямо Джоконда, а не человек.

— Понимаю твои сомнения, — сообщил он мне, заставив на секунду подумать, что последняя мысль была произнесена вслух. — Ты меня не знаешь, и, разумеется, мне не веришь.

— Я за него ручаюсь, — ухнул, как филин, Абрагим. — Моего слова тебе хватит, Хранитель?

— Более чем, — отозвался я.

— Нет, мы сделаем по — другому. — Ласло сунул руку за спину, и секундой позже я увидел у него в руке нож. Небольшой, с узким, чуть изогнутым лезвием и с белой костяной рукоятью. — Пусть все будет честно.

Мадьяр не поморщившись полоснул себя по руке, на стол закапала кровь.

— Ух! — чуть зажмурил глаза я. — Да ты резкий парень. Так — то уж не стоило.

— Стоило, — заверил меня он. — Мне надо, чтобы ты не удар в спину ждал, а делал то, что умеешь лучше других. Просто потому, что кроме тебя, мне никто не поможет.

Он провел ладонью над скопившейся на пластиковой поверхности стола кровью, и та вдруг вспыхнула светлым, почти белым пламенем.

— Я, Ласло, из рода Балинтов, клянусь в том, что не умышляю какого — либо зла против Валерия, Хранителя кладов, и обязуюсь сдерживать все обещания, ему данные. Клянусь и в том, что стану помогать ему по мере своих сил, а также оберегать его до той поры, когда наш договор потеряет силу.

Когда он закончил говорить, кровь полыхнула так ярко, что я даже глаза зажмурил, а когда их открыл, ни огня, ни даже какого — либо пятна на столе не было.

— Проезд и пропитание за твой счет, — усмехнулся я, протягивая ему руку. — Но тут можешь себе ладонь не резать, на слово поверю. Договор, Ласло из рода Балинтов. Попробуем найти семейные ценности, уговорил.

Что интересно, на ладони у него и следа от пореза не осталось. Регенерация, однако.

Или мне только что отвели глаза?

На самом деле, грустно это все. Допекли меня любители закулисных игр, которые вокруг выются, я скоро себе самому доверять перестану.

— Машина есть, да и голодным не останешься, — в тон мне ответил Ласло. — Мне бы хотелось как можно быстрее отправиться в путь.

— Быстрее не получится, — расстроил его я. — У меня насыщенная программа, дружище, никак не могу перенести запланированное. Но вот послезавтра я в твоём распоряжении. Можем выехать с самого утра, как рассветет, чтобы особо не стоять нигде. А там — как повезет. Радиус поиска большой? Километр на километр, или еще хуже?

— Немного лучше, — успокоил меня мадьяр. — Хотя все равно походить придется. Но мы будем надеяться на лучшее.

— Ласло, ты в России. — Я допил пиво из кружки. — У нас все строится на надежде, потому что остальное ни гроша не стоит. Лучше дай мне визитку, если есть, или телефон продиктуй. И мой запиши. Завтра ближе к вечеру созвонимся, договоримся о встрече. Точнее, я скажу, куда тебе за мной подъехать.

Кто его знает, где я завтра буду ночевать? Впрочем, это я вообще сильно вперед забежал, у меня на сегодняшний вечер невероятно веселая встреча запланирована, и пока неясно, чем она закончится. Нет, я, конечно, подстрахуюсь, но ведьмы настолько непредсказуемы, что любые предосторожности могут пойти прахом.

— Я рад, что мы поладили, — мадьяр протянул мне белый прямоугольник. — Дар предвидения не входит в число тех, что доступны моей семье, но мне кажется, мы добьемся успеха.

— Ну пара таких молодцов — то, — хмыкнул я. — Какие сомнения. Абрагим, не хочешь составить нам компанию?

— Озеро, — почесал волосатую грудь под халатом аджин. — Мне нельзя туда. Большая вода может меня убить, если будет сильно рядом.

— Так вон там набережная, — мотнул я подбородком вправо. — Отсюда десять минут пешком. И ничего!

— Камень, — топнул ногой Абрагим, а после вытянул руку, показывая на дома напротив. — Много камня. Он мой друг, он защитит. И река далеко, ее духи меня не смогут достать. А там лес, земля, они меня не любят, могут предать. Меня родил огонь, лес его боится. Тот, кто боится, раньше или позже предаст, таков закон жизни. Не поеду, не проси. Но потом приходите, я сделаю вам джудже кебаб, мне как раз шафран из Тегерана привезли. Хороший, не то что здесь.

— Ну вот, главное есть, — рассмеялся Ласло, на щеках у него появились ямочки. — Место, где мы отлично отпразднуем наш успех. Согласись, Валерий, это уже немало.

— Кебабы вкусные, — заметил я. — А с учетом, что их будет готовить Абрагим... Короче — твоя правда, стимул серьезный.

Вот так, с шутками, мы и расстались, тем более что день как — то незаметно перевалил за вторую половину, небо начало набирать густую синеву, и в нем, почуяв прохладу, закружились птицы. Я побрел к метро, на ходу вынимая из кармана смартфон, а мадьяр остался сидеть за столом.

— Хранитель, стой, — остановил меня оклик аджина тогда, когда я отошел от его заведения шагов на десять. — Погоди.

— Точно... — Я ощутил, как краснею. — Не расплатился! Ты прости, из головы вылетело совершенно со всей этой каруселью. Я сейчас!

— Ай! — вскинул вверх свои лапищи аджин. — Сегодня ты не платишь, стол за счет Ласло. Я другое хотел сказать. Одна из тех двух девок, что я сегодня навсегда выставил за дверь, дала хорошую клятву. Для меня хорошую, не для нее. Молодая, глупая, испугалась, Луной поклялась. Для ведьмы страшнее слов нет, эту клятву обязательно надо исполнить, иначе всё, иначе большая беда случится. Те ведьмы, что постарше, язык себе скорее отрежут, чем такое скажут, но эти дуры, они о лицах думали, а не о том, что говорят. Она поклялась мне, а я дарю право взыскать с нее долг тебе. Доброй волей дарю, без условий

и договоров. Мне ее услуга не нужна, я все что надо с ее хозяйки возьму. А тебе, может, зачем и когда пригодится. Только много не проси, она еще слабая, да и умом не сильна. Помни о мере, Хранитель. Много — не всегда хорошо.

Прав был Киплинг, Восток есть Восток, умеют они красиво слова в предложения связывать, особенно если чего — то дарят. Помню, к отцу на какой — то день рождения его партнер приехал, приблизительно из тех же краев, откуда Абрагим родом, так гости после его речи даже забыли, что теперь выпить надо. Заслушались.

А подарок и впрямь неплох. Кто знает, как оно дальше сложится, может, и пригодится мне эта девчонка. Правда, я понятия не имею, где ее искать и как ее зовут, но это уже детали. Надо будет — отыщу.

Пока шел — созвонился со Стеллой, которая, кстати, на редкость быстро мне ответила. То, бывало, ждешь чуть ли не до момента, когда робот ответит, что абонент в данный момент с тобой общаться не хочет, а тут она прямо сразу трубку схватила, словно моего звонка ждала.

Впрочем, скорее всего, так и было, благо поводов для данного события хоть отбавляй.

— Ну, чего от тебя Абрагим хотел? — чуть посапывая, осведомилась она.

— Не поверишь — он просто по мне соскучился.

— Не поверю, — с легким возмущением в голосе произнесла ведьма. — Валер, мне твои шутки уже начали надоедать.

— Так я и не стараюсь. Вот если бы я свое чувство юмора на полную включил, ты бы что ни день от смеха умирала. Но с тобой шутить неинтересно, не твое это. И сразу — мне вот тоже надоела твоя коронная фраза про то, как бы ты меня убила. Ну или собираешься по осени убить. И я, заметь, не говорю про то, что ты постоянно ее талдычишь, хотя и мог бы. Знаешь почему?

— Почему? — с легкой усталостью спросила Стелла.

— Потому что я уважаю наши партнерские отношения, — веско заявил я. — Мы с тобой — одно целое еще на квартал минимум. Не в физиологическом смысле, разумеется, а на ментальном уровне. Значит, должны друг друга ценить, оберегать, предостерегать от разных неприятностей. Доверять друг другу обязаны.

— Золотые слова, — всхлипнула в трубку Воронежская. — Валерий, ты такая лапа! Откуда тебя забрать?

Лапа, лапа. Еще какая, сама нынче убедишься. Всему на свете есть предел, что уж тут про мое терпение говорить?

— Значит, все — таки поедем? — неохотно осведомился у нее я. — Стелл, может, ну ее, твою руководительницу, а? Ясно же, зачем зовет. Мне, если честно, все эти разговоры до смерти надоели, переливают из пустого в порожнее, все одно и то же. Пошли лучше в ресторан, а? Покушаем мяса, выпьем вина, мне все мужики обзавидуются, потому что ты, при всех твоих недостатках, женщина исключительно красивая. Тебе несложно, а я комплексы потешу.

— Ой, хорош приbedняться, — насмешливо пропела ведьма. — Кто бы говорил! Да и та же твоя подружка — неврастеничка вполне неплохо выглядит, даже в состоянии «с похмура». Так что не льсти попусту, у тебя это не очень хорошо получается. А ехать надо. Ты сейчас где?

— На «Парке Культуры», — печально вздохнул я. — Когда тебя ждать, владычица моей судьбы?

— Минут через сорок, — подумав, ответила девушка. — И насчет твоей последней фразы — не шути так больше ни с кем и никогда. Беду накличешь.

Правда — как же ехать не хочется. Вот заранее чую, что ничего хорошего со мной там не случится. Нет, плохого тоже, но вечер жалко.

Впрочем...

— Паш, привет, — бодро проорал я в трубку минуту спустя. — Есть немного времени?

— Если только совсем немного, — пропыхтел Михеев. — Излагай.

— Ты на тренажере, что ли? — уточнил я — Бегом от инфаркта?

— Что — то вроде того, — подтвердил оперативник, а потом я услышал два хлопка, в которых безошибочно узнал выстрелы. — Здоровье укрепляю таким образом. Колька, загоняй его к бункеру!

— По ходу, и правда не ко времени позвонил, — немного смутился я. — Ладно, как будет минута...

— Говори, — велел полицейский. — Не тяни kota за хвост!

Я рассудил, что хозяин барин, и бодро пробарабанил ему все новости, касающиеся моей поездки.

— Плохо, — подытожил Михеев. — Не самый лучший момент для поездки в Маслово.

— Куда? — не понял я.

— В Маслово, — повторил Павел. — Марфа там живет. Поселок такой. У нее там дом и сад.

— Это не тот, часом, что на Ильинском шоссе? — уточнил я. — Или какой другой?

— Именно тот. А что?

— Да ничего. Просто спросил.

— Лишнего не болтай, обещаний никаких не давай, договоров или сделок не заключай, — велел мне оперативник. — Если это сделаешь — беда. Вурдалаки и так тебе почти наверняка за эту поездку претензию предъявят, но ты их смело послать сможешь, в принципе. Но это если ты будешь свободен от обязательств перед Марфой. А вот если нет...

— Буду, не сомневайся, — пообещал я. — Мне одной ведьмы хватает, на кой мне вторая? Я еще чего тебя хотел попросить — через часок снова тебя наберу и устрою небольшой театр. Хочу, чтобы Стелла знала...

— Все ясно, — оборвал меня он. — Давай, звони. Колька, серебром его!

И отключился. Интересно, кого это они там загоняют такого? «Серебром его». Оборотня, что ли? Их вроде серебряной пулей убить можно. Хотя... Я вон думал, что кровососы креста боятся и осины. А фиг — то!

Что же до претензий вурдалаков — идти им с ними далеко и надолго. Они мне еще высказывать что — то будут, поглядите — ка. Я эту публику и до того как — то не особо боялся, а теперь и вовсе стал воспринимать как нечто нормальное, хотя и неприятное. Ну пьют они кровь. И пусть пьют. Главное, что не мою и не моих близких.

Хотя, конечно, по всем ним осина плачет. Так что если кое — кто из западных авторов — романистов прав, и у них все же начнется война с оборотнями, то я встану на сторону последних.

Шутка. Ни на чью сторону, кроме своей собственной, я сроду не встану. Они мне все уже успели надоесть, хотя вроде бы я в этой каше варюсь не так давно.

Стелла, кстати, что — то такое ощущала, потому особо меня по дороге не прессинговала, хотя было видно, что она очень напряжена. То ли потому, что мы ехали на встречу с той, кто ее судьбой вправе распорядиться, то ли переживала за провал своих соплеменниц в заведении Абрагима, то ли оттого, что не знает темы моего разговора с аджином. А может, и мой звонок Михееву ее настолько опечалил, очень уж недовольно она на меня после него зыркала.

Или вообще за все сразу.

Что до меня — я получал удовольствие от прохлады, которая царил в салоне машины, и размышлял о том, насколько витиеваты бывают повороты событий.

Казалось бы — Маслово и Маслово, обычный дачный поселок, которым нет числа в том же Подмосковье. И название типовое.

А вот и нет. Дело в том, что до Петрова — Среднего, где обитает семейство Певцовых, от этого Маслова рукой подать. Условно, разумеется, но тем не менее. Так что, может, я еще и попаду сегодня на ужин к Юльке и ее маме. Очень мне хочется все неприятные дела одним днем закончить, чтобы завтра спокойно провести день дома, подготовиться к поездке с Ласло, выспаться, наконец. И если повезет, то все же рассмотреть тот перстень, который надо найти. Ведьмы, вурдалаки, мадьяры — это все прекрасно. Но мне дело надо делать, потому что осень на пороге. А там — встреча с Полозом, который страшнее и опасней всей этой публики вместе взятой.

К дому Марфы мы подъехали тогда, когда солнце уже вовсю валилось за горизонт, а тени на земле удлинились. Кстати — очень даже неплохо верховная ведьма устроилась. Большой дом старой и очень добротной постройки, немаленький сад, и это при том, что земля по этому направлению стоит сильно недешево. Красиво живут эти дамочки, надо признать, с размахом.

А вот сама Марфа меня удивила. Не совпала ее внешность с моими ожиданиями, причем абсолютно. Просто я отчего — то решил, что это будет высокая и суровая дама в возрасте, с резкими чертами лица и чуть ли не в латексе. И непременно с плетью в руке. Эдакая, знаете ли, госпожа с ярко выраженным доминированием. Просто голос у нее был резкий, властный, вот и сложился стереотип.

Не угадал, причем совершенно. В саду нас встретила старушка, с которой только рисовать рекламные плакаты на тему «Приезжайте к

нам в деревню пить парное молоко». Невысокая, с морщинистым личиком, улыбчивая, с седыми кудряшками и в пестром халатике.

Единственное, что не вязалось с ее обликом, был взгляд — холодный, цепкий, оценивающий. Он не то что с рентгеном, с МРТ мог посоперничать.

— Вовремя, вовремя, — сообщила она нам. — Как раз чаек села попить в саду, а тут и вы приехали. С гостями — то за столом сидеть веселее, чем в одиночку.

— Добрый вечер, — поприветствовал я ее. — Да все равно мне как — то неудобно. Вот так завалиться в гости посреди недели, вечером...

— А я на пенсии, — бодро заявила она. — У меня теперь любой день выходной. Вы же молодые, у вас сил полным — полно. Эх, помню, я в ваши годы неделями не спала, веселилась!

Знать бы еще, на какие именно годы в мировой истории ее юность выдалась. Может, в то время как раз поляки на нашу землю напали, и она по лесам от них бегала, потому спать было некогда. Панове их племя сильно не любили и потому жгли ведьм более чем охотно, совмещая данные забавы с другими не менее увлекательными занятиями, вроде войны, грабежей и лихого шляхетского пьянства. После князя — вурдалака я ничему уже не удивлюсь.

В саду и впрямь был накрыт стол, причем без особого шика. В самом деле обычное дачное чаепитие — баранки, ватрушки, вазочка с конфетами, розетки с парой видов варенья. Что любопытно — кроме верховной ведьмы я более никого вокруг не заметил. Она, мы и комары — вот и все, кто были в саду.

Странно. Хотя — может, ее подручные в доме засели, в окна глядят?

— Чаек сама заваривала, — ворковала Марфа, наклоня заварочный чайник над моей чашкой. — С мелиссой, с мятой. В травах, Валера, вся сила, уж поверь мне. Все хвори могут вылечить, абсолютно все. Надо только знать, какая травка от чего поможет, да как их верно смешать.

— Знание — сила, — поддержал я ее.

— Уходят знания, уходят, — пригорюнилась старушка, усаживаясь на стул. — Как вода в песок. Старики покидают этот мир, молодым ничего не надо, у них один ветер в голове.

Интересно, а можно тут что — nibудь есть? В смысле — мало ли, что они в эти ватрушки могли подмешать из числа тех же травок. Съем сейчас что — nibудь и стану братцем Иванушкой, с копытцами и рожками. Вот только на Аленушку мою надежд никаких нет, она только обрадуется подобному повороту событий.

— Ешь, — мелко рассмеялась Марфа. — Не бойся. Ты в моем доме, Валерий, опасаться нечего. Да и потом — ты же известил своего приятеля о том, куда именно ты поехал, верно? Мне проблемы ни с ним, ни с его коллегами не нужны. Я их не боюсь, но тратить время на бесплодную борьбу не желаю.

Проницательная какая, ничего от нее не скроешь. Хотя, может, оно и к лучшему.

— О подобном не мне судить. — Я выбрал ватрушку с наиболее поджаристым боком и лихо откусил от нее почти половину. — Вкусно! Так вот, — ваши дела — это ваши дела, я в них не лезу.

— А тебе и не положено, — заявила старушка, подцепив из сахарницы большой кусок какого — то странноватого сахара, очень плотного и очень белого. Я такого и не видал никогда. — Хранителю Кладов в наших дрязгах делать нечего, у него другое призвание и другая судьба, не похожая на остальные.

— Уважаемая Марфа... — Я запнулся. — Простите, не знаю вашего отчества, вы его не называли.

— Петровна я, — чинно ответила старушка. — Но ты не продолжай, я знаю, о чем пойдет речь. Ты сообщишь, что человек простой, дипломатию не уважаешь, потому хочешь сразу услышать, что мне от тебя надо.

— В принципе, все так, — признал я — За одним исключением, Марфа Петровна. Что надо — и так понятно. Непонятно, с чего вы решили, что чаепитие поможет вам достичь желаемого результата. Не хочу прослыть неблагодарным ватрушкойедом, потому сразу скажу — нет. На вас я работать не стану. Не хочу.

— Дело только в нежелании? — отхлебнула чаю Верховная ведьма. — Или на то есть другие причины? Например, договор, который был заключен с вурдалаками? Причем сразу с двумя кланами одновременно.

— Восхищен вашей информированностью. — Я отсалютовал Марфе чашкой.

А Шлюндта она не упомянула. Отчего? Не знает? Или не хочет его имя произносить по какой — то причине?

— А я поражена твоей неразборчивостью. — Милая старушка начинала постепенно переставать быть таковой, появилось в ее лице что — то резкое. — Связаться с кровососами — верх глупости и доверчивости.

— Не понимаю, отчего у вас к ним такое отношение, — заметил я, беря еще одну ватрушку. — Неглупые ребята, знающие, чего хотят. Ну да, излишне грубоваты, да и деньги у них в карманах не держатся, но живут — то красиво! И дела ведут честно.

— К ним не очень подходит слово «живут», — назидательно заметила Марфа. — Они давным — давно мертвы. А уж про честность их я и упоминать не желаю. Какой смысл говорить о том, чего нет?

— Ну это смотря на чьем фоне, — хмыкнул я. — Если на вашем — так они агнцы божьи.

Можно было бы еще немного поразвлечься беседой, в которой каждый из нас пускал в ход фразы с двойным, а то и тройным дном, но, боюсь, далековато мне вот до этой милой старушки, уделает она меня в словесной дуэли как бог черепаху.

— Мне очень не нравится, когда оскорбляют мой ковен. — Голос Марфы был настолько холоден, что чай вот — вот должен был превратиться в лед. — Особенно безосновательно.

— Я бы так не сказал. Ну в смысле безосновательности. Вам разве Абрагим еще не позвонил? Он собирался, потому что непосредственно вы своей выходкой его очень крепко разозлили.

Ого, как краска от щек Стеллы отлила, сидит бледная как смерть.

— Я разозлила Абрагима? — неподдельно изумилась Марфа. — Ты о чем? Какая выходка? Человек, я чту Покон и ту его часть, что говорит о неприкосновенности гостя, но не настолько, чтобы выслушивать подобные речи.

Разумеется, я тут же рассказал ей о произошедшем, убрав из рассказа упоминание о Ласло, но зато напирая на тот факт, что молоденькие ведьмочки всячески давали нам понять, что за ними кто — то стоит, кто — то очень весомый, хотя имя его и не называли. Но нам с достойным Абрагимом было трудно представить себе кого — то более авторитетного, чем уважаемая Марфа Петровна. Нет, есть в

столице и другие кованы, но рассматривать их всерьез никто, разумеется, не станет.

Та, не перебивая, дослушала меня до конца, причем к финалу от доброй старушки, которая встретила нас у калитки, почти ничего не осталось. Нет — нет, клыки не вылезли, рост не увеличился, а кудряшки не развились, просто перестала она изображать из себя того, кем не являлась. И очень хорошо, не люблю я, когда волк в овечью шкуру рядится.

— Замечу — это не единственный случай, когда мне мешали жить ваши... э — э — э — э... подчиненные, — закончил я свою речь. — Стелла — это Стелла, я к ней уже привык, но во всем нужна мера, согласитесь? Вы же, уж простите мое юношеское нахальство, ее, похоже, не знаете. А теперь еще и желаете пообщаться со мной на тему любви и дружбы. Вам не смешно? Я уж помалкиваю, в каком гневе был Абрагим, и чего мне стоило...

Марфа, кивая в такт моим словам, встала из — за стола, подошла к Стелле и отвесила ей пощечину, такую, что у девушки голова назад мотнулась, и чуть зубы из рта не вылетели. Прямо по — мужски так ее ударила, со всего маха. Моя приятельница скривилась от боли, из краешка рта у нее скользнула тоненькая струйка крови.

— В дом, на колени, на стекло, а дальше будет видно, как я тобой распоряжусь, — коротко велела Марфа Воронецкой, после уселась за стол, подперла подбородок рукой и произнесла: — Да — да, Валера, слушаю тебя. Что ты там говорил про Абрагима?

Глава 5

— Ух, — непритворно впечатлился я, глядя на Стеллу, которая, пошатываясь, отправилась в сторону дома. — А вы строги, Марфа Петровна. Суровы! Может, так не стоит?

— Только так и стоит, — куснула сахарок крепкими зубами верховная ведьма. Иначе совсем страх потеряют.

— А вот «коленими на стекло», — уточнил я. О чем речь?

— О том самом. Как слышится — так и пишется. У меня в дальней темной комнате стекло битое, до крошки измельченное, лежит на полу, вот там эта дура и постоит на коленях денек — другой, пока ума не прибавится. Ну а после мы с ней пообщаемся на тему, как дальше жить станем.

— Денек — другой? — странное дело, но мне вдруг Стеллу стало жалко. Да, она пыталась меня убить, но все равно как — то жалко эту стерву стало. Что она по щам получила — справедливо, но битое стекло... Что за привет доктору Менгеле? — Не слишком ли большое наказание за проступок? Непоправимого ничего не случилось, я здесь, Абрагим, как все восточные люди, вспыльчив, но отходчив...

— Дело не в тебе и не в аджине, — отхлебнула чаю Марфа. — Дело в излишнем самомнении и желании брать на себя больше, чем я велю. Это в офисах да банках за дурную инициативу отвечает непосредственно инициативный, а у нас по — другому. У нас ответ держит не тот, кто решил вперед остальных вылезти, а тот, кто над ним стоит. Ошибка его, ответ мой. Вот ты, Хранитель, сейчас вправе сказать мне: «Марфа, дура старая, твои ведьмы мне свет застыят, я буду просить справедливости у Великого Полоза». Что мне тебе ответить? «Я не знала, не хотела»? Смешно ведь, согласишься? А Золотой Змей и вовсе слушать такое не будет, попросту пошлет одну из своих подручных ко мне в гости, та поцелуй свой подарит в ночи, и нет больше Марфы. Была — да вся вышла, вместе со своей силой и властью. Оно мне надо?

Звучит реалистично. Ну за тем исключением, правда, что я Великого Полоза ни о чем таком просить не собирался. Да что там — я и не в курсе был, что имею на это право.

Теперь, правда, знаю. И непременно запомню.

— Мало того. — Марфа подлила мне чаю. — Теперь думать стану, — а не было ли у Стеллы твоей изначального умысла нас с тобой лбами столкнуть? Ты помощи у Полоза просишь, меня ногами вперед из дома выносят, на мое место кто — то из ближниц сядет, а Стелла прыг — и совсем близко к креслу Верховной подберется. Она же еще этой зимой никем была, так, подай — принеси. Потом, в начале лета, выслужиться сумела, над своими сверстницами — подружками вознеслась, а такое голову ох как кружит! Больше хочется, больше!

Я молчал, пил чай, жевал очередную ватрушку.

— Разве что убить ее? — задумчиво глянула на меня Марфа. — А, Хранитель?

— Дело ваше, — проглотив кусок, равнодушно ответил я. — Мне все равно.

— Чего это? — верховная ведьма прищурила левый глаз. — Коли коленями на стекло — заступаешься, а как речь о жизни и смерти пошла, так тебе и дела нет.

— Коленями на стекло — это больно, — пояснил я. — Не люблю, когда живых существ мучают. Не по мне такое. Что же до остального — кроме неприятностей я от вашей Воронежской ничего не видел, так что жалеть мне ее смысла нет.

— Суров. — Марфа оперлась рукой о стол и уставилась на меня. — Мужчина!

Провоцирует меня старая бесовка, колет словами — иголочками в разные точки, ищет то место, где мне больно будет. Техника примитивная, оттого и действенная.

— Марфа Петровна. — Я дожевал ватрушку, глянул на блюдо, где лежал еще десяток таких же, вздохнул и отодвинул от себя чашку. — Давайте уже поговорим о том, зачем вы меня сюда пригласили, а? О кладях, местоположение которых вам известно, сплошной пользе, что ждет меня при условии плодотворного сотрудничества с ковенем, который выгодно отличается от всех прочих обитателей Ночи, и прочих частностях. Я сразу, на дальних подступах, предупреждаю вас о том, что ответ на большинство предложений будет отрицательным, но из глубокого уважения все их внимательно выслушаю.

Молчала ведьма, сложив руки на груди, смотрела на меня, о чем — то думала. Я же, поняв, что пауза затягивается, все же взял еще одну ватрушку. Замечательные они у нее, я таких давно не едал. Не

фабричная выпечка, домашняя, не каждый день подобное пробовать приходится.

— Значит, не хочешь ты со мной работать, Хранитель? — наконец осведомилась она у меня. — Верно поняла?

— Такого не прозвучало, — мигом отозвался я. — Жизнь исключительно разнообразна, то, что ни к чему сегодня, может стать необходимостью завтра.

— Не надо играть словами, — поморщилась Марфа. — Ты все верно разложил по полочкам — я знаю, где лежат старые клады, и готова заключить с тобой взаимовыгодную сделку, но тебе это не нужно.

— Сейчас не нужно, — подтвердил я. — Деньги ни к чему, поскольку я парень неприхотливый, а забавы ради со старым золотом возиться не хочу. Иной раз от него вреда больше, чем пользы, это я уже хорошо уяснил.

— Аргумент, — кивнула ведьма. — Но есть ведь и другие варианты. Днями ты заключил договор, по которому обязуешься помочь в поисках сокровищ тем, кто в свою очередь пособит тебе с поручением, от Полоза полученным. Было такое?

— А как же. — Я откинулся на спинку стула. — И сразу примите мое восхищение, служба осведомления у вас работает отлично. Вроде за столом там только свои сидели, а вы все знаете.

— Слухами земля полнится. — Меня одарили улыбкой. — Так я к чему — чем больше народу, тем проще тебе будет батюшке — Полозу услужить. Давай и мы к коллективу примкнем, а? Больше не меньше, хуже не будет.

— Будет. — Я тоже изобразил на лице самую дружелюбную улыбку, на которую был способен. — Ой как будет. Мои новые деловые партнеры против расширения списка концессионеров. Конкуренция, дорогая Марфа Петровна, она такая конкуренция. Бизнес, ничего личного. Но...

— О чем ты, милый? — Ведьма подалась вперед, чем — то напомнив мне королевскую кобру, которую я как — то видел в террариуме пражского зоопарка. Помню, напугала она меня тогда изрядно. Тоже вот так на хвосте стояла, чуть покачивала башкой, а потом как молния вперед рванула, в стекло врезалась клыками, и по нему мутный яд потек. — Какая конкуренция? С кем мне

конкурировать? С грязными тварями, которые всего — то сто лет как перестали по подвалам да схронам таиться, и вылезли наверх только потому, что города выросли, что грибы после дождя? Мы — веды знающие, наши праматери свою силу от богов получили, цари земные к нам на поклон ходили.

— И между делом жгли прямо в избах, — добавил я. — Как видно, не до конца понимая, с кем связываются.

— В толк не возьму, ты сильно смелый или сильно глупый? — склонила голову к плечу ведьма. — Поясни старухе, коли не в труд.

— Скорее глупый, — не стал чиниться я. — Поскольку крепко подозреваю, что слово, данное друг другу на той исторической встрече, только я один держать и стану. Но ничего с собой поделать не могу, воспитан так, что всегда выполняю обещанное. Дурак? Как есть. Так что если вы сейчас пожелаете и меня коленями на стекло поставить, то я вас где — то пойму. Нет, само собой стану сопротивляться, а после отомщу непременно, если получится, но понять смогу.

— Твой предшественник был другой. — До того ледяной взгляд Марфы немного оттаял. — Он мне тоже отказал, но не так, не так. Ладно, зайдем с другого края. Скажи, если кто — то из твоих деловых партнеров нарушит условия договора, ты сочтешь себя свободным от него?

— Нет. Но сочту, что данный повод достаточен для пересмотра основных условий. — Я мигом смекнул, куда она гнет. — Ну или является основанием для внесения в тело договора корректирующих поправок.

А почему нет? Скажу честно — когда эта старушка нависла надо мной, мне стало страшновато, а рука потянулась к карману, где лежал нож. Ясное дело, что такую бабулю и ломом не убьешь, тут нужно нечто большее, чем обычная сталь, но рефлекс есть рефлекс. Да еще и екатерининский рубль, который я по — прежнему носил с собой в качестве талисмана, начал ощутимо припекать ляжку, свидетельствуя о том, что дела идут не ахти.

Так что лучше ей хоть что — то сейчас дать и занять ее если не в союзниках, то хотя бы не в противниках. Опять же — Карлу Августовичу приятное тем самым можно сделать, он же вроде как с Марфой знаком, да еще и довольно — таки близко. А что может быть

приятней, как оказаться партнером по бизнесу с бывшей возлюбленной? Да — да, ирония. Но когда они начнут жрать друг друга поедом, что скорее всего и случится, то мне от этого, глядишь, какая польза и выйдет. У них дрязги — у меня оперативный простор.

И наконец — подозреваю, что возможностей у этой бабули побольше, чем у тех же вурдалаков. Хотя, конечно, проблемы тоже могут увеличиться в геометрической прогрессии. От одной Стеллы их сколько было, а тут таких Стелл целая груда будет!

— Кушай ватрушки, — ласково проворковала Марфа. — Кушай. И с собой я тебе их велю завернуть, они даже на второй день очень ничего будут. Творог — то не городской, из пачек, а настоящий, тут сделанный.

Ох, не займет бы заворот кишок от того творожка. Хотя нет, какой ей смысл меня травить? Вернее — какая выгода?

Но — лютая старушка, такая если вцепится, то не отпустит до той поры, пока тебе горло не перехватит или сама не сдохнет. Надеюсь, до последнего все же не дойдет.

— Спасибо, — поблагодарил я ее. — Да, вот еще что... Есть одно «но», не сказать о нем не могу.

— Ну — ну. — Марфа приложила ладони к чайнику. — Надо же, остыл совсем. Чего молчишь, Валера, говори.

— Характер у меня дрянь, — с улыбкой поведал я ей. — Вздорный, скандальный, взрывной. Терпеть не могу, когда меня пробуют контролировать, когда за мной следят, или когда пытаются объяснить, что я должен делать, а что нет. Вот та же Стелла — она ведь меры не знает. Нет, умом я понимаю, что у нее есть свои интересы, точнее интересы ковена, но...

— Будем считать, что ты меня уговорил, — усмехнулась верховная ведьма. — И предупредил. В ответ я вот что тебе скажу, парень — мне одинаково плевать и на то, какой у тебя характер, и на ту комедию, которую ты сейчас тут ломаешь. У меня есть свой интерес, ты можешь мне помочь в его реализации. Будешь умником, останешься в прибыли, начнешь мешать — умрешь. Все очень просто, Валера. Невероятно просто.

— Насчет помогать — не обещаю, но мешать точно не буду, — уверенно заявил я. — Мы не враги, по крайней мере — пока. Но напоследок вот еще о чем предупрежу — просто так я умирать не

собираюсь. Если задумаете меня убить, будьте готовы к тому, что я постараюсь добраться до вас раньше. Не факт, что получится, но попробовать — попробую непременно.

— Вот и правильно, — одобрила Марфа мои слова. — Только так и надо. Всех прощать — души не хватит, ее человеку при рождении отвешивают мало, еле — еле на себя хватает, что уж о чужих людях говорить. А злобы завсегда на всех хватит, ее как воды в море — черпай да черпай, пока не утомишься. Нет, неспроста ты мне сразу глянулся, наших ты кровей, наших. Эй, кто там есть? Паршивку из дальней комнаты сюда ведите.

Последнее слово первой встречи за собой оставить хочет. Прямо как мой родитель, он всегда так же поступал. Сначала что — то маленькое у потенциального партнера забирал, а потом ему же и отдавал, вроде как жест дружбы. Вернее, так считали те, кто поглупее, поскольку в бизнесе, как известно, тоже и простаков, и даже дураков хватает. Кто поумнее, понимали, что это предупреждение, причем весьма недвусмысленное, хотя ни к чему и не обязывающее.

И если я прав, то наш с Марфой Петровной разговор еще даже не начинался. А сегодня так, репетиция его состоялась, причем даже не генеральная. Обозначили позиции, сделали кое — какие выводы, поглядели друг на друга — и только. А остальное — потом.

Кстати, у меня на это «потом» еще пара козырей в рукаве отложена. И, пожалуй, наедине с Марфой я больше встречаться не стану, надо будет или Шлюндта, или Михеева звать в качестве соглядатаев. Ну и подмоги, на случай «если чего».

Стелла за время отсутствия потеряла весь свой лоск, как бы дико это ни звучало. К тщательно уложенным до того в искусную прическу волосам сейчас более подходило слово «патлы», румянец со щек пропал, и осанка неуловимо изменилась. Что там за комната такая, в которой женщина за десять минут стареет на десять лет жизни? Прямо даже интересно.

Но особенно жутко выглядели ее ноги. Марфа не врала, Воронежскую реально определили коленями на битое стекло. Просто у нее они все были в крови, причем при каждом шаге та выступала каплями на израненной коже, окрашивая пурпурным цветом изодранные чулки.

Я прислушался к себе — не екнет ли сердце, не стукнет ли в голову стыд, что вот так красивой девушкой распорядился, фатально спалив ее перед работодателем? Не — а. Ничего подобного. Жалко? Есть немного, уж больно она скверно выглядит. Но все остальное — нет, никаких уколов совести. Воронцовка меня вообще на тот свет чуть не спровадила, и, подозреваю, удайся ей задуманное, сейчас бы обо мне уже не помнила, так, будто я и не жил вовсе.

Как с тобой, так и ты, этот принцип мне был знаком с детства и никогда не подводил. Настоящему другу помощи во всем, врага не жалеешь, потому что он делать этого тоже не станет. Впрочем, не скажу, что в последние годы мне приходилось пускать это правило в ход, поскольку мое существование назвать полной жизнью сложновато, а без последней ни настоящих друзей, ни настоящих врагов приобрести невозможно.

Но мне оно нравилось. Да, скучновато иногда, зато все понятно и предсказуемо. Одно плохо — кончилось спокойное житье — бытие.

Или, наоборот, — это хорошо?

— Свезло тебе. — Марфа с брезгливостью оглядела Стеллу. — Заступник появился, говорит, что не такая уж ты и дура. Верю в это с трудом, но гостя не уважить не могу. И ты бы особо не кочевряжилась, взяла бы его, да ублажила как следует, хоть бы даже из благодарности.

Стелла бросила на меня косой взгляд, вроде как виновато — благодарный, но я успел увидеть в нем искорку такой ненависти, что даже призадумался — а может, ну ее? Пусть бы ее прямо сейчас тут и пришибли. Воронцовка может сколько угодно распинаться о том, как она теперь хорошо ко мне относится, но этот миг мне не забыть. Она — враг, и останется им всегда. Не знаю, началось ли это той ночью в лесу, или рубежной точкой стал сегодняшний вечер, но это так.

Отвечать она ничего не стала, ни Марфе, ни мне, только поклонилась, даже не поморщившись от боли в ногах, которая, я уверен, была ого — го какая. Порезы штука неприятная, знаю по себе.

— Ну что, Хранитель. — Верховная ведьма поднялась из — за стола, в ее руках забелел невесть откуда там взявшийся платок, в который она начала складывать румянобокие ватрушки. — Спасибо, что в гости заехал, не побрезговал. Моя бы воля, оставила тебя до утра в гостях, чтобы и пообщаться от души, и почтение достойное оказать, но вижу, что спешишь ты куда — то. Есть у тебя дела поважнее, чем со

старой бабкой время коротать. Ну раз так, то езжай, чего теперь поделаешь. Эта паскудница отвезет тебя туда, куда надо.

Хотел я ей сказать что — то вроде «под конец немного сфальшивили», но понял, что для того все и говорилось. В каждой мелочи, в каждой фразе эта женщина раз за разом испытывала меня, составляя, как видно, в своей голове мой психологический портрет. Не хочу ее радовать. Хотя, с другой стороны, все равно по ее и вышло, любой результат будет занесен в мою пусть материально не существующую, но уже заведенную личную карточку.

Зря Воронежская суется. Ей до этой старушки пока далеко, приблизительно так же, как до Луны пешком. И до тех, кто рядом с ней стоит, подозреваю, тоже.

Впрочем, сейчас Стелле было не до карьерных устремлений, кровь продолжала сочиться из десятков мелких разрезов, и мне было непонятно, как она умудрилась завести машину и выехать со двора Марфы на дорогу. Сильная у нее воля, ничего не скажешь. Вон из глаз слезы текут, губа закушена, но рулит.

— Стой, — не выдержал я через пару минут, глядя на то, как на коврике появляются кровавые кляксы. — Да стой ты наконец! Прижмись к обочине.

— Извини, не спросила, — пробормотала она, вцепившись обеими руками в руль так, что у нее пальцы побелели. — Куда едем?

— На обочину, — рявкнул я. — И быстро!

Стелла выполнила приказ, автомобиль неловко вильнул, и застыл на месте. Девушка откинулась на сиденье, тяжело дыша, глаза ее были закрыты, из — под век все так же, одна за другой вытекали прозрачные слезинки.

— Ну у вас и нравы, — проворчал я, распахивая дверь. — Аптечка в багажнике?

— Да, — всхлипнула Стелла.

Надо отметить, что в этом плане она оказалась молодец, помимо стандартного набора, обязательного по закону, в довольно массивном чемоданчике красного цвета обнаружили другие лекарства, и некоторые из них сейчас оченьгодились. Например — стрептоцид, против нагноения он самое то. Хотя, конечно, если хоть в одной ранке осталось стекло, неприятностей все равно не избежать. Правда, она

ведьма, наверняка есть у ее племени какие — то нетрадиционные способы лечения? Отвары там, зелья, все такое?

Но это уж пусть она сама расстареется, а я сделал то, что мог. Не обращая внимания на визги и пiski, протер колени Стеллы ваткой, смоченной в воде, прошелся по ним йодовым карандашом, а после начал обматывать бинтами, в которые от души сыпанул измельченного стрептоцида.

— Вот за что ты со мной так? — в какой — то момент спросила меня бледная от боли Стелла. — Ну да, характер у меня дрянный, я знаю, но так — то зачем, Валера? Ты же не мог не понимать, чем все кончится? Хорошо, что вообще сразу горло не перерезали, а то ехал бы ты сейчас домой один.

— Ну такого я и представить не мог, — честно ответил я, аккуратно бинтуя ее колени. — Сурово у вас карают за проступки. Ну а за что... За плохой слух, Воронежская, за что же еще? Не желаешь ты меня слышать, просто ни в какую. Говорил — не следи за мной? Говорил. Но тебе ведь все надо знать. Говорил — не лезь в мою жизнь? Нет, и тут нос хочется сунуть.

— Я должна все знать, — охнула от боли ведьма. — Понимаешь? Должна! Я очень хочу жить, Валера, ты даже не представляешь как. А ты все дальше и дальше уходишь от меня. Мне страшно, Швецов. Я боюсь пропустить тот момент, когда ты начнешь считать меня обузой, и те, кто уже вьется вокруг тебя, предложат от этой обузы избавиться. Да еще эти змеи...

— Какие змеи? — я аккуратно завязал бинт и занялся второй коленкой.

— Которые в снах моих ползают, — всхлипнула Стелла. — Каждую ночь, каждую ночь... И всякий раз боюсь одного — я проснусь, а они останутся. Но главное — ты! Вурдалаки, Шлюндт этот гребаный, теперь вот с отделом спелся... А меня будто нет, будто я так, приживалка незаконнорожденная. Ненавижу тебя, Швецов, ненавижу!

Град ударов прошелся по моему плечу, кулачки у нее были маленькие, но били сильно.

— Не дергайся ты! — прикрикнул я на разошедшуюся девушку. — Дай добинтую, а потом подеремся! И монашку из себя не строй, хорошо? Не надо этих «ах, меня все игнорируют, а я ведь такая милая». Обидели, понимаешь, мышку, написали в норку...

Ой как хочется ее ткнуть носом в смерть охранников антиквара, но — нельзя. Скажи я это, она мигом все поймет, а после... Вариантов может быть масса, и все они мне не сильно нравятся.

И самое забавное, что кроме этого да сегодняшнего инцидента у Абрагима, мне ей на самом деле даже и предъявить нечего. Ну, может, еще невроз Юльки.

— Скотина. — Удары прекратились, а ругань нет. — И спать со мной отказываешься! Нос воротишь! Все хотят, а он — не хочет. Хвост какой — то выдумал! Нет у нас никакого хвоста, это выдумки всё. Сериалов насмотрятся, а потом... Да тьфу на тебя!

— Ты давай особо не плюйся, — попросил я ее. — Не дай бог... Ну или кто там у вас? Так вот — если какое проклятие ко мне прилипнет, тебе точно кранты. Лично в мешок засуну и в речке утоплю. Я читал, ваше племя не только сжигать можно, но и топить.

— Инквизитор хренов, — сжала губы Стелла. — Только о том, как меня убить, и думаешь!

— Была охота. — Я завязал второе колено. — Можно подумать, на тебе свет клином сошелся. Не переоценивай свою значимость, Воронежская, не надо. Что до нас с тобой... Скажу то, что уже звучало — ты сама во всем виновата.

— Ну конечно, всегда во всем виновата женщина, еще со времен Эдема. — Стелла вытянула ноги и посмотрела на две повязки. — Ох, как это все мерзко смотрится! И как я теперь машину вести буду?

— Никак, — ответил я. — Мы ее тут оставим, а по домам на такси поедем. Потом заберешь. Единственное, надо бы ее обратно к дому Марфы отогнать, чтобы неприятности какой не случилось.

— Ты совсем дурак? — Стелла повертела пальцем у виска. — Лучше пусть мою «ласточку» угонят, это наименьшее из зол. Короче — случившееся твоя вина, потому давай, решай вопрос.

— Хорошо, — согласился я и вздохнул. — Но если что, именно ты будешь платить «гайцам» за то, что у меня ни прав, ни доверенности нет. Давай, пересаживайся на пассажирское место.

— Тогда помоги, — велела Воронежская, а следом охнула, когда опершись на мою руку, встала с водительского сиденья. — Больно Стеллочке, больно бедненькой! Ох, Швецов, ответишь ты мне за это. Ох, ответишь! За каждую капельку моей крови расчет держать будешь!

— Слушай, сейчас тебя тут брошу, и гребись ты в доску! — не выдержал я. — Достала, честное слово! Вот правда, уже жалею, что замолвил за тебя слово и вытащил из комнаты, в которую тебя определили.

— Злой ты, Валера, — проныла ведьма. — Недобрый! Фу таким быть! Мне — можно, я ведьма, у меня суть такая, а тебе нельзя, потому что ты человек!

— Люди тоже так себе бывают. — Я помог ей устроиться на сиденье, которое максимально отодвинул назад. — Не говори, что ты на этот счет не в курсе. И пристегнись.

— Что за блажь? — Стелла поморщилась, пытаясь устроиться поудобнее.

— Пристегнись, я сказал! — не сдержавшись, зло прикрикнул я, неохотно садясь на ее место. — Или вызывай эвакуатор и сиди тут одна его жди.

— Ладно, ладно, — с интересом глянула на меня ведьма и щелкнула замком. — Вот, пожалуйста.

Я положил руки на руль, прислушался к себе. Да нет, вроде все нормально, пальцы не дрожат, в ушах не шумит, в глазах не рябит.

— Ты отвезешь меня домой? — поинтересовалась Стелла. — Сразу говорю — в гости не приглашу. Мой дом — моя крепость.

— Когда я в последний раз такое от девушки слышал, дело было исключительно в том, что у нее в квартире редкостный срач стоял, — не удержался от колкости я, попутно регулируя под себя зеркало заднего вида. — Небось у тебя тоже лифчики и трусы внавалку на стульях накиданы, вот ты и придумываешь оправдания на ходу. Ладно, не дергайся, не собираюсь я к тебе в гости набиваться, оно мне нафиг не надо, себе дороже может выйти. Ты же меня прямо от дверей в постель потянешь, наплевав на телесные повреждения, а мне...

На этот раз она ударила меня под ребра, причем так, что я даже скривился от боли.

— Достал ты меня уже! — в голос крикнула Стелла. — Достал! Мачо хренов! Сейчас домой вернусь, и первым делом на тебя сухоту нашлю. Но не грудную, как обычно, а ту, что пониже пояса мужиков бьет, чтобы у тебя твой инструмент на сдутый воздушный шарик стал похож!

— Не стоит, — поняв, что на этот раз Воронежская не шутит, попросил ее я. Нет, не испугался, просто понял, что палку перегнул. С нее станется, она ведь и правда может это сделать. — Все, тема снята, больше не буду так шутить.

— Плевать! — Похоже, внутри у Стеллы лопнула какая — то струна, она некрасиво кривила губы, глаза ее, казались, вобрали всю темноту вплотную подступившей ночи, а в голосе слышались непривычные визгливые нотки. — На все плевать! Змеи? Пусть будут змеи! Но тебя...

— Угомонись! — Я отвесил ей пощечину, причем силу особо не соразмерял, потому голова ее мотнулась вправо, приложившись еще и о автомобильное стекло. — Хорош психа давить. Закончили перепалку до той поры, пока я мотор не заглушу. Не отвлекай водителя во время движения транспорта.

Ведьма замолчала, поглаживая рукой щеку, и еле слышно всхлипывая.

Я очень давно не сидел за рулем — и по закону права не имел, да и сам за него не рвался. Но все вышло, как в той пословице — если хоть раз научился ездить на велосипеде, то уже не разучишься. Руки — ноги все вспомнили сами, без помощи головы, внутреннее «я», тихонько начавшее бубнить: «не надо, Валера, добром это не кончится», мигом заткнулось, как только автомобиль стартанул, сходу набрав почти приличную скорость. Движок, конечно, у него зверь, этого не отнять. На моем «астоне», правда, получше стоял, но мне его специально... А, чего теперь вспоминать? Было и было.

Пустая в этот час дорога серой лентой ложилась под колеса, давно забытые ощущения вышибли из головы все тревожнения этого длинного дня. Мне сейчас было очень хорошо.

— Хлебнешь? — неожиданно спокойно предложила мне вдруг Стелла, протягивая бутылку виски, пустую на две трети. Видел я ее, когда аптечку доставал, она же более чем наполовину полной была! Однако разошлась моя приятельница. Не захмелела бы, как мне ее после этого домой — то отправлять?

Само собой, везти в Москву я ее не собирался, только этого мне и не хватало. Да и проблемы с «гайцами» не нужны. Ну да, с какими — то удастся договориться, пустив в ход хитрость, обаяние и денежные знаки. А если попадутся те, которые на все это чихать хотели?

Да и потом, не хочется отступать от намеченного плана, того, который включает в себя решение пройти через все круги ада в один день, а именно — сегодняшней.

— Давай, — упрямо повторила Воронежская, ткнув мне горлышком бутылки в локоть. — Прими на грудь, сними стресс.

Уже принимал, уже снимал, мне хватило одного раза, второго не надо.

— Воздержусь, — хмуро буркнул я, поворачивая. — Да и приехали мы уже.

— Куда? — чуть пьяненько осведомилась у меня Стелла, крутя головой. — А? Это мы где?

— Там торговый центр, тут его парковка, — объяснил ей я. — Сейчас мы сюда вызовем два такси. Одно для тебя, второе для меня. Куда поедешь ты, мне все равно, но я бы советовал особо не экспериментировать. В идеале тебе бы на дом врача еще вызвать, чтобы он колени посмотрел и по новой их перевязал.

— А ты куда? — блеснула глазами ведьма. — Какие планы?

— Я? Поеду, покатаюсь, после, может, в крематорий заскочу.

— Туда — то зачем? — изумилась Стелла.

— Развеемся хочу, — объяснил ей я, доставая смартфон. — Так, кто у нас тут возит?

Смешно прозвучит, но я в очередной раз оказался виноват перед ведьмой. Бред какой — то — она мне палки в колеса ставит, но при этом ее все жалеют, а меня осуждают. На этот раз я стал плохим для водителя восточной наружности, который, как видно, не понимал, отчего я не стал сопровождать до дома пьяненькую красивую девушку с забинтованными ногами и заплаканным лицом. Мне кажется, он вообще меня принял то ли за извращенца, то ли за еще кого похуже.

Помахав рукой мигнувшей красными огнями машине, я закурил и стал ждать свой экипаж, который запропал где — то на просторах Ильинского шоссе.

И вот где справедливость?

Глава 6

Ворота, за которыми располагалась, скажем прямо, немаленькая территория загородного дома Певцовых, были, разумеется, закрыты. Можно было бы просто нажать кнопку, сообщить, кто и к кому пожаловал, после чего войти так, как положено, но смысл моего визита заключался не в том, чтобы засвидетельствовать почтение давним знакомым, а чтобы выбить из непутевой юлькиной головы очередные причуды. Шутки шутками, но тетя Жанна все же посеяла некие сомнения на этот счет в моей душе. Юлька всегда была довольно экзальтированной особой, потому от нее можно ожидать чего угодно. Вены резать она не станет, поскольку боится крови, но нажраться какой — нибудь дряни вполне способна. Хватило же у нее ума в свое время завербоваться волонтером в Африку, чтобы спасти каких — то тамошних обитателей от тотальной неграмотности, влившись в коллектив еще двух десятков таких же прекраснодушных дурочек? Дядя Сережа, ее отец, в последний момент успел вылет самолета остановить, который, кстати, держал курс вовсе даже не на Черный Континент, а кое — куда поближе, туда, где все эти новые ходоки в народ получили бы принудительным образом профессию, абсолютно не связанную со всеобщим образованием.

В общем, нормальный вход мне не подходит, за ним последуют громкие и даже, возможно, вполне искренние восклицания вроде: «Юленька, ты посмотри кто к нам пришел», и грохот мебели, баррикадирующей намертво дверь одной из комнат, находящихся на втором этаже. Я ее хорошо знаю, так и случится.

Потому я прошелся по дорожке, ведущей вдоль забора, отметив про себя, что хотя времени прошло немало, я все равно помню почти каждое дерево, растущее за ним. Просто когда — то, в другой жизни, на этой территории я бывал чаще, чем на своей собственной, находящейся, к слову, не так далеко отсюда. Если говорить точнее — на соседней улице. Просто дядя Сережа и мой отец давние друзья и партнеры, потому землю в этом поселке купили одновременно. Совсем по соседству не получилось, уж не знаю почему, но это ничего и не меняло. Кстати — если тетя Жанна в свое время начала воротить от меня нос, то дядя Сережа ничего подобного и не думал делать.

Напротив, он несколько раз предлагал мне помощь, причем любую. И в историко — архивный тоже он меня устроил, заставив тетю Жанну позвонить своей родственнице.

Впрочем, дразги между нашими мамами сейчас как нельзя кстати. Меньше всего мне хотелось бы столкнуться в гостиной Певцовых с родителями, которые наверняка обитают за городом, то есть прямо вон за тем поворотом. Мама не очень хорошо переносит летнее городское марево, да и отцу приятнее проводить вечера на природе. Ну если данное слово можно применить к Петрову — Среднему, которое, на мой взгляд, ничем не отличается от того же Куркина, находящегося в городской черте.

За этими мыслями я и дошел до нужного места, того, где ветка высоченного старого дуба нависала над забором. Охрана дяди Сережи пыталась в свое время ее спилить, но тут вмешалась Юлька, которая начала орать про то, что это варварство, что подобное недопустимо, и что деревцу будет больно. Охрана с сомнением посмотрела на дуб, который никто из них даже вполтину обхватить не смог, и к которому слово «деревце» ну вообще никак не подходило, только спорить не стали. Они уже знали, что хозяйская дочка в таких вопросах назад не сдает. Да и фанатизма особого дядя Сережа не любил, даже в вопросах охраны. Веселые девяностые с их беспределом остались позади, в большие государственные контракты и тендеры ни он, ни мой родитель не лезли, нефтянки и газа тоже не касались. То есть самые скользкие моменты они обошли стороной, ни у кого на дороге не стояли и солнце никому не закрывали. Нет, в России это не показатель, у нас убивают иногда просто по ошибке или из вредности, но не постоянно ведь?

Ну а как моя подруга добилась того, что ни одна камера на этот дуб не была направлена, я вообще без понятия. Но факт налицо, данное место стало «слепой зоной», потому именно тут вечерами я перебирался через забор, чтобы потом незаметно забраться в заветное окно на втором этаже. Причем иногда это случалось сразу после того, как я вполне официально покидал дом Певцовых через ворота. Иногда мне казалось, что охрана в курсе моих тайных перемещений по территории, но никто из них ни разу не дал мне этого понять, потому со временем я на эти мысли плюнул.

Забавно выйдет, если меня сейчас эти молодцы прихватят. Столько лет лазал в окно к Юльке и ни разу не спалился, а тут решил молодость вспомнить — и на тебе! Хотя, может, и обойдется.

Я повертел головой, убедившись, что на улице никого нет, запрыгнул на камень, в который были вделаны прутья решетки, уперся в перекладину, чуть потянулся, и руки привычно зацепились за слегка хрустнувшую ветку.

Раньше этого звука не было. Однако закабанел, набрал вес. Что обидно — именно вес, не мышечную массу. О, опять хрустит! Черт, надеюсь, она не сломается до того момента, как я окажусь на той стороне забора.

Ветка выдержала, хоть под конец почти стонала под моим весом, и только потому, скорее всего, я не сразу и расслышал тихий, почти бесплотный мужской голос, сообщавший мне: «Я здесь, Хранитель. Я устал, отпусти меня».

Чего — чего, а такого я точно не ожидал. Ясно, что в русской земле где и чего только не лежит, но тут, в этом небольшом приусадебном парке?

Хотя... А почему нет? Петрово — Среднее лет полтора ста с лишним лет истории в качестве обжитого места точно имеет, и до того в этих краях не безлюдно было. А дубам этим, как я говорил, вообще триста с лишним лет, их еще при царе Петре сажали, и это исторический факт. Он дубы сильно уважал, поскольку это самое что ни на есть подходящее для флотского дела дерево. Из него корабли хорошие получались, крепкие и надежные, потому царь — плотник данную древесную культуру сам высаживал с удовольствием, и других заставлял этим заниматься. Не просто же так в уцелевших усадьбах его соратников, вроде Кусково, дубов полно? Не знаю точно, кто непосредственно здесь, в Петрове — Среднем, обитал из птенцов гнезда Петрова, но наши дубы точно ровесники переломной эпохи в России. А еще Петрово — Среднее в каком — то смысле провозвестник новых веяний. Дело в том, что эти места были одними из первых, которые в девятнадцатом веке облюбовали под съемные дачи те, кого мы сейчас назвали бы «менеджерами среднего звена». До того понятия «дача» не существовало. Так вот — первыми дачниками были конторщики, приказчики и прочие безродные, но зато умеющие зарабатывать денежку люди. Поверьте, первый «офисный планктон»

появился не на заре нового тысячелетия, а гораздо раньше. И те клерки отличались от нынешних только прической и одеждой, а в остальном они были точно такие же. Они подсаживали коллег в жарких карьерных баталиях, любили обсудить тот факт, что пашут только они, а деньги платят всем, охотно спали со стажерками, которым непременно обещали заранее невозможную протекцию, копили деньги на поездку в Париж и в пьяном виде обожали корчить из себя хозяев жизни.

А еще они снимали дачи, на которых весело кутили с доступными трехрублевыми девицами, после чего попадали на страницы многочисленных дореволюционных журналов. И именно о них с иронией, а иногда и с печалью, охотно писал не кто — то, а довольно молодой тогда Антон Павлович Чехов.

Впрочем, селилась тут публика и почище, вроде офицерских и даже генеральских семейств, а также представителей громких, но обедневших фамилий.

Так что кому закопать клад было. Вопрос в другом — почему его до сих пор не нашли? Впрочем, я знаю почему. Эту часть участка только убирают, тут сроду никто ничего не сажал, кроме газонной травы. Ненужные кусты выкорчевали, землю разровняли, да и все. Растут себе дубы, и пусть растут. И никому даже в голову прийти не могло, что вон под тем деревом, под его корнями, что — то лежит. Не знаю, насколько глубоко, но оно — там, я его слышу. И даже, по — моему, чую. Не нюхом, а, скорее, на уровне чувств.

Вот ведь. Прямо хоть иди и лопату в доме выпрашивай, так интересно узнать, что там. Но — нельзя, причем причин на это столько, что перечислять замучаешься. Но ничего, никуда он от меня не денется, я найду способ его вырыть.

Я вскарабкался на дуб, сучья которого чуть ли не упирались в несколько окон, уселся на одной из толстых ветвей и достал из кармана несколько маленьких камушков, которые подобрал по дороге. Если уж ностальгировать, так по полной.

Юлька сидела на кровати, мрачная и растрепанная, она водила пальчиком по экрану планшета и что — то тихонько бормотала себе под нос.

Я бросил камушек в окно, тот тихонько стукнул о стекло, девушка встрепенулась, после мотнула головой, решив, что ей послышалось, и

снова уставилась в экран гаджета. Я хихикнул, и бросил второй камушек, а следом третий.

Планшет отлетел в сторону, Юлька выпрямилась, повернула голову в сторону окна, и уставилась на меня. Само собой, теперь она догадалась, что слуховой галлюцинации не было, что там, на дереве, притаился ее старый знакомый.

Эта традиция уходила корнями в далекое прошлое, в те времена, когда мы еще учились в школе и не слишком афишировали наши более чем тесные отношения. Что мои, что ее родители не были пуританами, но вряд ли пришли бы в восторг от того, что наша дружба немного изменила вектор. Нет, потом мы все равно спалились, но это случилось сильно потом.

Впрочем, я и после школы не раз шастал этим путем.

— Не скажу, что ждала, — сообщила Юлька, открывая окно и приглаживая волосы. — Ты чего один? А, я догадалась! С такой задницей, какую отрастила себе твоя будущая супруга, на дерево не влезешь, все ветки поломаются.

— Так себе заход, — заметил я. — С задницей у нее все в порядке, нечего наговаривать на человека.

Юлька поджала губы и нехорошо засопела.

Я нахохлился и несколько раз взмахнул руками, изображая птицу.

— Решил сыграть в «крокодила»? — процедила Певцова.

— Не — а, — помотал головой я. — Тебя изображаю. Ты сейчас приблизительно так выглядишь.

— То есть я тупая курица? — уточнила Юлька, закипая до предела. — Ты это имеешь в виду?

— Ты... — Я пощелкал пальцами. — Слушай, нет у меня хорошего ответа, емкого и остроумного, потому сразу перейду к главному. Юлия Сергеевна, тебя разыграли.

— Чего?

— Того. — Я осторожно повозился на ветке, которая начала потрескивать под моим весом. Нет, определенно надо меньше жрать. — Стелла, зараза такая, над тобой подшутила, а я даже не успел про это сказать, ты слишком шустро убежала.

— Ее зовут Стелла, — удовлетворенно заметила Юлька. — Говорящее имя, отлично подходит к внешности. Они все через одну или Стеллы, или Изольды.

— Даже не стану спрашивать, кто «они», — отмахнулся я — Кстати — это шаблон, который давно не работает. Сейчас в тренде все посконно — домотканое, даже в сфере сомнительных услуг. Там все меньше Изабелл и все больше Ефросиний.

— Тебе видней, это ты по шалавам бегаешь.

— Истинно так. Слушай, можно я уже в комнату переберусь, а? Просто если этого не сделать, то полечу я вниз, собирая по дороге все остальные ветви, а после ударюсь о планету больно — больно.

— Не скажу, что мне тебя жалко.

— Хорошо, — согласился я. — Меня не жалко. А зеленое насаждение? Этому дубу лет невесть сколько, он, возможно, новую ветку уже и не отрастит. Ты же в «Гринписе» состояла!

— Лезь, — буркнула Певцова. — Только имей в виду — я на тебя очень зла, потому могу пустить в ход то, что подвернется под руку. Может, вовсе тебя убью, и ничего мне за это не будет. Меня любой суд оправдает. Я скажу, что ты коварно проник ко мне в комнату и хотел лишиться самого дорогого.

— Свитера с оленями, что ты купила в Лапландии десять лет назад? Прости, просто больше ничего в голову не пришло.

— Вот какая же ты все — таки скотина, Швецов, — с отвращением произнесла Юлька, распахивая окно до предела.

— Редкая, — ответил я и осторожно стал карабкаться вперед.

Вот ведь, раньше это как — то легко и непринужденно получалось. Вроде и лет прошло не так много, а гляди — ка...

— Ну. — Юлька забралась на кровать, обняла руками большого плюшевого медведя и уставилась на меня. — Что еще расскажешь?

— Зависит от того, что ты хочешь знать. — Я огляделся вокруг. Надо же, почти ничего не изменилось, разве что исчезли с полок несколько фотографий, тех, где мы с владелицей комнаты были вместе запечатлены. Как видно, были они разрезаны и сожжены, тетя Жанна о чем — то таком упоминала.

— Очень хотелось бы услышать... — бойко начала Юлька, но после замолчала. — А я не знаю, что хочу знать. Разве только... За что ты так со мной поступил?

Вы сговорились? Сначала одна про это спрашивает, потом другая. Но если у первой хоть основания имелись, пусть и не самые веские, то здесь их и в помине нет.

— Юль, я ведь ничего и не сделал. — Я присел на кровать. — Ты сама выдумала обиду, а после сама же в нее и поверила. Говорю тебе — это шутка была. Стелла стерва еще та, уж поверь мне, и забавы у нее соответствующие. Нет, я, наверное, виноват в том, что тебе не позвонил раньше и ничего не объяснил, но давай честно — ты бы стала со мной разговаривать? Ну? Сама же знаешь, что нет. Первый звонок ты бы сбросила, а после второго загнала меня в «черный список».

Сидит, молчит, сопит, медведя тискает. Кстати — мой подарок на ее семнадцатилетие, настоящий «Teddy bear», ростовой, я его в Штатах заказывал. Фотки выкинула, а его нет. Забавно.

— Мы с ней деловые партнеры, — продолжил я. — Что ты так смотришь? Кто недавно говорил, что я никто, звать меня никак, смотреть на меня — и то противно? Твое мнение для меня много значит, я пораскинул мозгами и решил, что ты права. Вот со Стеллой кое — какой бизнес решили замутить.

— Я была неправа, — перебила меня Юлька. — И пьяна. Не стоило меня слушать. К тому же папа утверждает, что теперь госслужба стала куда более надежным трамплином для прыжка в будущее, чем коммерция. Да — да — да, я сама слышала. И потом — Швецов, ты пошел не в отца, а в мать, в бизнесе тебе делать нечего. Тебя обдурят непременно, а после еще и посадят.

— Вот тебе и раз. — Я пристроил свой затылок на ее колени, как когда — то очень давно, в прошлой жизни. — Певцова, как — то определись уже с тем, кем ты хочешь меня видеть, хорошо?

— Тебе это важно?

— Ну а как ты сама думаешь? — рассмеялся я. — Наверное, да. Ну не просто же так я приперся сюда, в твой дом, где внизу сидит тетя Жанна, находящаяся от моей особы, мягко говоря, не в восторге? Заметь — приперся только для того, чтобы понять, все ли у тебя в порядке.

Я взял планшет, лежащий рядом, провел пальцем по экрану, и глянул на сайт, который Юлька изучала до того, как я начал бросать камушки в окно.

«Детективное агентство „Две трубки“. Все узнаем, все найдем, все докажем». Так себе слоган. Зато офис у этих сыщиков на Мясницкой, видать, хорошо дела идут.

— А тебе на кой частные детективы? — удивленно спросил у девушки я, приподняв голову. — Кого искать собралась? А — а — а — а — а, понял!

Ну да, конечно. Стеллу. То — то она так обрадовалась, когда имя моей новой знакомой услышала, с ним — то все проще становится. Ну, Юлька! И главное — кто знает, кого она еще искать начнет после того, как личность коварной разлучницы идентифицирует? А если стрелка? С нее станется, если чего задумает — сделает, упорства — то не занимать.

Интересно, а ведьму можно убить обычной пулей? Почему — то мне кажется, что нет. С другой стороны, с трудом себе представляю, как можно жить с пулей в голове. Хотя — о чем я? Что у Стеллы, что вон у Юльки, они с рождения там имеются.

— Надо! — рявкнула Певцова, выдирая планшет из моих рук. — Не твоего ума дело!

В процессе борьбы она как — то так навалилась на меня, что наши лица оказались напротив друг друга, ну а дальше все произошло само собой. Рефлексы, мышечную память и маячки в подсознании никто не отменял.

Или просто нам обоим это было нужно, чтобы окончательно стереть воспоминания о нелепой размолвке? Мне потому, что я все же ощущал неловкость перед моей подругой юности, а Юльке... Ей виднее зачем, я себе голову еще и этим забивать не собираюсь. Тем более что ее душа — точно потемки.

Но вот к чему я не был готов, так это к тому, что в какой — то момент откроется дверь в комнату, и в ее проеме соляным столбом застынет тетя Жанна, глядя на нас широко распахнутыми глазами. Нет, ее понять можно, меньше всего ожидаешь увидеть в комнате дочери, еще несколько часов назад мрачной и недовольной всем на свете, откровенно порнографическую сцену.

— Дверь не заперла! — пискнула Юлька, сидящая на мне, и продолжавшая ритмично двигаться. — Ой!

— Здравьете, тетя Жанна, — пробормотал я, убирая руки с бедер девушки. — Вот, приехал в гости.

— Вижу, — сообщила мне она. — Растешь в моих глазах, Валерий. Несколько лет назад в такой же ситуации ты немного напортачил. Сегодня, гляжу, проявил большую выдержку.

Ну да, было такое. Мы тогда еще гадали с Юлькой — размножимся мы или нет. Обошлось, не размножились.

— Жду вас в столовой через... — Тетя Жанна словно комок проглотила. — Как управитесь.

Закрытая дверь не смогла заглушить хохот, с которым она удалялась по коридору.

— Ты дура? — возмутился я. — Чего ключ в замке не повернула?

— Плевать, — нагнулась ко мне Юлька. — На все плевать.

Ей плевать, а вот мне было неловко спускаться вниз, в столовую. Да, мы все взрослые люди, но все — таки... Хотя — чем еще мог закончиться такой день, как сегодня?

Окончательно меня добило то, что еще и ее отец обнаружился за столом. На его присутствие я никак не рассчитывал, резонно полагая, что он в очередной раз где — нибудь какой — нибудь договор подписывает. С тетей Жанной все же проще — она немного поязвит, пару раз упрекнет меня за юношеский максимализм, посетует на то, что я не оправдал тех надежд, которые подавал, и на этом все кончится. Через сорок минут я вызову такси и отправлюсь домой, причем сделаю это с чистой совестью. Клад под дубом? Ну не доберусь я до него сегодня, и ладно, потом как — нибудь выкопаю. Напрошусь в гости, когда Юлька одна дома останется, сочиню историю позаковыристее, в которой будут фигурировать мой архив, случайно найденный в нем документ и романтическая подоплека, и выкопаю.

Или вовсе на него плюну. Одним больше, одним меньше — велика печаль.

А теперь все. Теперь мне тут ночевать придется, я его знаю. Даже если не я буду сидеть за рулем машины, он все равно меня в темное время суток никуда не отпустит.

Хорошо еще, что юлькиной сестрицы не видать. Она хоть и мелкая совсем, но язва та еще, палец в рот не клади. Видать, услали ее на лето куда — то.

— Валерка! — Дядя Сережа встал из — за стола, подошел ко мне, и по — отечески приобнял. — Давно не виделись. С двадцатипятилетия старшенькой, не иначе?

— Побольше, — ответил я. — Меня на том празднике не было.

— Сам не захотел приходить, — справедливо заметила Юлька, усаживаясь на стул и пододвигая к себе блюдо с яблочным пирогом. — Я тебя приглашала, причем лично, и не раз.

Это да, это правда. Но я все равно не пошел, потому что не хотел выслушивать бесконечные шуточки своих приятелей о том, кто я теперь такой есть, и их предложения устроить меня на приличную работу. Большею частью они были бы вполне искренние, но все равно — не хочу. Тем более что мне нравится то, чем я занимаюсь. Юлька же потом на меня жутко обиделась и на добрых полтора месяца исчезла из поля зрения.

Хорошие были полтора месяца. Спокойные.

— Ого! — Дядя Сережа похлопал меня ладонью по животу. — Жирок, Валерка, жирок. Чую, в спортзал не ходишь?

— Дел полно, — чуть покраснел я. — Какое там...

— Сережа, ты ставишь мальчика в неловкое положение, — заметила тетя Жанна. — Он госслужащий, откуда у него средства на хороший зал?

Юлька нехорошо глянула на мать, я же отреагировал на данную колкость спокойно. Чего — то такого я и ожидал.

— Гуся неси, — не поворачиваясь к жене, приказал дядя Сережа. — Сама неси, руки небось не отсохнут.

Гусь — это хорошо. Несколько ватрушек, что я съел в гостях у Марфы, давно были забыты, а узелок с добавкой так и остался в машине Стеллы, не захотел я тащить его с собой. Ну его нафиг, такой подарок.

— Садись, — велел дядя Сережа. — Вот мы сейчас с тобой по рюмочке выпьем за встречу. Или по две.

— Или всю бутылку ахнете, — фыркнула Юлька, без особой теплоты глянув на спину матери, ей явно не понравилось услышанное. Она сама мне каких только гадостей за время нашего знакомства не говорила, но при этом терпеть не могла, когда подобным занимался кто — то кроме нее. Если верить Сивому, с одной нашей бывшей одноклассницей обычно миролюбивая Юлька даже подралась, когда та начала меня высмеивать.

— Хорош мучное мять, — немедленно сообщил ей дядя Сережа. — Скоро вон стул под твоей задницей развалится. Отрастила, понимаешь... Ты чего смеешься, Валер? Шутка — то так себе.

Что удивительно — ужин прошел на редкость мирно. Юлькина мать сделала выводы и оставила меня в покое, Юлька знай подъедала пирог, ну а мы и в самом деле усидели бутылку коньяка под гуся, но при этом я особо не захмелел.

— Курить не бросил? — осведомился у меня дядя Сережа, когда бутылка показала дно. — Я тоже. Вредное это дело, но вот все никак. Пошли на воздух, подымим.

— Пошли, — обреченно произнес я, заранее зная, что за этим последует.

Мы устроились в плетеных креслах на просторной, освещенной настенными фонарями веранде, с которой открывался вид на темный ночной сад, и закурили.

— Знаю, о чем ты думаешь, — первым произнес дядя Сережа. — Что я сейчас заведу душеспасительные беседы о том, что ты уже не мальчик, что время от времени свое самолюбие надо засовывать в одно место, что то, что случилось, уже случилось, и так далее. Верно?

— Есть такое, — признался я. — Но я морально готов, так что если хотите — говорите.

— Не буду, — отказался дядя Сережа. — Зачем? И говорить о том, что неплохо бы тебе сейчас выйти из наших ворот, повернуть на углу, дотопать до дома номер семнадцать и нажать на звонок, тоже не стану. Ты уже взрослый, сам все для себя можешь решить. Да, собственно, у тебя и в юности ветра в голове было меньше, чем у любого из вашей развеселой компании, я это хорошо помню. Опять же, ты всегда умел держать ответ за сделанное, в отличие от остальных. Тогда ведь не только ты виноват был, но и приятель твой. Как его... Славы Сивцова сын. Пашка вроде?

— Пашка, — подтвердил я. — Но он заднего не включал, не тот это человек.

— Сначала — нет, — выпустил дымок дядя Сережа. — А вот когда его адвокат... Ладно, не о том речь.

— Не о том, — согласился я. — А о чем тогда?

— О Юльке моей, — закинул ногу на ногу мой собеседник. — Только не говори мне, что не знаешь, как она к тебе относится.

— Может, лучше тогда все же о моей загубленной судьбе поболтаем? — попросил его я. — Честное слово, этот вариант мне нравится больше.

— Не носи чушь, — осек меня дядя Сережа. — Это они считают, что ты все просрал. Я так не думаю, поскольку уверен, что приобрел ты больше, чем потерял. Более того — я тобой горжусь. Что ты так глядишь? Да, горжусь. Имею право. Я знаю тебя с вот такого возраста, ты на моих глазах рос, умнел и даже делился до поры до времени всеми своими секретами. Не с Толей, со мной. А если ваш выпускной школьный вспомнить? То — то.

Это да. Отец прийти на выпускной не смог, был в Бельгии, подписывал какой — то контракт, мама уехала с ним, потому дядя Сережа говорил благодарственное слово учителям сразу и за Юльку, и за меня. Просто наш класс был невелик, каждый из родителей выступал с парой слов. Меня не сильно напрягал тот факт, что моя семья отмолчится, но дядя Сережа отчего — то решил, что сие неверно, отказался от предложенной мной кандидатуры Елены Николаевны, нашей домработницы, и лично толкнул настолько мощную речь, после которой поползли слухи, что на самом деле мой отец — он.

— Давайте проскочим сразу через несколько пунктов и перейдем к главной части разговора, — смирился с неизбежным я.

— Давай. Мне, знаешь ли, самому эта беседа поперек горла. Но Юлька моя дочь, и я хочу, чтобы она вышла замуж за нормального человека. Да, вот такой банальный поворот. Я, конечно, сам виноват, что вокруг нее теперь больше дрянь всякая вертится, которую Жанна в наш дом время от времени таскает. Кому мои деньги нужны, кому связи, один тут вовсе мне недавно напрямую заявил, что брак его сына и моей дочери отличный повод для слияния капиталов. Мол, дети — это тоже инвестиции, а их согласие и несогласие с отцовским решением не наши проблемы.

— Ну насчет всего такого можете быть спокойны, — хмыкнул я. — Я кто угодно, только не инвестиция. Из завещания меня черт знает когда вычеркнули, с денежного довольствия тогда же сняли, карьеру в бизнесе мне строить неохота. Правда, по этой же причине вашей дочери придется отказаться от всего того, к чему она привыкла. Вы уверены, что желаете ей рая в шалаше? Я парень гордый, денег от вас не приму.

— Будем считать, что шутку я оценил, — невозмутимо произнес дядя Сережа. — А теперь послушай меня спокойно, без нервов.

Повторюсь — ты молодец. Перемены в образе жизни вообще штука сложная, в молодые годы особенно. А уж если они из разряда «было все и нет ничего», то с таким далеко не всякий справится. Ты смог. Уважаю. Более того — если верить тому, что мне рассказали, тебе нравится то, чем ты занимаешься. И это тоже замечательно.

— Ай — яй — яй, «пробивали» меня, — попенял я ему.

— Приглядывал, — и не подумал смущаться Певцов. — Ты мне не чужой. Так вот — я рад, что ты нашел себя. Но, согласись, ведь можно заниматься любимым делом и при этом неплохо зарабатывать. Нравится тебе старина? Отлично. Ты знаешь, мой холдинг занимается много чем, среди прочих направлений есть реставрационное. Восстанавливаем храмы, работаем с музеями, с галереями. Да, это не совсем то, что ты делаешь сейчас, но — близко же? Ума и старания тебе не занимать, забирай направление под себя, курируй его, развивай. Уверен, у кого у кого, а у тебя это получится. Начальство не любишь? Так и не надо. Над тобой только я буду, а это считай что никого. Ну и Юльке вместо шалаша более приемлемое жильё перепадет.

— Не бойтесь, что мой отец после этого с вами здороваться перестанет?

— Я, Валерка, уже с полвека как никого не боюсь. А если Толя с годами совсем умом тронулся, так это его проблемы, а не мои. Если ему такой сын не нужен, то я буду очень рад, что он стал моим. Раньше бы предложил, да ждал, пока моя дура окончательно перебесится. Она в мать пошла, у той тоже до четвертака ветер в одном месте посвистывал. Хорошо хоть младшая дочь с головой дружит, а то если бы еще и с ней такие же проблемы были... Ну, что скажешь?

— Ничего, — передернул плечами я. — Что вы ко мне хорошо относитесь, я всегда знал и очень это ценил. И сейчас ценю. А насчет предложений... Дядя Сережа, это все такая тонкая материя, тут так все сложно... Нас с Юлькой женихом и невестой с детского сада дразнят, да и шло уже как — то раз дело к кольцам, но не сложилось. И я не знаю, к худу или все же к добру. И сейчас я ничего не хочу вам на этот счет не то что обещать, но и даже говорить. Но я вас услышал, за это поручусь.

— Хотя бы так, — кивнул Певцов. — И вот еще что. Валерка, ты ее не обижай, ясно? Не знаю, что у вас там происходит, но такой я ее

больше видеть не хочу. Хотя ты мне и как сын, но...

— Она сама себе чего — то напридумывала! — заявил я. — К ней все вопросы.

Мне показалось, или откуда — то ветерок принес слово «скотина»? Откуда — то из — за не до конца прикрытых дверей, ведущих внутрь дома?

Само собой, меня никуда не отпустили. Сначала хотели определить в гостевую спальню на втором этаже, но я выбил себе право ночевать в гостевом домике, находящемся в глубине сада. Если уж тут завяз, так хоть под дубом покопаюсь.

Вот только все мои планы смешала усталость. Хотел дождаться, пока хозяева утомнятся, вроде бы не секундочку прикрыл глаза, и моментально уснул.

Но лучше бы я этого не делал!

Глава 7

Как правило, человек погружается в сон постепенно, он начинает острее реагировать на звуки, потихоньку утрачивая связь с реальностью, мир настоящий и мир видений сливаются для него в одно целое. Впрочем, случается и так, что человек падает в сон как в омут, окунаясь в черноту нереальности. Со мной такое в последний раз происходило, когда Розалия Наумовна после своего отпуска решила нас проучить за безделье, которому мы блаженно предавались все две недели, что она отсутствовала, и устроила учет. Учет в архиве! Думаю, что кто — то там, в аду, наверняка внес данное изобретение в список инновационных попыток. Не может быть, чтобы подобную придумку не оценили.

Кстати, мы потом долго пытались выяснить, кто нас Розалии сдал, явно же без крысы не обошлось. Так и не докопались до истины, хотя было понятно, что она находится где — то рядом. В смысле — рядом с нами.

Так вот — есть ряд чуть более или чуть менее приятных способов перехода от бодрствования ко сну. Но мне сегодня достался такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. С эффектом полного погружения, если таковым можно назвать полуабсурдный кошмар, который накрыл меня сразу же после того, как я закрыл глаза.

Ну а как мне еще расценивать то, что я увидел, а именно рот, полный полусгнивших зубов, и летящую в разные стороны слюну. Почему слюну? Потому что обладатель рта смеялся, и до того жутко, что у меня даже во сне мороз по коже прошел.

Смех закончился, и передо мной заметались шесть горящих фигур, полыхающие как факелы и невероятно страшно при этом кричащие. Их предсмертные вопли сливались воедино с откровенно безумным хохотом, а я силился проснуться — и не мог.

А после — снова смех, правда, теперь он сопровождал другую картину, немногим уступающую предыдущей. Казнь. Если точнее — гильотинирование. Один за другим мужчины и женщины вставали на колени, их шеи фиксировала раздвижная доска, и косое лезвие сверкающим на солнце росчерком подытоживало их жизни. Фонтаны крови, радостный вой горожан, пришедших поглядеть на казнь,

головы, летящие то в корзины, стоящие у помоста, а то и в толпу, на радость последней.

И человек, стоявший недалеко от эшафота, маленький, безликий, смеющийся над происходящим.

Картины сменяли друг друга, но едино было одно — хохот, безумный, истеричный, жуткий хохот.

А потом я увидел его. Перстень. На этот раз он не прятался за пеленой, я наконец — то разглядел его в деталях. Прямоугольный рубин в основании, который поддерживали десять миниатюрных зубчиков, по пять с каждой стороны. Они были словно десять маленьких пальцев, эта ассоциация сразу появилась у меня в голове. Приметил я и рисунок под камнем, на одной из двух сторон перстня — всадник с занесенным над головой мечом.

Что с другой — не увидел. Не успел. Перстень крутанулся, и я словно нырнул в красноту рубина, она захватила меня как болото, накрыв с головой. Мне не хватало воздуха, я не мог дышать, сон совсем уж перестал быть похожим на таковой, и вот тут, на этот раз очень кстати, в это мерзкое густое марево ворвался посторонний звук.

Смартфон. Он выдернул меня из инферно обратно в реальность. Хвала прогрессу и гаджетам!

Весь мокрый, как мышь, и, скорее всего, с выпученными глазами, я нажал на зеленый кругляш с дергающейся трубкой и просипел:

— А?

— Хрен на, — крайне некорректно и очень недовольно отозвался Михеев. — А лучше проси два, мы тебя барабанщиком сделаем. Дрыхнешь?

— Можно и так сказать, — вытер пот со лба я.

— А ничего, что мы здесь за тебя переживаем, прикидываем, как будем гнездо ведьм выжигать каленым железом в отместку за твою героическую гибель, думаем, покупать тебе от отдела венков на похороны или нет? С одной стороны, ты вроде как нормально с нами контактировал, с другой — не настолько хорошо мы тебя и знаем, чтобы подотчетные деньги тратить. Теперь, кстати, точно покупать не будем. Ты слово не держишь, а в наших кругах подобное не приветствуется.

— Какое слово? — чуть ошалело уточнил я.

— Ты обещал позвонить и устроить мне театр у телефона, — напомнил мне оперативник. — Но этого не сделал. Три ночи на часах, если ты не в курсе, и мне остается только гадать — зажарили тебя в печи, тихонько удавили пояском или просто и банально отравили.

— Мне стыдно, — совершенно не кривя душой признался я. — Забыл. Закрутился с разной ерундой и забыл.

— Забыл, — проворчал Михеев. — Спать лечь не забыл, а меня набрать забыл. Валера, так дела не делаются. На первый раз — ладно, проехали. Но после второго такого же больше можешь мне не звонить, трубку не сниму.

Нехорошо получилось. Некрасиво. Впрочем, кто его знает, может, он сам только что обо мне вспомнил, вот и набрал. Хотя это и неважно, так и так я теперь ему обязан. Пусть долг невелик, но он есть, и придется его отдавать. Люди вроде него могут забыть про деньги, но про услуги — никогда, я это наверняка знаю, у меня родитель точно таких же взглядов, как Михеев, придерживается.

Впрочем — черт с ними с обоими. Меня больше напрягает то, что случилось во сне.

Сдается мне, кому — то надоело, что я сижу без дела, отговариваясь тем, что намеки туманны, и не желая по этой причине искать предмет, после чего этот кто — то показал мне все и сразу. Но при этом в качестве платы меня неплохо попугали, причем, надо заметить, весьма успешно. Было правда страшно. Причем природа страха мне была не вполне понятна, а потому вызывала обоснованные подозрения. Что, собственно, я такого увидел? Ну — люди горят. Ну — головы им рубят. Оно, конечно, неприятно, но при этом не слишком ново. В иных сериалах вещи помасштабней можно увидеть, а если смотреть еще и на большом экране, то все подлинные ужасы Французской революции на данном фоне могут показаться несуразной поделкой начинающих клипмейкеров. Кошмары реального прошлого ничто перед бюджетами топовых киностудий. Будущее наступило, ничего не поделаешь, и теперь мастера спецэффектов и массовых сцен решают, как на самом деле выглядела история человечества.

А самое забавное, что я готов сразу платить такую цену. Лучше один раз побояться, но зато на этом неделю сэкономить. Сейчас время еще есть, но совсем скоро я буду готов платить за лишний день золотом. Чую, так и случится.

Я подошел к небольшому столику, который имелся в гостевом домике, зажег лампу, залез в ящик, где предсказуемо обнаружили бумага и письменные принадлежности. Дядя Сережа рационален до мозга костей, потому приготовил здесь все, что может понадобится его гостям, среди которых встречаются и такие, что до сих пор предпочитают ноутбуку бумагу и ручку.

Все же хорошо, что мама научила меня рисовать. Без этого мне сейчас жилось бы куда сложнее, пришлось бы либо художника где — то искать, который изобразит все, что я ему скажу, либо высылать моим новым партнерам каляки — маляки, которые здорово затруднят поиски предмета.

Ну и здорово, что тут писчие принадлежности есть. Зарисовывать надо сразу, пока перстень перед глазами стоит, уже через час начнут теряться мелкие детали, а к утру возникнут сомнения почти по каждому пункту. Есть везунчики, у которых память работает по принципу «раз увидел, на всю жизнь запомнил», но я не из них.

Минут через десять я закончил рисунок и остался очень доволен полученным результатом. Нет, правда получилось здорово, подобную работу даже маме можно показать. Не халтура однозначно!

Сложив лист с рисунком, я убрал его в карман джинсов, а после покинул гостевой домик, выйдя на улицу. Собственно, если снова сон не тянет, то не заняться ли делом? В конце концов, темнота теперь мое время, если верить новым приятелям.

Лето достигло своего апогея, потому ночи потихоньку начинали становиться длиннее, закончился тот период, когда зори целуются. Впрочем, луна нынче была достаточно яркая, потому никаких сложностей в том, чтобы достать лопату из домика с инвентарем, у меня не возникло. По поводу охраны я не беспокоился совершенно, даже если она и заметит мои передвижения по прилегающей к дому территории, то мешать точно не станет. Мало ли какие причуды могут возникнуть у гостей? Может, я принципиально большую нужду только на свежем воздухе справляю? Опять же, не исключен тот факт, что я снова решил посетить комнату хозяйской дочери. В такие вопросы они сроду не полезут, потому что их дело обеспечение безопасности, а не контроль за нравственной чистотой Юлии Сергеевны.

Клад учуял меня издали, он снова заныл и запричитал. Как видно, здорово надоело ему лежать под дубом, забытым теми, кто его

туда определил. Вообще — интересно все это. В том смысле — у каждой захоронки свой характер, своя суть, своя судьба. Можно сказать, что клады почти как люди. Какие — то из них властные и злые, какие — то глупые и трусливые, некоторые и вовсе не знают, зачем существуют, потому стремятся побыстрее раствориться в небытии. И формируются эти характеры, как и у нас, под воздействием разных обстоятельств. Первые кирпичики в них закладывают те, кто делают клад кладом. Возьмем ту же призрачную лошадь. Злато — серебро, что она стерегла, было добыто разбоем, в землю его определил грабитель с большой дороги, да еще и на смерть заклил. Само собой, ничего доброго ожидать не стоило, очень уж все густо на крови было замешано. Ну и время внесло свою лепту, злоба золота с его течением только крепчала.

А вот если вспомнить банку с копейками, что я взял в кустах смородины — там совсем другое дело. Зарыто шутки ради, да еще и детьми безвинными. Откуда тут ненависти взяться? Впрочем, у того клада и души, по сути, не имелось. Так, иллюзия.

Ну а под корнями дуба обитает какая — то плакса. Если честно — теряюсь в догадках, кто и что там мог спрятать. Склоняюсь к мысли, что речь идет о чьей — то старой заначке, вроде той, что мне досталась в заброшенной деревне. Нет, там мужичок тоже с кистенем походил по темным дорогам, но крови на тех деньгах, похоже, не было, и кладу просто хотелось наконец увидеть свет.

Густая лиственная крона дерева скрыла от меня мертвенный блеск Луны, но клад, учувший меня, сам обеспечил подсветку в виде легкого сияния в том месте, где он лежал. Было в этом что — то компьютерно — мультипликационное, но я был рад подобному обстоятельству просто потому, что не надо ломать голову, где именно копать. Все же чужая земля, не стоит сбрасывать со счетов этот факт. Пять — шесть ям запросто не спрячешь, особенно если учесть, что траву здесь регулярно подстригают. Гадать, кто их выкопал, тоже особо не придется, вряд ли тетя Жанна или Юлька станут так развлекаться. И начнутся ненужные вопросы — зачем я землю рыл, с какой целью? А где вопросы, там и выводы. Дядя Сережа ко мне, конечно, относится хорошо, но...

Я очень аккуратно подрубил дерн, так, чтобы потом вернуть его на то же место, теперь бы еще землей вокруг не сильно насвинячить.

Понятно, что все следы не скроешь, но я постараюсь.

— Рядом! — ныл клад на одной ноте. — Рядом я, Хранитель, еще чуть — чуть!

И он не соврал, не так глубоко он был припрятан. Скорее — надежно. Тот, кто когда — то прятал здесь свое добро, подошел к данному вопросу достаточно обстоятельно, он засунул не слишком большую и продолговатую коробку под два сплетенных корня дуба. Если бы дерево выкорчевывали, нашли бы закладку непременно, но во всех остальных случаях — вряд ли.

Впрочем — не удивлен. Тот человек, который когда — то копал землю на том месте, где сейчас стоял я, не был похож на простака. Шинель со споротыми погонами, хромовые сапоги, усталое, но при этом недоброе лицо. Даже, пожалуй, ожесточенное. Офицер времен октябрьского переворота, к гадалке не ходи. Не иначе как уносил ноги от революционно настроенных масс куда — нибудь в район Дона, к Краснову или Саблину, а перед этим припрятал семейные реликвии. И копает ночью, вроде как я.

Короткая история спрятанного под дубом сокровища мелькнула и исчезла перед глазами.

— Отпусти! — взвизгнул клад, коробка дернулась в руках, внутри нее что — то гроыхнуло. — Добро — тебе, а мне — свободу!

— Да вали, — покладисто согласился я, стряхивая с крышки коробки землю. — Не держу. Свободен.

Клад радостно хихикнул, стал кучкой искр и яркой свечой усвистал в ночное небо. Вот ведь. Надо было его заставить мне немного подсветить, пока я привожу тут все в порядок. А почему нет? Вправду мог бы еще на пару минут задержаться, оказать услугу.

Впрочем, я и так неплохо справился. Без суеты и спешки переместил землю обратно в небольшую ямку, закрыл ее дерном, после чего осмотрел место работ при помощи фонарика, встроенного в смартфон, и остался доволен результатом. Специально тут рыскать никто не станет, а случайный человек, скорее всего, ничего не заметит. Нет, земля, конечно же, осталась, не без того, но, если не ошибаюсь, вон там поливная система стоит, которую утром включают, полагаю, что она более — менее следы моих работ смоеет уже через несколько часов.

Мне очень хотелось поскорее вскрыть найденную коробку, но я все же довел дело до конца, то есть тщательно обтер лопату от земли и вернул ее на место. Палятся всегда на мелочах, что — что, а это я наверняка знаю.

Но внутри, что скрывать, все зудело от любопытства. Нет, мне правда интересно было, что громыхает в коробке, причем двигала мной далеко не алчность. Странно, но размышления о некоей выгоде, которую я могу извлечь из данной находки, вообще практически отсутствовали. Зато материальность ушедшего времени, которую я ощущал в своей руке, прямо — таки кружила голову. Предметов внутри несколько, это точно, по звукам определить можно. Но что это? Разумнее всего предположить, что там ценности, которые буржуазия утаила от пролетариата. Если этот офицер намылился к Каледину или Деникину, то ему предстояло пересечь чуть ли не пол — России, объятой революционным пламенем на пару с сыпным тифом, и тащить фамильное добро с собой было глупостью несусветной. Тем более что помимо солдатиков и морячков, выступавших за красную власть, потрянуть бывший правящий класс были не против разномастные батьки, атаманы, и просто бандиты, не относящиеся к каким — либо политическим цветам и течениям. А еще в ту пору чудили развеселые анархисты, которые не признавали любую власть, но не отрицали пользу золота. Я читал, что они офицеров очень сильно не любили, потому пускали их в «расход» с особым удовольствием.

Коробка, кстати, тоже оказалась любопытная, я даже решил ее оставить себе. Никогда ничего подобного в руках не держал. Когда — то в ней находилась соломка. Нет, не та, которую любят кушать лошадки, а кондитерское изделие. Никогда бы не подумал, что ее делали и до революции, однако же вот тому прямое подтверждение — жестяная коробка, на которой так и написано — «Соломка». И выпускала ее «Паровая фабрика товарищества А. И. Абрикосова и сыновей», находящаяся «въ г. Москвѣ». Причем сдается мне, что данная коробка стоит не так уж и дешево сама по себе как отдельный предмет. А почему нет? Даже после века, проведенного в земле, выглядела она вполне презентабельно, на ней до сих пор можно различить красивый узор а — ля шкатулка и картинку с двуглавым орлом. Мало того — замочки, скрепляющие крышку с основной емкостью, даже толком не проржавели. Нет, положительно раньше

такие вещи делать умели! А в Москве каких только чудаков нет, и они чего только не коллекционируют.

Правда, открываться вот так сходу она не пожелала, края все же схватились накрепко, пришлось немного поорудовать ножом, постучать, поковырять. Но, с другой стороны, в этом тоже имелась своя прелесть. Отсрочка момента некоего открытия иногда бывает приятнее, чем само открытие.

Первое, что я увидел, откинув крышку, была тряпка, покрытая темными пятнами, в нее было замотано что — то массивное. Что именно, я догадался еще до того, как снял с предмета тряпицу, тут не надо иметь семи пядей во лбу.

И — да, это оказался пистолет. Вернее — револьвер системы «наган». Ничего удивительного в этом нет, на тот момент истории, к которому относится данная захоронка, более популярной модели короткоствола на территории России не было. Кольты массово появились чуть позже, лепаржи давным — давно отошли в прошлое, браунинги числились дамским оружием, а маузеры были наперечет, потому выдавались только чекистам в комплекте с холодной головой, чистыми руками и горячим сердцем. Ну и комиссарам, на пару с кожаной курткой и такой же кепкой.

Я с наганами до сегодняшнего дня не сталкивался, как — то не сложилось. Положительно приятная на ощупь штука, удобно лежащая в руке. И, что примечательно, неплохо сохранившаяся. Темные пятна на тряпке — несомненно остатки смазки, она давным — давно высохла, но все же защитила оружие от времени. Курок, который я взвел, щелкнул, говоря о том, что механизм исправен. Сдается мне, что если его почистить и смазать, то он будет работать как новенький.

Я аккуратно вернул курок в предыдущее состояние, откинул боковую защелку и достал из барабана один патрон. Латунь гильзы от времени потемнела, но головка пули поблескивала весьма многообещающе.

Интересно, а можно добыть сейчас где — нибудь патроны для нагана? Какой у них калибр, любопытно?

Нет, положительно, это приобретение приятней любых перстней и браслетов. Вещь! Кстати — тут и клеймо есть, вот оно рядом с накладной «щечкой» рукояти. «Тульскій импер. Петра Велик. оруж. завод 1913».

Хоть пой, хоть пляши, но усматривается в этом некая рука судьбы. И это я с самим собой не юлю, так оно и есть на самом деле. Подобные вещи так просто с неба не валятся, особенно с учетом того, что вокруг меня последнее время творится. Само собой, выкидывать я это творение тульских оружейников не стану и сдавать куда следует тоже не буду. Но бумажку о том, что данный ствол мной найден на улице и в настоящий момент я несу его в компетентные органы, напишу сразу после того как гляну, что там, в коробке, на втором слое, еще есть.

Про второй слой — это не для красного словца сказано. Тряпка с наганом располагалась на тонкой жестяной подложке, то ли изначально встроенной в коробку, то ли положенной давно умершим офицером для того, чтобы смазка не испачкала прочее содержимое. Под подложкой обнаружили пачка писем, перевязанных кокетливой розовой ленточкой, и два небольших продолговатых свертка, обернутые в плотную желтую вощеную бумагу. Более всего к ним подходило уютное и аппетитное слово «колбаски».

Не угадал я. Вернее — угадал, но отчасти. Если и были у этого человека какие фамильные ценности, так он их с собой унес. Или как раз обменял на то, что находится в бумаге.

Я развернул одну из «колбасок» и убедился в том, что прав. Золото. Если точнее — золотые «николаевские» червонцы, о которых я столько слышал от Сивого в те недавние тихие и спокойные времена, когда мы обследовали заброшенную деревню.

Штука в том, что золото поисковикам попадает не так часто, как им того хотелось бы, это редкий гость в «хабаре». Нет, иногда удача улыбается упорным, и презренный металл становится добычей, но ключевое слово тут «иногда». К тому же почти всегда это золото не сильно высокой пробы — дешевые сережки, колечки, цепочки, да еще и, как правило, не сильно старинные.

Ну а если говорить о золотых монетах, то они почти всегда существуют только в байках из серии: «Он копнул, а там — червонцы!». Откуда им взяться, червонцам, в заброшенных деревнях и на распаханых полях? Проще говоря — в тех местах, где всегда главными деньгами являлась медь?

Но чудеса случаются. Сивому, например, один раз удача все же улыбнулась, взял он с «копа» золотого «николашку». Монета была

неказистой, с засечками, с парой вмятин, но зато — подлинная. И это стало предметом его особой гордости.

Ох, сколько он мне всего про эти «десятки» рассказал! И про «импералы», которые котируются куда выше, чем их преемники, и про то, какой год сколько стоит, и про поздние подделки, которые, оказывается, тоже имеют свою ценовую градацию, и про финское «золото», которое даже рублем не называлось, а носило имя «марккаа». Последнее, кстати, до Николая Второго начали чеканить, еще при его папаше.

А красивые монетки, хоть и не такие большие, как мне о них думалось. Скорее, даже маленькие. И все, что примечательно, одного года — 1903. Убей не вспомню, он дорогой или нет? Да и какая разница? Я их продавать не планирую. Определю в банковскую ячейку, пусть пока там полежат.

Ну и последнее — письма. Вообще чужую переписку читать неправильно и нехорошо, но, с другой стороны, — интересно ведь? Да и обижаться некому, поскольку и тот, кто писал, и тот, кому писали, давным — давно мертвы.

Вернее — та. Та, которая писала. Получателем был офицер, а автором писем — его невеста, которая, возможно, так и не успела стать женой.

«Милый Володичка, когда вы уехали, мне показалось, что небо стало другим. До того я видела в нем синеву, а теперь оно закрыто грозowymi тучами даже тогда, когда светит солнце».

«Милый Володичка, я получила ваше письмо, вы просите меня не ходить в госпиталь с остальными. Я знаю, вы жалеете меня, вы не желаете, чтобы я видела кровь и боль. Но они часть нашего времени, а его надо принимать таким, какое оно есть».

«Володичка, вы не пишете мне уже три месяца. Я не нахожу себе места, не знаю, как перестать думать о том, что вы, быть может, ранены, или того хуже... Нет, нет, я фантастически глупа, как частенько говорит моя сестра. И думаю глупости, и пишу их».

Значит, его звали Владимир. А как звали ее — понятия не имею, она не подписала ни одного письма. Везде только «навек ваша А». Анна? Александра? Анастасия? Вариантов масса, и какой из них верный, теперь не узнаешь.

И письма только ее, ни одного ответа, из чего можно сделать вывод, что конкретно здесь таинственная «А» не обитала. Возможно, в этих местах жили родители Владимира, и он приезжал к ним? Потом события приняли не самый лучший для него поворот, и пришлось бывшему офицеру спешно уносить ноги из стремительно покрасневшей от флагов и лозунгов Москвы, оставив все ценное здесь.

Жалко все же, что фамилий нет. Хотя даже зная их, вероятность узнать о том, что же произошло с этой парой, минимальна. Ну а если уйти в область предположений, то, вероятнее всего, ничего хорошего их не ждало. Если даже Володичка и добрался до мест, где набирало силу белое движение, то с огромной долей вероятности он мог сложить голову в сумасшедших по жестокости сражениях Гражданской войны. Я видел его лицо, этот человек был не трус, такой не побежит. Может, он сложил голову где — то под Каховкой, на Перекопе или вовсе в Сибири. Тогда воевали по всей России, так что выбор мест, где данный господин мог найти свою гибель, крайне велик. Нет, имеется мизерный шанс на то, что он успел взойти на борт одного из пароходов, которые вывозили из Крыма остатки белой гвардии, но они невелики, один к десяти. Скорее, поверю в то, что он там, в Крыму, и остался, скошенный пулеметной очередью на одном из приморских обрывов, в компании с себе подобными. Красным не нужна была потенциальная угроза в виде большого количества людей, которые умеют воевать и очень не любят новую власть, потому судьба попавших в их руки офицеров была предрешена заранее. Опять же — пленных надо кормить, что напрасная трата провианта, которого и так тогда не хватало. Надо отметить, что большевики вообще подобные вопросы решали быстро, практично, не боясь испачкать руки, потому, скорее всего, тогда и победили. В гражданской войне верх одерживает не тот, кто лучше владеет стратегией и тактикой, а тот, кто меньше крови боится, причем как чужой, так и своей собственной. Красные убивали и умирали с одинаковым энтузиазмом, потому и взяли верх.

В любом случае, в Москву и ее окрестности Володичка не возвращался, это точно.

Да и у его любимой А. судьба тоже вряд ли сложилась счастливо. Если она уцелела в голоде, холоде и разгуле преступности в первые годы советской власти, то почти наверняка ее «прибрали» в середине — конце тридцатых, она наверняка ведь была из дворян. Ну а после

закрутила ее судьба по пересылкам, которых на северах было видимо — невидимо, упокоив в результате в неизвестной могиле где — нибудь в Дальлаге. Впрочем, есть и другое развитие сюжета, более простое и менее романтическое, то, которое ведет в Коммунарку или в Бутово. Там таких, как она, немало лежит. И я не берусь судить, какой из данных вариантов хуже, какой лучше.

Короче — в какой — то момент я понял, что не стоит дальше читать письма давно умершей девушки к мертвому жениху. Ни к чему это. Это только их история любви, и моему любопытству в ней не место. Я не самая высокодуховная личность и не моралист, но есть границы, которые не стоит переступать.

Более того — я убрал письма обратно в коробку, тяжело вздохнул и отправился по новой за лопатой. Золото и наган оставлю себе, а остальное пусть лежит, где лежало. Так оно правильнее будет.

Ночные раскопки наложились на усталость, потому я снова провалился в сон, как в омут, на этот раз, правда, кошмары меня уже не донимали. Больше скажу — спалось настолько сладко и крепко, что Юльке пришлось меня несколько минут трясти, прежде чем я соизволил открыть глаза.

— У тебя совесть есть? — осведомилась она у меня, убедившись в том, что я ее слышу. — Или нет?

— Нет, — промычал я, потирая глаза. — С пятого класса. Мы тогда с Сивым махнулись, я ему совесть отдал, а он мне флешку в виде символа Альянса из «Варкрафта». Козырная штука, коллекционная.

— Чего? — вытаращила глаза Юлька.

— Альянс рулит, — зевнув, потянулся я. — Или ты против? Тебе Орда милее?

— Вот хочется какую — то гадость тебе сказать, а в голову ничего не идет, — пожаловалась мне девушка. — Просто очень трудно переплюнуть тот бред, который ты сейчас несешь. Лучше скажи мне — ты чего тут спал? Я тебя полночи ждала, скотину такую.

— Не поверишь, занимался тем же самым, — рассмеялся я. — Пока не заснул. Подумал, что ты непременно поддашься романтическим позывам своей души, неслышной тенью выскользнешь в сад из — под родительского крова, дабы, презрев условности и возможное непонимание близких, слиться со мной...

— А — а — а — а — а, заткнись уже, Швецов! — Юлька приложила ладони к вискам. — От твоего феерического бреда у меня сейчас мозги через уши вытекут! Лучше умывайся и ступай завтракать, отец через полчаса отбывает на работу, ты можешь упасть ему на хвост. До дома он тебя, понятное дело не повезет, но до Таганской площади подбросит.

— Как трогательно, — смахнул я несуществующую слезинку с глаз. — В моих планах значился вызов такси, но раз так все повернулось — почему бы и нет?

— Кто из нас двоих бюджетник? — чуть иронично осведомилась у меня Певцова. — У кого каждая копейка на счету? Сам же жаловался.

Не припоминаю ничего такого, но и ладно. Тем более что Таганская площадь меня вполне устраивает, оттуда пешком можно добраться до дома. В метро мне соваться никак нельзя, там рамки металлоискателей, которые мои новые приобретения мигом срисуют.

Что хорошо — Юлька вскоре покинула гостевой домик, сочтя свою миссию выполненной, и мне не пришлось думать, как бы засунуть наган за пояс так, чтобы она не увидела. Кстати — врут фильмы, очень его неудобно подобным образом носить, барабан в спину упирается просто бесчеловечно. При ходьбе еще туда — сюда, но если ты присядешь, или, не дай бог, откинешься на спинку стула, то невероятно приятные ощущения тебе гарантированы. И это еще не все. Все время кажется, что он вот — вот упадет на пол.

Чего я рюкзак с собой не взял? Надо было.

Короче — когда я наконец оказался дома, и выложил свое новое приобретение на обеденный стол, то вздохнул с невероятным облегчением. Впрочем, этот вздох относился и к тому, что дядя Сережа против моих ожиданий не стал по новой заводить вчерашнюю пластинку. Он вообще всю дорогу какие — то бумаги изучал, чем меня крайне порадовал. Сказать мне ему было нечего, а расстраивать не хотелось.

Юлька славная. Да, шептунья, временами безбашенная, иногда вредная, даже неврастеничная, но очень хорошая. Потому я и не желаю ничего менять, пусть все идет, как идет. Меня нынешнее положение вещей вполне устраивает. И потом — осень близко, а там как Полоз управит. Может получится так, что я из леса в останний змеиный день вовсе не вернусь, и мои кости растащат по норам кроты.

Я на всякий случай глянул в сети информацию по сборке — разборке нагана, отыскал в чулане немного ветоши да масленку и было собрался заняться техническим обслуживанием попавшего в мою собственность револьвера, как зазвонил смартфон.

Снова, выходит, я кому — то понадобился. Востребованность — это приятно, конечно, есть повод не считать себя лишним человеком. Но так утомительно....

Глава 8

— До меня донеслись интересные новости, — тоном доброго дедушки проворковал в трубку Шлюндт. — По их поводу, Валера, я и хотел бы с тобой потолковать.

Интересно, какие именно новости он имеет в виду? Просто ассортимент тем для разговора изрядно велик, от гибели его подручных до моей ночной находки. Ну а что? Карл Августович сильно непрост, не удивлюсь, что он и про это уже в курсе. Хотя если последнее на самом деле окажется правдой, мне будет о чем всерьез задуматься.

А вообще — глицин попить, что ли? Самое важное — то я и не сделал. Письмо с рисунком перстня не разослал заинтересованным лицам! Именно это надо было сделать сразу же после того, как я в квартиру вошел, а не оружием заниматься. Оно никуда не убежит, в отличие от бесследно исчезающих в Великом Ничто минут.

— Ну не знаю. — Я показательно зевнул. — При всем уважении, может, на потом эту беседу перенесем? Просто я дома не ночевал, да и ночь толком не спал. Вот хотел сейчас письмо написать, вам и другим моим деловым партнерам разослать, да на боковую отправиться.

— Понимаю, понимаю, дело молодое. — Голос антиквара неуловимо изменился. — Значит — письмо? Увидел ты таки тот предмет, что тебе нужен? И что это, что?

— Карл Августович, — максимально задушевно произнес я. — Вы за это время, пусть и недолгое, стали для меня близким человеком. Поверьте, данное словосочетание отлично передает мое к вам отношение. И в другой ситуации я обязательно сразу бы сказал, что именно мне нужно на этот раз. Но, во — первых, я всегда держу свое слово, и исполняю условия заключенных договоров буквально, есть у меня такой пунктик. Во — вторых, если наши партнеры пронюхают, что я развязал язык, то непременно выкатят претензию по поводу того, что я поставил их в менее выгодное положение. Они начнут нудить, я психовать, слово за слово, хреном по столу, и в итоге я кого —нибудь из них убью. Я все же из миллениалов, у нас психика расшатана телевидением, интернетом и курительными смесями, мы жутко нестабильны, а потому время от времени беспричинно агрессивны.

Вот оно нам всем надо? Так что подождите недолго, скоро пришло и письмо, и рисунок.

— А я тем временем закажу столик в «Ле Карре», — подытожил антиквар. — Чудное местечко с очень приличной кухней, и от тебя недалеко находится. И не спорь!

Опять куда — то ехать в эту жару. Опять вести разговоры со вторым и третьим дном, смысл которых всегда сводится к одному и тому же. Черт, как хочется уже выйти на работу! Или уехать куда подальше. Начинаю понимать своих коллег из других стран, подобная назойливость кого хочешь допечет.

Интересно, а Шлюнтда пуля берет? Нет, не в том смысле, что я хочу его убить, а в принципе?

Мне почему — то кажется, что обычная — нет. Он не вурдалак, понятное дело, но... Не совсем человек, как мне кажется. Скорее, что — то промежуточное, название чему я пока не ведаю. Одно понятно — те же вурдалаки по сравнению с ним милые и безобидные тварюшки.

— Валера, ты тут?

— Здесь, — подтвердил я. — Хорошо, адрес мне скажите. Ну или в «вотсап» скиньте.

— Я даже слова такого не знаю, — рассмеялся антиквар. — Запоминай так, без этих новомодных штучек, тренируй память. Через пару часов там встретимся, обо всем сразу и пообщаемся.

Отправку письма в дальний ящик я откладывать не стал. При помощи планшета отсканировал рисунок, набросал коротенький текст в стиле «вот вам загадка, тот, кто первым назовет отгадку, тот и молодец». Единственное, попросил каждого из них прислать мне подтверждение того, что письмо получено. А то знаю я эти штучки, начнется потом: «я не получал, ничего не было», и так далее. Нет, галочку «сообщить о получении» я тоже поставил, но это все не то.

Что примечательно — в течение ближайших пятнадцати минут ответили все. То ли сидели и ждали весточки от меня, то ли это просто совпадение — не знаю. Но никто не написал о том, что перстень с рисунка им знаком. Плохо.

Размышляя на эту тему, я закончил чистку револьвера, снова его собрал, вставил патроны в барабан и начал его проворачивать, с удовольствием слушая легкие щелчки.

Вещь. Вот — вещь. Больше ста лет этой игрушечке, а она как новенькая. Все — таки умели раньше делать оружие, умели. И что бы там злопыхатели ни говорили, не просто так именно «наган» почти полвека с вооружения армии не снимали. Да и после войны, насколько я знаю, часть силовых ведомств именно с ними предпочитало дело иметь.

Правда, в дне сегодняшнем патроны к нему будет раздобыть непросто, это факт. А надо. И запас нужен, и все — таки есть у меня сомнения по поводу тех боеприпасов, что сейчас в барабане находятся. Боюсь, они безопаснее хлопушек будут. Придется — таки Гаврошу звонить, хоть и не хотелось, у него всегда все есть.

Все же большую власть над сердцем мужчины имеет оружие. Великую, я бы сказал. И ощущения от того, что этот пистолет или нож теперь твой, не менее острые, чем от первого обладания женщиной, благосклонности которой ты давно добивался. Сказано коряво, но представители сильного пола меня поймут.

Шлюндт, который, похоже, пришел в ресторан куда раньше назначенного времени, сразу заметил мое приподнятое настроение, и оно, похоже, его изрядно насторожило.

— Валерий, вижу, ты сегодня прямо светишься от счастья, — осторожно заметил он после того, как мы обменялись рукопожатиями. — Был бы рад подумать, что данные эмоции у тебя вызвала наша встреча, но отчего — то мне кажется, что это не так.

— Отчего же? — доброжелательно возразил ему я. — Мне всегда радостно с вами видеться. Вы много знаете, вы великолепный собеседник и сотрапезник, в наше время это все большая редкость. Мой родитель, помнится, не раз печалился о том, что высокое искусство правильной застольной беседы совсем скоро уйдет в прошлое.

— Достойнейший человек, судя по всему, твой батюшка, — отсалютовал мне бокалом с минералкой антиквар. — Хотя, по моему скромному мнению, «table talk», уж прости за англицизм, это не просто искусство. Это пласт культуры, со своими традициями и историей. И да, он почти забыт. Застолье вытеснил фаст — фуд, застольные беседы — социальные сети. Впрочем, данная тема — повод для отдельного обсуждения, а я тебя пригласил сюда с другими целями.

К нашему столику подошла официантка и протянула мне толстую коричневую папку — меню, открыв которую, я сразу испытал всплеск ностальгии. Во времена моего взросления в тренд вошли деловые встречи нового формата, на них переговаривающиеся стороны встречались не в офисах, а в ресторанах высокой кухни, причем с женами и детьми, видимо, для того чтобы показать друг другу, что не бизнес для них главное, а семейные ценности. Продлилось это недолго, вскоре все вернулось на круги своя, и деловые люди переместились обратно в переговорные залы бизнес — центров, подальше от лишних ушей и кулинарных изысков и поближе к «заглушкам», гарантирующим сохранность информации. Но года два меня добросовестно таскали по подобным местам, вбив в подкорку ненависть к странным названиям в меню, по которым никогда не поймешь, что за ними спрятано. Как — то раз, помню, увидел вроде бы знакомое слово «буррид». Естественно, подумал, что это эстетская версия хорошо знакомого мне «буррито», порадовался, и в результате получил тарелку очень перченого и жутко начесноченного рыбного супа, да еще и с майонезом. Съел, разумеется, куда деваться, но с тех пор с большим недоверием отношусь ко всем этим «ремуладам», «потофё» и «тимбалям». Тем более что я все равно толком не запомнил, что из этого есть что, кроме, пожалуй, десертных блюд. Эклер — он и в Африке эклер. Ну и выучил еще, что такое крутон.

— Предоставляю выбор вам, Карл Августович, — положил я меню на стол. — Полностью доверяю вашему вкусу.

— Почему нет? — Антиквар сплел пальцы обеих рук в «замок», а после забавно ими пошевелил. — Думаю, наш гастрономический тур мы начнем с террина, мне рассказывали, что здесь он особенно хорош. После, пожалуй, мы порадуем себя турнедо из говядины с...

Под конец заказа Шлюндт окончательно сошел на французский, при этом я, хоть и знал этот язык относительно неплохо, половину из сказанного им не понял, в отличие от официантки.

— Думаю, нам будет вкусно, — сообщил он мне, когда симпатичная барышня отошла от стола. — Ну а пока мы ждем закуски, полагаю, можно кое — что обсудить. Кое — что важное для нас обоих.

— Вы насчет перстня? — уточнил я. — Ну того, что на рисунке?

— Перстень? — поднял брови вверх антиквар. — Нет — нет, эта тема как раз терпит. Речь о другом. Знаешь, Валерий, я очень сильно не

люблю лезть в чужие дела. По ряду обстоятельств не люблю. Во — первых, потому что это неэтично. Во — вторых — вредно для репутации. И в — третьих — подобное вмешательство может оказаться небезопасным. Когда я был помоложе и поглупее, пару раз довелось мне сунуть нос туда, куда не следовало, и последствия не заставили себя долго ждать. То, что я тогда уцелел, до сих пор мне кажется чудом. С тех пор я не гневлю Судьбу, поставив себе за принцип простое правило — каждый сам для себя определяет свой жизненный путь, мне до других дела нет. Ну если только человек сам не спросит у меня совета, или его интересы с моими не пересекутся.

— Правильный принцип, — одобрил я. — Сам приблизительно по такому же живу.

— Но иногда карты ложатся таким образом, что мне приходится от него отступать, — печально закончил Карл Августович. — В твоём случае исключительно из личной симпатии. Ты юн и многого не понимаешь, мой дружеский долг донести до тебя кое — какие свои соображения. Ведь я же могу считать тебя своим другом?

Русоволосая официантка, которая в этот момент приблизилась к столику с приборами в руках, услышала последние слова и чуть поморщилась, глядя на нас. Сдается мне, она сделала маленько не те выводы, которые следует.

— Ну конечно же, — с придыханием произнес я, не удержавшись, и подпер голову, рукой, положив два пальца на щеку. — Это не подлежит никаким сомнениям, как мной и было сказано сегодня.

Антиквар все понял, уголки его губ тронула улыбка.

— Может, все же вина, мой юный друг? — чуть грассируя, произнес он. — Красного. Как кровь! Как страсть!

Девушка чуть покраснела, и поспешно удалилась.

— Наверное, сюда я больше заглядывать не буду, — сообщил я антиквару, сдерживая смех. — Но получилось забавно.

— Хорошая шутка всегда к месту, даже если она двусмысленна, — отозвался Шлюндт, разворачивая салфетку. — Так вот, что я хотел сказать. Валерий, зря ты нанес визит Марфе, и этот поступок не слишком разумен.

— Карл Августович, неужто вы за мной следите? — немного показушно расстроился я. — Вот бы не подумал!

— Не за тобой, — покачал головой старик. — За Марфой. И не слежу, а приглядываю, это разные вещи. Просто мне очень не нравятся те знаки, которые в последнее время я вижу вокруг себя, они меня тревожат. А своим инстинктам я привык доверять.

— Знаки? — переспросил я.

— Этот мир не только очевиден, но еще и невероятен. — Карл Августович откинулся на спинку стула. — Просто подавляющее большинство живущих предпочитает видеть то, что насквозь реально, то, что можно потрогать, попробовать на вкус, положить в карман. Их можно понять, они стоят обеими ногами на Земле и предпочитают доверять своим органам чувств. Более того — они даже не задумываются о том, что есть другие материи, которые неосвязаемы хотя бы потому, что и сами по себе прекрасно существуют. Но эти материи — есть, и время от времени они подают знаки тем, кто хочет и может данные послания видеть. Не всегда получается их понять, это да, но с этим ничего не поделаешь.

— А как они выглядят, эти знаки? — заинтересовался я. — Просто я, скорее всего, из большинства. По крайней мере — был.

— Чаще всего для подобного люди используют слово «совпадения», — ответил мне антиквар. — Так им проще. Не нужно искать глубинную связь между несколькими событиями, почти не связанными между собой, голову напрягать не надо, о плохом думать. Легче сказать: «ну надо же, как все сразу навалилось». А ничего не навалилось, на самом — то деле. Просто Судьба связала несколько нитей в один узелок, и теперь только от тебя зависит, что с ним станет дальше, развяжется он сам или будет разрезан ножницами норны вместе с твоей жизнью. Не бывает в жизни совпадений, Валера, все творящееся вокруг любого из нас есть последствия ранее случившегося, и предтечи того, что еще не свершилось.

— А мы с Марфой тут при чем? — поинтересовался я. — Знаки — то вокруг вас, а не вокруг меня.

— Вокруг тебя вообще хаос творится, — отмахнулся старичок. — Там и без знаков все понятно. Но я был удивлен, когда узнал, что ты вот так запросто к ней на чайк наведалься. Даже было начал строить какую — то теорию заговора, но после понял — не в твоём случае.

— Чересчур глуп? — даже как — то обиделся я.

— Чересчур непредусмотрителен, — покачал головой Шлюндт. — И слишком нелюбопытен. Ты как ничего не знал о своем новом мире, так толком ничего и не знаешь, при этом принимаешь серьезные решения и наносишь визиты персонам, в нем много из себя представляющим. Я не склонен считать тебя глупцом, но иногда ты меня удивляешь. Знаешь, с чего тебе следовало начать наше знакомство?

— С чего?

— Усадить меня за стол и вытрясти столько знаний, сколько возможно. А потом еще столько же. А ты вместо этого спишь с ведьмой, водишь дружбу с гончими из Отдела и заключаешь сделки с вурдалаками.

Наверное, в чем — то он прав. Но вот какая штука — о чем — то подобном я думал, а после отказался от этой идеи. Просто потому, что он покажет мне правду такой, какой она выгодна именно ему.

— Валерий, Марфа — не лучший собеседник вообще, — продолжал тем временем разливать соловьем антиквар. — А в твоём случае... О, а вот и закуска. Все, настало время еды. Признаюсь — люблю французскую кухню. Она не столь сытная, как русская или немецкая, не столь острая, как итальянская, но есть в ней что — то особенное, из — за чего ее ни с чем не спутаешь.

Наша беседа возобновилась только минут через сорок, когда подали кофе со сложносочиненными десертами.

— Так вот. — Карл Августович зачерпнул и отправил в рот ложечку теста, пропитанного... Не знаю точно, но чем — то сладким и пахучим. — Вкусно. Очень вкусно. Так вот, мой юный друг, что я хочу у тебя спросить, — как ты станешь выпутываться из сложившейся ситуации?

— Вы всё вокруг да около ходите, — не выдержал я. — Скажите прямо — в чем моя ошибка? Ну сходил к тетке — ведьме. Посидел у нее, попил чайку, ватрушек покушал. И что?

— Ничего, — отпил кофе антиквар. — Если не считать того, что три месяца назад ведьмы этого ковена пятерых вурдалаков из семьи Арвида уходили. Насмерть. Причины мне неизвестны, но скандал был немалый, с большим трудом удалось избежать кровопролития. И тут ты, который только — только заключил с Ленцем договор, и на

которого тот возлагает определенные надежды, раз — и напрямиком к его первейшему врагу в дом идешь. Причем не тайком, а в открытую.

— Их проблемы — это их проблемы, — передернул плечами я, причем на этот раз ни капли не играя. — Пусть себе думают, что хотят. Мне плевать.

— Арвид не Михаил, — погрозил мне ложечкой Шлюндт. — Он импульсивен и жесток, кто знает, как далеко его могут завести подобные качества?

— Не страшно, — покачал головой я. — И потом — он знает, что в моем существовании заинтересованы, например, вы. И Отдел. Импульс — импульсом, но он же не совсем идиот? Так что, думаю, этот вопрос мы с вами разрешили.

— Я так не думаю, но твоя точка зрения мне понятна, — невозмутимо заявил Шлюндт. Ему бы в покер играть, по лицу совершенно не прочесть, что он на самом деле думает. Понять бы — он реально обо мне печется, или хотел дополнительно попугать для пущей сговорчивости. — В любом случае, если семья Ленц начнет тебя донимать — звони. У меня новые охранники, толковые вроде бы ребята, заодно и проверим их в приближенной к боевой обстановке.

— А тех двух так и не нашли? — как бы между делом спросил я.

— Так и не нашли, — хитро блеснул глазами старичок. — Очень странная история вышла. Непонятная. Я, знаешь ли, всегда докапываюсь до сути, а тут не смог. И люди, которых я нанял для расследования — тоже. Машина есть, а те двое, что в ней сидели, исчезли, словно не существовали на белом свете. Сейчас новые времена, везде камеры, а они с того момента, как свернули с шоссе, больше ни на одной из них нигде не мелькнули. Тел на тех полянах, что близ машины расположены, нет, все проверили. В лес было сунулись — тоже ничего. Правда, вот в чем странность, — люди, которые этим занимались, много чего знают и умеют, а тут прямо в трех соснах заплутали. Вроде в лес только вошли, а потом два часа выйти не могли, знай по кругу ходили.

— Бывает же такое, — охнул я. — Вот ведь!

И клад, похоже, тоже не нашли, а он ведь лежит не так уж глубоко. Надо думать, дядя Егор им глаза отвел.

— Ну да, ну да, — покивал Карл Августович. — Короче — странно все это. Странно. Помнишь, я говорил тебе про знаки? Это один из

них.

— А что полиция говорит? — уточнил я.

— Ничего не говорит, — лукаво прищурился Карл Августович. — Зачем ей что — то говорить? Дело о пропаже людей заведено не было, а значит, ей все равно.

— Как не было заведено? — изумился я.

— Вот так. Эта двое были людьми одинокими, ни родни, ни жен, ни детей не имели, стало быть, заявить о их пропаже некому. Кроме меня, разумеется. А я так рассудил, что мне лишний раз время на визиты в органы правопорядка тратить не хочется. Нет, изначально дело существовало, а потом бах — и пропало. Так случается.

Ну и славно, стало быть — концы в воду. То есть — в землю. Так сказать, — нет тела — нет дела. Одно печально — этот старый хрыч уверен в том, что я в пропаже его телохранителей замешан, по нему видно. Он этого даже не скрывает, между прочим. Впрочем, он мне так ничего и не предъявил, потому поводов для волнения нет. И, скорее всего, не предъявит. Весь этот разговор затеян лишь для того, чтобы дать мне понять — мол, я все знаю, но будем считать, что ничего не произошло. Вот как я к тебе хорошо отношусь, Валерий.

— Ну и правильно. — Я отсалютовал ему чашкой. — Да и мало ли? Может, найдутся еще, времени — то прошло всего ничего. Загуляли где —нибудь, случается такое.

— Может, и найдутся, — не стал спорить со мной Шлюндт. — Почему нет?

— А что с перстнем? — перевел я разговор в плоскость, которая меня интересовала куда больше. — Может, есть какие — то соображения?

— Да какие тут соображения? — Причмокнув, антиквар допил кофе. — Все и так ясно. Украшение конца четырнадцатого — начала пятнадцатого века, работа французских мастеров, материал — золото, камень — рубин, причем не абы какой, а из тех, что называют «голубиная кровь». Уж не знаю, как в те темные годы его занесло во Францию, поскольку «голубиную кровь» и сейчас в основном добывают в провинции Могок, в Бирме, а тогда вовсе его кроме как там, нигде найти было нельзя. Скорее всего, он попал в Европу через Китай, потому обошелся заказчику перстня в огромную сумму. Впрочем, в те времена случалось и такое, что за работу платил не

заказчик, а купец, причем своей жизнью. Так дешевле. В конкретном данном случае именно так, скорее всего, и произошло. Ну а кто был тот мастер, что изготовил этот предмет — не скажу.

— Ну мало ли их было тогда, во времена Раннего Возрождения, этих мастеров, — решил я блеснуть своей образованностью. Зря, что ли, меня мама по музеям таскала?

— Этот перстень делали до Возрождения, — погрозил мне пальцем антиквар. — Потому и с именами мастеров ясности нет. Клейма к моменту изготовления данного предмета были уже не новостью, особенно во Франции, которая, как ни странно, и в этой части оказалась впереди Европы всей. Они даже моих пращуров обогнали, пусть и ненадолго, лет на десять. Правда, к чести германских ювелиров, наши клейма были куда информативней французских, по ним можно было понять, в каком городе сработана вещь и мастерами какого цеха. Франки же обходились цветочками и крестиками, из которых ничего было не ясно. С другой стороны — что с них возьмешь? Хотя в плане кулинарии им, разумеется, равных нет.

— Да и бог с ним, с мастером, — поторопил я Шлюндта. — Что это за перстень? Чей он?

— Чей он... — задумчиво повторил Карл Августович. — Чей. Валерий, скажи, а ведь ты с телефона можешь посылать электронные письма?

— Разумеется, — кивнул я.

— Замечательно. — Карл Августович жестом подозвал официантку. — Милая девушка, принесите мне еще чашечку кофе и, пожалуй, счет.

— Хорошо, — звонко ответила та и удалилась.

— Так вот, Валера, — продолжил антиквар. — Напиши прямо сейчас нашим партнерам письмо, из которого будет недвусмысленно ясно, что данный... Как ты тогда выразился? Тендер? Так вот, данный тендер снимается с торгов в связи с выявлением победителя. Предмет найден, награда уходит к тому, кто его обнаружил.

— А он найден? — уточнил я.

Старик улыбнулся.

— То есть — перстень здесь, в городе?

Улыбка стала еще шире.

— Однако. — Мне оставалось только головой покачать.

— Пиши, Валерий, пиши, — посоветовал он мне. — Как только ты отправишь сообщение, я расскажу про эту вещь все то, что тебе следует о ней знать. И не только расскажу.

— Но и покажу? Прямо здесь? — окончательно оторопел я, не обращая внимания на округлившиеся глаза официантки, которая принесла нам счет в красивой шкатулочке красного дерева.

Представляю, что она подумала, услышав эту фразу. Впрочем — плевать. Тем более что она тут же удалилась.

— Не трать время. — Карл Августович внимательно изучал счет. — Хм, как подросли цены за последнее время. Инфляция — вот истинный бич современного мира. Не глобализация, не коррупция, и даже не болтуны — политики, а инфляция. Впрочем, золото всегда останется золотом, потому мы с тобой никогда не будем ложиться спать голодными.

Он бросил в коробочку несколько крупных купюр, после секунду подумал и одну из них заменил несколькими мелкими.

Тем временем я выполнил его пожелание, отправив предводителям вурдалачьих семей сообщение о том, что в этот раз они ничего от меня не получают, поскольку их опередили.

— Итак. — Я показал Шлюндту текст письма, а после на его глазах нажал кнопку «отправить». — Что это за перстень, и где он сейчас?

— Знаешь, почти все знаменитые клинки прошлого имели свои имена. — Антиквар прищурил левый глаз. — То же самое — камни. Бриллианты, рубины, аметисты. А вот украшения очень редко получали имена собственные, хотя, казалось бы, кому, как не им, удостоиться подобной чести? В них вложен талант лучших мастеров золотых дел, их согревали теплом руки и шеи королей и королев, фаворитов и фавориток, премьер — министров и кардиналов. Людей, имена которых вошли в историю. Ан нет, все, чего они удостоиваются, это таблички «из личной коллекции украшений того — то». Вот и этот перстень из числа таких неудачников, нет у него имени. Это просто украшение, которое некогда носил на пальце король Карл Валуа. Если точнее — Карл Шестой.

Он произнес последнюю фразу очень многозначительно, и уставился на меня.

— И? — я сопроводил вопрос экспрессивным взмахом рук.

— Карл Шестой, — повторил Шлюндт. — Официально в хрониках называемый «Возлюбленным». Полагаю, в данном случае подразумевалось — народом.

— Значит, не любили его французы, — заметил я.

— Не то чтобы, — возразил мне антиквар. — Когда он умер, люди очень переживали и даже плакали. Но при жизни они его прозвали как?

Я понял, что он не отстанет, и провел пальцем по экрану смартфона. «Яндекс» мне в помощь.

— Валерий, такие вещи надо знать, особенное тебе, — возмутился Карл Августович, поняв, что у меня на уме. — Ты все же оканчивал профильный ВУЗ. Тебе не стыдно?

— Не — а. Я же не в архиве Лувра работаю, что мне до их королей пятнадцатого века?

— В народе его звали «Безумный», — недовольно произнес Шлюндт. — И к тому имелась масса поводов, причем никак не связанных с проводимой им государственной политикой. Народ всегда говорит то, что видит.

Безумный, значит. Это многое из увиденного мной во сне расставляет по местам, например, тот жуткий смех, что я слышал.

— Собственно, ничего удивительного в этом нет, — продолжал тем временем вещать Карл Августович. — Мы всегда в ответе за дела отцов, кто бы что ни говорил. Он был рожден от Карла Пятого Мудрого. Это был великий король, он остановил, пусть и на время, Столетнюю войну, да еще и церковь реформировал. Великие свершения! Великие. А как он был набожен, боги мои!

— Но? — поторопил его я.

— Но, при всей набожности, у него имелось довольно странное хобби, — понизил голос антиквар. — Ночами этот король частенько сидел в своей библиотеке, в которой была собрана богатейшая коллекция книг и свитков, посвященных оккультным наукам, нумерологии и астрологии. Днем он был ярчайший поборник веры, а ночью... Кто знает, кем он становился ночью? И что стало платой за эти его забавы, не судьба ли сына?

— Жесть! — выдохнул я.

— Не то слово. — Карл Августович благосклонно кивнул официантке, принесшей ему кофе и забравшей шкатулку. — Спасибо,

милая барышня.

— Во сне мне привиделись какие — то горящие фигуры, — решил не скрывать я то, что знал. — К чему бы это?

— Это ты видел свадьбу Катрин де Фастоврин, любимой фрейлины Изабеллы Баварской, супруги Карла, — охотно пояснил антиквар. — Ее еще называли «Бал объятых пламенем». Король и его приятели решили разыграть всех, натянули на себя мешки из пеньки и обмазались воском, да вот неприятность вышла — Людовик Орлеанский баловался с факелом и случайно подпалил одного из ряженых. А там воск да пенька, они вспыхнули мигом. Короля успели потушить, остальных — нет. Они горели, а Карл, которым вновь овладело в этот миг безумие, смотрел на них и хохотал. Кончилось все скверно. Со временем король окончательно обезумел, страна к концу его владычества практически распалась, и тем, что раньше было Францией, стали править англичане. Подобное безобразия продлилось недолго, но факт есть факт.

— Но перстень не ушел с ним в могилу, — заметил я. — Мне еще снилась гильотина и какой — то невысокий человек, смеющийся над тем, как головы летят в корзину.

— Поверь, его могли снять с пальца скелета, — резонно заметил антиквар. — Революция освободила французов от всех предрассудков прошлого, потому старинные могилы аристократов и королей они грабили с огромным энтузиазмом. Что же до того, кого ты видел... Если он стоял рядом с эшафотом, значит, был не просто гражданин, а кто — то из отцов революции. Может — Эвер или Дантон, может, кто — то из Робеспьеров. Они вроде все не сильно высокого роста были. А, может, кстати, и Демулен. Ты знаешь, ему такая вещица больше, чем другим подходит, он ведь был масоном, причем высокого градуса посвящения. Но вообще все зависит от того, какой именно этап французской революции ты видел. Они же сначала одних казнили, потом других, как раз тех, кто казнил первых, потом третьи казнили вторых. Знаешь, под конец народ вовсе перестал ходить на казни, хотя они в то время были самым главным развлечением во всех странах Европы. Приелось, понимаешь, французам это зрелище. Когда чего — то много, оно надоедает. Хорошо еще, что вовремя спохватились, поскольку Франция плавно начинала пустеть.

— Дантон. — Я потер лоб ладонью. — Робеспьер. Демулен. Офигеть!

Я почти привык, что история теперь часто стоит у меня за плечом и шепчет в ухо про то, что она, на самом деле, никуда не делась, что она тут, рядом. Но «почти» — не значит «совсем». И потом — та же Лыбедь была скрыта за пеленой веков, она была лишь одной строчкой в учебнике, от нее даже хоть какого — то портрета не осталось. А эти люди, которые являлись великими героями и невероятными злодеями одновременно, мне были известны по картинам, гравюрам, фильмам, наконец. И мне надо лишь протянуть руку, чтобы дотронуться до них.

— Валерий, к данным личностям слово «офигеть» не очень хорошо применимо. — Шлюнд немного ехидно посмотрел на меня. — Но это ладно. Так вот — перстень. Если желаешь, то мы можем прямо сейчас отправиться туда, где он находится. Как ты помнишь, я всегда держу свое слово.

— Прямо сейчас? — слегка опешил я. — Вот так просто?

Глава 9

— Разве я обещал тебе, что будет просто? — уточнил у меня Шлюндт, не без удовольствия наблюдая за моей реакцией на происходящее. — Речь шла о том, что ты сможешь увидеть искомый перстень. Изволь — вот он. А как ты его добудешь — совсем другой вопрос, он вне моей компетенции.

И ведь не придерешься, все так и есть. Перстень, натурально, в наличии, только находится он на пальце у человека, сидящего за дверью, у которой мы стоим. Надежной такой дверью, крепкой, в которую вделано окошко из небьющегося стекла и без ручки.

— Никаких надежд, — сообщил нам наш спутник. — Это и мои специалисты подтвердили, и несколько ведущих европейских психиатров. Их привозили родные Михаила Георгиевича.

— Их можно понять, — сочувственно произнес Карл Августович. — Имущество — имуществом, а до счетов в Швейцарии без паролей и кодовых слов не доберешься.

— Именно, — подтвердил Петр Францевич Вагнер, в чьей клинике, собственно, мы сейчас и находились. Меня он не узнал, а вот я его — да, доводилось мне тут бывать, и приватно, и с коллективом, во время учебы в школе. Нас сюда на комплексное обследование раз в год возили, причем всякий раз он нас встречал лично, произнося при этом короткую, но емкую речь о том, как важна профилактика разных заболеваний, особенно в юном возрасте. — Но, повторюсь, никаких надежд. Разум не вернуть. За шесть лет ни одного просветления. Более того — есть тенденция ухудшения, пациент становится все более агрессивным.

— Да? — я снова заглянул в окошко. — Сейчас вроде ничего такого не видать.

Обитатель довольно просторной палаты с мягкими стенами в настоящий момент и правда даже не думал буяннить, он тихонечко сидел на кровати и беззвучно хихикал. Беззвучно, потому что до нас ни единого звука из палаты не доносилось.

— И слава богу, — печально сообщил мне доктор. — А вот на той неделе он чуть медсестру не придушил. Раскидал двух медбратьев и в горло ей вцепился.

— А что же родные? — уточнил у Вагнера Карл Августович. — Часто его навещают?

— Совсем забыли, — отмахнулся тот. — Когда поняли, что помутнение рассудка носит не временный, а постоянный характер, и получили права на управление имуществом и деньгами, то просто вычеркнули его из своей жизни. Нет, плату за его нахождение здесь вносят регулярно, но не более того. Года три как никого из близких не видел. Жена где — то в Италии обитает, дочь в США, а родителей его давно на свете нет. Впрочем, родных можно понять — смысла в визитах нет. Он все равно никого не узнает.

— Вот так живешь, живешь, а потом — раз, и ты уже не ты, — совсем запечалился антиквар. — Становишься просто обузой для окружающих. Страшно о таком даже подумать.

— Точно, — подтвердил я, глядя на худого и плешивого человека за дверью, фото которого лет десять назад украшало многие деловые издания. Правда, тогда он выглядел по — другому, куда более респектабельно. Я его вспомнил, он как — то раз приходил к нам в дом. — Чем так доживать дни, лучше уж от инфаркта загнуться. Или под машину попасть.

— Спорное утверждение, — заметил Вагнер. — Были у меня в практике разные случаи. А, собственно, господа, вам — то он зачем понадобился? Если это, конечно, не секрет.

— Не секрет, — добродушно произнес Шлюндт. — Признаться, сам он нам ни к чему. Моему юному другу нужно то кольцо, что находится у него на пальце.

— Как? — ошеломленно захлопал глазами врач. — Вы что? Это невозможно!

— Все возможно, Петр Францевич, — возразил ему антиквар. — Повторюсь — в этом мире возможно все, вопрос всегда только в цене. Валерий хочет получить предмет, который вашему пациенту совершенно не нужен, он готов кое — что за это предложить мне, а я, в свою очередь, буду рад за данную услугу расплатиться с вами. В результате все в выигрыше. Ну а что до бедолаги за дверью — для него ничего не изменится, он живет за той гранью, куда всему остальному миру хода нет.

— Изменится! — выкатил глаза Вагнер. — Еще как изменится. Он это кольцо никому с пальца снимать не дает, сражается за него, словно

за жизнь. Дочь было тоже хотела его забрать, вещь — то все — таки дорогая, старинная, так он ей чуть ухо не отгрыз! Я предложил ей свою помощь, разумеется, но она махнула рукой, сказала, что пусть уж оно останется при нем.

— Какая щедрость! — рассмеялся Шлюндт. — Впрочем, у него состояние тогда в районе миллиарда было, не так ли? С такого куша чего не пошиковать.

Новое дело. Мне только с безумцем драки не хватало! И потом — что именно я готов предложить Карлу Августовичу за подобную услугу? Что он имеет в виду?

— Одно дело субтильная барышня, другое — мой юный друг. — Антиквар похлопал меня по плечу. — Спортсмен, здоровяк. Ему так просто ухо не откусишь.

— А если жена или дочь вернутся? — обеспокоенно спросил у него врач. — Вернутся и увидят, что перстня нет. Ведь скандал случится! Возможно — иск в суд! Суда, положим, я не боюсь, но вот удар по репутации клиники совершенно недопустим. Я слишком долго ее зарабатывал. Нет, нет, и не просите. Это положительно невозможно.

— Петр Францевич, никто не собирается забирать перстень себе, — вступил я в разговор. — Мне надо на него просто посмотреть, может, подержать в руках. И не более того.

Ну вообще — то я предпочел бы его положить в ячейку, к тем остальным предметам, но если нет — так нет. Все равно для меня главным является то, что обитает в перстне. Кстати, сдается мне, что именно из — за него бывшего бизнесмена так крючит, он не смог вынести тяжкое наследие прошлого, слабоват оказался, сломался.

— Петр, дело не в корысти, — мягко пояснил Шлюндт. — Мальчик пишет кандидатскую на тему «Ювелирное искусство средних веков», в данный момент набирает практический материал, а с ним беда. В нашей стране не так много украшений тех времен, а у этого бедолаги на пальце перстенок кого — то из мастеров той поры. Ну посмотрит он его, потрогает, сфотографирует, — и только.

— Все равно — нет, — твердо заявил врач. — Поймите, помимо репутационных аспектов есть и моральные. Да, Михаил Георгиевич ничего не осознает, но сути дела это не меняет. Этот человек — мой пациент, я не вправе поступать с ним подобным образом. К тому же это небезопасно, поверьте! К помощи же санитаров я прибегать в

данном случае не могу, это неминуемо приведет к огласке случившегося. Так что — извините, господа!

— Петр Францевич, помнишь одну вещицу, которую ты так желал у меня приобрести пару месяцев назад? — веско произнес Шлюндт. — Я тебе тогда еще отказал? Теперь ситуация изменилась, и у тебя есть шанс стать ее обладателем.

Замолчал Вагнер, задумался.

— Карл Августович, на пару слов, — обратился я к антиквару, тот понятливо кивнул, и мы отошли в сторонку.

— Он согласится, — шепотом сообщил мне Шлюндт. — Сейчас поразмышляет и согласится.

— Думаю, что да, — признал его правоту я. — Но что — то мне подсказывает, что простым поиском клада моя благодарность за помощь тут не ограничится.

— Валерий, Валерий, — укоризненно произнес Карл Августович. — Зачем все сразу переводить в плоскость «ты мне — я тебе»?

— Потому что меня с детства приучили к тому, что любая сторонняя помощь чего — то стоит, — парировал я. — К тому же вы сами сказали, что оговоренную часть сделки выполнили, перстень отыскали. А все остальное — дополнительные услуги, которые, естественно, чего — то да стоят.

— Формально ты прав. — Шлюндт достал из кармана забавную круглую коробочку, открыл ее, и засунул в рот зеленую круглую таблетку. — Не желаешь? Мятные пастилки, в жару очень хороши, притупляют жажду.

— Нет, — отказался я. — Итак?

— Ну если ты настаиваешь... — Старик наморщил лоб, как бы решая, что именно попросить. — Скажем так — ты даешь мне слово, что один раз по моей просьбе изменишь свое решение по какому — либо вопросу.

Не скажу, что ждал такого, но все равно не удивлен. Вернее — я был уверен, что подобное условие раньше или позже прозвучит, но думал, что все же позже, чем раньше. Но нет, не стал господин Шлюндт тянуть, и использовал первый же подходящий случай. Впрочем, данный вариант все же чуть мягче и лояльней того, что я предвидел услышать.

Хотя это ничего не меняет, разумеется.

Я подошел к окошку в двери, глянул на человека, находящегося за ней, задержал взгляд на перстне, поблескивающем на его пальце, повернулся к антиквару и твердо заявил:

— Нет.

— В смысле? — на этот раз антиквар на самом деле удивился, никакого наигрыша тут в помине не имелось. Он на самом деле был уверен в том, что я отвечу согласием, потому отказ его обескуражил. Ну, может, и не обескуражил, может, я себе льщу, но в любом случае подобного он явно не ожидал.

— В самом прямом, — пояснил я. — Данное условие для меня неприемлемо, Карл Августович. Я никогда не обещаю того, в чем не уверен, потому даже в детстве на «американку» никогда с ребятами не забивался. Кто знает, что надо будет сделать, если проиграешь? Вдруг придется, например, без трусов три круга вокруг школы обежать? Унизительно же, девочки смотрят. А надо, слово дано, заднего не включишь, ибо запахло. Так что — нет. Придется, как видно, идти другим путем, не самым прямым и чистым, но все же действенным. Есть у меня кое — какие соображения на этот счет.

И я демонстративно цыкнул зубом, так, будто он у меня болит. Шлюндт понял мой намек, его взгляд стал колючим.

— Но, само собой, обещанный гонорар за ваши труды будет выплачен в полной мере, — заверил его я. — Назначайте день, называйте время, и я сделаю все, что от меня зависит. Тем более что удружить вам для меня всегда в радость.

И я растянул рот в улыбке, демонстрируя ему все свои тридцать два зуба, из которых несколько были ненастоящими.

— А я вас вспомнил, молодой человек, — вдруг сообщил мне Вагнер. — Увидел ваши зубы — и вспомнил. Вы сын Анатолия Дмитриевича Швецова, верно? Мы специально тогда материалы из Женевы заказывали, ваша матушка настояла. А вы, помнится, убеждали ее, что это все блажь.

Было такое. Мы тогда с «соколовскими» пацанами схлестнулись, и мне два верхних зуба один из них при помощи кастета удалил. Ну и губу крепко разодрал, мне ее в этой же клинике после пластический хирург в норму приводил. Тоже, разумеется, по настоянию мамы. Я был против, ибо пыль странствий и шрамы украшают мужчину, ну или

как минимум добавляют ему шарма. Я на этот шрам за три месяца пяток доверчивых дурочек поймал, между прочим, рассказывая им на ходу сочиненные байки о его происхождении. Ясно, что с дамами постарше такой трюк не пройдет, но на первокурсниц он действовал отлично, особенно если в дополнение к нему шел «чилаут» в каком —нибудь приличном клубе.

— У вас прекрасная память, Петр Францевич, — отвесил я врачу легкий полупоклон. — Уважаю.

— Профессиональная, — скромно заметил тот. — Как здоровье отца? Давненько он к нам не заглядывал.

— Должно быть, времени у него нет, — ответил я. — И потом — он не любит подобные заведения. Считает, что чем реже ты в них появляешься, тем меньше проблем свалится на твою голову.

— Распространенное заблуждение. — Лицо Вагнера стало грустным. — Как увидите его...

— Маловероятно, — прервал я его слова. — Мы не так часто общаемся. Но если вдруг — я непременно передам ему ваш поклон и приглашение на плановый осмотр. И еще одна просьба...

— Петр, ты получишь кинжал Зияуддина, — не дал мне договорить Шлюндт. — Он твой. Но мой юный друг войдет в эту палату и осмотрит перстень.

— Карл Августович, теперь я тем более против, — насупился врач. — Повторю то, что уже говорил — человек за дверью опасен. Он не контролирует себя, поскольку лишен разума. Перстень же — краеугольный камень его безумия, предмет, который он будет защищать всеми силами. Бог с ней, с репутацией, но мы не вправе рисковать жизнью и здоровьем этого юноши.

Ну не знаю, не знаю... Полагаю, мой папаша только обрадуется, если меня придушит псих. Скажет что — то вроде: «подобное к подобному тянется».

— Петр, возможно, я тебя крайне удивлю, но человечество давным — давно изобрело массу медикаментозных средств успокоительного типа, — задумчиво сообщил Вагнеру антиквар. — Поставь этому беспокойному господину какой —нибудь укольчик, после которого он заснет сладким сном, да и все. Наш мальчик зайдет, посмотрит колечко и после выйдет, а ты получишь кинжал, некогда принадлежавший

легендарному герою Кавказа, который тебе так нужен, уж не знаю зачем.

И в самом деле — на кой врачу кинжал горца? Убей не пойму. На коллекционера холодного оружия он точно не похож. Впрочем — какая разница? Вопрос в другом — что затеял мой хитроумный друг? Что он хочет получить от меня?

— Укольчик, — посопел Петр Францевич. — Ну если что — то седативное, и не очень большую дозу... Ах, Карл Августович, Карл Августович, на что только не пойдешь из уважения к вам?

И он покинул нас, направившись по коридору в сторону поста, на котором скучала очень симпатичная медсестричка.

— Валерий, молчи, — велел мне антиквар еще до того, как я что — то произнес. — Будем считать мой поступок просто дружеским жестом. И имей в виду, если ты сейчас отпустишь шуточку вроде «займом, а не жестом», я очень расстроюсь.

Займом, дорогой ты мой человек, займом. Ты это знаешь, и я это знаю. Просто очень тебе не хочется, чтобы я прибежал к помощи вурдалаков, вот и все. Кстати — я бы на самом деле именно так и поступил. Сдается мне, эти твари пробрались бы как в клинику, так и в палату даже не вспотев, хотя бы просто потому, что мертвые не потеют. Другое дело, что при этом они наверняка убили бы этого бедолагу, да и персонал мог пострадать. Плюс, если бы тот же Михеев пронюхал про данную операцию, кто знает, как бы он отреагировал. Вернее — ясно, как именно. Вот оно мне надо? Да и обошлось бы подобное мероприятие крайне недешево, в чем в чем, а в этом я уверен.

И вот как тут не принять предложение Ласло? Нужны оборотные средства, ох как нужны.

Петр Францевич вернулся не один, с ним пожаловали два дюжих молодца, которые первыми вошли в палату, откуда моментально послышались звуки некоей возни, истошный хохот и короткие, отрывистые фразы вроде «держи его», «кусается», «стягивай, стягивай».

Они привязали руки и ноги бизнесмена к кровати, там, оказывается, для этих целей специальные крепежи имелись. Только после этого Вагнер зашел внутрь, предварительно отпустив своих

помощников, зачем — то оглянулся на нас и воткнул тонкую иглу шприца в тело безумца.

Тот что — то промычал, не переставая скалить зубы, зло завращал глазами, но очень быстро угомонился, зевнул пару раз как котенок, да и заснул.

— Всё. — Петр Францевич приложил палец к вене, бьющейся на шее пациента, а после вышел к нам в коридор. — Но имейте в виду, на таких, как он, подобные средства действуют не так, как на обычных людей, так что он может довольно быстро проснуться. Делайте, что хотели, но постарайтесь особо не затягивать свои исследования.

— Ну разумеется, — заверил его Шлюндт. — Это в наших общих интересах. Валера, что ты встал, как столб? Тебе же говорят — время идет.

И в самом деле — чего это я? Все, дорога открыта, надо идти и записывать себе в актив еще одну находку.

Визг. Истошный визг, вот что встретило меня прямо на пороге палаты. Голос был мужской, но истерил он прямо как женщина, находящаяся в состоянии крайнего гнева.

«Убирайся отсюда», «Вон, вон, я сказал!», «Хранитель, у тебя нет надо мной власти» — вот лишь малая толика того, что мне удалось разобрать. Сказано было больше, но время от времени тот, кто жил в перстне, переходил практически на ультразвук, я от этих воплей чуть не оглох.

— Уймись, — рявкнул я, не выдержав, но перстню, похоже, на мои приказы было плевать.

Значит, и так бывает? Значит, не всякая вещь мне покорна? Или просто этот предмет не часть какого — то клада?

Хотя нет, Великий Полоз тогда четко дал нам со Стеллой понять, что все эти вещи лежали в земле и раньше времени ее покинули.

— Не приближайся! — заходился в крике перстень. — Не смей меня касаться!

— Да вот еще, — проворчал я. — Стоило тогда весь огород городить.

Но внутри все же некий ледок сомнений имелся, что врать. В прошлый раз меня занесло в курган вне времени, что если и сейчас нечто подобное случится? Нет, вряд ли Великий Полоз будет мне

устраивать торжественное рандеву по поводу каждого найденного предмета, полагаю, у него и поважнее дела имеются, но тем не менее?

Впрочем — чего тянуть? Долгие раздумья убивают решительность, и в результате дело оказывается проваленным, потому я цапнул палец спящего сумасшедшего и попытался стянуть с него перстень. Не преуспел, ибо тот сидел на нем как приклеенный, а после мир вокруг меня потемнел и закружился, словно карусель.

Темнота эта была не той, в которую я попал благодаря Полозу, она являла собой нечто совсем другое. Это была... Даже не знаю... Метель, состоящая из миллионов черных точек, вращающихся подобно огромной воронке, на дне которой я и оказался.

— Так ты еще слаб, Хранитель! — провыл все тот же голос, но теперь в нем слышалась злобная радость, а в черной, движущейся с немыслимой скоростью стене появились две красные точки — Слаб и неумел. Я заберу твою душу, я выпью тебя, осушу досуха, и не надейся, что это случится быстро.

— Да что у вас за нравы такие! — возмутился я. — Только и знаете, что «осушу» да «осушу». Но когда такое вурдалак говорит, еще ничего, а тут какая — то побрякушка. Тьфу!

Красные точки глаз все это время спускались ниже и ниже, причем за черным маревом, кружащимся все быстрее и быстрее, угадывалось гибкое тело, чем — то напоминавшее змеиное. Причем у меня создалось впечатление, что душа перстня не знает о том, что я ее вижу, и потому такая смелая.

Воронка начала сужаться, как видно, мой противник решил особо не тянуть со своими планами, но и я не зевал. Как только мне стало ясно, что имеется возможность до него дотянуться, я лихо подпрыгнул, вытягивая руку, и вцепился ей в тварь, скрывающуюся за темной пеленой.

Как есть змея, только без чешуи! Тело у этой погани оказалось скользкое, сильное, мигом обвившее мою руку. А вот рожа ничего общего с пресмыкающимся не имела, но это не значит, что она от этого стала краше. Ничего более уродливого я в жизни не видал.

Это была какая — то пародия на человека. Маленькое, с кулачок, лицо с гротескными носом, ртом, лбом, но при этом они были бесформенны и словно расплющены.

— Отпусти! — негодуя крикнула тварь, и ее хвост стегнул меня по подбородку. — Ты не смеешь! Это моя реальность, я в ней хозяин!

— Это мой мир, — прорычал я. — А ты в нем лишь вещь, созданная одним человеком для другого, и не более. Ты служишь нам, а не мы тебе!

Вопрос — что мне с ним делать — то теперь? Ясно же, что эта пакость не сдастся никогда, вон как дергается.

— Я все равно тебя сожру! — вопила сущность, все сильнее сдавливая своим мускулистым телом мою конечность и сверкая красными глазами. — Но не убью, ты будешь умирать раз за разом сотни лет! Я сильнее тебя, Хранитель! Сильнее!

Ответа на вопрос я так и не нашел, потому решил сделать то, что в данной ситуации было наиболее возможно. Я начал сжимать пальцы, которые захватили врага в аккурат там, где у него, по идее, находилось горло. Проще говоря — я начал эту тварь душить.

А что еще остается делать? Это первый предмет, который проявил подобную агрессию по отношению ко мне. Может, с такими именно так и надо поступать? Как там у классика? «Если враг не сдастся, его уничтожают». Главное, чтобы получилось уничтожить. Единственное, может, таких не душить надо, а как — то по — другому убивать? Но как?

Похоже, обитатель перстня ничего такого от меня не ожидал, а я, в свою очередь, с радостью заметил, что глаза его начали расширяться, а слова окончательно перестали быть разборчивыми и вскоре сменились хрипом. Стало быть, эти твари смертны, я могу их убивать. Вот и славно, вот и выяснили.

— Осшштановишь! — просипела душа украшения. — Нет! Я могу... Хррррр... Я тебе...

— Можешь, можешь, — успокаивающе сообщил ему я, кинув взгляд вверх. Воронка над моей головой начала закрываться, словно пряча меня в огромный кокон. — Можешь умереть и оставить род людской в покое.

— Ты Хрфффнитель... — выдавил из себя мой противник с великим трудом, напрягая мощные мышцы своего тела и мешая мне довершить начатое. — Ты не...

Что «не» — я не узнал, потому что силы, наконец покинули его тело, кольца, оплетавшие мою руку до плеча, распались, и я с

удовольствием завершил начатое. Проще говоря — додушил эту пакость, не без радости глядя в ее медленно меркнущие глаза. Тоже, кстати, удобно, эдакий индикатор активности. Горят — клиент жив, потухли — мертв.

И сделал это вовремя, потому что стены, сотканые из мрака, приблизились друг к другу почти вплотную, и сверху чернота тоже накатывалась подобно волнам. Такое ощущение, что эта дрянь собиралась меня попросту переварить в своем inferнальном желудке.

Хотя — может, оно так и было на самом деле? Силу она и впрямь, похоже, набрала немалую. Ну оно и понятно, столько веков пожирать души людей, причем души непростые. Король, революционер, бизнесмен — это только те, о ком я знаю. И бог ведь кто еще остался там, за пеленой безумия.

Тело того, кто жил в перстне, дернулось в последний раз, а секундой позже я осознал, что в руке моей пустота. Исчезла скользкая изворотливая дрянь, разлетелась на черные бесформенные хлопья, которые сначала закрутились спиралью вокруг меня, а после стремительной стрелой умчались вверх, разрывая в клочья мрак над моей головой. Раздался многоголосый хохот, но не истеричный, а, скорее радостный, и следом за этим в появившейся брешу я увидел десятки звезд, стремительно поднимавшихся все выше и выше. Они блистали настолько ярко, что их свет меня ослепил, заставив прикрыть глаза ладонью и инстинктивно сделать пару шагов назад. Вот только сзади ничего не было, там оказалась пустота, в которую я и полетел, осознавая, что теперь мне, скорее всего, точно конец, ибо если и долечу до дна пропасти, то там точно расшибусь в лепешку. И неважно, что все это происходит вне моей реальности, у меня теперь прописка в двух мирах.

А потом, когда отчаяние начало пробираться в мою душу, я увидел огненный росчерк, который подхватил меня, раскрутил и бросил вверх, пророкотав напоследок:

— Молодец!

И наступила совершеннейшая темнота, которую вдруг нарушил приглушенный, но при этом привычно — вкрадчивый голос Шлюндта.

— Не следует так переживать, любезнейшая Марина Леонидовна, — ворковал он. — С Валерием все в порядке. Просто — жара, эмоции, избыток кофеина, определенная усталость...

Марина Леонидовна? Да нет! Не может быть...

Я открыл глаза и понял, что нахожусь в больничной палате, но не в той, где обитал несчастный безумец, а в другой, обычной, без мягких стен и с окнами. За которыми, кстати, стояли сумерки, да и в палате было темно, единственная полоска света падала из — за чуть приоткрытой двери.

Это сколько же я без сознания был?

— Валерий всегда был спортивным мальчиком, за ним подобного сроду не водилось. — Да, это была моя мама. Вопрос — как она тут оказалась? — Петр Францевич, скажите мне честно — это наркотики?

О боже, опять началось! У моих родителей было два пунктика. Мама боялась того, что я подсяду на иглу, отец опасался того, что я выберу неверную дорогу в половых пристрастиях. Причем и та, и другой переживали абсолютно безосновательно. И если отец со временем уgomонился, то мама, видимо, никогда не успокоится.

— Марина Леонидовна, хорошая моя, не переживайте. — К разговору подключился Вагнер, который, судя по всему, тоже стоял за дверями той палаты, в которой я лежал. — Мы первым делом взяли у мальчика кровь на анализ, в том числе проверили и на запрещенные препараты, у нас такой регламент. Он абсолютно чист. Вообще анализ отличный, вот, посмотрите сами. Лейкоциты в норме, сахар тоже...

— Но обморок? — упорствовала мама. — Да еще такой длительный! И потом, Карл Августович, вот эта «определенная усталость». Вы что имели в виду?

— Видите ли... — Шлюндт сделал паузу, и я весьма явственно представил, какое именно выражение лица у него появилось в данный момент. Опять он что — то задумал. — Это не мое дело, причем совершенно, но... Как я сказал вам ранее, мы с Валерием в определенном роде коллеги, если точнее, я консультирую его по некоторым рабочим моментам. Архивисты и антиквары — это две стороны одной монеты, мы служим прошлому. Так вот, я настолько застрял в этом прошлом, что полностью лишил себя будущего. Нет у меня ни жены, ни детей, ни, само собой, внуков. И я, признаюсь, очень привязался к вашему сыну. По — стариковски привязался, без каких — либо иных моментов. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

— Ну конечно же, господа, — подтвердила мама. — И все же — что вы имели в виду?

— Марина Леонидовна, это не мои тайны, это слишком личное, — уклончиво ответил этот хитрец. — Может, лучше вы сами поговорите с мальчиком, когда он проснется?

— Этот мальчик и в детстве был не слишком со мной откровенен, — заметила мама. — А уж теперь — то... Рассказывайте!

— Валерий чересчур близко сошелся с одной девицей, — помявшись, и как бы неохотно поведал ей антиквар. — Нет — нет, это вполне пристойная особа, и весьма привлекательная к тому же. Состоятельная, к слову, у нее свой... Э — э — э... Как же это? Салон красоты. Да. Престижный, модный, в центре города, на «Белорусской». Но при всем этом она не лучшим образом влияет на мальчика. Иногда мне кажется, что она зачем — то привязывает его к себе незримыми цепями, постоянно играя на его чувствах. Валерий внешне всегда невозмутим и уверен в себе, внешне он эдакий Зигфрид, просто — таки потомок Нибелунгов, но душа — то у него тонкая, можно сказать артистическая, сиречь — уязвимая. Вам ли этого не знать?

— Хотя бы не наркотики, — немного растерянно пробормотала мама. — Ох, Карл Августович, знали бы вы, как же тяжело со взрослыми детьми!

— Увы, не знаю! — в голосе антиквара зазвенела хрустальная слеза. — И рад бы, но не ведаю. Потому и принимаю все радости и беды Валерия близко к сердцу, уж извините меня за такую прямоту!

— Это вы меня простите! — купилась на его уловку мама. — Я вся на нервах, вот и несую всякую чушь.

Дверь еле слышно скрипнула, кто — то заглянул в палату, я немедленно закрыл глаза.

— А как зовут эту девицу? — как бы между прочим поинтересовалась у антиквара мама, прикрывая дверь обратно.

— Стелла, — охотно отозвался Шлюндт. — Стелла Воронежская.

— И имя — то какое. — Я словно увидел, как мама забавно поморщилась. — Стелла! Тоже мне... Волшебница Розовой Страны.

— А? — мигом насторожился антиквар. — Почему волшебница? Никакая она не волшебница. Я же говорю — она салоном красоты владеет!

— Это из Волкова, — пояснила ему мама. — Помните «Волшебника Изумрудного города»? Валера очень любил в детстве эту книжку.

— А, сказка, — успокоился Карл Августович. — Ну да, ну да... У меня, кстати, визитка этой особы где — то была... Сейчас... Да вот она, держите.

Ну, старый хрыч, вот это ты зря устроил. Не стоит, вооружившись только молотком, пробовать разобрать атомную бомбу. И сейчас речь идет не обо мне.

— Спасибо, — поблагодарила его мама. — И за заботу, и за то, что за моим сыном присматриваете. Он совсем от дома отбился, и это, конечно, очень плохо. Я надеялась, что перебесится, повзрослеет, поймет, что семья — это главное, но... Пока никак. Наша вина в этом есть, я не спорю, но надо же уметь прощать.

— Да мне в радость эти хлопоты, — на этот раз, как мне показалось, абсолютно искренне сказал старик. — Я рядом с ним молодею, а это, знаете ли... Вот что я думаю, Марина Леонидовна, а пойдете — ка выпьем кофейку. Петр Францевич, обеспечишь?

— Конечно, — отозвался владелец клиники. — Светочка! Проводи гостей в мой кабинет и подай им кофе! А я задержусь, пойду посмотрю, как там мой пациент.

— Ох! — всхлипнула мама.

— Это терминология, — успокаивающе проворковал Шлюндт. — Пойдемте, пойдете.

Они ушли, а Вагнер вошел в палату, где его уже поджидал я.

Глава 10

— Петр Францевич, кому пришла в голову идея позвать сюда мою маму? — поинтересовался у него я, спрыгивая с кровати и быстренько блокируя своим телом вход таким образом, чтобы мой собеседник палату не покинул. — И не надо звать медсестер, чтобы те померяли мне давление. С ним все в порядке.

— Карл Августович сказал, что это надо непременно сделать, — ответил мне Вагнер, а после пальцем оттянул мне веко, что — то пытаюсь под ним увидеть. — Голова не кружится?

— Кружится, — не стал скрывать я. — И болит! Как голос мамы услышал, так сразу это все и началось! Откуда вы только телефон ее взяли? Хотя о чем я, в моей же трубке, конечно.

— Валера, мы приличное учреждение, — как мне показалось, обиделся на данные слова врач. — Никто в ваш девайс и не подумал бы залезать, вы что? Это вторжение в частную жизнь, подсудное дело. Просто у нас тут никогда ничего никуда не пропадает, все хранится в регистратуре или архиве, в том числе и телефон вашей матушки. Она тут лечилась, вас лечить привозила, само собой, все данные были внесены в карту. Ну а номера люди за тридцать меняют крайне редко. Господин Шлюндт предложил сообщить ей о том, что вы потеряли сознание, я счел это рациональным. Вы юноша из хорошей семьи, наш пациент, разве я мог поступить иначе?

— Можно было мне под нос нашатырь сунуть, — отозвался я. — Пара вдохов — и мы снова вместе, все трое. Даже четверо, если считать того господина, который не в себе.

— Пробовали, — заверил меня врач. — Нулевой эффект. А если вспомнить, как вас корежило... Хотя нет, даже вспоминать не желаю, я чуть не поседел, подумал, что мы тогда эпилепсию у вас просмотрели. Я уже успел вашу карту поднять, результаты диспансеризаций просмотреть и педиатру по этому поводу выговор сделать. Как результат — вы без чувств, приходите в себя не желаете, а время идет. Само собой...

— Все, можно не продолжать, — остановил я Вагнера. — Извините, Петр Францевич, вы действовали абсолютно верно. Я и сам

на вашем месте так поступил бы. Просто у меня с родителями не очень простые отношения...

— Молодость, — покивал он. — Пора бунтарства и нонконформизма. Сам был таким, понимаю.

— Вот потому мне бы отсюда удалиться, причем так, чтобы с мамой не столкнуться, — довел я мысль до конца. — Не хочу я ее расстраивать, а порадовать нечем. Она просто желает, чтобы все было как раньше, а принять то, что так уже не будет никогда, не хочет.

— Мне это все не сильно нравится, — признался врач. — Во — первых, маму надо любить и уважать, это самый важный человек в мире. Во — вторых...

— Одежда моя где? — остановил я его, поняв, что это надолго.

— На стуле, — показал он в угол палаты. — У нас с этим строго, прием вещей кастеляншей только по описи и с подписью владельца. А вы, Валерий Анатольевич, были без сознания. Так вот, — во — вторых...

Дальше я его слушать не стал, поскольку в самом деле увидел на стуле свои джинсы с футболкой. И телефон тут же обнаружился, вместе с ключами и деньгами. Причем на экране, когда я проверил работоспособность аппарата, высветилось приличное число пропущенных вызовов.

Черт, точно! Мне же Ласло должен звонить по поводу завтрашней поездки! Некрасиво получилось, прямо скажем, он ведь мог подумать, что я «заднего» включил. Я бы так и подумал, что греха таить?

Но хорошо, что я звук убрал, когда в клинику входил. Что если бы Карл Августович, под предлогом того, что «это может быть важный для мальчика звонок», с тем же мадьяром пообщался? Кто знает, что из этого получилось бы? Полагаю, ничего хорошего.

Ладно, сейчас выйду из клиники — наберу.

— ...здоровье — это очень важный фактор, — закончил тем временем свою просветительскую речь Вагнер. — Ну и потом — мне очень не хочется ссориться с вашим отцом. Он в большой дружбе с Потоцким, как вы, возможно, знаете, а тот, в свою очередь, поставляет нашей клинике аппаратуру с изрядной скидкой.

— Не поссоритесь, — успокоил я доктора. — Мы давно не общаемся, потому повода для переживаний нет. И вообще — просто обнаружьте с остальными мое отсутствие, разыграйте сценку «как же

так», поругайте охрану, которая меня выпустила с территории, да и все. А я вас не выдам. Слово даю!

— Так она вас на самом деле не выпустит, — заметил Вагнер. — У нас с этим строго. Тем более в ночное время.

— Кстати — который час? — заинтересовался я. — Небось около полуночи?

— Вроде того, — подтвердил Петр Францевич. — Десять минут двенадцатого.

— Ого. — Я потянулся. — Тогда мне точно пора. Еще пятьдесят минут, и карета станет тыквой.

— Валерий, — остановил меня голос Вагнера у самой двери, когда я уже взялся за ручку, причем его тембр разительно отличался от того, что был минуту назад. — Еще один вопрос, если можно.

— Какой? — повернулся я к нему. — Если вы снова о маме...

— Нет — нет... — Врач замялся, и это было непривычно. Вагнер всегда производил впечатление очень уверенного в себе человека, он всегда излучал позитив. А тут — гляди — ка. — Другое... Валерий, вы из них?

— Из кого? — опешил я. — Петр Францевич, вопрос не вполне понятен. Вернее — ответ на него очень уж многовариативен.

— Из них, — отвел глаза в сторону доктор. — Из тех, кто умеет больше, чем дозволено природой.

О как. Это уже интересно. Нет, дружба этого человека со Шлюндтом подразумевает то, что он может знать больше, чем обычный обыватель, но речь — то точно идет не про антиквара.

— Знаете, события последнего года здорово пошатнули мое привычное мировоззрение, — продолжал тем временем Вагнер. — До встречи с... С одним из ваших коллег, скажем так, я твердо был уверен в том, что все на свете можно объяснить с научной точки зрения. Вообще все. А теперь, после того что я видел тогда, да и сегодня... Но даже представить не мог, что вы, мальчик из такой хорошей семьи... Нет — нет, я не считаю ваши занятия предосудительными, но все же!

Я молчал, слушал, смотрел на него и гадал, кем же был тот, кто так лихо управился с Петром Францевичем. И мое молчание заставило моего собеседника начать нервничать.

— Собственно, все, что я хотел сделать, это поблагодарить вас за помощь моей клинике и отдать вот это. Мне кажется, так будет

правильно.

Он протянул ко мне руку, разжал кулак, и на ладони я увидел перстень. Тот самый.

— Неожиданно, — признал я, забирая украшение. — С чего бы?

— То есть? — удивился и доктор. — Не знаю, каким образом, но вы излечили болезнь Михаила Георгиевича. Ну да, ваши методы отличаются от того, что делал Александр, и они энергетически более затратны, но результат есть результат. Мои специалисты ничего не смогли сделать, приглашенные светила расписались в своем бессилии, а вы за пять минут взяли и вернули рассудок тому, кому куча медиков вынесла приговор. Правда, сами при этом чуть не пострадали.

Ну конечно же! Я уничтожил обитателя перстня, а тот, в свою очередь, как видно, не совсем иссушил разум бедолаги — бизнесмена, вот он и пришел в себя.

Но это ладно. Кто такой Александр, и что у него за методы были?

— Нет, Михаил Георгиевич еще немного заговаривается, у него проблемы с ориентацией в пространстве и времени, но одно несомненно — он отдает себе отчет в происходящем. То есть он в своем уме. И это — чудо.

— Которое сотворила ваша клиника, — сразу оговорился я. — Мое имя фигурировать не должно. Ваши специалисты не теряли надежды, они пробовали новые методики, разрабатывали прогрессивные способы лечения... И так далее. Вам — слава, мне — моральное удовлетворение за доброе дело.

— И вот этот перстень, — добавил Вагнер. — Ведь он являлся причиной болезни? Верно? Это же не просто украшение, а нечто большее?

Я молча глянул на него.

— Просто пациент первым делом стянул его с пальца и забросил в угол, — пояснил доктор. — С невероятным отвращением на лице. Я сам это видел. Он словно ядовитую гадину в руках держал. Столько лет эту побрякушку берег как зеницу ока, чуть дочь родную из — за нее не придушил, и тут... А рядом вы лежите пластом, только ноги дергаются.

— Выздоровел человек, и слава богу, — холодно повторил я. — А уж что, почему... В этом мире чего только не бывает?

— Да, вы явно с Александром из одной компании, — невесело улыбнулся Вагнер. — Ладно, если вы желаете сбежать — самое время. Думаю, скоро ваша мама и Карл вернутся обратно. А перстень... Я так подумал — в моей клинике подобной вещи не место. Ни к чему она здесь. Вы же за ней пришли, так что забирайте и уносите отсюда куда подальше.

Мне снова очень захотелось уточнить, кто же такой этот таинственный Александр, но довод врач привел железный, потому я прислушался к его советам. Напоследок только показал ему перстень и спросил:

— А проблем не будет? У вас, у меня? Родные и близкие про него вспомнить могут.

— Михаилу Георгиевичу он, как было сказано, более даром не нужен, а что до его родных... Там теперь такие проблемы начнутся, что им не до подобной мелочи будет. Боюсь, что когда мой пациент окончательно придет в себя и узнает, что его тут забросили, словно старую мебель, при этом лишив всех прав на состояние, то очень сильно рассердится. У него и до болезни характер был тяжелый, а теперь — то...

Мне показалось, что он хотел еще что — то то ли сказать, то ли спросить, но время на самом деле поджимало, потому я прикрыл дверь палаты, и шустро побежал по коридору к лестнице.

Охрану я миновал просто, перемахнув забор в одной максимально удаленной от въездной группы точке. Нет, имелись у меня сомнения насчет видеокамер и сигнализации, но вроде как нигде ничего не загудело, и крепкие ребята в синей униформе, гомоня, не бросились по моему следу. Впрочем, возможно, господин Вагнер за это время успел отдать необходимые распоряжения? Сдается мне, он не только с моими родителями, но и со мной лично не хочет отношения портить, что довольно странно. Отец — там все ясно, у него характер не лучше, чем у этого пришедшего в себя бедолаги. Но я? Я — то как Петру Францевичу насолить могу? Он один из самых известных медиков если не страны, то столицы точно, а я простой архивариус, весовые категории несоизмеримы.

И все же — так есть.

Интересно, что в свое время сделал упомянутый Александр, что Вагнер настолько шелковым стал? Чем он его пуганул? И ведь ни у

кого не узнаешь.

Повертев головой, я заметил довольно далеко от себя автобусную остановку, освещенную фонарем, и направился к ней. Нет — нет, надежды на то, что скоро придет автобус, у меня не было никакой, вряд ли они в этих краях до такого часа катаются, но ждать такси лучше сидя под крышей, чем стоя на пыльной обочине. Причем недалеко от остановки располагался вход на больничную территорию, так что я, по сути, шел в обратном направлении.

Уточнив адрес клиники, который я, естественно, не помнил, я вызвал такси, а после начал просматривать пропущенные звонки. Ласло, Юлька, Юлька, Юлька. Господи, что ей опять от меня надо, а? Вроде обо всем поговорили? Этот номер не знаю, этот тоже. Снова Ласло.

Короче — мадьяр звонил четыре раза, Юлька четырнадцать, по разу отметились мои новые друзья — вурдалаки, как видно, хотели высказать свое «фи» на предмет столь быстрого завершения тендера. Ну это их проблемы, меня подобные нюансы не волнуют. Даже перезванивать не стану.

А вот Ласло надо набрать прямо сейчас.

— Добрый вечер, Валерий, — привычно мягко прозвучал голос мадьяра в трубке. — Надеюсь, у тебя все в порядке?

— Абсолютно, — заверил его я. — И сразу хотел бы извиниться за то, что не отвечал на звонки. Не было такой возможности. Но завтрашняя поездка в силе, даже не сомневайся.

— И не думал этого делать, — рассмеялся тот. — Просто мы так и не определились со временем начала похода. Предлагаю шесть утра. Уже светло, но дороги при этом еще пусты.

— Отличное время, — согласился я. — Ты к моему подъезду подъедешь, я верно понимаю?

Вообще — то я не говорил мадьяру свой адрес, но отчего — то был уверен в том, что он его знает.

— Верно, — подтвердил мадьяр. — До встречи!

— До нее!

Ладно, это сделано. Теперь выясню, чего от меня подруга детства хотела. И вообще — как — то ее много в моей жизни стало за последние недели, надо это дело закруглять. Я и так верчусь как волчок, а тут еще она.

— Чего хотела? — без всяких предисловий осведомился я у Юльки, как только та сняла трубку.

— А ничего, что я тебе раз сто звонила? Мог бы хоть раз ответить!

— Не мог, — буркнул я. — Занят был. Повторюсь — чего названивала?

— Ты почему мне не сказал о том, что папка меня тебе... Тебе меня... Тьфу! Ну что он хочет, чтобы мы поженились?

— А зачем? — удивился я. — К тому же это не новость. Наши старики тебя да меня мысленно поженили еще тогда, когда мы в домик на дереве лазали и в школе букварь изучали.

— Букварь букварем, но тогда были просто шутки, а теперь — то все серьезно. Но это ладно, меня другое бесит. Меня почему никто не позвал, ни о чем не спросил?

— Слушай, вот эти претензии точно не ко мне. — Я заметил свет фар на до того пустынной и темной дороге. — Иди к дяде Сереже, выясняй это с ним. Я, знаешь, тоже немного удивился такой теме разговора. И для твоего пушного успокоения сразу скажу — ответа не дал. Не хотел его расстраивать.

— Это я знаю, — пробубнила в трубку Юлька. — И сразу вот такой вопрос...

Машина, до того ехавшая достаточно быстро, ощутимо сбросила скорость, приближаясь ко мне. Стало быть, такси прибыло.

— Давай потом, — попросил я ее, вставая с лавочки. — Серьезно. Я просто не дома, и со временем туго. Ты главное знай — никто на твою независимость не посягает, живи, как знаешь, спи, с кем хочешь, замуж выходи по велению сердца. Люблю, целую, Валерий.

Это оказалось не такси, машина проскочила мимо меня, окончательно затормозив только у въезда в клинику. И что самое удивительное — мне этот автомобиль был отлично знаком! Просто его ни с чем не спутаешь, не так и много в Москве подобных.

Стелла? Она — то здесь откуда?

Хотя...

Ну, Карл Августович, мне остается перед вами только шляпу снять. Красивая импровизация! Это сколько же вы зайцев сегодня подстрелили, а? И я не удивлюсь, если вы и пришедшего в свой разум Михаила Георгиевича тоже в должники запишете. Дескать — это я к вам чудо — лекаря привел.

Вот ведь змей какой! Но — красиво!

— Стелла, — крикнул я, заметив, что боковое стекло со стороны пассажира открылось и девушка, находящаяся внутри, что — то говорит подошедшему к машине охраннику, и переходя на бег. — Стелла, я здесь!

Набрать ее, что ли? Ведь не слышит! А, нет, вроде заметила, следом за охранником.

— Привет, — сказал я ей, плюхаясь на сиденье. — Уф, упрел. Даже ночью прохлады нет.

— Даже ночью покоя нет, — очень зло поправила меня ведьма, сдавая назад.

— Швецов, что вообще происходит? Мне звонит Шлюндт, требует, чтобы я немедленно приехала, потому что ты лежишь при смерти, намекает на то, что это моих рук дело. Хорошо еще, что дорога не сильно близкая, доберись я сюда быстрее, то таких бы дров наломала!

И снова — браво. Представляю себе ту картину — тихий благостный Карл Августович, моя мама, находящаяся на взводе, и — Стелла, которая и так — то никогда спокойным нравом не славилась, а тут еще и вышедшая из себя и не стесняющаяся в выражениях.

Вот только одно мне неясно — какова конечная цель всей этой операции? Мама — это мама, я ее, разумеется, очень люблю, но она даже в школьные годы на меня особого влияния не имела. Чего именно хитроумный старичок пытался добиться? Того, что Стелла поругается с мамой, и я из — за этого взбеленюсь настолько, что устрою ведьме веселую жизнь?

Или он просто живет по принципу «курочка по зернышку»? Подвернулась возможность — используй ее, пусть медячок, зато твой.

— Краски дедуля, разумеется, сгустил, хотя в чем — то и не соврал. — Я глянул на колени девушки, скрытые от глаз широкими черными брючинами, отправляя сообщение в службу такси о снятии заказа. — Как ноги? Заживают помаленьку?

— Твоими молитвами, — буркнула Стелла.

— Зря ты так, — попенял я ей. — Вообще — то, если бы не мое заступничество, кое — кто до сих пор бы на стекле стоял. Нет чтобы «спасибо» сказать.

— Да ты... — завелась было ведьма, но сдержала себя, и только газу прибавила.

— Скоростной режим соблюдай, — попросил я ее. — Если можно. И — да, ты сама во всем виновата. Причем, заметь, Марфа не получила от меня прямых подтверждений в том, что это именно ты послала к аджину тех двух дур. А они у меня есть.

— И что? — прорычала Воронежская. — Мне тебе теперь ноги целовать?

— Зачем? — удивился я. — Мы не в Америке, это их забавы. Ты просто помни, что мое терпение не безгранично, и что следующий твой косяк, возможно, станет последним. Отвечаю.

— Что в клинике случилось? — Стелла, как видно, решила сменить тему разговора. — Ты правда чуть не умер?

— Не то чтобы... — Я достал из кармана перстень. — Но не скажу, что вот эта штучка досталась мне просто.

Скрежет тормозов, машину чуть не развернуло на шоссе, а после мы чудом не улетели в кювет, выскочив на обочину, где и остановились.

— Ты! — Крепкие кулачки замолотили по моему плечу. — Ты скотина! Ненавижу тебя! Опять за моей спиной! Всё — за моей спиной! Если бы не Шлюндт, я бы вообще ничего не знала!

— Стелла, елки — палки, ты пустырника попей, что ли! — возмущенно заорал я, прикрывая лицо. — Что за привычка вечно в драку лезть, откуда она взялась? Была же нормальная телка, а теперь какой — то истеричкой стала!

— Телка?! — заорала ведьма. — Швецов, спасибо что не шлюха!

— Ну одно другому не мешает, — резонно заметил я, и на этот раз мне прилетело в ухо.

Следом за этим Стелла ойкнула и схватилась за колено, которым попутно крепко приложилась о руль.

— Ну вот и результат, — миролюбиво заметил я. — Теперь обоим больно.

— Почему мне не сказал, что очередной предмет едешь добывать? — потирая ногу, уже спокойнее спросила Стелла. — И вообще о том, что он как таковой проявился.

— Не успел. — Я положил руку ей на колено, и зашептал: — У собачки боли, у кошечки боли...

— Валера, не беси меня! — очень тихо и очень вежливо попросила ведьма. — Ты когда вот так придуриваешься, мне тебя убить очень

хочется. Причем не как — нибудь просто, а так, чтобы ты помучался, пострадал. Кожу там с живого снять, или что — то в этом роде.

— Ладно — ладно, убедила, — вздохнул я. — Но, Стелла, ты и меня пойми, ты когда злишься, то такая прикольная, я просто удержаться не могу от того, чтобы тебя не поддеть. Понимаешь, я человек, такая уж у меня натура. Хаотичная, можно сказать.

Воронецкая, услышав интонации, с которыми были произнесены последние слова, глубоко вздохнула, потом еще раз. Как видно, пыталась отыскать душевное равновесие.

— Ладно, больше не буду, — поняв, что на самом деле довел девушку до грани, примирительно заявил я. — И что до перстня — все на самом деле случилось стремительно. Вчера в ночь увидел, с утра запустил тендер, а к ночи, вот, он уже у меня в руках. И скажу тебе так — не очень — то и легко мне эта цацка досталась. Обитала в ней...

— Какой такой тендер? — ласково поинтересовалась Воронецкая. — Ты о чем?

— Ой, забыл! — приложил я ладони к щекам. — Ты же не в курсе о том, как именно теперь организовано дело по поиску предметов, что нам с тобой надо собрать к останнему змеиному дню.

Вот кто меня за язык тянул? Опять она насупилась.

— А с другой стороны — вот оно тебе к чему? — уже без ехидства спросил у нее я. — Стелла, душа моя, заканчивай ты лезть во всю эту кухню, а? Нет, ну серьезно. Тот максимум, на который ты можешь рассчитывать, — откушенная голова. Твоя прелестная черноволосая голова. Вурдалаки ли совершат сию хирургическую операцию, Шлюндт ли — не знаю, но кто — то из них точно это сделает, если ты не перестанешь вертеться под ногами. Правила изменились, солнце мое, признай это как факт.

— Можно подумать, ты сильно расстроишься в этом случае.

— Представь себе. — Я открыл дверь автомобиля, достал из кармана измочаленную за этот длинный день пачку сигарет, нашел среди них одну не сломанную и прикурил ее. — Я этого не хочу. Ты хоть и желаешь моей смерти с момента нашего знакомства, но зла я к тебе не испытываю. Да, ты вредная, злобная, местами безжалостная, но я, как это ни удивительно, к тебе привык. Может, потому что ты в моем теперешнем окружении ближе всех к роду человеческому. Потому руководи своим салоном, неси красоту в массы,

совершенствуйся в темных искусствах, придумывай забубенные планы моего убийства, но в эти дела не суйся. Не надо.

— Не могу, — пробубнила девушка, отвернув лицо от меня в другую сторону. — Теперь уже не могу.

— Марфа? — уточнил я.

— Она, — шмыгнула носом Стелла. — Либо я тебя приведу к ней, как телка на привязи, покорного и на все согласного, либо кормить мне червей где — нибудь в яме. Причем умирать я буду очень, очень долго.

— Тогда вали прямо сейчас из Москвы, — посоветовал я ей, выпуская дым через ноздри. — Довези меня до Москвы, дуй в аэропорт, бери билет до города с самым странным названием, и пусть твой след навсегда затеряется на просторах нашей родины. В Европе не скроешься, она с ноготок, а вот у нас — запросто.

— Я — ведьма, Швецов, — постучала мне ноготочком по затылку Стелла. — Куда я спрячусь от Луны? Нет, так все только хуже будет.

— Тогда тебе кранты, — подытожил я. — Поскольку идти на поклон или, того хуже, в кабалу, я к твоей начальнице точно не собираюсь. По крайней мере ради того, чтобы тебя, красивую, отмазывать за те обещания, что ты сдуру давала. Извини, каждый сам за себя.

— Это я прекрасно и без тебя понимаю. — Стелла откинулась на сиденье. — А теперь ты меня еще и от источника информации отрезаешь. Вот как...

— Погоди. — Я отправил в темноту окурок и глянул на экран взревшего сигналом смартфона. Надо громкость убавить, что — то я переусердствовал. — Мама звонит.

— Как трогательно, — буркнула Стелла.

— Да, мам, — не обращая на нее внимания, ответил я. — Привет. Нет, я не сбежал, просто ушел. Мам, но я не знал, что ты там. А откуда? Нет, не мог даже предположить подобный поворот событий. Я пришел в себя, за окном темно, в коридоре никого, вещи на стуле. Собрался да ушел, чего мне там лежать? Я вообще больницы не люблю. Нет, я не вру, зачем мне это? Что значит — не очень прилично по отношению к Карлу Августовичу? Я полагал, что он давно дома чай с сушками пьет. Нет, это не ирония, это правда жизни. Нет, я не могу вернуться, потому что уже в Москве. Еду домой. Нет, голова не болит.

И не кружится. Мам, ну хорош уже, а? Нет, приезжать не нужно. Лучше передай трубку Карлу Августовичу.

Стелла очень внимательно слушала разговор, он ее несомненно заинтересовал. Вот он, минус моего смартфона — человек сидящий рядом, может слышать реплики собеседника. Надо будет трубку поменять.

— Валерий, вот не ожидал, — укоризненно произнес Шлюндт. — Что за мальчишество? Зачем было сбегать из клиники? Мы с досточтимой Мариной Леонидовной за тебя волнуемся, переживаем, а ты...

— Вот старый хрен! — фыркнула ведьма, покачав головой.

— А, понятно, — тут же среагировал антиквар, тоже, как видно, обладающий хорошим слухом. — Как и следовало ожидать. Марина Леонидовна, все встало на свои места. Сейчас все объясню.

— Карл Августович, у меня к вам просьба, — изо всех сил стараясь держать себя в руках, обратился к собеседнику я. — Вас не затруднит отвезти маму домой? Понимаю, что выгляжу в данной ситуации не очень красиво, но...

— Разумеется, — не дал договорить мне Шлюндт. — Разумеется, я это сделаю. Но все же рекомендую в ближайшие дни приехать в клинику и завершить медицинское обследование. Отдельно замечу, что подобные процедуры полезны всегда, безотносительно сегодняшнего происшествия.

— Непременно последую вашему совету, — еле сдерживаясь, пообещал я. — И спасибо за то, что не отказали в моей просьбе.

Я сбросил вызов, вышел из машины и несколько раз пнул полосатый столбик, стоящий на обочине.

— Вот, — подала голос Стелла, с любопытством смотрящая на происходящее. — А еще меня критикуешь. Я на фоне этого старого козла ангелок с крыльями. Слушай, так это он меня, выходит, подставить хотел?

— Только сообразила? — еще раз пнул столб я. — Конечно. Ты, Воронежская, девочка — молния, бьешь во все вокруг, не разбирая что и кто перед тобой. Вот там бы ты и блеснула по полной. Ведь уже на взводе была, верно? Шлюндт отпустил бы изначально провокационную реплику, на которые он мастер, и все, начался ор. А там стоит моя мама, которая в курсе, что мы с тобой вроде как

хороводимся, и на это все смотрит. И дальше нашего друга устраивает любой вариант. В лучшем для него случае ты срываешься на мою маму, и наши отношения, разумеется, испорчены напрочь. Сама понимаешь, я такого не потерплю. В худшем — ты получаешь проблемы не с моей стороны, а со стороны моих родителей, но тоже ведь удачный расклад, верно? У моей семьи большие связи. Ну и в любом случае он все сильнее привязывает меня к себе. Правда, Шлюндт кое — что не учел, разумеется...

— Что? — немедленно уточнила Стелла.

— Во — первых то, что я не так уж и близок с родителями. Нет, я их люблю... Но тем не менее. Во — вторых — мама никогда не попросит подобной помощи у отца. Да тот ее и слушать не станет, на самом деле. — Я вернулся в салон автомобиля. — Но в целом — хороший план. Да, кстати — он ведь еще и адрес твоего салона маме слил, так что жди ее завтра в гости. Она ужасно любопытна, потому непременно наведается поглядеть что к чему. Инкогнито, так сказать.

— Ага. — Воронежская помассировала виски. — Это интересно. А у тебя ее фото есть?

— Было где — то. — Я снова достал смартфон. — Стелла, только ты помни — если хоть что — то с мамой или отцом случится, я тебя на ремни порежу. И это не красивая фигура речи. И плевать мне будет на возможный конфликт с твоим ковром, вертел я его... Ну ты поняла.

— Совсем дурак? — девушка повертела пальцем у виска. — На угрозы твои мне плевать, а вот на Покон — нет. Он родителей да детей врага своего трогать запрещает, а с ним я спорить сроду не стану. Ну и потом — не совсем же я дрянь, хоть ты меня за такую и держишь. Я фотку твоей мамы своим мастерам покажу, чтобы те мне сразу просигналили о том, что она пришла. Ну а после я такое представление устрою, что Шлюндт со своим любительским театром в глубокой заднице окажется. Посмотрим еще, кто кого спалит.

— Знаю, что в контексте недавно сказанного эта фраза прозвучит парадоксально, но я на твоей стороне, — сообщил я ведьме. — Зря Карл это все затеял, не нравится мне такой подход к делу. Вот, смотри.

— Чего «смотри»? — вздохнула девушка. — Перебрось через «вотсап». Кстати — интересная женщина, но над прической ее я бы поработала. Да, может, еще и поработаю, почему нет?

— Эй — эй, — остановил я ее. — Ты имей в виду — мама давно хочет внуков. Если ты ей понравишься, то тебе труба. Она тебя заботой окружит.

— Ну и пусть, — передернула плечиками Стелла. — У меня родителей, почитай, и не было, так что погреюсь у твоего семейного костерка. И потом — кто тебе сказал, что у меня изначальные планы не поменялись? Может, я передумала? Может, я тебя не убить хочу, а на себе женить? Все проблемы сходу разрешатся. И Марфа поподреет, и Шлюндту козью рожу сострою, и благосостояние свое увеличу.

— А где в этом списке я?

— Ты? — Стелла задумалась. — Ну где — то есть, скорее всего. Но это все потом, после осеннего визита в лес. Слушай, а дай перстень посмотреть, а? Он старый?

— На, — я протянул ей требуемое. — Коллекционная штука, пятнадцатый век, принадлежал одному из Валуа.

— Фига себе. — Стелла повертела украшение, а после без труда надела его на свой пальчик. — Великоват перстенок, конечно, но вещь. Подари мне его, а?

Глава 11

— Привет. — Я обменялся рукопожатием с Ласло, который сегодня плюнул на пафосность, натянув на себя вытертые джинсы и зеленую футболку. — Я рюкзак и металлоискатель на заднее сидение брошу?

Кроме него в машине никого не наблюдалось, и, хотя багажник «Фольксвагена Атлас» вполне вместителен, я все же решил, что так будет надежней. Кто его знает, как мой новый приятель водит? Может, он лихач?

— Конечно, — разрешил мадьяр. — А зачем тебе эта штука? Я был уверен, что твой дар не нуждается в технической поддержке.

— Одно другому не помеха, — назидательно произнес я. — Мало ли, как оно там повернется? Ну и потом, мне нравится именно вот так разные всякости искать. Процесс завораживает. Одно дело клады, они почти все капризные, вздорные, то плачут, то страшат, то вообще пытаются убить. Другое дело — монеты, брошки и прочая дребедень, что в земле поодиночке лежит. Ни мне от них ничего не надо, ни им от меня. Гармония!

— Интересный взгляд на вещи, — одобрительно сказал Ласло. — Все, положил?

— Ага, — подтвердил я. — И еще — вон там, за углом, магазин круглосуточный. Мне бы в него минут на пять заскочить?

— Зачем? — удивился мадьяр. — Еду я взял, как договаривались, хорошую, ресторанныю. Ну и по дороге перекусим, я уже наметил где. Там чудное место с русской кухней, очень хорошие отзывы посетителей.

— Просто поверь — так надо для пользы дела, — заверил его я. — Вчера хотел зайти, купить что нужно, да забыл.

Тут я приврал. Ничего я не забыл, просто меня Стелла до подъезда довезла, а возвращаться стало лень.

Кстати — ведьма на меня обиделась, потому что я ей перстень так и не подарил. Нет, пообещал отдать насовсем, когда все закончится, но до той поры все же оставил его у себя. Она после этого откусила губы и до самого дома со мной не разговаривала. И даже не подпустила свою обычную шпильку на предмет того, что кое — кто

мог бы пригласить девушку в гости. Зря, между прочим. А вдруг пригласил бы?

В магазине я купил пару кругляшей «столичного» хлеба, два пакета с карамелью и коробку кускового сахара. Ласло с удивлением посмотрел на данный продуктовый набор, но ничего не сказал. Сразу видно — умный человек. И в самом деле — мало ли какие традиции у русских? Может, они без хлеба и конфет вовсе в леса не ходят, по религиозным соображениям? К тому же, в определенном смысле, так оно и есть.

Расчет нас не подвел, мы успели проскочить Ленинградку до того, как она окрасится на Яндекс. пробках в красный цвет, и вскоре по обеим сторонам трассы замелькали деревья, перемежающиеся небольшими коттеджными поселками, из числа тех, куда без пропуска не попадешь.

Ласло молчал, глядя на дорогу, скорость убаюкивала, и я сам не заметил, как меня сморила дрема. И все бы ничего, да вот только во сне меня снова посетили призраки прошлого, превратив его если не в кошмар, то в неприятное видение точно.

На этот раз обрывки истории приняли вид то ли девушки, то ли молодой женщины, лица которой я, как не старался, ни смог разобрать. Была она стройна, причем это достоинство ее фигуры отлично подчеркивало старинное платье из числа тех, что так любят показывать в сериалах про красивую дворянскую жизнь.

Девушка немного покружилась, словно в танце, а после рядом с ней возник силуэт молодого человека, стоящего на коленях и что — то ей протягивающего. Что — не разглядел, поскольку, к моему великому разочарованию эту картину скрыла мутная пелена. А секундой позже я снова увидел незнакомку, она стояла одна в темной комнате и смотрела в окно, за которым царилась ночь. Но главным было не это. Главное то, что она время от времени проводила ладонью по правой стороне груди, где искоркой вспыхивало... Черт его знает, что именно. Понятия не имею. Но это точно то, за чем мне предстоит гоняться.

И снова — пелена, более всего похожая на капли дождя, стекающие по стеклу, причем я стою непосредственно рядом с ним, вроде как снаружи, глядя на то, как девичий пальчик с обратной, запотевшей стороны выводит буквы «S» и «C». Что они значат? Не знаю.

А после там, за окном, вдруг вспыхивает пламя, яркое, безжалостное, и слышится крик из числа тех, которые называют последними. Стекло лопается, огонь рвется ко мне, чтобы забрать жизнь не только той, что умерла бог весть сколько лет назад, но и мою.

Страшно — то как!

— Кошмар приснился? — сочувственно осведомляется у меня Ласло. — Бывает. Мне тоже иногда всякое снится. Иногда очень страшное. Но снов бояться не следует, они не принесут вреда. Более того, если верно их истолковать, то можно избежать многих неприятностей. Правда, настоящих повелителей снов почти не осталось. Я знаю только двоих, и они не так сильны, как сами про себя думают.

Я вытер холодный пот с лица и несколько раз вдохнул — выдохнул. Однако. Аж жилка на виске запульсировала.

Жестко. Прямо жестко. И непонятно. Например, вот этот огонь — привет от Полоза или подсказка? Наверное, подсказка, иначе чего бы там девица орала?

Или мой наниматель таким образом мне советует повнимательнее в сторону Воронежской смотреть? Дескать — будет лезть во все дырки, сгорит к нехорошей маме?

ТЬфу, какая чушь в голову лезет. При чем тут вообще Воронежская?

— Ага, — ответил я. — Приснится же такое. Слушай, можно я закурю? Ну или прижмись к обочине, я там подымлю. Просто машина ведь прокатная, верно? А у них разные требования бывают.

— Кури, — разрешил мадьяр. — Мне, как правило, в подобных организациях редко претензии предъявляют. Что снилось?

— Разное, — уклончиво ответил я, и понятливый спутник более ничего спрашивать не стал, чем заработал в моих глазах еще большее уважение.

«S» и «C». Имя и фамилия? Возможно. Еще это, скорее всего, опять иностранка. Хотя — тоже не факт, у нас в девятнадцатом веке аристократия больше на французском говорила, чем на русском. Да и немецкий был в чести, поскольку многие фамилии, из числа не сильно влиятельных, род вели от иноземцев, что на службу к герру Питеру нанимались.

А платье все же можно принять как временной ориентир. Даже я, не являясь историком моды вроде Васильева, могу точно сказать — это

фасон, появившийся не ранее середины восемнадцатого века и не позже середины — конца девятнадцатого. Я видел гравюры и рисунки той поры, до указанного периода дамы носили кринолины, каркасные воротники и все такое, тут же ничего подобного в помине не имелось. Ну а к концу девятнадцатого века мода вообще пустилась вскачь, подобные наряды стали архаикой. Так что диапазон можно сузить.

Но это все не самые важные вопросы. Что за предмет мне подмигнул светом во сне? Что это было? Брошь? Этот... как его... Аграф? Вариантов — масса.

— И все — таки — что тебя так озадачило? — не удержался от вопроса Ласло. — Если это не тайна — может, помочь?

— Как думаешь, что могла носить на груди девушка в восемнадцатом веке? — решил не отказываться от предложения я. Ну а почему бы и нет? — В смысле — из украшений. Вот тут, справа.

— Очень много вариантов, — тут же сообщил мне мадьяр. — Все зависит от того, что это за девушка, из какой она семьи, какого возраста, в какой стране проживала, замужем она или нет.

— Ого, — опешил я. — Даже так?

— Само собой, — усмехнулся Ласло. — Это сейчас ты можешь за сутки облететь половину планеты, оказаться в незнакомом городе и все равно ощутить себя как дома. Везде одинаковая реклама, одно и то же меню в ресторанах, одни и те же сериалы по телевизору. Мир стал единым пространством, за редким исключением, границы остались только в виде географических понятий. А тогда условностей была масса. Хотя какие — то вещи, разумеется, были едины. Например, если речь идет о незамужней девушке из хорошей семьи, впервые вышедшей в свет или только начавшей делать это, то на груди у нее могла находиться бутоньерка с белой розой и крупной жемчужиной, они символизировали ее девственность. И всякий кавалер, если он имел понятие о чести, обязан был соблюдать определенные правила по отношению к ней. Не скажу про Россию, но в Европе это практиковалось.

— А что еще могло быть? — оживился я.

— Например, кулон в виде замка, — отозвался мадьяр. — Впрочем, иногда его вешали и на шею. Он свидетельствовал о том, что его владелица хранит верность мужу или же любовнику, потому не стремится заводить новые связи. Подобное украшение вошло в моду в

начале восемнадцатого века, немецкие мастера постарались. Чуть позже они стали делать к замку ключики, которые его открывали, тем самым превратив его в медальон. Причем иногда эти предметы вступали в определенные сочетания с «мушками», создавая совсем уж причудливые послания окружающим. Это, мой друг, был самый настоящий тайный язык, доступный только посвященным.

— Хорошо. — Я потер ладони. — Такой вопрос — а что мог подарить девушке юноша? Ну из подобных предметов?

— Подвеску, — уверенно заявил Ласло. — Знак любви и верности. Если он был богат, то, возможно, в виде сплетенных инициалов — его и избранницы, если не слишком — то попроще, но непременно с тремя камнями разных цветов. Это должно было сказать окружающим, что сердце данной прелестницы несвободно. Ну а если та меняла свое решение в отношении юноши, то можно было избежать ненужных объяснений, просто вернув подвеску дарителю. Да и мужья частенько дарили подвески женам, как бы говоря им, что их страсть не угасла. Ну хотя бы формально.

— Подвеска? Это как в «Трех мушкетерах»?

— Да — да, — подтвердил Ласло. — Людовик не любил Анну Австрийскую, но приличия ради подарил ей подвески, говоря о том, что чувства есть, и они сильны. А та, в свою очередь, передала их Бекингему, причем как что?

— Как дар любви, — усмехнулся я. — Вроде, в тексте их так и называют.

— Именно. — Мадьяр чуть прибавил скорости, ибо дорога с нашей стороны была почти пустая. — После чего король сильно и обоснованно разозлился, заподозрив, что его подарок был передан другому мужчине. Причем не какое —нибудь кольцо или колье, а именно подвески. Замечу отдельно — очень дорогие подвески. Двенадцать алмазов — это серьезно. За такую побрякушку в те времена где —нибудь в Руссильоне можно было прикупить поместье, землю и виноградники в придачу. Про Гасконь с ее многочисленными полуразрушенными замками я и не говорю.

Подвеска. А что, очень может быть. Почему нет? Теперь бы еще понять, кем была эта «SC», да получше рассмотреть предмет.

Настроение поднялось, а после того, как мы перекусили в придорожном кафе, том, о котором мне говорил Ласло, стало вовсе

замечательным.

Остаток дороги пролетел незаметно, и я даже удивился в тот момент, когда увидел из окна машины озеро Сенеж, красиво бликующее под солнцем.

После мы проехали мимо рыболовной базы, мелькнул справа дом отдыха довольно старой постройки, а следом за этим Ласло направил автомобиль на какую — то совсем уж узкую дорогу, которая шла через лес. А минут через пять и с нее свернул, сообразуясь с какими — то приметам и рукописной картой. Надо полагать, нарисованной его братом, тем, который дядюшку порешил.

— Приехали, — наконец сообщил мне он, съехав с лесной дороги на уютную полянку. — Поиски стоит начинать отсюда.

— Почему отсюда? — любопытствовал я. — Пару минут назад мы не менее живописное место проезжали.

— Так сказал Лукан. — Мадыяр помахал картой. — Ему можно верить.

— Н — да. — Я вылез из машины, и потянулся. — Ну раз Лукан.

В Москве предстоящее приключение виделось мне более простым. А тут, глядя на высокие ели, стоящие с трех сторон вокруг поляны, уверенность как — то немного рассеялась. Тут вообще леса были не чета тем, что я посетил за последнее время, никаких березняков, насквозь просвеченных солнцем. Суровый ельник, через который запросто не продрасться.

— Посиди — ка еще маленько в машине, — велел я мадыяру. — Надо кое — что сделать.

— Хорошо, — без малейшего удивления и каких — либо вопросов согласился он. — Как скажешь.

Я взял с заднего сидения пакет с теми продуктами, что купил с утра, повертел головой, заметил между елками слева просвет, да и направился туда.

Точного текста, с которым надо обращаться к лешему, мне никто не надиктовывал, потому я решил импровизировать.

— Добрый день, лесной хозяин, — поклонившись, произнес я, перед тем положив на найденный пенек привезенные гостинцы. — Не обессудь, не знаю, как тебя звать — величать, но все одно хочу поклониться тебе хлебом да сладостями, в знак большого уважения и...

— Ишь какой вежливый, — проскрипел сзади старческий голос. — Давно таких слов не слышал. Уважение, гляди — ко!

— Большое, — отметил я, поворачиваясь к говорящему. — Еще раз — добрый день, дедушка.

Стар был местный леший, ох как стар, даже на фоне не сильно молодых дяди Егора или дяди Фомы. Борода белая и какая — то поредевшая, нос крючком, сам весь какой — то сгорбленный, на посох опирается. И из телогрейки, что на нем надета, тут и там клочья торчат. Знал бы — купил не только еды, но куртку какую попримичнее.

— Хлебушка, стало быть, мне принес, — прошамкал лесовик, глядя на продукты. — За это спасибо, малец. Давно не едал, давно.

Он направился к пеньку, шаркая по траве старенькими валенками, подшитыми кожей, после с трудом уселся на него, чуть подвинув еду, отломил себе горбушку и медленно начал ее жевать, глядя перед собой.

Однако, ерунда вышла. Как бы дедушка не оказался склеротиком, или, того хуже, маразматиком. У меня на его помощь большие надежды были, а теперь уж и не знаю — выгорит дело или нет.

— А как звать вас? — уточнил я. — Меня вот Валерой.

— Дедом Силантием зови, — посопев, ответил лесовик. — Не пойму никак — ты каких будешь? Ведьмак, что ли? За травами пришел? Или из оборотней, спрятаться надо? Хотя нет, Велесово племя — оно другое, сразу говорит, чего надо. И да, пахнут оне.

— Не тот и не другой. — Отчего — то мне стало смешно, еле улыбку сдержал. — Хранитель кладов я, дед Силантий. Великий Полоз меня выбрал из всех и к этому делу приставил.

Вообще — то про золотого змея я говорить изначально не собирался, но, глядя на этого старичка, я вдруг подумал, что до него вести от дяди Егора могли и не дойти. А если и добрались, то он про них давно забыл, потому лучше перестраховаться.

— Эва. — Дед Силантий вдруг кинул на меня быстрый взгляд. Слишком быстрый и слишком пристальный. — Сам Полоз, говоришь?

Я молча задрал майку и показал ему сплетенных воедино змеек, которые расположились рядом с моим сердцем.

— Слышал я про тебя. — Мне кажется, или лесовик стал говорить куда быстрее и внятнее. — Приносили сороки вести на хвосте, правда, не думал, что свидеться придется. А с тобой на повозке кто приехал? Брательник твой, или просто дружок закадычный?

— Пожалуй что дружок, — подумав, ответил я. — Не то чтобы загадочный, но... Хороший человек.

— Да какой он человек? — хмыкнул дед Силантий. — Охти мне! Ладно, пошли к нему, что ли? Все ж таки чародей, хоть и не наших кровей, надо уважить гостя. Еду только прибере, парень, тут не оставляй. Лисы у меня наглые этот год народились, чуть что оставишь — жрут!

И он зашмурыгал в сторону поляны, причем теперь вполне шустро, особо не сутулясь и не охая. Вот ведь! А я поверил!

Ласло так и сидел в машине, ожидая моего возвращения. Впрочем, как только мы с дедом Силантием вышли из ельника, сразу из нее вылез и подошел к нам.

— Прими мое приветствие, повелитель деревьев, — приложив руку к сердцу, поклонился лешему мой спутник. — Пусть лес твой растет ввысь и вширь, а звери в нем не переводятся никогда.

— Как он меня назвал? — уточнил у меня дед Силантий.

— Повелитель деревьев, — подсказал я. — У него в стране так лесных хозяев называют, наверное. Он же мадьяр. Венгр, если по — нашему.

— Это не по — нашему, а по — вашему, — осек меня леший. — Мне и то слово неведомо, и другое. А что, чародей, далеко твоя страна?

— Для человека — да, для птицы — не очень, — улыбнулся Ласло. — А для мысли вовсе рядом.

— Ясно. — Лесной хозяин потоптался на месте, а после сел на пень, который, само собой, возник именно там, где было надо. — Ну ладно, ребятки, а теперь скажите мне, что вы в моем лесу забыли? У меня ить кладов — то давно нет, тем более таких, чтобы за ними Хранитель с иноземным чародеем на пару пожаловали.

— Как нет? — удивился я и посмотрел на Ласло. — Друже, мы точно туда приехали?

— Второй раз отвечу — ручаюсь за то, — строго глянул на меня мадьяр. — Ошибки нет.

— Так и кладов нет, — показал я на лесовика и прислонил к пню пакет с продуктами. — Дед Силантий тут каждую травинку знает.

— Серьезных — нету, выкопали их уже, — подтвердил старик, отламывая себе еще хлеба. — Осталось кое — что, но то не клады, а

так, мелочь. Под дубами на косогоре, к примеру, чугунок с монетами зарыт. Дурные деньги, кровью взятые, разбоем. Их Еремейка закопал, он в моем лесу хоронился лет триста назад со своими дружками, такими же злодеями заугольными. Из беглых холопов Еремейка был, дран за воровство нещадно, потому большую злобу затаил на служивых людей да на господ. Нет бы только грабил, это ничего, но он кровь лил что водицу, а женщин еще и того... По — всякому случалось, короче.

— Так понимаю, закончил он плохо, — подытожил я.

— Людишек его всех тут солдаты порешили, — подтвердил дед Силантий. — Живыми брать не восхотели, тела так в Черном овраге и оставили, на прокорм зверью. Не стали закапывать. А его увели куда — то связанного, должно, в другом месте казнили. Ну а чугунок под дубами остался. Коли желаешь — забирай.

— Пока не надо, — отказался я. — А еще какие клады у вас тут имеются?

— В дальних мшаниках могила есть, — подумав, отозвался лесовик. — Сильно старая. Там великий воин лежит, ему с собой в дорогу злата — серебра отсыпали собратья, коня там же положили, оружие дорогое дали и курган небольшой насыпали. Курган время изничтожило, но могила осталась. Еще несколько совсем маленьких кубышек зарыты там да сям, разные люди клали. Ну и цыганская захоронка в дальнем распадке имеется. Но ее лучше не трогать.

— А почему? — тут же уточнил я.

— Потому, — отправил в рот крошки леший. — Цыгане народ непростой, много чего умеют да знают, так что если чего прячут, то непременно стража при добре оставят, и не простого, а с подвывертом. Да и не жди добра с такой поклажи, она точно лихом обернется. Что цыган положил, то цыган и забрать должен. Опять же — никто за спрятанным не вернулся, стало быть, некому было, погиб, видно, табор. Не просто же так они все, что имели, в яму поклали? Немец тогда по нашей земле шел, цыгане от них бежали, да, видать, не получилось.

Ну да, фашисты ромов не любили, есть такое. Сразу их к стенке ставили.

— Вот! — оживился вдруг дед Силантий. — А хочешь, Хранитель, я тебе покажу, где два десятка солдат германских у меня лежит? С

офицером! От них много всякого осталось. Оружие — то проржавело давно, а вот коробка железная так и валяется в том овраге, где я их... Кхм... Они ее «кассе» называли.

Интересно, а как эти солдаты с офицером в овраг попали? Сдается мне, что неслучайно. Потом глянуть, что ли? Только прежде надо отыскать то, зачем сюда приехали.

— А старые да большие клады все давно нашли, — тем временем вещал лесной хозяин. — Народу на земле все больше, места ему не хватает, вот лес и вырубает. То дома поставят, то вон этот возведут... Санаторий. Одно время думать начал, что скоро мне конец придет. Оно ведь как, — нет леса — нет меня. Но обошлось, обошлось, ушли из моего дома пильщики, нашелся на них укорот. Ко мне сюда ведьма одна захаживает, травы собирает, так она сказала, что у меня здесь нынче зона... Эта...

— Природоохранная, — предположил я.

— Вот, она, — подтвердил лесовик. — Закон теперь меня охраняет. Ну а я ему, стало быть, помогаю, если кто нарушать пытается. По — своему, стало быть, как сызмальства учен.

Даже знать не хочу, как именно он помогает. Крепче спать буду. У него наверняка тоже своя стая волков имеется.

— Так вот когда деревья мои вырубали да пни потом корчевали, почитай, все клады и выбрали из земли, — закончил свою мысль дед Силантий. — Да и было — то их...

— Наш найти не могли. — Ласло, как мне показалось, занервничал. — Я бы знал. Да и закопал его дядя не так давно!

— Дядя, говоришь? — Старик достал из пакета коробку с сахаром, открыл ее и засунул кусочек рафинада в рот. — Твоих кровей, выходит, только с чернотой внутри? Колдун, по — нашему?

— Да, сказать, что он служил Свету, никак нельзя, — вздохнул мадьяр. — Этот человек предпочитал темные пути.

— Был такой, — причмокнул дед Силантий. — Вон в той стороне жил, помню. Хаживал сюда, бродил по моему лесу. Я за ним приглядывал, вестимо. Все же колдун, да еще чужеземный, поди знай, чего он удумает? Это племя такое, никогда не ведаешь, чего от них ждать. Коли просто походит, травки какие соберет — это хорошо. А ну как какую каверзу устроит? А мне потом за нее отвечай! Но родич твой ничего такого не творил, знай меж деревьев бродил, что — то

бормотал, песни пел иногда. Но вот того, чтобы он прятал что — не видал, врать не стану.

— Тупичок, — развел руки в стороны я. — Ласло, если желаешь, тоже походим, побродим и мы, но дед Силантий ошибаться не может. Это его лес, как ты слышал. Он тут знает все.

— А дядя Силард знал, что за ним наблюдают, — вдруг по — мальчишески улыбнулся Ласло. — Ну конечно же! Он чуял, что вы, уважаемый, рядом, потому в нужный момент просто отвел вам глаза.

— Мне? — Дед Силантий забросил в рот еще кусок сахара. — В моем лесе? Ты что, чужеземец, с глузду съехал?

— А? — непонимающе посмотрел на меня мадьяр.

— С ума сошел, — пояснил я. — И да, мне тоже так кажется.

— Дядюшка знал толк в своем ремесле, — упрямо заявил Ласло. — И был крайне терпелив на пути к цели. Он мог прийти сюда двадцать раз и просто петь песни, а в двадцать первый сделать то, что собирался. Это очень на него похоже.

— Может, ты и прав, — призадумался лесовик. — Он сюда ить сколько раз ходил, а потом вдруг раз — и перестал. Хотя еще какое — то время тут жил, пока совсем не сгинул. Опять же — он не нашей земли колдун был, мог знать те чары, которые мне не под силу развеять.

— Мог, — подтвердил Ласло. — Его учил отшельник Грегеш, он знал многое и о многом. Грех так говорить, но мой брат сделал благое дело, забрав жизнь дядюшки. Слишком уж тот любил золото, настолько, что ради него мог пойти на любое злодейство. И жалости не знал.

— Ну если это так... — Глаза лесовика блеснули. — Ну я тогда...

— Так он все, мертвый уже, — напомнил я деду очевидный факт. — Ласло только что сказал про это.

— Неважно, — засопел старик. — Если кто такой пожалует еще раз, буду за ним внимательней смотреть. В моем лесу мне же глаза отвести! Куда это годится?

— Безобразие, — согласился с ним я. — Дед Силантий, может, поможешь нам найти то, что этот паразит закопал? Там две вещи лежат, что он у семьи Ласло стащил. Памятные вещи, что от отца к сыну переходят много поколений.

— Да я не прочь, только вот... — засопел лесной хозяин, засучил ногами в валеночках. — Стыдно сказать — где искать — то? Лес хоть и проредили, но он все же велик, а я той поклажи не чую.

— И что? Я тоже не чую, хоть и должен. Ласло, карту дай и покажи деду, где мы сейчас.

— Вот. — Венгр развернул листок, лесовик с интересом в него уставился. — Мы сейчас здесь. А вот этот кружок — то место, где, скорее всего, дядюшка все и спрятал. Только это большое пространство.

— Ага. — Дед Силантий поводил заскорузлым пальцем по бумаге. — Здесь, стало быть. Вот что, добры молодцы, есть одна мыслишка! Пошли — ка за мной! Только ты, Хранитель, харчи с собой прихвати! Лисы у меня, тут, понимаешь... Что, рассказывал уже про это? Нет, не та память стала, что раньше, не та. Старый стал совсем.

Тропинка, появлявшаяся из ниоткуда и исчезающая за нашими спинами в никуда, минут через десять привела нас на светлую полянку, неподалеку от которой поблескивала на солнце гладь озера.

— Сюда он каждый раз приходил, — пояснил выбор места дед Силантий, плюхаясь на очередной пенек. — Ни разу не было, чтобы не заглянул. Придет, под дерево сядет, глаза закроет и песни поет.

— Потоки силы, — поднял руки к небу Ласло. — Я их ощущаю. Это непростое место, очень непростое. Не ошибусь, если скажу, что здесь когда — то...

— Капище было, — закончил за него лесовик. — Верно, чародей. Пращуры вот этого мальчика здесь богам старым поклонялись, жертвы им приносили. Вот тут он мне, видать, глаза и отвел. Я той силы, о которой ты говоришь, не чую, мне не дано такое, а сродственник твой, похоже, ее зачерпнул вдоволь. Но ничего, он хитер, а мы хитрее.

И я ничего не чуял, если честно. Поляна — и поляна, разве что грибов тут много. Вон подберезовик, и еще один, и еще. А там, близ елки, «белый» стоит, почти на самом виду. Надо было корзинку взять, а не металлоискатель.

Дед Силантий тем временем встал на пень, и залихватски свистнул, вызвав восторг Ласло, который подобного явно не ожидал. Впрочем, на этом неожиданности не закончились — прямо под моими ногами вдруг начала вспучиваться земля, да так сильно, что я чуть не упал.

Это был крот. Здоровенный до невозможности, размером с кошку. Он высунулся из земляной башенки, которую сам же и сотворил, повертел слепой башкой, пошевелил усами, а после, если можно так сказать, устался на лесовика.

— Созывай своих, Прокл, — коротко велел тот. — Где — то в лесу, под землей, спрятан... Эй, а как выглядит то, что вы ищете? Сундук, чай?

— Не знаю, — растерялся Ласло. — Вряд ли это сундук. Скорее всего — кейс. Хороший дорогой металлический кейс.

— А? — перевел на меня взгляд дед Силантий.

— Прямоугольный железный ящик вот такой толщины, — объяснил ему я. — С ручкой сверху.

— Ройте землю, — велел кроту леший. — Ищите.

— И если будет что — то странное, тоже пусть сразу сообщают, — попросил Ласло. — Лучше сходить и проверить. Он мог чары невидимости на то, что спрятал, наложить. Только чары — они и есть чары, сама — то вещь никуда не денется.

— Верно, — одобрил дед Силантий и обратился к кроту: — Слышал? Вот и славно! И чтобы в пределах двух верст все перерыли, каждый корешок обнюхали. Пока двух, а там поглядим.

Тот мотнул башкой и скрылся в раскопе.

— Отличное решение, — сообщил мне Ласло. — Простое и эффективное. К тому же, если честно, глядя на этот лес, я понимаю, настолько был наивен еще пару часов назад. Здесь можно ходить очень долго, но так ничего и не найти.

— Ну почему? — возразил ему я. — Не исключай фактор удачи. Но в целом — да.

— А что, чужин, леса в твоей стране есть? — Лесовик снова уселся на пень, покопался в пакете, достал конфету, развернул ее, обнюхал, да и отправил в рот. — Что у тебя там произрастает, какие деревья?

— Есть, — охотно ответил ему мадьяр. — Леса у нас, правда, не такие густые, как здесь, да и поменьше их, но есть. Если желаете, почтеннейший, я могу фотографии показать.

Дед Силантий, похоже, не понял, о чем его гость ведет речь, но глянуть на предложенное все же пожелал.

Пока эти двое общались, я расчехлил металлоискатель, вставил в него новые батарейки, поскольку он их жрет как не знаю кто, нацепил

на голову наушники и потихоньку двинулся в сторону озера. Это направление мне показалось наиболее перспективным.

Глава 12

То ли лес оказался неправильный, то ли еще что, но в наушниках стояла тишина, не звучало в них радующее сердце пицание. Минут двадцать я бродил по поляне, убеждаясь в правоте слов Сивого. Он мне в машине, когда мы только ехали к разрушенной деревне, помнится, сказал:

— Поиск в лесу без предварительной подготовки — дурь несусветная. Можно ноги до колен стоптать, а ничего не найти. Потому сначала работаешь с картой, потом с архивами, находишь подтверждения тому, что на месте, например, бывшей деревни теперь лес растет, и только после выдвигаешься на «коп». А так по чащобам бродить — пустое дело. Случаются, конечно, находки, но...

Да и то — откуда тут, например, монеты возьмутся? Ну да, было здесь когда — то капище, но там в жертву не золото — серебро приносили, а живность разную. Да и слишком давно это было. Купцы тут не ездили, войска не маршировали, стало быть, никто ничего не терял.

И вот как только я задумался о том, чтобы сворачивать поиски, раздался сигнал металлоискателя. Монета! Глубоко, но все же!

К слову — копать в лесу тоже, конечно, тяжело. В деревнях, в полях — там все же поднятый грунт, а тут... Сплошные комки корней, это ужас какой — то. Да еще эта духота невозможная!

Добило меня то, что монета оказалась совсем уж никакущая. Царская, не советских времен, по размеру понятно, но все остальное... Сплошная зелень. Сивый такие находки «какаликами» называл, и точнее здесь не скажешь.

— Парень, а ты чего делаешь — то? — поинтересовался у меня дед Силантий. — Чего с палкой ходишь?

— Ищу, — печально ответил я ему. — Монеты, вещи старые. Палка их в земле видит и мне о том говорит.

— Чудные дела! — сообщил Ласло лесовик. — Я ему говорю — пошли, заберешь чугунок, там монет серебряных — горстями меряй. Он — нет. Зато яму какую выкопал, ради медяшки никчемушной. Ну не дурень?

Самое досадное — он ведь прав. Куда проще взять и выкопать чугунок. Но ведь — и куда скучнее.

— Купаться пойду, — сообщил я этой парочке, притоптав ногой место раскопа, возвращенное в почти изначальное состояние. — Ой!

Это у меня под ногами почва качнулась, как видно, крот под ней прополз. Они так рылись вокруг, что то и дело там и сям земля проседала на глазах.

— А иди, — разрешил дед Силантий. — Русальные недели давно прошли, Ильин день еще не настал, да и водяник у нас тут добрый, без нужды не топит никого.

— Я с тобой, — встрепенулся мадьяр. — А там и перекусить можно немного. Уважаемый, вы же не откажетесь отведать нашей еды?

— В хорошей компании и лопух за крендель сойдет, — благожелательно сообщил нам лесовик, похрустывая сахаром. — Да и не по Покону от такого приглашения отказываться.

Плавок я с собой не захватил, но меня это совершенно не беспокоило. Да и с чего бы? Тут, на узеньком пяточке песчаного берега, который озеро отвоевало у леса, все равно никого не было. Основная жизнь била ключом сильно правее от нас, там, где стояла импровизированная рыбацья деревня, пансионат и имелись иные признаки цивилизации. А тут — только вода, небо да деревья за спиной.

Ласло, кстати, вообще догола разделся, чем меня немного удивил. Может, у них так принято купаться? Традиции и все такое?

Вода оказалась великолепная. Сверху прогретая, снизу прохладная, и очень чистая. Что особенно приятно — дно песчаное, не то что в иных озерах, где мне приходилось плавать до того. Все вроде бы хорошо, но вот эта скользкая слизь водорослей под ногами — она бесит. А тут — благодать.

Я отмахал саженками изрядное расстояние от берега, после развернулся, чтобы вернуться обратно, и в этот момент услышал уже привычное:

— Хранитель, мы здесь! Мы тут! Забери нас, мы давно этого ждем!

— Да ладно, — пробормотал я. — Не может быть!

Из — под воды голос шел, похоже. Впрочем — а откуда же еще? Тут больше ничего и нет.

— Твое право, Хранитель, — к девичьему голосу добавился мужской. — Владей тем, что тут есть! А нам свободу дай, ее желаем!

Я набрал воздуха в грудь и нырнул, испытывая, впрочем, определенные сомнения насчет того, что доберусь до дна. Глубина тут наверняка порядочная, а я все же не профессиональный пловец. Но попробовать надо, хоть бы даже из интереса.

С первого раза достать до дна не удалось, я вынырнул, отфыркиваясь, ничего не ответил Ласло, который заметил мои телодвижения и что — то спросил, набрал воздуха в грудь, и снова отправился под воду.

Глубина в самом деле оказалась немалая, но не предельная, потому со второго раза я до дна добрался, и почти сразу заметил покрытое зеленою кольцо, торчащее из песка. Причем приделано оно было к крышке небольшого сундучка, это я понял секундой позже. Скорее всего — медь, поскольку другой какой металл давно бы тут ржой стал. Ну, из тех, что были в ходу в старые времена, естественно.

Надо же. Пошел, понимаете ли, искупаться, а нашел клад. Вот потеха!

В висках начало стучать, к тому же в мозг ввинчивались вопли и причитания дуэта, сидящего в обнаруженном мной сундучке, потому я не стал канителиться и протянул руку к кольцу, вот только схватить его не успел.

Сильный удар в грудь выбил оттуда остатки воздуха, и те пузырьками унеслись на поверхность воды.

— Не твое! — Пронзительный визг чуть не разорвал мои барабанные перепонки. — Не тронь!!!

Оказывается, меня ударила и, по сути, почти утопила светловолосая крепкогрудая девица. Она висела надо мной, подбоченившись, и заполошно орала.

Нет повода не удивиться, вот только мне сейчас не до того было, ибо в данный момент я начал прощаться с жизнью. Воздух из меня вышел, а вот вода, наоборот, внутрь влилась, потому я практически потерял связь с реальностью и судорожно шевелил руками, пытаюсь подняться вверх, туда, где есть небо, простор и спасение от смерти.

— Куда? — недовольно завопила девка, и вцепилась мне в ноги. — Еще чего! Наш ты теперь! У, ворюга!

В глазах потемнело, в ушах перестали грохотать барабаны, и только тяжесть в груди говорила о том, что я еще жив.

И как же я удивился, когда понял, что вижу свет! А еще ощущаю боль от ударов в живот, и слышу слова Ласло:

— Воду выплюни! Или как это по — русски?

Вообще — то, у нас утопленников сначала на берег вытаскивают, а уж потом пытаются их реанимировать, но это неважно. Я с удовольствием изверг из себя маленький водопад, попутно осознав, что мадьяр с немалой скоростью, подхватив меня под мышки, несется к берегу. Прямо не человек, а торпедный катер.

— Отдай! — Чья — то рука вцепилась в мою ногу. — Он наш, колдун! По праву! По Покону!

— Csókold meg a seggem! — рассмеявшись, ответил светловолосой девке Ласло. Не знаю, что именно он ей сказал, но по интонации понял, что вряд ли это признание в любви.

Но мне было не до смеха, девица оказалась куда как крепка, и ногу мою отпускать не собиралась, так что мадьяр теперь тащил двойной груз.

— Все, здесь уже мелко, — сказал он в какой — то момент и отпустил меня, тяжело дыша. — Уф, устал!

Я понял, что сижу на песочке, правда, по самую шею в воде.

— Пошли назад. — Голова моей несостоявшейся убийцы показалась в паре сантиметров от моего лица, ее зеленые глаза завораживали и манили за собой обратно, в глубину озера. Впрочем, следом за этим я ощутил, как ее холодное тело коснулось моих ног, и морок, начавший меня убаюкивать, спал. — Ты наш, говорю!

И в этот момент из меня выплеснулся остаток проглоченной воды, причем прямо ей в лицо. Она на секунду застыла, а после заорала, как торговка на рынке, причем ее вопли время от времени заглушал хохот Ласло, который уже добрался до берега.

Я тоже не стал тянуть, и задом, помогая себе руками, пополз туда, где веселился мой компаньон.

— В меня — плевать? — негодуя кричала девица, следуя за мной. — Ах ты, скотина! Да я тебя знаешь что? Знаешь? Ты у меня мальков пасти сто лет будешь! Лично батюшку — водяного упрошу тебя в самый дальний омут запихнуть!

— Угомонись, — посоветовал ей Ласло, отсмеявшись. — И радуйся, что тебе не удалось забрать его с собой. Поверь, это большая удача!

— Хитник он! — Девушка находилась в нескольких шагах от нас, стоя по пояс в воде, и выглядела она так, что было почти невозможно отвести от нее глаза. Белая кожа, идеальные формы, невероятной красоты лицо. Бывает же такое на свете! — Нет у него права забирать то, что принадлежит воде!

— Ласло, а она — кто? — спросил я у приятеля, впрочем, догадываясь уже, что услышу в ответ.

— Дитя вод, — негромко произнес тот. — По — вашему...

— Русалка я, — подбоченилась девушка. — Русалка. А ты — ворюга!

— Офигеть, — только и сказал я. — Слушай, а у тебя правда рыбий хвост?

— Что — о — о — о? — совсем уже взбеленилась обитательница озера. — Да чтобы у тебя язык отсох за такие слова! Чтобы не только язык, но и...

— Эй — эй — эй! — посерьезнел вдруг мадьяр, щелкнул пальцами, и девушка, взвизгнув, вдруг подпрыгнула, причем в этот момент я убедился, что никакого хвоста там нет. Ноги у нее, длинные и стройные. Причина столь резких телодвижений мне стала понятна мгновением позже — вода вокруг русалки покрылась пузырями, словно закипев. — Поосторожней с проклятьями, озерница. Думай, что и кому говоришь. Он не просто смертный. Он Хранитель Кладов.

— И друг Великого Полоза, — добавил я. — Вот он тебе ужо!

— Напугал. — Вода перестала пузыриться, русалка тоже вроде угомонилась. — Что мне твой Полоз? Он над земными силами владыка, да и то не из главных, похоже. Он вообще, может, не существует! Нам про него Агафья рассказывала, а она еще царя Гороха помнит, потому путает, что явь, а что нет!

О как. Выходит, не всякая нечисть моего нанимателя опасается. Ну вурдалаков я в счет вообще не беру, эти ребята борцы с системой, а вот остальные к нему с почтением относились.

— Тебя как зовут? — спросил я у зеленоглазки.

— Алена, — не стала кочевряжиться совсем уже успокоившаяся девица. — Слушай, а это выходит, ты любим кладам господин?

Агафья про то упоминала.

— Ну почти, — согласился я. — И тому, у которого ты меня прихватила, — тоже.

— Да вот еще, — фыркнула русалка. — Все, что в воде — наше. Вернее — оно нашему повелителю принадлежит, батюшке — водянику. Так что не Хранитель ты никакой, а...

— Ворюга, мы помним, — закончил за нее фразу Ласло. — Валерий, а там случайно не то, что мы ищем?

— Точно нет, — помотал головой я. — Этому сундучку лет сто — двести, если не больше.

— Больше, — влезла в беседу Алена, которая недовольно глянула на солнце и окунулась в воду. — Мне об то лето сто сороковой годок пошел, а это сокровище здесь задолго до меня лежало, так мои подруженьки говорят.

— Красивая ты, — вдруг, сам не знаю почему, сказал я. — Очень! Жалко, что утонула.

Русалка кокетливо потупилась, но при этом сквозь золотые волосы то и дело посверкивал ее зеленый глаз.

— Утопилась, — поправил меня Ласло. — Если бы просто утонула, давно бы на волю ушла. Так ведь? Срок безвинных речных дев вековой, а ты тут подольше плескаешься.

— Злой ты, колдун, — насупилась девушка, снова забравшись в воду по шею. — Ну утопилась, и что? Все зелено вино виновато, и Гришка — приказчик, что меня на грех подбил да дурной болезнью наградил. А я... Ну вас обоих!

Плеснула вода, и вот уже нет перед нами русалки Алены, только слабая волна на берег накатила.

— Лучше тебе в этом озере в ближайшие годы не купаться, — сообщил мне мадьяр, натягивая трусы. — Ты ей определенно понравился, потому она тебя обязательно утопит при первом же удобном случае. Не из злости, а из симпатии, ей с тобой под водой веселее будет. Девы вод крайне тверды в своих симпатиях, очень настойчивы и невероятно памятьливы.

— Даже не знаю, гордиться своим мужским обаянием в такой ситуации или нет, — растянулся я на теплом песке. — Но, знаешь, она мне тоже понравилась. Красивая!

— Потому что день, — усмехнулся Ласло. — Интересно было бы посмотреть на твое лицо, увидь ты ее при лунном свете.

— Даже не говори ничего дальше, — попросил его я. — Не разрушай иллюзии. Слушай, но хоть по колено — то можно в воду зайти? Песок смыть?

— Если что — я за тебя вступлюсь, — рассмеялся мадьяр. — Можешь быть уверен. Нет — нет, ты и сам за себя прекрасно можешь постоять, но вовремя подставленное дружеское плечо никогда не окажется лишним.

Дед Силантий, с пня, на котором мы его оставили, похоже, даже не вставал, но откуда — то уже знал про наше приключение. Впрочем — с его — то количеством осведомителей?

— Шалят девки, — кхекнул он, лукаво глянув на меня. — Водяник наш, что в озере главный, до них всегда слаб был. Как какая утонет, так он сразу давай ее обхаживать, чтобы, значит, не вздумала дорогу на ту сторону Кромки искать и с ним осталась. Но и тех, кто доброй волей в воду кинулись, не обижал сроду. Вот они волю и взяли.

— Зато имущество его как свое охраняют, — заметил Ласло, развязывающий объемный рюкзак, который он прихватил с собой, когда мы уходили с той поляны, где осталась машина. — Такая преданность дорого стоит. Ладно, давайте перекусим. Свежий лесной воздух и купание всегда аппетит разжигают, как костер. Вот тут у меня говядина, овощи, два вида пирогов...

— Погоди — ка, чародей, — насторожился вдруг дед Силантий, глядя на то, как зашевелилась земля на кротовьем раскопе, находящимся прямо рядом с пнем. — Сдается мне, не успеем мы потрапезничать, вести нам несут.

И верно. Из дыры в земле показалось остроносое рыло подземного копателя, причем он, высунувшись, сразу же забавно зашевелил усиками, что — то безмолвно сообщая лесовику.

— Нашли, — удовлетворенно гукнул тот. — Как говорено — плоская та штука и вытянутая, с ручкой. В старом ельнике, что у ручья, прикопана. Надежное место, ничего не скажешь. Случайный человек туда даже за грибами не полезет, потому как бурелом вокруг, а медведю или лисе та поклажа даром не нужна. Да ты, чародей, снесь тут оставь, токмо вон на ту ветку рюкзак повесь. Лисы у меня в этот год... Тьфу ты! Я ж про них уже говаривал!

Я так думаю, что если бы грибники знали, сколько тут белых грибов, то они бурелом штурмом бы взяли. Никогда такого не видел, честно. Десятки, если не сотни крепких, коричневошляпых, с пузатыми серовато — белыми ножками красавцев стояли стройными рядами, только и ожидая того, что их сорвут и положат в корзину. Мне даже застонать захотелось от осознания того, что все это изобилие нынче пролетает мимо меня.

И ведь наверняка все без изъяна, несмотря на жаркую погоду. Вот зуб даю — так и есть!

— Где? — Моему спутнику было плевать на грибное безумие, его больше волновало то, что скрыто в земле.

— Говорят — тут, — показал пальцем на засыпанное хвоей место дед Силантий. — Парень, ты лопатку — то свою взял?

— А как же, — усмехнулся я. — Ладно, копнем, поглядим.

Странное дело — я ничего не слышал. Вообще ничего. Ну, кроме шелеста еловых верхушек да неумолчного птичьего пения. Может, дело в покойном дядюшке и тех чарах, что он на спрятанное сокровище наложил?

Копать было на удивление легко. Хотя — травы, с ее невозможным количеством сплетенных корешков тут, в ельнике, почти нет, потому прорубаться не надо. Рой да рой на здоровье. Душно только очень, потеешь сильно.

Минут через пять лопата скрежетнула по металлу, попутно, как мне показалось, распоров какую — то материю. Хотя «распоров» — это не совсем то слово. Та словно бы расползлась под сталью шанцевого инструмента.

Так оно и было на самом деле! Как оказалось, я задел чемодан, который был завернут в кусок ткани, почти сгнившей за то время, что она находилась в земле. Металлом же были окованы его уголки, как видно, для пущей прочности, один из них и попал под штык моей лопаты.

— Странно, — немного ошарашенно сообщил нам Ласло. — Дядюшка никогда не отличался экстравагантностью, но зато ославился прагматизмом, потому я крайне удивлен его выбором.

— Может, просто под рукой у него ничего другого не оказалось? — предположил я, глядя на чемодан, который мне навевал воспоминания о советских фильмах, что время от времени смотрела моя мама по

телевизору. Там люди в поездах с такими же ездили. Однако шутки шутками, а поговорка о том, что «советское — значит отличное» все же не так и неверна. Этот коричневый пришелец из прошлого изрядное количество времени пролежал под землей и при этом практически не пострадал. Ну да, есть пара темных пятен на крышке, но и только. Правда, замки и крепежи ручек ржа почти съела, но это и понятно. — Всякое в жизни случается.

— Всякое, — признал мадьяр и провел рукой над находкой. — Не спору. Но даже чар никаких нет? Он что, просто его закопал — и все?

— Это да, — признал я. — Тоже ничего не слышу, хотя вроде бы и должен.

— Откроем да глянем. — Наша беседа, похоже, наскучила лесному хозяину, он и откинул крышку.

Тишина. Первую минуту после этого под елками стояла тишина.

— А это чего? — нарушил ее Ласло. — Кто — nibудь понимает?

— Пока нет, — отозвался я, присел на корточки у чемодана и начал в нем копать. — Одно точно понятно — это не то, что мы ищем. Но забавно.

Надо признать — содержимое и вправду оказалось забавным. Нам достались два мужских костюма — черный и серый, несколько галстуков с жуткой расцветкой, пяток сорочек, подтяжки, нижнее белье, носовые платки и бритвенные принадлежности, причем все было очень старое, чуть ли не полувековой давности. Мои предположения подтвердила книга, которая тоже обнаружилась внутри, годом ее выпуска значился 1976. Это был детектив под названием «Счастливый билет», на его обложке какие — то люди гнались друг за другом.

Но самое интересное обнаружилось на дне чемодана. Там, завернутые в пакет, лежали деньги, причем пачками, в банковских упаковках, на глазок около пятидесяти тысяч рублей. Я не очень силен в ценах прошлого века, но, как мне кажется, такая сумма в те времена считалась весьма изрядной. Помимо денег обнаружился еще паспорт гражданина СССР и несколько книжечек, подтверждающих то, что их обладатель является членом разных общественных организаций, причем во все была вклеена фотография одного и того же усатого дядьки. Мало того — из военного билета, когда я раскрыл его, на хвою под моими ногами выпала неаккуратно разорванная надвое

пятирублевая купюра. Этот обрывок и накладные усы, лежащие в отдельном пакетике, собственно, и расставили все по местам.

— Ох! — сообщил я моим спутникам, а после начал хохотать. — Ну мы и дали!

— А в чем, собственно, дело? — все так же удивленно спросил Ласло. — Валера, ты хоть поясни?

— В «холодной войне», — держась за бока и не в состоянии остановиться, ответил ему я. — Мы нашли захоронку шпиона тех лет, ясно? Ну чтобы в случае провала личность сменить. Уффф! А может, наоборот, это тайник, который другой резидент для него заложил. В Москву из Бонна прилетел какой — нибудь Карл Шульц, который после таинственно пропал из столицы, зато из этого леса вышел... Как там его? Мищенко Вадим Игоревич, гражданин СССР. Потому и место глухое выбрано, то, в которое особо никто не ходит. А родник — верная примета, чтобы не ошибиться. Вряд ли тут много ельников с родниками.

— Потому ты ничего и не слышал, — тоже расхохотался мадьяр. — Это же не клад!

Лесной хозяин переводил взгляд с него на меня, похоже, так и не взяв в толк, что к чему, но тоже начал тихонько подсмеиваться.

— Как видно, прихватили засланца империалистической державы доблестные чекисты, — предположил я. — Не добрался он до этих мест, вот чемодан так тут и остался, не забрал его никто. Правда, странно, что никто другой за ним не пришел. Вон тут денег сколько, не могли их просто так бросить. Может, остальных тоже арестовали?

— А почему тогда никто это место не выдал? — заинтересовался Ласло.

— Кто его знает? — пожал плечами я, взяв из чемодана пачку десятирублевых купюр. — Неисповедимы пути шпионские. Или тот, кто все это прятал, рассчитывал потом сюда вернуться и деньги забрать, как компенсацию за годы тюрьмы. Правда, просчитался, стали они просто бумагой.

— Стало быть, не то вы выкопали? — подытожил дед Силантий. — Охти мне!

Он топнул ногой по земле, там немедленно образовалась дыра, из которой высунулся длинный нос.

— Дальше ищите, — велел лесовик. — Не то это. И не лениться мне. А ты, Хранитель, давай — ка либо с собой это все забирай, либо обратно зарой. Мне тут мусора не надоть!

Я подумал, закрыл чемодан и бросил его обратно в яму. Ну а какой прок с этого добра может быть? Мусор, вернее не скажешь. Ладно бы еще тут пистолет обнаружился, его хоть как — то можно использовать, но деньги и документы давно рухнувшей Империи — это хлам, который даже антикварам не нужен. Я не о Шлюндте, который работает с серьезными ценностями, а о тех, которые берут все, что можно, от непонятно чьих фотографий до театральных афиш.

Но настроение нам эта история подняла изрядно, мы еще долго посмеивались — и когда обратно на нашу поляну шли, и когда начали перекусывать снедью, припасенной Ласло.

— Ить не помню, чтобы эту штуковину кто закапывал в моем лесу, — сообщил нам дед Силантий, с удовольствием похрустывающий маринованными огурчиками. — Чудно! Видать, шпиёны ваши тоже магию какую знают.

— Маскировочную, — усмехнулся мадьяр. — Скорее всего он или они выглядели как грибники, вот вы их и не заметили.

— Грибники с чемоданом? — усомнился я. — Сомневаюсь, что такое диво можно проморгать.

— Ну тогда не знаю, — спасовал мой новый приятель. — Еще говядины хочешь? Надо доедать, на такой жаре она долго не протянет.

Время шло, стрелка часов делала оборот за оборотом, на лес опустилась предвечерняя прохлада, а мы так и сидели на поляне в ожидании вестей. Нельзя сказать, чтобы их совсем не было. Например, кроты нашли скелет какого — то бедолаги с кошельком на поясе и даже притащили нам его содержимое. Сам кошелек распался в труху, но монеты оказались в отменном состоянии, так что стал я обладателем тридцати двух серебряных рублевиков времен веселой императрицы Елисавет. Что интересно — все они были датированы либо 1742, либо 1743 годом. Странно это. Не фальшивые ли? Вот не помню — Демидовы при Елизавете Петровне свои поддельные монеты в районе Каменного Пояса шлепали или нет?

Еще усатые поисковики обнаружили схрон с оружием, надо думать, времен Великой Отечественной войны. Как видно, армейцы делали заначку для разворачивания партизанского движения на

территориях, захваченных противником. Я было решил пойти поглядеть, но потом передумал. Устроили тайник не по уму, в него постоянно попадала вода, и все давным — давно заржавело или сгнило. Кстати, дед Силантий даже вспомнил, как это происходило, а после еще раз предложил нам забрать «кассе», оставшееся от фашистов.

— Может, все же стоило и нам самим походить по лесу? — спросил у меня Ласло невесело в какой — то момент. — Судьба любит тех, кто что — то делает, а не ждет от нее подарка.

— Ты всерьез думаешь, что мы эффективней кротов? — выпустив сигаретный дым, иронично отозвался я. — Это ошибка. Нет, какая — то доля вероятности того, что я услышу клад твоего дядюшки, есть, но она настолько мизерна, что о ней и говорить не имеет смысла. И сразу — дело не в моей лени. Дело в элементарном расчете. И потом — мы что, куда — то опаздываем? Этот день кончился — и все, далее тишина? У тебя виза насколько?

— Виза? На сколько захочу, — передернул плечами мадьяр. — Велика трудность глаза таможеннику отвести. У меня, собственно, ее как таковой и нет. Дело в другом, Валера. Мне перед тобой не слишком удобно, мы с тобой заключили договор...

— Все, понял. — Мне стало смешно. — Ласло, ты в России. У нас никогда никто ничего не делает в том случае, если ему это вменено в обязанность и по договору, потому что просто работу работать скучно и неинтересно. Но если что — то надо сделать бесплатно и по дружбе, то слова «нет» в этой стране не существует. Мы с тобой теперь вроде как приятели, я помогаю тебе по — братски, потому мы будем обитать в этом лесу столько, сколько надо. Ну если дед Силантий нас отсюда нафиг не выгонит, разумеется.

— И в думах не имелось, — добродушно сообщил нам лесовик, который успел сжевать один подаренный ему каравай целиком и добрался до второго, а в перерыве крепко помог нам со снедью Ласло. — Хоть вы и человеки, но из наших, понимающие. Только ты, шустрый, как стемнеет, к озеру не вздумай соваться, ясно? Точно тебя девки тамошние на глубину утащат, и я не помогу. Нет там моей власти.

— Ну вот, — приободрил я мадьяра, туша сигарету. — Поживем тут, в лесу, на природе, нервишки подлечим в естественной среде. За

едой в соседний магазин сгоняем, видел я там один у санатория, спать в машине можно. Опять же — вон грибную похлебку сварим. Знаешь, какое это объедение? Опять же — в озере можно окуней надергать, уху сварганить. С перцем, с лаврушечкой, с картошечкой, да под водочку ее и убрать. И дед с нами похлебают.

— А как же, — с достоинством ответил старик. — Это можно! Пока вот малинки пожуйте. Хороша в этот год малинка уродилась!

Невесть откуда он достал два кулька, свернутых из больших лопухов и доверху заполненных ароматными ягодами. Вот тоже интересно — малина лесная, должна быть мелкая, а тут ягоды такие, что иная садовая позавидует.

— Спасибо, — обрадовался я. — Всегда ее уважал!

Успокоившийся Ласло тоже принял кулек и поблагодарил гостеприимного лесного хозяина.

Доесть вот только угощение мы не успели, поскольку из все того же лаза высунулась башка крота — лидера с несвойственно для данного существа выпученными подслеповатыми глазами, а следом за этим с пня встал и дед Силантий.

— Ну вот, ребятки, — огладил он свою бороду. — Кажись, нашли вашу пропажу.

— Случилось что — то? — насторожился мадьяр.

— Одного из его помощников прямо на месте убило, — пояснил старик. — Он на какой — то препон в земле наткнулся, да и полез посмотреть, что да как. Нет чтобы весть подать и в сторонку отползти! А это невесть что его возьми, да жизни и лиши. Чародейство, никак не иначе. Стало быть, это то, что вам нужно. Но я — то, старый дурень! Чего сразу не смерковал, что кроме как в Ведьминой просеке поклаже быть и негде? Самое же пакостное место в моих владениях! Дядька твой, поди, потому и бродил по моим лесам столько времени, что подыскивал такую лежку, где земля зло в себя впитала.

— Ведьмина просека, — повторил я. — Ну раз Ведьмина, стало быть, ясно.

— Чего тебе ясно, щегол — болтун? — насупил брови дед. — Ведьмы — они не хуже и не лучше, чем ты или вон он. Все мы под Луной живем, каждый своим путем идет, как может, когда добро сотворит, когда зло. Жизнь — она что лес для того, кто привык в полях жить, никогда не ведаешь, куда тропинка заведет — в чашу глухую или

на опушку светлую. Просека потому так называется, что там лет триста назад двух ведьм селяне жизни лишили, да еще и пакостно оченно. Издевались над ними всяко, потом одну, что постарше, повесили, а вторую... Рассказывать не хочется даже. Нет, может, и было за что, только эдак — то зачем? Хочешь убить — убей, но измываться — не дело. Я селян тех после хорошенько по лесу помотал, два дня выбраться к своей деревне не могли. А просека та с той поры недобрым местом стала, потому как одна из ведьм предсмертное подсердечное проклятье кинула на убийц. Потому я их, кстати, живыми и отпустил, они все, почитай, всё одно что мертвецы. От такого проклятия спасения нет. Но вот беда — его и земля запомнила, и трава, и деревья. Плохое стало место. Гибельное. Если человек там сильно долго пробудет или, того хуже, заснет — все, пропал он. Болезнь его убьет вскоре, или какая другая напасть. Возьмешь там гриб или ягоду — тоже гроб можно заказывать, в них яду больше, чем в гадючьем клыке по весне. Врать не стану — я туда особо не суюсь. Неуютно там. Стыдно сказать — когда мой лес вырубали, я сильно опечалился, что эта просека под пилу не попала. Все деревья жалко, а эти — нет.

— Веселые дела, — встал и я на ноги. — Ласло, пляши. Мы нашли то, что искали.

Глава 13

Тельце погибшего крота валялось на земле, выглядя при этом невероятно печально. Нет, смерть вообще очень редко смотрится радостно, но тут прямо вот совсем — совсем все минорно смотрелось. Если добавить к происходящему мелкий дождь, серое небо и печальную музыку да снять на камеру — и все, можно отправлять получившуюся короткометражку в Канны, она в разделе «Авторское кино» запросто может «пальмовую ветвь» получить. Там такую заумень любят. А если еще и название правильное дать, так и вовсе. «Последний свет в конце тоннеля», например.

— Ты прав, Валера, — сообщил мне Ласло, глядя на отважного, но, увы, покойного подземного жителя. — Его убило проклятие. Значит, именно тут дядюшка спрятал то, что было украдено у моей семьи.

— Не только у нее, — уточнил я. — Сдается, он изрядно помародерствовать успел.

И у меня на то имелись веские доказательства, поскольку уже добрых минут пять в моей голове непрестанно бубнили несколько голосов, причем по — русски ни один из них не изъяснялся. В наличии имелись немецкая, французская, и даже, по — моему, итальянская речь, причем, что примечательно, все голоса были женские. Впрочем, под конец добавился один мужской, принадлежал он какому — то старику, торжественно что — то вещавшему на английском. Мало того — похоже, что на староанглийском, так как половину слов я просто не понимал. Хотя — поди разбери что — то в эдакой разноголосице? Одно хорошо — слышал я их не сильно хорошо, приблизительно так, словно они за стеной говорили. И слава богу, а то от эдакого гвалта недолго и умом тронуться.

— Ты о чем? — немедленно поинтересовался мадьяр, и я изложил ему суть вопроса.

— Köszönöm, — сообщил он небесам, глянув на них. — Нашли!
Как видно, это «спасибо» на его языке.

— Все так, все верно. — Я топнул ногой по тому месту, где, похоже, был зарыт клад. — Вот только, Ласло, признаюсь честно — что — то мне маленько не по себе.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился мой спутник.

— То самое. — Я показал на крота. — Вон животину на месте убило. Ясное дело, я побольше размером буду, но кто знает? Очень, понимаешь ли, не хочется рядом с ним лежать, поджав ножки к животу.

— Проклятие сильное, — помрачнел Ласло. — Оно есть, я его чую. Постарался мой родич, ничего не скажешь. Но ты не бойся, я смогу тебя защитить. Главное — выкопай спрятанное и сделай так, чтобы сокровища увидели белый свет, тогда настанет мое время. Валера, кроме тебя никто этого не сможет добиться, это только твое. До того ни я, ни наш добрый хозяин не сможем увидеть сокровище, даже если будем стоять прямо над ним. И сделать ничего не сможем, по крайней мере я.

— Ничего не чую, — подтвердил дед Силантий. — Кроме того, что совсем пропали деревья. Гниль их поедом ест, и злоба. Еще немного — и проклятое место в лесу появится. Лет двести назад я бы эту пакость извести смог, а теперь — силы не хватит. Старый совсем стал, мне бы в какое дупло залезть, да там и заснуть навсегда, как у нас водится. Только лес передать некому, вот в чем беда. Деток от поляницы или арыси какой я не прижил по собственной дури, а молодых лесовиков нет как нет.

Это да. В наступающих сумерках Ведьмина просека смотрелась очень мрачно. Искривленные стволы берез тихонько поскрипывали, раскачиваясь от легкого ветерка, практически лишенные листвы ветви напоминали руки каких — то сказочных монстров, которые вот — вот, и нас ими схватят. Причем слово «просека» отлично подходило для этого места, оно было отделено от нормального леса, стоящего слева и справа. Казалось, он сам отступил подальше, лишь бы не соприкоснуться с уродцами, обитающими здесь.

— Легко сказать, — косо глянул я на мадьяра. — Как ты меня от проклятия защитишь, если ты предмет, его насылающий, не видишь?

Не люблю плохо думать о людях, но в какой — то момент мне подумалось о том, что я для него просто расходный материал. Меня эта хрень прибьет, а он останется при своем интересе.

Обидно, кстати, если все на самом деле так и есть. Просто очень хотелось, чтобы в этом непутевом мире Ночи все же встречались и нормальные люди. Ну или нелюди. Из числа тех, кто не зациклен

только на своих целях и личной выгоде. Должны же тут быть такие, верно? В обычном мире, по крайней мере, они иногда еще попадают.

— Поверь, это так, — спокойно ответил мне Ласло. — Просто — поверь. Знаю, что в наше время подобные обещания чаще всего вызывают только улыбку, но я клянусь честью своего рода, что скорее сам умру, чем дам погибнуть тебе.

— Не врет, — внезапно сообщил мне лесовик. — Я лжу, парень, чую сразу. Этот — не врет.

— И — не бойся. — Ласло положил мне руку на плечо. — Для того, кто сейчас там, в земле, твой страх как пища, понимаешь?

— Не понимаю. — Я взялся за лопатку. — Потому что у вас иногда все так сложно, что голова скоро лопнет. Короче — если я тут загнусь, то... Не знаю, что именно сделаю, но — сделаю. Если помру — придумаю.

— Этот придумает, — подтвердил и мои слова дед Силантий. — Этот сможет. Доброго корня малец, чем — то на тех, старых, похож.

— Каких «тех»? — полюбопытствовал я, осторожно пласт за пластом снимая землю.

— Ну что татарина злого гоняли, — пояснил лесовик. — Сам — то я их не видал, но дед рассказывал. Говорит — ничего они не боялись, ни от кого не бежали, никому спуску не давали, а когда матушка Смерть за ними приходила, то в лицо ей смотрели смело. Робость в тебе ишшо есть, но вот все остальное... Похож, чего там.

Это он, наверное, про богатырей вспомнил. Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и прочие представители древнерусского фольклора. Лестное сравнение, но из меня богатырь, что из кукиша пуля. Знали бы они, как у меня с каждым ударом лопаты в землю что — то внутри екает. А показывать нельзя, потому как самолюбие дороже. И потом — в моем новом мире все всё про всех знают. Я тут сейчас оплошаю, а завтра в Москве каждая ведьма, каждый вурдалак будет в курсе, как накануне новый Хранитель кладов очковал, выкапывая очередную захоронку. Мне такой удар по репутации не нужен, и дело не в тщеславии. Просто логическая цепочка крайне короткая — если боится, значит, напугать его можно, а если напугать можно, то надо просто последовательно перебирать все варианты, раньше или позже на нужный наткнешься.

Дзззинь! Ну вот, и я наткнулся. Сталь, судя по звуку. Или какой другой металл. Значит, все — таки мы были правы — кейс. Впрочем, оно и напрашивалось, нынче сундучки да чугушки не в тренде, времена изменились.

Я аккуратно счистил штыком лопаты землю с серебристо сверкнувшей в лучах вечернего солнца крышки небольшого чемоданчика с округлыми краями, и присел на край выкопанной ямки. Кстати — неглубоко дядюшка прикопал свое добро, неглубоко. Как видно, собирался вскоре за ним вернуться.

Ох, как не хочется трогать эту штуку. Прямо внутри все так и сжимается. И голоса вдруг взяли и замолчали.

И еще — если клад проклят, почему до сих пор не объявился его страж? Приснопамятная лошадь, например, сразу мне сообщила о своих намерениях. А тут — тишина.

— Ну же, — поторопил меня Ласло. — Давай! Ты ведь его уже видишь? Валера, ничего не бойся, главное — открой крышку, дальше действовать буду я.

— Охти мне, день — то какой выдался. — У азартно смотрящего на происходящее лесовика в руках появился очередной свернутый кульком лопух, он уплетал из него малину. — Давно таких не случалось!

— Ну да, — пробормотал я, выдохнул и протянул руку к одному из двух замков. — Легко тебе говорить!

А вот дальше все пошло не так, как обычно, и кино про прошлое в этот раз мне никто показывать не собирался. Вместо этого в мое запястье вцепилась жуткого вида клешня, по — другому эту конечность назвать никак нельзя было. Коричневая, в струпьях, кривопалая и невозможно холодная. Ну а следом за ней появился и тот, кто охранял этот клад.

Старик мерзопакостнейшего вида, лысый как коленка, с крючковатым носом и лицом, более всего похожим на череп, обтянутый кожей. А какие у него были жуткие глаза — это вообще не описать.

Он что — то мне сказал, но я его не понял, хотя общий смысл, разумеется, уловил. Радовалась эта нежить, что я сюда явился, соскучилась она без убийств.

— Руки убрал, — сообщил ему я, надеясь на то, что хоть какую — то власть как Хранитель кладов над ним имею. — Это моя земля и мое право.

— Нет надо мной у тебя прав, — уже по — русски прокаркал призрак, злорадно скалясь. — Только тот, частью души которого я являюсь, может мне приказывать. А тебя я просто убью. А после и тех, кто пришел с тобой!

И эта сволочь воткнула мне в грудь свою бесплотную руку. Вот так просто, как бы между прочим. Я попытался ему помешать — и не смог. Уцепиться было не за что, он же призрак!

Я чуял его холодные пальцы внутри себя, понимал, что он собирается раздавить ими мое сердце — и ничего не мог сделать. Дополнительных ощущений добавлял мне и екатерининский рублевик, раскалившийся в кармане джинсов до состояния включенной плиты. А то я не знаю без него, что мои дела плохи!

— Хранитель, он связан с нами! — раздался в ушах девичий крик. — С нами! И с нашим вместилищем. Он привязан к нему!

Вместилищем? Чемоданом, что ли?

Старик удовлетворенно сопел, глаза его сияли мертвенно — бледным пламенем, а пальцы почти добрались до цели.

— Делай чего —нибудь, чародей! — услышал я крик деда Силантия. — Умрет ить сейчас малец — то! Давит его кто — то!

— Не могу! — простонал Ласло. — Не вижу я никого! Не вижу!

Боль скрутила меня, повалив на землю, старик радостно закричал, мое сердце сжал холод, и в этот момент, из последних сил, я выпнул кейс из ямы ногой, да так, что он отскочил далеко в сторону, ударившись боком об одну из берез.

Призрака с меня как ветром сдуло, он с воплем отлетел следом за вместилищем клада. Ну да, все правильно. Его приставили охранять сокровища, и он от них никуда, даже если речь идет про крайне небольшие расстояния. Потому, видать, он меня раньше и не цапнул.

Боль мигом исчезла, я одним прыжком подскочил к кейсу и, не обращая внимания на недовольно воющую призрачную тварь, которая снова наладилась меня препарировать, попробовал открыть замок.

Да хрен — то! Само собой, он был замкнут на ключ. Вернее — на два ключа, потому что замка тоже два. И спасибо еще, что кодовый блокиратор отсутствует, а то совсем бы мне труба настала.

Хотя и так все не сильно весело обстоит.

Волна холода опять начала терзать мое тело, и я снова отпихнул кейс в сторону, причем довольно далеко.

— Ну — ну — ну! — злорадно проорал призрак, а после довольно захекал. — И что ты будешь делать, Хранитель? А? Лучше сразу сдайся, и я убью тебя быстро! Мой хозяин знал, что творил, когда меня на стражу своего добра определил. Тебе не победить, даже не пытайся! Ты слишком слаб, и ты не чародей!

И он выставил перед собой руки, показывая мне свои коричневые длинные пальцы с острыми когтями.

— Да пошел ты, — совсем уж разозлился я.

Что примечательно — небольшой страх, который все же имел место быть сначала, совсем ушел. Одна злость осталась. И на это чучело, и на Ласло, который все же стемнил, пусть и не очень сильно, и на всю эту патовую ситуацию.

— Иди сюда, — громко шептал призрак. — Иди ко мне! Я хочу получить твоё тело, мне надоело сидеть в темноте!

— Да какого лешего! — возмутился я. — Дед Силантий, это не о тебе сказано! И — зажми уши!

Я достал из — за пояса наган, и совершенно забыв о своих опасениях на тему того, что патрон вековой давности может разорвать ствол, взвел курок и выстрелил в левый замок.

Да — да, я прихватил револьвер с собой. Ласло вызывал доверие, это так, но... Мне так подумалось — пусть будет. Само собой, в кармане лежала бумажка, в которой было написано о том, что данное оружие было мной найдено в подъезде, и в данный момент я несу его в органы правопорядка для сдачи. И дата стояла, разумеется — сегодняшняя. Ну а перед тем, как отправиться сюда, на Ведьмину просеку, достал его из кофра с металлоискателем и сунул за пояс, прикрыв майкой.

Давно не стрелял, однако же то ли злость сделала свое дело, то ли совсем уж смешное расстояние, но пуля разнесла замок так, как следовало, и защелка, скрежетнув, откинулась вверх.

— А? — недоуменно вытаращился на меня призрак.

— Хрен на, — с интонациями Михеева сообщил ему я. — Два проси — барабанщиком назначу!

И выстрелил во второй замок.

Не попал, пуля ударила в крышку кейса, раздался неприятный звук, и она рикошетом ушла куда — то в небо.

— Хррррр! — недовольно заплямкал губами страж и рванулся ко мне, но заклятье, наложенное на клад, похоже, держало его, как цепь злую собаку.

Я подошел к скалящейся твари почти вплотную, как следует прицелился и выстрелил еще раз. Осечка.

Еще раз — тот же результат. Если так дело дальше пойдет, то поводов для веселья останется не так много, камнем придется орудовать. А эта тварь ждать, пока я свое дело до ума доведу, не станет, ей это ни к чему.

Я снова нажал курок, и на этот раз удача мне улыбнулась. Пуля смяла замок, превратив его в отверстие с рваными краями.

— Вот и всё, ребята! — произнес я, причем сокровища, лежащие под крышкой, радостно и многоголосо загомонили, решив, что это к ним обратились. — Давай, хватай меня, нежить. Последняя попытка!

И я шагнул вперед, одновременно с этим наклоняясь.

Призрак вцепился мне в шею обеими руками. Он уже не хотел вселяться в мое тело, он хотел меня просто убить. Вот только силенок на это у него явно не хватало, это тебе не сердце холодом давить. Да и со временем тоже недостаток вышел, мне для того, чтобы открыть крышку нужны были секунды.

Уходящее до завтрашнего дня солнце радостно заиграло на самоцветных камнях, подсвечивая их ограненные края, а после заставило тускло засиять золото. Немалую казну собрал родственник Ласло, немалую.

— Дело сделано! — сообщил мадьяр и радостно засмеялся. — Я вижу тебя, тень! Вижу! Отойди от моего друга!

Призрак было выругался на неизвестном мне языке, но после его словно ветром сдуло в сторону и от меня, и от кейса.

— Ты только отблеск черной мысли того, кто мертв. — Ласло выставил вперед правую руку, растопырив пальцы. — Того, кто и не жил. Отправляйся туда, где он сейчас находится, и, если хочешь, забери все то, что у него осталось.

— А ты лют, чужин, — покачал головой лесной хозяин. — Хотя, может, так и надо.

Мадьяр произнес фразу, которую я понять не смог, его глаза на миг сверкнули белым пламенем, пальцы сжались в кулак, который секундой позже крутанулся влево — вправо.

Призрак, растерявший весь свой воинственный пыл, дернулся вслед за этим движением, горестно завыл, а после исчез в невесть откуда взявшейся небольшой воздушной воронке, которая секундой позже схлопнулась.

— Вот и все, — повторил Ласло. — От моего родственника даже отзвука мысли на Земле не осталось. Как же хорошо!

— А мы, Хранитель? — робко осведомился у меня девичий голос, тот самый, что подсказал мне ответ на загадку с кейсом. Что интересно — говорящий на русском. — Мы как? Ты отпустишь нас?

— Да идите, — разрешил я, проведя ладонью над сокровищами. — Вы свободны, вас больше тут ничего не держит. И — спасибо тебе, девица, за подсказку и поддержку.

Дружный секундный выдох, несколько радостных возгласов — и тишина.

— Кажись, управились, — выдохнул дед Силантий. — Эхма, все ж таки стар я стал для своей службы. Раньше и не таких страховидл видал, но не пужался их. А тут — гляди — ко, стоял ровно вкопанный. Ведь мой же лес, моя власть. Нет, пора мне в дупло. Пора!

— А ведь ты меня использовал, дружище, — сказал я Ласло и погрозил ему наганом, который так и оставался у меня в руке. — Использовал. Не стыдно? Я же мог сдохнуть.

— Ты неправ, Валерий, — покачал головой мадьяр. — Неправ. Что знал, то тебе рассказал, что делать — объяснил, оберегал по мере своих сил, как договором было обусловлено. А сражаться с тем, кого не вижу — не в моих силах.

— И тому, кто эту дрянь тут оставил, он воздал как следует, — добавил дед Силантий. — Он же его этой пакости скормил, та теперь за Кромкой его вечно жрать поедом станет. Слышал слова его? Иди и забери что осталось.

Ласло подошел к кейсу, что так и лежал на траве, встал на колени, поворошил украшения, которых там имелось немало, а после его лицо озарилось улыбкой. В одной руке он держал неказистый золотой кругляш, от которого в разные стороны отходили кривые штырьки, в другой массивный перстень с рубином. Надо полагать, это и были

сокровища его семьи. Надо же, мне казалось, что амулет будет выглядеть пореспектабельней, что он более... Ну не знаю... Загадочно — романтичный.

Мой спутник поднял руки вверх, к небу и что — то негромко произнес на родном языке. Он, несомненно, был безмятежно счастлив.

— Валера, это все твое, как мы и договаривались, — сообщил он мне чуть погодя, вставая с колен. — Эти безделушки станут достойной компенсацией за ту опасность, которой ты себя подвергал.

— Опасность дело обычное, — буркнул я, глядя на сокровища. — Другое досадно. Хотя в чем — то я и не прав, конечно. Ты в самом деле сделал все, что мог.

— Хранитель кладов, я, Ласло из рода Балинтов, считаю, что с твоей стороны договор исполнен полностью и честно. — Мадыяр протянул мне руку. — Твое слово. Если есть претензии ко мне, то говори здесь и сейчас.

— Да нет, какие претензии. — Наши ладони соприкоснулись. — Я, Валерий Швецов, считаю, что ты, Ласло из рода Балинтов, свою часть сделки исполнил полностью и честно.

Гром не грянул, земля не затряслась, деревья не задрожали, но не сомневаюсь, что где — то там, не знаю точно где, кто — то отметку в соответствующий реестр поставил,

Однако куш — то мне перепал неслабый, даже не знаю, что с этой грудой добра и делать. Просто много в кейсе лежало всякого разного драгоценного скарба, притом однозначно недешевого. Ожерелья, кольца и перстни, броши, наручные браслеты, пригоршня разноцветных камней разных размеров и так далее. Мало того — здесь имелись предметы, названия и предназначение которых мне вовсе было неизвестно.

Но вообще коллекция сорочья. Видать, греб дядюшка под себя все, до чего дотягивался.

— Отец, перед тобой у меня тоже есть долг. — Ласло подошел к деду Силантию. — Без твоей помощи, без твоей доброты мы бы не достигли успеха. Позволь отблагодарить тебя за них.

— Жалко скотинку, — показал лесовик на тельце крота. — Оживить не сможешь?

— Его — нет, — покачал головой мадыяр. — Мои силы не настолько велики. Но вот это место... Здесь, пожалуй, их достанет.

Он снова поднял руки к небу, которое изрядно потемнело, говоря о том, что этот длинный день, похоже, наконец подошел к концу, что — то пробормотал, а после начал неторопливо двигать ладонями, словно подзывая к себе кого — то.

Вот теперь деревья зашатались и заскрипели, да так, что мне даже показалось, что я слышу недовольные старческие голоса. С ветвей начали облетать те сиротливые листья, что имелись, и даже корни, местами вылезшие из земли, задвигались, словно змеи.

А Ласло знай себе что — то шептал, знай подманивал к себе поближе кого — то, кого мне увидеть было не дано. Впрочем, нет — вот между его ладонями появился черный шар, казалось, сплетенный из обрывков мрака, и чем сильнее скрипят деревья, тем больше он становится.

Так вот ты какая, негативная энергия. Слышал про тебя много, а вот видеть раньше не доводилось. Неприятное зрелище, скажем прямо.

Шар разбухал все сильнее, в определенный момент мне даже показалось, что Ласло его не сможет удержать, я сделал шаг к нему, чтобы помочь, подстраховать, но в этот самый момент мой новый приятель выкрикнул неразборчивую фразу, чернота между его рук вспыхнула ярким багровым светом, а после пеплом осыпалась на землю.

— Вот и все, — устало сообщил мадьяр деду Силантию. — Зла больше нет. Деревья будут болеть, может, какие — то умрут, скрывать не стану. Слишком много боли и гнева они в себя вобрали, с таким грузом жить трудно и больно. Но молодая поросль, которая появится совсем скоро, этой ноши будет лишена. Она будет расти, тянуться к солнцу и радоваться жизни.

Как мне показалось, дед Силантий был крайне удивлен. Видно, нечасто те, кто приходил в лес, его беды к сердцу близко принимали, а тем более что — то для него делали.

— Эва как, — почесал за ухом лесовик. — Стало быть, не все вы, чародеи, только о себе думаете? Надо же!

— Мы разные. — Мадьяр помассировал виски. — Как, впрочем, и люди.

Не знаю почему, но именно в этот момент я поверил словам Ласло о том, что не было у него в мыслях меня подставить. Скорее всего потому, что оказывать подобную услугу деду Силантию он был не

обязан, но все же это сделал. Как, кстати, и я мог бы не хоронить тельце погибшего крота, но зачем — то сделал это? Впрочем, яма уже была вырыта, поэтому — почему нет?

Когда мы вернулись к машине, уже почти стемнело.

— Ну, надо прощаться, — мягко произнес мадьяр. — И перед тем, как мы расстанемся, я хотел бы сделать почтеннейшему повелителю деревьев еще один небольшой подарок.

— А сделай! — охотно согласился леший. — Давай! Меня ими не часто балуют.

— Вот. — Ласло достал из салона автомобиля светлую куртку с множеством карманов. — Прими в дар, отец. Не обижайся, но на твою нынешнюю одежду смотреть стыдно. А это хорошая куртка, прочная.

Дед Силантий не стал чиниться, шустро сбросил свою драную фуфайку и натянул подарок.

Я тем временем пересыпал свою долю клада в рюкзак. Странное дело — добра тут ведь на хорошую сумму, даже при условии, что я это реализую через хитрована Шлюндта, который наверняка меня напарит на четверть, кабы не больше, от реальной стоимости, а мне — все равно. Не трогают меня эти мысли. Не в смысле, что антиквар меня напарит, а осознание того, что вот так просто можно получить неплохой барыш.

Может, профессиональная деформация началась?

Да и не стану я ничего продавать. Во — первых, мне на жизнь и так денег хватает, во — вторых, изначально было решено, что это все — оборотные средства, которые при необходимости будут использованы для решения первоочередной задачи. Ну и в — третьих — вряд ли две обитательницы, обосновавшиеся на моей груди, просто так мне подобное с рук спустят. Вот тоже, кстати! Где справедливость? Чуть что — они давай вертеться и стращать, а когда понадобилась помощь с призрачной сволочью — хоть бы шевельнулись.

Впрочем, сволочь была иноземная, может, дело в этом? Но все равно — могли бы и тяпнуть ее за палец, пусть и ненастоящий.

— Спасибо. — Дед Силантий огладил обновку. — Хороша, прочна. Такое без отдарка принимать не след.

— Отдарка? — Ласло глянул на меня.

— Ну ты ему, он тебе. — Поверх сокровищ я положил наган, после закинул увесистый рюкзак в салон, а следом отправил и раздолбанный

кейс. Не тут же его оставлять? По дороге выкинем. — Русская национальная традиция.

— Так уже, отец, — смутился мадьяр. — Куда больше?

— Чугунок заберите, — предложил леший. — Хранитель, а? Деньги к деньгам. Чего он тут лежит?

— Пока не надо, — отказался я. — Но, если ты не против, дед, может, потом за ним и вернусь. Кто знает, как жизнь повернется?

— Приезжайте, — разрешил он. — А еще ящик! Ящик — то из оврага! Его хоть возьмите. Вам не надо, так кому другому отдадите. Тем более, он тут рядом лежит.

— Пошли посмотрим, — предложил я Ласло. Чугунок меня не сильно интересовал, монетами меня уже не удивишь, а вот «кассе» — это любопытно. — Не дело отказываться, когда от чистой души желают подарок сделать.

Тот глянул на часы, вздохнул, и кивнул головой.

«Кассе» представлял из себя массивный жестяной короб, изрядно траченный временем. Нет, на верхней крышке еще худо — бедно читались отдельные готические буквы, и орел с распростертыми крыльями угадывался, но дожди, снега и перепады температур изрядно поработали над этим эхом войны.

Но содержимое, к моему величайшему удивлению, все же уцелело, совершенно не пострадав. Когда мы с Ласло не без труда откинули массивные защелки и приподняли крышку, то дружно и не сговариваясь присвистнули. Внутри все выглядело так, будто щеголеватый обер — лейтенант или гауптман, уж не знаю, в каком чине был тот офицер, чьи кости давно сгнили в этом овраге, только что все сюда положил. И стопку документов, и какие — то бланки, и десяток железных крестов, и пачку блеклых купюр, и даже «парабеллум».

— Деньги к деньгам, а оружие к оружию. — Я протянул руку и взял пистолет. — Вещь!

— Мне он ни к чему, — сразу сообщил Ласло. — Мой брат поспорил бы с тобой за него, но я — не он.

Мадьяр достал из коробки бумаги, начал их перебирать.

— Вот и славно. — Я определил пистолет за пояс, после прихватил две запасные обоймы и засунул их в карман. — Вот и договорились.

Не отдам. Мое. Я, может, о такой машинке всю жизнь мечтал, причем куда больше, чем о грудe ценностей.

— Наградные листы, — заметил Ласло, подсвечивая лист фонариком. — А это... Это... Приказы. Вот, распоряжение генерал — майора Эрнста Денера, адресованное командиру 239 пехотного полка, естественно, в копии. «Надлежит выдвинуться в направлении...».

— Выдвинулись, — хмыкнул я, перебивая его. — Вон даже костей не осталось. Но одно у германца не отнять — вещи они делали хорошо. Восемьдесят лет ящик пролежал, и ведь не подмокло ничего.

— Не хотели они тогда умирать, — огладил бороду лесовик. — Так орали, так орали... Но все одно тут остались.

Даже не желаю знать, как именно этот старичок их уморил. От греха.

— Мне ничего из этого не нужно, — произнес мадьяр. — А тебе?

— Вообще — то тоже. Кроме «ствола», разумеется. — Я взял из ящика железный крест, подбросил его на ладони. — У нас есть упыри, которые эту дрянь коллекционируют, но мне подобное не по нраву. Дед Силантий, хочешь, мы этот ящик тут прикопаем?

— Вот еще, — сдвинул брови лесной хозяин. — Чужой он. Столько лет здесь болтается, как бельмо на глазу. Пару раз даже хотел на него грибников навести, так он мне надоел.

— Хорошо, — как всегда, покладисто согласился мадьяр. — Валера, берись вот за ту ручку, и понесли.

Мы утопили ящик в каком — то придорожном отстойнике, километрах в десяти от леса, где столь весело и необычно был проведен этот день. Ну не с собой же его тащить, верно? Ну да, мне, как архивисту, следовало бы все это сберечь, составить опись, сдать, куда следует, но... Оно мне надо? Возни и последующих объяснений будет очень много, а толку — ноль. Тем более что документы в этом ящике не из числа тех, которые можно считать частью нашей истории. В отстойнике им самое место! Как, кстати, и кейсу с раздолбанными замками.

— Вещь, — повторил я, выщелкнув магазин из рукояти «парабеллума». Да, это не наган, никакой зелени на гильзах. Почти век пролежала эта игрушка в коробке, но готова убивать, как и прежде. — Сердце радуется.

— Я не люблю оружие, — сообщил мне Ласло. — Оно создает у человека иллюзию защищенности, но на самом деле ослабляет его. Сила не в стали, но в душе.

— Каждому свое. — Я вставил магазин обратно, оттянул затвор назад и услышал, как патрон отправился в патронник. — Да и потом — вся наша жизнь иллюзия.

Он довез меня до самого дома, а когда я, поблагодарив его, собрался выйти из машины, сказал:

— Валерий, мы знакомы всего ничего, но иногда этого достаточно, чтобы понять, кто есть кто на самом деле. Случится беда — приходи, двери моего дома всегда открыты для тебя, клянусь в том своей душой и молодой Луной. Знай, ты всегда найдешь там пристанище, пищу и защиту.

— Это дорогого стоит, — признал я. — Неожиданно так. Слушай, насчет пищи и пристанища — чего тебе в гостиницу тащиться? Пошли, у меня переночуешь. Разносолов не обещаю, но в холодильнике что — то оставалось.

— Дела завершены, пора домой, — отказался мадьяр. — Я отсюда прямо в аэропорт поеду. Вот, держи, здесь мои телефоны и адрес. Приезжай в любое время, буду очень рад.

— Ага. — Я глянул на карточку, а после убрал ее в карман. — Может, и навещу тебя при оказии, почему нет. Бывай, Ласло из рода Балинтов. Мы неплохо провели время!

Машина сверкнула задними огнями и скрылась в летней московской ночи.

— Спать пора, — сказал я сам себе, поправил тяжелый рюкзак, перехватил поудобнее металлоискатель и было шагнул к двери подъезда.

«Было», потому что меня остановил немного ехидный голос, осведомившийся:

— Спать? Не вечным ли сном?

Глава 14

— Ох, как же вы мне все надоели, — расстроено произнес я, поворачиваясь к говорившему. — Ты даже не представляешь. Слушай, а ты какого хрена вообще приперся? Помнится, были названы условия договора, твой хозяин их принял. Одним из них значилось невмешательство в мою жизнь.

— Так и ты не сильно эти условия соблюдаешь, человек. — Данила нехорошо скалился, глядя на меня. — Разве не так?

— Да что ты? — притворно удивился я. — Ну — ка, ну — ка, давай, расскажи мне, где я что нарушил. Только пошли в сторонку отойдем от подъезда. День завтра... Вернее — уже сегодня, будний, все спят, а мы тут под окнами разговоры разговариваем.

С этим моим предложением вурдалак согласился, и мы отправились на детскую площадку, на которой не имелось ни одного фонаря. Почему? Кто его знает, но факт есть факт.

— Давай, излагай, — предложил я нежданному визитеру, прислонив металлоискатель к стойке качелей и положив рядом с ней же рюкзак, который предательски брякнул содержимым. Данила, услышав этот звук, встрепенулся, я недовольно поморщился. — Не тяни. День был длинный и непростой, кровосос, потому мне очень хочется спать.

Выдав данную тираду, я пристроил свой зад на сиденье качелей, которое жалобно подо мной скрипнуло, и достал сигарету.

— Ты зачем к Марфе ходил? — зашел с козырей вурдалак. — А?

— Вообще за такие вопросы можно и в бубен получить, — сообщил я ему, щелкнув зажигалкой. — Тебе какая разница, к кому и куда я хожу? Ты мне кто? Брат, сват, отец? Или ты полиция нравов? Я завтра вот к шлюхам собираюсь завалиться, вкусить продажной любви. После этого ты снова заявишься, чтобы узнать, в каких позах я их пользовал?

— Ты мне не хаами! — В голосе Данилы прозвучала неприкрытая угроза.

— Но и ты на себя сильно много не бери, — посоветовал ему я. — Ладно бы еще твой хозяин мне позвонил и вежливо осведомился,

какие отношения связывают меня и лидера одного из крупнейших колен Москвы. Но когда какая — то пристяжь...

Двигался вурдалак на самом деле быстро, этого у него не отнять. Он сцапал меня за футболку, резко и сильно вздернул вверх, так, что сигарета из рта выпала, а зубы лязгнули резко и громко, и всерьез собрался впиться своими клыками мне в шею.

И впился бы, пожалуй, вот только меня подобный расклад вообще никак не устраивал, потому не особо раздумывая я сунул ствол парабеллума ему под подбородок и нажал на спусковой крючок.

Вот хорошо, что я свое новое приобретение снова за пояс сунул, а не в рюкзак убрал. Как знал! Достать — дело секундное, особенно когда ты этого ждешь. И предохранитель там сделан очень разумно, без всяких «флажков».

Пистолет негромко хлопнул, мне на лицо попали холодные брызги, надо думать, кровь Данилы, а он сам отпустил мою одежду и, покачнувшись, упал на спину.

Естественно, живой. Ну насколько данное слово можно отнести к изначально мертвому существу.

— Ты совсем дурак? — возмущенно спросил у меня вурдалак, приподнимаясь, и прижимая ладонь к затылку. — Ты знаешь, сколько теперь эта рана регенерировать будет?

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Сам виноват. С прошлого раза не понял, что меня за горло брать не следует? Вот тебе урок номер два, кушайте не обляпайтесь. Тьфу, меня вот тоже всего перепачкал. И еще неизвестно, что у тебя в венах течет. Подхвачу, не дай бог, какую заразу!

— Да пошел ты. — Данила поднялся на ноги и засунул палец в дырку под подбородком. — Вот что это? А?

— Мало тебе! Сейчас еще в глаз выстрелю, — пообещал я, ткнув ствол пистолета ему почти в лицо. — Чтобы знал, к кому и с чем лезть. Его вообще восстанавливать замучаешься!

Объективности ради надо признать, что палку с хамством я перегнул. Но, с другой стороны, он тоже был не сильно прав.

— Я тебя и без глаза выпить могу, — буркнул вурдалак, но было видно, что делать он этого не станет. — Главное клыки, а не зрение.

— И хвост, — опуская пистолет, вспомнил я мультик, который видел в детстве.

— Какой хвост? — удивился Данила. — Нет у нас хвоста. Вот у ведьм, говорят есть. Хотя, может, и врут. Слушай, ты же эту свою парикмахершу пежишь, вот скажи — есть у нее хвост или нет?

— По ситуации, — убрав пистолет за пояс, отозвался я и снова сел на качели. — В зависимости от того, сколько времени имеется в наличии. Если много и можно развлечься ролевыми забавами, например, сыграть в лошадку и мустангера, — есть. Если просто так, по — быстрому, в машине там или еще где, — то нет. Ладно, моя половая жизнь — это дело десятое. Ты лучше мне скажи, убивец, какого ты приперся? Тебя же никто сюда не посылал. Выпендриться захотел, да? Очки в глазах руководства набрать? Размазать наглого человечешку, как масло по куску хлеба?

— Много о себе понимаешь. — Вурдалак подошел к моему рюкзаку, и легонько толкнул его ногой, тот снова брякнул. — Смотрю, не с пустыми руками домой идешь.

— Напоминаю о том, что твой глаз при тебе ровно до тех пор, пока ты в рамках приличия держишься, — доброжелательно сообщил ему я, а после достал смартфон. — Пять сек, ладно? А потом дальше будем друг другу нервы мотать.

— Чего тебе? — недовольно буркнул Михеев, которого я явно разбудил. — Две ночи не спал толком, только заснул. Не дай тебе бог, Хранитель, если из — за пустяка позвонил.

— С меня компенсация, — хмыкнул я. — А позвонил, чтобы рассказать о неожиданной встрече у собственного подъезда. Шел я домой, значит, с вечерней прогулки...

— За золотишком, — снова пихнул рюкзак ногой вурдалак, а секундой позже согнулся, получив пулю в живот.

До чего хорошая машинка! Даже без глушителя, даже в ночи выстрел совсем негромкий. Хлопок, по — другому не назовешь.

— Это кто там стреляет? — уже совершенно бодрым голосом осведомился у меня Павел.

— «Шестерка» от дома отъезжает, Колян с третьего этажа таксовать поехал, — ответил я. — Выхлоп, и все такое. Наш автопром — самый автопром в мире.

— Ну — ну. — Михеев мне явно не поверил. — Так кого ты встретил?

— Ну ты и тварь! — распрямился вурдалак. — Вот я тебя когда — нибудь!

— Данилку встретил, — радостно заорал я. — Данилку, из свиты князя Ростогцева. Помнишь такого? Да, тот, что забавный. Хотел бы верить, что случайно пересеклись, да вот только это не так. Он меня как к стене припер, как начал клыками сверкать и расправой грозить... Так вот к чему я? Если вдруг завтра меня найдут с порванным горлом, или я ни с того, ни с сего надумаю перейти на кровавую диету, то ты знаешь, с кого за это спросить.

— Услышал, — очень серьезно ответил Павел.

— И еще. — Я окинул взглядом вурдалака, который снова начал тереться вокруг рюкзака. — Если вдруг последнее случится, ты меня того... Зачисти. Это личная просьба.

— Даже не сомневайся, — хмыкнул Михеев. — Но лучше будет, если до такого не дойдет. Хочешь, я сейчас одного из наших наберу, он неподалеку от тебя квартиру снимает?

— Да нет, не стоит, — подумав, отказался я. — Чего человека ночью дергать.

— Как знаешь. — Павел протяжно зевнул. — Не забудь, ты компенсацию обещал. Слово сказано, слово услышано, как Покон завещал.

— Ты же человек, тебе Покон не указ? — усмехнулся я.

— В вопросах личной выгоды я предпочитаю именно им руководствоваться. Завтра позвоню. И это... С оружием не шали. Не люблю.

Ответить ничего я ему не успел — оперативник повесил трубку.

— Ты все слышал. — Я убрал смартфон в карман, а парабеллум за пояс. — И давай обойдемся без подначек вроде: «Маленький Валерочка пожаловался взрослому дяде». Если есть что сказать по делу — говори. Если нет — я жрать, в душ и спать.

— Хозяин недоволен, — исподлобья зыркнул на меня Данила. — Первый же лот, объявленный тобой, сразу слился Шлюндту. Так дела не делают. Явная подстава или сговор.

— Кто поспел, тот и съел, — и не подумал тушеваться я. — Все были в равных условиях, антиквар среагировал быстрее других. И потом — сомневаюсь я в свете последних событий, что твой патрон знал, что это за вещь и где она находилась.

— Где находилась — не знал, — кивнул вурдалак. — Но сам перстень вспомнил. Видел он его в начале прошлого века.

— И что с того толку? — непритворно удивился я. — Этой информации грош цена.

— Если бы сразу все не слил, и до толка бы дошли, — упрямо талдычил свое Данила. — Я бы докопался!

— Вот оно что, — рассмеялся я. — Тебя на этот участок поставили, а ты, значит, показать себя не успел, после чего быстро нашел виноватого. Вот что, дорогой мой друг Данила, я тебе скажу. Иди — ка ты в жопу. И знаешь почему?

— Ну — ну? — снова напрягся вурдалак.

— Потому что я ни под кого подстраиваться не стану, оно мне не надо. У меня имеется свой интерес, я готов за него платить, причем без разницы кому. Как там у олимпийцев? «Быстрее, выше, сильнее». Это про вас всех. И уж точно меня не волнуют чьи — то там карьерные амбиции, в данном случае твои. Разве что...

— Ну — ну, — повторил Данила, но уже с другой интонацией.

— Ладно, по старой и, скажем так, тесной дружбе, солью тебе маленький инсайд. Новый тендер на подходе, так что не забывай проверять почту. Думаю, день — два, и придет новый рисунок.

— Что хоть за предмет? — как бы между прочим поинтересовался вурдалак.

— Ага, жди, — фыркнул я. — Сказано же было — ни у кого никаких преимуществ. Именно поэтому, к слову, твои претензии по поводу Шлюндта не только беспочвенны, но и оскорбительны. Я на самом деле за честную конкуренцию.

— А Марфа?

— Ты опять? — расстроено вздохнул я. — Ладно, хрен с тобой. Ну вот мало мне Воронежской, понимаешь? Ненасытен я в интимном плане. А после того как ведьму попробовал, другие бабы меня не привлекают, очень уж эти бесовки хороши. Ну и еще один пунктик имею. Люблю, понимаешь, женщин в возрасте. Согласен, есть в этом что — то неправильное, но уж что выросло, то выросло. А Марфа — она самое то. Вот я к ней в гости и рванул, с шампусиком, с предложением. Но — не выгорело. До сих пор переживаю, между прочим, по данному поводу. Чуть не плачу.

— Не стану я тебя пить, — вдруг заявил вурдалак. — Себе дороже выйти может. Не потому, что псы из Отдела на след встанут, просто заразиться глупостью боюсь. И к твоему сведению — если Марфа узнает, что именно ты мне тут плел, она с тебя живого кожу снимет, и это будет только начало развлекательной программы. Можешь мне поверить.

Ну да, лишнего намолол, пожалуй. Занесло меня. Надо за метлой следить, как говаривали в нашей школе.

— А тебе за то, что ты меня слушал, что будет?

— Ничего. — Данила подумал, помолчал, и добавил: — Наверное.

— А если не донесешь, тогда что?

— Тогда... — начал было отвечать вурдалак, но быстро сообразил, что зря это делает. — Это тут при чем? Где ведьмы, где мы?

— Ну это да, — согласился я.

Ну что он самой Марфе постукивает — это не факт, но в остальном картина ясная. Мир здесь другой, спору нет, но многие вещи и правила существования остались неизменными, что дает надежду на завтра.

— Ладно, князю привет. — Я встал с качелей. — Хотя... Нет, не передавай. Я сам ему позвоню. Ты в чем — то прав, Данила, и эти моменты надо прояснить. Ну и тебя похвалю, за самоотверженность и преданность своей семье.

Само собой, данная новость не сильно порадовала ночного гостя, но он смолчал. А что тут скажешь?

— И вот что. — Я закинул рюкзак на плечо. — Припрешься еще раз — парой дырок в корпусе или башке не отделаешься. Как обещал, натравлю на тебя охотников. Чем им заплатить у меня найдется.

Я тряхнул рюкзак, его содержимое в очередной раз мелодично брякнуло.

— Не отсыплешь маленько добра? — с кривой ухмылкой осведомился вурдалак. — Одному не многовато будет?

— Дурак ты, братец. Забыл, кто я есть? Хранитель кладов. Хранитель, а не транжира. Мое дело собирать и преумножать, а не тратить. Нет, за твою дырявую голову охотникам заплатить не проблема, данные затраты можно списать на накладные расходы, без них все одно никак не обойтись. А вот взять и отдать что — то кому — то — другое дело. Это уже разбазаривание основных фондов. По сути — растрата, за которую придется отвечать. Вот спросит меня Великий

Полоз: «Ты почто, Валерка, какому — то кровососу золотишка в обе руки отсыпал? На каких основаниях?». И что мне ему отвечать? Потому что ты нормальный пацан? Так себе отмазка.

— Все, надоел, — сплюнул мне под ноги вурдалак, повернулся спиной и побрел в ночь.

— До свидания, Данила! — елеиным голосом вслед ему бросил я, а после добавил уже тише: — Чтобы у тебя каменный цветок поперек сфинктера встал и никогда не вышел!

В квартиру я не вошел, а буквально ввалился, чуть не расшибив металлоискатель о дверной косяк. День на самом деле выдался тяжелым и длинным, два раза меня чуть костлявая не сцапала, и это я еще не засчитал разминку пятиминутной давности. Кровь из меня чертов вурдалак не выпил, но вот последние силы вылакал, что котейка молочко из блюдечка.

Рюкзак полетел в угол, я завтра с его содержимым разберусь, пистолет брякнул о столешницу, а душ меня вовсе так и не дождался, поскольку диван и подушка оказались притягательнее, чем правила личной гигиены. И потом — я сегодня искупался. Сойдет за душ.

В сон я провалился как в омут, причем усталость оказалась даже сильнее, чем все эти потусторонние завихрения. Ну а иначе как объяснить то, что очередной морок — подсказка явился мне уже под утро?

И снова я увидел ту же девушку. Она стояла в темном коридоре, рядом с ней обнаружился молодой человек, который, нежно держа ее за руку, что — то говорил. Впрочем, и так понятно что. «Наши чувства сильнее обстоятельств, мы всегда будем вместе, чтобы ни случилось, я скорее умру, чем расстанусь с тобой». Ну и, судя по выражению лица юноши, звучало неременное: «Ты не думай, я после на тебе обязательно женюсь». В наше время подобные речи разве что улыбку вызвать могут, но, исходя из фасона платья девушки и количества кружев на нем, а также полувоенному наряду юноши, дело происходит сильно не сейчас. О том же говорят муаровые орденские ленты, надетые через плечо, красующиеся на обоих. Как видно, сбегала парочка с каких — то статусных мероприятий, чтобы пообщаться. И еще — сдается мне, что эти двое не просто аристократы. Бери выше — они королевских кровей. Почему? Есть в них что — то такое неуловимое, присущее только венценосным особам. Не скажу, что я их

много видел, но — доводилось. А еще — небольшой венец на голове у девушки. Это не корона, нет, но точно не простое украшение. Это точно принцесса, ну или что — то вроде того. Уже хорошо. Нет, ясно что в восемнадцатом — девятнадцатом веке этих принцесс в Европе как собак нерезаных обитало, особенно в германских землях, но все же круг худо — бедно сузить можно.

Но не это главное. Предмет. Я не вижу его.

А нет, вижу. Вот он и появился! Просто юноша наконец — то отпустил руку девушки и подался назад, а та, ласково улыбнувшись, обвела пальцем небольшое золотое украшение, тускло сверкнувшее камнями, и что — то прошебетала.

Вот и что это? Брошь? Нет, вряд ли, не бывает брошей снабженных тремя камнями, что крепятся к основанию тремя короткими золотыми цепочками.

Нет, это подвеска. Прав был Ласло. Она и есть!

Не успел я про это подумать, как коридор охватило пламя, а в мои уши ввинтился женский крик, неистовый и страдальческий.

Багровая вспышка — и вот я хлопаю глазами, в которые бьет яркое утреннее солнце.

— Тьфу, холера вас возьми всех. — Мой лоб опять был в испарине, а сердце колотилось о грудную клетку так, что казалось — вот — вот, и оно ее расшибет вдребезги. — Ох уж мне эти спецэффекты!

Но на самом деле я был доволен, потому что увидел то, что хотел. Лучше бы, конечно, со всех сторон оглядеть искомое, но и так хорошо. Форму подвески помню, цвет камней тоже, и даже две буквы в виде вензеля, который ясно читался на основном предмете, запомнил.

Цветных карандашей или фломастеров в моем доме сроду не водилось, потому оттенки трех камней, которые были расположены по бокам и внизу подвески, я обозначил на рисунке буквами, добавив к ним стрелки — направления. Ну да, выглядело это немного диковато, на мой взгляд, но, с другой стороны — чем богаты, тем и рады.

Письмо ушло, а я отправился в душ, рассудив, что раньше, чем через пятнадцать — двадцать минут Шлюндт мне не позвонит. Пока письмо придет, пока он его прочтет, пока выдержит паузу, чтобы соблюсти регламент...

Я успел выйти из ванной комнаты, позавтракать, выкурить пару сигарет, а телефон молчал.

Я походил по комнате, посмотрел новости по телевизору, почистил сначала парабеллум, а после и наган (что, вообще — то, следовало сделать еще вчера, плюнув на усталость и сонливость), загрузил вещи в стиральную машину, отметив, что крови на них нет, но зато имеются какие — то пятна странного цвета, должно быть, ихор, еще сигаретку выкурил. Ни звонка, ни смски.

Чудно. И непривычно. Я как — то уже свыкся с мыслью, что Карл Августович знает все и обо всем, а тут — тишина. Может, он на меня обиделся за ту проделку в больнице? Да ну, чушь. Для него на первом месте выгода, а все остальное — вторично.

Кстати — о выгоде. Надо наконец разобрать свой вчерашний улов. И заодно решить, что с ним дальше делать.

Я принес из прихожей рюкзак и высыпал его содержимое на стол. Приличная кучка получилась, между прочим. Внушающая уважение.

Но при всем этом подборка все же оказалась сорочьей. Нет, прав я был, покойный дядюшка все, что ему подворачивалось под руку, тащил под себя. Иначе что в этой гряде ценностей делали несколько обручальных колец, причем ни разу не антикварных? Не иначе как их бывшие владельцы имели неудачу пересечься с мадьярским колдуном, на чем, собственно, и подошел к концу их жизненный путь. Ну а кольца перекочевали в коллекцию алчного злодея.

Но и старинных вещичек тут, конечно, тоже имелось немало. Увы и ах, я до сих пор даже приблизительно не могу определить возраст и ценность той или иной вещи, хотя это, по сути, вменено мне в обязанность, но иные предметы сами за себя говорят. Например — вот этот перстень с ярко — синим камнем. Ясно же, что это старая работа, это понятно по некоей ауре, которую трудно не ощутить. Старые вещи, старые книги, старые картины — они ведь как живые. Их почти невозможно спутать с так называемыми «репликами». Это особый запах, особая форма, особое благородство, если можно так сказать.

А еще жалко, что не получится узнать, какая именно история стоит вот за этим серебряным дамским браслетом, изукрашенным тонкой резьбой — плетением, или вот этими серьгами с аметистами. Чье запястье холодило серебро? В каких ушках качались эти серьги? Кем были те люди, когда они жили? Получить бы ответы.

А их — нет. И не будет. Жаль!

Я тасовал драгоценности на столе, как колоду карт, определяя каждому предмету свое место, отчего вскоре передо мной образовалось несколько горок. Одна, самая небольшая, но призывно посверкивающая всеми цветами спектра — из камней. Другая — из предметов, в которых ощущалось Время, несомненно, имевших свою историю, которую было бы интересно выслушать. Ну а в третью, ту, которую я про себя назвал «разменной», попадали монеты и украшения, которые не вызывали у меня душевного трепета. Возможно, я и не прав, возможно, не вижу чего — то очевидного, но что тут поделаешь. Все равно мне понадобятся оборотные средства, верно? Ну и потом — не сидеть же мне на всем, что я найду, как тому дракону? Да, я Хранитель кладов, но любое хранение предполагает изначальные вложения, потому мои лесные мысли на тему «не продам» можно и подкорректировать.

Змейки на груди при этой мысли не шевельнулись и не начали меня кусать, что прибавило уверенности в том, что я прав.

Через час все было завершено. Три неравных, но все равно внушительных горки ценностей разместились на столе, лаская взгляд.

— Хорошо поработал, — громко заявил я. — Есть чем гордиться.

— Неужто ты все это нашел? — раздался голос подъездного. — Ох ты! И что же, ты все это тут, дома, будешь держать?

— Анисий Фомич, ты бы хоть кашлянул сначала! — подпрыгнув на месте от неожиданности, рявкнул я. — До инфаркта ты меня так доведешь, честное слово!

— Извини, Валерий, — подъездный подошел к столу, встал на цыпочки, и внимательно оглядел драгоценности. — Ты же их тут не оставишь? Нет?

— Не знаю пока. — Я присел на стул. — Думаю.

— Не надо, — попросил меня Анисий Фомич, причем так, что стало ясно — это не просто просьба. — Ни к чему тут они. Вещи старые, кто его знает, что у них за душой? И кто по их душу прийти может. От иных и давней кровью несет. Ты — то тот запах не чувствуешь, а вот я — да. Унеси их куда —нибудь, да поскорее.

— Даже так, — заинтересовался я. — А от каких кровью несет?

— Вон от той цацки, например. — Подъездный ткнул пальцем в золотую цепочку очень изящного плетения, на которой висел рубин в

золотой же оправе. — Не иначе как через большую муку прошла та, у кого ее отняли. Прямо вот смердит от этой вещи болью да смертью.

— Вот ведь. — Я взял цепочку в руки. — Нет, ничего не слышу, хотя, наверное, и должен.

— Так и я не слышу, — успокоил меня Анисий Фомич. — Я чую. Это другое. Через эту вещь в мой дом может беда прийти, осознаешь? Мой дом — мой мир, я его оберегаю как могу, потому всегда чую все лазейки, через которые горе может сюда пробраться. Через вон тот браслет — нет. А через эту цепку — да. Она к себе недоброе притягивает, потому как через нее смерть и боль прокатились. Может, того и не случится, души в этой вещи нет, но, может, и да. А оно мне на что такое надо?

Души в ней нет. Ну да, нет, я ее сам вчера отпустил. Но некая энергия, выходит, осталась? Вот только подъездный ее чует, а я — нет. И это обидно.

— Пистоль — что, пистоль пусть будет, — продолжал тем временем свои речи Анисий Фомич. — От денег, что от вот таких, что от бумажных, тоже вреда никакого, одна польза, ежели, конечно, их главным в жизни не сделать. А вот остальное... Унес бы ты его, Хранитель, куда подальше. Зарой поглубже, или отдай кому. Пущай у других от такой напасти портки преют.

— А знаешь, сосед, я с тобой согласен, — сообщил гостю я. — Так, пожалуй, и поступлю.

На самом деле закапывать я ничего никуда не собирался. Делать мне больше нечего. Но держать дома такую кучу драгоценностей на самом деле очень неблагоприятно, особенно если учесть, что о моей новой ипостаси знает уже крайне большое количество как людей, так и нелюдей.

Я сгреб старинные вещи и камни в один пакет, остальное — в другой. Подумал немного, достал из первого пакета перстень с темно — синим камнем, серебряный браслет и ту самую цепочку, на которую указал Анисий Фомич. На них у меня появились другие планы. Перстень в результате остался дома, а два других украшения отправились в пакет с не самыми ценными предметами.

За всей этой суетой я как — то даже забыл, что жду звонка, который, впрочем, так и не прозвучал. Это начинало становиться любопытным, я даже проверил — точно ли письмо ушло к

получателям. Естественно, ушло, все в порядке, уведомление о доставке пришло.

Ну нет — так нет, дальше сидеть у моря и ждать погоды я не собираюсь, есть у меня дела и поважнее. Да, только что придуманные, но это не значит, что пустячные. Так что ловите меня в пути, соискатели удачи. Если повезет.

Первым пунктом, который я надумал посетить, значился банк на Сивцевом Вражке. Где хранить столь ценный груз, как не в депозитной ячейке? Она точно надежнее моего рюкзака будет. Причем своим ходом я туда ехать не собирался, потому вызвал такси. Хоть жара и спала, благодаря внезапно задувшим северным ветрам, но тем не менее лучше уж я постою в пробках, чем попрусь в общественный транспорт с таким грузом за спиной. Ясное дело, никому и в голову не придет, что подобные ценности можно перевозить в метро, но береженого бог бережет.

Выйдя из подъезда, я не удержался и кинул взгляд на детскую площадку, где ночью мы с Дániлой вели душевные беседы, после чего в голове возник вполне резонный вопрос — а чего я гильзы не собрал? Найдут их сейчас какой — нибудь карапуз вроде вон того, что с лопаткой в руках вокруг песочницы бродит, покажет ее бабушке, а та, не дай бог, страдает повышенной гражданской ответственностью, как возьмет, как пойдет к участковому!

Впрочем — на воду дую. Ну — гильза? И что? Заявлений нет, тела нет, кто этой ерундой станет заниматься? К тому же я вот, например, даже не представляю, как выглядит наш участковый. И существует ли он в природе вообще.

Так что — пустые волнения. Вот то, что телефон молчит, начинает напрягать. Раньше названивала куча народа по поводу и без повода, а тут как отрезало.

В банке, уже когда один из пакетов перегружал в ячейку, вспомнил, что один предмет с собой так и не захватил. Браслет, что мне достался в качестве памятного сувенира от Карла Августовича. Он так и лежал у меня на полке с тех пор. Пару раз я пытался его разговорить, но он молчал так, как и положено обычной вещи. А ведь девица из него никуда не делась, это я точно знал. Ее никто не отпускал. Просто она говорить со мной отчего — то не желала. Можно было бы ее в

воспитательных целях на месяц — другой вот сюда, в железный ящик определить, чтобы знала, как своего спасителя игнорировать.

Вот тоже интересно, — а если я прикажу ей вести со мной беседу, она подчинится? Почему — то раньше эта мысль мне в голову не приходила, а сейчас возникла словно неоткуда.

По сути — я же им Хозяин? Или нет, кончилась над тем же браслетом моя власть в тот момент, когда он перестал являться частью клада?

Очень много вопросов. Очень. А вот ответов — нет.

В специально прихваченный холщовый мешочек, в котором когда — то лежали бочонки лото, я убрал гарнитур Лыбеди и недавно перепавший мне перстень Карла Безумного. Надеюсь, скоро сюда еще и подвеска неведомой мне принцессы попадет. Хотя, может, и не принцессы. Может, герцогини. Им тоже жаловали ордена с лентой, я в сети про это прочел. Случалось, такие получали люди вообще с не самым высоким социальным статусом, но они все как один были мужчинами. Кому за ратный подвиг подобная награда прилетала, кому за выигранные сражения в алькове она перепадала. В любом случае, молоденькая девчонка ничего такого для получения подобного ордена сделать не могла. Разве что удачно родиться в правильной семье.

Покинув банк, я снова сел в такси, которое меня все это время ждало у входа, и отправился на Ленинградку. Стелла хотела принимать участие в мероприятиях? Отлично. У нее будет такая возможность.

В салон я зашел уже как свой, и первым делом осведомился у гламурного мастера Стасика, с которым свел знакомство еще в прошлый визит сюда:

— Моя у себя?

— Да, — немного жеманно ответил тот. — Но у нее там клиентка, важная и очень строгая, так что ты будь осторожен, амиго!

— Я всегда осторожен, компаньеро. Слушай, а почему испанский? Английский больше не в моде?

— Хочу там жить, — философски заметил Стасик. — Где —нибудь в Андалусии. Моя страна, мне там хорошо. Все друзья хотят жить на Гоа или Бали, а мне они даром не нужны. Домик в Малаге или Марбелье — моя мечта!

— Так они вроде стоят не так и дорого? — заметил я. — Особенно на фоне столичных цен на жилье.

— Но я потом еще и работать больше не хочу, — пояснил Стасик. — Хочу просто жить и любить.

— Теперь понятно, — хмыкнул я. — Ладно, пойду гляну, кто там мою подругу тиранит.

Глава 15

Я подошел к кабинету Стеллы и было собрался вломиться в него без стука, дабы изобразить «обраточку» за ее недавний стеб над Юлькой, но замер на месте, услышав голос, который оттуда доносился.

— Характер, Стелла, характер. Весь в отца, такой же упертый. Если чего решил — все, хоть кол на голове теши.

— Так это хорошо, Марина Леонидовна, — промурлыкала ведьма. — В наше время любые принципы у представителей сильного пола воспринимаются как несомненное достоинство, а если к ним добавляется упорство, так это уже чудо чудное. Сами же знаете — мягкотелый пошел мужчина. Слабовольный.

Черт. Черт. Совсем забыл! Значит, добралась — таки мама до Стеллы. Мало того — они, похоже, поладили.

Плохи мои дела. Сильно плохи.

— Если бы упорство, — вздохнула мама. — Тут — то упертость, а это уже не благо, а бремя. Муж при одном упоминании имени сына начинает носом сопеть, Валера вообще в родной дом дорогу забыл. Разве это хорошо?

— Чего хорошего? — подтвердила Стелла. — Но давайте посмотрим на проблему с другой стороны. У ваших общих знакомых сыновья сами хоть чего — nibудь добились? Так, чтобы своим потом, умом, старанием? Простите, сильно сомневаюсь. Им кабинеты и должности по праву рождения перепали, иные и вовсе небось дня не работали, им некогда, им отдыхать надо. А Валерка наш зубами в жизнь вгрызся, знает теперь, почему фунт лиха и каков на вкус свежезапаренный «Доширак». Так что вам не печалиться надо за сына, а гордиться им.

— Горжусь, — невесело засмеялась мама. — Вот только семьи, о которой я всегда мечтала, нет. Развалилась семья.

— Склеим, — бодро заявила Стелла. — Не забывайте, что жизнь продолжает идти вперед, теперь в ней появилась я. Вот мы с Валеркой по осени поженимся, я вам внука или внучку рожу, и все станет хорошо. Супруг ваш, как бы он грозно ни сопел, все равно не устоит перед соблазном на продолжателя фамилии Швецовых посмотреть. Не устоит же?

— Не устоит, — согласилась мама, причем таким тоном, что мне стало ясно — Стелла одержала очередную победу.

— Вот! — продолжила ведьма. — А уж потом никуда они не денутся от нас, начнут плясать под нашу дудку. Мы женщины. Мы все равно умнее их, и теперь нас двое. Еще, глядишь, под одной крышей жить будет. Ваш муж наверняка захочет внука или внучку к рукам прибрать, со словами «с тем не вышло, с этим получится», я, само собой, буду против, вот тогда... Валера, да не топчись ты там, заходи уже.

— Вроде не шуршал ничем. — Я понял, что дурака включать смысла нет, и толкнул дверь от себя. — Как догадалась?

— Твой отвратный одеколон, — отозвалась Стелла, подходя ко мне и целуя в щеку. — Сегодня же вечером его выкину. Ты у меня интересный мужчина, и одет, в большинстве случаев, со вкусом, но парфюм при этом выбираешь такой, что хоть стой, хоть падай.

— Привет, мам, — не обращая внимания на нее, произнес я. — Не ожидал тебя здесь застать.

Сколько же я ее не видел? Года два? Ну да, как — то так. Я тогда «совершенно случайно» встретил ее в переулке, где находился наш архив. Она якобы искала гравера, который квартировал в арбатских домах.

Свинья я? Бесспорно. Так с мамой не поступают, и мне это прекрасно известно. Но лучше так, чем по — другому. Не хочу, чтобы она рвала свое сердце на две части, решая, кто ей дороже — я или отец. Тем более что бате ее поддержка всегда была нужна. Даже не так. Он всегда делал все только ради мамы. Если у него из — под ног вышибить эту основу, то он в такой разнос может пойти, что небесам станет жарко.

А я уж как — нибудь сам выгребу в этой жизни. Пусть даже и с клеймом «не очень хороший сын».

— Ну я ехала мимо, — привычно неумело начала выстраивать версию она. Чего — чего, а врать мама не умела никогда. Не дал ей господь этого таланта. — Увидела вывеску, вспомнила, что давно хотела...

— Мам, не надо, — попросил ее я. — Ты — и случайно? Не бывает.

— Не бывает, — согласилась она.

— Как бы там ни случилось, все к лучшему. — Стелла обняла меня за талию. — Мы наконец — то познакомились. Я ведь Марину Леонидовну сразу узнала, как только увидела. Вспомнила фотографию, что у тебя в стенке стоит, и сразу поняла, кто ко мне в салон заглянул. Так обрадовалась!

— Это правда, — заулыбалась мама, и я заметил, что у ее глаз появились лучики морщинок. А раньше их не было. — Я, признаться, даже сначала растерялась, когда Стелла на меня как коршун налетела! Она у тебя такая эмоциональная!

Что за чушь? Не эмоциональная она, а расчетливая. Ну и актриса хорошая. И совершенно не у меня!

— Я давно просила Валерку познакомить меня с родителями. — Ведьма шутливо ткнула меня пальцем в живот. — А он все «нет» да «нет». Даже комплексовать начала, думать, что я, видно, совсем уж никудышная, что он меня стесняется. Ну а иначе почему не хочет с мамой и папой познакомить?

— Некрасиво, — согласилась с ней мама и укоризненно глянула на меня. — Неправильно. Но, если тебя это успокоит, моя ситуация не лучше. Валера, как ты считаешь, правильно ли то, что я узнаю о твоей скорой свадьбе случайно? Как мне думается, мы с отцом, даже учитывая сложившиеся обстоятельства, имеем право на подобную информацию.

— Кругом виноват, выходит, — хмыкнул я. — Веселые дела. Мам, успокойся. Даже день еще не назначен! И заявление мы не подавали. К тому же нам со Стеллой к ее бабушке Марфе надо съездить, благословение получить. Без него — никак. Такие у нее в роду традиции. Родноверка у меня Стелла!

— Кто? — опешила мама.

— Шутит он, — ведьма серебристо рассмеялась. — Шутит. Просто у меня бабушка строгая, вот он и иронизирует. Папы — мамы я почти не помню, так уж судьба распорядилась, меня бабушка воспитала, и сказала как — то давно, что без ее благословения брак у меня несчастным будет. А я про это Валерке как — то обмолвилась на свою голову.

— Валера, Валера! — укоризненно покачала головой мама. — Нашел тему для шуток!

— Я привыкла, — захлопала ресницами Стелла и склонила голову ко мне на плечо. — Знаете, Марина Леонидовна, когда любишь, даже дурацкие шутки кажутся милыми. Вот такие мы бабы дуры.

Как по мне — сейчас она крепко переигрывала, сама того не понимая, что навлекает на свою голову некоторые неприятности. Но это ее проблемы, не мои.

— Ладно, дети. — Мама встала. — Мне пора. Стелла, если в воскресенье ты не придешь ко мне в гости, я очень расстроюсь. Этот неотесанный субъект наверняка найдет десять тысяч поводов для того, чтобы не появиться в родном доме, а вот тебя я очень жду!

— Даже не сомневайтесь, Марина Леонидовна, — прощобетала Стелла, отлепляясь от меня и подходя к ней. — Буду непременно. Вернее — будем, за это поручусь. Пусть он, если хочет, сидит на кресле как засватанный, а мы с вами попьем кофейку, поболтаем. Я еще очень хочу на детские фотографии Валеры посмотреть. У него их нет, он же как бирюк живет, а мне так интересно, так интересно!

— Хорошо. — Мама взяла руки Стелла в свои. — За тобой прислать машину или ты сама за рулем?

— Сама. — Ведьма застенчиво потупилась. — Приходится быть сильной, хотя так хочется стать слабой. Пойдемте, я вас провожу. И еще — подумайте о том, что я вам показывала в каталоге, мне кажется, именно эта прическа то что надо. Ваша природа такова, что вы выглядите невероятно молодо, и это сейчас не лесть, а мнение профессионала. Но это не значит, что не стоит природе помочь.

— Пока, мам, — произнес я. — Был рад...

— Валера, я не терплю дежурных фраз, ты же знаешь, — мама поцеловала меня в щеку. — Это дурной тон. И знаешь, сегодня у меня праздник. Я думала, что почти потеряла сына, но, похоже, имею все шансы получить дочь, а если повезет, то и внуков.

— Ох, Марина Леонидовна. — Как Стелле удалось так ловко и быстро покраснеть, я не знаю, но — удалось.

— В воскресенье жду. — Мама погрозила мне пальцем и вышла из кабинета.

Кстати — а он изрядно изменился с тех пор, как я был тут в последний раз. Вон картины на стенах появились, любимые маминны импрессионисты. Портрет Дали висит.

Вот ведь. Все Воронежская предусмотрела. Ведьма и есть...

— И чем ты недоволен, мой милый мальчик? — поинтересовалась Стелла, когда минут через пять вернулась обратно. — Все же замечательно. Твоя родительница улыбается, впервые за довольно — таки длительный период. Кстати — ты редкостный паршивец, женишок. Так с мамой не поступают.

— Ну — ну, продолжай, — подбодрил ее я, отсалютовав стаканом с виски. Кстати, у нее в баре оказался довольно неплохой ассортимент выпивки. — Что дальше?

— Так вот — мама довольна, папа, глядишь, сменит гнев на милость, семья восстановлена. Ну, молодец я?

— Молодец. Только вот ты ведьма, Воронежская. В чем твой изюм? Чего ради ты всю эту карусель завертела?

— Мой? — Глаза Стеллы опасно потемнели, она подошла поближе и закинула мне руки на шею. — В тебе. Знаешь, я все шутила, шутила, а потом подумала — почему бы и нет? Ты молод, симпатичен, перспективен, из хорошей, и что немаловажно, весьма зажиточной семьи. Ну по молодости и глупости психанул, но это все поправимо, все можно восстановить, включая права наследования. Опять же — за тобой Великий Полоз приглядывает, а это, знаешь, тоже веский аргумент.

— И ты решила выйти за меня замуж, — подытожил я.

— Именно, — подтвердила Стелла. — А почему нет? Тебе, милый, тоже с этого выгода немалая выйдет.

— Например?

— Я тебя не убью осенью, — лукаво улыбнулась девушка. — Разве мало? Хорошо. Все твои враги моими станут. Ты пока сам кое — как справляешься с бедами, есть такое, но надолго ли тебя хватит? А так — всегда я рядом буду. Причем не как союзница поневоле, а на идейно — практической основе. Разницу видишь?

— Становится интереснее, — проникновенно заявил я. — Что еще?

— Не наглей, Швецов, — посоветовала мне Стелла. — Не зли ведьму, не надо. Кстати — мне твоя мама понравилась. Славная женщина.

— Если хоть что — то, хоть волос с ее головы... — Я тоже обнял Воронежскую, причем очень крепко. — Знаю, что Покон запрещает родителей и детей впутывать в дразги, но тебе, солнышко, законы не сильно писаны. Так вот...

— Да пошел ты. — Ведьма оттолкнула меня в сторону. — Все, как всегда, испортил! Тьфу! Даже замуж за тебя выходить расхотела.

— Ну нет — так нет, — развел руки в стороны я. — Экая досада!

— Да сейчас тебе «нет», — фыркнула ведьма. — По — моему будет, и не спорь даже. В чем — то ты ловок и силен, но тут тебе не вывернуться. Вопрос только в том, когда мы станем мужем и женой — до Змеинового дня или после. Нет у меня пока ответа на этот вопрос. И еще — в воскресенье ты идешь со мной.

— Не иду, — сразу же заявил я.

— Идешь.

— Не иду.

— Валера!

— Стелла, отвали. И вообще, я пришел по делу, но, чую, с тобой говорить не о чем. Чего я вообще повелся на все эти твои речи? «Я за бортом, мне конец». Кого я слушал, о чем думал, кого жалел? Еще подарок ей принес, хотел порадовать...

— Подарок? — заинтересовалась ведьма. — Какой?

— Какие, — уточнил я. — Их много. Но теперь — шиш тебе. Лучше пойду к Шлюндту, он меня более приемлемыми способами попытается охомутать.

— Он тебя пытается приручить, — посерьезнела Стелла. — Не спорю, я редкая дрянь, но тут уж извини, такова моя природа. Но я с тобой честна, по крайней мере настолько, насколько это возможно. А он при необходимости твою кровь по капле сцедит и продаст по максимально выгодной цене. Причем, как всегда, мило улыбаясь, с шуточками и прибауточками.

— Тут согласен. Ладно, убедила. — Я уселся на диванчик, где уже лежал мой рюкзак, и похлопал ладонью по колену. — Прыгай, невеста, буду тебя задаривать.

Стелла допила виски из стакана, и, к моему великому удивлению, сделала то, что я ей предложил.

— Вот, гляди. — Я развернул листочек с рисунком. — Новая цель. Это подвеска, по всему работы восемнадцатого — девятнадцатого века. Что примечательно — уже часа три с лишним прошло, как письмо к соискателям удачи отправил, а никто до сих пор не отозвался.

— Таких подвесок небось вагон и маленькая тележка, — резонно заметила ведьма. — Чего ты хотел? А это, тем более, даже не фото, а

рисунок.

— Плохо, — вздохнул я. — Время идет.

— Что еще ты мне в клювике принес? — Воронежская взъерошила мне волосы. — Ну, давай, показывай.

Я стряхнул ее с колен, раскрыл рюкзак, достал пакет, в котором лежали те вещи, которые я отнес к категории «хлам», и высыпал их на стеклянную поверхность стола.

— Ого! — вскочила на ноги Стелла. — Это красиво, Швецов. Моя доля от очередного клада? С тобой приятно иметь дело!

— Да вот еще! — осек ее я. — И не надейся, твоего тут ничего нет.

— Тогда к чему все это? — ведьма насупилась. — Хочешь показать мне, что ты ого — го? Мол, я теперь снова богатенький Буратино, а ты нищая парикмахерша? Я и так это знаю. Вот за что ты так со мной, Валера?

Голос дрожит от обиды, глаза влажно блестят, и светлые девичьи слезы готовы прочертить первые дорожки по нежной коже щек.

Ей бы в театр, да не любительский, а профессиональный.

— Стелла, не начинай свои игры, — попросил я. — Ты сказала «доля»? Не вопрос. Реализуй всю эту красоту, и десять процентов от полученной выручки твои.

— Тридцать, — быстро ответила Воронежская, мигом забыв про то, что она смертельно обижена. — И это честная цена!

— Двадцать, таково последнее слово, — произнес я, беря в руки серебряный браслет. — И давай не будем цитировать стандартный диалог из посредственных сериалов. К тому же я не для личной наживы собираюсь все это продать, а для общего дела. Есть у меня ощущение, что оборотные средства окажутся не лишними.

— Аргумент. — Стелла оперлась руками на стол и уставилась на кучу вещей и монет, поблескивающую под лампами дневного света. — Ладно, тогда мои тут восемнадцать процентов. Уговорил.

— Твоя щедрость сопоставима только с твоей красотой, — иронично заметил я и пальцем подцепил серебряный браслет. — Кстати — это мой тебе подарок. Просто так, от души. И та цепочка с кулоном тоже твоя.

— Как это мило! — ведьма цапнула украшения. — Ну вот, а ты сомневался в том, что у нас все получится. Мы с тобой уже перешли в стадию подарков, еще немного, и дело все же дойдет до колец!

— Стелл, шутка, произнесенная два раза, уже перестает быть таковой, — поморщился я. — Так что заканчивай. И вот что еще. Постарайся сделать так, чтобы мое имя вообще никто с этими вещами не связал. Отлично понимаю, что куча заинтересованных лиц прекрасно знает, кто ты мне и кто я тебе, но все — таки попробуйся.

Я отлично понимал, что Стелла не самый лучший сбытчик, но остальные — то были еще хуже. Да и сколько у меня тех остальных? Разве что Шлюндт, который мало того что тоже меня непременно надует, так еще и копать начнет, выясняя, откуда мне богатство привалило.

Имелся еще вариант с Абрагимом, но его тоже идеальным назвать трудно, поскольку от аджина ниточка вела к тому же антиквару, который прекрасно складывает два и два.

Ну и наконец, были связи из прошлой жизни, которые никаким краем моей нынешней ситуации не касались, но там тоже всё не слава богу. И не общался я с этими людьми много лет, и гарантии того, что они не подментованы, никакой не было. Возьмут сольют меня органам, перед этим прибрава к рукам большую часть добра, и привет. За мной никого нет, чего им бояться? А я после в кабинетах с казенной мебелью объяснять стану, какая бабушка мне монеты с украшениями в наследство оставила. Сесть не сяду, разумеется, но заплатить придется ого — го сколько. А если эхо происходящего еще и до отца донесется... Хотя «если» тут неверное слово. «Когда» — вот как надо говорить.

Вот и выходит, что Стелла лучший из возможных вариантов.

А деньги понадобятся, я это чую. Пока мне везет, обхожусь тем, что есть, но раньше или позже все равно возникнет ситуация, когда решение вопроса будет зависеть не от взаимовыгодных отношений, а от наличия денежных средств. И лучше если к тому моменту пачки купюр уже будут лежать в банковской ячейке. Можно будет просто пойти и взять их, а не бегать с выпученными глазами в поисках нужной суммы.

— Не поверишь, но я сама в этом заинтересована, — задумчиво сообщила мне ведьма, изучая цепочку с кулоном. — Интересная штучка, интересная. А вот скажи, мой сладкий, ты специально пытаешься втюхать мне вещь с наложенным проклятием, или так получилось случайно?

— Да ладно? — изумился я. — Seriously? Вот это проклятая вещь? Вот же у Анисия Фомича чуйка какая, а! Надо подумать, как ее использовать в своих целях.

— Ага. — Стелла аккуратно положила украшение на стол, а после цепко прихватила мои щеки своими ладонями. — В глаза смотри. Специально или нет?

— Нет, — не моргнув глазом ответил я. — Успокойся уже.

И я не врал. Что предмет с подвывертом — знал. Но что с проклятием... Так что моя совесть чиста.

— Вроде правду говоришь — секунд через десять подытожила ведьма. — Ладно, поверю.

— Слушай, если эта вещичка с гнильцой, так, может, ее лучше в распыл? — предложил я. — В водоем какой —нибудь выбросим, да и все.

Я, признаться, не очень хорошо представляю себе, как работает проклятие, в основном по фильмам и книгам. Но этого достаточно, чтобы сообразить — ничего хорошего от него ждать не стоит.

— С ума сошел? — возмутилась Воронежская, роясь в ящике своего рабочего стола. — Предмет с качественно наложенным старым проклятием в наше время большая редкость. Оно же как вино, с годами становится только крепче и забористей, такое поди сними. Так что — спасибо тебе, Валера, подарок дивно хорош. О, вот, нашла!

У Стеллы в руках оказался небольшой прямоугольный футляр, вернее — коробочка, в которую она и определила цепочку.

— Есть у меня одна клиентка, которая за такую вещичку хорошие деньги даст, — поведала мне ведьма. — Она изредка прибегает к моим услугам, и я сейчас не о парикмахерском ремесле. Недавно вот жаловалась на одну заклятую подругу, которая слишком уж масляно на ее мужа поглядывает, спрашивала, нет ли какого средства посильнее. Я думала о выпадении волос, для женщины облысеть — это всегда страшно, но этот вариант куда лучше. И, самое главное, я, если что, ни при чем. Откуда мне знать, что украшение проклято? Не заметила, не увидела, ай — яй — яй.

— Однако, — покачал головой я. — Все — таки опасная ты женщина, Воронежская. Вот как на тебе такой жениться?

— С удовольствием, — подсказала мне Стелла. — Радостью и предвкушением.

— Ага, предвкушением, — хмыкнул я. — Так вот стянешь с тебя трусики, а там бац — и зубы.

— Желаеть проверить комплектность прямо сейчас? — поинтересовалась ведьма и расстегнула пуговицу приталенного пиджака. Она сегодня выбрала стиль «деловая женщина», как видно, готовилась к встрече с моей мамой. Все скромно, никаких ярких цветов, почти нет косметики. — Так сказать — тест — драйв. Я женщина с широкими взглядами и без особых комплексов, если ты не заметил, так что — вот диван, вот мы с тобой, в чем же дело? Если стесняешься, можешь даже дверь закрыть, хотя ко мне без стука кроме тебя никто и не входит.

А может, и правда? Почему нет? Заодно проверю — есть у нее сзади хвост или нет?

Ай!

Змейки проснулись!

— Ты чего прыгаешь, как заяц? — удивилась Стелла. — От радости, что ли?

— От нее. — Я потер ладонью грудь. — Ай, блин! Да не буду я с ней спать, не буду!

— Швецов, мне страшно становится. — Ведьма подошла поближе и прислонила мне ко лбу ладонь. — Скажи, у тебя все в порядке с головушкой? Ты с кем говоришь сейчас?

— С ними. — Я задрал майку. — Точнее — с одной из, той, которая меня кусает.

Ох, лучше бы я этого не делал. Во — первых, змейки и в самом деле проснулись, они сплетались друг с другом, скользя по кругу, и данная картина смотрелась жутковато. Нет, в этом имелась определенная красота, но если учесть, что все это происходило на моем теле, то поводов для эстетического восторга нет совершенно.

Во — вторых, Стелла взвизгнула, шарахнулась от меня в сторону, и только что на стол не запрыгнула. Странно, с чего бы? Она этот подарок Полоза видела, и не раз.

— Ты чего? — спросил у нее я, опуская майку. — Они для личного использования, тебя не укусят.

— Уверен? — неожиданно зло осведомилась у меня ведьма. — Ты когда этой дрянью обзавелся?

Значит — не видела? Или не могла увидеть?

— Ты мою домашнюю живность не оскорбляй, — попросил ее я. — Проявляй уважение! И еще — если метишь ко мне в супруги, то знай — их сводить с тела не стану, они теперь часть меня.

Мне показалось, или сердце прямо сейчас обдало неким теплом?

— Поглядим еще, — прошипела не хуже змеи Стелла. Ее волосы странным образом растрепались, тени под глазами стали больше, и ногти вдруг блеснули стальным отливом. Мало того — она стала выглядеть лет на двадцать старше. — Поглядим, у кого клыки крепче!

— Вот теперь и мне не по себе стало, — поморщился я. — Я привык, что ты выглядишь лучше всех, а сейчас на тебя смотреть страшно. О, погоди, Шлюндт звонит.

Воронецкая недовольно фыркнула и начала приглаживать волосы, которые не стремились принимать привычную форму, я же приложил смартфон к уху.

— Валерий, добрый день, — привычно доброжелательно поприветствовал меня антиквар. — Получил твой рисунок.

— Добрейший, Карл Августович, — не менее солнечно ответил ему я. — Порадуйте меня, скажите, что вы знаете, где и у кого эта вещичка.

— Увы, увы, — вздохнул в трубку Шлюндт. — Не знаю. Никогда с данным предметом не сталкивался, в руках его не держал. Хотя нет, не так. Возможно, он и проходил через меня, но в памяти не отложился. Все, с чем мы имели дело раньше — раритеты, а это обычная вещица для середины — конца девятнадцатого века. Скорее всего, не очень дешевая, но при этом абсолютно типовая. Такие подвески ювелиры по всей Западной Европе делали на заказ десятками, если не сотнями.

— Ну хоть четкие временные рамки определились, и то хорошо, — искренне опечалился я. Ну да, я и так у него в долгу за перстень, и увеличивать мне его совершенно не хочется, но деваться некуда. — Это лучше, чем ничего.

— Ну это не все, — хихикнул антиквар. — Есть и другие вводные. Сразу могу сказать, что владелица данной подвески, скорее всего, была августейшего происхождения. Не знаю только, какая из стран была ее родиной — Германия или Австрия. Но что та или другая — точно.

— Поясните пожалуйста, — попросил я, заработав презрительный взгляд Стеллы. Не понравился ей мой тон, как видно.

— Лента, — пояснил антиквар. — Ты в записях упомянул красную ленту с белой полосой по краю и с бантом у бедра. Это орден святого Леопольда, высшая награда Австрии, как правило, вручаемая за большие заслуги перед империей, ратные или научные. Согласись, юная девица вряд ли махала шпагой на поле боя или в столь нежном возрасте написала незаурядный трактат по математике. Значит, она получила его по праву рождения. Вывод?

— Она принцесса, — подытожил я. — Ну я до чего — то такого и сам почти додумался, если честно.

— Молодец, — похвалил меня антиквар. — Вот тут и начинаются загадки. Что немецкие, что австрийские монархи были на редкость плодовиты, плюс добавим сюда их сестер и братьев, чьи дети тоже формально являлись принцами и принцессами, пусть даже до трона им было никак не добраться. Так что список возможных владелиц данной подвески будет очень велик.

— А инициалы? — живо спросил я. — Там же есть буквы?

— Мой юный друг, они нам не помощники, — печально ответил Шлюндт. — Ты просто запамятовал, что Германия и Австрия — не Россия. У нас здесь имя одно, то, что в святцах на день рождения ребятенка значилось. Иван, Марья, Панкрат и так далее. Отчество — и то не всем в те времена полагалось. А вот в той же Германии пять — семь имен родовитому младенцу было обеспечено сразу после рождения. Ну — ка, господин архивист, как звали Екатерину Алексеевну Романову до крещения?

— София Августа Фредерика Ангальт — Цербстская, — мрачно пробормотал я. — Ну да, ваша правда.

— То — то и оно, — снова хихикнул антиквар. — Причем батюшка ее звал Софией, матушка под настроение Августой или «маленькой дрянью», а все остальные «Фике», что есть производная от «Фредерика». Вопрос — какое именно из имен неизвестной нам пока принцессы закреплено на вензеле?

— Беда, — вздохнул я. — Иголка в стог сена.

— Не все столь печально, — приободрил меня антиквар. — Может, еще какие — то вводные появятся.

— Это вряд ли, — совсем расстроился я. — И так в деталях все показали, крупным планом. Хотя — может, лицо увижу? Если это середина — конец прошлого века, то портреты всех принцесс можно

посмотреть, «яндекс» нам в помощь. А иных и сфотографировать даже успели, наверное. Главное, чтобы огонь опять не помешал.

— Какой огонь? — немедленно спросил антиквар. — Что за огонь? Ты про него не писал!

— Всякий раз сон заканчивается яркой огненной вспышкой и женским криком, — отчего — то ощутив себя идиотом, рассказал ему я. — Блин, а ведь это деталь!

— Не засоряй речь жаргонизмами, — попросил меня Шлюндт. — И — да, очень важная деталь. Появилась у меня одна идея... Будь на связи. Да, ты где сейчас? Дома?

— Нет. — Я глянул на Воронецкую, та тут же скорчила ехидную рожу, как видно, изображая Шлюндта. Значит, она все слышала. Положительно пора менять смартфон, с таким динамиком и до беды недалеко. — В город выбрался. Кое — какие дела надо закончить, пока отпуск весь не вышел. С понедельника мне на работу выходить.

— Надо же, совсем забыл, что ты служишь, — заметил Шлюндт. — Ну да это мы с тобой потом обсудим. Телефон не выключай, я перезвоню.

— «Я перезвоню», — передразнила ведьма антиквара, как только я отнял трубку от уха. — Вот какая ему разница, где ты сейчас находишься?

— Он за меня переживает. Не хочет, чтобы я водил компанию с одной безответственной, хитрой и корыстной особой.

— В смысле — со мной? — уточнила Стелла, недобро прищурившись. — Он сам тебе такое сказал?

Ой, милая, хорошо, что ты не слышала разговор Карла Августовича с моей мамой в больнице.

— Ну мне кажется, что именно так это могло бы прозвучать, — решил все же не палить Шлюндта я. — Впрочем, не поручусь за истинность сего высказывания.

— Язык у тебя длинный — длинный, резать его можно долго — долго, — мечтательно произнесла ведьма, оперевшись на мое плечо. — Да, вот мне что скажи — ты правда собираешься выходить на работу?

— Правда, — подтвердил я.

— Зачем? — еле слышно шепнула мне на ухо девушка, причем сделала это так, что у меня мурашки по спине прошли, причем не от

испуга. — У тебя и так все хорошо. Я уж молчу о том, что лето вовсе перевалило на вторую половину.

— Потом оно кончится, и наступит осень, — продолжил я ее слова. — И мы с тобой пойдем в лес, независимо от того, насколько успешно будет выполнен урок Полоза. Может, мы оттуда вернемся, может — нет. Но если все — таки нас до смерти гадюки не закусает, то жизнь продолжится. Для тебя — твоя, для меня — моя. Моя старая привычная жизнь, в которой нет ведьм, вурдалаков и кладов, зато есть трудовые будни. И если я потеряю работу, то что кушать стану? У меня специальность такая, при которой новое место просто так не найдешь.

— Ничего ты до сих пор не понял, Валера Швецов из Москвы, — снова потрепала меня по голове ведьма. — Ничегошеньки. Не будет никакого...

Ее перебил телефон, я глянул на экран, прислонил указательный палец к губам, давая понять, что кое — кому следует прервать свои речи, и нажал кругляш с зеленой трубкой.

Глава 16

— Не сочти мой тон менторским, Валерий, но я не могу не заметить, что в той науке, которой ты и я служим, крайне важны именно мелкие детали, — сообщил мне Шлюндт. По его интонациям мне сразу стало ясно, что он нашел ответ на вопрос. — Казалось бы, — какой пустяк — огонь? Ну что — то где — то когда — то сгорело. Ан нет, именно он и стал ключом к замку Времени.

— Красиво сказали, — похвалил его я. — Отличная метафора!

— Да? — немного тщеславно переспросил антиквар. — Мне тоже нравится.

— Так кто это? — поторопил его я. — Имя, Карл Августович, имя!

— Там к тебе гравюра должна была прийти, с помощью этой... Как ее... Викентий, ты точно отправил Валере на телефон то, что я велел?

Кто — то на заднем плане подтвердил, что да, отправил.

Смартфон пискнул, сообщая, что на него пришло послание.

— Ага, что — то пришло, — подтвердил я. — Сейчас гляну.

В сообщении обнаружился портрет миловидной девушки с острым носиком, она очаровательно улыбалась, глядя на меня с экрана.

— Елки — палки, — пробормотал я, поднося трубку к уху. — Она. Точно она. Правда, без ленты и в другом платье, но это уже нюансы.

— Вот и славно! — проворковал Шлюндт. — Кстати — не расстраивайся, что ты ее не узнал. Эта принцесса в России ни разу не бывала, потому ничего тебе о ней в институте, скорее всего, не рассказывали. Хотя, ради правды, история ее жизни крайне интересна, я бы сказал — драматична. Большая любовь, разбитые мечты, трагическая гибель — вот что ссудила судьба этой красивой и гордой женщине.

— Прямо как аннотацию к любовному роману зачитали, — пошутил я.

— Жизнь, мой юный друг, сочиняет такие истории, до которых ни один писатель не додумается, — назидательно произнес антиквар. — Так вот, Валера, ты ищешь подвеску, которую некогда Людвиг Отто Фридрих Вильгельм Баварский, в ту пору наследный принц, а позднее король Баварии, подарил своей возлюбленной Софии Шарлотте

Августе, принцессе Баварской, впоследствии герцогине Алансонской и Орлеанской.

— Вот сейчас непонятно, — признался я. — Он Баварский, и она Баварская. Нет, понятно, что это Европа, там нынче мужики на резиновых женщинах и фикусах женятся, да и раньше, я думаю, там нравы были еще те, но все равно как — то странно. Августейший персоны ведь?

— Звучит немного парадоксально, но ничего удивительного, между тем, в этом нет, — пояснил антиквар. — Они, разумеется, в каком — то колене были родней, как и большинство представителей венценосных европейских семей, но очень — очень дальней. Скажем так — их любви это помешать не могло, и возможному браку — тоже. На пути молодых людей встала куда более страшная сила, носящая имя «политика», вот она — то все и разрушила. И все, что осталось от того чувства — подвеска, которую ты ищешь. Наверняка были еще письма, но, полагаю, София Шарлотта их сожгла незадолго до своего брака с Фердинандом Алансонским, как, собственно, и Людвиг Второй уничтожил послания той, кого любил. Знаешь, благодаря Андерсену и прочим сказочникам европейские принцессы часто воспринимаются как не очень далекие существа, а между тем это были особы с безукоризненными манерами и невероятным понятием о чести и добродетели, к тому же отменно образованные. Впрочем, София Шарлотта все же допустила одну ошибку в юности, и кое — какие ее письма все же попали в печать, но публикация сия случилась относительно недавно, лет сорок назад. Впрочем, к нашему делу это не относится.

— А почему огонь? — наконец смог я вставить слово в его монолог.

— Потому что герцогиня погибла на пожаре, причем обгорела так, что ее только по зубам и опознали, — сообщил мне антиквар. — Случилось это в 1897 году, спустя несколько месяцев после того, как София Шарлотта отпраздновала свое пятидесятилетие. Знаменитый парижский пожар на благотворительном базаре, про него потом много писали в газетах и даже в бульварных романах. Во — первых, народу там заживо сгорело много, более ста человек, во — вторых, среди погибших имелись очень значимые персоны, иные даже не уступали в родовитости нашей персоналии. Еще в том огне погибла Камиль Моро

— Нелатон, чья звезда в тот момент горела очень ярко, а после смерти засияла еще сильнее. Ты же знаешь, о ком я говорю?

— Знаю, — с гордостью заявил я, чем, похоже, изрядно удивил Шлюндта. — Это художница, я ее работы видел в музее. Меня мама в него водила.

— Мой поклон Марине Леонидовне передай при случае, — чинно попросил меня антиквар. — Она хорошо тебя воспитала, мой мальчик.

Стелла, как всегда держащая ушки на макушке, тут же насторожилась и, как мне показалось, сделала какие — то выводы из услышанного.

— Вот мне что непонятно, — решил я увести разговор в другую, более полезную мне сторону. — Если София Шарлотта так обгорела, то каким образом уцелела подвеска? Она должна была расплавиться. А если этой подвески при ней не было, почему она приняла в себя боль погибающей герцогини? Нелогично выходит.

— У меня нет ответа на этот вопрос, — помолчав, признался антиквар. — Могу только предположить, что этот дар любви вобрал в себя слишком много чувств юной принцессы, настолько много, что смог уловить последние мысли и боль погибающей женщины. Иные связи бывают неразрывными, даже если речь идет о предметах, а не о людях. И, между прочим, предметы, в отличие от людей, никогда своих хозяев не передают.

— Это да, — согласился я, хотя на этот счет у меня были свои мысли. — Но самое главное не это. Карл Августович, есть соображения насчет того, где может быть эта подвеска? Где ее искать?

— Увы, увы, — вздохнул Шлюндт. — Повторю то, что уже было сказано — если она и проходила через мои руки, то я ее не помню. И потом, Валерий, — я в этом городе не единственный антиквар, есть и другие. Опять же — теперешние владельцы могли приобрести эту вещь где — нибудь в Вене, Париже, Амстердаме или Антверпене. Там достаточное количество магазинов, которые вполне легально торгуют антиквариатом, разрешенным к вывозу из страны. Да и потом — если не знать, кто был владельцем сей подвески, то ничего уникального в ней нет. Ее сработали не Бушерон и не Кастеллани, поверь мне. Добротное ювелирное изделие, но не более того. Скажу больше — скорее всего, так и случилось. Я внимательно слежу за аукционами, лотов, связанных с именем герцогини Алансонской, там

не выставлялось. Я бы запомнил. Значит, подвеска не связана с ее именем и существует сама по себе.

Ну да, так и есть. Полоз же говорил, что все вещи, что мне следует отыскать, слишком рано увидели свет, значит, перед тем она успела побывать в земле, откуда ее и выкопали.

— И мы вернулись к началу, — расстроился я.

— Не совсем, — укоризненно произнес антиквар. — Теперь мы знаем больше, чем час назад, это ли не прогресс? Теперь есть с чем работать. Но у меня имеется одна просьба.

— Весь во внимании, — отозвался я. — Что требуется?

— Вернее — чего не требуется, — поправил меня Шлюндт. — Не следует передавать дальше ту информацию, что ты узнал от меня. Ты понял, что я имею в виду?

— Коллег — конкурентов, — предположил я.

— Именно, — подтвердил Карл Августович. — Согласись, никакого нарушения договора в этом нет.

— Само собой, — согласился я. — Даю слово, что от меня эти данные на сторону не уйдут.

Дешево отделался. Даже странно, что антиквар так невысоко оценил свою помощь. Впрочем, не так уж она и велика. А вообще — я рад, что он столь оптимистично настроен, только вот сам ничем таким похвастаться не могу. Есть у меня подозрение, что попал я в тупичок, причем серьезный. По сути, у меня нет ни одной ниточки, за которую можно потянуть. Вывод — как выкапыватель зарытых сокровищ по наводке я что — то из себя представляю, но вот как изыскатель того, что спрятано невесть где, я ноль. Печально, но факт. Может, со временем и научусь чем — то эдакому, но вот только где бы мне его взять? В смысле — время.

Впрочем, спасовал не я один. Шлюндт, похоже, тоже уперся в стену, поскольку ни на следующий день, ни позже он мне не позвонил. Мой телефон вообще молчал, я даже несколько раз проверил — звук часом не убран ли? Стелла — и та ни разу меня не набрала. Может, она с деньгами смылась? Хоть бы, хоть бы. Невысокая цена за сохраненное моральное здоровье.

И только в пятницу вечером, когда солнце скрылось за крышами домов, смартфон взревел, сообщая, что я кому — то да понадобился.

Радость была недолгой, номер не определился. Не иначе как опять будут юридические услуги предлагать или в театр приглашать. Почему — то распространители сомнительных условно — бесплатных благ любят звонить именно вечером. Видимо, полагают, что в этот момент люди добродушней и могут не сразу их послать, а перед этим немного поговорить.

— Валерий? — осведомился у меня глубокий голос, который показался смутно знакомым. — Это князь Ростогцев.

— Мое почтение, ваше... э — э — э — э — э... сиятельство? Так ведь правильно?

— Так, — благосклонно ответил мне вурдалак. — Но мы живем в новом времени, эта архаика ни к чему. Называй меня просто «князь Михаил», этого достаточно.

— Как скажете, — согласился я. — Чем обязан, князь Михаил?

— Странный вопрос, — хохотнул мой собеседник. — Желая получить заслуженную награду. Отыскал я то, что тебе нужно, Хранитель.

— Однако! — восхитился я. — Прямо именно та самая подвеска?

— С вероятностью до девяноста процентов, — подумав, ответил вурдалак. — Тот, кто принес мне информацию, видел данное украшение своими собственными глазами, и утверждает, что оно один в один похоже на то, что ты изобразил на рисунке. Так что спускайся вниз, к подъезду, Хранитель. Я жду тебя в машине.

Неожиданно. Серьезно — неожиданно. Я, признаться, в то, что кто — то из кровососов сможет мне помочь, не особо верил, а они раз — и вот так меня обескуражили. Хотя, разумеется, приятно обескуражили.

Князь был учтив и доброжелателен, но определенные сомнения в том, что он не пожелает прокусить мне шею, все же имелись, поскольку очень уж вурдалаки стремная публика. Вон того же Данилу возьми — ему вообще законы не писаны. По — хорошему, надо было бы позвонить Михееву, подстраховаться, но дергать его каждый раз все же не хотелось. В конце концов, он же не бюро добрых услуг, верно? Шлюндт тоже не подходил, поскольку он немедленно задал бы десяток вопросов, а после затеял очередную сложносочиненную игру. А больше мне звонить некому. Нет, есть еще Стелла, но подобный вариант рассматривать просто смешно, ей только в радость будет, если меня сожрут. Впрочем, она непременно расскажет о том, что учудили

вурдалаки, своей повелительнице, а та просто из вредности раньше или позже донесет информацию до нужных ушей, что довольно неплохо. Мне это не поможет, но само осознание того, что моим убийцам глаз на задницу натянут, душу в последний миг жизни согреет.

Короче говоря — единственным моим другом оказался парабеллум, который я определил в наплечную кобуру, купленную пару дней назад, за компанию с нормальным набором для чистки оружия. Днями в город пришли тучи и северный ветер, изрядно похолодало, и теперь можно было носить оружие более — менее комфортно, под курткой. Правда, очередное заявление о его сдаче в комплекте с кобурой смотрелось довольно странно, но закон хорош тем, что для него не существует понятия абсурдности. Бумажка есть? Дата сегодняшняя? Ну и все.

Хотя... Это Россия. Захотят посадить — посадят. Я же говорю — нет у нас в этой связи слова «абсурдно», потому что мы веками живем на грани здравого смысла. И нам это нравится! Потому что так жить не скучно, всегда есть кого поругать и за что выпить.

— Рад видеть, — сообщил мне князь, когда я залез в машину, с удобством расположившись на заднем сиденье, рядом с ним. — Данила, поехали.

Да — да, за рулем находился мой новый приятель.

— Как дела, Данила? — хмыкнув, спросил я, а после глянул на его затылок. Отверстия, которое пробила несколько дней назад пуля, видно не было. А говорил, что долго регенерирует. — Выходит каменный цветок?

— Очень оригинально, — не поворачиваясь отозвался вурдалак. — Фонтан остроумия!

— В смысле — заткнись? — уточнил я. — Ну и ладно. Князь, а мы куда едем — то?

— Увидишь, — многозначительно сообщил мне Ростогцев. — И вот о чем сразу предупрежу — не знаю, как Шлюндт, а я попрошу оплатить услугу, оказанную моей семьей тебе, в ближайшие дни. Ты смертный, Хранитель, а это, знаешь ли, создает определенные риски.

— Резонно, — признал я. — Но сначала давайте все же я получу подтверждение того, что вышеупомянутая услуга оказана. Пока это кот в мешке. Нет — нет, я не подвергаю сомнению вашу честность, но есть

вероятность банальной ошибки. Мало ли подвесок склепали в девятнадцатом веке европейские ювелиры?

Все же надо почаще общаться с Карлом Августовичем. Старичок он страшненький, опасненький, но рядом с ним интеллектуально растешь, а при случае приобретенную благодаря ему мудрость в нужный момент в ход пускаешь.

Через какое — то время мы въехали в центр города, уже более — менее пустынный, ибо вечерние «пробки» рассосались. Попетляв немного по нему, а после покружив по переулкам, мы наконец — то остановились.

— Приехали, — сообщил нам Данила. — Можно выходить.

— Прошу. — Князь открыл дверь со своей стороны. — Мы на месте.

Я вылез из машины, поежился под порывом холодного, прямо — таки осеннего ветра, и огляделся. Безлюдное место, высокая ограда из черных толстых прутьев, за ней виден рассеянный свет фонарей, деревья. Мы куда приехали — то? В Ботанический сад МГУ или какой — то парк?

— Вон там находится то, что ты ищешь, Хранитель. — Ростогцев показал пальцем в сторону ограды. — Держи бумажку, на ней написаны участок, ряд и место.

— Участок? Ряд и место? — совсем уж удивился я. — Мы куда приехали вообще?

— А ты не понял? — рассмеялся вурдалак. — Нет, правда? Это кладбище, Валера. Кладбище. Твоя подвеска два года как в могиле лежит, вместе с ее бывшей владелицей.

— Скажите, что вы пошутили, — попросил его я, одновременно с этим доставая из кармана пачку сигарет. — Только кладбища мне и не хватало!

— А в чем проблема? — как мне показалось, даже немного обиделся князь. — Место, конечно, не сильно веселое, но вы все тут раньше или позже окажетесь. Ну не конкретно здесь, разумеется, сюда абы кто не попадает, связи надо иметь, чтобы в этой землице прикопали. Я в принципе. Вся жизнь, Валера, есть один большой прыжок из женского детородного органа в могилу. Ну там другое слово должно стоять, но мы с тобой воспитанные люди все же.

— Так — то оно так, да только мне что теперь делать? — Я щелкнул зажигалкой. — И так со всех сторон судьба жмет, а теперь придется в расхитители гробниц записываться.

— Сочувствую, — как мне показалось, искренне произнес вурдалак. — Но это уже не наши печали, а твои. Мы обещанное выполнили, так что расчет с тебя.

— Эй — эй — эй, — остановил я его. — Что значит — выполнили?

— То и значит, — сдвинул брови князь. — Все согласно первоначальному договору, тому, что был заключен в моем доме. Вон бумажка, там указано местоположение могилы. Вот кладбище, на котором эта могила находится. Вон там дырка, через которую ты на кладбище можешь пролезть. Чего еще?

Да, крепко я тогда оплошал, что уж. Надо было не только указание места в условия включить, но и помощь в добывании предмета.

— Побольше информации хотелось бы, — как минимум для приличия возмутился я. — Кто была покойная? С чего вы взяли, что подвеску с ней закопали? Что ее вообще закопали, а не кремировали?

— А ты въедливый, — снова одобрил мои слова князь. — Молодец. Ладно, слушай. Звали покойную Людмилой Анатольевной Гончаренко, что, между прочим, тоже указано в бумаге, которую ты даже не раскрыл. Ну а драгоценность искомую ей подарил муж, которого зовут...

— Эдуард Гончаренко, — перебил я его. — Да ладно, вы серьезно?

Мне были знакомы эти имена. Более того — я и их обладателей лично видел, причем в своем собственном доме. Ну точнее, в доме родителей. Эдуард Георгиевич работал в сфере трубопроката, близкой к бизнесу моего отца, потому время от времени они кое — какие дела вели вместе. И жену его я помню. Красивая высокая женщина с глубоким грудным голосом. Значит, умерла она? Жалко. Молодая ведь совсем была, даже по моим тогдашним юношеским меркам, когда разница в пять — семь лет кажется критичной.

— Именно, — подтвердил Ростогцев и достал смартфон. — Вот, гляди, это фото трехлетней давности. Сюда смотри, я увеличил картинку. Видишь?

И верно — подвеска. Причем — та самая. Правда, фото было так себе, конечно.

— Вижу, — сказал я. — И что с того? Почему вы думаете, что подвеска — там?

— Показания свидетельницы, — охотно ответил вурдалак. — Вот тебе материал номер два. Горничная, которая работала в доме Гончаренко.

И он снова сунул мне под нос телефон, правда теперь на экране была не фотография, а видеоролик. Я увидел средних лет женщину, находящуюся словно под гипнозом. Она, совершенно обнаженная, лежала на кровати, раскинув руки и закрыв глаза, по ее лицу было видно, что ей очень хорошо.

— И что, хозяйку прямо с подвеской той и похоронили? — спросил кто — то, находящийся за кадром.

— Ага, — пробормотала женщина. — Хозяин велел это сделать. Она же с ней не расставалась никогда, даже перед сном в шкатулку, что на прикроватном столике стояла, ее ложила.

— Клала, — поправил ее собеседник.

— Клала, — с готовностью согласилась женщина. — А ты меня еще поцелуешь, Антон? Ты такой ласковый!

— Конечно же, — по голосу Антона я понял, что речь идет о далеко не простом поцелуе, и эта несчастная, похоже, только что подписала себе смертный приговор. — Иду!

— Убедился? — Ростогцев выключил телефон. — Или нет?

— Или нет, — заявил я. — Мы пока говорим о предмете, который похож на тот, что я ищу, и не более. Вот когда он окажется в моих руках и я смогу определить его аутентичность, тогда сделку можно будет считать свершившейся. А пока извините!

— Хозяин, мне кажется, он собирается нас кинуть, — подал голос Данила из салона машины. — Причем нагло так!

— Тебе слова не давали, — осек его я. — И вообще — не суй нос в чужие разговоры, его ведь и отрезать могут.

— По сути — верно сказано, — задумчиво произнес князь. — Причем это относится к вам обоим.

— Согласен, выглядит некрасиво, — не стал спорить я. — Потому сделаем так. Клянусь Ночью, Луной и Поконом, что полностью рассчитаюсь за оказанные услуги с князем Ростогцевым, согласно ранее заключенному с ним договору, в том случае если предмет,

информация о котором была им предоставлена, окажется тем самым, что мне нужен.

— Так себе вариант, — поморщился Ростогцев. — Размыт во времени. Но и тебя понять можно, разумеется.

— Вот ведь. — Я уцепился одной рукой за ограду. — Никогда не думал, что придется раскапывать чью — то могилу. А ведь это законом, если не ошибаюсь, запрещено, только уголовщины мне и не хватало. Да и Эдуард Георгиевич, если узнает, по голове меня не погладит. А он узнает обязательно, поскольку волкодавов из своей службы по следу пустит сразу после того, как все обнаружится. Я его помню, он дядька резкий. А тут вряд ли получится чисто сработать, мне так точно, особенно по темноте.

— Могилы раскапывать — это уметь надо, — согласился со мной вурдалак. — Дело тонкое, требует специальных навыков.

— Князь, может дадите мне пару ребятишек покрепче, а? — попросил я его. — Они у вас как кошки, отлично в темноте видят. А лучше всего, если они сами это все и провернут, без моего участия. За мной не заржавеет, не сомневайтесь.

— При любой другой ситуации скорее всего я не сказал бы «нет», — немного напыщенно произнес князь. — Но не в этой. Нам за эту ограду соваться нельзя, Хранитель. Там наша смерть живет.

— Опять загадками говорите, ваше сиятельство, — недовольно отозвался я. — Если вы забыли, то мне все эти внутренние подлунные расклады неизвестны.

— Там — кладбище. — Ростогцев присел на капот машины. — Могильная земля. Место последнего упокоения мертвых. А мы все именно что мертвы, хоть и выглядим как живые. Пара шагов по этой земле, особенно ночью, и нас учует тот, для кого мертвые — паства. Ну а мы, значит, те, кто от него сбежал, пусть кое — кто даже и не по своей воле. Да и вообще для нас земля кладбищ вредна, она из нас последние искры бытия высасывает, как пиявка кровь. Вроде как понемногу, но если вовремя не спохватиться, то дело может кончиться плохо. Да и тебе, приятель, я туда вот так просто соваться бы не рекомендовал, особенно ночью и с не слишком благовидными целями.

— А для кого мертвые — паства? — совсем уж запутался я. — О ком речь?

— В этом мире, Хранитель, всегда и везде есть хозяева, — пояснил князь. — В реке — водяник, в лесу — леший, на поле — луговой, в доме — домовый. Ну и тут тоже. Если есть место, то имеется и Хозяин. И скажу тебе так — лучше с лешим подраться или с домовым повздорить, чем дело с умруном иметь. Им сила дана немалая, и знают они ох как много, как о жизни, так и о смерти.

— И о том, как первое превратить во второе, — добавил Данила, тоже выбравшийся из машины.

— Вот — вот, — поддержал его Ростогцев. — В пределах своих владений они полноправные владыки. Там, за решеткой, червяк в земле не шелохнется без его разрешения, чего уж говорить о разорении могилы.

— Лихо, — проникся я. — Ну а как с посетителями? Сюда же толпы народу ходят. Хоронят умерших, памятники ставят, просто прогуливаются. Опять же — обслуживающего персонала небось полно.

— Над обычными людьми, теми, кто могилы родных посещает или здесь работает, у умруна власти нет, как минимум до той поры, пока те не помрут и на его кладбище в неживом виде не попадут. Ну или прямого ущерба ему не нанесут, тут он снова в свои права входит. Но ты — то тут при чем? Ты хоть и остался человеком, но теперь наш, под Луной живешь, Хранитель, не под Солнцем. И существуешь ты отныне по Покону, а не по закону. Так что если умрун тебя прихватит у раскопанной могилы, то... Я не знаю, что именно он сделает, но хорошего ждать не приходится.

— А он прихватит, — добавил Данила злорадно. — Любая кладбищенская тень, любой призрак — его глаза. Заприметит тебя, цап — и в свой склеп!

— Чего ты скалишься, ущербный? — разозлился я. — Это твоей семье прямой убыток. Если ты забыл, то пока я подвеску не получу, расчета не последует, так что радоваться нечему. Вот и выходит, что в заднице не только я, но и вы.

— Твои проблемы — это твои проблемы, — строго произнес Ростогцев.

— Даже не спорю, — согласился с ним я. — Но авансы сроду не раздавал, так что пока мои проблемы не будут разрешены, вашими я

заниматься не стану. Пока у меня нет подвески, у вас нет денег. Клад — не девичья невинность.

— В смысле? — удивился Данила.

— Ее по нашим временам восстановить — как высморкаться. А если я вам клад отдам, то обратно в землю его уже не вернешь. Так что ждите, пока я как —нибудь решу вопрос с кладбищем и его смотрящим.

— Хозяином, — поправил меня князь. — И вообще, Валерий, взвешивай каждое слово в общении с обитателями Ночи. Я вот на твое хамство смотрю снисходительно, но могут найтись те, кто делать этого не станет. А умрун тебя за такую оговорку вообще сразу на куски разорвет. В буквальном смысле.

— У меня и в мыслях не было вам хамить, — возразил ему я. — До той поры, как этот товарищ в нашу беседу не влез. Он вообще постоянно меня провоцирует или на драку, или на ругань, потому сразу вас предупреждаю — в одну прекрасную ночь я его убью.

— Или я тебя, — вставил свои пять копеек в разговор Данила.

— Значит, судьба у вас такая, — подытожил князь. — Случается. А что до награды... По сути, твоя позиция верна, товара лицом нет. Но кое о чем я тебя все же попрошу.

— Если просьба выполнима — нет проблем, — согласился я.

— Письмо напиши остальным концессионерам. Ну как в прошлый раз, мол, тема закрыта, всем спасибо.

— Хочется Карлу Августовичу нос утереть? — уточнил я.

— Очень, — расплылся в улыбке князь. — Не стану кривить душой — не люблю его. Скользкая личность. Помнится, в девятнадцатом году...

Увы, я так и не узнал, что именно случилось в девятнадцатом году, тайной осталось и то, к какому именно веку относился тот год.

Почему? Потому что князя перебило некое замызганное и сгорбленное существо, появившееся с той стороны ограды.

— Люди! — радостно просипело оно, мотнуло немытыми патлами и почесало живот под драной майкой. — Вот радость! А я тут брожу, брожу, никак выхода не найду. Это, где тут ворота? Слышь, парень? Да, вот ты. Тебя как зовут — то?

Небось алкаш, что допивает на могилах водку, принесенную на помин. Заснул там, а теперь выбраться наружу не может.

— Молчи. — Ладонь Ростогцева закрыла мой рот, из которого было готово сорваться имя. — Не вздумай отвечать этой пакости. А ты, бесплотный, вон пошел отсюда. Здесь, по эту сторону ограды, место для живых, а не для мертвых.

— Ой, кто бы говорил! — Тот, кого я принял за загулявшего ханыгу, распрямился, и я понял, что вижу сквозь него. Да, фраза звучит диковато, но что есть, то и есть.

Потому что это не человек, а призрак. Самый настоящий. Вон и патлы пропали, и одежда изменилась, превратившись из драной майки в нечто, более напоминавшее старинный сюртук.

— И я нежить, — с достоинством сообщил ему Ростогцев. — Но у меня есть плоть, сиречь — тело. А еще хожу я куда сам захочу, не бегая, как собачка, туда, куда меня пошлет хозяин.

— Если не секрет — зачем вы мне рот зажали? — спросил я у него. — Понимаю, что от ошибки сберегли, но от какой?

— Ты чуть вот этому синюшному имя свое не назвал, — пояснил вурдалак. — А делать этого нельзя ни в коем случае. Узнав имя, сообщенное доброй волей, он сможет ненадолго занять твоё тело, соображаешь? Правда, в твоём случае такое вряд ли могло произойти, ты очень крепок, не только физически, но и душевно, но тем не менее. К тому же он может передать эту информацию кому — то посильнее, и тогда возможны разные нюансы.

— А что у тебя за дела на нашем кладбище, упырь? — поинтересовался призрак, буквально прилепившись к ограде. — И кто этот паренек, которого ты так оберегаешь, вместо того чтобы осушить до доньшка, как бутылку с вином?

— Нет, этот тебя бы не смог себе подчинить, — усмехнулся Ростогцев. — Слишком глуп.

— Благодарю, князь. — Я осознал, в какую неприятность чуть не вляпался. — Все — таки права народная мудрость — век живи, век учись.

— Главное, чтобы учение впрок пошло, — доброжелательно потрепал меня по плечу вурдалак.

— Молодой человек. — Призрак не мигая смотрел на меня. — Если тебе чего надо здесь, на нашей земле, ты говори, не стесняйся. Помогу, подскажу, с кем надо сведу. А о цене договоримся.

— Сгинь, — посоветовал ему Данила. — Не мелькай перед глазами.

— Никогда не имей дела с такими, как он, — сообщил мне князь, показав на призрака рукой. — Непременно обманут. В нашем с тобой мире, друг мой, вообще грани между добром и злом, правдой и ложью изрядно подстерты, тут уж ничего не поделаешь. Но все равно есть какие — то границы, которые никто не станет пересекать. А для него их нет, как и для всех остальных, кто обитает там, за оградой. Кроме Хозяина Кладбища, разумеется. Да и тот, если честно, свои границы для себя сам разметил, и где они лежат, остальным неведомо.

— А ты отважный, упырь, — оскалился призрак. — В двух шагах от кладбищенской земли ее повелителя упоминать всеу? Видать, совсем черви твой мозг съели. Ха!

Мне вдруг стало нестерпимо холодно, словно следом за северным ветром в столицу пожаловала зима. А еще внутри все сжалось, как в юности, в тот момент, когда драка вот — вот начнется, но первый удар пока никто не нанес.

— Валим, — чуть просевшим голосом предложил Данила. — Патрон, не надо нам тут оставаться!

— В машину, — толкнул меня князь, опасливо глянув в сторону ограды, где злорадно хохотал наш неживой собеседник. — Быстро, быстро!

Спорить я не стал, нырнул в теплый салон автомобиля, и уже через считанные секунды детище немецкого автопрома умчало нас куда подальше от места, куда мне хочешь не хочешь, а все равно придется вернуться.

Глава 17

— Следует понимать, что к ограде пожаловал тот самый Хозяин Кладбища? — уточнил я сразу же после того, как машина набрала скорость. — Да?

— Именно, — причмокнул так, будто у него болел зуб, Ростогцев. — Серьезно навредить нам он не смог бы, но хорошего от этой встречи все же ждать не стоит. Да и тебе лишний раз ему показываться на глаза тоже не след. Ты упорный парень, Хранитель, вряд ли отступишься от своих планов, а значит, раньше или позже нагрянешь на это кладбище. К чему ненужная популярность?

— Его все равно бродячий дух видел, — заметил Данила, обеими руками вцепившийся в руль. — Наверняка своему хозяину того, с кем общался, в деталях опишет.

— Есть такая вероятность, — признал князь. — Прямо скажем, Валерий, дела у тебя так себе, потому самым разумным вариантом будет плюнуть на зарытую в могилу цацку и жить дальше. В конце концов, на ней свет клином не сошелся.

— Но оплатить оказанные услуги мне все равно придется? — уточнил я, вложив в голос некоторое количество иронии.

— Само собой, — подтвердил вурдалак. — А как же.

— Подумаю над вашими словами, — пообещал я. — Как приму решение — позвоню. И насчет письма остальным концессионерам — пока все же повременю. Только без обид, хорошо?

— Будь по — твоему, — с холодком ответил князь. — И с решением не затягивай, нам деньги нужны. Кредиты сами себя не отдадут, друг мой.

— Кредиты? — удивился я.

— Они, проклятые, — вздохнул Ростогцев. — И самое обидное — даже если выпить действующее руководство банка, для нас ничего не изменится. Что за времена настали? Раньше все было проще, — нет банкира и его наследников — нет долговых обязательств. Опять же, кое — какое наше влияние не то что на аристократию распространялось, но и даже на королевские дворы. А эти господа всегда были в долгах как в шелках, уж поверь. Там слово сказал, тут кое — что шепнул, в результате его величество взял да и утопил всех

кредиторов в реке. Или сожгло по обвинению в колдовстве. А теперь такой номер не пройдет, все равно платить придется. И даже непосредственного заемщика — человека, который мне служит, убивать смысла нет, — залогом имущество семьи выступает, на слово теперь никто не верит. Так что ты не тяни, Хранитель, не тяни. Мы сами кровососы, но банковские кредитники на пару с их же службой безопасности нам, пожалуй, фору могут дать.

Хотите смеяться, хотите — нет, но в этот момент я испытал гордость за род человеческий.

Не знаю отчего, но в какой — то момент мне стало неудобно в их компании. Скорее всего потому, что общее дело было закончено, а просто так, забавы ради, бок о бок с нежитью нормальному человеку сидеть все же не стоит. Потому я попросил тормознуть машину рядом с метро, сразу после того, как в поле моего зрения попала ярко светящаяся в ночи буква «М».

— Не тяни! — еще раз предупредил меня князь Ростогцев. — Жду твоего звонка. Поехали, Данила. Я что — то проголодался, надо перекусить.

Перекусить ему надо. Знаю я ваши перекусы, нежить поганая, кровь из народа поехали сосать.

Кстати — и в самом деле есть хочется. То ли из — за нервного напряжения, которое более — менее спало, то ли еще отчего, но прямо вот пару лет жизни готов отдать за добротный кусок хорошо прожаренной свинины с картошечкой и овощным салатом.

Я покрутил головой, заметил неподалеку заманчиво посверкивающую огоньками вывеску с надписью «Кафе 24 часа», и направился туда. Однако — мечты сбываются.

Однако — еда едой, а мысли невеселые все равно никуда не делись. Когда в тарелке почти ничего не осталось, а третья по счету чашка чаю показала дно, я снова начал думать о том, что в этот раз задачка мне досталась почти неразрешимая. Вот ведь — несколько дней назад я имел только рисунок некоей вещи, и только. Сейчас я знаю о ней все — что это такое, кому она принадлежала сначала и после, где лежит, при определенном стечении обстоятельств даже могу постоять рядом, но добраться до нее я не в состоянии.

Патовая ситуация — то сложилась. Не безвыходная, разумеется, но глуховатая.

Смартфон задергался в кармане, заставив вздрогнуть официантку, которая принесла мне десерт. Ну не пустой же чай мне хлебать, верно?

Ладно, кому нейметя в ночь глухую? Разумеется, Стелле. Как я мог сомневаться?

— Привет, — проворковала в трубку она. — Что, тоже не спится?

— Не поверишь — но да, — сознался я. — Как — то не идет сон.

— То есть сквернословить и орать на меня ты не станешь? — расстроилась ведьма. — Обидно. Я уж и ответы на твои реплики приготовила.

Кстати. А чего я один тут ум морщу, а? В конце концов, она хотела стать частью действия «Загадки Полоза»? Слезы лила по поводу того, что ее, бедненькую, никуда не пускают, кулачками мне по плечу стучала? Вот, пусть участвует.

— Реплики — это прекрасно, — ласково похвалил ее я. — Это великолепно! Приезжай, прямо тут мне их все выложишь.

— Швецов, тебя кто — то захватил и использует как приманку? — осведомилась Воронежская, причем без тени насмешки. — Маякни как —нибудь, если да.

— Не переоценивай себя, звезда моя, — посоветовал ей я. — Не тянешь ты на объект, ради которого подобную многоходовку кто — то крутить станет. Так что бери ноги в руки и дуй сюда, координаты сейчас по ватсапу сброшу. Будем думать думать, как нам из задницы вылезти и дерьмом не перепачкаться по дороге.

— Не поняла?

— Плохо, что не поняла, — посетовал я. — Хотя... Кто ты, женщина, и как ты заняла тело умной и хитрой Стеллы, которую я знал и где — то в глубине души даже полюбил? Куда ты ее дела?

— Швецов, ночь на дворе! — возмутилась ведьма, а после осведомилась: — Правда? Вот прямо — таки и полюбил?

— Но ты — то все равно не спишь? — резонно возразил ей я, игнорируя вопрос. — Так что ничего не теряешь. Москва пустая, домчишься быстро. Лови координаты!

Стелла появилась минут через сорок, она была довольно агрессивно настроена, потому сразу отобрала у меня недоеденное пирожное. Правда, не сильно я и сопротивлялся, поскольку оно было пожалуй что лишним. Еще на четвертом следовало остановиться и пятое не заказывать.

— Вкусненько, — причмокнула Стелла и помахала рукой сонной официантке. — Можно вас?

— На ночь девушкам есть вредно, — заметил я.

— Вредно, — согласилась Воронежская. — Если на ночь. А ночью нормально, ночью уже можно. Ночь — это почти утро, если ты не в курсе, а утро — это завтрак. Завтрак же — самая главная еда. Что говорили древние? «Завтрак съешь сам...».

— Ой, все, — отмахнулся я. — Твои бедра, твоя задница, тебе за них и переживать.

— Именно, — согласилась Стелла. — Давай, рассказывай, в какие ты опять неприятности влип.

— Неприятности — не совсем то слово. Неприятность — это те обстоятельства, при которых мы с тобой познакомились, а под нынешние дела больше подходит понятие «проблемы».

Надо отдать ведьме должное — слушала она меня внимательно и не перебивала.

— Обидно, — вот что первое она сказала, когда я закончил рассказ. — Очень обидно.

— Что именно? — немного удивился я. — То, что меня Ростогцев не сожрал, или то, что я с Хозяином Кладбища не пообщался? Или что — то третье?

— Что — то третье. — Стелла благожелательно улыбнулась официантке, которая поставила перед ней тарелку с салатом «Цезарь». — Спасибо. И запишите это на счет моего спутника.

— Присчитаем, — снова зевнула работница кафе. — Еще чего надо?

— Мне чайку принесите еще, — попросил я. — Каркадешного. Очень он у вас вкусный.

Девушка ушла, и я снова вопросительно уставился на ведьму.

— Случись вся эта суeta месяца два назад, я бы, пожалуй, сумела разрулить эту проблему, — верно истолковала мой взгляд Воронежская. — Был один... э — э — э... товарищ, он знал, как получить от мертвых то, что нужно живым. Скажем так — это была его профессия. Он Ходящий близ Смерти, для него кладбище — дом родной.

— «Был» — это в смысле, что теперь его нет? — уточнил я. — Помер, что ли?

— Надеюсь, — бодро ответила Стелла, разворачивая салфетку, в которой лежали вилка и нож. — Но это вряд ли, больно хитер и скользок. Внешне дурак дураком, это да, а на деле палец в рот ему не клади.

— Так в чем же дело, если он жив? — нахмурился я. — Вон телефон, позвони, договорись. Если трубку не возьмет — напиши. СМС, вотсап, почта — вариантов масса. Стелла, это та ситуация, когда прогиб таковым не является. В конце концов — давай ему заплатим. Хорошо заплатим.

— Да не в этом дело, — вздохнула девушка. — Принципы тут ни при чем. Да и договориться бы я с ним смогла. Не скажу, что мы были друзья, но и особой вражды не имелось. Так, «привет — пока». Просто этот паршивец из Москвы невесть куда еще в начале лета смылся. По весне одна неприятная история случилась, со стрельбой, трупами, беготней и всем таким прочим, а он оказался в самом ее центре. Замять ее замяли, кое — кому из представителей власти огласка произошедшего тоже не нужна была, но Смолин, как видно, решил, что безопасности много не бывает, а потому свалил из страны куда подальше. Куда именно — никому не известно. А если кто и в курсе, то молчит. Телефон недоступен, набирала я пару раз еще в июне, а почты его у меня и не было никогда.

— Ходящий близ Смерти, — повторил я. — Мрачно звучит.

— Так он ведьмак, — передернула плечиками Стелла, принимаясь за салат. — Какое уж там веселье? Они все на голову ушибленные, поверь. Названия у нас вроде как созвучные — мы ведьмы, они ведьмаки, а разница в мировоззрениях при этом гигантская. Мы озорные, милые, всегда открытые к общению, а этим только дай кого — нибудь прибить. Ты, Валера, если что держись от них подальше, они тебя плохому научат! Слушай, а неплохой «Цезарь». Даже не ожидала.

— Ушибленный твой Смолин на голову, не ушибленный, а помочь он нам мог бы здорово, — пробормотал я. — Слушай, а другого Ходящего ты не знаешь? Ну вряд ли это такой уникальный дар?

— Все живущие в Ночи уникальны, — промокнула губы салфеткой Стелла. — Даже если они просто ведьмы или вурдалаки. А иные — уникальны вдвойне. Например, другой такой, как я, красотки среди московских ведьм не сыщешь, правда ты, чурбан, этого осознавать не

желаешь. Хранитель кладов в Москве и области тоже один, другого нет. И Ходящие встречаются нечасто.

— Много слов, мало смысла, — оборвал ее я. — Был задан простой вопрос, нужен такой же ответ.

— Нет. — Ведьма снова принялась за салат. — Другого нет. Мне, по крайней мере, о таком ничего неизвестно.

— Тогда — засада. — Я налил себе чаю из чайничка, что минутой раньше мне принесла официантка. — Тогда мы с тобой пойдем на кладбище сами и будем раскапывать могилу. Можно собственноручно, можно нанять пару «синяков», чтобы они лопатами орудовали.

— Я не пойду, — отказалась Стелла. — Кладбища терпеть не могу.

— Пойдешь, — холодно парировал ее ответ я. — Тебе Полоз что велел, помнишь? Вот и давай, соответствуй. Как хочешь выкручивайся, но обеспечь нам безопасность в данной операции. Я, конечно же, раньше или позже окажусь там в качестве трупа, но до того мне бы хотелось еще лет сорок — пятьдесят небо покоптить.

— Если мы попробуем раскопать могилу, то нас там порвут, — очень тихо сообщила мне Стелла. — Даже хуже того, не просто порвут, а наизнанку вывернут, причем не только тела, но и души. Мне такая смерть нафиг не нужна. Лучше тогда уж поехали ко мне, трахнемся напоследок, а после устроим двойное ритуальное самоубийство. Это более разумный и доступный вариант.

— Оптимистично звучит, — мрачно заметил я. — Но созвучно тому, о чем я и сам думал. Кстати, помимо Хозяина Кладбища у нас еще одна головная боль есть. Если мы сработаем криво, что практически неизбежно, нас потом за горло муж покойной возьмет. Я его знаю немного, он жуткий перфекционист, потому наверняка заметит, что могилу вскрывали. Потом он непременно доберется до нас, и... Короче, вариант с сексом и самоубийством и в этом случае будет уместен.

— Ну, человек смертен, — задумчиво глянула на меня ведьма. — И потом — если он так переживает по поводу ухода жены, так, может, им имеет смысл воссоединиться? Я могу такое устроить. Дай мне его данные, и...

— Нет. Не хочу зряшной крови, — покачал головой я. — К тому же Эдуард Георгиевич мужик хоть и жесткий, но при этом достойный. Отец несколько раз говорил, что если бы все вели дела так, как он, то

жизнь в стране повернулась бы к лучшему. Так что наши проблемы — это наши проблемы, его жизнь к ним отношения не имеет.

— Да плевать мне на его жизнь, — фыркнула Воронежская. — Скажу честно — если бы это решило вопрос, я бы убила его не задумываясь. Другое дело, что толку от этого никакого. Даже если мы не ночью, а среди белого дня начнем потрошить могилу его женушки, Хозяин Кладбища до нас как — нибудь да доберется. Не знаю как, но это случится. И в том случае если мы сами на кладбище не сунемся, а пошлем каких — нибудь «синяков», то и тогда его гнева не избежать, раньше или позже он нам глаз на задницу натянет. Знаю я эту публику, поверь. Так что надо договариваться, Валера. Надо договариваться.

— Свежая и оригинальная мысль, — язвительно заметил я. — Хорошо. Как? Ты знаешь? Я вот нет.

— Есть одна мыслишка. — Ведьма поковырялась вилкой в тарелке. — Так, из разряда «редкая ахиня».

— Ну и? — сделал я приглашающий жест рукой. — Солнышко, у нас тут мозговой штурм, можно накидывать любые идеи.

— Никогда бы не подумала, что такое скажу, но тебе надо попросить помощи у отдельных. У того же Михеева, он из них самый внятный. Нифонтов, конечно, пополезней был бы, у него хорошие связи в кладбищенской сфере, недаром же он со Смолиным столько времени отирался, но тебе дел с этим человеком иметь нельзя, слишком он хитровыдуманный. У него характер, у тебя характер, как бы вы не подрались. А вот Михеев — самое то. Да и знакомы вы более — менее.

— Ну ради дела я характер могу на время и усмирить, но вот насчет знакомства — это верно подмечено. Одно дело договариваться с тем, кого знаешь, другое — что — то просить у незнакомого человека. Тем более если речь идет о не самой простой услуге.

— Только сразу будь готов к тому, что они на тебя попробуют ошейник надеть, — предупредила меня ведьма. — У нас всегда услугой за услугу расплачиваются, но, как правило, одно другого стоит, не берет никто больше, чем дал изначально. Покон не велит. А эти дадут рубль, а заберут после сто, особенно если чуют, что деваться потенциальному должнику больше некуда.

— Странно, — удивился я. — Вроде они на страже закона стоят.

— Закон — что дышло, — криво улыбнулась Воронежская. — Как повернул — так и вышло. Помню, по весне мы с Нифонтовым, Смолиным и еще одной отдельской истеричкой в переделку попали, одного особо пакостного нежитя упокаивали, так меня там оглушило неслабо. Ты же знаешь, я всегда во все переделки первой лезу, и тут тоже сразу на эту пакость кинулась, пока остальные сопли на кулак наматывали. Ну он мою тушку о стену и шваркнул, да так, что сознание вон вылетело. Так вот кабы не Сашка, прирезали бы меня те двое за милую душу под шумок. А что, война все спишет, даже если это бой местного значения. Покон — то отдельским не писан, как ты понимаешь.

— Сашка — это тот, который Смолин? — уточнил я.

— Он, — кивнула Стелла. — До сих пор не понимаю, отчего он эту парочку остановил? У нас с ведьмаками, как я говорила, дружбы никогда не водилось. Так, вооруженный нейтралитет.

Интересная, видать, жизнь у этого Смолина. То нежить в весьма пестрой компании гоняет, то в переделку с перестрелками ввязывается, то, как допотопный большевик, в эмиграцию сбегает, так сказать — подальше от властей.

Вот еще что любопытно — не тот ли это Александр, о котором в свое время Вагнер упоминал? Имя, конечно, не слишком редкое, но тем не менее?

Впрочем, мое брэнное существование теперь тоже особо скучным не назовешь. Причем складывается оно по сказочным канонам — чем дальше, тем страшнее.

Ну да. Я, если честно, кладбища вообще не люблю. Не то чтобы боюсь, просто не люблю. Неуютно мне на них. Помню, меня мама в Лондоне потащила с собой на экскурсию по Хайгейтскому кладбищу, мне там чуть дурно не стало. Столица Англии вообще не сильно веселый и красочный город, а там и вовсе все настолько мрачно выглядело, что моя тогда еще юная и впечатлительная натура не выдержала. Как в обморок не упал — до сих пор не понимаю.

А тут — вон чего от меня требуется. Отрадно, конечно, что в стране родных осин, а не в туманном Альбионе, только данное утешение все же довольно сомнительно.

— Позвони Михееву с утра, — посоветовала мне Стелла, отодвигая от себя тарелку с недоеденным салатом, лицо у нее было не очень

довольное. — И если в процессе переговоров он даст свое согласие, то не забудь с ним поторгаться за цену на эту услугу. Ничего зазорного в этом нет, ясно? Пусть знает, что ты тоже не лаптем щи хлебаешь.

— Разберемся. — Я отпил чаю. — В любом случае, это лучше, чем ничего. Пока не получим подвеску, дальше не двинемся, а лето тем временем к концу начинает подходить. Вон на улицах начали развалы бахчевых ставить, значит, осень близко.

— Ценное наблюдение. — Стелла достала из сумочки влажную салфетку, развернула ее и начала протирать руки. — Так, с этим определились. Теперь два других вопроса. Первый — реализация того, что ты мне передал. Купца я нашла, верить ему можно, цену он дал неплохую. Думаю, скоро ты получишь свою долю.

Долю. Это ты, милая, получишь долю, а мне положена основная сумма. Впрочем, с самого начала было ясно, что она меня надует. Да и ладно. Легко пришло, легко ушло, велика ли печаль?

— Это, значит, было раз. А теперь два. — Стелла подперла подбородок ладонью и уставилась на меня. — Швецов, а я новый костюм купила, туфли под него и даже клатч.

— Мои поздравления, Воронежская, — в тон девушке ответил я. — И что с того? Или ты счет распорядилась отправить на мой адрес? Так я прямо сейчас тебе могу кукиш показать. Здесь и сейчас за еду заплачу, но брать тебя на полное содержание отказываюсь. Ты крайне затратная статья бюджета.

— Не то, Валера, — забавно вздернула брови ведьма. — Не то.

Конечно, не то. Можно подумать, я не понял, куда она гнет.

— Не поеду, — твердо заявил я, и для пущей ясности припечатал ладонь к столу. — Даже не начинай снова этот разговор.

— Не будь скотиной, Швецов, — как — то даже резко заявила моя сотрапезница. — Маму надо любить и уважать, тем более такую славную, как твоя. Я с ней тут созванивалась, и знаешь, как она обрадовалась, когда подтвердилось, что мы приедем вдвоем? Чуть не заплакала, а потом меня «доченькой» назвала.

— Врешь, — заявил я сразу же. — Моя мама такое слово сроду не произнесет. И потом — она крайне разборчива в таких вопросах, как семейные ценности.

— Ну, может, и не «доченькой», но радовалась сильно, — и не подумала смущаться пойманная на вранье Воронежская. — А ты хочешь

ее расстроить!

— Не хочу, — помотал головой я. — Но все равно не поеду.

— Блин, ты как маленький, в самом деле! — начала сердиться ведьма. — Тебе лет сколько, малыш? «Не хочу, не буду, не поеду»! Пятый класс, вторая четверть. Швецов, у тебя скоро волосы сесть начнут, а ты все какие — то древние обиды поминаешь. Мало ли кто кому когда чего сказал? Если бы я на все, что слышу, обидки кидала, то сдохла бы давно под забором. Или как похуже.

Я молчал, сопел, пил чай.

— В конце концов — будь мужчиной. Джентльменом! — потребовала Стелла. — Кто — то должен мне показать дорогу к вашему загородному имению или нет?

— Яндекс — навигатор тебе в помощь, — отозвался я. — Петрово — Среднее, улица Цветочная, дом четырнадцать. Мы живем в продвинутое время, если ты не знала.

— Я не доверяю голосам из телефона, — упорствовала ведьма. — Кто знает, куда они заведут? Нет, мне нужен живой проводник, которого можно будет поблагодарить, когда я доберусь до места. Или отпеть, если не доберусь.

— У меня есть приятель по фамилии Сусанин. Он там же, в Петрове — Среднем, живет. Хочешь, я с ним договорюсь, он тебя встретит, проводит, все как тебе нравится.

— Смешно, — изобразила улыбку девушка. — Очень. Но меня отвезешь ты. Стой, не нужно произносить очередное «нет». Я знаю, что ты тверд в своих убеждениях, потому вот тебе последний аргумент — папеньки твоего дома не будет. Он еще вчера отбыл в сторону Канады с деловыми целями. То ли лес покупать, то ли кленовый сироп, уж не знаю, но это и не важно. Главное, что с ним ты не встретишься. А с мамой — надо бы. Кроме шуток — жизнь коротка и быстротечна, Валера, годы ухают один за другим в черную бездну. К тому же мы с тобой, по сути, в расстрельном списке и имеем все шансы не дожить даже до первого снега. Так что не теряй шанс лишний раз увидеть самого родного тебе человека.

Убедительно говорит. Одно слово — ведьма.

Вот только окончательной ясности нет — ей все это зачем? Какова конечная цель? А она есть, просто так Воронежская ничего делать не станет.

— Вот и молодец, — истолковала мое молчание по — своему ведьма. — Вот и славно. Только я очень тебя прошу — поприличней оденься. Есть у тебя хороший костюм? Если нет — поедem и купим. Мой спутник...

— Девушка, счет, пожалуйста, — перебив ее, я махнул рукой официантке, сучавшей на стульчике рядом с барной стойкой. — Если можно.

— Можно, — отозвалась та. — И даже нужно. Вот делать хозяину нечего, придумал эту круглосуточную работу кафе на нашу голову. Ладно бы мы еще на трассе где стояли, там хоть дальнобойщики останавливаются, а тут...

Михееву я позвонил прямо с утра, почти сразу после того, как проснулся, решив не откладывать неприятный разговор на потом. А чего выжидать? Смысл в этом какой? Других вариантов все равно нет, и то еще не факт, что этот выстрелит.

— Привет, — бодро поприветствовал меня он. — Что случилось?

— Да особо ничего, — ответил я. — Вот решил позвонить, проведать друга.

— Валера, я слишком давно живу на этом свете, — рассмеялся оперативник. — Такие, как ты, звонят таким, как я, только тогда, когда им что — то нужно. Это не хорошо и не плохо, это жизнь, потому излагай.

— Хорошо бы не по телефону, — решил не развивать тему, характеризующую меня не с лучшей стороны, я. Правда всегда звучит не слишком привлекательно. — Может, встретимся, выпьем по чашке кофе...

— Я и перекусить не откажусь, — не стал церемониться Михеев. — Тем более что с завтраком сегодня не сложилось, ибо утро выдалось беспокойное. Слушай, я сейчас не так далеко от тебя нахожусь, могу подскочить на Таганку минут через сорок.

— Отлично, — порадовался я. — Не вопрос. Ты как к грузинской кухне относишься? Хачапури, хинкали, чашушули и все такое?

— Исключительно положительно.

— Вот и отлично. На Больших Каменщиках есть такой прелестный ресторанчик «Мегрелия», в нем и встретимся. Номер дома только надо глянуть.

— Не надо, — остановил меня Павел. — Я найду. В крайнем случае — по запаху сориентируюсь.

И справился он с этой задачей превосходно, поскольку когда я появился в ресторанчик, оперативник уже бодро уплетал хачапури по — аджарски, именуемое в народе «лодочка».

— Правильное хачапури, — сообщил он мне. — Масло есть, и сыра достаточно. А то в иных местах, знаешь, экономить начали, что не радует. Слушай, я уже заказ сделал, причем на двоих, ты не в претензии? Для начала жареный сулугуни, после...

— Нет проблем, — отмахнулся я. — Заказал — и правильно сделал. Но для начала — вот, держи. Это тебе «спасибо» за тот случай. Ну помнишь, когда я не перезвонил, а после сказал, что с меня приходится?

И, закончив эту фразу, я положил перед оперативником на стол перстень, тот самый, который отложил в сторону при разборе добра, доставшегося мне от покойного родственника Ласло.

— Какая прелесть. — Михеев отправил в рот кусок хачапури, подцепил перстень со стола и поднес его к глазам. — Не новая цацка — то, Валер. В возрасте. Возможно, даже с историей.

— Возможно, — не стал спорить я. — Правда, мне про это ничего не известно.

— Стало быть, начала твоя новая профессия плодоносить? — уточнил Павел. — Верно?

— Не то чтобы... — прищурил левый глаза я. — Но случаются находки.

— А тебя, Валера, не смущает, что я, вообще — то, представитель власти? — Михеев подбросил перстень на ладони, подхватил его и поднес к глазу, глянув на меня сквозь дужку. — И, по — хорошему, должен тебя щемить за то, что ты найденные культурно — исторические ценности не сдал в положенном порядке куда следует?

— Не — а, не смущает, — даже не стал лукавить я. — Ты, Павел, хоть и представитель власти, но живешь больше по нашим законам, чем по писаным.

Я знал, что он так скажет, вернее — догадывался. Но точки над «i» все равно расставлять надо. Я — Хранитель Кладов, какие — то вещички непременно станут прилипать к моим рукам, потому подобный разговор с Михеевым или кем — то из его руководства

раньше или позже должен был состояться. Как без него? И лучше решить все сейчас, пока отношения не испорчены и есть возможность договориться.

— Валера, закон — он один, — очень серьезно произнес Михеев. — И я ему служу.

— Тогда не оставляй этот перстень себе, сдай его куда следует, — предложил я. — Не уверен, правда, что он доберется до музейных стендов, поскольку далеко не все разделяют твою точку зрения, но зато на душе у тебя будет покой и гармония.

— Не надо только вот этих душеспасительных разговоров, — снова принялся за хачапури оперативник, отложив украшение в сторону. — Они отдают второсортными сериалами.

— Так теперь времена такие, — хмыкнул я. — Раньше сериалы про жизнь снимали, а теперь мы жизнь под них подгоняем. А что до перстня — я тебе его отдал, а ты дальше сам решай.

— Не проклятая вещичка часом? — уточнил у меня Павел. — А? Или еще не наловчился это распознавать?

— В смысле? — насторожился я.

— Я тут недавно с одним товарищем пообщался, он был неплохо знаком с твоим предшественником, — пояснил Михеев. — Не специально пообщался, просто так карта легла. Так вот он сказал, что Хранители кладов со временем начинают распознавать проклятия, наложенные на предметы, и даже их снимать. Ты как, еще не получил такую возможность?

— Нет, — покачал головой я. — Но против ничего не имею, полезная опция. Слушай, а мне с этим товарищем поболтать никак нельзя? У меня вопросов в запасе вагон и маленькая тележка.

— Нет, — коротко ответил Павел. — Ни к чему тебе это. Толку будет чуть, а проблем ты на свою голову сможешь нажить немало. Тип этот скользкий и скверный, уж поверь.

Вот интересно — я действительно заполучу талант, о котором сейчас упомянул оперативник? Или и дальше стану жить с той базовой комплектацией, которую мне подарил Полоз? И вообще — а как другие Хранители стали таковыми? Положим, покойный предшественник тоже мог получить сей сомнительный дар от Полоза, но вот те коллеги, что за границей обитают, вряд ли входят в зону его

ответственности? Они — то как стали тем, кем стали? Их лепрекон укусил, или что — то в этом роде произошло?

Я же говорю — вопросов больше, чем ответов.

— Было вкусно. — Михеев отодвинул от себя опустевшую тарелку, вздохнул и отпил кизилового компота. — Но мало. Ладно, дружище, а теперь, пока не принесли остальную снедь, давай, выкладывай что тебе от меня надо. Что ты так смотришь? По вопросам изъятого из земли добра мы потом пощебечем, это факультативная тема, а пока выкладывай то, зачем ты меня сюда зазвал.

— Не вопрос. Слушай, у тебя среди Хозяев Кладбищ знакомые есть?

Глава 18

Михеев чуть не поперхнулся компотом.

— Совсем глупый? — вытирая рот салфеткой, осведомился он у меня. — Кому в голову придет со Смертью дружить?

— Ходящим близ нее, например, — передернул плечами я. — Ладно — ладно, не сверкай глазами, будем считать, что я неверно сформулировал вопрос. Давай так — у тебя есть те, кто мог бы убедить Хозяина одного конкретно взятого кладбища отдать мне кое — какую вещь? Если конкретнее — подвеску девятнадцатого века, лежащую в могиле.

— Не в том направлении движешься, Валера, — покачал головой оперативник. — Ой не в том. Ладно ты хлам драгоценный откапываешь, причем даже не для себя, это худо — бедно понять можно. Но то, что ты собираешься сунуть нос в самый темный угол Ночи — дурь несусветная. И еще — ты откуда вообще про Ходящих близ Смерти узнал? Хотя... Согласен, вопрос дурацкий. Подружка твоя постаралась.

— Она, — не стал скрывать я. — Так и есть.

— Лично я на твоём месте задумался бы — с чего она тебя в такие гибельные мероприятия втягивает? Нет ли у нее какой — то цели, несовместимой с твоей жизнью и здоровьем? Как по мне — есть. Общение с Хозяином Кладбища ему подавай, а! Будто вурдалаков мало...

— Подавай, — вздохнул я. — Ой как подавай. Причем не с любым Хозяином желаю говорить, а со вполне себе конкретным. И за это общение я готов хорошо заплатить.

— Широко шагаешь, Хранитель, смотри штаны не порви. — Павел благосклонно кивнул официанту, который принес нам жареный сулугуни на широких деревянных тарелках. — Диди мадлоба!

— Араприс, — белозубо улыбнулся тот и добавил уже по — русски: — Хинкали нести?

— Ауцилеблад, — сообщил ему Павел, кивнув.

— Ты грузинский знаешь? — уточнил я, когда официант отошел.

— Немного, — подтвердил оперативник, снова берясь за столовые приборы. — С нашей жизнью хочешь не хочешь на всех языках хоть

немного, да научишься общаться.

— Так что с моим вопросом? — решил не отступать я. — Поможешь?

— Скажи, а вот ты попки от хинкали ешь? — поинтересовался Михеев. — Я про хвостик, за который их держать надо. Просто тут кто как, понимаешь? Я вот их не употребляю, а Женька Мезенцева из нашего отдела трескает будь здоров как. Хотя она, ради правды, все ест, что ни дай. Гвозди подсунешь — и их сожрет. И ведь хоть бы грамм веса прибавила, зараза такая. Что — то у нее не то с метаболизмом, как мне думается.

— Можно только позавидовать Женьке Мезенцевой, — признал я. — Паш, со мной такие номера не проходят, так что не надо уводить разговор в сторону. И вообще — все же просто. Да — да, нет — нет. Если в приоритете последний вариант — ты скажи, никаких обид не будет. Мы не дети из ясельной группы.

Молчал оперативник, сопел, жевал сочный сулугуни, макая его при этом в соус, а после принялся за вышеупомянутые хинкали, которые нам подал улыбчивый горбоносый официант.

— Какое именно кладбище? — наконец спросил оперативник у меня, доев третий хинкал. Я ответил, он усмехнулся и произнес: — Ну — ну.

И принялся дальше уписывать ароматную снедь, словно ничего и не спрашивал.

Если совсем напрямую — было у меня огромное желание положить на стол денежку за еду, встать и уйти. Не по мне эти игры, потому что не понимаешь, чего именно хочет человек. То ли он нервы тебе мотает, то ли цену себе набивает, то ли еще что... Собственно, лет пять — семь назад я так бы и поступил, но сейчас я стал старше и, надеюсь, умнее, потому сидел напротив жующего оперативника и лениво ковырял вилкой в своей тарелке.

— Зря не ешь, — заметил это Павел. — Готовят тут подходяще, мне нравится.

— Не сомневаюсь, — отозвался я. — Просто аппетита нет.

— Значит, мало движешься, — назидательно произнес Михеев. — Вот я неустанно бегаю, что твоя блошка по песику, потому есть и спать хочу постоянно.

Он расправился с едой, запил ее остатками компота, ослабил ремень на джинсах и удовлетворенно выдохнул:

— Уффф! Вот теперь — хорошо.

— Ну хоть кому — то, — не удержался от шпильки я.

— Хорош язвить, — попросил меня сотрапезник. — Ни к чему это сейчас. Не в смысле — я обижусь и уйду, просто ситуация не располагает.

— Рефлексы, — пояснил я. — Не всегда могу их контролировать.

— Тренируйся, значит. В твоих нынешних реалиях за неверно сказанное слово или поступок запросто могут глотку перекусить или сердце вырвать. В самом прямом смысле. Некоторые фразы и интонации, которые обычные люди просто мимо ушей пропускают, относя их к словесному мусору, в твоем новом мире могут послужить поводом для смертной вражды или чего похуже.

— Куда уж хуже? — опешил я. — Смертная вражда!

— Есть куда хуже, — заверил меня оперативник. — Смерть тела неприятна, но смерть или рабство души куда хлеще. Ладно, это все отвлеченные разговоры. Валер, повторю вопрос — на кой тебе эта побрякушка? Я просто понять хочу, это для меня важно.

Я помолчал с минутку, а после взял да и рассказал ему все. И про коп в старой деревне, и про лес, и про Великого Полоза, и про то, какой урок тот мне задал. Собственно — а что тут такого? Невелик секрет, на самом деле.

— Теперь понятно, — кивнул оперативник. — Что — то подобное я предполагал с самого начала, а у Ростогцева в этом убедился окончательно. Ну а с чего бы молодому парню побрякушки старые под себя грести? Не тянешь ты никак на коллекционера или собирателя древностей. А теперь ясность появилась, обоснованность поступков. Великий Полоз, значит? Давно о нем не слышал.

— Очень умирать по осени не хочется, — произнес я. — Потому кровь из носу надо эту подвеску из могилы изъять, причем относительно законным путем.

— Молодец, кстати, что сам на могилу с лопатой не поперся, — похвалил меня оперативник. — Или местную бичеву для этой акции не нанял. Хозяева кладбищ славятся не только своим скверным характером, но и редкостной мстительностью. А тут еще и место старое, что совсем уж паршиво.

— Если не секрет?

— Чем старее погост, тем сильнее его Хозяин. Чем сильнее Хозяин, тем непомернее его эго. То есть они очень сильно любят себя и не любят всех остальных. Нет, в переговоры вступают, если правильно себя подать, но навстречу идут только тогда, когда видят в этом какую — то выгоду. Ну или если их к тому обязывают определенные обстоятельства. Н — да... Чуть бы раньше тебе этим делом озаботиться, приятель? Обитал тут у нас один молодой да ранний ведьмак, с ним можно было договориться. Он еще на сторону Ночи целиком не перешел, людское в нем перевешивало ведьмачье, может, и помог бы тебе по доброте душевной, подкрепленной хорошим гонораром.

— Смолин? — уточнил я. — Александр? Да, мне Стелла про него рассказывала. Но он, насколько я понял, уехал невесть куда, потому чего о нем говорить?

— Это да, — согласился Михеев.

— Значит — нет? — подытожил я. — Верно мной все понято?

— Не гони коней, — посоветовал мне Павел и встал из — за стола. — Закажи лучше кофе. И мне еще пару пирожных «шу» попроси принести. Я их очень люблю.

Звонить руководству пошел. Михеев, собственно, это и не скрывал, доставая на ходу смартфон. Разумно, я на его месте поступил бы так же.

Отсутствовал он недолго, буквально пару минут, я за это время заказать кофе и десерт только и успел.

— Знаешь, Хранитель, я вокруг да около ходить не люблю, — усевшись на свое место, сообщил мне Михеев. — Нифонтов — тот бы непременно закрутил вокруг тебя какую — нибудь интригу с далеко идущими и даже ему самому не до конца понятными целями.

— Нифонтов? — уточнил я.

— Коллега мой, — пояснил Павел. — Не знаю, откуда у него взялась эта страсть к ловле рыбы в мутной воде, изначально такого в нем не наблюдалось. Попомни мои слова, приятель — он еще мной покомандовать успеет, не иначе как со временем в руководители отдела выбьется. С подобными закидонами только в начальство идти.

— Не вижу на твоём лице печали, — отметил я.

— Так ее и нет, — хмыкнул оперативник. — Я нахожусь на своем месте, мне другого не надо. Вот от прибавки оклада я бы не отказался, это да, что же до мягкого кресла и таблички на двери.... Мне по душе свобода, а не совещания в главке и груды отчетов. Но не это главное. Я — не Колька, я сразу тебе все прямо скажу, а дальше будем решать, как и что. Идет?

— Только «за», — поднял, как в школе перед ответом, руку я. — Излагай.

— В начале нашей беседы было упомянуто то, что я служитель закона. — Павел снова взял со стола перстень и глянул на меня сквозь его дужку.

— Было, — подтвердил я. — И?

— И это на самом деле так. — Оперативник подбросил перстень на ладони, а после убрал его в карман джинсов. — Я служу вышеупомянутому закону, как и тысячи других сотрудников правоохранительной системы Российской Федерации. Людскому закону, отмечу особо. Но с одной разницей — наравне с этим я и мои коллеги из Отдела чтим и другой закон, тот, что носит условное название Покон. Такова уж специфика нашей службы, Валера. Да, мы защищаем и охраняем людей от существ, живущих в Ночи, но иногда вектор меняется. Иногда люди являются злом большим, чем те, кто к человеческой расе не относится. А закон при этом все равно остается законом, как бы он ни назывался. Главное — чтобы не пострадали безвинные и были наказаны виновные, остальное — частности.

— Принципиальность сотрудников Отдела вызывает у меня восхищение, — поторопил его я. — И все же — ближе к делу.

— Ты хороший парень, Валера, — произнес Михеев. — Нет в тебе изначального зла и жадности, что при твоём новом статусе достаточно серьезное достоинство. Мы, что таить, думали, что первым делом ты начнешь золото на пару с артефактами копать со страшной силой и ими торговать, ибо слаб человек и корыстолюбив. Но нет, ничего такого за тобой замечено не было. Похоже, ты берешь только то, что твое по праву или само идет в руки. Ну а что двух остолопов Шлюндта призрак скормил — это в чистом виде самозащита была.

— О как, — слегка ошарашенно произнес я. — Вы в курсе?

Интересно — откуда? Или он сейчас меня «на попа» взял, а я, дурак, и раскололся?

— Само собой, — фыркнул оперативник. — Все тот же Колька сразу сказал, что это твоих рук дело, вопрос был только в том, как и за что ты их убил. От этого зависело, что с тобой дальше делать. Мы проверили, всё в рамках правил, потому дальше крутить эту тему не стали. Самозащита же. Ну а что до суда и всего такого прочего... Я же говорю — для нас важнее торжество справедливости в ее чистом виде, чем никому не нужные формальности. Да и потом — сомневаюсь, что хоть один суд примет к рассмотрению дело об убийстве двух граждан путем умерщвления оных руками призрачной твари, сторожащей сокровища. Кстати, в твою пользу говорит и тот факт, что сами сокровища остались на месте.

Нет, не «на попа». Сдается мне, лесовик язык развязал и все как было выложил.

— Да и у князя ты тогда себя вел достойно. По — хамски, но достойно. Хотя, ради правды, я тоже с этими паршивцами особо никогда не церемонюсь, даже тогда, когда перевес сил не в мою пользу. Не люблю я их. Скользкая публика. Гули уж на что мразота, а и то получше этих расфуфыренных типов будут. Правда, я до сегодняшнего дня понять не мог, зачем ты все — таки с ними контракт заключил. Ты же молчишь, как партизан на допросе, все в тайны играешь. А скажи ты мне с самого начала, что к чему, может, и карта бы по — другому легла.

— Не люблю откровенничать без нужды с кем — либо вообще, — признался я. — Нет у меня такой привычки.

— Может, оно и правильно. — Павел одобрительно глянул на официанта, поставившего перед нами по большой чашке кофе и крутящуюся трехступенчатую вазочку с пирожными. — Ого! А мы не лопнем?

— Не должны. — Я ухватил одно из них. — Паш, к чему была вся эта преамбула? Ты вроде сказал, что не любишь наводить тень на плетень, а сам время тянешь. Давай уже, излагай условия, на которых Отдел мне поможет.

— Первое — слово «поможет» здесь не очень подходит, — поморщился оперативник. — Мы... Вернее — я, так будет правильной. Я сделаю все, чтобы ты вышел с этого кладбища живым. Это раз. Я постараюсь сделать так, чтобы ты смог получить ту побрякушку, что тебе так нужна. Это два. Но при этом никаких гарантий ни по первому,

ни по второму пункту я тебе не дам. Не имею такой возможности. Владения мертвых — та область, где никогда не знаешь, что и как получится. Может, все пройдет гладко на удивление, а может, наши кости еще долго будут таскать между могилами кладбищенские собаки. Одно могу пообещать наверняка — в случае чего я умру раньше тебя, перед этим сделав все для того, чтобы ты остался в живых.

— Все это звучит очень и очень мрачно. — Я отложил в сторону только — только взятое пирожное, аппетита после слов оперативника у меня как не бывало.

— Мрачно? — Михеев же наоборот, с видимым удовольствием лакомился кондитерским изделием. — Что ты, дружище! Это я еще лакирую поверхность, поверь.

— Бодрит. — Я отпил кофе. — Ладно, это все прелюдия. Теперь я хочу услышать цену.

— Не вопрос. Она стандартная для мира Ночи. Ты ведь наверняка уже понял, что такие пустяки, как золото, интересуют только вурдалаков и им подобных, сущности посерьезней предпочитают другую валюту. Мы к этим сущностям не относимся, но раз этот мир и наш тоже, то плату берем наравне с ними. С волками жить — по — волчьи выть.

— Ты о душе, что ли? — опешил я.

— Кха! — поперхнулся Михеев. — Ты совсем сбрендил, Швецов? Какая душа? Ты за кого нас держишь? Нет, конечно. Услугу ты нам будешь должен. Одну услугу! Открытый вексель, так сказать, стандартная расценка. В какой — то день, в урочный час мы предъявим тебе этот счет, и ты обязан будешь его закрыть. Может, это случится завтра, может, через год, может, вообще никогда — кто знает? Но когда мы потребуем плату, «нет» прозвучать не может.

— Нечто подобное у меня пытался выторговать Шлюндт. — Чашка брякнула о блюде. — И получил отказ.

— Правильно, — одобрил Михеев. — Поверь, кому — кому, а ему веры нет. Никогда не знаешь, в какой момент он нож в спину может воткнуть.

— И сейчас откажусь, — закончил я предложение, подумав о том, что в моем новом мире кроме себя верить нельзя вообще никому. Правда, подумать — подумал, но сказал совершенно другое: — Паш,

ты пойми — вам я, в отличие от антиквара, доверяю. Не то чтобы во всем, но тем не менее. У вас имеются принципы, наличествует дело, которому вы служите, причем служите на совесть. И пусть даже эта ваша честность в чем — то специфична, но, тем не менее, она есть, что само по себе здорово. Но я все равно не хочу жить под прессом мыслей, что в один прекрасный день ты придешь ко мне и скажешь, что я кого — то должен убить, например, того же Шлюндта. Сыпануть ему, к примеру, в кофе, цикуты. Или бомбу под кремлевскую стену подложить. Оно мне надо?

— Резонный довод, — согласился Михеев. — Тогда сформулируем мысль так — ты будешь должен Отделу услугу, не связанную с нарушением действующего российского законодательства или же с нарушением уложений Покона.

— Все равно очень размыто, — покачал головой я. — Давай так — я буду должен услугу, связанную с моей нынешней профессиональной деятельностью. Разумеется, речь идет не о работе в архиве, а о той стезе, которую мне подсунули против воли. Если так — то мы договорились.

— Н — да, на собаку узко, на кошку широко. — Павел откинулся на спинку стула, задумчиво посмотрел на меня, подумал о чем — то, а после протянул руку. — Но — ладно. Идет.

— И еще, — прищурился я. — Долг мой будет не перед твоим Отделом, а лично перед тобой. На кладбище меня поведешь ты, умирать, если что, тоже будешь ты, потому и благодарность распространяется только на тебя. Не на Нифонтова, ни на упомянутую тобой прожорливую Мезенцеву, а именно на тебя.

— Не пойдет, — припечатал ладонь к столу оперативник. — У меня, дружище, работа такая, что сегодня я жив, а завтра уже нет. Так что...

— Убедил, — перебил его я. — Если случится такое, что тебя, не дай бог, ногами вперед вынесут, то мой долг перед тобой будет выплачен непосредственно начальнику Отдела. Как его зовут?

— Ровнин, — ответил Павел. — Олег Георгиевич.

— Вот он сможет прийти и предъявить мне счет. Он — и никто другой. Но лучше бы такого не случилось. Мне нравится с тобой общаться.

— И лучше, если про эту сделку вообще никто знать не будет, — добавил оперативник, снова протягивая мне руку. — Для нас обоих лучше.

Мы обменялись рукопожатием.

— Мне, наверное, надо еще что — то сказать, Луной поклясться? — предположил я. — Соблюсти формальности?

— Не — а, не надо, — взялся за новое пирожное Михеев. — Мы ударили по рукам, этого достаточно. Поверь, где надо — нас слышали.

— Лихо, — усмехнулся я. — Ладно, проехали. Когда думаешь меня на кладбище отвести? Хорошо бы поскорее, время поджимает.

— Да прямо сегодня и пойдем, — вытер салфеткой пальцы, испачканные в креме, оперативник. — У меня завтра — послезавтра заняты, мне не до тебя будет. Так что часиков в двенадцать ночи встретимся у главного входа на кладбище. Не опаздывай!

Я слегка опешил. Просто не ожидал столь скорого результата заключенной сделки, думал, что Михеев еще пару дней на приготовления возьмет или что — то в этом роде. А, оказывается, мы уже сегодня отправимся в гости к мертвым.

— Вот что важно, — хлопнул кофе Павел. — Там, на кладбище, ты молчишь — я говорю, ясно? Рот открываешь только тогда, когда я разрешу это сделать. Ну или в той ситуации, когда не ответить нельзя. Никому о себе ни слова, особенно в тех случаях, когда кто — то захочет узнать твое имя. Никому никаких обещаний не даешь, никакие просьбы выполнять не берешься, как бы кто о том ни просил. Запомни накрепко — в мире мертвых понятия «жалость» и «справедливость» отсутствуют в принципе, зато выполнение правила «сказал — делай» доведено до абсолюта. Ты для неуспокоенных душ возможность улизнуть из — под длани Хозяина хоть ненадолго. А если повезет — может, и вовсе навсегда. И им глубоко плевать на то, что именно ты станешь после ответчиком за этот побег. Усвоил?

— Предельно, — кивнул я. — Молчу, говорю тогда, когда надо, никого не жалею.

— И, может быть, нам повезет. — Оперативник допил кофе, перевернул чашку доньшком вверх и поставил ее на блюдце. — Хотя — не факт. Тебе страшно?

— Есть немного, — признался я.

— А мне нет, — развел руки в стороны оперативник. — Раньше было, а теперь — нет. Атрофировалось со временем данное чувство за ненадобностью, что очень плохо.

— Почему плохо?

— Потому что когда уходит страх, притупляются инстинкты, — пояснил оперативник. — И в один недобрый миг из — за этого я допущу ошибку, которая меня погубит. Это наша профессиональная болезнь, Валера, добрая половина моих предшественников именно так головы и сложила. Теперь главное ухнуть в небытие в одиночку, не прихватив с собой кого — то из коллег, не хотелось бы по ту сторону жизни после испытывать бесконечные муки совести из — за этого.

Сначала я подумал, что он так шутит, но после, посмотрев ему в глаза, понял — не — а, не шутит. Все именно так и обстоит.

Черт бы тебя побрал, Великий Полоз, с твоими предметами старины и отсутствием права выбора! Если до того я не знал, как попасть на кладбище, но очень хотел туда сходить, то теперь ситуация изменилась. Теперь у меня есть проводник, но идти туда именно с ним у меня нет ни малейшего желания.

Но выбора, как было сказано выше, у меня не имелось, потому в районе полуночи я топтался у черных кованых ворот, которые были закрыты. Погода совсем уж испортилась, ветер дул сильный и пронизывающий, да еще время от времени с небес на землю летела какая — то мокрая труха. Похоже, осень на самом деле была не за горами. Пока, слава богу, не календарная, а климатическая, но тем не менее.

В какой — то момент труха сменилась нудным дождем из числа тех, что промочит хуже, чем любой ливень, и я забился под крышу здания, находившегося рядом с воротами. Оно носило доброе и уютное название «Сторожка», на мой взгляд совершенно тут, на кладбище, неуместное.

Я то и дело поглядывал на часы, ругая себя за то, что приперся сюда раньше положенного времени. Одно дело думать о сегодняшнем визите дома, где тепло и светло, другое здесь, рядом с мрачной кладбищенской оградой, из — за которой то и дело раздаются какие — то непонятные звуки. Вероятнее всего, они носят исключительно мирный, бытовой характер, но разыгравшееся воображение поневоле рисует открывающиеся двери склепов, зеленые сгнившие руки,

выскакивающие из — под могильной земли, и бродящих по аллеям оборванных зомби. Масс — культура слишком сильно проникла в мое сознание, стереотипы есть стереотипы.

В общем, когда машина, в которой сидел Михеев, тормознула близ ворот, я очень здорово себя накрутил, настолько, что бдительный оперативник это сразу заметил.

— Очкуешь? — вместо приветствия поинтересовался он у меня, открывая багажник. — Не комплексуй, это нормально. Все же не на пьянку в баню идем, а туда, где прошлое победило настоящее, став частью вечности. Что ты на меня так уставился? Я все — таки философский факультет МГУ закончил в свое время.

— А чего тогда в полицию пошел работать? — удивился я еще сильнее.

— Судьба. — Оперативник достал из багажника увесистый пакет. — Она играет человеком, а человек играет на трубе. Был философ, стал мент, в России и не такое случается. Пошли, я выяснил, где тут лазейка в заборе, через нее на территорию попадем. Сторож небось дрыхнет, иначе он тебя с крыльца сторожки давно бы шуганул.

Место, где находилась лазейка, оказалось мне знакомо. Именно тут мы с князем общались прошлой ночью. И призрак, кстати, тогда что — то на данный счет говорил, просто я запомнил.

Я протиснулся через чуть погнутые в одном месте прутья ограды, прыгнул с постамента и огляделся. Кусты, деревья, все серое и мокрое. И — тишина вокруг, одновременно похожая и не похожая на ту, что стояла с той стороны забора.

Или я просто продолжаю себя накручивать.

— Так. — Павел стряхнул с плеча упавший на него с березы листок и покрутил головой. — Если я ничего не путаю, нам вон туда надо топтать. Там дерево.

— Дерево? — совсем уже оторопел я. — Какое дерево? И чем тебе эти не подходят?

— Не бери в голову, — отмахнулся оперативник. — Делай, как я говорю, да и все. Пошли, пошли. Есть у меня большое желание побыстрее все закончить и успеть сегодня хотя бы часиков пять поспать. И так вымотался, а вечером нам надо одного засранца — экстрасенса за глотку взять. Он где — то умудрился действующий

артефакт в виде хрустального шара раздобыть, и теперь им активно пользуется, не понимая, что творит.

— А чего вы раньше его не схомутали?

— Не знали, как артефакт обезвредить, — пояснил Павел. — Без этого — никак, он же своего владельца еще и защищает. Хотя если подумать, кто тут кого использует, — это спорный вопрос, полагаю, душу свою этот дурак уже просрал. Ладно, тебе оно ни к чему. Идем уже.

Он пробрался через кусты до того места, где начиналась одна из многочисленных плиточных дорожек, которых на любом кладбище не счесть, зачем — то поклонился ей, попутно прошептав фразу, в которой я ни слова не разобрал, а после направился по ней туда, где размахивали мокрыми ветвями деревья, охранявшие могилы от солнца и мирской суеты.

Уверенность оперативника отчасти передалась мне, выгнав из души поселившийся там было липкий страх. Я вообще труса никогда не праздновал, научившись еще в детстве загонять это чувство как можно глубже, но одно дело помахать кулаками или объяснить отцу, почему столько «гусей» нахватал в школе, и совсем другое — иметь дело с мертвыми. Тут привычка нужна.

Павел бодро топал по дорожкам, поглядывая по сторонам и что — то насвистывая. Он, похоже, на самом деле знал, куда следует идти, и это окончательно меня успокоило. Настолько, что я даже не вздрогнул, когда дорогу нам преградили несколько призраков, выглядящих, надо признать, довольно импозантно. Да — да, именно так. Не жутковато, а импозантно. Внешний вид одного навевал мысли о девятнадцатом веке, когда в моде были вицмундиры с позументами, второй о временах гражданской войны, где уместными являлись кожанка и кепка со звездой, а третий напоминал обычного чиновника из министерства.

— Стоять! — рявкнул обладатель кожаной куртки и шаровар с лампасами. — Кто такие? Как звать?

— Ага, сейчас возьму и разоткровенничаюсь, — сплюнул призраку под ноги Павел. — Свали с дороги, нежить, нет у тебя над нами власти, мы пришли в ваш дом без злого умысла. И сразу, для понимания — не к тебе пришли, а к вашему Хозяину, ясно? Потому мы оба пока под его защитой, ровно до той поры, пока не скажет

обратного. Тронешь меня — жди беды, отправишься червей пасти под землю лет на двести.

— Слушай, а я читал, что призраки первыми с людьми не заговаривают, — сказал я Михееву.

— Те, что приходят в твой дом — нет, — объяснил мне он. — А этим на условности плевать, они тут в своем праве. И вообще — помалкивай, мы же договаривались. Ну а ты, комиссар, веди нас к кладбищенскому дереву, причем короткой дорогой. И нечего красным светиться, ясно? Меня этой иллюминацией не напугаешь.

Дерево, которое за сегодняшней вечер уже несколько раз упомянули, оказалось довольно неприглядным. Старое, без листьев, с облезшей корой, оно вызывало чувство жалости.

— Это, по сути своей, алтарь, — пояснил мне Михеев, доставая из пакета массивный сверток, от которого пахло сырым мясом. — Упрощенное понятие, разумеется, но лучше слова не подберешь. С пустыми руками в гости не ходят, хозяина дома надо чем — то порадовать. В данном случае лучшее подношение — свежий фарш.

— Фарш? — уже не знаю в какой раз за этот день удивился я.

— Ну да. — Павел развернул бумагу и плюхнул красновато — бурую массу на плоскую часть ствола дерева, которая внешне более всего напоминала эдакий импровизированный поднос. — Местный Хозяин не только умершими повелевает, у него и живые слуги есть. Вон, кстати, кое — кто из них и пожаловал.

Кот. Здоровенный серый котище! Усы в разные стороны, хвост трубой, только что сапог не хватает.

Он ловко взобрался по стволу дерева, попробовал фарш, глянул на нас с Михеевым, соскочил на дорожку и посеменял по ней, время от времени оглядываясь.

— Пошли, нас ждут, — отрывисто произнес оперативник. — Теперь или грудь в крестах, или голова в кустах, обратной дороги все равно нет.

— Звучит оптимистично, — внутри снова все заходило ходуном.

— Никогда не ври себе, — посоветовал Павел. — Другим можно, себе — нет. Потому что обмануть себя — это как белый флаг выкинуть, то есть сдать. А если человек сдался, он, считай, умер, даже в том случае, если формально он пока жив. Все, цыц. Молчи,

пока я сам тебя о чем — то не спрошу, ясно? И не вздумай бежать, даже если очень страшно станет. Побегал — умер, без вариантов.

Хорошо, что предупредил. Не скажу, что я бы сразу задал стрекача, увидев того, кого называют Хранителем Кладбища, но мыслишки такие появиться могли. Больно уж жутко он выглядел! Я вроде всякого уже повидал — и призраков, и непонятную тварь, жившую в перстне, и разную нечисть, но это... Нет, ничего подобного я даже представить себе не мог.

Черная огромная фигура, казалось, сплетенная из мрака ночи, с накинутым на голову глухим капюшоном, из — под которого время от времени посверкивают красные звезды — глаза. Но не это пугало.

Атмосфера смерти и безысходности, исходящая от него — вот что было на самом деле страшно. Казалось, Хозяин Кладбища забрал себе весь свет, что есть на земле и в небесах, и утро теперь никогда не наступит.

Антуража добавляли и десятки призраков, стоящих рядом с ним.

— Люди. — Голос у Хозяина был не менее жуткий, чем облик. Глухой, рокочущий, такой, будто он из — под земли вещает. — Я вас не ждал. Особенно тебя, судный дьяк. Ладно этот юноша, он может не знать, что живым нечего делать среди мертвых в ночной час. Но ты?

— Иногда живым приходится идти на поклон к мертвым, — не стал тянуть с ответом Павел. — Так случается. Мы пришли не к слугам твоим, Хозяин. Мы пришли к тебе, с поклоном и просьбой.

Слова Михеева не разошлись с делом, он поклонился умруну в пояс, я повторил его движение.

— Я люблю смирение, — пророкотал великан в черном. — Я люблю покорность. Говори.

Он опустил в массивное кресло, которое спешно поднесли ему несколько душ. За спиной Хозяина кладбища багрово светилась разрытая могила с огромной покосившейся гранитной плитой и шумели высоченные липы.

Не его ли это могила?

— Просьба наша, повелитель, проста... — бойко начал было Михеев, но Хозяин взмахом руки остановил его речи.

— Помолчи, дьяк, — велел он. — Пусть говорит твой спутник.

И палец умруна с длинным кривым когтем указал на меня.

Глава 19

Вообще — то я за словом в карман никогда не лез, но в данный момент замешкался с ответом. Не оттого, что нечего было сказать, а оттого, что непонятно, с чего начать. Сразу с правды? Как бы этот жуткий дядька не обиделся на такую прагматичность. С восхвалений образа загробной жизни — умрун может подумать, что я к нему подлизываюсь, или, того хуже, решит сделать мне подарок в виде скоропостижной гибели.

— Что ты молчишь, юнак? — прогудел повелитель мертвых. — Ты нем? От рождения, или же тебе язык за какую провинность отрезали?

«Юнак», слово — то какое. Как видно, это лояльная форма слова «мальчишка».

— Просто не знаю, как правильно поступить, — решил открыть карты я. — Переходить прямо к делу неудобно, а пустую болтовню вы, похоже, не жалуете.

Хозяин кладбища засмеялся, и у меня по спине потекли капельки пота, очень уж жуткими были эти звуки. Не имелось в них ничего человеческого.

— Переходи прямо к делу, — отсмеявшись, разрешил мне он. — Что тебе нужно в моих владениях?

— Украшение. Если точнее — подвеска работы девятнадцатого века.

— Так. — Когти умруна стукнули о подлокотник кресла. — То есть ты пришел ко мне за моим же добром? Однако это неразумно, юнак. Что мое — то мое, и ничьим больше оно быть не может.

— Да я на саму подвеску и не претендую, — стараясь, чтобы голос не выдал волнения, возразил ему я. — Лежит она тут — и пусть дальше лежит. Мне нужно отпустить сущность, что в ней живет, такое уж у меня предназначение, такая судьба, против них не попрешь. Мне самому не в радость это все, но раз Великий Полоз мне отмерил эту долю — приходится крутиться.

— Полоз, значит, — проворчал умрун и снова выбил когтями дробь по подлокотнику кресла. — Ты сам его видел? Давно?

— Да нет, — отозвался я. — В начале лета. Там все случайно получилось, но раз уж так вышло — надо выполнять то, что на мои

плечи взвалили. Не за страх выполнять, за совесть.

— Юлишь немного, но это ничего, такова человеческая природа, ее не изменишь, — задумчиво произнес Хозяин кладбища. — Значит, ты служишь Полозу. Хम्म...

Он задумался, призраки за его спиной застыли как статуи, боясь даже пошевелиться, да и мы с Михеевым тоже не двигались, отдав себя на съедение жадным до крови кладбищенским комарам.

— Вот что, дьяк, — только минут через пять тяжело промолвил умрун. — Иди — ка ты отсюда подобру — поздорову. Не желаю я тебя далее лицезреть.

— Мы пришли вместе, и уйдем вместе, — насупился Михеев. — Я отвечаю за этого человека.

— Ничего с ним не случится, — хлопнул ладонью по подлокотнику повелитель мертвых. — Даю тебе свое слово. Или ты мне не веришь, дьяк?

— Верю, — произнес Павел. — Верю. Но я тоже дал слово...

— И ты его исполнишь. — В голосе умруна послышались раскаты близкой грозы. — Сказано — сегодня этот молодец уйдет из моих владений живым. А вот ты, если станешь упорствовать, вовсе можешь больше белого света не увидеть. Не зли меня понапрасну!

— Иди, — прошептал я, дернув оперативника за рукав. — Не спорь, не будь дураком. Сам же знаешь — он не человек, не солжет.

— Буду ждать тебя у входа на кладбище, — недовольно пробурчал Михеев. — Час. Потом пойду искать.

Умрун снова расхохотался. Надо же, какой весельчак. А говорили — мрачный и злой. Правда, от этого веселья у меня мороз по коже идет.

Павел ушел, умрун же встал с кресла и подошел ко мне, обдав запахом тления, сушеных трав, и еще чего — то неуловимо — знакомого.

— Старые боги. — Он беззвучно, огромной черной тенью обошел меня по кругу. — Давненько я не видел никого из их слуг, давненько. А вот скажи мне, Хранитель кладов, не упоминал ли твой хозяин о некоей богине, что спала тысячелетия, а тут вдруг проснулась?

— Упоминал, — не стал скрывать я. — И даже имя назвал. Как же ее... Морена... Нет. Морана! Точно — Морана.

— Морана, — повторил умрун. — Повелительница белых ветров и черных теней. Значит, знамения не соврали. Хммм...

Он повернулся и неторопливо отправился к разверстой мерцающей могиле, обошел ее по кругу пару раз, после по непонятной причине отвесил подзатыльник одному из призраков, отчего тот превратился в синеватые лохмотья, разлетевшиеся в стороны, а после вернулся обратно ко мне.

— Ты получишь то, зачем пришел. — Тон у повелителя мертвых приобрел деловые нотки. — Вещь останется здесь, я никогда и никому не отдам ничего, что принадлежит мне или моим подданным, но то, что в ней живет — твое. Забери сию душу себе или отпусти — мне безразлично. Но!

— Но? — на автомате повторил я, и умруну это не понравилось, красные точки глаз недобро сверкнули под капюшоном.

— Ты скажешь Полозу, что отныне за ним долг передо мной имеется, — закончил фразу Хозяин.

— Нет, — ощущая, как внутри все сжимается от невероятного нервного напряжения, выдавил из себя я. — Это невозможно.

— Невозможно? — Капюшон приблизился к моему лицу, и я понял, что такое, когда в лицо тебе смотрит Смерть. Теперь без всяких шуток можно говорить, что я видел все. — Для меня не существует такого слова.

— Не сомневаюсь, — заверил его я, ощущая, как заветный рублевик раскаляется в кармане джинсов. — А для меня оно очень даже существует. Я не могу давать обещания за того, кто старше, сильнее и умнее меня. У меня просто нет на это права. Да и не будет оно иметь силы, понимаете? Полоз просто рассмеется, про это услышав, вот и все. Ну и меня убьет, ясное дело, чтобы зря языком не молол. Клыками кусанет, или попросту задушит.

Змейки на моей груди шевельнулись, и как будто ласково ее погладили. Им, как видно, понравилось то, что я сказал.

— Твоя правда, юнак. — Умрун сделал пару шагов назад. — Тогда порешим вот как. Ты просто расскажешь ему как было дело, от начала до конца. Ну а долг это или не долг, мы сами после решим, коли случай такой выпадет. Без тебя, недоросля.

— Это запросто, — весело протараторил я. — Исполню все, как вами сказано!

— Куда ты денешься, — проурчал Хозяин Кладбища. — Тот, кто меня обманет, горя хлебнет сильно много. И вот еще что, человек. Может случиться так, что мне понадобится твоя помощь. Ты откликнешься на мой зов?

— Смотря какая помощь, — покачал головой я. — Убивать для тебя не стану, не обессудь.

С чего я сошел с этим существом на «ты» — не знаю. Оно как — то само произошло.

— Убивать и без тебя есть кому, — хохотнул умрун. — Ты можешь слышать то, что говорят некоторые вещи, это дар, который мне неподвластен. А иногда такое умение бывает не лишним.

— Позовешь — приду, — твердо заявил я. — Слово!

А почему нет? Тем более что из всех существ Ночи, которых я до сегодняшнего дня встретил, этот, пожалуй, самый впечатляющий. Хороший союзник. Полезный.

Опять же — в его владения вурдалакам доступа нет, а это серьезный аргумент. Очень уж они нестабильные товарищи. Непредсказуемые. Сегодня у нас дружба, а завтра — кто знает?

— Я не назову тебя своим другом, это право надо заслужить. — Умрун сел в свое кресло, когтистые лапы снова уместились на подлокотниках. — Я не сделаю тебя гостем своего кладбища, ты этого тоже пока недостойн. Но я дарю тебе право приходить сюда тогда, когда ты этого пожелаешь. Но помни — я не люблю, когда мне докучают.

— Без нужды не появлюсь, — заверил я его. — Так что насчет подвески?

— Ах да, — мотнул капюшоном повелитель мертвых. — Кто из моих подданных тебе нужен? Кому она принадлежит?

— Это женщина, — тут же откликнулся я и полез в карман. — Людмила Анатольевна Гончаренко, похоронена два года назад. Тут вот у меня номер участка, ряд и место написаны.

К умруну подпорхнул один из призраков, начав что — то нашептывать ему в капюшон.

— Самоубийца? — недовольно прогудел тот мгновение спустя. — Ну у тебя и выбор, Хранитель. Ладно уж, раз обещано — увидишься с ней. Слуги, освободите ее и доставьте сюда.

— Освободите? — заинтересовался я. — Откуда?

— Ты правда хочешь это знать, человек? — уточнил умрун.

— Пожалуй, нет.

— Верное решение, — одобрил мой выбор Хозяин. — Но, чтобы ты понимал, самоубийц в моих владениях ничего хорошего не ждет. Это конечный пункт судьбы для тех, кто после своей смерти не отправился в небесные дали и остался здесь, на земле. И каждому из них воздастся то, что он заслужил, кто — то обретет покой, а кто — то заслуженное возмездие. Жизнь — великий дар, который человек получает лишь раз, и отказ от него есть самая большая ошибка, что можно совершить.

— Странно это слышать от того, кто служит Смерти, — не удержался от реплики я.

— Смерть и Жизнь — две стороны одной монеты, глупец, — назидательно произнес Хозяин кладбища. — Кстати, ваши предки это понимали куда лучше, потому самоубийцы никогда не попадали за кладбищенскую ограду, находя последний приют перед ней. Глупые люди считали, что так общество порицает того, кто наложил на себя руки, а умные понимали, что это последняя милость для того, кто покинул мир по своей слабости или скудоумию.

— Что — то такое слышал, — подтвердил я. — Или читал?

— Слышал, читал... — проворчал умрун. — Это азы бытия, их знать надо, Хранитель кладов. Знать! А особенно тебе. Чай, с кладками самоубийц еще не сталкивался? То — то и видно. Стерегись их, юнак, стерегись. Лучше на крови заложенное добро примучать, чем с самоубийцей, сидящим на злате, дело иметь.

У меня мигом возникли десятки вопросов, но задать я их не успел, поскольку увидел ту, к кому я сюда и пришел.

От той красивой женщины, которую я пару раз встречал в своей прошлой жизни, в этом призраке почти ничего не было. Призрачная плоть, не скрывающая того, что настоящая когда — то прогорела до кости, провалившийся нос, лохмотья когда — то красивых светлых волос. Однако, нелегко госпожа Гончаренко умирала, ох нелегко!

Это зачем же она так себя? Хотя — особо гадать не приходится. Вон виновница произошедшего, она ее в руке держит. Вот тоже интересно — рука призрачная, а подвеска настоящая, чего же она не падает?

— Она? — уточнил умрун. — Если да — делай что должен, и пусть она сызнова отправляется туда, откуда еще век носу не должна казаться.

— Это такая мука, — прошелестела тень женщины. — Если бы я знала...

— Надо было там думать! — рявкнул Хозяин кладбища. — Прежде чем делать! А ты, юнак, мотай на ус, каково тем, кто себя жизни лишил, за дверями бытия приходится!

— Поневоле намотаешь, — пробормотал я, подходя к Гончаренко поближе. — Хочешь не хочешь.

Подвеска молчала, ничего не говорила. Странно, ее предшественники начинали гомонить задолго до того, как я брал их в руки, а эта ни звука не издает. Может, дело в том, что мы на кладбище? Может, могильная земля все экранирует?

Или вообще все было зря, и это не та вещь, что мне нужна? Такая вероятность имелась с самого начала.

Я накрыл подвеску ладонью, и облегченно вздохнул — та, наконец, проснулась.

«Хранитель, ты хочешь меня отпустить? Какое счастье! Я так устала, я больше не хочу терять своих хозяек одну за другой».

«Так это не ты их заставляешь гореть в огне?» — удивившись, спросил ее мысленно, зная, что меня услышат.

«Они уходят сами, это их выбор, но отчего — то всегда одинаково, как та, ради которой меня создали. Моей вины в том нет, видимо, так хочет великая насмешница Судьба. Так ты отпустишь меня?».

«Иди, — разрешил ей я. — Добрый путь!».

Светлое облако, чем — то похожее на сотни маленьких бабочек, окутало как меня, так и призрак, что так и стоял рядом. Подобно колокольчику прозвенел беспечный девичий смех, полыхнула яркая вспышка, — и вот снова на меня обрушилась кладбищенская темнота.

Но — только на меня. Гончаренко рядом не было. Подвеска на земле валялась, а призрака и след простыл.

Все — таки какой бардак с этими ювелирными гостями из прошлого! Совершенно невозможно предугадать, что от них ждать. С предыдущим перстнем вроде как все просто получилось в плане его поисков, а по факту я чуть в ящик не сыграл. А тут — пока до этой подвески добрался, все нервы сжег, а она только хвостиком вильнула и ушла в свое синее море. Ни тебе стресса, ни тебе битвы.

Вот только как бы мне новых проблем из — за этой беглянки от посмертного правосудия не занять.

— Сплошные убытки от тебя, Хранитель! — рыкнул умрун. — Я лишился подданной по твоей милости. Улизнула она под шумок! Хитра, хитра!

Надо, наверное, что — то сказать, но — нечего. Признавать вину нельзя, этот красавец сразу на меня долг повесит, извиняться по той же причине не стоит. Лучше отмолчаться, это наименее затратный вариант.

— Ну ушла и ушла, — внезапно успокоился повелитель мертвых. — Туда ей и дорога. Мне меньше хлопот, через сто лет не придется ей новое наказание назначать.

Я поднял с земли подвеску, сделал несколько шагов вперед, и протянул ее Хозяину кладбища.

— Вот, держи. Возвращаю, как договаривались.

Тот на мгновение замер, а после снова расхохотался.

— Ох, Хранитель кладов, чую, тяжело тебе жить будет, — сквозь смех прогудел он. — Ты дела пытаешься по чести вести, и от других того же ждешь. А она нынче товар неходовой, мало кому нужный.

— Зато кулак всегда в цене. — Я подбросил подвеску на ладони. — На сдачу тем, кому что — то не нравится, всегда могу тумачков отвесить.

— Ну если так, то конечно, — не без иронии произнес Хозяин кладбища. — Себе эту побрякушку оставь. На память. И — не забудь про обещания, что дал. Я, знаешь ли, тоже люблю дела вести по чести. Впрочем, и на тумачки, как ты понял, не скуплюсь. Эй вы, двое! Проводите Хранителя кладов до выхода.

Я, вспомнив начало разговора, отвесил умруну поясной поклон и направился за парочкой призраков, наряженных в костюмы комедии дель арте, если точнее — Панталоне и Труффальдино. Почему, отчего — поди знай. Может, они актерами были и прямо на сцене померли? Читал я про такой старый обычай, еще дореволюционный, хоронить актеров в тех костюмах, которые принесли им самую большую славу.

Мы уже почти вышли на аллею, когда меня остановил окрик Хозяина кладбища.

— Хранитель, еще один совет. — Его голос плыл над мокрой травой как река, окутывая туманом темные неизвестные могилы. — Не

рассказывай человеку, кто пришел сюда с тобой, о нашем договоре. Ему не стоит знать о том, что мне интересны судьбы старых богов. Думаю, он о чем — то таком догадался, но ты все одно помалкивай.

— Услышал, — кивнул я. — Он ничего не узнает.

— И вообще — не верь судным дьякам. Ни одному из них не верь. И держись от них подальше, подольше проживешь.

— Даже так? — склонил голову к плечу я.

— Для нас существует хорошо и плохо, какой бы из сил мы ни служили. У нас есть друзья и враги, те, ради кого мы умрем и ради кого мы убьем. А у них — только закон, служение ему есть суть жизни судных дьяков. Они не предают и не лгут в глаза, в этом никто их не упрекнет, но и всей правды никогда не говорят. Ты узнаешь от них ровно столько, сколько нужно им, а не тебе, потому что разменной монете лишние знания ни к чему. А если вдруг встанет вопрос, что выбрать — свершившееся правосудие или твою жизнь, они всегда выберут первое. Поверь, я сейчас дал тебе хороший совет.

— Не сомневаюсь, — снова поклонился я. — И очень за него признателен.

Я не соврал своему новому знакомому, поскольку и в самом деле не собирался откровенничать с Михеевым. Само собой, что слова умруна надо делить на три, тут без вариантов. Он не любит тех, кого называет судными дьяками, как, впрочем, и все остальные представители мира Ночи, по крайней мере, те, с которыми я свел знакомство. Да оно и понятно, кто любит надзорные органы, как бы они ни назывались? Опять же — у меня пока нет причин испытывать неприязнь к Отделу 15—К, поскольку никакого вреда тот мне не принес, напротив, кроме помощи я ничего от них не видел. Просто я вообще ни с кем никогда откровенничать не люблю, особенно на тему того, кому и что было мной обещано. Любая сделка хороша только тогда, когда ее полные и окончательные условия известны лишь двум сторонам. Следовательно, Михееву совершенно незачем знать, о чем мы с Хозяином кладбища договорились, это наше внутреннее дело, и он в нем лишний. Равно как кому — то другому ни к чему подробности моих договоренностей с Отделом.

Павел, который ждал меня у выхода, после пары вопросов, на которые я уклончиво ответил, само собой, понял, что я ему правду

говорить не желаю, но обиженное лицо делать не стал и вообще не показал вида, что ему неприятно такое мое поведение.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — изрек он, когда мы забрались в его машину. — Надеюсь, эта ночная прогулка тебе со временем не аукнется.

— Хотелось бы верить, — зевнув, согласился с ним я. — Слушай, подбрось хотя бы до центра, а? Туда такси быстрее подадут. Или «частника» поймаю.

— Я тебя хотел до дома подбросить вообще — то, — с ехидцей произнес оперативник. — Но если ты настаиваешь...

— Вези, — сразу согласился я. — Сил, если честно, не осталось вообще.

— А у нас так каждый день, — назидательно произнес Павел. — Горим на работе, Валера, горим! И все для того, чтобы любимый город мог спать спокойно.

— Спать! — мечтательно промычал я. — Спать! Какое сладкое слово!

Все — таки насыщенность жизни определяется тем, как быстро ты засыпаешь, добравшись до кровати. Если бытие никчемно и пусто — человек ворочается, толкает подушку локтями, ходит на кухню пить воду. Если же ты наворачиваешь жизнь полной ложкой, то засыпаешь еще до того, как голова на эту самую подушку опустится. И фиг тебя разбудишь после этого.

Впрочем, если только будящий не будет чрезмерно настойчив, и не зажмет клавишу дверного звонка пальцем. Как, например, Стелла, которая за каким — то лешим снова ко мне приперлась. Причем не с пустыми руками, при ней обнаружили ростовой одежный чехол на молнии и маленький бумажный пакет, из которого приятно пахло едой.

— Чего надо? — спросил я у нее, зевая. — Утро на дворе, женщина. Имей совесть!

— Какое утро, Швецов? — повертела она пальцем у виска. — Пять часов, скоро вечер! Тебе меньше надо общаться с вурдалачьим племенем, ты уже совсем как они стал. Днем спишь, ночью где — то шляешься.

— Чего сразу «где — то»? — возмутился я и прошлепал на кухню, где припал к носику чайника, вливая в себя воду. — Уффф, хорошо. Я,

мон анж, делами занимался. Нашими делами, отдельно замечу. А это у тебя что? Это мне? Завтрак?

— Это? — она показала мне бумажный пакет. — Нет, не тебе.

Ведьма стукнула носком черной лакированной туфельки в дверцу, которая закрывала пространство под раковиной.

— Эй, борода, открывай, я тебе подарок принесла. Давай мириться.

Дверца скрипнула, оттуда показалось лицо Анисия Фомича.

— Мы и не ссорились, ведьма. И ничего мне от тебя не надо!

— Даже вот этого дивного печева не желаешь? — присев на корточки, показала она подъездному пакет. — Свежего, ароматного, только — только приготовленного!

— Спасибо, конечно, но за хозяйку в доме сем я тебя все одно не приму, так и знай. — Анисий Фомич цапнул тару со снедью лапой, свирепо зыркнул на Воронежскую и захлопнул дверь.

— Да не очень — то и хотелось, — серебристо рассмеялась Стелла. — Главное — не мешай.

«Бу! Бу — бу — бубу — бу!» — раздалось из — под раковины. То ли он чего ей пообещал, то ли, наоборот, отказал в просьбе — не поймешь.

— А вот это — тебе, — показала мне ведьма одежный чехол. — Ну — ка...

Я зевнул, потрепал ее по щеке, вытянул из пачки, лежащей на столе, сигарету и отправился на балкон. Натощак курить вредно, но есть совершенно не хотелось.

Само собой, уже через минуту Стелла там нарисовалась, причем на ладони у нее лежала подвеска, которую я нынче ночью с таким трудом добыл и по приходе домой бросил на кухонный стол.

— Ты сделал это! — ткнула она мне под нос ее. — Сделал! И опять, скотина такая, мне ничего не сказал!

— А зачем? — меланхолично осведомился у нее я. — Ты что, со мной на кладбище пошла бы, в гости к тамошнему Хозяину?

— Нет! — сразу же ответила ведьма. — Ни за какие коврижки! Для такой, как я, это почти наверняка билет в один конец.

— Ну вот, — выпустил колечко дыма я. — И чего мне тогда тебя дергать?

— Отдел помог? — жадно спросила Стелла. — Да? Да! Ну и куда ты без меня, Швецов? Это моя идея была, моя! Сделать любой может,

а вот придумать — далеко не каждый.

— Вот ведь, — протянул я. — Как мне вообще удалось до таких лет без твоих советов дотянуть?

— Понятия не имею, — без тени иронии произнесла Воронецкая. — Слушай, а Хозяин кладбища реально страшный донельзя? Мне кое — что про них подруга рассказывала, она раз умруна издалека видела. Не поверишь — чуть не писалась со страху только от одних воспоминаний.

Я будто снова увидел черную высоченную фигуру, красные огоньки глаз под капюшоном, сияющую багровым светом разверстую могилу за его спиной. Подругу Стеллы можно понять, это и в самом деле не самая светлая страница в книге моей жизни.

— Страшный, — коротко ответил я ведьме. — Но умный. И на этом все, больше ничего не расскажу, не проси.

— Ну и не надо. — Та подбросила подвеску на ладони. — Так себе поделка, с перстнем не сравнить. Вот там есть мощь, чувствуется скрытое в нем время, а это ширпотреб какой — то.

— Руки фу. — Я забрал у нее украшение. — Не нравится — не трогай. И вообще — вещь хозяина любит.

Я вернулся в комнату, положил подвеску на столик и снова бухнулся в кровать.

— Ты чего разлегся? — Ведьма, разумеется, на балконе не осталась. — Валера, я тебе русским языком говорю — уже пять дня! Нам назначено на семь вечера, так что времени в обрез! Пока ты побреешься, пока соберешься, пока мы во всех пробках отстоим! Вставай уже!

Ведьма была чудо как хороша сейчас, со своими упертыми в бока руками, со сверкающими почти неподдельным гневом глазами и с железной уверенностью в том, что на этом свете все случится так, как захочет она.

— Отвали, моя черешня, — пробурчал я, поворачиваясь к стене. — Сказано же — никуда я не поеду.

— Поедешь. — Меня затрясли за плечо, пару раз ущипнули, а после поцеловали в щеку, прильнув всем телом к моей спине. — Валера, нельзя не ехать! Маму обидишь, а она у тебя чудо что за женщина! Она тебя очень — очень любит, уж ты мне поверь. Она, между прочим, какие — то хот — доги тебе аж из Америки заказала,

из Нью — Йорка. Вообще это секретная тайна, и я дала слово ее не раскрывать, но если надо пойти на этот грех, чтобы достучаться до твоей совести, то, наверное, можно это сделать.

Хот — доги из Нью — Йорка. Надо же, мама помнит, как я тогда, на Манхеттене, шесть штук в один присест умял, так они мне понравились. И потом я еще несколько раз ее туда таскал, хоть она и не одобряла мое увлечение подобной едой. Но хот — доги там были и вправду чумовые, надо признать. Это у нас они просто булка с сосиской, а в Штатах хот — дог — это нечто большее, с чем их только ни делают.

Я как — то раз туда с Юлькой чуть не махнул только для того, чтобы еще раз их поест, было такое. Но не получилось, моя приятельница сломала ногу, а без нее лететь было не то.

— Слушай, а тебе это все зачем? — Я повернулся к Стелле, осознавая, что она таки добилась своего. Та, в свою очередь, похоже, все немедленно поняла, и тут же трогательно пристроила мне голову на плечо. — Серьезно? Вот — зачем?

— Не знаю. — Воронежская провела ноготком по моей щеке. — Я хоть и ведьма, но женщина, не всегда могу сказать, зачем что делаю. Валер, давай уже, померь костюм. По всему, должен быть в самый раз, но мало ли? Я его все — таки почти час выбирала!

— Костюм? — я кинул взгляд на одежный чехол. — Да ты шутишь!

— Извини, но мы идем к твоей маме вместе. — В голосе ведьмы брякнула сталь. — И выглядеть должны так, чтобы она радовалась, глядя на нас. А те тряпки, что висят в твоём шкафу — это, прости, такое... Ну ты понял.

Что примечательно — в чехле, на дне, еще и деньги обнаружили, несколько плотных массивных блоков крупных купюр, стянутых резинками.

— Совсем забыла, — щелкнула пальцами Воронежская. — Сделка прошла, и, на мой взгляд, расторговались мы довольно успешно. Свою долю я уже изъяла, это все твое.

Ого. Это сколько же здесь? На глазок — приличная сумма. Настолько, что страшновато ее в квартире оставлять.

А костюм и вправду хорош. Я такой в последний раз на себя надевал лет семь назад, когда праздновали юбилей отца. Нам с ним их тогда на заказ шили в Англии, в Лондоне. Как же это ателье на Олд

Бирлингтон называлось? Нет, не помню уже. Мама данным вопросом занималась, потому и не помню.

— Ну вот. — Стелла поправила булавку на галстук, взяла меня под руку и подвела к зеркалу, встроенному в шкаф. — Теперь мы рядом смотримся. И хорошо смотримся. Я довольна. И вот еще что, милый — где тот перстень? Ну что принадлежал Валуа? Думаю, он прекрасно дополнит общую картину. Марина Леонидовна женщина утонченная и, как мне думается, отлично разбирающаяся в подобных вещичках. Полагаю, ей будет приятно увидеть, что у сына дела идут...

— Молодец. — Я хлопнул взвизгнувшую от неожиданности ведьму по заднице. — Чуть не забыл!

— Дурак! — потеряла мягкое место Стелла. — Что за манеры!

Я взял смартфон, нашел номер Ростогцева и нажал вызов.

— Князь, — сразу же после того, как тот снял трубку, произнес я. — Мое почтение. Приз ваш, вы можете истребовать его с меня в любое время.

— Отлично, — одобрил мои слова вурдалак. — Думаю, тянуть мы не станем. Позвоню.

После я, не глядя на недовольное лицо Стеллы, которая то и дело косилась на часы, еще и письма разослал, с уведомлением о том, что тендер по подвеске закрыт.

— Время. — Воронежская топнула ножкой. — Валера! Мы уже опаздываем!

— Не шуми, — попросил ее я. — И вообще — в туалет сходи, чтобы потом по дороге не проситься. Знаю я вас!

Ведьма на секунду задумалась, а потом ее каблучки бойко процокали в указанном направлении. Вот тоже, кстати — почему она обувь никогда не снимает, входя в дом? Будто у меня тапок нет в прихожей!

Я посмотрел ей вслед, подумал немного, скинул пиджак и достал из шкафа наплечную кобуру, в которую уже был вложен парабеллум. Я его вчера так и не вынул оттуда, когда с кладбища вернулся.

Зачем я его взял? Не знаю. Вроде бы и в отчий дом еду, где бояться нечего в принципе, но... Пусть будет.

Правда, пиджак там теперь не снимешь. Если мама эту красоту увидит, то просто вопросами я не отделаюсь.

Но мои испытания на этом не закончились. Рядом с подъездом я увидел машину, на которой приехала Стелла. Новенькую спортивную машину с открытым верхом.

— Не моя, — сразу сообщила ведьма. — Взяла у приятельницы покататься, такая машинка сегодня для меня самое то. День прекрасный, я невероятно красива, ты, благодаря выбранному мной костюму, критериям более — менее соответствуешь, хочу ловить завистливые взгляды со всех сторон. Садись за руль.

— И не подумаю, — твердо заявил я.

— Садись, — велела Воронецкая, обматывая голову пестрой косынкой, как видно для того, чтобы волосы не растрепались, а после надевая противосолнечные очки. — Валера, где твое самоуважение? Ты осознаешь, как смешно будешь смотреться в обратном случае? Вернее — кем будешь смотреться? За кого тебя примут?

— А тебя?

— Я девочка, причем очень красивая, — невозмутимо заявила Стелла. — И мужчины обязаны положить к моим ногам весь мир. Это их долг. Твой долг!

— Нет. — Я достал смартфон. — Ничего, на такси доедем.

— Валера, если ты не победишь свои страхи, они съедят тебя, — очень тихо и очень серьезно сообщила мне ведьма. — Я знаю, что тогда случилось, и понимаю тебя. Но мир вокруг тебя снова ожил и меняется. Если ты не станешь двигаться, то отстанешь, причем навсегда.

— У меня прав нет.

— Зато деньги есть, — бодро отозвалась ведьма. — И потом — кто станет тормозить подобную тачку, да еще с такими номерами? Особенно если ты ничего не станешь нарушать?

Она оказалась права. Мы относительно благополучно добрались до дома мамы, хотя пару раз я, что скрывать, почти запаниковал. Особенно когда нам пришлось двигаться по набережной. Пусть другой, не той, но... Этот парапёт, вода, плещущая волной, мосты — все очень сильно резануло память, так, что в глазах потемнело, как тогда.

— Ну вот. — Стелла дождалась, когда я открою ей дверь, и, взявшись за мою руку, покинула автомобиль. — А ты говоришь —

«нет». Вон как быстро доехали. О, знакомые все лица. Привет, подружка!

Я сначала не понял, кому это помахала Стелла. Тут — то у нее откуда знакомые взялись? А потом увидел, о ком идет речь.

Юлька. Это была Юлька, одетая в незамысловатый спортивный костюм. Уж не знаю, какой черт занес ее к дому моих родителей, но так случилось. Может, она бегать начала?

— А ты тоже приглашена сегодня вечером к Марине Леонидовне? — прощebetала Воронежская. — Если да — то странный выбор наряда. Хотя это и загородный дом, а не ресторан, но все же званый ужин. Надо было как — то...

Такой злости во взгляде я у своей подруги детства никогда не видел. Вообще. И еще — впервые в жизни последнее слово осталось не за Юлькой. Она просто повернулась к нам спиной и пошла прочь.

— Юль, — крикнул я ей, но та только прибавила шаг. — Юль, да погоди ты!

Даже не обернулась. В принципе можно на это плюнуть, но на душе отчего — то стало пакостно.

— Что опять не так? — глянула на меня Стелла. — На этот раз я вроде себе ничего такого не позволила. Неадекватная у тебя приятельница, Швецов. Неадекватная и невоспитанная. Так, куда ты намылился? А кто вино будет из багажника доставать? Тоже, между прочим, на заказ привезенное! Бери — и пошли. И так почти опоздали.

Глава 20

Странное все же чувства вызывает возвращение в родной дом после стольких лет отсутствия. Пусть добровольного — но отсутствия. Нет, формально это дача, дом — он там, в Москве, но времени в свое время я тут провел немало. Летом, когда мама наконец — то оставляла меня в покое со своими иностранными музеями и всем таким, вовсе отсюда не вылезал. Так что — дом, дом, как ни крути...

Вот только отчего — то своим я его больше не ощущал. То ли отвык, то ли еще что, не знаю уж, но чувства воссоединения, некоей душевной близости, которое, наверное, должно было возникнуть, не ощутил.

Вида, правда, не подал, не хотел расстраивать маму. Она так обрадовалась нашему приезду, что подобное было бы редкостным свинством с моей стороны. Я и так не сильно красиво выгляжу, с учетом того, что почти с ней не вижусь. Ну да, звоню, разумеется, время от времени, но что мамам эти редкие звонки их детей? Им их видеть надо, и желательно почаще.

Потому я улыбался, поддерживал разговор, изображал восторг, когда на и без того заставленном едой столе появились пресловутые хот — доги с Манхеттена, а после притворное недовольство, когда в ход пошли альбомы с детскими фотографиями.

— Швецов, ты и тогда был слишком серьезный, — заявила Стелла, ткнув пальцем в фото, где шестилетний я стоял с игрушечным автоматом. — Так нельзя!

— Почему? — возразила ей мама. — Вот он улыбается, и вот! Это последний звонок в школе. Смотри, какой он тут веселый!

— Не обижайтесь, Марина Леонидовна, но мне кажется, что он тут не веселый, а пьяненький, — хихикнула ведьма, а после показала на Юльку, которую я обнимал на этом фото за плечи. — О, а вот эту девушку я знаю! Мы ее на улице встретили. Нелюдимая какая — то.

— Это Юля, — пояснила мама, бросив на меня быстрый взгляд. — Они с Валерой дружат с детства. Она часто ко мне в гости заходит, почти каждую неделю.

— Молодец. — Стелла склонила голову к плечу, глядя на фото. — Прямо умница.

Надо же. Не знал. Хотя — что я вообще знаю о том, как живут мои родители последние годы?

— Раньше наши семьи дружили, но потом это все как — то сошло на нет, — пояснила мама. — Так случается. Но Юля все равно меня не забывает.

— Еще раз — молодец, — повторила ведьма и демонстративно ткнула меня локтем в бок. — Не то что некоторые. Но ничего, Марина Леонидовна, мы теперь за этого бирюка возьмемся, верно? Две женщины — это сила, не устоять ему перед нами!

— Не думаю, что моего сына получится переделать, — возразила ей мама. — Он такой, какой есть, и другим не станет. Меня это устраивает, пусть даже я в данном случае оказалась в определенном проигрыше. Но зато он живет своим умом и своим трудом.

Стелла, которая по тону немедленно поняла, что направление в беседе двинулось не в ту сторону, тут же перелистнула страницу альбома и умилилась очередной фотографией, на которой мы с мамой были сфотографированы на фоне Лувра, а после начала обстоятельно излагать, чем хороши неоимпрессионисты, и как ей нравятся работы Поля Синьяка.

Вот откуда она узнала, что это конек моей мамы? Я ей про это точно не говорил. И ведь явно же готовилась, ишь как французскими фамилиями сыплет.

И вот что еще интересно — кое — каких фотографий в альбоме не хватает. И в этом, и в других. Нет в них ни одного снимка, где я вместе с отцом. То ли их мама от греха на время изъела, то ли папаша еще тогда в распыл пустил. Но последнее — вряд ли, подобное даже звучит как чушь. Он не экзальтированная барышня, такой ерундой заниматься точно не станет. Точно мамина работа, убрала она все раздражители, не хочет вечер портить.

Тем временем разговор вновь сменил вектор, и мама осторожно начала «прокачивать» мою спутницу, задавая внешне нейтральные вопросы и внимательно слушая ее ответы. И все бы ничего, но вот только они, несомненно, сравнивались с той информацией, которую ей предоставил начальник службы безопасности отцовской компании. Уверен, что запрос на Стеллу мама ему отправила еще в тот вечер, когда я из клиники Вагнера сбежал. Ну а насколько быстро работает Константин Константинович и его служба, я знаю отлично.

— Люблю все красивое! — щебетала Стелла. — Потому вопросов о том, какой бизнес открывать, у меня не возникало.

— Вот так просто взяла и открыла? — удивлялась мама. — А деньги? Это же дорогое удовольствие, с учетом площади твоего салона и его местоположения! Не всякий банк даст такой кредит!

Выкручивайся, милая. И запомни — если моя мама выглядит как божья птаха, это не значит, что она такова на самом деле. У иных художниц встречается воистину бульдожья хватка, особенно если у них родители в прошлом были связаны с военной разведкой и муж в бизнесе с девяностых. В российском бизнесе, что немаловажно.

— Деньги, — горько усмехнулась Стелла. — Деньги — они такие деньги. Все тогда продала — и фамильные ценности, и машину, и квартиру заложила. Пан или пропал, как говорится.

Если в досье про это написано — хорошо. Если ничего про это нет — уже завтра безопасники отца будут землю носом рыть. И коли данная информация не подтвердится — ты побывала в этом доме в последний раз, госпожа Воронежская. Чего мама не терпит, так это лжи.

А еще она и наказать врушку может, особенно если та пытается наложить лапу на ее сына. Моя мама — она, на самом деле, очень добрая. Но в ряде моментов — совершенно беспощадная. Помню я давнюю историю с якобы сгоревшим домом двоюродной сестры отца. Та его осаждала, выпрашивая деньги на новое жилье, правда, отчего — то в столице, а не в родном для нее Нечерноземье. Как результат — на самом деле непонятно по какой причине сгоревший дом, и родня, которая в Москву даже нос не сует по сей день.

— Но получилось же? — мягко произнесла мама. — Ты молодец. Ты сильная.

— Только иногда так хочется стать слабой. — Стелла взялась за мой локоть, а после прильнула к плечу щекой. — Просто женщиной.

Мне очень захотелось прижать ладони к груди и выдохнуть: «Woow». Да и вообще — все это здорово, разумеется, но мне данное шоу порядком надоело. Это игры девочек, мальчикам в них делать нечего.

Домой хочу. Чайку с подъездным попить, может, даже телевизор посмотреть. Отпуск почти закончился, а я никаких радостей отдыха не вкусил. Беготня, драки, змеи, мертвецы, вурдалаки, ночные кошмары — все было. А отдыха так и не увидел.

Потому я даже обрадовался, когда в кармане пиджака завибрировал смартфон. Не знаю, кто звонит, но это мой билет на волю, и, прости уж меня, мама, я его использую.

— Хранитель, мое почтение, — деловито сообщил мне князь. — Пришло время исполнять договор.

Я глянул на маму и Стеллу, изобразил виноватую улыбку, и вышел из комнаты.

— Скоренько. Но долг есть долг, так что извольте, ваше сиятельство, — ответил Ростогцеву я. — Где, когда?

— Сегодня, — коротко ответил вурдалак. — Сейчас. Машину за тобой уже отправил.

— Зря прокатятся ребята, — не знаю отчего, но мне вдруг стало хорошо. Может, оттого что замаячила новая авантюра? Если так, то дело неладно, это признаки того, что я подсел на адреналиновую иглу, а подобное всегда заканчивается скверно, мне ли не знать. — Я в гостях, кушаю разносолы и веду застольные беседы. Сейчас сброшу координаты, откуда меня забрать.

На секунду я засомневался, насколько верно я поступаю, давая этому кровососу адрес родителей, а после вспомнил, что он все одно им навредить не сможет. Покон есть Покон. Да и потом — уверен, что у них этот адрес и так есть. Пронырливые ребята эти вурдалаки, любят знать больше, чем следует.

— Прими мои извинения, Хранитель, но, как ты сам сказал, долг есть долг, — произнес Ростогцев. — В качестве компенсации могу пообещать тебе хороший поздний ужин после того, как дело будет закончено.

— А не откажусь, — ответил я. — При условии, разумеется, что мне не придется выступать на нем в качестве основного блюда.

— Недурная шутка, — рассмеялся князь. — Клянусь своей тростью — недурная. Нет, Хранитель, мы с тобой отведаем хорошо зажаренных молочных поросят. Как ты насчет свининки? Уважаешь?

— Если с горчицей или хреном — то более чем, — в тон ему ответил я, рассудив, что пора, пожалуй, и с ним переходить на «ты». — Лови координаты, ваше сиятельство. И позвони, когда твои люди подъедут. Да, сразу вопрос — я так понимаю, что искомое где — то недалеко от Москвы закопано? На дворе совсем уже вечер, а у нас в планах вроде как еще и ужин значится?

— Недалеко, недалеко, — успокоил меня князь. — Собственно, прямо в ней. В Останкино.

— Да ладно, — не поверил я. — Там же все перерыто — перекопано! «Гознак», телебашня, все такое. Откуда там чему взяться?

— Парк, — коротко ответил вурдалак. — Ты про него забыл.

— Закрытая территория, — с сомнением протянул я. — Кто нас туда пустит вечерней порой, с лопатами, да еще и рыть разрешит?

Сказал, и понял, что глупость сморозил. У семьи Ростогцева там резиденция, кто им что скажет? Наверняка все схвачено на всех уровнях.

— То не твоя печаль, — осек меня князь. — Формальности беру на себя. Главное, сделай то, что должен.

— То, что в моих силах, — поправил его я. — Таков договор.

— Думаю, данный клад тебе окажется по плечу. До встречи!

Перед тем как вернуться в комнату я, как обещал, скинул координаты князю, а после изобразил перед зеркалом смущенную улыбку, сочтя ее вполне естественной. Не уверен, что Стелла мне поверит, но, ради правды, ее эмоции меня не волновали совершенно. Да и с чего бы? Ну а брать ее с собой я не собирался. Нечего ей там делать.

— Увы, увy, но я должен вас покинуть, любезные дамы, — вздохнув, развел руки в стороны я. — Дела призывают.

— Какие это дела? — насторожилась Стелла. — В субботу вечером?

— Неотложные и важные. — Я подошел к опечалившейся маме, встал на одно колено рядом с ее креслом и взял ее руку в свою. — Ну извини, вот такой у тебя сын непоседа. Но я еще приеду. Правда. Вон со Стеллой и приеду, если ты не против.

— Еще через год, — печально произнесла мама. — Или через два. И только тогда, когда отца не будет дома.

— Да, — подтвердил я. — Когда его не будет дома. Это не обсуждается.

— Упрямство, возведенное в принцип — беда, — иезуитски заметила Стелла. — Бьюсь над ним, бьюсь — все без толку.

— Если ты не можешь переделать мужчину, меняйся сама, — не поворачивая головы, бросила мама. — Или оставь его для другой женщины, той, что окажется мудрее и сильнее.

Извини, Воронежская, но ты в пролете. Этот тон мне прекрасно известен.

— Пойдем, перед отъездом ты кое — что должен увидеть, — попросила меня мама, вставая с кресла. — Давай, давай.

Что именно она имела в виду, я понял не сразу, но когда мы спустились по внутренней лестнице в гараж, удивлению моему не было предела.

— Он же был в хлам? — произнес я, глядя на серебристый «Волант», стоящий у левой стены, на моем обычном месте. Ну когда — то моем. — Восстановлению не подлежал.

Может, это не мой? Может, отец забавы ради новый купил?

Я перегнулся через дверцу машины и открыл перчаточный ящик. Как бы тогда нас с ним не размотало, с ящиком ничего случиться не могло. И с надписью «В+Ю», которую в хлам пьяная Юлька там нацарапала пилкой для ногтей после одной из вечеринок в «Лондоне», соответственно, тоже. Я тогда, помнится, ее чуть не прибил, а она только хихикала, и мне язык показывала.

Проведя ладонью по левой стенке, я нащупал кривые буквы.

Это мой «Астон Мартин». Мой!

— Славная машинка, — заметила Стелла. — Не новая, но славная. И цвет салона симпатичный. Сколько лошадок?

— Пятьсот семнадцать, только мне еще... — на автомате ответил я, после оборвал фразу на полуслове, и глянул на маму. — Но как? Зачем?

— А ты подумай, сын, — посоветовала она мне. — Подумай, и, может, поймешь, зачем отец в ремонт именно этой машины столько времени и денег вбухал, хотя ему было проще новую купить. Или вообще никакую не покупать, потому что не для кого.

— Он же тогда ее в переплавку отправил? Я сам видел, как увозили то, что от «малыша» осталось после... После случившегося. А он еще орал, что и меня в ту же печку засунуть надо, дескать, мир тогда получит шанс на то, чтобы уцелеть.

— Глаза есть? — уточнила у меня мама. — Ты все видишь. А если есть мозги, то, может, что — то и поймешь.

Пискнул смартфон, уведомив меня о том, что люди князя уже стоят у ворот дома. Как они шустро, а? Однако надо идти, пока охрана не

начала выяснять, кто это тут запарковался. Не дай бог клыки увидят или красные глаза.

И хорошо, что надо идти, потому что очень много сумбура в голове возникло. И разбираться в нем сейчас я не желаю.

— Мозги есть, — буркнул я. — И на память, мам, я тоже не жалею. Ладно, еще раз мои извинения, но я побежал. Нет — нет, Стелла, ты оставайся, с мамой поболтай, торта покушай. Всё. Люблю, целую, Валера!

Само собой, в машине обнаружился Данила, который презрительно сморщился, глянув на мой внешний вид, но благоразумно ничего не сказал. И правильно, ибо я сейчас сильно не в духе. Не люблю себя в моменты душевного раздора.

Вот зачем сюда поехал? Для чего ковырнул то, что давным — давно затянулось? Еще и Юльку расстроил тем, что она меня со Стеллой снова увидела. И разозлил. Вон она даже ни одной СМСки не написала, никаких тебе «ненавижу» и «видеть не желаю» нет. Значит, плохо дело.

ТЬфу! Скорей бы на работу выйти, на самом деле, к моим кумушкам с их маленькими радостями и горестями. Опять же — август на носу, скоро в архиве запахнет яблоками, которые сотрудницы станут привозить корзинами с дач. Тишина, покой, благолепие.

На территорию парка нас на самом деле пустили, причем без каких — либо вопросов и взмахов руки. Мы проскочили через главные аллеи, миновали усадьбу, оставили справа блестящую под луной Каменку и остановились где — то в районе новой оранжереи. Ну по моим прикидкам, разумеется. Я тут бывал, и не раз, но сказать, что свободно ориентируюсь в местных маршрутных хитросплетениях, все же нельзя.

— Рад видеть, — поприветствовал меня князь, выходя из тени раскидистого дерева, его сопровождали несколько крепких вурдалаков. Мало того — он дружелюбно помахал мне черной тростью с серебряным набалдашником. — Экий ты сегодня франт, Валера!

Данила, вылезавший с водительского места, тут же что — то очень негромко сказал тому нашему спутнику, что сидел рядом с ним, после чего оба засмеялись.

— Люблю остряков, — задушевно сообщил я Ростогцеву. — Этих ребят и слушать весело, и убивать приятно.

— Вижу, не нравится тебе Данила, — хлопнул меня по плечу тот. — Сильно не нравится. Но что поделаешь — он служит мне, и если ты попробуешь его упокоить, то я сочту это актом агрессии против моей семьи. Последствия осознаешь?

— А если я за него виру заплачу? До или после умерщвления — неважно. Хорошая такая вира, в виде чугунка, доверху набитого серебряными монетами семнадцатого века. Думаю, если их выставить на аукционы, то неплохой куш сорвать можно. Слугу вы себе нового сотворите, велика ли проблема при налаженной технологии воспроизводства, а вот чугунка в случае отказа уже не будет, поскольку предложение разовое.

Князь задумался, причем без малейшего притворства, Данила же, который, похоже, неплохо знал своего покровителя, резко перестал улыбаться и очень нехорошо глянул на меня.

— Ладно, не ссы, солдат. — Я подошел к нему и дружески приобнял. — Живи пока, если можно так выразиться. Без тебя мне будет скучно, на кого я зуб точить стану? Опять же — пока у тебя есть враг, жизнь не лишена смысла.

— Дорого ты мне обходишься, Данила. — Князь цыкнул зубом. — То от полиции тебя отмазывай, то выпьешь не того, кого следует, а теперь и вовсе большой барыш из рук уплыл.

— Хорошая шутка, мастер, — криво улыбнулся вурдалак.

— Какие там шутки? — отмахнулся Ростогцев. — Не до шуток уже. Чую, скоро стану делать организационные выводы в отношении тебя.

— Меня позовите на резюмирующую часть, — попросил я его. — С удовольствием ее послушаю. А если повезет — то и посмотрю.

— А ты злопамятен, Хранитель, — благожелательно сообщил мне князь. — Это по — нашему. Из тебя хороший вурдалак получился бы.

— Мне и на своем месте неплохо. — Мне не понравилось направление, на которое сошла беседа, и я решил ее прекратить. — Ладно, это все лирика. Что за клад, где лежит? Будем по всей территории бегать, или есть какие — то метки для его обнаружения?

— С точностью до метра, — показал мне клыки Ростогцев. — Пошли, покажу.

— Даже так. — У меня шевельнулись в душе нехорошие подозрения. — Если вам известно, где он, чего же до сих его не взяли?

— Грустно признавать, но руки коротки, — отозвался князь, довольно быстро зашагавший по узенькой брусчатой дорожке, его трость размеренно постукивала по камням. — Знать — знаем, а добраться не можем, вот такая беда. Но теперь у нас есть ты, так что все должно замечательно получиться.

— Я не у вас, я сам по себе.

— Ершистый ты, Валерий. Прямо порох, а не человек, — заметил князь. — Но это ничего, это со временем пройдет. При условии, что это время у тебя будет. Нет — нет, не вскидывайся, никаких намеков, просто жизнь человеческая хрупка и непредсказуема, а если человек этот живет в тених, как ты теперь, то вдвойне. Ты еще очень мало знаешь о том мире, который теперь стал твоим, Хранитель. Ты только — только приоткрыл завесу, не более того. Не все здесь, в Ночи, живут разумом, среди местных обитателей есть и те, кем правят инстинкты. Они даже не поймут, кому именно свернули шею, вот какая штука. И за что их потом убили, тоже не осознают.

— Приободрили, — поежился я. — Умеете.

— Сказал правду, — усмехнулся вурдалак. — А она редко бывает радостной или приятной. Но наш мир лучше, чем тот, в котором ты обитал раньше. Он честнее. Если на тебя напали — ты можешь защищаться, причем любыми способами. Ну а дальше, как судьба и опыт управят, — либо ты, либо тебя. И закон тут один для всех, нет у нас неприкосновенных.

А в этом что — то есть. Нет, правда. Прав вурдалак — так ведь честно выходит. Справедливо. Вот только если какая — то дикая тварь из дикого города мне шею свернет, много ли радости от той справедливости будет?

— Пришли, — буднично сообщил мне Ростогцев, остановившись на краю аллеи, а после тростью указал на раскидистый вяз, одиноко стоящий неподалеку от нас. — Клад лежит между корней вон того дерева. Иди и возьми его для меня. Лопату!

Мускулистый парень протянул мне «фискарзовский» инструмент.

— Э, нет. — Я огладил себя ладонями. — Нынче влажно, а костюм у меня дорогой. Имейте совесть! Пусть этот крепыш лопатой помашет, а все остальное — за мной. И все — таки — что это за клад? Кем положен, почему вам не дается?

— Тебе какая разница? — не выдержал один из спутников Ростогцева. — Вон вяз, там лежит сокровище, что еще — то? Иди, делай свою работу.

Я даже отвечать ничего не стал, просто стоял и смотрел на князя.

— Старое золото, — наконец ответил он. — Старое. Века четыре ему, не меньше. Положили его с заговором от лихого, жадного да случайного человека, а после в список еще и нежить с нечистью добавили, потому и не забрал его никто до сих пор. А как? Хоть всю землю вокруг этого вяза перерой, все равно шиш что выкопаешь. Он в руки дастся либо наследникам того, кто его положил в сыру землю, либо тому, кто талант особый имеет. То есть — тебе.

— Тонко придумано, — признал я, раздумывая, сколько в сказанном вурдалаком правды содержится. — Ладно, пошли поглядим на ваше старое золото. Ну, что ты встал, родной? Лопату в клыки — и за мной.

Что приятно — клад оказался не из молчунов. Более того — он так рывкнул басом фразу «Пришел наконец — то!», что я даже подпрыгнул, чем немало удивил топающего за мной кровососа.

— Правду говорят — ты на всю голову ушибленный, — проворчал тот.

— Есть такое, — не стал спорить я. — А теперь — помолчи.

Вурдалак выполнил мою команду, а я тихонько произнес про себя:

— Пришел!

— Заждались уж! — возмущенно сообщил мне клад. — Кой годок тут сидим!

— Это Степанида виновата, — влез в беседу сварливый старушечий голос. — Жадна была да торовата, вот мы по ее милости здесь бедуем!

— А Степанида — она кто? — уточнил я.

— Хозяйка наша, — как бы поражаясь моей тупости произнес бас. — Кто ж еще? Ведунья она была, ага. Вы с ней, конечно, не родня, то я чувю, но оно не беда, все одно ты в своем праве. Давай, отпушай нас и владей ее добром. Только сразу совет дам — остерегись, парень, остерегись. Тут вот обручье есть, и перстень, и венец головной, так они...

— Нишкни, — велела старуха. — То не наша печаль, а его. Раз берет — значит, так и надо. А там как Мокошь управит!

Спасибо, что предупредили, я теперь свою долю монетами возьму. И камнями, если такие есть. А с проклятыми вещичками пусть Ростогцев разбирается, тем более что его и не жалко.

Где именно лежит клад, я понял сразу. Там, где почти над землей переплелись два могучих корня вяза, стояло такое сияние, что при нем читать можно было.

— Копай, — показал я на это место вурдалаку. — Только поаккуратнее, землю не разбрасывай особо. И не уродуй ты так верхний слой! Подруби корни травы аккуратно, и прямо куском снимай. После обратно сверху уложим.

— Раз такой умный — сам рой! — не выдержал парень. — Вот, держи лопату!

— Поговори еще, — пригрозил ему я. — Тебя мне в помощь придали — вот и помогай. Копай, говорю!

Ну а чего с ним церемониться? Пехота — она и есть пехота.

В какой — то момент штык лопаты скрежетнул по металлу, а чуть позже изрядно перемазанный землей вурдалак выволок из ямы довольно вместительный сундучок.

— Тяжелый, — сообщил он мне. — Уф!

— Вот и хорошо, — бодро ответил я. — Вам же лучше, надолго хватит. Передохнул? Закапывай яму обратно. Не так же ее оставлять?

— Убить бы тебя, — мечтательно произнес парень. — Жалко, нельзя. Князь запретил.

— Потому что умный челов... — Я запнулся. Так Ростогцева ну никак нельзя было назвать. — Умный он. Потому и князь! Закапывай, закапывай. Этику кладоискателя не просто так придумали, она для нас, как для вас Покон.

Странно, но замка на сундучке не имелось. Как видно, Степанида верила в силу своего заговора, и, ради правды, не зря. Вон четыре сотни лет пролежало добро, и никто его не взял, хоть и лежало на самом виду.

И еще — я никого не увидел. В смысле — не было хроники событий, сопутствующих судьбе клада.

Странно это. Может, дело в том, что его спрятал не разбойник и не купец, а ведунья? Вернее — ведьма, чего лакировать действительность.

— Давай ужо! — потребовал бас. — Чего медлишь?

— Истомились, — подтвердила старушка. — Охти мне!

Я откинул крышку, с удовлетворением убедился в том, что помимо украшений, тускло посверкивающих негранеными камнями, внутри имеется изрядное количество разнокалиберных золотых и серебряных монет, и произнес вслух:

— Вы свободны. Идите туда, куда пожелаете, я вас отпускаю.

Старушка радостно взвизгнула, вокруг моей головы крутанулась ярко вспыхнувшая искра, которая секундой позже исчезла в густой листве.

— Остерегись, парень, — напоследок крикнул мне ее сосед по сундуку. — Остерегись...

Он закладывать петли не стал, рядом с ухом что — то свистнуло, шевельнулись ветви вяза, и наступила тишина, только знай чмокала сырая земля, отправляясь обратно в яму.

— Ну и славно. — Я захлопнул крышку сундука. — Так, приятель, мне пора, а ты, как зароешь яму — приходи. Я тебе на память пару монет из своей доли подарю.

— Да пошел ты, — проворчал грязный как свинья вурдалак. — Тьфу!

Сказано — сделано, я подхватил сундучок и неторопливо пошел к так и стоящему в тени деревьев князю. Неторопливо не по причине позерства, а исключительно потому, что груз действительно оказался довольно увесистым. Да еще и грязным, а запачкать пиджак или брюки мне не хотелось. Мне на самом деле понравился этот костюм.

— Сделано. — Я бухнул сундук к ногам Ростогцева. — Вот ваш клад. Я выполнил то, о чем мы договаривались?

— Выполнил, — согласился вурдалак.

— Если несложно, то давай соблюдаем правила, — попросил я его. — Ну со всеми этими вашими деепричастными оборотами. Дескать — уговор выполнен полностью, Луна тому свидетель, и так далее. Хорошо?

— Справедливо, — признал князь. — Я, Михаил Ростогцев, подтверждаю при свидетелях, что...

— Не стоит торопиться, — остановил его женский голос, причем мне лично знакомый.

Марфа. А она тут откуда? Да еще и не одна, а с доброй дюжиной спутниц.

— Хранитель, скажи, тебе в детстве говорили, что брать чужое — плохо? — мягко любопытствовала у меня она. — Или нет?

— Послушай, ты... — возмущился было вурдалак, но верховная ведьма тут же его перебила:

— С тобой потом, Михаил. Потом. Сначала я хочу поговорить с тем, кто отдал тебе наше добро.

«Наше»? Как любопытно.

— Да, Хранитель, наше. Этот клад много веков назад зарыла одна из сильнейших ведьм своего времени, и по праву он должен принадлежать тем, кто ей родня если не по крови, то по духу. А ты сначала его выкапываешь, а после отдаешь в чужие руки. Нехорошо. Право слово — нехорошо. Более того — лично мне это кажется оскорбительным. Святыни ведьм — в руках вурдалаков. Это насмешка над нашим укладом жизни, не сказать хуже. И терпеть подобное отношение и к себе, и к моими сестрам я не стану.

— У вас всё? — полюбопытствовал я. — Отлично. Вы только не обижайтесь, но скажу честно — мне все эти ваши внутренние межвидовые разборки глубоко безразличны. От слова «совершенно». И не надо меня к ним цеплять, хорошо? У меня был...

— Хранитель, не забывайся, — произнес кто — то из ведьм угрожающим тоном.

— Я вашего лидера не перебивал, так что попрошу соответствовать. Так вот — у меня был контракт с господином Ростогцевым. Князь мне помог в одном деле, я пообещал в качестве ответного жеста пособить ему, в разрезе своих специфических способностей. По договору я либо выкапываю клад, на который он мне укажет, либо предлагаю свой. Князь показал на этот. Я его ему доставил. Вот почти и всё. Но!

В этот момент я заметил, что нас под деревьями стало чуть больше. Совсем чуть — чуть, на одну, скажем так, единицу. Но зато какую! Нас почтила своим появлением госпожа Воронежская. Она тяжело дышала и вытирала пот со лба, как видно, очень сюда спешила. Не поела, как видно, она с мамой тортика. Зря. Наша домработница «наполеон» делает совершенно великолепно, и его запах я учуял сразу же после того, как вошел в дом. До сих пор немного жалко, что я его нынче не отведал.

— Но, — повторил я. — Перед тем, как взяться за работу, я задал князю вопрос — что за клад, чей он? Ответ был — ничей. Дескать — как зарыли золото четыреста лет назад, так оно и лежит. Было такое, ваше сиятельство?

— Было, — неохотно подтвердил вурдалак.

— Вот, — поднял я вверх указательный палец правой руки. — И какие ко мне вопросы могут быть? Никаких. Впрочем, даже если бы прозвучало имя той ведьмы, о которой вы, Марфа, ведете речь, для меня ничего не изменилось бы. Я ее знать не знаю, понимаете? Мое дело — добыть клад, я с ним справился, а что да как — разбирайтесь сами. Князь, попрошу закрыть сделку, причем прямо сейчас.

Молчала Марфа, молчала и ее свита. Нехорошо так, угрожающе.

Ростогцев выполнил мою просьбу, после чего одним долгом у меня стало меньше.

— И что дальше? — Марфа сделала шаг вперед. — Михаил, ты же понимаешь, что содержимое этого сундука не может принадлежать тебе.

— Оно уже мое, — сузил глаза вурдалак. — Я его хозяин!

Ведьмы, в том числе и Стелла, подобрались, и я заметил, что у некоторых из них невероятно удлиннились ногти. К ним теперь больше подходило название «когти». Да и вурдалаки тоже время не теряли, изготовившись к драке.

— Мне лично интересно, как это Марфа узнала, что мы тут будем? — вдруг подал голос Данила. — Кто нас сдал, а?

— На меня намекаешь, плесень? — хмыкнул я. — Так мимо выстрел. Я знать не знал, куда мы едем. А Останкино — оно большое.

— Не такое уж и большое, — возразил кто — то из вурдалаков.

— Да блин. — Я поднял руку вверх. — Клянусь Поконом, Луной, всеми богами новыми и старыми, что я никому ничего не говорил, потому как мне это нафиг не надо. Еще вопросы или претензии есть?

— Ты — нет. А вот шлюшка твоя — запросто, — снова подал голос Данила. — Ты же ей все небось рассказываешь.

— За языком следи, — одновременно сказали две ведьмы и я. Забавно получилось.

Скажем прямо — атмосфера сгустилась, было ясно, что если прозвучит еще хоть одно неразумное слово, то драки не миновать.

А мне вдруг стало смешно. Настолько, что я рассмеялся.

— Шапито, — поймав пару удивленных взглядов, объяснил я. — Прямо фильм Тарантино, только пистолетов не хватает. Ладно, как и было сказано это ваши дела, уважаемые, если желаете друг друга уничтожать — валяйте. А лично я дурью маяться с детства не любил, потому пойду, пожалуй, отсюда. Стелла, косынку свою мне дай.

— Что? — вытаращила глаза ведьма.

— Косынку дай, — повторил я. — Ту, что ты на голову вечером повязывала.

Опешившая ведьма достала из сумочки требуемое и подошла ко мне

— По договору я имею право на долю от этого клада, — громко заявил я, забирая из рук Воронежской пестрый кусок ткани. — Не знаю, чем у вас все сегодня закончится, но из уважения к обеим сторонам не стану брать предметы, которые, похоже, и стали камнем преткновения. Возьму только монеты, которые, как известно, являются вещью в себе. Возражения есть? Возражений нет.

Я откинул крышку сундука, расстелил на траве косынку, и стал пересыпать на нее увесистые кругляши.

— Выкупи нужное тебе содержимое, — вдруг предложил князь негромко. — Это нормальный вариант, Марфа. Драка сейчас ни тебе, ни мне ни к чему, тем более неизвестно еще, кто в ней победит. Ты сильна, спора нет, но и я не несмышлениш, верно? Трость мою видишь? Ну вот.

Марфа подала какой — то знак своим спутницам, внимательно слушая Ростогцева, те вынули из — под курток было засунутые туда руки.

— Клад мой по праву, и ты это понимаешь отлично, — продолжал князь. — И по Покону, и по чести. Но мне твои артефакты вообще ни к чему, меня интересуют деньги. Давай все спокойно обсудим, после, как водится, поторгуемся, и каждый останется при своем интересе. Хранитель прав — балаган мы тут с тобой устроили.

— Балаган — не балаган, а если бы не трость, то я бы не отступилась, — проворчала ведьма. — Торг, значит? Будь по — твоему. Я с Абрагимом договорюсь, он выступит гарантом сделки и с оценкой вещей поможет.

— Да, это лучший вариант, — согласился с ней Ростогцев. — Хранитель, не наглей!

— Все уже. — Я показал ему туго набитый узелок. — А вообще я в убытке остался, и ты это понимаешь. Основная ценность не монеты, а предметы, ты с них столько сострижешь дохода — ой — ой — ой. Но я готов забыть о недополученной прибыли, если узнаю, кто же все — таки крыса? Стелла моя, конечно, стерва редкая, но она точно не могла нас сдать, просто в силу того, что ничего не знала. Значит, это был кто — то другой. Кто? Марфа, не желаешь ничего рассказать?

— Знаешь, Хранитель, в другой ситуации я бы послала тебя куда подальше с легким сердцем. И еще наказала за наглость. Не за сегодняшнюю, тем более что ее и не было. За другую, недавнюю. — Уголки губ старой ведьмы приподнялись в полуулыбке, а я понял, что знаю ответ на свой вопрос. — Да и в целом — какое тебе дело до того, что я знаю, что не знаю? Ты — никто, решивший, что он имеет право на что — то. Но этот случай особый, потому что с дураками работать хуже, чем с подлецами. Подлец умеет делать выводы и искать выгоду, он хоть сколько — то умен. А дурак — просто дурак. И дом спалит, и сам сгорит. Да, Данила? Маловато у нас ума? Жадность есть, жажда власти есть, ненависть к своему создателю есть, а ума нет.

— Не могу сказать, что не догадывался, — тяжело промолвил князь Михаил. — Более того — был уверен в своих выводах, но приберегал этого мерзавца для какого —нибудь полезного дела, вроде хорошей и полезной для меня лжи, которую он подаст кому — то как правду. Он ведь не только тебе, Марфа, информацию сливал, но и Арвиду. И, возможно, Шлюндту.

— Просто наверняка, — подтвердила глава ковена. — Этот подобных типов вообще коллекционирует.

— Скажи мне, Валерий, ты все еще хочешь убить Данилу? — поинтересовался у меня Ростогцев. — Если да — пожалуйста, я разрешаю сделать тебе это, причем без виры. Отказываюсь от нее и от обиды на тебя перед ликом Луны. Я очень люблю золото, но за такую погань даже у меня не поднимется рука что — то взять. Правда, я не очень понимаю, как ты сможешь это сделать, нас убить не так — то и легко. Но ты столько раз про это говорил, что придется как — то подтвердить свои слова. Мир в тенях пустомель не любит.

— Вы чего? — взвизгнула Стелла. — Это же убийство! Он сроду вурдалака не завалит! Так нельзя!

— Судьба, знать, его такая, — пожал плечами князь. — Слова были сказаны, так что...

Вурдалаки расступились, и Данила оказался вроде как со всеми — но один. Он молчал, даже не пытаясь оправдаться, как видно понимая, что смысла в этом нет. Но страх на его лицо свою печать не поставил. Такое ощущение, что он был даже рад происходящему. Может, надоело ему жить двойной жизнью, может, предвкушал, как мне кишки на шею наматает.

— А я помогу мальчику. Уровню шансы, а то в самом деле как — то нечестно выходит, — вдруг сказала Марфа и протянула мне невесть откуда извлеченный легкий и острый кинжал. Был он сделан не из металла, а из кости, нечто подобное я видел на выставке работ мастеров Крайнего Севера. — Это оружие создано как раз против таких, как твой противник. Но бей в сердце, Хранитель. Точно в сердце. По — другому тебе этого красавца не прикончить.

Лицо князя скривила секундная гримаса недовольства, и я понял, что он меня, конечно же, убить не дал бы, и в последний момент из рук моего врага вырвал. Побитого, покусанного, возможно, с переломами, но — живого. И долг мой после этого вырос бы многократно. Одно дело — найденная подвеска, другое — спасенная жизнь, уровень услуги разный, и уровень следующей за ней благодарности тоже.

Не исключу тот вариант, что князь изначально что — то подобное планировал, с него станется, вот только жизнь в его планы корректировку внесла в виде Марфы. План сработал, но теперь мой герой — Марфа, она же мне кинжал дала. Нет, у князя шансы остались, ибо его воспитанник силен, быстр и ловок, но делиться славой все равно придется.

Что же до Данилы — сдали они этого дурака. Оба сдали, как ненужный хлам. Стал неуживчивый вурдалак частью несложной комбинации, разыгранной как по нотам двумя хорошими мастерами своего дела. И я на пару с ним.

Говорила мне мама, что надо следить за языком, а я не слушал.

— До сердца еще добаться надо, — оскалился Данила и сделал несколько шагов вперед. — А это сложно!

— Да брось ты, — поморщился я. — В чем тут сложность?

Немецкая машинка снова сработала безотказно, из глаз вурдалака полетели кровавые брызги, и он заорал так, что стало ясно — скоро

здесь будет местная охрана. Вон, даже пара листьев с деревьев упала от его истошного вопля.

А раз так — тянуть не стоит, хоть костюм, конечно, и жалко. Кувырок, руки ослепшего Данилы, который по — прежнему был очень опасен, потому что чуял живую кровь всем своим существом, обхватили воздух над головой, но меня самого не сцапали. Он шанс использовал, причем впустую, я же свой терять не собирался, и потому резко вогнал клинок в его грудь так, как когда — то меня учил дядя Олег, прошедший школу ножевого боя и прочих способов уничтожения себе подобных в немерянном количестве локальных войн, а именно — прямиком под пятое ребро.

Данила застыл, как соляной столп, после дернулся, будто через него ток пропустили, а мгновением позже на землю осыпался черный пепел, которым он стал. Сразу весь, за секунду. Это впечатляло.

— Вот и все, ребята, — произнес я, вставая на ноги. Эх, угваздался все же! Новый ведь совсем костюм!

— А ты более серьезный противник, чем я думала, — невозмутимо заявила Марфа в полной тишине. Надо будет пересмотреть кое — какие позиции.

— Хорошая штука. Я убрал пистолет в кобуру, а после крутанул в пальцах нож. Может, махнемся, госпожа ведьма?

И я указал острием на пухлый узелок, который почему — то оказался в руках облегченно вздохавшей Стеллы. Вот когда она его успела прихватить?

— Щедрое предложение, но нет, — отказалась глава ковена и протянула руку, в которую я вложил костяной артефакт. При этом я готова при необходимости сдавать его тебе, скажем так, в аренду. О цене договоримся, не сомневайся.

— И то хлеб. — Я повернулся к князю. Ваша светлость, что — то мне подсказывает, что с хрюшкой нынче не сложится. Слишком уж насыщенный вечер получился, какая теперь еда?

— Да уж. Ростогцев глянул на кучку пепла. Перенесем, пожалуй, ужин на другой вечер.

— Так тому и быть. Я подошел к Стелле. Ты на машине?

— Ага, — кивнула та, хлопая глазами.

— Ну и славно. — Я потрепал ее по щеке. Тогда поехали, пожалуй. Больно хлопотный вечер выдался, устал я что — то.

— Может, лучше такси вызовем? — неуверенно предложила ведьма, все же глянув на Марфу и получив от нее благосклонный кивок. Не поверишь, но я вся на нервах, в таком состоянии лучше за руль не садиться.

— Бывает. Только это неважно, машину все равно поведу я.

— Уверен? — очень серьезно посмотрела мне в глаза Стелла.

— Предельно, — ответил я. Можешь не сомневаться.

Конец второй книги